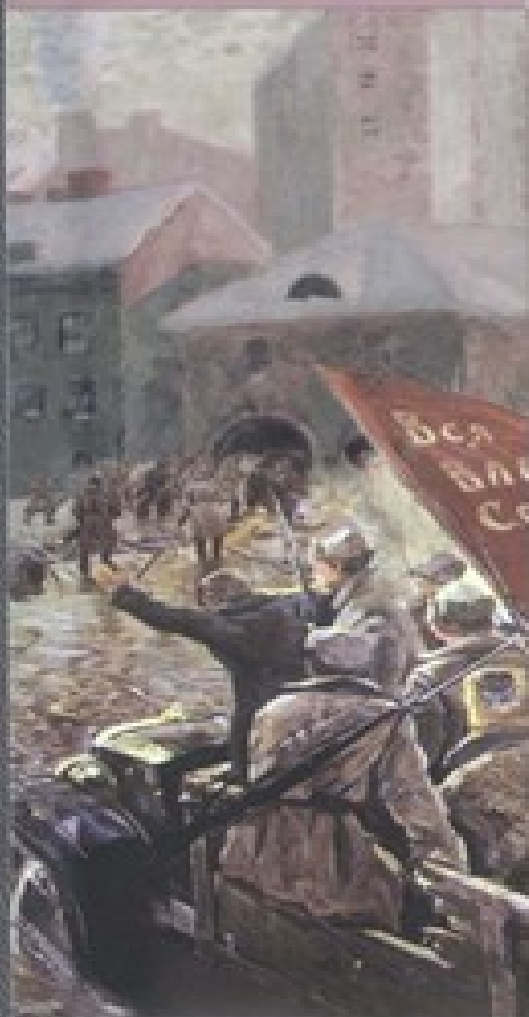

ВАСИЛИЙ ШУЛЬГИН

Святослав
Рыбас

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Василий Шульгин вошел в историю как фигура крайне противоречивая. И вместе с тем это был типичный представитель русской имперской элиты начала XX века. Будучи убежденным монархистом и националистом, он принял активное участие в попытках либерализации государственного управления, которые закончились заговором против царя и крушением империи. Шульгин принимал отречение от престола Николая II, входил в группу руководителей Февральской революции, участвовал в организации белогвардейского сопротивления Октябрьской революции, был членом правительств генералов Деникина и Врангеля, создал разветвленную разведывательную организацию, руководил редакциями газет, был ярким публицистом и писателем. Автор книг «Дни», «1920 год», «Три столицы», «Что нам в них не нравится. Об антисемитизме в России» и др. В декабре 1944 года был арестован в Югославии армейской контрразведкой Смерш, осужден на 25 лет заключения за антисоветскую деятельность. После амнистии в 1956 году занимался литературной деятельностью, стал героем знаменитого фильма «Перед судом истории», консультировал ученых, деятелей культуры, литераторов — Александра Солженицына, Николая Яковлева, Марка Касвинова, Дмитрия Жукова, Николая Лисового, Илью Глазунова, Сергея Колосова, Фридриха Эрмлера, Андрея Смирнова и др.

Святослав Рыбас рассматривает жизненный путь Шульгина на фоне кризисных явлений российского исторического процесса, что делает эту книгу завершающей в ряду его работ — «Столыпин», «Генерал

Кутепов», «Сталин», «Громыко», опубликованных в серии «Жизнь замечательных людей».

знак информационной продукции 16+

- [С. Ю. Рыбас](#)
 - [СОН АВТОРА, ИЛИ РАЗГОВОР С ГЕРОЕМ ЭТОЙ КНИГИ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Глава двадцать седьмая](#)
 - [Глава двадцать восьмая](#)

- [Глава двадцать девятая](#)
- [Глава тридцатая](#)
- [Глава тридцать первая](#)
- [Глава тридцать вторая](#)
- [Глава тридцать третья](#)
- [Глава тридцать четвертая](#)
- [Глава тридцать пятая](#)
- [Глава тридцать шестая](#)
- [Глава тридцать седьмая](#)
- [Глава тридцать восьмая](#)
- [ХРАНИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ, ИЛИ ПОКАЯНИЕ ШУЛЬГИНА](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. В. ШУЛЬГИНА](#)
- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [Слова благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)

- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)

- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)

- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)

- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)

- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)

- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)

- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)

- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)

- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)

- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)

- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)

- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)

- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)

- [523](#)
 - [524](#)
 - [525](#)
 - [526](#)
 - [527](#)
 - [528](#)
 - [529](#)
 - [530](#)
 - [531](#)
 - [532](#)
 - [533](#)
 - [534](#)
 - [535](#)
 - [536](#)
 - [537](#)
 - [538](#)
 - [539](#)
 - [540](#)
 - [541](#)
 - [542](#)
 - [543](#)
 - [544](#)
 - [545](#)
 - [546](#)
 - [547](#)
 - [548](#)
 - [549](#)
 - [550](#)
 - [551](#)
 - [552](#)
-

С. Ю. Рыбас

**Василий Шульгин: судьба
русского националиста**

СОН АВТОРА, ИЛИ РАЗГОВОР С ГЕРОЕМ ЭТОЙ КНИГИ

Д. М. Губин

2 марта 1917 года. Глубокая ночь. Салон-вагон императорского поезда на станции Псков. За окнами синий свет фонарей, рельсы, часовые, тишина, покой. Невозможно поверить, что земная ось сдвинулась.

Главкомандующий русской армией царь Николай II только что подписал отречение от престола. Внешне он совершенно спокоен. У него серое от усталости лицо. Среди нескольких присутствующих — депутат Государственной думы Шульгин...

Прошло два месяца. Долгожданная свобода разлилась по стране.

«Это звучное славное слово стало синонимом самых ужасных насилий...

Один полк был застигнут праздником Святой Пасхи на походе. Солдаты потребовали, чтобы им было устроено разговение, даны яйца и куличи. Ротные и полковой комитет бросились по деревням искать яйца и муку, но в разоренном войной Полесье ничего не нашли. Тогда солдаты постановили расстрелять командира полка за недостаточную к ним заботливость. Командира полка поставили у дерева, и целая рота явилась его расстреливать. Он стоял на коленях перед солдатами, клялся и божился, что он употребил все усилия, чтобы достать разговение, и ценою страшного унижения и жестоких оскорблений выторговал себе жизнь»^[1].

Почему все это произошло?

Я долго раздумывал, с какой стороны братья за работу, перечитал и прочитал массу книг, встречался со знавшими Шульгина людьми, но — ничего не рождалось. Потом вдруг увидел во сне Шульгина, и тогда стало складываться. Вот наш разговор, каким он мне запомнился.

С. Р. Василий Витальевич, как вышло, что вы, монархист и националист, содействовали краху Российской империи и распаду Советского Союза? В первом случае вы, депутат Государственной думы, и Александр Иванович Гучков, председатель Центрального военно-промышленного комитета и, бесспорно, патриот, приняли отречение от престола

императора Николая Александровича Романова. Во втором случае уже в годы советской власти консультировали писателя Александра Солженицына, автора многих сочинений, которые были идеологическим антисоветским тараном, и немало других интеллигентов, приезжавших к вам.

В. Ш. Все было, как вы говорите. Хотел ли я краха Российской империи? Нет, не хотел. Я хотел избавить ее от политического кризиса и спасти жизнь царя. Он пошел на жертву, чтобы не допустить крушения России. Он любил ее сильнее собственной жизни. Но жертва монарха не отвела трагедии. И я не спас его. Царя и всю его семью убили... Поэтому я не могу принять вашей точки зрения. Я часто слышал это обвинение, оно несправедливо... И антисоветчиков я не консультировал. Я действительно рассказывал многим советским интеллигентам о подлинных исторических событиях, в которых вообще все были виноваты. СССР не мог рухнуть ни от моих рассказов, ни от сочинений Солженицына. Это крушение, может быть, имеет многовековые корни. В конце концов все революции заканчиваются.

С. Р. А если бы царь не захотел отречься и приказал бы вас с Гучковым арестовать? Или если бы вы и другие монархисты поддерживали его? Был бы шанс? Ведь смута тогда полыхала только в Петрограде, а Россия и армия оставались спокойными.

В. Ш. Наверное, шанс был. Но слишком многое было против нас. Очень многое... Потом я постоянно чувствовал боль, будто меня обмотали колючей проволокой и каждое напоминание об отречении режет этой проволокой мое тело...

С. Р. Вы писали, что царь не был «человеком власти», что он был «рожден на ступенях трона, а не для трона». Может быть, все дело в нем?

В. Ш. И в нем тоже. Вы сами знаете это. Вы ведь автор книг о людях, которые были участниками тех роковых событий. Вашими историческими собеседниками были Столыпин и генерал Кутепов. Я знал их лично... В вашей биографии Сталина приведен поразительный, страшный факт, когда ему сообщают, что немцы идут в атаку и гонят перед собой, как щит, русских людей... Что сделал Сталин? Напомните...

Я напомнил.

21 сентября 1941 года Сталиным была продиктована телеграмма Г. К. Жукову, А. А. Жданову, А. А. Кузнецову, В. Н. Меркулову. Она предельно обнажает и жестокость момента, и решимость Сталина идти до конца.

«Говорят, что немецкие мерзавцы, идя на Ленинград, посылают впереди своих войск стариков, старух, женщин и детей, делегатов от занятых ими районов, с просьбой к большевикам сдать ЛЕНИНГРАД и установить мир. Говорят, что среди ленинградских большевиков нашлись люди, которые не считают возможным применить оружие к такого рода делегатам. Я считаю, что если такие люди имеются среди большевиков, то их надо уничтожить в первую очередь, ибо они опаснее немецких фашистов. Мой совет: не сентиментальничать, а бить врага и его пособников, вольных или невольных, по зубам. Война неумолима, и она приносит поражение в первую очередь тем, кто проявил слабость и допустил колебания. Если кто-то в наших рядах допустит колебания, тот будет основным виновником падения Ленинграда. Бейте вовсю по немцам и по их делегатам, кто бы они ни были, косите врагов, все равно — являются ли они вольными или невольными врагами. Никакой пощады ни немецким мерзавцам, ни их делегатам, кто бы они ни были. Просьба довести до сведения командиров и комиссаров дивизий и полков, а

также до Военного совета Балтийского Флота и командиров и комиссаров кораблей. И. Сталин»^[2].

Приведя этот документ в моей книге («Сталин», ЖЗЛ), я написал: «Ни полслова о сострадании. Документ принадлежит великому политику».

В. Ш. Я тоже в феврале 1917 года думал о пулеметах. Да, против были русские люди. И я русский... Но если бы мы расстреляли несколько тысяч, то спасли бы миллионы и миллионы людей... Царь не смог на это пойти... В противоположность ему Николай I решился картечью подавить бунт на Сенатской площади... а вот Николай II не решился... *(После долгого молчания.)* Я всегда считал Ленина и Сталина своими врагами. Но не они разбудили зверя...

С. Р. Да, свергали царя свои, имперская верхушка — генералы, депутаты, банкиры, промышленники, интеллигенты. Вы из этого круга. Не могли же вы нацелить пулеметы на себя?

В. Ш. Заговор против царя был, мне предлагали в нем участвовать. Я отказался... Но это, разумеется, не оправдание...

С. Р. Я хочу написать вашу биографию.

В. Ш. Зачем? Она давно написана, посмотрите мои книги... Вы рискуете повторить неудачный опыт советских кинорежиссеров Эрмлера и Владимирова, которые под патронажем Комитета государственной безопасности сняли фильм с моим участием «Перед судом истории». Они хотели показать последнего динозавра империи, бывшего белогвардейца, который на фоне достижений Советского Союза должен признать свое историческое поражение. Да, я проиграл... История на прощание усмехнулась нам, когда в ноябре 1920 года армия генерала Врангеля (она называлась Русская армия, в противовес Красной армии) эвакуировалась на кораблях из Крыма в Турцию.

Вы знаете, — это поразительно, — тогда Россию покинули родственник поэта Александра Пушкина и родственник Ивана Сусанина.

С. Р. Да, это были сам Врангель и генерал-майор Буров.

В. Ш. Я не сказал об этом факте Эрмлеру и Владимирову. Слишком он печальный. И чекисты этого не узнали... Но все равно они обыграли меня. Обманули.

С. Р. Я напишу вашу биографию. Скорее, это будет комментарий к ней.

В. Ш. Интересно...

С. Р. Вы не должны были свергать царя. Он делал все, что требовалось для перехода от абсолютного самодержавия к парламентской монархии. Пусть не быстро, постепенно... В вашем поражении и есть суд Истории. Вы сломали опору империи.

В. Ш. Что ж, попробуйте. Хотя бы для того, чтобы больше не повторилось... Впрочем, в ином виде, кажется, уже повторилось в 1991 году?

Шульгин иронично улыбнулся своим большим ртом, и здесь наш разговор завершился.

Я начал работу.

О Шульгине написано немало. Из книг и статей Павла Милюкова, Василия Маклакова, Ариадны Тырковой, Александра Керенского, Петра Струве, Александра Солженицына, Олега Будницкого, Александра Репникова, Дмитрия Жукова, Николая Лисового, Дмитрия Бабкова, Василия Христофорова, Ростислава Красюкова, Александра Пученкова, Олега Михайлова и многих других можно составить вполне объемный образ Василия Витальевича.

Чем он интересен сегодня?

Во-первых, своей типичностью: окраинный русский герой, с его уникальной смесью локальности и всемирности.

Да, как заметили французы, «гении рождаются в провинции и умирают в Париже». Но никто не сказал, что при этом они становятся совсем иными людьми. И все российские «гении власти после 1917 года» были провинциалами по рождению, имели наследственные черты локальности.

Во-вторых, это история воюющего человека, для него идеи важнее собственной жизни. Что это за идеи? Процветание России и русского народа. Он одновременно русский националист и имперский державник, не желавший понять, что для процветания империи русские обязаны многим жертвовать. Он сражается за империю, и он же раскалывает ее.

В-третьих, Шульгин — символ неумолимой борьбы с короной образованного класса за политическую власть и тотального поражения в этой борьбе.

В-четвертых, говоря о Шульгине, нельзя обойти проблему российской государственности: как к XX веку выросла огромная империя, за счет каких сил и вопреки каким силам?

В-пятых, в его судьбе отразились иные фигуры нашей истории: император, С. Ю. Витте, П. А. Столыпин, А. Ф. Керенский, А. И. Деникин, П. Н. Врангель, В. И. Ленин, И. В. Сталин, Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев...

Думаю, что и современная постсоветская Россия может угадать свои черты в этом сферическом зеркале. Национальные вопросы? Да. Борьба за власть внутри элиты? Да. Украинский вопрос? Да.

После серьезных размышлений я глубоко погрузился в русскую историю. В моей памяти пронеслись, будто эпитафии к книге, несколько картин и голосов.

«Русское государство имеет то преимущество перед другими, что оно управляется непосредственно самим Господом Богом. Иначе невозможно объяснить, как оно существует» (*фельдмаршал Бурхард Христофор Миних*).

«Мы хорошо знаем, что эта святыня народная — Родина — принадлежит не нам только, живым, но всему племени. Мы — всего лишь третья часть нации, притом наименьшая. Другая необъятная треть — в земле, третья — в небе, и так как те нравственно столь же живы, как и мы, то кворум всех решений принадлежит скорее им, а не нам. Мы лишь делегаты, так сказать, бывших и будущих людей, мы — их оживленное сознание, — следовательно, не наш эгоизм должен руководить нашей совестью, а нравственное благо всего племени» (Михаил Меньшиков. *Письма к ближним*)^[3].

«— Теперь, говорю, понятно, отчего в прошлом году сошел поезд с рельсов... Я понимаю!

— На то вы и образованные, чтобы понимать, милостивцы наши... Господь знал, кому понятие давал...» (Антон Чехов. *Злоумышленник*).

«Русь слиняла в два дня. Самое большое — в три... Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом буквально ничего» (Василий Розанов).

Глава первая

Соперничество русских и поляков в
Малороссии. — Профессорский сын. —
Университет. — Истоки «политического
антисемитизма»

Значит, Шульгин... Это преображенный во времени петровский дворянин, потомок пушкинского Петра Гринёва из «Капитанской дочки». Зброшенный судьбой на западную окраину империи, он жил среди малороссов, поляков и евреев тихой жизнью среднего помещика, называя себя «лесным человеком», пока не был вытребован на службу государству.

Вообще в шульгинской судьбе много загадок, которых не разгадать, если не брать во внимание несколько столетий нашей истории.

Почему монархист Шульгин оказался на самом лезвии бритвы, перерезавшей горло монархии, мы никогда не поймем, если не рассмотрим главные повороты тысячелетнего потока, который...

Что «который»?

Приходит на ум, вроде и не совсем по теме, стихотворение Гавриила Романовича Державина:

Река времен в своем стремленье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей...

Прежде всего он имперский человек до мозга костей, сторонник единой России, отдавший в борьбе за нее двух сыновей. Он бескомпромиссный борец со

всяким сепаратизмом, особенно украинским... Его нес тысячелетний поток, который пробивал себе дорогу через гранит иных народов и империй.

Петр Великий создал имперского служивого человека, вдохнул в него великую цель и заковал его в железо для соперничества с более сильными и культурными нациями.

Если бы Шульгин родился в ту пору, ему выпала бы судьба воевать, строить крепости и заводы, усмирять народные бунты. Или вести торговые дела с более искушенными в них иностранцами. Каких результатов он добился бы, нечего гадать. Главное, что в нем жила петровская традиция.

Петровская империя — военно-дворянская корпорация с доминирующей идеей универсального государства, где военные расходы составляли 65 процентов бюджета^[4]. Дворян от государственной службы могло освободить либо увечье, либо смерть.

При этом совершился идейный слом: главенствующей стала доминанта служения отечеству, а не Божественной истине, как прежде.

Еще до объединения Киев оказывал на Москву сильное влияние, он стал поставщиком образованного духовенства, получившего хорошее богословско-филологическое образование в Киевской коллегии Киево-Печерской лавры. Если учесть, что в России до 40-х годов XVII века практически не было средних школ, то появление украинских учителей сразу отразилось на культурном процессе. Был выпускником Киевской коллегии и белорус, член униатского ордена базилиан Симеон Полоцкий, впоследствии ставший идеологом петровских преобразований. Он провозглашал примат дел в оправдание жизни человека перед Богом, а его оппоненты, среди которых самым ярким был протопоп Аввакум, — отдавали первенство вере в Бога.

Могучее централизованное государство — эта идея была ведущей в политическом мироощущении русских царей. Ее создатель, архимандрит Иосиф Волоцкий, внушил Ивану Грозному мысль, что строение Московского государства повторяет устройство государства Небесного, а царь является наместником самого Бога. Таким образом, православие имело политическое содержание. Эта мысль освятила строительство Русского государства, в котором каждый ощущал свою причастность к высшей миссии.

Подчеркнем, атмосфера иосифлянского государства была пронизана мыслью о необходимости защиты православия и, соответственно, несла в себе зерна раскола: отошедшее от православия государство (и царь) лишалось смысла существования.

Но Петру требовалось решать земные задачи. Поэтому ради блага отечества теперь можно было совершать даже государственные перевороты, смещая высшего руководителя, что и происходило не раз в послепетровской истории, включая и последнего императора Николая II.

К тому же к XX веку положение Церкви, единственного государственного учреждения, исполняющего задачи государственной идеологии, было крайне трудным. Это наблюдалось в сельских приходах, где священники были в полной экономической зависимости от крестьян. Нужда заставляла их угодничать перед богатыми прихожанами, порождала в массах устойчивое мнение о жадности священников, уничтожала авторитет Церкви.

Начав модернизацию, центральная власть в Великих реформах Александра II не нашла должной роли для тысяч своих культурных и идеологических агентов на местах. Она подвигала десятки миллионов подданных к индивидуализму, развитию предприимчивости, правовой грамотности и другим основам рационального

жизнеустройства, а Церковь оставалась в прошлом. Власть не подготовила идеологов будущей России^[5].

На примере армии видно, как Петр «уздой железной Россию поднял на дыбы»: «Установив, с одной стороны, сверхвысокие ставки вознаграждения за доблестный ратный труд и сверхвысокие риски утраты всех прав за его профанацию, с другой стороны, Петр I создал между этими полюсами поле напряженности, в котором буквально кристаллизовались военные таланты»^[6].

Говоря о Шульгине, не обойтись без разговора о русском национализме. Здесь общее место: национализм — русский, а империя — уже не русская, а Российская. Она строилась жертвенными усилиями русских (великороссов, малороссов, белорусов). То есть русский национализм как щит стоит против имперского центра и одновременно против других государств.

Но в случае с Шульгиным это не так.

Украина и Киев — его родина, колыбель, первооснова миропонимания. Войны Богдана Хмельницкого и войны Москвы с Польшей, освободившие Малороссию из колониального плена, — для него вчерашнее прошлое, еще не вполне застывшая и остывшая история. Потомок запорожских казаков Гоголь, написавший повесть «Тарас Бульба», почти современник, мог бы быть дедом Шульгина. Отчим Шульгина — просто потомок запорожцев. Вообще все древности отечественной истории, которые нам сегодня кажутся стариной, были для него близкими явлениями.

В российском историческом сознании борьба за Украину отпечатавалась героическими образами повести Николая Гоголя «Тарас Бульба», в которой запорожские казаки сражаются «за Веру Православную» с поляками-католиками и мысленно обращаются к далекому «белому царю», то есть к Москве. На самом деле религиозные вопросы стояли на втором месте и

служили оформлением вопросов экономических и социальных.

Запорожское казачество представляло собой «дочернее предприятие» мелкопоместных украинских собственников-хуторян, усиленное разбойным людом разной веры и происхождения, которого немало было в этих диких местах. Поляки как более культурная и организованная сила стремились увеличить свои владения, чтобы расширить хлебную запашку, ибо хлеб был в Европе одним из первых товаров. Эта борьба, естественно, приобрела характер национальный и религиозный, получила на Украине название «Хмельничина» по имени Богдана Хмельницкого, православного украинца, служившего польской короне и пострадавшего от польского шляхтича, захватившего его хутор. Жестокость той войны поражает воображение современного человека. Вот что говорит украинский историк о расправах поляков над восставшими: «Все попались в его руки; князь (Вишневецкий) сажал на кол, тиранил мучительно виновных и невиновных, особенно мучил священников „ничтоже согрешивших“, по замечанию русского летописца: им просверливали буравом глаза»^[7].

Английский историк считал, что Польша превратилась «в форпост западного мира, принимающий на себя давление православного христианства»^[8]. При этом упускалась из виду экономическая подоплека противостояния.

Действия запорожцев были ничуть не милосерднее, но тоже вполне в духе времени. Если во время Тридцатилетней войны только в одной Германии погибло свыше пяти миллионов человек, то нет оснований считать, что здесь тенденция могла быть иной.

Пока внутренняя казацко-польская война не набрала ход, Москва спокойно взирала на нее, не собираясь вмешиваться и навлекать на себя ненужные беды. В той смуте был еще один аспект, который ее вполне устраивал, — запорожцы также были противниками и крымских татар, совершали налеты на крымские селения и пиратские рейды на турецкое побережье в своих лодках-чайках, грабили, угоняли скот и вот что существенно — разрывали коммуникацию, по которой велась торговля продовольствием из польских латифундий.

Варшава постоянно боролась с этим разбоем, стремясь привести «рыцарей-запорожцев» к какому-то порядку, но не могла добиться своего. Дело в том, что она имела дело с казацкой старшиной, вооружала ее отряды, используя их (например, в Тридцатилетней войне, против татар или даже против москалей), а казачьи низы жили своими интересами, прекрасно понимая, что если поддадутся полякам, то завтра же будут закабалены.

(Показательно, что переход украинского гетмана И. Мазепы на сторону шведов был связан с наказанием его Петром I за грабежи купцов во время Северной войны и мира с Турцией.)

Казацкое восстание быстро пополнялось закрепощенными крестьянами, которые видели в войне единственную возможность приобрести свободу и «добыть зипунов». В итоге Хмельничина не могла замириться, постоянно разгораясь снизу, и в конце концов приобрела характер национальной борьбы.

Поэтому когда Константин Леонтьев писал, что «византизм дал нам всю силу нашу в борьбе с Польшей», он открывал далеко не полную картину.

Продвижение к югу требовало серьезной подготовки, следовало развивать собственную

промышленность, строить заводы, привлекать иностранных специалистов и капиталы.

Окружавшие Шульгина волынские поляки тоже помнили свое прошлое величие и не оставляли борьбу с русскими и их тяжеловесной империей.

Хотя никто не говорил, что в этом отражается старое противостояние Рима и Византии, тем не менее это было так.

Впрочем, соседи-поляки — это российские подданные, к тому же в своей массе более образованные и богатые, чем русские дворяне, что означало их подавляющее преимущество на уровне местной политики.

И как Шульгину было с ними состязаться?

За поляками по уровню успешного соперничества шли евреи, обитатели городов и местечек. Законодательно им запрещалось приобретать землю вне городов, они занимались торговлей, в том числе и зерновой, составляя подавляющую конкуренцию помещичьим и крестьянским хозяйствам. Другими словами, евреи контролировали местную хлебную торговлю и цены, что вызывало большое недовольство и желание сдвинуть их с этой позиции. Почти как в повести Гоголя «Тарас Бульба», где кошевой атаман объяснял необходимость войны с басурманами, потому что «многие запорожцы позадолжались в шинки жидам и своим братьям столько, что ни один чорт теперь и веры не поймет».

Однажды Шульгин попытался организовать, говоря современным языком, собственную сбытовую компанию, но потерпел неудачу, еврейские купцы оказались изощреннее и сплоченнее, чем волынские помещики, производители и владельцы зерна.

То, что Шульгин хотел создать, давно было создано без дворян и отлично работало как экономический

механизм. Подобное соперничество в разных формах, но по существу одно и то же, было повсеместным в России.

Каково же было реальное положение волынского помещика Шульгина?

Надо было признать политическое (и интеллектуальное?) доминирование поляков и экономическое — евреев.

Почему же не признать, если это правда?

Признали. А что дальше?

Но оставалось еще местное самоуправление — земство. Шульгин был назначен земским гласным, имел возможность организационно влиять на своих соседей-помещиков и участвовать в распределении земского бюджета. То есть занимался политикой на местном уровне.

Именно назначен, а не избран.

Во всех губерниях Юго-Западного края среди помещиков-землевладельцев преобладали поляки, в то время как общая доля поляков в населении составляла от 1 до 3,4 процента. Как тут не быть национальной проблеме?

Именно на окраине империи, где острота проблемы являлась наивысшей, земский деятель дворянин Василий Шульгин силой обстоятельств должен был стоять на страже интересов российской короны — без мощной центральной власти его положение было бы крайне неустойчивым.

Однако, как и большинство российских земских деятелей, вкусивших возможностей самоуправления и распределения местных бюджетов, он уже был расположен к республиканскому восприятию политики. Ничего странного в этой двойственности не было. Вся страна после Великих реформ 1860-х годов находилась в состоянии переформатирования: военно-дворянское государство становилось бюрократическим, приоритетными идеями уже считались экономическая

эффективность и прибыльность, а не служение отечеству.

Банкиры, торговцы, акционеры железнодорожных компаний и синдикатов постепенно вытесняли вчерашних властителей и претендовали на участие в государственной политике.

Как мы знаем, всё завершилось Февральской революцией и гибелью монархического строя^[9].

Судьба Шульгина выразительна и трагична как раз в этом плане.

Он родился 1 января (в день Василия Великого по церковному календарю) 1878 года.

Отец нашего героя — профессор по кафедре всеобщей истории Киевского императорского университета Святого Владимира Виталий Яковлевич Шульгин, калужский дворянин с уходящей в глубь веков родословной, действительный статский советник, историк, автор учебников по древней, средневековой и новой истории, по которым учились несколько поколений гимназистов, гласный Киевской городской думы, член Совета городского взаимного кредита, издатель газеты «Киевлянин» (основана в 1864 году в расцвете Великих реформ). Воспитывал двоих сыновей своего рано умершего брата Николая. Для него было принципиально важным заявить свои политические взгляды в передовой статье первого номера «Киевлянина»: «Это край русский, русский, русский!» Газета выступала против украинского сепаратизма и польского интеллектуального и политического давления, в чем оставалась последовательной до самого конца.

К общей характеристике «Киевлянина» добавим следующее. Это было самое популярное издание Юго-Западного края, поначалу умеренно-либеральное, а затем более консервативное, однако не стеснявшееся

критиковать действия администрации и разоблачать злоупотребления чиновников.

Профессор Шульгин умер, когда его сыну не исполнилось и года, а дочери Павла (Павлина, Лина) и Алла — были старше Василия соответственно на четырнадцать и четыре года.

Воспитателем и духовным наставником детей стал отчим, друг отца, тоже профессор Киевского университета Дмитрий Иванович Пихно. Его судьба была такой: запорожский казак, знаменитый ученый-экономист, автор многих книг, тайный советник, член Государственного совета, руководитель Киевского отдела Союза русского народа (проклинаемая либеральной прессой «черная сотня»), член Русского собрания, издатель «Киевлянина». Назначая его членом Государственного совета, Николай II сказал: «Я нахожу необходимым назначать членами Государственного совета людей русских и крепких. Таковым первым моим кандидатом является профессор Пихно — редактор „Киевлянина“. Уведомьте его об этом и передайте ему вместе с тем мою надежду, что он будет продолжать свое полезное издание и по назначению членом Государственного Совета».

Д. И. Пихно был уроженцем казачьего Чигирина, земляком гетмана Богдана Хмельницкого. Василий Шульгин выделял это обстоятельство в характеристике отчима и подчеркивал упорную натуру чигиринцев.

Д. И. Пихно в 1906 году опубликовал книгу «В осаде: Политические статьи», в которой резко осуждал революционное движение. Среди его многочисленных работ по экономическим проблемам — «Закон спроса и предложения» и «Основания политической экономии». В них он предвосхитил теорию спроса и предложения А. Маршалла. Как пишет современный исследователь А. Б. Мухин, рекомендации Д. И. Пихно относительно ведения бизнеса имели большое практическое

значение, долгое время являлись своего рода руководством для предпринимателей. Докторская диссертация «Железнодорожные тарифы. Опыт исследования цен железнодорожной перевозки» тоже оказалась актуальной. В ней был обобщен опыт работы Пихно в Киевской подкомиссии по исследованию железнодорожного дела в России (там он и познакомился с С. Ю. Витте). Позже Пихно стал членом совета министра путей сообщения, подотчетного Министерству финансов, то есть вошел в узкий круг этого выдающегося государственного деятеля.

Профессор считал, что коммерческая практика, нацеленная единственно на максимизацию прибыли при любых условиях, наносит крупный ущерб торговле, промышленности и государственным финансам. По его мнению, только государство способно эффективно управлять всей железнодорожной сетью, на которой строилось все здание российской индустриализации.

После Октябрьской революции утверждалось, что газета «Киевлянин» в руках Пихно стала «погромным листком», хотя на самом деле профессор осуждал погромы и гонение на евреев. О погромах «Киевлянин» писал так: «Насилие при всяких условиях есть насилие, грабеж при всяких условиях есть грабеж». Во время процесса по делу А. Дрейфуса (принадлежавшего к роду известных французских банкиров Дрейфусов) редакция выступала в защиту обвиняемого, доказывая, что суду не пристало быть ареной политической борьбы, что идеи национализма здесь неприемлемы. Однако газета вовсе не была юдофильской и много раз критически высказывалась о роли евреев в революционной деятельности и политическом терроре.

Можно сказать, что Дмитрий Иванович воспитал Шульгина-политика.

Теперь упомянем и о третьем киевском профессоре.

Николай Христианович Бунге — уроженец Киева, дворянин, экономист, профессор и ректор Киевского университета, один из учителей цесаревича Николая, будущего императора, управляющий Киевской конторой Государственного банка, заместитель министра и министр финансов, премьер-министр. И одновременно — крестный отец нашего героя, близкий друг его отца.

Его научные представления шли от идей Адама Смита, свободного предпринимательства, конкуренции и фритредерства к умеренному протекционизму и признанию государственного участия в экономике. В книге «Очерки политико-экономической литературы» Бунге анализировал социалистические теории Р. Оуэна, Ш. Фурье, К. Сен-Симона, П. Прудона, «Капитал» Карла Маркса и был автором программы социально-экономических реформ. Вот такие реформы им предлагались — развитие частной крестьянской земельной собственности и переселенческого движения, создание рабочих союзов, привлечение рабочих к участию в прибылях предприятий.

Удивительно? В России бурно развивался капитализм, срочно требовалось понять его возможности и опасности.

Профессор Бунге не являлся социалистом, но и консерватором в духе прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева тоже не был. Даже странно, что такие разные люди, как Бунге и Победоносцев, одновременно были учителями Николая II.

Именно при Бунге был создан Крестьянский поземельный банк, проведены налоговые реформы, начался выкуп в казну частных железных дорог (первоначально для ускорения строительства щедро дотируемых из казны, что затем превратилось в серьезную обузу), велось строительство государственных железных дорог, утверждены первые акты фабричного законодательства. А в годы

Столыпинской аграрной реформы, горячим сторонником которой был Василий Шульгин, Крестьянский банк купил, в основном у дворян, 4,6 миллиона десятин земли, из которых продал крестьянам 3,8 миллиона десятин.

Тут связь прямая: Пихно — Бунге — Столыпин — Шульгин; Пихно — Бунге — император — Шульгин.

В «Загробных заметках» Бунге, написанных для императора Николая II, предлагался проект реформирования государственного управления, направленный на борьбу с угрозой социализма. Основные положения «Заметок» выглядели революционно: предлагалось привлечь представителей земств к обсуждению законопроектов в Государственном совете, расширить полномочия местных выборных органов, создать «ответственное министерство», смягчить цензуру. Что это было, если не предложение постепенно преобразовать самодержавную империю в парламентскую монархию?

Впоследствии, когда крестник профессора Бунге Василий стал одним из лидеров Государственной думы, эти идеи либо уже были реализованы, либо взяты на вооружение оппозицией.

Поэтому Василий Витальевич Шульгин, являясь монархистом, как Пихно и Бунге, был не консерватором, а свободомыслящим человеком.

О детстве Шульгина известно немного. Его мать умерла от туберкулеза, когда ему было всего пять лет. Учился он в знаменитой 2-й киевской классической гимназии, талантами не блистал. Эта гимназия, открытая в 1834 году, размещалась на Университетском бульваре, а ее директору были подведомственны все средние учебные заведения на территории губернии.

В выпускном аттестате Шульгин из одиннадцати предметов по шести имел лишь удовлетворительные

отметки, в частности по русскому языку, истории, латыни. Но это ничего не говорило о его будущем.

Потом он поступил на юридический факультет не чужого ему Киевского университета Святого Владимира и стал постигать особенности малороссийской жизни.

Киев, честно говоря, был вполне мистическим местом, помнившим исторические события, великие и страшные. Это был и великорусский город, но и польский, и малорусский, и еврейский — с какой стороны посмотреть. Сам университет внешне уже распрощался с польским влиянием или, правильнее заметить, почти распрощался. Первоначально образовательная система на Правобережной Украине была выстроена польской Эдукационной комиссией в 1773–1793 годах, потом закреплена в 1803–1813 годах опекуном учебных заведений Киевской, Волынской и Подольской губерний Тадеушем Чацким и оставалась почти неизменной до открытия университета Святого Владимира. Повсеместно преподавание (даже русского языка) велось на польском языке, за исключением Киевского народного училища. Учителями были священники, большей частью католики и униаты. И не секрет, что через школу продолжалась скрытая полонизация Правобережной Украины, некогда прерванная в результате беспримерной по жестокости борьбы запорожских казаков с поляками.

Однако и после того, как Киев и окрестности перестали быть частью Речи Посполитой, город еще долго оставался по духу и культуре польским. В 1812 году здесь обитали свыше 4300 польских шляхтичей и только около тысячи русских дворян. Хотя поляки составляли не более 10 процентов населения, они согласно имущественному цензу составляли 25 процентов избирателей.

Чацкого можно назвать теоретиком украинского сепаратизма. Шульгин прекрасно знал об этом и

указывал в своей статье «Украинствующие и мы»: «... настали разделы Польши, и вот когда польские ученые заговорили об особой украинской национальности. Им хотелось доказать, что русских нет в границах погибшей Польши и что Екатерина II напрасно приказала вычеканить на медали в память разделов „отторженная возврата“... Известный основатель Кременецкого лицея Фаддей Чацкий в книжке: „O nazwisku Ukrainy i poczatku kosakow“ („О названии Украины и происхождении казаков“. — С. Р.) выводит украинцев от укров, которые были будто бы дикой славянской ордой (*horda barbarzynskih Slowican*), пришедшей на Днепр из Заволжья в первые века по Р. Х.»^[10].

По царскому указу 1833 года Волынский лицей (созданный Т. Чацким) перевели из волынского Кременца в Киев, где и был, наконец, основан университет. Это второй университет в Малороссии после Харьковского Императорского, открытого в 1804 году (и шестой по счету в Российской империи).

Среди преподавателей преобладали кременецкие профессора, в большинстве своем поляки и католики, потом к ним были добавлены русские и немцы. Так среди профессоров оказались великоросс В. Я. Шульгин, малоросс Д. И. Пихно и прибалтийский немец Н. Х. Бунге.

До 1860 года, когда зачисление поляков в университет Святого Владимира не было ограничено, именно они составляли большинство студентов. Кроме того, они дружественно относились к украинскому национальному движению, а некоторые прямо его поддерживали, считая, что с помощью украинских националистов ослабят «москалей» и укрепят свое положение.

Происходила повседневная, а оттого и привычная борьба русского влияния с польско-католическим, которая в итоге завершилась восстановлением разрушенного польской экспансией малорусского ядра и расширением его влияния на все просторы российской ойкумены.

Университет славился вольнодумством, в том числе и с польской подкладкой, его по этой причине даже закрывали, потом после чисток открывали заново.

Что еще добавить к университетской теме?

«Шульгинские профессора» не бедствовали. Ординарные профессора университета согласно Табели о рангах имели VII класс (надворный советник, подполковник), а экстраординарные — VIII класс (коллежский асессор, майор). Ординарный профессор получал годового жалованья 1200 рублей, квартирных — 150 рублей серебром, а экстраординарный — жалованье 860 рублей, квартирных — 120 рублей серебром.

Среди выпускников университета были — академик-историк Евгений Тарле, профессор-экономист Александр Билимович, профессор-психиатр Иван Сикорский (отец авиаконструктора), писатели Ярослав Ивашкевич, Михаил Булгаков, Александр Корнейчук, Максим Рыльский.

В романе «Белая гвардия» М. Булгакова одна из сцен боя юнкеров с петлюровцами в Киеве отразила трагический эпизод гибели юного сына Василия Шульгина. Впрочем, в нашем повествовании до этого еще очень далеко.

И конечно, надо сказать о самом Киеве, древнейшем городе, который император Николай I называл «Иерусалимом земли русской». Он раскинулся на днепровских кручах у большой реки со всеми своими храмами, Печерской лаврой, усадьбами, оврагами,

садами, фантастически прекрасной сиренью, абрикосами, липами, кленами и каштанами.

Великий Киев, унаследовавший всю историю Руси, был несравненным местом. Он являлся образом России во всех ее чертах, начиная от европейского внешнеэкономического пути «из варяг в греки», крещения Руси князем Владимиром, расцвета древнерусских городов, Батыева нашествия, захватов литовцами, поляками, крымскими татарами до казачьих войн Богдана Хмельницкого и воссоединения с Москвой. Киев дал Российской империи Черное море, близость к Средиземноморью, несбывшуюся мечту о Проливах и волшебный византийский сон-полуявь.

Шульгин с детства жил сказочной атмосферой этого города.

В старости он рассказал писателю Олегу Николаевичу Михайлову: «Мой отчим, редактор газеты „Киевлянин“ Пихно, очень поддерживал мое увлечение историей Руси. И к окончанию учебы в университете приготовил мне воистину царский подарок: купил мне у какого-то разорившегося волынского помещика в городе Гоща большую библиотеку исторических раритетов. Я отправился по Волыни на лодке. Путешествие было романтическим. Правда, меня арестовали жандармы, приняв за австрийского шпиона, но вовремя помог отчим»^[11].

В годы учебы наш герой впервые столкнулся с политической силой южнорусских евреев, которых в стенах *alma mater* не сказать чтобы было мало. Через много лет он вспомнил об этом в своей книге «Что нам в них не нравится», посвященной взаимоотношениям с евреями, которых он считал как народ древний более сильным и сплоченным, чем русские.

Об обвинениях Шульгина в антисемитизме поговорим отдельно, здесь же приведем его признание,

относящееся к студенческому периоду.

«В своей первой юности я антисемитом не был. Во 2-й Киевской гимназии, где я воспитывался, этого духа не замечалось. Хороший товарищ был хорошим товарищем вне зависимости от того, был ли он эллином или иудеем. Не было „слепого“ антисемитизма и у нас в семье. „Киевлянин“ вел твердую линию в том смысле, что он был совершенно независим от еврейских влияний, и вместе с тем газета оставалась свободной от власти всезаслоняющих страстей. Мне кажется, что в ту эпоху, когда политическое затишье обозначало штиль перед еще не видимой бурей, то есть в начале 90-х годов, „Киевлянин“ в еврейском вопросе готов был стать на тот путь, на который я пошел в 1915 году, когда подписал так называемую „Великую Хартию Прогрессивного Блока“. Эта „акция“, как известно, была тогда мудро формулирована Милюковым так: „вступление на путь постепенного снятия ограничений с евреев...“

Антисемитом я стал на последнем курсе университета. И в этот же день, и по тем же причинам я стал „правым“, „консерватором“, „националистом“, „белым“, ну, словом, тем, что я есть сейчас...»^[12]

В другой книге, «Тени, которые проходят», где помещены автобиографические рассказы нашего героя, записанные Ростиславом Красюковым, читаем: «Я мог бы кончить университет еще в 1899 году, но запоздал на год по причине так называемых университетских беспорядков.

Весною 1899 года я зашел в университет, что делал не очень часто. На этот раз там царило великое возбуждение. Лекций не было, масса студентов заполнила коридоры, а аудитории были пусты. Эти коридорные студенты заявляли, что они не допустят лекций в связи с протестом против того, что случилось в

Петербурге. Казаки, мол, избili на улицах столицы студентов ни за что ни про что. В доказательство этого продавались (?!) — по рублю штука — фотографии с натуры, кто-то заснял расправу. Я купил несколько экземпляров. Так как в то время я уже был достаточно опытным фотографом, то сразу же установил, что это не снимок с натуры, а было нарисовано и затем переснято. Прежде всего земля. В натуре могла быть мостовая или же снег, так как дело было зимою. А на снимках было нечто неопределенное, условная земля, как это бывает на рисунках. Потом линия крыш зданий явно была не верна. Но не доверяя себе, я поехал с этими снимками к профессиональному фотографу, и он подтвердил фальсификацию. Значит, борцы за правду прежде всего начали со лжи.

Затем они не ограничились тем, что убеждали или просили своих товарищей по университету добровольно не посещать лекции. Против этого нельзя было бы возражать, разве только можно было бы сказать, что в университете не место политике, протестуйте на улице по примеру петербургских студентов. Но киевские „протестанты“, в своем большинстве евреи, были хитрее. Не подвергая себя опасности уличных репрессий, они перешли в наступление и силой закрывали аудитории. Они врывались толпами к ректору и в помещения, отведенные для отдыха профессоров, и требовали, чтобы профессора присоединились к забастовщикам и не читали лекции.

Это меня накалило. С несколькими друзьями я старался образумить их. Во-первых, сказал им, что фотографии подделаны, но они ничего не понимали в технике и вопили: „Видно же, что это с натуры!“ Одним хотелось в это верить, и их было не разубедить. Другие отлично всё понимали, но делали нарочно. Во-вторых, мы заявили им, чтобы они не ходили на лекции, если не хотят, но пусть не мешают другим: „Протестуя таким

образом против насилия, вы совершаете самое грубое насилие по отношению к вашим товарищам”.

Они ничего не хотели слушать... Наконец, доводы сторон были исчерпаны. Положительным итогом было то, что в этих перебранках обозначились уже группы, и мы могли видеть, на кого можно положиться. И вот наша группа, то есть группа студентов, желавших слушать лекции, чтобы продолжался нормальный учебный процесс, заняла одну из аудиторий, в которую пришел престарелый профессор гражданского права Демченко. Но когда мы входили в аудиторию, то с нами вместе вошли и забастовщики. Все сели за парты. И как только старенький профессор начал свою лекцию, делая вид, что ничего не произошло, забастовщики стали стучать кулаками по партам и ногами по полу. При этом вопили: „Профессор, мы просим вас не читать!“ В ответ им мы кричали: „Господин профессор, пожалуйста, читайте вашу лекцию!“

Но продолжать лекцию при шуме и криках мог бы разве только Демосфен, который ходил на берег моря и говорил речи, заглушая прибой, что ему было нужно, потому что собрания граждан Афин происходили на площади, где толпа шумела как море. То же происходило на славянских вечеах. Одолевали там те улицы, которые перекрикивали другие.

Все это знал, конечно, профессор Демченко. Бедный старик вскочил. Забастовщики думали, что он собрался уйти, и замолчали. Но он не ушел, а закричал: „Всю жизнь я вас учил праву. Я умру на этой кафедре, но не покорюсь насилию“.

Затем он успокоился, сел и продолжил лекцию. Ни одного слова не было слышно. Но это было и не важно. Главное, лекция состоялась, несмотря на непрерывные крики и шумы. Несколько сократив академический час, профессор кончил и вышел, торжествуя»^[13].

Дело не ограничилось одной лекцией. Дошло до настоящего штурма аудиторий с взламыванием дверей атакующими и обороной вплоть до готовности стрелять из припасенных револьверов.

Рядом с Шульгиным был и его друг Владимир Гольденберг, сын богатого киевского сахарозаводчика.

«Но тут же я должен оговориться, что не все евреи были левыми, то есть революционерами. Отдельные студенты-евреи были на нашей стороне и боролись вместе с нами, плечо о плечо, со скудоумием серой студенческой массы, уже захваченной тайными „заплечных дел мастерами“. В своей последующей жизни эти студенты-евреи, отстаивавшие элементарные человеческие права (элементарную свободу учиться или не учиться по своему желанию), очень много потерпели.

Ибо, в противоположность распространенному взгляду, в то время было выгодно, прибыльно и почетно быть левым. Сонное русское правительство редко приводило в движение карающую машину правосудия или административных взысканий. Это обыкновенно делалось в крайних случаях — после совершенно недопустимых безобразий или же в минуты нелогичных вспышек гнева, явно обозначающих слабость. Очень легко было, конечно, не переходя известных граней, совершенно безопасно „плавать“ в качестве борца за „освободительное движение“ (каковое на самом деле, как теперь все убедились, несло не освобождение, а высший тип тирании). Такой борец мог, ничем не рискуя, срывать сладкую пену жизни в виде „восторгов толпы“ и более вещественных доказательств „народной любви“.

Наоборот, тем, кто боролся с надвигающимся безумием, приходилось весьма сурово. Надо было стать частью правительства, то есть быть офицером или чиновником, чтобы как-нибудь преуспевать в жизни.

Людам же „свободных профессий“, чтобы плыть в этом море, необходимо было прежде всего быть материально независимыми. Ибо уже настолько была в то время распространена известного рода партийность в мире адвокатском, писательском, артистическом, ученом, что не разделявшие оппозиционно-революционных доктрин сейчас же попадали на черную доску: перед ними закрывались все двери.

И если я, не поступив ни на какую службу, мог себе позволить роскошь „сметь свое суждение иметь“, то в значительной мере потому, что я был материально независим. (Прошу извинения у читателя, что занимаю его внимание своей персоной.) Те студенты-евреи, о которых я говорю, не имели никакого состояния; на государственную службу поступить не могли. По окончании университета им пришлось идти в свою среду, то есть в среду либеральных профессий. И там им показали *la mère de Kouzka*. И евреи, и русские...

Увы, разве в самое последнее время не повторилось почти то же самое на наших глазах? Разве мы не знаем горькой трагедии отдельных евреев, поступивших в Добровольческую Армию? Над жизнью этих евреев-добровольцев висела такая же опасность от неприятельской пули, как и со стороны „тыловых героев“, по-своему решавших еврейский вопрос.

Таким образом, как явствует из вышеизложенной моей автобиографии, мой антисемитизм был чисто политического происхождения. На студенческой скамье я ощутил и понял, чем грозит России революция, и стал по мере сил бороться с нею. Но так как во главе революционного движения (по всем моим ощущениям, наблюдениям и сведениям) стояли евреи, то бороться с таковыми обозначало для меня: „бить по голове гидру революции“».

Это признание привел А. Солженицын в своем двухтомнике «Двести лет вместе. 1795–1995» и явно не

без подсказки Шульгина. Вообще принято считать, что замысел данного труда нобелевского лауреата родился после его встреч с Василием Витальевичем.

В 1900 году Шульгин окончил университетский курс и получил диплом юриста. Он не собирался становиться присяжным поверенным. В том же году, отдавая дань промышленному подъему, поступил в Киевский политехнический институт на механическое отделение, желая заняться «воздухоплаванием», но после первого курса покинул его и стал работать в редакции газеты.

В 1902 году Шульгин был призван на военную службу и определен в 5-й батальон 3-й саперной бригады, отличившейся в кавказских войнах; в декабре того же года уволен в запас с присвоением ему чина прапорщика запаса полевых инженерных войск. Можно было считать, что взаимоотношения с государством закончились.

Его увлекали две вещи — журналистика и ведение хозяйства в семейном поместье в селе Курганы Острожского уезда Волынской губернии (300 десятин). К тому же он уже был женат.

О его избраннице Екатерине Григорьевне Градовской надо сказать особо. Она приходилась ему двоюродной сестрой, их матери были родными сестрами. Соответственно, по церковным правилам молодых нельзя было соединить брачными узами. Поэтому венчались вдали от Киева — в Одессе, и впоследствии этот грех тяжело отразился на их семейной жизни. Екатерина Григорьевна была одаренным человеком, играла в драматическом театре, писала статьи для «Киевлянина», принимала активное участие в издании газеты, впоследствии стала ее управляющей. В 1899 году у Шульгиных появился первенец Василид (Василёк), погибший в 1918 году. Потом родятся Вениамин и Дмитрий, они тоже в полной мере получают от судьбы свою долю страданий.

Сестра Шульгина Алла вышла замуж за Александра Дмитриевича Билимовича, профессора экономики Киевского университета, во время Гражданской войны возглавлявшего управление земледелия и землеустройства Особого совещания при генерале А. И. Деникине.

Сестра Павла фиктивно вышла замуж за капитана Могилевского, у нее было трое сыновей от овдовевшего Д. И. Пихно, носивших фамилию безвестного капитана.

Еще у Василия Шульгина были единоутробные братья Павел Пихно (1880) и Дмитрий Пихно (1883); оба погибли в Гражданскую войну.

Волынская губерния граничила на западе с царством Польским и Галицией, то есть была совсем далеко от коренной России. Умеренный климат, зима теплая, весна наступает рано, что заметно отражается на ходе полевых работ; много рек, лесов, болот.

Земельная собственность, если брать социальный и национальный аспекты, распределялась так. Вся земля частных землевладельцев составляла 2 миллиона 723 тысячи 328 десятин, из них у русских — 24 процента, у поляков — 69, у немцев — 5, у евреев — 1,1 и у чехов — 0,3 процента. Казна, желая содействовать русскому землевладению, продавала землю на льготных условиях или раздавала в награду за службу, вследствие чего 10,6 процента всех поместий было приобретено русскими на льготных условиях. По данным 1880 года, крестьянам принадлежало 3 миллиона 42 тысячи 106 десятин, из них в личной собственности было 4,36 процента, а остальная земля принадлежала крестьянским обществам.

Католиков-поляков было значительно меньше, чем православных, но они обладали значительно большими социальными возможностями. Что касается еврейского населения, то оно обитало преимущественно в городах

и местечках. По исчислениям 1884 года, на одного городского обывателя-христианина приходилось в среднем 1,49 еврея, а в местечках — 0,83 еврея, то есть евреев в городах было больше.

Вот такая социально-политическая картина предстала взору молодого помещика Шульгина. Вскоре благодаря своему общественному темпераменту и образованию он стал земским гласным и почетным мировым судьей.

Глава вторая

История, которая дышит будущим. —
Предполье Первой мировой войны

Здесь надо поговорить о взглядах Шульгина на отечественную историю, которые были сформированы под влиянием отчима. Из бесед с ним наш герой знал о геополитических особенностях родного Юго-Западного края, столь близкого к Европе, Балканам и Средиземноморью, что здесь ощущались не только отголоски нарастающего соперничества между странами Старого Света. Незавершенность многовекового стремления России к юго-восточному торговому и военному пути через черноморские проливы Босфор и Дарданеллы обещала в скором будущем новые проблемы.

То, что в 1204 году после Четвертого крестового похода Византия пала, стало решающим фактором в судьбе Киевской Руси, так как путь «из варяг в греки» утратил экономическое значение.

В беседах с пасынком Дмитрий Иванович Пихно коснулся и роли католического Рима. В 1245 году Лионский собор Римской католической церкви провозгласил активную политику на Востоке. В целом можно сказать, что ослабевший православный Восток был побежден набравшим силу европейским Западом.

Какой же вывод следовало сделать из этой истории?

Разумеется, падение восточно-балтийского рынка нельзя было ничем заменить, только рынком новым и не менее объемным. Но где его взять?

А дальше — долгие и безуспешные войны за то, чтобы прорваться к Балтике и Черному морю, пока сначала Иван Грозный, а потом и Петр не мобилизовали

все силы и, наконец, с колоссальным усилием решили национальную задачу.

При этом Петр был настолько рационален и решителен, что пошел на упразднение важнейшей опоры Московской Руси — патриаршества; Патриарха заменил Святейший синод, управляемый государственным чиновником. Отмена патриаршества и вменение священникам в обязанность доносить о полученных на исповедях сведениях нанесли духовной жизни народа страшный удар, последствия которого, надо признать, ощущаются и доныне. Главная особенность петровского реформаторства в том, что ради задач государственного выживания оно закрепостило всех, вплоть до высших лиц.

Конечно, ни Пихно, ни Шульгин и в страшных снах не могли представить, что без малого через 20 лет после их разговоров российская монархия прикажет долго жить.

Пока что было тихо. Вызывало озабоченность одно существенное, но привычное неудобство: зерно, главный экспортный продукт государства, вывозилось в Европу в основном через черноморские порты и Проливы, а Проливы эти контролировали турки да претендовавшие на этот контроль англичане, французы, немцы.

Что из этого следовало? Перспектива войны?

Да, при определенных условиях.

Однако беседы профессора-экономиста с молодым юристом были лишены тревожности. Мало ли проблем было в российской истории? Как-нибудь обойдется...

Поэтому пока наш герой занимается местными делами, хлопочет по хозяйству, ищет выгодного покупателя на зерно, внимательно посмотрим на то, что от него пока еще относительно далеко.

Мы имеем в виду историческое предполье Первой мировой войны, которая перевернула Российскую

империю.

Европейские страны вступили на тропу экономической экспансии, им требовались новые рынки, новые территории, морские каналы и железные дороги.

В 1898 году была заключена конвенция с Китаем о передаче России в аренду Порт-Артура и Даляня (Дальнего) на тихоокеанском побережье.

В 1899 году Германия получила у Турции концессию на постройку Багдадской железной дороги.

К тому времени великий Суэцкий канал уже действовал, англичане выкупили у Египта все его акции и, нацелившись на колонизацию Африки, отказались от своей недавней идеи создания сухопутного трансазиатского пути. Это имело колоссальные последствия.

В 1900 году был подписан договор между Великобританией и США о постройке Панамского канала.

В 1901 году была завершена постройка российской Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

Все великие страны быстро продвигались к своим целям. И избежать их столкновения вряд ли удалось бы.

Любопытно узнать: как остро волынские помещики ощущали потребность в расширении рынка?

Шульгинское хозяйство нельзя было назвать ни богатым, ни бедным. Если учесть, что среднероссийская цена одной десятины земли составляла примерно 79 рублей, а средняя доходность была шесть процентов, то даже с учетом мягкого климата Волыни и наличием в хозяйстве большой вальцовой мельницы в пять этажей годовой доход мог быть примерно три тысячи рублей.

При этом ежемесячная заработная плата в России: рабочих-металлургов и металлистов Москвы и Петербурга — от 25 до 35 рублей;

врачей в земских больницах — 80 рублей; учителей старших классов в женских и мужских гимназиях — от 80 до 100 рублей;

начальников почтовых, железнодорожных, паровозных станций в крупных городах — от 150 до 300 рублей;

губернаторов — около одной тысячи рублей.

Вскоре в Санкт-Петербурге стали напряженно всматриваться в обновляющуюся картину мира.

Экономические проблемы начали будоражить и помещичьи хозяйства. В государственную политику модернизации никак не вписывалась практика поддержки русских землевладельцев и оттеснения местных польских конкурентов.

Перед Россией стояла ее извечная проблема нехватки капиталов для развития. Мировой сельскохозяйственный кризис 1880-х годов больно ударил по ней, показав крайнее несовершенство ее экономики. Тогда на европейских рынках появилось дешевое американское зерно — заокеанские фермеры стали использовать технологические новшества: машинную обработку почвы, элеваторы, ленточные конвейеры, мощные сухогрузы для перевозки зерна и банковские кредиты. Цены на российское зерно рухнули, и вслед за этим все явственнее стало проявляться кардинальное российское неустройство, что обернулось ростом революционных настроений очутившейся на обочине молодежи.

Правительство оказалось в тяжелом положении. Было необходимо удержать внешний рынок, за счет экспорта оплатить затраты по промышленному импорту и начать форсированную индустриализацию, при этом хоть в малой степени реформировать политическую систему. Задача такой сложности стояла только перед Петром Великим. Надо было надеяться, что фигура такого масштаба появится в России.

В структуре российского вывоза в конце XIX века сельскохозяйственные продукты и сырье составляли огромную долю — 94,4 процента, а промышленные изделия — 3,5 процента, полуфабрикаты — 2,1 процента. В 1861–1865 годах экспорт хлеба из России оценивался в 56,3 миллиона рублей (31 процент общей стоимости вывоза 181,6 миллиона рублей), а через 30 лет в 1891–1895 годах — 296,7 миллиона рублей. В пятилетии с 1906 по 1910 год средняя стоимость хлебного импорта достигла 435,3 миллиона рублей, что равнялось почти половине стоимости всего экспорта (41,5 процента)^[14].

Другими словами, международный аграрный рынок был для России главнейшим, любая его деформация приводила к кризису. При этом внутренняя экономическая политика выжимала из сельских хозяев все соки. Чтобы подчеркнуть глубину возникшего надлома, укажем, что «в период индустриализации аграрный сектор в целом облагался налогами в 3–3,5 раза более высокими, чем промышленный. Социальное расслоение деревни сопровождалось „переложением“ налогового бремени... на беднейшие слои населения, вело к пролетаризации значительной части крестьянства»^[15].

Глава третья

С. Ю. Витте завершает дело Н. Х. Бунге. —
Деньги взрывают имперский покой

Здесь в нашем повествовании появляется фигура Сергея Юльевича Витте, дворянина, внука генерала, уроженца кавказской провинции. Он окончил Новороссийский университет в Одессе, получил большой опыт в управлении южнорусскими железными дорогами и был, можно без преувеличения сказать, энтузиастом быстрого промышленного развития. В августе 1892 года Витте был назначен министром финансов. В прошлом он держался славянофильских убеждений, но, поняв реальное состояние финансов, изменил свои взгляды. Он стал отцом российской промышленной модернизации, создателем нового политического строя, парламентской монархии, и «ускорителем» революции, чего он, конечно, не желал.

Витте сформулировал задачи ближайших десяти лет: догнать промышленно развитые европейские страны, закрепиться на рынках Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Ускоренное развитие обеспечивалось привлечением иностранных займов, накоплением внутренних ресурсов за счет винной монополии и увеличением косвенных налогов, таможенной защитой промышленности от западного импорта и поощрения экспорта. Введенная по инициативе Витте государственная монополия на продажу спирта, вина и водки дала бюджету огромные средства. (Отняв при этом крупные заработки у контрабандистов, среди которых было много евреев.)

Денежная реформа 1897 года, проведенная С. Ю. Витте («золотой рубль»), укрепила российскую

валюту, обеспечила приток иностранных инвестиций, но ударила по помещичьим и крестьянским хозяйствам, повысив себестоимость зерна. Другими словами, индустриализация проводилась за счет подавляющего большинства населения, включая поместное дворянство, политическую опору империи.

Однако положение усугублялось еще и тем, что Германия для поддержки своих аграриев ввела вывозные премии и поощряла резкое увеличение посевных площадей. Россия ответила повышением таможенных тарифов. Витте отмечал по поводу таможенного конфликта 1893 года с Германией, что «многие ожидали, что вспыхнет настоящая война».

Дальше произошло то, что оставило агрария один на один с банковским капиталом, рациональным и не питающим никакого пиетета перед дворянско-крестьянской культурой.

Нельзя сказать, что в Петербурге не понимали всей сложности внутренней экономической проблемы. Еще Н. Х. Бунге (вспомним, что Шульгин его крестник) позволил выдачу кредитов Государственного банка под торговые операции с зерном. Затем частным коммерческим банкам было разрешено выдавать кредиты под такие операции. Разрешили также переучет векселей в Государственном банке. Данные кредиты были настолько велики, что превзошли по объемам все кредиты Государственного банка. Были включены финансовые механизмы в поддержку зернового экспорта. «Не доедим, так вывезем!» — это как будто несерьезное выражение в действительности отражало реальную обстановку — требовалось укреплять бюджет.

Требования экономики, укрепления хозяйственных связей окраин с центром не позволяли Министерству финансов принимать близко к сердцу национальные региональные проблемы. Как говорил академик

П. Б. Струве, один из близких В. В. Шульгину интеллектуалов: «Деньги, а не натуральный продукт — вот что взрывает покой вечности».

Витте можно назвать врагом помещиков, он не хотел давать им дешевых кредитов, считая возможным расширение крестьянских кредитных учреждений, заметно поворачивая в сторону социального процесса, который потом ярко выразится в последующей аграрной реформе П. А. Столыпина.

Витте, может, и не был бы столь суров к отечественным аграриям, если бы не финансовое положение страны. Неурожай и голод 1891 года, на ликвидацию которого были потрачены почти все свободные средства Государственного банка, вычеркнули из повестки дня вопрос о поддержке деревни. К тому же в связи с правительственным запретом зернового экспорта (из-за голода) был временно потерян внешний рынок, что Витте посчитал большой ошибкой. По его мнению, не следовало идти на поводу у чувства сострадания голодающим и создавать дополнительные хлебные резервы.

Не забудем, что профессор Пихно был членом совета Министерства финансов и соратником Витте.

Для продолжения промышленного развития оставались только два источника — иностранные займы и усиление эксплуатации аграрного мира.

За десятилетие, с 1891 по 1900 год, как и предполагал Витте, промышленное производство удвоилось — с 1493 до 3083 миллионов рублей. Особенно мощно промышленность развивалась в южнорусских губерниях — это угледобыча, металлургия, металлообработка, — куда на работу хлынул поток русских крестьян из центральных губерний, сделавший регион русскоязычным. Доля России в мировом промышленном производстве поднялась до пяти процентов (пятое место в мире). К

началу XX века более 40 процентов действовавших фабрик и заводов вступило в строй в годы этого подъема. Налицо были признаки процветающего государства. Однако это верно лишь отчасти. Страна отставала там, где черпала ресурсы своего развития.

Возможно, Сергей Юльевич понимал, что в результате индустриализации в империи слетит с плеч государства правящая дворянская голова и должна будет на ее место водрузиться новая. Как назвать эту новую голову — финансово-олигархической, промышленно-инженерной, демократической? — это не имело особого значения.

Но куда должны были податься помещики и крестьянские массы?

Не надо думать, что среди высшей бюрократии было мало умных людей.

Член правительства, государственный контролер П. Х. Шванебах писал, указывая на бедность крестьян, которые, создавая основной экспортный продукт, лишены возможности развивать свое хозяйство и поддерживать платежеспособный спрос: «Нельзя не обратить внимания вот еще на что: всякий понимает, что наше сельское хозяйство может выбраться на надлежащий путь только с переходом к усовершенствованным способам культуры и к более интенсивному извлечению доходов из земли»^[16].

Мысль не то что верная, а просто наболевшая. Надо было срочно внедрить в деревню индустриальные методы и повернуть ее лицом к рынку. Если из всех более десяти миллионов крестьянских хозяйств только десятая часть их торговала своими продуктами, то оставшиеся 90 процентов представляли собой огромный резервуар для роста товарного производства и расширения внутреннего рынка. Или не резервуар, а пороховой погреб?

Однако Пихно и Шульгин неспроста стали планировать строительство в имении сахарного завода для извлечения из хозяйственной деятельности большей прибыли. Знаменитый профессор, член Государственного совета с месячным жалованьем в полторы тысячи рублей и молодой юрист оценивали экономические перспективы весьма рационально. Они становились агропромышленниками. И сами взрывали «покой вечности».

Пихно можно сравнить с другим профессором-химиком, Александром Николаевичем Энгельгардтом, смоленским помещиком, который оставил замечательное свидетельство о своем успешном хозяйствовании и о состоянии русской деревни.

«Помещикам не с чего подняться. Выкупные свидетельства прожиты; деньги, полученные за проданные леса, прожиты; имения большей частью заложены; денег нет, доходов нет. Только крестьяне могут разрабатывать эти пустующие земли, потому что их рабочие руки — капитал. Но крестьяне могут разрабатывать эти земли только тогда, когда они будут им принадлежать...

Крестьянский банк дал первый толчок этому делу... Теперь каждый заработать денег гонится»^[17].

«Не с чего подняться» — не преувеличение. Огромные выкупные платежи за землю, полученные помещиками от правительства после реформы 1861 года, улетели как дым. За десятилетие (1863-1872 годы) они получили 772 миллиона рублей, которые были пущены в основном на непроизводительные расходы. Вспомним дворян из пьесы «Вишневый сад» А. П. Чехова или помещиков из повестей и рассказов И. А. Бунина — это люди уходящей эпохи. С этими симпатичными культурными людьми экономика требовала поскорее распрощаться навеки.

А. Н. Энгельгардт свидетельствовал о крестьянском индивидуализме: «Каждый гордится быть щукой и стремится пожрать карася». То есть низовая народная экономика была готова к рывку и ждала соответствующего сигнала сверху.

Витте это понимал, Пихно и Шульгин — тоже. Струве просто отчеканил: «Строить в стране сеть железных дорог и поддерживать в ней крепостное право невозможно».

«Крепостное право» — метафора, имелась в виду крестьянская поземельная община, которая в государственном здании была несущей опорой.

По сравнению с образованным обществом крестьяне считались «второй Россией». Они платили налоги, поставляли в армию новобранцев, были наивны в отношении многих вопросов современности, однако обладали могучей силой, которая называлась общиной.

Община — это многовековая форма самоорганизации сельского населения, первобытный коммунизм. В Европе она давно распалась, но у нас суровость климата и скудность почв вынуждали крестьянские семьи жить в крайнем напряжении сил и ради выживания и облегчения участи кооперироваться с соседями. Община помогала слабым, удерживала богатых от хищничества, контролировала исполнение нравственных норм, справедливое распределение общественной земли и угодий, коллективно отвечала за уплату налогов. Короче говоря, она была крестьянским «міром», как писалось тогда и что практически означало русскую ойкумену. Пойти против коллективного мнения общины было крайне трудно и опасно. Вот пример того, как она наказывала ослушников.

Общинные порядки санкционировали в центральных губерниях, где было огромное сельское перенаселение, свыше 120 церковных праздников, то есть нерабочих

дней. Это происходило на фоне очень короткого лета (диктующего потребность сверхинтенсивного труда), но способствовало полной (авральной) занятости. Например, в Волоколамском уезде Московской губернии по приговору общины крестьянин Сергей Трофимович Семенов был «за кощунство» приговорен к трехдневному аресту потому, что пахал в храмовый праздник. Семенов был незаурядным человеком, он писал и издавал книги, за шеститомное собрание своих сочинений был удостоен Пушкинской премии Академии наук; его очень ценил Лев Толстой. Конфликт землепашца с общиной был не только личный, он выражал неразрешимое противоречие между человеком и его окружением. Кстати, Семенов принял Октябрьскую революцию и был убит неизвестными сразу после Гражданской войны.

Могла ли страна успешно развиваться, если почти 85 процентов ее населения было притеснено общинными порядками? Наступало время, когда требовалось освободить крестьян от полузависимости. Как подступиться к этому, никто не знал.

Философ К. Д. Кавелин считал общину «страховым учреждением» от «безземелья и бездомности», при этом так характеризовал качественный состав сельского населения: «...огромная, несметная масса мужиков, не знающих грамоте, не имеющая даже зачатков религиозного и нравственного наставления».

Общинной системой контроля и взаимопомощи тем не менее, как писал Витте Николаю II в 1898 году, «парализуется жизненный нерв прогресса», крестьянство «теряет стимул закономерно добиваться улучшения своего благосостояния». Он предлагал освободить крестьян от опеки местных властей и общины. По его расчетам, это даст увеличение объема производства и три миллиарда рублей дополнительных поступлений в бюджет. Николай II не ответил.

Трудно было ответить, ведь «несметная масса мужиков», выйдя из-под контроля, могла стать дикой ордой. И, кроме того, не было иного механизма нейтрализовать разрушительную энергию «лишних» крестьян (аналогия с дворянами, «лишними людьми»), скрытую безработицу которых (это свыше тридцати миллионов человек) в 1913 году община, как плотина, пока еще была в состоянии удержать.

Аграрная проблема перерастала в кризис развития. Один странный случай произошел в Смоленской губернии, где помещик Волков приобрел два трактора и сноповязальную машину, но так и не решился их применить, так как это лишило бы крестьян заработка, который они постоянно имели в его поместье. Но это означало, что Волков шел против экономических законов.

Таких, как он, было много даже в окружении Николая II. Да и сам царь относился к их числу. Поэтому устремления других групп населения, связанных с промышленностью, культурой, образованием, торговлей, имели мало шансов получить поддержку политического класса.

Так, Константин Петрович Победоносцев, обер-прокурор Святейшего синода, был принципиальным сторонником общины и видел революционную угрозу в попытках ее упразднить, передав коллективную землю индивидуальным хозяевам. К профессору Пихно он относился как к идейному противнику, стороннику Витте, и когда представился случай, добился его отъезда из Петербурга. Дело было в том, что Дмитрий Иванович женился на матери Василия не вполне по церковным порядкам, обвенчавшись где-то в Румынии. (Вообще Шульгины и Пихно очень вольно трактовали традиционное семейное право.)

И нельзя сказать, что Победоносцев был совсем не прав в своем противостоянии. Взрыв общины, как мы

увидим, разнес вдребезги империю.

Перед Витте и его единомышленниками стояла труднопреодолимая преграда: дворянская сословная система управления. Мелкие и средние дворянские поместья быстро меняли хозяев, а крупные помещики в целом сохраняли свои владения (в центрально-черноземных и поволжских губерниях до 60–70 процентов всего объема частной земли)^[18].

Глава четвертая

Две войны, внешняя и внутренняя. —
Политический террор. — России нечего ждать от
братьев-славян

Помещики разорялись, беднели, пополняли ряды чиновников, буржуазии, интеллигенции (в том числе и революционно настроенных групп). Многие переживали тяжелый психологический надлом, ощущая свою не востребованность.

В 1860 году, накануне Великих реформ, в России насчитывалось около 20 тысяч интеллигентов, к концу века — около 200 тысяч (свыше двух процентов от 125 миллионов населения). Конечно, не все они были настроены оппозиционно к дворянской империи, но многим приходило на ум, что дворянскую верхушку следует заменить на более адекватную своему времени. Вспомним, что террор «Народной воли», в которой состояли и дворяне, оборвал жизнь императора Александра II. Перенаселенность и растущее в силу этого малоземелье деревни все заметнее превращались в мину под рельсами набирающего ход российского локомотива.

Между тем перемены нарастали и в иной сфере — изменялся состав образованного класса. В 1897 году потомственные дворяне составляли уже лишь 23 процента от числа университетских студентов^[19]. Разночинная интеллигенция, знающая народную жизнь, не удовлетворенная темпом перемен, становится действительным и опасным оппонентом власти. Само дворянское государство, исповедующее идеи жертвенного служения отечеству и императору, воспринимается ею как архаизм.

Реформа самоуправления приоткрыла образованным слоям путь к реальной власти на местах, позволила в противовес государственной бюрократии заниматься широким кругом вопросов, от создания земских школ и пунктов проката сельхозинвентаря до строительства дорог и больниц. Эта деятельность приобретала политический характер, постоянно сталкиваясь с чиновничьими препонами. Именно в земской среде зарождался русский парламентаризм.

Пореформенная Россия — это уже другая, новая страна, развивающаяся на иных скоростях. Железные дороги, телеграф, электричество преобразуют ее жизнь, стимулируют внутренний рынок, науку и образование.

Мир тоже изменяется: в Соединенных Штатах отменяется рабство, в Японии идет «революция Мэйдзи», Пруссия собирает немецкие княжества сначала в Северогерманский союз, а затем в Германскую империю, объединяется Италия.

И русская интеллигенция не желает ждать, когда власти начнут с ней сотрудничать.

Вот несколько пунктов из «Катехизиса революционера» Сергея Нечаева, в котором впервые в отечественной истории была заявлена программа политического террора.

«§ 1. Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью — революцией...

§ 6. Суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодной страстью революционного дела. Для него существует

только одна нега, одно утешение, вознаграждение и удовлетворение — успех революции. Денно и ночью должна быть у него одна мысль, одна цель — беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неумолимо к этой цели, он должен быть всегда готов и сам погибнуть, и погубить своими руками все, что мешает ее достижению»^[20].

И это утверждал русский интеллигент!

В 1890-х годах, как и ожидал Витте, промышленное производство удвоилось — в частности, производство чугуна в три раза, суровых хлопчатобумажных тканей на 75 процентов, добыча каменного угля почти в 2,7 раза. Нефтяная промышленность вышла на международный уровень, успешно конкурируя с американской. В российскую промышленность активно вошел иностранный банковский капитал, подчеркиваем, прежде всего — французский, имевший кроме экономических интересов и геополитические.

Но несмотря на открытость экономики, промышленный рост, активно работающие финансовые механизмы, произошло торможение. К концу XIX века выявилась неприятная проблема — «перенапряжение платежных сил сельского населения». Крестьяне выдыхались, надо было что-то предпринимать, ведь на их платежеспособности держалось всё: и оплата внешних долгов, и развитие промышленности, и стабильность бюджета. Оппоненты обвинили Витте в том, что политикой индустриализации он разорил сельское хозяйство.

Казалось, ему удалось невозможное: восстановить жизнеспособность феодального по своей природе государства и начать модернизацию. Однако, если индустриализация в западных странах шла за счет более-менее приемлемого и безболезненного (протяженного во времени) давления на сельское

хозяйство, то в России оно было очень тяжелым. (Подобное повторилось при Сталине — и по тем же причинам.)

Правительство попыталось ответить расширением внешнего рынка, к чему появились реальные основания: с постройкой Транссибирской магистрали начались экономическое освоение Дальнего Востока и новый этап международного соперничества. США, Великобритания и Япония отнеслись к появлению нового конкурента очень напряженно. Но Россия по логике экономического развития была обязана выходить из своего «дальневосточного тупика» в сторону незамерзающих проливов и гаваней. Япония же, со своей стороны, не имея сырьевой базы, была вынуждена искать сырье в Китае, Корее, а также на острове Сахалин. Поэтому конкуренция была неизбежной, но войны можно было избежать.

Витте являлся противником вооруженного столкновения, как и один из его предшественников, министр финансов Н. Х. Рейтерн, который резко возражал против войны с Турцией (1877–1878). Однако тогда война все же началась. Она обошлась российскому бюджету колоссальными потерями, а в геополитическом плане отнюдь не приблизила Россию к Проливам, ибо вместо ослабевшей Османской империи ее стали отделять от вожделенных Босфора и Дарданелл еще два государства, Румыния и Болгария.

Поскольку российское влечение к Проливам было неизбывным, даже трагическим, и имело прямое отношение к судьбе нашего героя, приведем два высказывания Бисмарка на эту тему.

«Традиционная русская политика основывается отчасти на общности веры, отчасти на узах кровного родства, идее „освободить“ от турецкого ига и тем самым привлечь к России румын, болгар, православных, а при случае и католических сербов, под разными

наименованиями живущих по обе стороны австро-венгерской границы. Нет ничего невозможного в том, что в далеком будущем эти племена будут начальственно присоединены к русской системе, но что одно только освобождение еще не превратит их в приверженцев русского могущества, это доказало прежде всего греческое племя. Продолжали освобождать — и с румынами, сербами и болгарами повторялось то же, что и с греками. Все эти племена охотно принимали русскую помощь для освобождения от турок; однако, став свободными, они не проявляли никакой склонности принять царя в качестве султана»^[21].

«Я думаю, что для Германии было бы полезно, если бы русские тем или иным путем, физически или дипломатически утвердились в Константинополе и должны были бы его защищать. Это избавило бы нас от положения гончей собаки, которую Англия, а при случае и Австрия натравливают против русских вождений на Босфоре; мы могли бы выжидать, будет ли произведено нападение на Австрию и наступит ли тем самым наш *casus belli*... Если бы я был австрийским министром, то не препятствовал бы русским идти на Константинополь; но я начал бы с ними переговоры только после их выступления»^[22].

Константинополь, Константинополь... Как не вспомнить Крымскую войну, случившуюся от избытка энтузиазма русских вождей, пожелавших вернуть давно утраченное?

Поражение в ней было оскорбительным для привыкшей к победам нации, оно вытесняло страну из Европы, перечеркивало плоды победы над Наполеоном в 1812 году, останавливало ее движение на юг. Технологическая отсталость России стала не только

очевидной, но и унижительной: по условиям Парижского мира Россия не должна была иметь в Черном море военного флота.

Смерть императора Николая I опускает занавес над этим периодом беспримерного разлома между Россией и Европой. Новый император, Александр II, должен был начинать у развалин некогда могучей крепости. Наступил момент переоценки принципов предыдущего развития и выбора нового пути — в сторону промышленной революции, которая уже переступила российский порог и диктовала условия полуфеодальной экономике.

Теперь константинопольская история могла повториться на Востоке.

Надо учесть, что восточный участок Транссибирской магистрали проходил по территории Маньчжурии, арендованной Россией у Китая. Таким образом, была сокращена протяженность дороги, удешевлена ее стоимость, создана база для закрепления позиций в Северном Китае. И задеты интересы Японии.

Тем не менее на экспансионистскую идеологию Великого Сибирского пути, который должен был стать «Русским Суэцем», указал С. Ю. Витте в докладе о значении магистрали для экономики России: «Китай, Япония и Корея, население которых в совокупности не менее 400 млн, а современные обороты торговли не менее 500 млн руб. золотом, далеко еще не развили своих торговых отношений с Европой до возможного предела, а скорее в этом отношении переживают еще начальный фазис. Неудивительно поэтому, что народы европейской цивилизации прилагают громадные усилия для овладения восточными азиатскими рынками, не останавливаясь ни перед какими затратами»^[23].

В результате этого строительства возник центр русской экономической экспансии в городе Харбине (Китай), а за последующие 14 лет население Сибири и Дальнего Востока удвоилось, вдоль магистрали выросло десять новых городов, и Транссиб завершил свой путь на океаническом побережье в Порт-Артуре и Дальнем, обеспечив российским товарам проникновение на азиатские рынки.

Поворот России в сторону Азии был не случаен. Такое движение происходило периодически и всегда выглядело как поворот после поражений на Западе, начиная с разгрома Константинополя крестоносцами. За поражением (пусть не военным, а дипломатическим) в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, когда Лондон, угрожая военными действиями, вынудил Петербург удовлетвориться малым, требовалось открыть новые пути растущей экономике.

«Восточная тема» до сих пор остается сверхактуальной. Современный российский исследователь Вадим Цымбурский так писал о циклах российских евро-азиатских «качелей»:

«...Весь XIX в. в помыслах о Дальнем Востоке не заглядывавшая дальше естественных границ уссурийско-амурского междуречья, на исходе этого столетия Россия вдруг устремляется в Маньчжурию. И причины тому нетрудно понять, если заметить, что в эти годы перекрытие ей Тройственным союзом любого мыслимого пути на запад — откуда и известные разоруженческие инициативы Николая II — окказионально синхронизируется с приливом евро-американской активности в Китае. В результате Япония в 1904–1905 гг. фактически оказывается агентом Европы и США против России»^[24].

Как видим, экономическая конкуренция идет рука об руку с геополитической. Если мы проследим связь

между российским железнодорожным стремлением к Тихому океану и прокладкой Германией железной дороги между Веной и Константинополем, по которой первый поезд прошел в декабре 1887 года, станет понятно, что обе континентальные империи, Россия и Германия, стремясь к гегемонии в «чужом пространстве», двигаются в одном направлении — туда, где их вовсе не ждет Великобритания. Не забудем и то, что за спиной австрийцев стоят, не слишком маскируясь, их немецкие союзники.

«В период, предшествующий мировой войне, самым важным фактом во внешней истории Германии после 1871 г. является, несомненно, методическое овладение путями сообщения от Гамбурга к Персидскому заливу с помощью турецких железных дорог. К 1913 году немецкий стальной клинок врезывался в Османскую империю на протяжении 1800 км. Длина же всей проектируемой Багдадской дороги с намеченными ответвлениями определялась примерно в 4500 км... Багдадская дорога со всеми проблемами, которые она вызвала в международных дипломатических отношениях, определив, с одной стороны, колоссальный по своему историческому значению сдвиг владычицы морей Великобритании в сторону ее вчерашних врагов, России и Франции, с другой — более тесное вовлечение Австрии, не говоря уже о Турции, в орбиту Германии, представляет собой идеальный тип „мирового пути“ — дороги, значение которой далеко выходит за пределы непосредственного обслуживания ее областей. Германия рассчитывала этой стальной дорогой перебросить нечто вроде моста с многочисленными арками от берегов Босфора к Персидскому заливу. Она желала создать по направлению к Индии и Дальнему Востоку великий немецкий путь...»^[25]

Российский Генеральный штаб полагал, что война с Японией начнется через три-четыре года, когда будут достроены современные русские крейсера и завершена Кругобайкальская железная дорога. Однако в ночь на 27 января (9 февраля) 1904 года без объявления войны японский флот атаковал русскую эскадру в Порт-Артуре.

Военные действия складывались неудачно. Однако ключ побед лежал не на полях сражений под Ляояном или Мукденом, а в Петербурге, Москве, Киеве, Нижнем Новгороде и других городах, где десятки тысяч российских подданных, испытав чувство национального унижения, искали выход в социальном протесте. Прогноз С. Ю. Витте о революционной альтернативе модернизации стал сбываться.

15 июля 1904 года в Петербурге был убит бомбой министр внутренних дел В. К. Плеве. Покушение было организовано Боевой организацией эсеров, наследницей «Народной воли». Оно символизировало углубление еще одной войны, внутренней. Уже третий министр Николая II погиб от рук террористов. В 1901 году был убит министр просвещения Н. П. Боголепов, в 1902 году — предшественник Плеве Д. С. Сипягин.

Общество видело в террористах героев, идущих на подвиг.

«Трудно описать гамму чувств, охвативших меня, да, наверно, и очень многих других людей, узнавших об этом событии: смесь радости, облегчения и ожидания великих перемен, — вспоминал А. Ф. Керенский о своей реакции на известие об убийстве министра внутренних дел В. К. Плеве. — К 1905 году я пришел к выводу о неизбежности индивидуального террора. И я был абсолютно готов в случае необходимости взять на свою душу смертный грех и пойти на убийство того, кто, узурпировав верховную власть в стране, вел страну к гибели. Много позднее, в 1915 году, выступая на тайном

собрании представителей либерального умеренно-консервативного общества в Думе и Государственном Совете, обсуждая политику, проводимую царем, в высшей степени консервативный либерал и монархист В. А. Маклаков сказал, что предотвратить катастрофу и спасти Россию можно, лишь повторив события 11 марта 1801 года»^[26].

Если кто забыл: тогда был убит император Павел.

«Никто не устраивает революцию, и никто в ней не виновен. Виноваты все». Эти слова французского министра времен Великой французской революции Талейрана председатель Государственной думы М. В. Родзянко сделал эпиграфом к своим мемуарам «Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция»

Глава пятая

Операция японской разведки. — Мирная демонстрация как революционное оружие. — Российский капитал финансирует революцию. — Витте в панике

Война с Японией надломила империю и должна была послужить уроком для правящего класса, из которого следовало сделать вывод, что прежний метод принятия решений безнадежно устарел. Если узкая и никем не контролируемая группа вокруг царя может влиять на выбор стратегии, то нет гарантий, что подобная практика не повторится с более страшными последствиями.

К террору добавилась подрывная деятельность японской разведки. Военный атташе посольства в Петербурге полковник Мотодзиро Акаси, перебравшийся вместе со всем посольством в Стокгольм, был инициатором использования российских революционеров в качестве своей «пятой колонны». Для этого был выделен один миллион иен (по нынешнему курсу это около 35 миллионов долларов) на поддержку партии эсеров, Грузинской партии социалистов-федералистов-революционеров, Польской социалистической партии и Финляндской партии активного сопротивления. На эти деньги закупались оружие и боеприпасы, печатались нелегальные издания.

В конце сентября — начале октября 1904 года в Париже прошел съезд оппозиционных партий, который патронировался финским националистом Кони Цилиакусом, партнером японца Акаси. В съезде участвовал Павел Николаевич Милюков, будущий

руководитель партии конституционных демократов, один из руководителей Февральской революции. Была принята резолюция о необходимости ликвидации самодержавия, о замене его «свободным демократическим строем на основе всеобщей подачи голосов» и о праве «национального самоопределения народностей России». Решение съезда носило революционный характер, потом в России последовала большая кампания общественных банкетов, якобы приуроченная к 40-летию судебной реформы, а на самом деле пропагандирующая идею конституции. Давление образованного общества создавало совершенно новую политическую атмосферу, которая влияла и на правящую группу, что вскоре едва не привело к параличу власти. Официальный Петербург получил грозное предупреждение: либеральная интеллигенция заключила союз с эсерами, исповедовавшими террор.

7-9 ноября 1904 года в столице прошел съезд земских деятелей, была принята резолюция с требованием конституции. Как по этому поводу говорилось в нелегальном журнале «Освобождение», издаваемом Петром Струве: либо конституция, либо война.

В начале сентября 1905 года, в конце войны, Шульгин был призван по последней мобилизации в армию. Впрочем, на Дальний Восток ему не было суждено попасть, помешал Портсмутский мир, согласно которому Россия отдавала Японии южную половину Сахалина и отказывалась от арендных прав на Ляодунский полуостров и Южно-Маньчжурскую железную дорогу.

Но о демобилизации речь не шла, войска могли понадобиться еще и для других дел. Наш герой продолжал служить младшим офицером в 14-м

саперном батальоне в Киеве, ожидая, когда успокоится внутренняя смута. А она не думала успокаиваться.

О революции 1905 года написаны десятки книг. Мы мало что можем к ним добавить, разве что обратим внимание на кадры революционеров.

14 июня 1905 года восстала команда эскадренного броненосца Черноморского флота «Князь Потемкин Таврический». В ноябре 1905 года во время Севастопольского восстания бунт на крейсере «Очаков» возглавил лейтенант П. П. Шмидт, внук адмирала, героя Севастопольской обороны, и племянник члена Государственного совета.

В деревне начались захваты и поджоги дворянских усадеб. Весной стали делить и запахивать помещичью землю. Характер волнений представлен в письмах саратовского губернатора Петра Аркадьевича Столыпина жене: «Пугачевщина растет — все уничтожают, а теперь еще и убивают... Вчера в селе Малиновка осквернили Божий храм, в котором зарезали корову и испражнялись на образе Николая Чудотворца. Другие деревни возмутились и вырезали 40 человек. Малочисленные казаки зарубают крестьян, но это не помогает...»

И вот важнейшее замечание от 12 июля: «У помещиков паника, но крестьяне, в общем, еще царелюбивы»^[27].

4 февраля 1905 года эсером И. Каляевым был убит дядя царя, московский генерал-губернатор, великий князь Сергей Александрович.

18 февраля 1905 года был опубликован царский манифест о намерении создать законосовещательную Государственную думу.

6 июня 1905 года Николай II принял делегатов завершавшегося в Москве съезда земских и городских деятелей и заявил: «Отбросьте сомнения: моя воля —

воля царская — созывать выборных от народа — непреклонна». Он пообещал конституцию.

Но социал-демократы, либералы, правые объединились в неприятии совещательной Думы.

Однако война имела и стратегические последствия. Российская империя утратила роль одной из крупнейших морских держав, геополитический расклад сил существенно изменился: Россия должна была свернуть продвижение в Тихоокеанской зоне и снова обратиться к европейскому направлению, на Ближний Восток, к Черноморским проливам. Это имело огромные последствия, подтолкнуло к ее вхождению в новый военный союз и участию в Первой мировой войне. Таким образом, проигранную войну надо рассматривать прологом мировой войны, завершившей историю Российской империи.

Взгляд Шульгина на Русско-японскую войну известен из письма В. А. Маклакову, датированного 1925 годом, то есть это уже даже и не совсем взгляд, а скорее исторический приговор.

«Когда разразилась японская война, в известной среде русского общества, которая раньше болела квасным патриотизмом и была еще при Тургеневе убеждена, что мы весь мир „шапками закидаем“, в этой среде была распространена пошлая острота: „Ну что такое японцы — макаки“. Для не знающих естественной истории поясню, что макаки — это род обезьян.

На это будто бы однажды престарелый М. И. Драгомиров, киевский генерал-губернатор и командующий войсками округа, хорошо знавший русскую армию с ее достоинствами и недостатками, однажды сказал: „Они-то макаки, да мы-то — кое-каки“.

В этой фразе слишком много мысли для такого малого количества слов. Драгомиров как бы предсказал судьбу японской кампании. Огромная русская армия,

которая, казалось, раздавит, как комара, маленькую Японию, была поведена в бой по всем принципам „кое-какства“... Нового способа ведения войны не знали. В первом бою под Тюренченом прорывались сомкнутыми колоннами с музыкантами впереди. Пулеметов не имели вовсе. Обо всяких разрывных снарядах, объединявшихся тогда под именем „шимозы“, не имели понятия, почему тот же Драгомиров пробурчал однажды — они нас шимозами, а мы их молебнами; в бой шли в белых рубахах, не подозревая, что на свете существуют защитные цвета и что самое скверное — перевооружали артиллерию во время войны. Начали же морскую войну тем, что в первый же день объявления войны прозевали японские миноносцы и позволили им войти в свою собственную гавань, вывести из строя три больших корабля и безнаказанно уйти.

Впрочем, это пышно расцветшее „кое-какство“ сказалось во всей нашей дальневосточной политике. Неизвестно для чего мы влезли в Корею, кое-как, по небрежности затронули Японию, о которой не имели ни малейшего представления, ибо разведка велась тоже кое-как, и затем полезли в войну, хотя, как показал опыт, к войне были совершенно не готовы. Между тем войны ничего не стоило избежать или, по крайней мере, оттянуть. Но ведь японцы с обезьяньей точностью, до последнего винтика скопировавшие лучшую армию в мире — немцев, конечно, были макаки. В конце концов точные обезьяны разбили гениальных кое-каков.

Надо всегда отдавать себе отчет, что „кое-какство“, т. е. небрежность, неточность, недобросовестность — есть один из основных факторов русского народа. Кто хочет ему добра, кто его любит, непременно должен с этим считаться и никогда этого не забывать»^[28].

После заключения мира начались волнения в университетах, забастовки, останавливалось движение на железных дорогах, усугубляя паралич экономики.

Витте предложил царю принять конституцию «в смысле общения Царя с народом на почве разделения законодательной власти, бюджетного права и контроля за действиями администрации», расширения избирательных прав, автономию Польши и Грузии и ряд других преобразований, вплоть до «экспроприации частной земельной собственности».

По сути программа Витте повторяла резолюции двух последних земских съездов, то есть опиралась на широкую социальную базу.

Между тем всеобщая забастовка захватывала все большее пространство. 13 октября Николай II поручил Витте возглавить правительство. Одновременно с этим войска Петербургского военного округа подчинялись генерал-губернатору столицы Д. Ф. Трепову.

14 октября в Петербурге начал работу Совет рабочих депутатов, куда вошли представители революционных партий и выборные делегаты от заводов. Председатель Петербургского совета Г. С. Носарь-Хрусталеv впоследствии признался, что всеобщая политическая забастовка 1905 года была профинансирована российским крупным капиталом.

Подчеркнем еще раз: не японской разведкой, а российским капиталом!

15 октября не вышли все российские газеты. Но «Киевлянин» выходил и, как говорил Шульгин, «покрывал рев бури».

«Стоит перелистать любую газету того времени; она напоминает прессу войны. Как и тогда, на все было две мерки; на одной стороне были „зверства“, на другой „героизм“. Моральную поддержку либеральное

общество оказывало Революции, а не тем, кто с ней боролся»^[29].

По предложению Витте и под давлением великого князя Николая Николаевича 17 октября в 17 часов Николай II подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», назвав свой шаг «страшным решением, которое он, тем не менее, принял совершенно сознательно». Россия из абсолютной монархии становилась конституционной.

Манифест давал максимум возможного: «...даровать народу незыблемые основы гражданских свобод» (неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний, союзов, участие в выборах в Государственную думу всех слоев населения, признание Думы законодательным органом, без одобрения которого ни один закон не мог вступить в силу). Монархия показывала, что готова к диалогу с главным оппонентом, состоятельной и образованной частью общества, не исключая и народ. Дальнейшие события зависели от способности сторон не впадать в разрушительные крайности и выстраивать новую, парламентскую государственность.

Тогда один из важнейших руководителей оппозиции П. Н. Милюков в кругу обрадованных единомышленников осадил их энтузиазм: «Ничего не меняется, война продолжается».

Да, нацеленные на боевые действия оппозиционеры не могли быстро измениться. Это случилось гораздо позже, когда ничего уже нельзя было вернуть назад.

В. В. Шульгин вспоминал об одной своей лекции в Белграде о Февральской революции, на которой присутствовал Петр Струве. Во время обсуждения Струве заявил, что у него была единственная причина для критики Николая II: тот был излишне мягок с революционерами, которых, по словам Струве, нужно

было «безжалостно уничтожать». Шульгин в шутку спросил, уж не считает ли Струве, что и он сам должен был быть уничтожен. Струве, чрезвычайно разволновавшись, воскликнул: «Да! — И, встав со своего места, зашагал по зале, трясая седой бородой. — Да, и меня первого! Именно так! Как только какой-нибудь революционер поднимал голову свою — бац! — прикладом по черепу!»^[30]

Много лет спустя бывший соратник Павла Милюкова Василий Маклаков писал: «С властью надо было заключать соглашение на почве взаимных уступок, принимая с уважением ее силу, а может быть, и предрассудки. „Освободительное движение“ с Самодержавием соглашений не допускало...»^[31]

Но в 1905 году либералы отвернулись от Витте.

Глава шестая

Прапорщик Шульгин на еврейском погроме. — Пихно предсказывает Февральскую революцию и крах империи

Манифест 17 октября 1905 года прогремел для всех неожиданно, словно очевидная капитуляция власти. Смотрим у Солженицына, как развивались события, предшествовавшие киевской драме (по страницам ревизии сенатора Турау): «Читаем дальше отчет Турау. „Уважение к национальному чувству народа, к предметам его почитания было забыто. Казалось, одна часть населения... не стеснялась в способах выражения своего презрения...“; „...возбуждение народное, вызванное поруганием высочайших портретов, было необычайное. Некоторые из стоящих перед думой стали кричать ‘кто снял царя с престола?’, другие плакали“. „Не надо было быть пророком для того, чтобы предсказать, такие оскорбления для евреев не пройдут даром“, „тут же, у думы, стали раздаваться голоса, выражавшие удивление по поводу бездействия властей; кое-где в толпе... слышались крики ‘надо бить жидов’“. — А у думы стояла бездейственно и полиция, и рота пехоты. Тут коротко подъехал эскадрон драгун, по нему стреляли из окон думы и с балкона, а на роту полетели сверху камни и бутылки, и стали обстреливать ее из револьверов с разных сторон: из думы, из биржевого зала, из толпы демонстрантов. Несколько солдат было ранено, командир роты велел открыть огонь, притом было убито семеро, ранено 130 человек, и площадь рассеялась. — Но к вечеру того же 18 октября „весть о поруганных императорских портретах, о сломанной короне, вензелях, об изорванных

национальных флагах быстро разнеслась по всему городу вплоть до окраин. На многих улицах можно было наблюдать кучки людей, в большинстве рабочих, мастеровых и торговцев, оживленно беседовавших обо всем происшедшем и во всем обвинявших евреев, которые всегда особенно резко выделялись среди манифестантов“, „...толпа рабочих на Подоле решила... ловить всех ‘демократов’... подстрекавших к последним беспорядкам, и сажать их под арест ‘до распоряжения Государя императора’“. — Вечером „...на Александровской площади появилась первая группа манифестантов с портретом Государя императора, певшая народный гимн. Группа эта быстро увеличилась, и так как с Крещатика расходилось много с красными лентами в петлицах, то на них, как на предполагаемых виновников думской демонстрации, стали набрасываться и избивать отдельных лиц“. И это было — начало еврейского погрома»^[32].

И вот как в те дни пришлось действовать Шульгину: «Мы пили утренний чай. Ночью пришел ошарашивающий манифест. Газеты вышли с сенсационными заголовками: „Конституция“.

Кроме обычных членов семьи за чаем был еще один поручик. Он был начальником караула, поставленного в нашей усадьбе.

Караул стоял уже несколько дней. „Киевлянин“ шел резко против „освободительного движения“... Его редактор, профессор Дмитрий Иванович Пихно, принадлежал к тем немногим людям, которые сразу, по „Альфе“ (1905 г.), определили „Омегу“ (1917 г.) русской революции...

Резкая борьба „Киевлянина“ с революцией удержала значительное число киевлян в контрреволюционных чувствах. Но, с другой стороны, вызвала бешенство революционеров. Ввиду этого, по

приказанию высшей военной власти, „Киевлянин“ охранялся»^[33].

В другой книге воспоминаний Шульгин писал:

«Витте путем уступок революционерам думал выйти из трудного положения. Но он их плохо знал. Манифест 17 октября окрылил их и побудил к весьма решительным действиям и демонстрациям. То, что делалось в Киеве после Манифеста 17 октября, описано в моей книге „Дни“. Это было ликование евреев и наглые оскорбления чувств русских патриотов. Это вызвало еврейский погром. Но так чувствовали не только в Киеве. Еврейские погромы вспыхнули почти одновременно по всей России, в шестистах городах и городках. Погромы эти совместно с разгромами революционеров в Москве и других местах при помощи войск покончили с первой революцией, вызвав реакцию.

„Киевлянин“ был против еврейских погромов. В то время как я боролся с ними с оружием в руках (я был тогда на военной службе), мой отчим призывал на страницах „Киевлянина“ вспомнить о том, что евреи — наши сограждане и что подавляющее большинство их совершенно не повинно в безумии под давшихся революционным течениям интеллигентных евреев. И дальше, в течение 1905–1906 годов, „Киевлянин“ говорил громко. Передовые статьи были выпущены отдельной книгой под заглавием „В осаде“»^[34].

Прервем шульгинское повествование характеристикой тогдашних газет: «Эта пресса, неоглядно развязная в 1905-м, толковалась в думское время, по словам Витте, как пресса в основном „еврейская“ или „полуеврейская“: точнее, с преобладанием левых или радикальных евреев на ключевых корреспондентских и редакторских постах. В ноябре 1905 года Д. И. Пихно, редактор национальной русской газеты „Киевлянин“, уже 25 лет на этом посту и

изучивший российскую печать, писал: „Еврейство... поставило на карту русской революции огромную ставку... Серьезное русское общество поняло, что в такие моменты печать сила, но этой силы у него не оказалось, а она оказалась в руках его противников, которые по всей России говорили от его имени и заставляли себя читать, потому что других изданий не было, а в один день их не создашь... и [общество] терялось в массе лжи, в которой не могло разобраться“»^[35].

Теперь снова «Дни»:

«Поручик, начальник караула, который пил с нами чай, был очень взволнован.

— Конституция, конституция, — восклицал он беспомощно. — Вчера я знал, что мне делать... Ну, придут, — я их должен не пустить. Сначала уговорами, а потом, если не послушают, — оружием. Ну а теперь? Теперь что? Можно ли при конституции стрелять? Существуют ли старые законы? Или, быть может, меня за это под суд отдадут?

Он нервно мешал сахар в стакане. Потом вдруг, как бы найдя решение, быстро допил.

— Разрешите встать...

И отвечая на свои мысли:

— А все-таки, если они придут и будут безобразить, — я не позволю. Что такое конституция, я не знаю, а вот гарнизонный устав знаю... Пусть приходят...

Поручик вышел. Д. И. (Пихно) нервно ходил по комнате. Потом заговорил, прерывая себя, задумываясь, опять принимаясь говорить.

— Безумие было так бросить этот манифест, без всякой подготовки, без всякого предупреждения... Сколько таких поручиков теперь, которые не знают, что делать... которые гадают, как им быть „при

конституции“... этот нашел свой выход... Дай Бог, чтобы это был прообраз... чтобы армия поняла...

Но как им трудно, как им трудно будет... как трудно будет всем. Офицерам, чиновникам, полиции, губернаторам и всем властям... Всегда такие акты готовились... О них сообщалось заранее властям на места, и давались указания, как понимать и как действовать... А тут бухнули... как молотом по голове... и разбирайся каждый молодец на свой образец.

Будет каша, будет отчаянная каша... Там, в Петербурге, потеряли голову из страха... или ничего, ничего не понимают... Я буду телеграфировать Витте, это Бог знает что они делают, они сами делают революцию. Революция делается оттого, что в Петербурге трясутся. Один раз хорошенько прикрикнуть, и все станут на места... Это ведь все трусы, они только потому бунтуют, что их боятся. А если бы увидели твердость — сейчас спрячутся... Но в Петербурге не смеют, там сами боятся. Там настоящая причина революции — боязнь, слабость... Теперь бухнули этот манифест. Конституция! Думают этим успокоить. Сумасшедшие люди! Разве можно успокоить явным выражением страха. Кого успокоить? Мечтательных конституционалистов. Эти и так на рожон не пойдут, а динамитчиков этим не успокоишь. Наоборот, теперь-то они и окрылятся, теперь-то они и поведут штурм. Я уже не говорю по существу. Дело сделано. Назад не вернешь. Но долго ли продержится Россия без самодержавия — кто знает. Выдержит ли „конституционная Россия“ какое-нибудь грозное испытание... „За Веру, Царя и Отечество“ — умирали, и этим создавалась Россия. Но чтобы пошли умирать „за Государственную думу“, — вздор. Но это впереди. Теперь отбить штурм. Потому что будет штурм. Теперь-то они и полезут. Манифест, как керосином, их польет. И надежды теперь только на поручиков. Да, вот на

таких поручиков, как наш. Если поручики поймут свой долг, — они отобьют... Но кто меня поражает — это евреи. Безумные. Совершенно безумные люди. Своими руками себе могилу роют... и спешат, торопятся — как бы не опоздать... Не понимают, что в России всякая революция пройдет по еврейским трупам. Не понимают... Не понимают, с чем играют. А ведь близко, близко...»^[36]

В это время в Москве, как вспоминал известный нам Маклаков, в будущем сначала противник, а потом товарищ Шульгина, обвал выглядел так:

«17 октября было полной победой либерализма, „венчанием здания“. Это не было тем выбрасыванием балласта, которым Самодержавие хотело бы спасти свою сущность, не было ни обещанием либеральных реформ, как 12 декабря, ни созданием Булыгинской Думы. Самодержавие отныне себя упраздняло. Конституция была возведена и обещана; осталось претворить это обещание в жизнь. Но тогда начиналась расплата. Все те свойства Освободительного Движения, которые дали ему победу, оказывались вредными, когда нужно было эту победу использовать. Военных вождей не надо допускать до переговоров о мире...

По своей глубине и последствиям реформа 1905 года была не меньше реформ 1960-х годов; но как тогда, так и теперь Революции не было»^[37].

Маклаков, будучи членом ЦК конституционно-демократической партии, и сам относился к «военным вождям», поэтому его поздние признания надо воспринимать как покаяние. Каяться на пепелище империи будут многие, почти все.

«Когда 18-го октября утром прочли Манифест, толпа народа повалила на улицу. Дома раскрасились национальными флагами. Но „ликование“ продолжалось недолго. Революция не остановилась.

Манифестанты рвали трехцветные флаги, оставляя только красную полосу. Власть была бессильна и пряталась. На улицах была не только стихия, появились и ее руководители. Вечером первого дня я с М. Л. Мандельштамом зашел на митинг в консерваторию. В вестибюле уже шел денежный сбор под плакатом „На вооруженное восстание“. На собрании читался доклад о преимуществе маузера перед браунингом. Затем мы слышали об убийстве Баумана и про назначение торжественных похорон. К.-д. комитет постановил принять участие в похоронах; процессия тянулась на много верст. Двигался лес флагов с надписями: „Да здравствует вооруженное восстание“, „Да здравствует демократическая республика“. К ночи процессия достигла кладбища, где подруга Баумана Медведева при факельном свете и с револьвером в руках клялась отомстить. Целый день „улица“ была во власти народа» ^[38].

Представим эту жуткую картину: факелы на кладбище перед могильной ямой и гробом, призывы к мщению, всеобщее мрачное ликование. Те, у кого развита фантазия, могут обратиться к повести Николая Васильевича Гоголя «Вий» и разглядеть парящих в темноте духов революции и изрыгающую проклятия панночку.

Теперь вернемся в славный город Киев и к рассказу Василия Шульгина.

«...Несколько в стороне от думы неподвижно стояла какая-то часть в конном строю.

Между тем около городской думы атмосфера нагревалась. Речи ораторов становились все наглее, по мере того как выяснилось, что высшая власть в крае растерялась, не зная, что делать. Манифест застал ее врасплох, никаких указаний из Петербурга не было, а сами они боялись на что-нибудь решиться.

И вот с думского балкона стали смело призывать „к свержению“ и „к восстанию“. Некоторые из близстоящих начали уже понимать, к чему идет дело, но дальнейшие ничего не слышали и ничего не понимали. Революционеры приветствовали революционные лозунги, кричали „ура“ и „долой“, а огромная толпа, стоявшая вокруг, подхватывала...

Конная часть, что стояла несколько в стороне от думы, по-прежнему присутствовала, неподвижная и бездействующая.

Офицеры тоже еще ничего не понимали.

Ведь конституция!..

И вдруг многие поняли...

Случилось это случайно или нарочно — никто никогда не узнал... Но во время разгара речей о „свержении“ царская корона, укрепленная на думском балконе, вдруг сорвалась или была сорвана и на глазах у десятитысячной толпы грохнулась о грязную мостовую. Металл жалобно зазвенел о камни...

И толпа ахнула.

По ней зловещим шепотом пробежали слова:

— Жиды сбросили царскую корону...

Это многим раскрыло глаза. Некоторые стали уходить с площади. Но вдогонку им бежали рассказы о том, что делается в самом здании думы...

Но конная часть в стороне от думы все еще стояла неподвижная и безучастная. Офицеры все еще не поняли.

Но и они поняли, когда по ним открыли огонь из окон думы и с ее подъездов.

Тогда наконец до той поры неподвижные серые востребовались. Дав несколько залпов по зданию думы, они ринулись вперед.

Толпа в ужасе бежала. Все перепуталось — революционеры и мирные жители, русские и евреи. Все бежали в панике, и через полчаса Крещатик был

очищен от всяких демонстраций. „Поручики“, разбуженные выстрелами из летаргии, в которую погрузил их манифест с „конституцией“, исполняли свои обязанности...

Приблизительно такие сцены разыгрались в некоторых других частях города. Все это можно свести в следующий бюллетень:

Утром: праздничное настроение — буйное у евреев, по „высочайшему повелению“ — у русских; войска — в недоумении.

Днем: революционные выступления: речи, призывы, символические действия, уничтожение царских портретов, войска — в бездействии.

К сумеркам: нападение революционеров на войска, пробуждение войск, залпы и бегство.

Через полчаса из разных полицейских участков позвонили в редакцию, что начался еврейский погром.

Один очевидец рассказывает, как это было в одном месте:

— Из бани гурьбой вышли банщики. Один из них взлез на телефонный столб. Сейчас же около собралась толпа. Тогда тот со столба начал кричать:

— Жида царскую корону сбросили!., какое они имеют право? что же, так им позволим? Так и оставим? Нет, братцы, врешь!

Он слез со столба, выхватил у первого попавшегося человека палку, перекрестился и, размахнувшись, со всей силы бахнул в ближайшую зеркальную витрину. Стекла посыпались, толпа заулюлюкала и бросилась сквозь разбитое стекло в магазин...

И пошло...

Так кончился первый день „конституции“...» ^[39]

Такова была простонародная реакция.

Это — в городе. В деревне же было не так.

«Я не прочел ни одного известия о том, чтобы дворянин защищал свою усадьбу, свою собственность, чтобы он лег костями, защищая наследственную собственность и могилы своих предков... а мужик рубит фортепиано, истребляет мебель, картины, ковры, сжигает дом, отрезывает языки у лошадей, ранит коров в вымя, убивает овец и бросает их в реку... Нет мужества — вот что ужасно... Позор и стыд! Где прошлая доблесть дворянства, его мужество, его самопожертвование? 16 декабря 1905 года»^[40].

Описание погрома Шульгиным, возможно, самое яркое свидетельство о тех событиях, но кроме своей документальности оно позволяет понять личность автора и, если хотите, его систему ценностей. Он сам еще не разобрался в обрушившейся реальности и являет собой то, что потом Столыпин назовет «часовой с кремниевым ружьем». Часовой, несмотря ни на что, будет стоять на посту до конца.

Как долго? Год? Десять лет?

Неизвестно.

Глава седьмая

Революционный кошмар. — Как подавляют революции. — Финансовый террор

Как это было? Сразу после публикации манифеста С. Ю. Витте встретился с видным земским деятелем консервативного направления Д. Н. Шиповым и предложил ему пост государственного контролера. Д. Н. Шипов заявил, что для создания атмосферы доверия следует предоставить общественным деятелям портфели министров внутренних дел, юстиции, земледелия, народного просвещения, торговли и промышленности. С. Ю. Витте это предложение принял и согласовал кандидатуры. Однако на последующую встречу прибыла делегация конституционных демократов, выдвинувшая в вызывающем тоне требования немедленной, без выборов Государственной думы, политической амнистии, созыва Учредительного собрания для выработки Основного закона (конституции) и др. То есть государство должно было «уйти».

В этой обстановке не удалось привлечь в правительство известных общественных деятелей. Именно с этого момента начинается трагическое для России ненахождение общего языка двух ее главных политических сил: традиционной государственности и буржуазной демократии. Николай II, сделав беспрецедентный по трудности выбор, до конца своего пребывания на троне надеялся найти союзника в лице образованного общества. В свою очередь общество стремилось добиться капитуляции режима и окончательно освободиться от управленческой архаики. Обе стороны не имели опыта компромисса. В результате

коалиционное правительство не было создано. Министром внутренних дел стал П. Н. Дурново, бывший военный, моряк, военный юрист, по взглядам — монархист, против которого возражали все демократические деятели, даже Витте.

Вслед за несостоявшимся компромиссом хлынул революционный кошмар. Началась всеобщая политическая стачка в Москве, Харькове и Ревеле, затем она охватила Смоленск, Козлов, Екатеринослав, Лодзь, Курск, Белгород, Самару, Саратов, Полтаву, Петербург, Ростов-на-Дону, Тифлис, Одессу, Варшаву и др. К стачке присоединились «союзы» интеллигенции. Присяжные заседатели во многих случаях отказывались судить, адвокаты — защищать, врачи — лечить. Мировые судьи закрывали свои камеры. Проходили многотысячные митинги. Улицы городов заполнились конными и пешими патрулями, начались стычки с демонстрантами, строились баррикады.

П. Н. Дурново собрал совещание командиров воинских частей петербургского гарнизона и был потрясен, когда услышал, что все, кроме командира Семеновского гвардейского полка генерала Г. А. Мина, заявили, что в случае привлечения к подавлению народных волнений они за свои части ручаться не могут.

Но, как мы увидим в сравнении с 1917 годом, в целом армия осталась верна правительству, и это решило дело.

2 ноября Совет рабочих депутатов объявил вторую политическую забастовку. Всего в 1905 году бастовало 90 процентов предприятий страны, состоялось 14 тысяч стачек, в них участвовали 2,9 миллиона человек^[41].

17 ноября началась забастовка работников почты и телеграфа. Столица лишилась связи с губерниями. Однако Дурново за два-три дня при помощи военных

наладил работу телеграфа, а разборка писем и разноска их по домам велась при помощи добровольцев.

В Москве на съезде почтово-телеграфных служащих вынесли требование немедленной отставки Дурново. В ответ министр отдал приказ: все служащие, которые не выйдут на работу, будут уволены. Тут же арестовали руководство съезда и приняли меры защиты вернувшихся на работу служащих от насилия со стороны организаторов забастовки. Поняв, что законная власть тверже и сильнее, почтово-телеграфные служащие вышли на работу.

Дурново циркулярной телеграммой приказал губернаторам арестовывать местных активистов-революционеров. 27 ноября арестовали председателя Петербургского совета рабочих депутатов Хрусталева-Носаря.

Тогда совет нанес удар по финансовой системе государства. Вместе с главным комитетом Всероссийского крестьянского союза, ЦК и Оргкомитетом РСДРП, ЦК партии эсеров, ЦК Польской социалистической партии был выпущен «Финансовый манифест»: «Мы решаем: отказаться от взноса выкупных и всех других платежей; требовать при всех сделках, при выдаче заработной платы и жалованья уплаты золотом, а при суммах меньше пяти рублей полновесной звонкой монетой; брать вклады из ссудо-сберегательных касс и из государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом... Мы решаем не попускать уплаты долгов по всем тем займам, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну с народом».

Одна из левых газет писала: «Революция делает свое дело. Гг. буржуа, забыв о своих „патриотических“ чувствах, бегут за границу. Из одного Петербурга за октябрь и ноябрь месяцы спаслось за границу более 30 000 человек. Но, как истые буржуи, эти господа

спасают не только свою шкуру, но и свой кошелек. В последние дни из кладовой Государственного банка взято почти 40 миллионов золотом — вклады же в иностранные банки быстро возрастают. Так, в Лионский кредит внесено на последней неделе около 18 млн. рублей. Кто же ведет государство к банкротству?

Из Ростова-на-Дону в последний месяц бежали за границу свыше 600 буржуев»^[42]. «Русская революция имеет один колоссальный недостаток, который губит ее. Она непатриотична»^[43].

Манифест напечатан не только в партийных газетах, но и в буржуазных: «Русь», «Свободная Россия», «Русская газета». Паника охватила вкладчиков ссудо-сберегательных учреждений, они с ночи занимали очередь, чтобы забрать свои вклады. Только за один месяц было изъято свыше 89 миллионов рублей. Предприниматели стали выводить деньги за границу. Немецкие банки потребовали прислать в Берлин транспорт с золотом для обеспечения русских ценных бумаг. И золото было отправлено. Министерство финансов встало перед необходимостью прекратить золотое обеспечение рубля. Это означало бы дефолт государства.

Витте был в панике и не знал, что делать.

И тут Дурново нанес последний удар: 3 декабря был арестован весь Петербургский совет.

В середине декабря начались арьергардные бои революции: восстание в Москве. Общественный кризис вломился в кровавую фазу. В течение нескольких дней Москва фактически была во власти восставших. Положение выправилось после срочной переброски в Москву Семеновского полка под командованием генерала Г. А. Мина. Семеновцы действовали как на войне: на снова забастовавшей Московско-Рязанской железной дороге они захватили руководителей

забастовки и на месте их расстреляли. В самой Москве артиллерийским огнем разбивали баррикады на Пресне. Швейцарские винтовки и револьверы восставших, ранее тайно доставленные из Финляндии на японские деньги, были слабым аргументом против гвардейских пушек.

В середине декабря во время Московского восстания вышел закон о выборах в Государственную думу. Позицию Николая II не изменили ни забастовки, ни разгромы помещичьих усадеб, ни восстания в армии и на флоте. Он отверг требование монархических организаций отменить манифест, надеясь, что воплощение в жизнь его основных положений откроет российскому образованному обществу дорогу к сотрудничеству.

Было решено проводить пропорциональные выборы по сословно-куриальной системе, создавалось четыре курии: землевладельческая, городская, крестьянская, рабочая. Были внесены изменения в «Основные законы Российской империи». Подтверждалась самодержавная система власти. Монарх продолжал руководить внешней политикой, армией и флотом, назначал высших чиновников. Законодательная власть, а также право утверждения штатов и смет различных ведомств, бюджета, отчета Государственного контроля принадлежали Думе. Однако законы должны были утверждаться императором, который имел право в перерывах между сессиями Думы и Государственного совета издавать законы в виде указов. Государственный совет становился верхней законодательной палатой, половина его членов назначалась царем, половина избиралась населением. Конституционные изменения создали новую политическую реальность. Выборы потребовали формирования партий, обнародования их программ, создавали поле легальной политической борьбы. Власть пошла на максимально возможную в тех

условиях либерализацию. Теперь первый российский парламент должен был открыть новую главу истории.

После подавления Московского восстания финансовая ситуация стала выправляться. Перед новым, 1906 годом французские банкиры выдали 100-миллионный кредит, который предотвратил крах.

3 апреля 1906 года после долгих изнурительных переговоров консорциум европейских банков подписал договор на размещение облигаций российского займа на колоссальную сумму 2 миллиарда 250 миллионов франков (843 миллиона 750 тысяч рублей). Цена займа тоже была огромной: на каждые 100 рублей облигаций российский бюджет получал 83,5 рубля; средства подписчиков займа оставались в хранилищах иностранных банков и обеспечивали бумажную эмиссию рубля. За использование этих денег банкиры платили России низкий процент — 1,25 процента годовых.

Милюковские конституционные демократы попытались воспрепятствовать заключению контракта, запугивали западных банкиров тем, что обязательства царского правительства не будут учитываться новым демократическим правительством России. Финансовый кризис был страшнее, чем крестьянские волнения и Московское восстание. Если до него Николай II еще мог маневрировать, то теперь оставалось только одно — быстрее реформировать страну.

Финансовый кризис имел одно отдаленное последствие. Российское правительство намеревалось сделать заем международным, чтобы не привязываться к интересам одной из европейских группировок. В условиях бурного роста экономической и военной мощи Германии Париж и Лондон имели дальние планы однозначно сделать Россию военным союзником, но это не входило в намерения Петербурга. Однако в последний момент германские, итальянские и американские банкиры вышли из состава консорциума.

Заем состоялся только благодаря увеличению доли французов, для которых Россия была единственным на континенте противовесом Германии, но сделка была обусловлена поддержкой Франции в ее чисто колониальном споре по марокканскому вопросу с Германией и урегулированием острых вопросов англо-российских отношений. Финансовый замок защелкнулся, что стало последней ступенью на пути формирования Антанты (Англия, Франция, Россия) и вхождения России в убийственную для нее войну 1914 года. Здесь уместно привести одно замечание Бисмарка: «Есть одно благо для Германии, которое даже бездарность германских дипломатов не сможет разрушить: это англо-российское соперничество».

Русский генерал Евгений Едрихин, писавший под псевдонимом Вандам, предупреждал: «...ввиду подготовляющихся... в Европе событий нам никоим образом не следует класть голову на подушку соглашений с такими народами, искусство борьбы за жизнь которых много выше нашего, а нужно рассчитывать лишь на самих себя»^[44].

Глава восьмая

Царь, император, помазанник Божий —
фигура Николая Александровича Романова. —
Первая дума. — Конституционные демократы

Когда 6 декабря 1905 года Николай II подписывал положение о выборах в Государственную думу, Витте заметил: «Для вас, ваше величество, Государственная дума будет помощником в вашем трудном деле».

«Ах, оставьте, Сергей Юльевич, — ответил царь, — я отлично знаю, что я подписываю образование учреждения, которое будет врагом мне. Но я думаю о будущем, думаю о своем сыне. Мне необходимо учредить новое сосредоточение власти в государстве, которое могло бы укрепить общее положение в стране».

Нет, Николай II прекрасно понимал, чего ждать от этого парламента.

Последний русский царь являлся ключевой фигурой того периода. Он был на десять лет старше Шульгина, родился в 1868 году, во время Великих реформ, находился в подростковом возрасте, когда убили его деда Александра II Освободителя. Верный традициям, он был замечательным отцом и мужем. Получил прекрасное образование, сочетавшее программы университетского курса экономического и государственного отделений юридического факультета и Академии Генерального штаба; изучал каноническое церковное право и историю Церкви; знал английский, немецкий, французский языки; любил историю и литературу. Его преподавателями были министр финансов Н. Х. Бунге, генералы Н. Н. Обручев, М. И. Драгомиров, историк В. О. Ключевский, обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев. И все

же, несмотря на высокий культурный уровень, ему было страшно трудно принимать стратегические решения, диктуемые чуждой ему реальностью. Еще в январе 1895 года, в первые месяцы после коронации, Николай II отказал земским деятелям, предложившим свое участие в консультировании власти, назвав это «бессмысленными мечтаниями».

Интеллигенция ответила словами философа Петра Струве: «...если самодержавие на словах и на деле отождествляет себя с всемогуществом бюрократии... — дело его проиграно, оно само роет себе могилу...»

Николай II продолжал политику своего отца, Александра III: главная идея развития России заключалась в синтезе современной техники и технологии с русскими национальными традициями. Очевидная нелюбовь Николая II к Петру Великому отражала смену государственной идеологии: сложившийся в петровское время светский образ просвещенного монарха, основного носителя европейских ценностей, сменился другим образом — религиозным, тяготеющим к традициям Московского царства. Это не могло не привести к столкновению с европеизированной элитой страны и стало источником неразрешимого идейного конфликта.

Успехи александровского периода в экономике были для Николая II залогом необходимости продолжать этот курс. Весь вопрос заключался в масштабах его личности, в способности железной рукой удерживать баланс государственных сил.

Первая дума оказалась откровенно оппозиционной, больше половины депутатов были настроены по-боевому. Наиболее организованной силой являлись конституционные демократы. И хотя в Думе было 200 консервативно настроенных «царелюбивых» крестьян, но для них главным была не политика, а скорейшее решение земельного вопроса. Понятно, что эта

молчаливая сила пошла за кадетами, в программе которых вопрос решался принудительной экспроприацией земель крупных и даже мелких собственников.

Например, в 1902 году дворянин Павел Николаевич Милюков, помещик, историк, ученик В. О. Ключевского, будущий председатель парламентской партии конституционных демократов, высказался так: «Еще два-три покушения на царских министров, и у нас будет конституция»^[45].

И Милюков в один из периодов станет союзником Шульгина...

За несколько дней до открытия Думы проходил II съезд кадетской партии, и во время заседания с трибуны сообщили новость: убит киевский генерал-губернатор А. П. Игнатьев. Раздались аплодисменты.

Тотчас возмущенные голоса обрушились на аплодирующих будущих депутатов Думы. Но факт остается фактом, народные избранники не собирались осуждать террор.

Как отреагировал на это «Киевлянин», нетрудно понять. Должно быть, тогда Шульгину пришла мысль, что в столице не хватает настоящих монархистов. Однако от Волынской губернии среди избранных депутатов были одни только польские помещики.

Председателем Первой Государственной думы был избран кадет, профессор римского права С. А. Муромцев. Заняв свое кресло, он на первом же заседании вне всякой очереди предоставил слово коллеге по партии И. И. Петрункевичу.

Тот нанес сильнейший удар по правительству и по государственным устоям: он потребовал объявления политической амнистии. («Долг совести, долг чести требует, чтобы первое свободное слово, сказанное с этой трибуны, было посвящено тем, кто добивался

русских политических свобод... Свободная Россия требует освобождения всех, кто пострадал за свободу».)

Призыв Думы амнистировать террористов сочетался с нежеланием думцев морально осудить терроризм.

(Всего за три года революции было совершено 26 628 террористических актов, погибли 669 человек, свыше двух тысяч ранено. По приказу Николая II для борьбы с террористами были учреждены военно-полевые суды, в порядке упрощенного судопроизводства (в 24 часа) террористов стали вешать и расстреливать. В 1905–1913 годах был приговорен к смертной казни 6871 человек, казнен 2981 человек.)

Между тем Дума подготовила «адрес на высочайшее имя», в него фактически вошла вся программа кадетов: упразднить Государственный совет, установить ответственность министров перед Думой, всеобщее голосование, свободу собраний, печати, свободу совести, отмену сословных привилегий, перераспределить помещичьи, казенные и монастырские земли и, наконец, провести политическую амнистию.

В ответ премьер-министр И. Л. Горемыкин (сменивший утратившего опору справа и слева Витте) огласил в Думе правительственную декларацию: «Высказанные Думой пожелания частью выходят за пределы ее компетенции, частью не разделяются правительством, а аграрная реформа, основанная на принудительном отчуждении частновладельческих земель, является, безусловно, недопустимой». Кроме того, Совет министров считал, что «благу страны не отвечало бы в настоящее смутное время помилование преступников, участвовавших в убийствах, грабежах и насилиях».

Дума возмутилась и приняла резолюцию о недоверии правительству, которая мало что значила.

А. С. Суворин отметил, что раскололась основа дворянской империи: «Сам Чехов — русский человек до мозга костей. Не дворянин по рождению, он не плюет на дворянскую жизнь, на дворянский быт, как многие другие, а относится к ним с чувством глубокого русского человека, который сознает, что разрушается нечто важное, разрушается, может быть, по исторической необходимости, но все-таки — это трагедия русской жизни, а не комедия и не забава. Отрезаются прочь хорошие части русского тела в то время, когда жизнь нуждается в крепких, в образованных основах. Умирать мы умеем, но бороться еще не выучились, умирать с надеждой на воскресение, на лучшую жизнь. Поэтическое чувство многое подсказывает Чехову, чего, может быть, толпа и не понимает вполне»^[46].

Выступая перед думцами, заместитель министра внутренних дел Владимир Иосифович Гурко, сын фельдмаршала, героя Русско-турецкой войны 1877-1878 годов, сказал, что даже при отчуждении всех помещичьих земель крестьяне получили бы незначительную прибавку (около десятины на человека), но тогда была бы для них утрачена возможность сторонних заработков в крупных помещичьих хозяйствах, очень важных в крестьянской экономике.

Читая эту полемику, Шульгин и Пихно знали, что Гурко сказал правду. И «Киевлянин» тотчас откликнулся. Несомненно, основной прибавочный продукт в деревне давали крупные дворянские хозяйства.

Возражал Гурко кадет М. Я. Герценштейн и, не найдя убедительных доводов, произнес роковые слова, которые многие восприняли как оскорбление: «Или вам

мало майской иллюминации, которая унесла в Саратовской губернии 150 усадеб?»

Герценштейн был евреем, и учитывая остроту еврейского вопроса и то, что среди террористов было много евреев, его слова приобрели дополнительную угрожающую окраску. Через несколько недель он был застрелен. Молва приписала убийство Союзу русского народа, хотя сами правые всячески отрицали это.

Впрочем, СРН не был террористической или погромной организацией. Он возник как дворянский ответ на вызов виттевской индустриализации и политических трансформаций последнего времени. Не национальный вопрос, а вопрос «русского» государственного устройства был главным в программах СРН. Как пишет современный исследователь Максим Размолодин, «...обращение правонархистов к террористическим действиям в большинстве своем происходило как ответная реакция на массовые революционные проявления, угрожавшие основам государственного строя. Даже вполне укоренившееся в отечественной историографии мнение о причастности СРН к убийствам М. Я. Герценштейна, Г. Б. Иолосса и А. Л. Караваева ставится в современных исследованиях под сомнение».

Глава девятая

«Черная сотня» и националисты. — Позиция Шульгина

Шульгин имел прямое отношение к Союзу русского народа, был почетным председателем Острожского уездного отделения союза. Однако, как ни удивительно, настоящим черносотенцем он не стал, так как СРН, выступая в защиту традиционной монархии и православия, был принципиальным противником законодательной Думы.

А Шульгин был сторонником парламентаризма, при этом подчеркивал, что является националистом и монархистом.

Символично, что стихотворение Шульгина «Пал богатырь. На пир кровавый...» стало поэтическим эпиграфом «Книги русской скорби», посвященной памяти погибших от революционного террора. Эта книжная серия издавалась по инициативе Русского народного союза имени Михаила Архангела в 1908–1914 годах. Председателем редакционной комиссии являлся В. М. Пуришкевич, Шульгин был ее членом.

О Союзе русского народа, Всероссийском национальном союзе (ВНС) и вообще о русских национальных организациях необходимо сказать особо: в период первой русской революции эти организации стали главными противниками либералов и революционеров.

Философ Н. А. Бердяев заметил: «Россия была темным мужицким царством, возглавленным царем. И это необъятное царство прикрывалось очень тонким культурным слоем. Царь охранял культурный слой от

напора народной тьмы, не нуждавшейся в высшей культуре»^[47].

Уточним: царь охранял все государство целиком, а не одну его часть. Здесь Бердяев преувеличил ради укрупнения картины.

«Черная сотня» возникла как движение консервативных слоев в ответ на самоустранение правительственной бюрократии от борьбы. Монархисты «черной сотни» поддерживали того, кто, как тогда говорили, — удерживал.

Они преимущественно обитали и действовали в провинции, в столице их влияние было слабым. Санкт-Петербург, в котором проживали на январь 1914 года 2,1 миллиона человек (около девяти процентов городского населения России), принадлежал иной политической силе, среди составляющих которой кроме кадетов надо выделить и членов тайных масонских лож.

По сути традиционалисты (черносотенцы и националисты) и западники-либералы были центрами двух социокультурных ядер Российской империи, их столкновение закончилось катастрофой и изгнанием большей части «Петербургской России» из страны.

Еще в самом начале XX века были созданы организации — Русское собрание и Союз русских людей, носившие элитарный характер и включавшие в себя представителей высшего дворянства и патриотическую интеллигенцию. «Согласно уставу, утвержденному 26 января 1901 года, основной целью Русского Собрания была борьба с космополитизмом верхнего слоя русского общества. Русское Собрание стремилось в сфере культуры и образования подготовить условия для пробуждения и выражения национальных чувств»^[48].

Председателем собрания был князь Д. П. Голицын.

Союз русских людей объединял представителей высшего дворянства. Во главе стояли князь

А. Г. Щербатов и известный экономист С. Ф. Шарапов, которые были главными идеологами организации. Его идеология — идеалы допетровской Руси, в частности монархия XVII века; подлинными русскими классами признавались дворянство, крестьянство и купечество, которым противопоставлялась космополитическая интеллигенция. По мнению Шарапова, за финансовую политику Витте, опирающуюся на международные займы, приходится расплачиваться разорением народа и выплатой непосильных процентов.

В советское время черносотенцев и националистов причисляли к погромщикам и предшественникам фашистов, что в действительности было неверно и мало что объясняло. В постсоветское время дореволюционный национализм воспринимается более спокойно. Современный исследователь Максим Размолодин пишет; «Черная сотня хронологически проявилась как массовое и самоорганизованное движение носителей традиционных ценностей, возникшее как ответная реакция на деятельность либерального и революционного лагерей в момент наибольшей опасности для самодержавно-монархической системы.

Свою роль крайне правые идеологи видели в том, чтобы мобилизовать консервативную часть общества на отстаивание основ традиционного общества для того, чтобы „с корнем вырвать и выместить из земли Русской международную подпольную нечисть“, и рассматривали свои организации как силу, подготовленную для борьбы одновременно на всех фронтах по принципу: „Хочешь мирного преуспевания, будь готов к войне“. Поэтому черная сотня, будучи движением реакционно-охранительным, не являлась агрессивным в условиях общественно-политической стабильности и отсутствия угроз. Ведя духовные корни из Смутного времени и утверждая преемственность с ополчением XVII в.,

основатель Русской монархической партии В. А. Грингмут указывал на появление обоих движений в критические моменты истории: „Враги самодержавия называли черной сотней простой, черный русский народ, который во время вооруженного бунта 1905 года встал на защиту самодержавного царя. Почетное ли это название, „черная сотня“? Да, очень почетное. Нижегородская черная сотня, собравшаяся вокруг Минина, спасла Москву и всю Россию от поляков и русских изменников, и к этой славной черной сотне присоединился и князь Пожарский с верными царю русскими боярами. Все они были настоящими „черносотенцами“, и все они стали, как и нынешние „черносотенцы-монархисты“, на защиту православного монарха, самодержавного царя...”

Царь воспринимал СРН как союзную силу. Так, в его телеграмме от 5 июня 1907 года говорилось: „Да будет же мне Союз русского народа надежной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка“.

С точки зрения идеологов черной сотни, „антирусский“ характер революции 1905–1907 годов проявился в активном участии в ней национальных меньшинств, ставивших целью оттеснение носителей базовых русских ценностей от власти и развал страны. В аксиому был возведен тезис, что российская революция носит „инородческий“ и „еврейский“ характер. „Русское знамя“ заявляло, что революция поддерживалась „жидовским золотом, японской дружбой, финляндским оружием и польской изменой“...

Правомонархисты подчеркивали, что революция значительно ослабляет силы нации, поскольку разрушение старого и создание нового государства является исключительно затратным...

В этих оценках черносотенцы были не одиноки. Такой же характер революции 1905–1907 годов

подчеркивали и националистические партии, в частности Всероссийский национальный союз (ВНС).

Будущее революционной России изображалось в мрачных тонах...» ^[49]

Среди руководства СРН было много известных священников, ученых, писателей: академик А. И. Соболевский, митрополит Антоний (Храповицкий), архиепископ Ярославский и Ростовский (будущий патриарх) Тихон (Белавин), протоиерей Иоанн Кронштадтский. Всего же в таких организациях, как Русское собрание, Союз русских людей, Русская монархическая партия, Союз русского народа, Русский народный союз имени Михаила Архангела, Всероссийский национальный союз, состояли многие выдающиеся специалисты: академик-филолог К. Я. Грот, академик-ботаник В. Л. Комаров (впоследствии — президент Академии наук), академик-историк Н. П. Лихачев, академик-византиевист Н. П. Кондаков, создатель первого в России оркестра народных инструментов В. В. Андреев, врач-профессор С. С. Боткин, актриса М. Г. Савина, поэты Константин Случевский и Михаил Кузмин, художники Константин Маковский и Николай Рерих, книгоиздатель И. Д. Сытин, наш знакомый профессор Д. И. Пихно...

Шаткость устоев после убийства Царя-освободителя не переставала волновать традиционалистов, причем неустойчивость не верхушечная, а глубоко фундаментальная. Вот как о несдерживаемой народной массе высказывался философ и историк Федор Степун: «Было бы величайшей ошибкой мыслить себе революционные массы крестьян, идущих жечь барские усадьбы, совершенно непохожими по своему внутреннему облику и по своим переживаниям на охотнорядских молодцов, громящих студентов и „жидов“».

Психология обеих толп вряд ли очень различна. Прежде всего необходимо, конечно, протестовать против распространенного в левых кругах представления, что „красная“ банда — всегда масса, а „черная“ масса — всегда банда»^[50].

Ленин тоже не обошел тему черносотенцев: «В нашем черносотенстве есть одна чрезвычайно оригинальная и чрезвычайно важная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это — темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий»^[51].

В другом месте он прямо утверждал, что тот, кто против революции, — тот черносотенец.

Кстати, в допетровской Руси лично свободные обитатели слобод и посадов, податное население, то есть простой православный народ, назывались «черными». Из этих «черных» или «земских» людей и образовались «разряды или местные общества», которые назывались «черные сотни».

В 1906–1908 годах черносотенство было самым массовым общественно-политическим движением России. По подсчетам Департамента полиции, в 1906 году его участников насчитывалось около пятисот тысяч человек, сами черносотенцы называли до трех миллионов.

Революция 1905 года была пиком активности правоконсервативных слоев общества. После Столыпинской аграрной реформы и политического модернизационного процесса «черная сотня» отошла на третий план и в феврале 1917 года оказалась неспособной защитить ни Церковь, ни монархию.

Разница между СРН и ВНС была очевидной. Националисты ставили во главу угла нацию и отодвигали на второй план православие и самодержавие, главнейшие для черносотенцев. После

окончания революции черносотенное движение пошло на спад, тогда как националисты сочли возможным встроиться в думскую систему разделения властей и стали вполне респектабельной, хотя и не основной парламентской силой. Здесь нашел свое место и Шульгин.

В известном смысле националистами можно было назвать и выдающихся отечественных либеральных философов, отшатнувшихся от революционного ужаса 1905 года и издавших знаменитый сборник «Вехи». Петр Струве в статье «Интеллигенция и революция» фактически отрекся от своих прошлых идей: «Идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчужденность от государства и всякого общественного порядка как таковых»^[52].

Впрочем, разница между национальными объединениями была ощутимой. Всероссийский национальный союз (ВНС) был ближе к чисто русским проблемам.

Действительно, по доходам, уровню образования, продолжительности жизни русские находились далеко не на первом месте, уступая полякам, финнам, татарам, евреям, армянам. Бюрократический аппарат империи относился к обеспечению прав русских, мягко говоря, равнодушно, что особенно проявлялось на окраинах. Так, соратник Шульгина по Думе епископ Волынский Евлогий (Георгиевский) утверждал, что русские чиновники подчинились богатым польским помещикам и отстаивают их интересы. Нерусские народы получали налоговые льготы. На Кавказе при равнодушии наместника Воронцова-Дашкова регулярно происходили убийства русских, а русские предприниматели жаловались, что наместник полностью следует в русле экономических интересов армянских торговцев. В Санкт-Петербурге, Киеве полицейские сплошь и рядом

нарушали закон о еврейской черте оседлости и демонстрировали незаинтересованность выдворять из городов незаконно там проживающих внутренних мигрантов. При этом полиция рассматривала евреев как постоянный источник собственного коррупционного дохода.

Как видим, все эти проблемы отличаются большей конкретностью, чем программы других русских объединений. Однако коронная власть никогда не воспринимала чаяния своих православных подданных в качестве обязательных для исполнения, будучи не чисто русской, а имперской властью. Националисты этого не понимали или не хотели понимать.

Наибольшей поддержкой ВНС пользовался в юго-западных и западных губерниях, где русские землевладельцы и городская элита ощущали как экономическое, так и культурное и политическое давление со стороны инородческого элемента (польских помещиков, еврейских предпринимателей, украинской интеллигенции и т. п.).

Соответственно, региональным центром был Киевский клуб русских националистов, в котором яркую роль играли Д. И. Пихно, В. В. Шульгин, один из лучших сотрудников «Киевлянина» А. И. Савенко. Влияние южнорусских националистов возрастало.

А «русская проблема» в империи постепенно обострялась. В исследовании современного историка Бориса Миронова это выглядит так:

«Составной частью национальной политики являлось то, что правительство с помощью налоговой системы намеренно поддерживало такое положение в империи, чтобы материальный уровень жизни нерусских, проживающих в национальных окраинах, был выше, чем собственно русских, нерусские народы всегда платили меньшие налоги и пользовались льготами...

Юдо-, армяно- и германофобия противоречила стремлению центрального правительства к полной правовой, административной и культурной интеграции империи и в принципе не поддерживалась им. Евреи и отчасти армяне и немцы по инициативе снизу превращались в „козлов отпущения“ за все социальные и экономические проблемы, вызванные ускоренной модернизацией, и за просчеты, совершенные правительством во внутренней политике; антисемитизм выполнял важную социальную функцию — служил шлюзом, через который выходило массовое недовольство. Дискриминация евреев усилилась после убийства Александра II, в котором принимала участие еврейка... Обсуждая в Кабинете министров в апреле 1881 г. еврейский вопрос, председатель Комитета Н. Х. Рейтерн заявил: „Нужно защищать всякого от незаконных посягательств. Сегодня травят и грабят евреев, завтра перейдут к так называемым кулакам... Потом может очередь дойти до купцов и помещиков. При подобном бездействии властей возможно ожидать в недалеком будущем развития самого ужасного социализма“...

Среди наиболее активных революционеров, сосланных в Сибирь в 1907-1917 гг., на долю русских приходилось около 40 процентов, а на долю нерусских — 60 процентов... Латыши были в 8 раз активнее русских, евреи — в 4, поляки — в 3, армяне и грузины — в 2 раза. Остальные народы проявляли слабую революционность. Наименее активными были украинцы и белорусы. Первые были в 3 раза менее активными, чем русские, вторые — в 11 раз. В „антиэлите“ — среди руководства революционных организаций — всюду преобладали лица нерусского происхождения...

Проводимая с начала XX века политика русификации была направлена не на улучшение положения русских, как можно подумать, а на

национальную интеграцию государства, так как русские (без малороссов и белорусов) уже составляли 45 процентов населения России, а нерусские проявляли настойчивое стремление к автономии.

По уровню грамотности русских опережали прибалтийские народы, поляки, евреи, финны и даже волжские и крымские татары, которые активно использовали письменность как средство сохранения своей национальной идентичности. Нерусские были значительно шире, чем русские, представлены среди людей квалифицированных профессий. Жизненный уровень русских был одним из самых низких в империи. Наконец, начиная с 1830 г. нерусские народы постоянно создавали политическую напряженность, поддерживая революционное движение, с которым национальные движения по большей части совпадали. Постоянная необходимость обеспечения безопасности, поддержания власти и общественного порядка тяжелым бременем ложились на страну, прежде всего на русских, ограничивая возможности социального, экономического и политического развития Центра страны, и тем самым способствовали сохранению отсталости России.

Даже евреи, хотя и проживали в черте оседлости и подвергались другим дискриминационным мерам, не закрепощались, не рекрутировались в армию наравне с русскими, имели налоговые льготы и др. Процент евреев в гимназиях составлял в 1865 г. — 3,3 процента, в 1870 г. — 5,6 процента, в 1877 г. — 10 процентов, в 1881 г. — 12,3 процента, но в последующие годы стал снижаться. То же наблюдалось и в высшей школе: в 1881 г. — 8,8 процента, в 1886 г. — 14,5 процента, в 1907 г. — 12,1 процента, в 1911 г. — 9,4 процента. В черте еврейской оседлости еще в 1880 гг. евреи преобладали на некоторых факультетах, например медицинском и юридическом: в 1886 г. на медицинском

факультете Харьковского университета доля евреев составляла 41,5 процента, Одесского университета — 30,7 процента, а на юридическом — 41,2 процента. Крещеные евреи имели те же права, что и русские, и иногда делали исключительную карьеру на светской, военной или религиозной службе. Среди евреев известны генералы, адмиралы, министры и даже епископы. Например, внук крещеного еврея Александр Кржижановский (1796–1863) стал архиепископом»^[53].

Было ли удивительным, что князь А. П. Урусов в своей речи на учредительном собрании ВНС определил самым страшным народным злом космополитизм? Именно космополитизм лежал, по мнению националистов, в основе революционного движения. Именно «борьбу с космополитизмом» партия считала одной из своих главных задач. В пример России ставились Англия и Германия, достигшие процветания именно благодаря победе над космополитизмом. В самой России все инородцы, по словам А. И. Савенко (Киевлянин. 1906. 30 августа), «решительные националисты, а космополитами хотят сделать только русских».

Русский народ в империи, по определению Урусова, должен был занимать «место первого среди равных». Националистические идеи были определены им довольно мягко: «Всем — и русским и инородцам — на Руси должно быть безобидное житье». «Никак нельзя допускать, — говорил он, — хотя бы малейшего унижения в России русского же человека, который первый создал нынешнюю нравственную и физическую мощь своей великой Родины».

«С этой целью планировалось, как указывал первый параграф Устава ВНС, содействовать: а) господству русской народности в пределах Российской империи; б) укреплению сознания русского народного единства; в)

устройству русской бытовой самопомощи и развитию русской культуры; г) упрочению русской государственности в началах самодержавной власти царя в единении с законодательным народным представительством»^[54].

Большинство русских националистов не могли понять основного: Российская империя базировалась не на этническом и религиозном самосознании русских, а на династическом и сословном принципах. Без них было бы невозможно управлять государством, которое включало десятки народов, находившихся на разных уровнях развития. Поэтому Россия смогла конкурировать с колониальными западными и победить в борьбе с восточными империями.

Неорганизованность русского населения была явлена во время выборов в Государственную думу. Суворин прокомментировал это так:

«В Киеве, „матери городов русских“, русских людей не оказалось. Выборщиков евреев — 55, русских — 15 и 1 поляк. Значит, в „матери городов русских“, где евреи не пользуются даже правом свободного жительства, огромное большинство выборщиков евреи. Если будет выбран кто-нибудь из русских, это будет милостью со стороны евреев. Что евреи соблаговолят, то и будет. Значит, среди евреев есть люди, а среди русских нет. 19 апреля 1906 года»^[55].

Пройдет немного времени, и Шульгин, один из немногих националистов, окажется способным преодолеть этот врожденный порок единомышленников и прямо внедриться в чужой лагерь, став там крупной влиятельной фигурой. Однако произойдет это не на уровне Киевского клуба русских националистов, где тон задавал и Д. И. Пихно, а на имперском уровне в разгар мировой войны.

Глава десятая

Выборы «лесного человека» в Государственную думу. — Русские помещики и крестьяне заключают союз против поляков

Депутатом Шульгин стал отчасти случайно, отчасти закономерно. На самом деле, как следует из теории А. Тойнби, Шульгин просто ответил на вызов, примерно так же, как черносотенцы ответили на революцию, то есть он изначально находился в состоянии готовности.

О предвыборной кампании Шульгин поведал в своей книге «Годы». Из повествования видно, что уже в 29 лет он был политическим воином.

Выборы во Вторую Государственную думу стали рубежом в его судьбе. Если выборы в Первую завершились на Волыни полным доминированием поляков, то сейчас русские помещики, преодолевая свою привычную нерасположенность к активности вне родного поместья, ввязались в настоящую драку.

На предварительном совещании в уездном Остроге поляки демонстрировали свое превосходство. Избранный председателем собрания седовласый породистый помещик Могильницкий начал свое выступление так: «После сорокалетнего невыносимого гнета...»

Видимо, предполагал, что проглотят. Но неожиданно получил отпор. И от кого? От юного Шульгина!

«Здесь было сказано: „сорокалетний невыносимый гнет“. Чей гнет? Русской власти. Кого она угнетает? Польских помещиков. Однако это сорокалетнее угнетение не очень на угнетаемых отражается. Когда проезжаешь мимо красивых и уютных усадеб,

получаешь впечатление, что польские помещики живут недурно. Кроме того, слова, здесь сказанные, о невыносимом гнете — это речь свободных людей. А гнет унижает, пригибает. Угнетаемые молчат.

Поэтому если мы желаем до чего-нибудь договориться, то нельзя начинать нашу беседу о невыносимом сорокалетием гнете. Этот „невыносимый“ гнет еще можно как-нибудь снести, принимая во внимание, что на нас сегодня надвигается. Из этой черной тучи скоро грянет гром, и новый гнет раздавит нас новыми методами угнетения, то есть отнимет от нас все наше достояние и развеет пепел сожженных наших жилищ».

Шульгин, можно сказать, предупредил. Что следует из этой реплики?

Молодой русский «оккупант», нисколько не стесняясь, напомнил о классовой солидарности. Никаких вам «неудобно», «неинтеллигентно». Это речь имперского представителя в удаленной от Рима провинции.

Шульгин: «Поощренные относительным успехом своим в первой Думе, где польское коло^[56] насчитывало около сорока депутатов, польские помещики замыслили провести во вторую Государственную Думу гораздо больше своих представителей. После роспуска первой Государственной Думы в Варшаве собрался съезд. На него явились представители от всех губерний, где имеются поляки, то есть от всей Западной России, Литвы и Царства Польского. На съезде было постановлено: попытаться довести число депутатов поляков во второй Государственной Думе до максимального предела, с таким расчетом, чтобы польское коло составило сто человек. Для этой цели везде, где поляки будут выбирать совместно с русскими, последних в Думу не пропускать.

Свое решение, неизвестно для чего, поляки распечатали в газетах. Это было, как говорится, „немножко множко“ и вызвало отпор.

Спящие русские помещики проснулись. Инициативу взяли подоляне. Они созвали в Киеве съезд русских землевладельцев Юго-Западного края, то есть губерний: Киевской, Подольской и Волынской. Это было в октябре 1906 года. Приглашались все, но приехало не так много, человек полтора, если память мне не изменяет. Чтобы дать понятие о продолжающейся спячке, можно сказать следующее.

В Юго-Западном крае примерно сорок уездов. Значит, грубо говоря, три-четыре человека приехали от уезда. А сколько в каждом уезде было помещиков, которые могли явиться?

Не знаю, но много. В нашем Острожском уезде было более пятидесяти человек, которые по спискам имели право участвовать в избирательном собрании уезда. Из них в Киев приехали двое: Сенкевич и я.

Двое! Значит, из пятидесяти проснулось только четыре процента. К этому нелишне прибавить, что с Ефимом Арсеньевичем Сенкевичем я познакомился на этом съезде, хотя от моего имения Курганы до его имения Лисичье всего пятнадцать верст, то есть час езды в хорошую погоду. Остальных помещиков, участников съезда, я тоже не знал никого. Это показывает, в каком разобщении мы жили».

Теперь предстояло преодолеть разобщенность. И на Шульгина пал этот жребий. Почему на него?

Он уже был человеком XX века, а не героем прошлого, как большинство его русских и польских коллег.

«Я не имел никакого влечения к политике, хотя и вырос в политической семье. Меня притягивала история Волыни. Это выразилось в том, что я начал писать

исторический роман из жизни XVI века под заглавием „Приключения князя Воронцовского“»...

Кстати, герой этого романа тоже воевал с поляками.

В журнале «Исторический вестник» (1914. Май. Т. 136. С. 713) была опубликована хвалебная рецензия на это произведение: «...чем-то совершенно необычайным, светлым и поэтичным веет со страниц романа В. В. Шульгина. Это — *horribile dictu!* (страшно сказать) — роман исторический из истории Юго-Западного края XVI века, напоминающий несколько по своей фактуре романы Сенкевича и посвященный описанию борьбы южнорусского элемента с польскими завоевателями. Роман написан с большим знанием истории Юго-Западного края, и нам думается, что историческою подоплекою своего произведения автор обязан своему соименнику — историку В. Шульгину, профессору киевского университета, основателю газеты „Киевлянин“ и знатоку судеб Юго-Западного края. Роман этот принадлежит к типу романов *de cape et d'pe*, описывает приключения обедневшего потомка знатного южнорусского рода, ведущего свое родословие от Владимира Красное Солнышко. Получив образование в Западной Европе в итальянском и парижском университетах, юный князь по дороге домой к отцу попадает в гущу столкновений между иерархом русской православной церкви и неистовствующими насильниками поляками...

Роман написан с теплым поэтическим чувством, очень талантливо и с большим знанием истории, быта, эпохи и даже ее языка, на котором излагается переписка между действующими лицами. В. Ш.»^[57].

Что же предстояло совершить нашему герою в противоборстве с реальными оппонентами?

Получив списки выборщиков и карту уезда, он вместе с Сенкевичем занялся «сборкой» разрозненных

землевладельцев, имевших право участвовать в выборах. Те, кто владел 200 десятинами земли и выше, были «цензовиками», обладали полновесным голосом, а те, у кого было меньше, могли кооперироваться, выбирать уполномоченного и только так получать искомое право. Однако собрать всех вместе, ибо лишь вместе можно было победить поляков, было крайне трудно.

«В списках избирателей сказывалось, сколько каждый имеет земли. Проделав утомительную арифметику по сложению этих клочков, мы узнали, что у всех „мелких“ (для простоты так их называли) в совокупности имеется свыше шестнадцати тысяч десятин. Разделив сию цифру на двести, мы сделали потрясающее открытие: если мелкие используют всю свою землю, то их уполномоченные явятся в Острожское губернское избирательное собрание в числе восьмидесяти человек. Восемьдесят! Это обозначало, что в этом случае не цензовики будут хозяевами выборов, а уполномоченные».

То есть русские могли получить решающий перевес.

Кроме того, небольшими участками земли владели православные священники (свыше ста приходов!) и чешские колонисты. Они стали важным резервом в шульгинском плане предвыборной кампании.

Не только резервом, но и системообразующим фактором.

«Я написал и послал свыше ста открыток одинакового содержания: „В Вашем приходе, уважаемый отец такой-то, проживают такие-то лица. Им надлежит прибыть на выборы в Государственную Думу туда-то тогда-то. Предвыборный комитет просит Вас напомнить им об этом их долге в ближайший к выборам праздничный день, после службы“.

Эти невинные открытки и решили дело по существу».

Итак, соединились — организационный талант Шульгина, пробудившееся национальное чувство русских помещиков, пропагандистские усилия священников, здравомыслие крестьян.

Победа?

Не тут-то было. Паны применили военную хитрость, на уездном собрании подтолкнули Шульгина объяснять выборное законодательство, а в результате подали кассационную жалобу, обвинив его в неуместной и незаконной пропаганде.

«И губернатор кассировал выборы и назначил новые. Срок для новых выборов был указан очень краткий. Обычным казенным путем, то есть через публикацию, было невозможно довести до сведения выборщиков, что им надо ехать в Острог вторично. И этот срок и не мог быть более долгим, так как в таком случае острожане не попали бы в Житомир к 6 февраля».

После этого Шульгину надо было придумать что-то новое.

Новое было рядом, его возможности надо было просто осознать. Это телеграф!

«Каждый телеграфный пункт обслуживался, между прочим, мальчишками из села. Эти юные вестники пешком во всякую погоду днем и ночью доставляли телеграммы во всякое село или имение. Они назывались „нарочные“ и получали плату десять копеек с версты, которую платил отправитель телеграммы, означив в адресе: туда-то нарочным, тому-то. Получатель, если хотел, давал мальчику на чай, деньги тогда были дорогие. Мальчик, доставивший двадцать пять телеграмм на среднее расстояние в десять верст, мог за двадцать пять рублей купить себе хорошую лошадку. Это не принял в расчет Витольд Еловицкий. Я послал около восьмидесяти телеграмм, что мне стоило около двухсот рублей. От этого я не разорился, а мальчишки

побежали марафонским бегом во все концы уезда. Результаты?

Все уполномоченные, числом шестьдесят, явились как один. Телеграмму! Шуточное ли дело! Для некоторых из них это была первая телеграмма в их жизни, а может быть, и последняя.

Явились и девятнадцать помещиков. Выборы состоялись снова, и пятьдесят пять поляков были вновь положены на обе лопатки.

Это была победа вроде тех, что одерживал Богдан Хмельницкий, но мы не призывали на помощь татар. Как! А чехи? Да, за татар у нас были чехи. Но ведь они — братья-славяне».

Бесспорно, промышленная революция с ее телеграфом поможет преодолеть хитрость конкурентов. И 200 рублей, потраченные Шульгиным из собственного кармана, тоже впечатляют. Но при чем тут Богдан Хмельницкий? Значит, при том. Не остыла кровь... Одни подданные русского императора против других его подданных. Это бесспорный факт.

Результаты голосования в губернском Житомире не были неожиданными.

После трудного разговора с крестьянами, которые соглашались отдать помещикам только три думских мандата, а не четыре, как те хотели, результаты выборов окончательно определились. Шульгина избрали депутатом Государственной думы второго созыва.

«И кончилось. Крышка гроба захлопнулась. Я был заживо погребен навсегда. Там я лежал — политик, политику ненавидящий.

В соборе архиепископ Антоний отслужил торжественный молебен. Райские звуки струил хор, но мне молебен казался панихидой. 6 (19) февраля 1907 года я похоронил свою свободу»^[58].

Интересная история — может быть, лучшее, что написано о выборах. И роль Церкви прекрасно видна... Но что-то здесь тревожит. Что именно? Твердость и неуступчивость крестьян. «Действительно, это была победа, в которую и верить было трудно».

Поведав эту историю, Шульгин замечает: «Идея национального единства, поддержанная Церковью, одержала верх».

Мы же подчеркнем то, что отметил помимо своего желания и Василий Витальевич, — Российское государство в целом было далеко не так едино, как казалось.

Дополнительным обстоятельством шульгинской кампании являлось отрицательное отношение евреев к мобилизационному стремлению русских, то есть еврейское население выступило на стороне поляков. Это вполне объяснимо, так как ни поляки, ни евреи не хотели ассимилироваться и сохраняли свои национальные структуры и способность к самоорганизации.

У русских такой способностью обладали два института — государь и крестьянская община. Но самодержец являлся не только русским царем, но и российским императором, а значит, был сильно ограничен в чисто национальных устремлениях; община же разрушалась под воздействием реформ.

Этот процесс понимали немногие, но чувствовали почти все.

Неустойчивость обстановки в империи отражена в воспоминаниях П. Н. Милюкова: «Далеко было то время (Первой Думы), когда в Центральном комитете партии Народной свободы участвовали такие видные представители народностей России, как А. Р. Ледницкий (поляк), Я. Чаксте (будущий президент Латвийской республики), Я. Я. Теннисон (будущий премьер эстонского правительства), М. С. Аджемов (армянин),

М. М. Топчибашев (председатель азербайджанского правительства), И. Я. Шраг (украинский деятель) и др. Теперь представители национальных интеллигенций, лишенные значительной части мандатов в Третьей Думе, перебрались за границу и организовали там пропаганду против России — „тюрьмы народов“...»^[59]

Глава одиннадцатая

В Таврическом дворце. — Шульгин в Царском Селе. — Государственный переворот. — Диктатор

Обычно первое впечатление — самое яркое и запоминающееся. Член ЦК кадетской партии, думский журналист Ариадна Тыркова появление нашего 29-летнего героя в Государственной думе запомнила так: «Это был очень культурный киевлянин, молодой, благовоспитанный. Говорил обдуманно и умело. Самые неприятные вещи Шульгин преподносил с улыбочкой. Оппозицию он язвил неустанно и подчас очень зло. Марков был кадетояд, Шульгин социалистоед. Одна его фраза, сказанная, насколько помню, еще во второй Думе, стала кулуарной поговоркой. Сказана она была по поводу резких выступлений оппозиции, порицавшей правительственные способы борьбы с терроризмом. Особенно горячились трудовики. Под их флагом прятались тогда и социалисты-революционеры. Они продолжали, поскольку сил хватало, убивать представителей власти, крупных и мелких.

Шульгин взошел на трибуну и, обращаясь к левым, с ехидной улыбочкой на остром лице спросил:

— А скажите, господа, положи руку на сердце, не принесли ли вы сюда бомбочку?

Эти слова, произнесенные тихо, отчетливо, вежливо, вызвали целую бурю. Справа шумно, радостно аплодировали. В центре октябристы смеялись. Слева возмущенно требовали, чтобы Шульгин взял свои слова обратно. Возмущались и кадеты. Позже выяснилось, что у социал-революционеров действительно был план убить Столыпина в Таврическом дворце...»^[60]

Как видим, Шульгин нравился женщинам, даже политическим оппоненткам.

Его портрет той поры: худощавый, высокий (около 180 сантиметров, что в те времена было очень немало), большой насмешливый рот, пышные усы — прямо-таки герой-любовник. При этом находчивый, дерзкий, умный.

Из протокола допроса В. В. Шульгина в Управлении контрразведки Смерш 3-го Украинского фронта 15 января 1945 года:

«Вопрос: Почему вы просите особо выделить период вашей контрреволюционной деятельности, относящийся к 1907 году?

Ответ: Потому что моя антиреволюционная деятельность этого года в смысле политических взглядов имеет некоторое отличие от последних лет.

Вопрос: А именно?

Ответ: С февраля 1907 года я был избран во 2-ю Государственную Думу от правых и в Думе принадлежал к этой же фракции. В соответствии с моим избранием я вел крайне резкую борьбу со всем тем, что носило характер революционного движения. Все мои выступления во 2-й Государственной Думе носили резко антиреволюционный характер.

Вопрос: Каким образом вы оказались в лагере так называемых правых?

Ответ: В лагере правых я очутился вследствие воспитания, которое мне дал отчим — профессор Дмитрий Иванович Пихно. Кроме того, газета „Киевлянин“, основанная моим отцом, профессором университета, Виталием Яковлевичем Шульгиным и в течение долгих лет руководимая моим отчимом, вела резкую борьбу с революционным движением 1905 года и находилась на самом крайне правом политическом фланге. Поэтому во 2-й Государственной Думе я оказался на крайне правом крыле.

Вопрос: Вы примыкали тогда к каким-либо политическим группам?

Ответ: Да.

Вопрос: К каким?

Ответ: В 1907 году я работал в так называемом „Союзе архистратига Михаила“, председателем которого был Владимир Митрофанович Пуришкевич, а затем иногда выступал в „Русском собрании“.

Вопрос: Что это за „Русское собрание“?

Ответ: „Русское собрание“ существовало в г. Петербурге, и в него входили наиболее реакционные правые круги столицы, так, например, председателем собрания был граф Гейден, а членами — Пуришкевич, адвокат Булацель и другие члены Государственной Думы.

Вопрос: Стало быть, вы примыкали к черносотенцам?

Ответ: Да.

Вопрос: Какие политические цели ставил союз, к которому вы примыкали?

Ответ: Главной целью „Союза архистратига Михаила“ была борьба с нарастающим революционным движением и поддержка исторически сложившегося монархического строя, причем исключительно в форме самодержавия»^[61].

Вторая дума представляла собой незавершенное явление, недаром она просуществовала очень недолго, с 20 февраля по 3 июня 1907 года.

После досрочно распущенной Первой думы, покушения на председателя правительства Столыпина и введения военно-полевых судов обстановка в стране была очень тревожной, но более спокойной, чем в конце 1905-го — начале 1906 года. В уездах начали работать правительственные комиссии по проведению аграрной

реформы, которая была объявлена указом императора 9 ноября 1906 года.

Теперь крестьяне могли без разрешения общины выходить из нее. Они получили возможность покупать землю через Крестьянский банк по льготной цене в многолетний кредит — до 95 процентов стоимости кредита оплачивало государство. В Крестьянский банк передавались государственные земли и земли, принадлежавшие царской семье. При этом земля не продавалась ни помещикам, ни крестьянским обществам, ни банкам, ни горожанам — только в личную собственность крестьян. Таким образом, возможная спекуляция приобретаемой землей исключалась. Большинство покупателей были середняки и бедняки.

Началась Столыпинская аграрная реформа, которая, не задевая поместных дворян, должна была наделить землей желающих расширить свое хозяйство крестьян. Ее политическую оценку дал руководитель российских большевиков Владимир Ленин. Делая ставку на «сильных хозяев», правительство не предполагало насильственного разрушения общины. В стране стали параллельно существовать два мира с различным экономическим устройством: одна треть крестьян — активные «рыночники» и две трети — их антиподы. При этом те крестьяне, которые продали свои наделы и перебрались на заводы и стройки, несли туда общинную психологию. Можно сказать, что под внешним покровом этой реформы Россия оставалась двуликим существом, состоящим из двух половинок. Порой их различие доходило до того, что язык, на котором изъяснялись люди из простонародья, не был понятен образованным горожанам, и наоборот.

Впрочем, у Столыпина и его многих сторонников, к числу которых относился Шульгин, были основания надеяться на то, что государство проскочит между

крестьянским молотом и монархической наковальней. Подтверждение этому — в начавшемся процессе постепенной адаптации общины к рыночной экономике, в развитии кооперативного движения. К 1914 году в стране работали уже десятки тысяч кооперативов, в которых крестьяне приобретали опыт самостоятельного ведения дела, самоуправления, взаимодействия с властями.

Стратегическая цель реформ: создать в деревне опору государственной власти из крепких собственников, избыток рабочей силы направить в растущую промышленность, обеспечить модернизацию сельского хозяйства.

И вот что особенно важно: мелкие и средние фермерские хозяйства должны были объединяться в самоуправляемые структуры под патронажем крупных дворянских усадеб. Возможно, это была эволюционная коллективизация сельского хозяйства. Мы знаем, что она не удалась, была доведена до логического конца только в 1930-е годы.

«С аграрной реформой, ликвидировавшей общину, по значению в экономическом развитии России могут быть сопоставлены лишь освобождение крестьян и проведение железных дорог»^[62], — писал П. Б. Струве в газете «Русская мысль».

Более всего население поддержало перемены в следующих губерниях: Таврической, Екатеринославской, Херсонской, Харьковской, Полтавской, Санкт-Петербургской, Смоленской, Псковской, Западном крае (Прибалтика), Саратовской, Самарской.

Северные губернии, где общинная взаимовыручка была важнее свободного распоряжения землей, к реформе отнеслись равнодушно. Центральные русские губернии тоже проявили мало заинтересованности.

Эта картина вполне совпадает с картой сражений Гражданской войны, когда «общинники» выступали за красных, а «хуторяне» за белых. В социальном расслоении от столыпинской перестройки содержался значительный риск, который могла свести на нет только сильная власть, сдержав протест массы крестьян, нацеленных на полную ликвидацию помещичьего землевладения и на справедливый передел земли. Попав в Думу, крестьянские депутаты внесли туда свой анархо-коммунистический настрой.

Теперь вернемся в Таврический дворец.

В Думе было много депутатов из поколения виттевского промышленного подъема, проникшихся его боевым духом. Дворян среди них — 49,9 процента, почетных граждан — 5,8, купцов — 2,3, мещан — 3,0, крестьян — 22,1 процента... Русских, малороссов, белорусов — 74,1 процента. Православных — 77 процентов. Среди депутатов 38,1 процента имели высшее образование или когда-либо обучались в высших учебных заведениях, тогда как в стране таковых насчитывалось доли процента.

Значит, свыше трети депутатов имели городские профессии, что резко контрастировало с социальным обликом российского населения^[63].

В Думе правые составляли пятую часть, кадеты и примыкающие к ним мусульмане — чуть больше одной пятой, социалисты — более двух пятых. Роль решающего фактора при таком раскладе сил принадлежала польскому колу. Результаты голосования зависели от того, к кому поляки примкнут. Другими словами, образованные дворяне были плохими защитниками государственного режима.

В этой Думе проявился ораторский талант Столыпина. Знаменитой стала его речь, в которой он предупредил радикалов:

«Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у власти паралич и мысли, и воли, все они сводятся к двум словам — „руки вверх“. На эти два слова, господа, с полным спокойствием, с сознанием своей правоты можем ответить только двумя словами: „не запугаете“».

И еще: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!»

Здесь и Шульгин заявил о себе. Но парламент не любит одиночек, и любой политик, даже такой несистемный, каким поначалу был наш герой, должен выбирать, кто ему ближе.

Шульгин входил в группу правых и умеренных (в ней абсолютное большинство состояло из представителей западных губерний и сельских хозяев; дворяне играли ведущую роль), был избран членом Совета старшин Клуба умеренных и правых партий. Выступал по самому острому на тот момент аграрному вопросу — против принудительной национализации земли, за перевод общинных земель к личному землевладению; полностью поддерживал Столыпина. Кроме того, участвовал в дебатах против упразднения военно-полевых судов, доказывая, что сворачивание репрессий в отношении террористов вызовет резкий рост самосудов и погромов. («Если государство не может защитить своих граждан, они начинают защищаться сами».)

Главная инициатива правых — политически осудить террор — не была поддержана большинством депутатов из-за возражения фракции кадетов.

Одно из шульгинских выступлений получило такую оценку:

«Самую блестящую речь сказал г. Шульгин с превосходной пародией на аграрные проекты крайних,

которые обиделись, но в душе, конечно, сказали:

— Вы правы, сударь. Сначала отберем землю, а потом заводы, фабрики и дома и, в заключение, и деньги. Лиха беда начало. Дураки этого не понимают, равнодушные слишком ленивы, чтобы страдать предвидением, но мы на это и рассчитываем.

В другой речи о „бомбе в карманах“ крайних он увлекся и извинился и получил выговор от октябристов, которые в этом случае не знали, что творили» ^[64].

Эта Дума оказалась еще более радикальной, чем ее предшественница. Перед властью встал вопрос, как превратить парламент в рационального партнера, однако законного пути для этого не существовало: в обход Государственной думы законодательство невозможно было изменить.

Шульгин был сторонником силового решения.

Оказалось, что царь тоже так считает. Хотя дело не только в позиции императора, а еще и в том, что значительное большинство политического класса поддерживало роспуск оппозиционной Думы.

Встреча царя с правыми депутатами подана Шульгиным в светлых тонах, и если не задумываться над печальной судьбой императора и его семьи и тем, что произошло десять лет спустя в том же Александровском дворце Царского Села, то описание воспринимается просто как репортаж.

«В первый раз в своей жизни я видел Государя в 1907 году, в мае месяце...

Нас было сравнительно немного тогда — членов Государственной Думы умеренных воззрений...

Государь обратился ко мне. Я в первый раз в жизни увидел его взгляд. Взгляд был хороший и спокойный. Но большая нервность чувствовалась в его манере подергивать плечом, очевидно, ему свойственной. И было в нем что-то женственное и застенчивое.

Кто-то, кто нас представлял, — назвал меня, сказав, что я от Волынской губернии. Государь подал мне руку и спросил:

— Кажется, вы, от Волынской губернии, — все правые?

— Так точно, Ваше Императорское Величество.

— Как это вам удалось?

При этих словах он почти весело улыбнулся.

Я ответил:

— Нас, Ваше Величество, спаяли национальные чувства. У нас русское землевладение, и духовенство, и крестьянство шли вместе, как русские. На окраинах, Ваше Величество, национальные чувства сильнее, чем в центре.

Государю эта мысль, видимо, понравилась. И он ответил тоном, как будто бы мы запросто разговаривали, что меня поразило:

— Но ведь оно и понятно. Ведь у вас много национальностей... кипят. Тут и поляки, и евреи. Оттого русские национальные чувства на Западе России — сильнее... Будем надеяться, что они передадутся и на Восток...

После речи Государя мы усердно кричали „ура“. Он простился с нами общим поклоном — „одной головой“ — и вышел из маленького зала, который в этот день был весь пронизан светом.

Хороший был день! Веселый, теплый. Все вышли радостные...

Несмотря на застенчивость Государя, мы все почувствовали, что он в хорошем настроении. Уверен в себе, значит, и в судьбе России»^[65].

Сегодня этот репортаж (назовем его так) воспринимается не столь оптимистично. И вот почему. Слишком уж малочислен в политическом классе оказался отряд монархистов. И, говоря словами Ленина,

«...страшно далеки они от народа». А также отчетливо видно, что царь не оставляет впечатления властного императора.

Тогда власть разрубила гордиев узел. 3 июня 1907 года был введен (в нарушение Основных законов) новый избирательный закон, по которому менялся удельный вес отдельных групп электората, минимизировалось избрание депутатами радикальных элементов. В манифесте о роспуске говорилось, что Дума создана для укрепления «государства Российского»; «иные народности должны иметь в Думе представителей своих, но не будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских»; и должна быть «русской про духу».

Подчеркивалось, что историческая ответственность императора за судьбу страны дает ему право заменить первый избирательный закон новым.

Фактически произошел государственный переворот. Преимущество давалось образованным и обеспеченным кругам, сокращалось представительство национальных окраин.

После неудачной попытки сотрудничества с Первой и Второй думами власть «подмораживала» политическую обстановку, но не отказывалась от парламентского пути. Столыпин был категорическим противником упразднения парламентаризма, надеясь, что диалог с обществом в конце концов приведет к успокоению. Дата 3 июня 1907 года стала концом революции.

Выборы в Третью Государственную думу проходили в сентябре и октябре. Из 442 мандатов около 300 получили октябристы и правые, то есть люди, настроенные сотрудничать с правительством. Шульгин без проблем был избран депутатом от Волыни, вошел во фракцию правых, в которой стал членом бюро. Фракция состояла из крайне консервативных политиков в

большинстве из юго-западных губерний, треть были дворяне, треть — православные священнослужители. Они выступали за неограниченную монархию, укрепление прав русского населения и православной церкви. Руководителем фракции был курский помещик, инженер по образованию Н. Е. Марков, один из лидеров «черной сотни», председатель Совета объединенного дворянства. Правые критически относились к развитию капиталистических отношений, видели угрозу в усилении позиций иностранного капитала (особенно в горно-металлургической и нефтяной отраслях), считали промышленные синдикаты (контролируемые иностранным капиталом) преступными, требовали от правительства борьбы с пьянством, создания транспортной инфраструктуры и предоставления крупных кредитов аграриям.

При этом многое в программе правых опиралось не на придуманные, а на реальные конфликты и проблемы.

В объяснительной записке к проекту государственного бюджета на 1913 год премьер-министр и министр финансов В. Н. Коковцов указывал, «...что в настоящее время производство существующих фабрик и заводов не может в полной мере удовлетворить внутреннему спросу, и страна, обладающая неизмеримыми запасами естественных богатств, вынуждена испытывать недостаток чугуна, железа, топлива и других необходимых предметов». И в качестве одной из причин выделял деятельность монополистических синдикатов, которые «...не останавливаются нередко перед искусственным понижением предложения товаров, на которые имеется растущий спрос, поднимают цены и приводят к необходимости открывать границы для иностранного ввоза».

Показательно так называемое «Дело „Продугля“», синдиката (75 процентов общероссийской угледобычи),

связанного с французскими банками, правление которого размещалось в Париже. Для получения максимальной прибыли он применял, как и всякий монополист, жесткие средства — вплоть до искусственной приостановки производства с целью повышения цен. Об этой истории Иосиф Гиндин писал так: «В 1914 году в своих столкновениях с финансовым капиталом правительство уже чувствовало, что хотя оно и является распорядителем столь привлекательных для финансового капитала казенных денег, но уже далеко не свободным в своих действиях полновластным их хозяином. В отдельных группах буржуазии в это время заходят разговоры о власти. И вот правительство решает дать бой за свой авторитет. Эффект был неожиданный — вокруг „Продугля“ под лозунгом „мы можем обойтись без чиновника“ сплотилась вся крупная буржуазия, даже ее фракции, не особенно дружелюбно настроенные к иностранному капиталу»^[66].

То, что этот эпизод относится к 1914 году, мало что меняет в общей картине. Так, проблема транспортной недостаточности тоже в полной мере обозначилась во время мировой войны, став одной из экономических причин Февральской революции 1917 года. Что же касается банковских кредитов сельскому хозяйству, дававшему свыше половины бюджетных доходов, проблему с ними пытались решить и правительство. И без особого успеха.

Поэтому нахождение Шульгина среди правых было вполне объяснимо. Однако их идеологию, далеко не во всем соприкасающуюся с программой ВНС, он воспринимал настороженно. Поэтому неудивительно, что в начале 1911 года Шульгин вышел из фракции. С 1909 года он был членом Всероссийского национального клуба, товарищем председателя

Русского собрания, одним из лидеров левого крыла Главного совета ВНС.

Да, он стал соратником Столыпина...

Из протокола допроса В. В. Шульгина в Управлении контрразведки Смерш 3-го Украинского фронта 15 января 1945 года:

«Осенью 1907 года я был переизбран в 3-ю Государственную Думу и примкнул к фракции „русских националистов“. От имени этой фракции я выступал на общих собраниях Государственной Думы, поддерживая т. н. „реакцию Столыпина“. В своих речах я доказывал, что мероприятия Столыпина не реакционны, а представляют собой реформаторскую деятельность большого масштаба, имевшую цель „в эволюционном порядке, без великих потрясений вывести Россию на проторенную дорожку западноевропейского устройства“»^[67].

Началась пора политической стабильности, промышленного подъема и «столыпинской реакции». Премьер смог заняться реформами, чувствуя поддержку верховной и законодательной власти.

Тысячи землеустроителей в сотнях уездных землеустроительных комиссий каждый день, образно говоря, сбивали засовы с общинной крепости и выпускали земледельцев на свободу. Тех, кто хотел.

За первые 14 месяцев действия реформы Крестьянский банк скупил 7617 помещичьих имений площадью 8 миллионов 700 тысяч десятин (больше чем за предшествующую четверть века) и продавал либо сдавал по льготной цене в аренду крестьянам.

Но в повседневной стабильности таилось что-то смутное, не позволяющее глядеть в будущее с безграничным энтузиазмом.

Шульгин, к сожалению, не знал состояния дел в Центральной России, в его волынском опыте отсутствовал опыт русской деревни. Поэтому он глядел на реформу несколько со стороны, как преуспевающий юго-западный помещик, никогда не соприкасавшийся с реальной крестьянской общиной и ее практикой. Особенное значение имела социальная функция общины, так как со времен Великих реформ Александра II крестьянское население выросло почти вдвое, и вопрос перенаселения (безработицы) решался только за счет взаимопомощи, самоограничения, торможения эффективности ради сострадания ближнему.

Столыпин понимал социальную роль общины и утверждал, что ее не следует трогать там, где она жизнеспособна.

Однако государственная машина, как водится, стала настойчиво и властно работать по команде сверху, поэтому перегибы, конфликты, даже местные бунты были неизбежны.

Общинно-коммунистическая часть деревни не собиралась потворствовать стремлениям другой, меньшей ее части к обогащению за счет более слабых. Так, в своем постановлении волостной сход Рыбацкой волости Петербургского уезда подробно обосновывал неприятие реформы: «По мнению крестьян, этот закон... клонится во вред неимущих и малоимущих крестьян. Мы видим, что всякий домохозяин может выделиться из общины и получить в свою собственность землю; мы же чувствуем, что таким образом обездоливается вся молодежь и все потомство нынешнего населения. Ведь земля принадлежит всей общине в ее целом, не только теперешнему составу, но и детям, и внукам...» ^[68]

И таких сходов был множество. Крестьяне не хотели становиться жертвами неизвестного будущего. Их

тревога была обоснованна и высказана еще до Столыпина в следующей форме: «Разрушив общину и создав майорат или минорат, придется земельные участки сделать таких размеров, при которых возможно было бы вести действительно хорошо хозяйство подворному владельцу. Благодаря этому масса народа должна быть обезземелена. Гг. Головин и Шатилов полагают, что $\frac{2}{3}$ населения останутся без земли. Мы не сомневаемся, что хозяйство будет прекрасно идти у счастливой трети населения, но в каком положении будут две трети? Куда денутся десятки миллионов? Из них не переселишь и десятой части. Это будут кадры безземельного пролетариата. Найдут ли они себе достаточный для прожития заработок? Никогда. Наша крупная промышленность, несмотря на заботы об ней, потребляет труд 1 млн рабочих, огромное большинство которых, даже в Московской губ., главный заработок имеют все-таки от земли. Никогда нам не создать такую промышленность, которая потребляла бы десятки миллионов рабочих просто потому, что нам некуда будет сбывать продукты, нет и не будет таких мировых рынков. Во всяком случае было бы странно думать, что требуемая промышленность может развиваться быстро. Представьте же теперь 1891 г., при бродячих, беспокойных голодных десятках миллионов. Тут действительно страшно и подумать о последствиях...» ^[69]

Но процесс уже вряд ли можно было остановить. Приоритет индустриализации никто не отменял.

Витте в своей антиобщинной «Записке по крестьянскому делу» (декабрь 1904 года) поставил задачу развития промышленности путем увеличения эффективности аграрного сектора при низких ценах на его продукцию; высвобождающаяся в деревне рабочая сила должна быть привлечена в промышленность, где

упадет оплата труда. Жестокость его предложения в отношении крестьян была очевидной.

Дворяне тоже находились в большой задумчивости. «Каждый день три тысячи десятин культурных земель осуждаются на разграбление на мелкие земельные участки, — объявил член Государственного совета В. И. Гурко на съезде Объединенного дворянства в начале 1909 года. — Мы присутствуем при самом энергичном осуществлении социал-демократической программы, сводившейся, как известно, к тому, чтобы выселить из наших сельских местностей весь землевладельческий элемент».

Кроме того, заметил Гурко, эта политика ведет к экономической ликвидации той части населения, которой правительство «предоставляет решающее политическое значение при выборах в Думу».

Уместно заметить, что помещичьи хозяйства были на 20 процентов продуктивнее. Как описал общую ситуацию современный философ Сергей Кара-Мурза: «Крестьяне строили хозяйство ради жизни, помещики — ради прибыли».

Дворянская империя, начав модернизацию, тем самым подрывала свои устои. Так не могло долго продолжаться. Неизбежно было либо торможение реформ, либо дальнейшая либерализация всей политической и экономической жизни.

Девиз Столыпина: «Вперед на малом тормозе!» — не устраивал никого из действующих лиц этой исторической драмы. Столыпин говорил: «Дайте двадцать лет покоя, внешнего и внутреннего, и вы не узнаете России», и эти слова повисли в воздухе.

Правящий политический класс (дворяне-консерваторы во главе с императором и дворяне-либералы, предприниматели плюс интеллигенция) был разделен на две непримиримые части. Крайне левые, исповедующие марксистское понимание борьбы как

насильственное свержение режима, были еще более непримиримы.

Витте обещал за 10 лет удвоить промышленный потенциал, что было достигнуто. Столыпинские сроки вызывали сомнение.

Безбрежное море крестьянского народа, возбужденное столыпинской свободой, начало волноваться. Высвобождение подавляемой в общине многомиллионной безработицы и неспособность промышленности принять ее всю открывало новый социальный провал.

Следующий срок был определен уже Сталиным в 1931 году: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Шульгина можно назвать столыпинским романтиком, и в этом не будет большой ошибки.

Но что еще, кроме эволюционного реформирования, можно было предпринять в условиях очевидного раскола российского общества? Пожалуй, ничего.

Правда, Макс Вебер с немецкой четкостью оценил российскую реформу: «Слишком поздно!» Расслоение деревни в условиях реформы вело к голоду и бунту, усиление общины — к распространению социалистических идей.

Где же решение?

Ранее в российской истории процесс «согласования интересов» осуществлялся путем дворцовых переворотов и убийств, теперь же требовалось найти иной выход, — прежде всего предложить помещному дворянству, социальной опоре империи и уже неэффективному классу, приемлемый компромисс, и при этом, как формулирует современный исследователь Ольга Гаман-Голутвина, «блокировать протестные движения внеэлитных слоев, сохранив в неприкосновенности прерогативы самодержавия».

Неужели только власть диктатора могла удержать Россию?

Культурные расхождения и противоречия во всей массе русского народа отметил культуролог Владимир Вейдле, оказавшийся после 1917 года в эмиграции: «Ленин был едва ли не одареннейшим из всех революционеров, когда-либо делавших революцию. Свой изумительный талант революционера доказал всем своим руководством революцией, лишь по видимости основанным на учении о классовой борьбе, на самом деле проистекавшим из понимания исконной, хоть и дремотной, вражды русского народа не столько к кулаку и толстосуму, сколько к барину, то есть человеку, быть может, и небогатому, но носящему пиджак и воротничок, читающему книжки, живущему непонятной и ненужной народу жизнью. При встрече с народом новая Россия разбилась о наследие Древней Руси, не преобразованное Петром и его преемниками на троне или у трона. Лучшей гарантией успеха было для революции истребление правящего и культурного слоя, и эту гарантию Ленин от народа получил.

После Октября полуинтеллигенты пришли к власти, а интеллигенция более высокого культурного уровня оказалась выгнанной или уничтоженной»^[70].

Все-таки водораздел пролегал между социокультурными ядрами петровской империи и допетровской Руси и сопровождался расколом в самой петербургской правящей группе. Шульгин, как и Столыпин, относился к ней.

Это только на первый взгляд может показаться, что борьба между ядрами касалась проблем экономического развития. На самом деле началась ожесточенная борьба за власть и право наиболее эффективно провести модернизацию.

Как мы знаем, победила оппозиционная часть европеизированной имперской элиты, сумевшая опереться на мощь допетровской Руси и фрагменты правящей группы, которую не устраивало сползание империи в пропасть.

«Что за сползание?! — возмутится придирчивый читатель, усвоивший информацию, что накануне 1917 года Россия была на высоте положения и только заговор предателей привел к катастрофе. — Никакого сползания не было!»

Что ж, еще поговорим об этом...

Исходя из анализа Макса Вебера, у монархии вообще не было шансов.

«...Вероятно, надо согласиться с эволюционистами. Согласно их логике, русское самодержавие, в том виде, в каком оно сохранилось до сих пор, то есть в виде централизованной полицейской бюрократии, как раз теперь, когда оно побеждает ненавистного врага, по всем очевидным признакам не имеет никакого другого выбора, кроме как рыть самому себе могилу. Так называемый „просвещенный“ деспотизм противоречил бы интересам своего самосохранения. И все же, чтобы сохранить столь необходимый ему престиж, самодержавию приходится браться с теми экономическими силами, которые в русских условиях оказываются носителями неудержимого „просвещения“ и „разложения системы“. Струве и другие, очевидно, правы: пытаюсь решить любую серьезную общественную проблему, самодержавие при этом смертельно ранит само себя»^[71].

Написано о манифесте 17 октября и революционной ситуации 1905–1906 годов. Главными оппонентами правительства были не социал-демократы и социал-революционеры (эти вообще имели Боевую организацию, то есть террористов), а вполне мирные

конституционные демократы, большинство которых получили университетское образование, были дворянами, обладали опытом работы в земствах или городском самоуправлении. В их рядах находилось много адвокатов, присутствовали и священнослужители — православные, мусульмане, иудеи. Партия была либеральной, ставила целью выражать интересы всего населения. Она выступала за введение широких политических свобод, прямые выборы, отмену контроля со стороны Центра (кроме судов) местного самоуправления, предоставление политической или национально-культурной автономии окраинам. Кадеты выступали за независимость судов, передел собственности, передачу крестьянам большинства помещичьих земель (за разумный выкуп, половину которого выплачивает государство, половину — крестьяне). Партия была сторонницей общины, отвечавшей, по ее мнению, взглядам крестьян, а также значительно упрощавшей наделение их землей. Также она предлагала увеличить и укрепить государственный сектор промышленности, повысить ее налогообложение, расширять народное образование на светской основе с широким употреблением местных языков и решающим влиянием местного самоуправления. Кадеты были против Столыпинской реформы, считая, что она противоречит «бытовому укладу и правосознанию громадных масс русского крестьянства», подчиняет большинство более зажиточным и богатым. Кадетская фракция голосовала за увеличение расходов на образование, передачу церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения, за оплату предпринимателями расходов на лечение рабочих в больничных стационарах. Также предложила законопроект об отмене черты оседлости для евреев, который не был рассмотрен Думой. И самое главное, не сомневаясь в

своих способностях управлять империей, кадеты выступали за конституционную монархию, подобную английской, и ответственность правительства перед Думой.

Что же в этом было такого страшного, что делало кадетскую партию самым сильным оппонентом режима?

Ее адекватность многим проблемам, интеллектуальный уровень, поддержка интеллигенции и состоятельных кругов.

Однако кадеты в Первой и Второй Государственной думе отказывались осуждать терроризм, чтобы сохранять возможность давления на правительство.

Почти 50 лет спустя, в 1956 году, В. А. Маклаков, один из кадетских лидеров, признал: «...борьба против автократии была по сути своей незаконной и велась при помощи революционных элементов»^[72].

Вот резко отрицательная оценка Суворина, издателя «Нового времени», самой популярной российской газеты: «Кадеты вели дело хитро и тонко, но им не удалось скрыть, что кадетская буржуазия — это денежная буржуазия по преимуществу, буржуазия в значительной мере интернациональная и даже якобинская. Они хорошо знают, что до денег добраться мудрено. Они в конце концов сосредоточатся у евреев, и они будут продолжать давать их в рост и социал-демократам, и анархистам, и республиканцам. Потому евреи — союзники революции и террора, потому обе Думы и не хотели обсуждать „террористические деяния“, или „акты“ 20 июня 1907 года»^[73].

Буржуазность кадетской партии — вот что содержало главную угрозу монархической власти.

Разумеется, Шульгин в данный момент никак не мог быть ей близок. Мы говорим «в данный момент», потому что наступит и другое время...

Еще одним возможным союзником могли стать октябристы.

Правее кадетов был «Союз 17 октября», возглавляемый Александром Ивановичем Гучковым, который принадлежал к «ситцевым капиталистам». Те вели родословные от крестьян, создателей первых мануфактур, в большинстве старообрядцев. Октябристы являлись консервативными либералами, были согласны, условно говоря, на «49 процентов» своего участия в управлении страной и сотрудничали с правительством. Александр Иванович был незаурядным человеком сильной воли. Он окончил Московский университет, учился в Германии, приобрел большой опыт в Московской городской управе, был товарищем (заместителем) городского головы, гласным городской думы, работал управляющим Московского учетного банка, возглавлял наблюдательный комитет страхового общества «Россия» (его здание известно многим — в нем размещался Комитет государственной безопасности СССР).

С юности имел склонность к рискованным предприятиям, гимназистом хотел бежать на войну с турками за освобождение Болгарии, добровольцем участвовал в Англо-бурской войне на стороне буров, был ранен, оказался в плену. Во время Русско-японской войны был помощником главного уполномоченного Красного Креста при Маньчжурской армии — уполномоченным города Москвы и Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны. Не пожелал вместе с отступавшими русскими войсками покинуть Мукден и остался вместе с ранеными в японском плену. В 1905 году основал партию «Союз 17 октября». Выступал за решительную борьбу с революцией, в том числе с помощью военно-полевых судов. Поддержал роспуск Второй Государственной думы и изменение избирательного закона 3 июня 1907 года. Накануне

выборов Гучков так определил свою позицию: «Мы знаем, что единственно правильный путь — это путь центральный, путь равновесия, по которому идем мы, октябристы». Был избран в Третью Государственную думу, поддерживал П. А. Столыпина, которого считал сильным лидером, способным проводить реформы и обеспечить порядок. Они часто встречались.

Октябристы имели в этой Думе 154 депутатских мандата из 442-х.

Возглавляя депутатскую фракцию партии «Союз 17 октября», Александр Иванович Гучков активно способствовал одобрению Думой аграрной реформы. По словам его соратника Н. В. Савича, «при большом уме, талантливости, ярко выраженных способностях парламентского борца Гучков был очень самолюбив, даже тщеславен, притом он отличался упрямым характером, не терпевшим противодействия его планам».

В натуре Гучкова не могла не отразиться конфликтная история старообрядчества, со времен церковного раскола более трех веков преследуемого православной церковью и государством. Одно время царь был расположен к Гучкову, но после разглашения последним подробностей их доверительного разговора Николай II перестал ему доверять.

Александр Иванович, будучи председателем думской комиссии по государственной обороне, вступил в принципиальный конфликт с военным министром В. А. Сухомлиновым по вопросу модернизации армии. В мае 1908 года с думской трибуны он заявил о помехах, чинимых армейскому управлению великими князьями (родственниками царя), занимающими руководящие посты и при этом никак не отвечающими за свои действия:

«Составленный из целой коллегии лиц, коллегии многоликой, под управлением великого князя Николая

Николаевича, этот совет является серьезным тормозом в деле реформы и всякого улучшения нашей государственной обороны.

Для того чтобы закончить перед вами картину той дезорганизации, граничащей с анархией, которая водворилась во главе управления военного ведомства, я должен еще сказать, что должность генерал-инспектора всей артиллерии занимает великий князь Сергей Михайлович, должность генерал-инспектора инженерной части — великий князь Петр Николаевич и что начальником военных учебных заведений состоит великий князь Константин Константинович. Если ничего нельзя иметь против того, если можно даже считать естественным и справедливым, чтобы лица, по своему положению неответственные, служили в рядах армии, неся всю тяготу в мирное время и все опасности в военное время в качестве строевых начальников, то следует сказать, что постановка их во главе ответственных важных отраслей военного дела является делом совершенно ненормальным... Если мы считаем себя вправе и даже обязанными обратиться к народу, к стране и требовать от них тяжких жертв на дело этой обороны, то мы вправе обратиться и к тем немногим безответственным лицам, от которых мы должны потребовать всего только отказа от некоторых земных благ и некоторых радостей тщеславия, которые связаны с теми постами, которые они занимают» ^[74].

Такой критики от политических союзников в адрес правящей династии еще никто себе не позволял. Особенно любопытно, что слышавшие все это Столыпин и военный министр Редигер промолчали.

В итоге председатель военного совета великий князь Николай Николаевич (двоюродный дядя императора) оставил свой пост.

Как мы знаем, именно Гучков (вместе с Шульгиным) принимал отречение царя, и это деяние явилось логическим следствием резкого полевения политических взглядов Александра Ивановича. Вместе с тем — и полевением всего центристского, октябристского спектра политической жизни страны.

Вот фрагменты выступлений Гучкова в 1908 году с парламентской трибуны, посвященных последствиям войны с Японией:

«Первым виновником мы должны считать, несомненно, наше центральное правительство, и виновато оно не только в том, что допустило саму войну и даже легкомысленно способствовало возникновению этой войны, не только в том, что в эти долгие мирные годы, которые предшествовали войне, не озаботилось правильной постановкой всего дела обороны...

И второй грех правительства заключается в том, что в тот момент, когда мы материально стали сильны на Дальнем Востоке, когда дух армии был еще повышен и бодр, оно потеряло веру в себя, свой народ и заключило тот мир, который надолго похоронил наше международное положение и нашу военную славу. И если правительство, хотя в конце несчастной войны поняло свою ошибку и в пределах своих сил и разума ее исправляло, то второй виновник наших неудач — наше общество — так до конца и остался в этом ослеплении...

Опыт последней войны указал, что наши заводы и мастерские не приспособлены к тому, чтобы покрыть весь необходимый армии расход в случае сколько-нибудь значительной войны. Мы вынуждены были во время последней войны получать патроны и снаряды из-за границы, и для нас ясно, что в случае европейской войны, когда такой подвоз будет невозможен, мы

становимся в состояние, близкое к катастрофическому»^[75].

Смелость оратора очевидна, но главное для нас в другом — многие проблемы, о которых он говорил, остались нерешенными и после 1914 года.

Во время Первой мировой войны Шульгин станет членом Особого совещания по обороне государства и будет лучше понимать Гучкова.

В свою очередь Гучков, дойдя в своей нарастающей оппозиционности до Геркулесовых столпов, будет готовить государственный переворот. И позовет участвовать в нем Шульгина. И ведь будет уверен, что тот не откажется.

Глава двенадцатая

Петр Аркадьевич Столыпин. — Макс Вебер и Теодор Шанин против Столыпина. — Итоги столыпинской пятилетки

Даже спустя почти 50 лет, уже после Второй мировой войны, Шульгин смотрел на Столыпина как на спасителя. В его дневнике есть запись, из которой все видно.

«Что характерно для Гос. думы 3-го созыва? Под руководством Столыпина это была борьба середины с левыми и правыми.

Борьба за что?

За мирную эволюцию. — Вперед на легком тормозе! — говорил Петр Аркадьевич.

Но эволюции не хотели ни те ни другие: ни левые, ни правые...

Но пока был жив Столыпин, Власть не дрожала. Поэтому так и охотились за ним убийцы.

Собственность есть диктатура над материей. Единоличная диктатура дает наилучшие результаты. Это доказано опытом.

Сделать из бедняков, влачащих жалкую жизнь в общинах, маленьких помещиков, имеющих и достаток, и досуг, а значит, „кованую свободу“, о которой он мечтал („чеканной свободой“ Столыпин называл деньги. — С. Р.).

Кованая свобода! Это прежде всего независимость. Зажиточному мужику нет необходимости кому-то кланяться, что-то выпрашивать, кого-то ублажать, перед кем-то ломать шапку. Удивительно, что достаточные немцы и чехи, колонисты, в чужой им

стране, в России, были более независимы, [чем] русские бедняки на своей родине»^[76].

Являлся ли в действительности Петр Аркадьевич «спасителем» или это преувеличение, даже сегодня трудно сказать со всей определенностью.

Да, конечно, Макс Вебер был недалек от истины, когда отрубил: «Слишком поздно!»

Почему? Хотя бы потому, что подавляющее большинство высвобождаемых из общины крестьян не были нужны в промышленности и нависли над государством словно колоссальный ледник, готовый сорваться. Всего же в российской деревне было 32 миллиона человек скрытой безработицы.

Теодор Шанин вообще видел постстолыпинскую Россию полуколонией Запада. И его аргументы тоже весьма основательны: «На рубеже веков Россия была „развивающимся обществом“, возможно, первым в этой категории. Этот вывод не опровергает ни развития „классического“ капитализма в России, ни уникальности ее истории. Несмотря на наличие и того и другого, основные характеристики явления, которое через несколько поколений получит название „зависимого развития“, все более проявлялись в России».

И далее следуют доказательства: критический рост внешнего долга, вывоз капитала за границу, рост технологической зависимости; нехватка квалифицированных кадров; углубление разрыва между социальными верхами и бедными слоями населения; растущее отставание от промышленно развитых стран, «стрессы экономических и социальных разбалансированностей и резких классовых различий», неподконтрольность центральной власти принадлежащих иностранцам концернов, дефицит образованных профессиональных кадров, резкий

разрыв между крестьянской и городской культурой, грубая и неприкрытая эксплуатация, огромная степень государственного контроля, протесты интеллигенции.

После такого вала проблем трудно представить, что «пациент» долго протянет.

Однако не всё было безнадежно.

Шанин поясняет: «В России того времени возможности для быстрого экономического развития и преобразования, которые особенно проявились в периоды промышленных рывков между 1892–1899 гг. и 1909–1913 гг., были в целом лучше, чем в современных „развивающихся странах“. Сильное и высоко-централизованное Российское государство было в состоянии мобилизовать значительные ресурсы и до определенной степени сдерживать иностранное политическое и экономическое давление. Повышение мировых цен на продукты питания, и в особенности на зерно, обеспечило в этот период активный платежный баланс и способствовало процессу национального капиталообразования...

Однако было мало шансов, что эти благоприятные, т. е. способствующие подъему экономические условия в России сохранятся надолго».

Вывод: «Россия в своем социально-экономическом развитии пыталась угнаться за временем, и никто не мог сказать, каков будет финал этой гонки... В подобной ситуации также имеет значение не только матрица причин, тенденций и объективных факторов, но и фактор сознания, т. е. активный поиск альтернатив властями, силы, на которые они могли рассчитывать, задачи, которые перед ними стояли, и то, каким образом эти задачи понимались и решались»^[77].

Активный поиск альтернатив! Что это означает? Революционный взрыв или управляемая эволюция?

Вольно или невольно Шульгин был втянут в поиск ответа на этот главный вопрос. Он должен был смотреть на Столыпина как на мессию, иначе никакой надежды не оставалось.

Даже В. И. Ленин, принципиальный противник Столыпина, давал России шанс на мирное развитие: «... после „решения“ аграрного вопроса в столыпинском духе никакой иной революции, способной изменить серьезно экономические условия жизни крестьянских масс, быть не может. Вот в каком соотношении стоит вопрос о соотношении буржуазной и социалистической революций в России»^[78].

Во всех оценках Вебера, Шанина, Ленина не учитывалось одно важное обстоятельство. Вопрос финансового обеспечения Столыпинских реформ был не менее важен, чем политическая воля.

Но на что наталкивался русский крестьянин при сбыте своего главного продукта? На мощного конкурента в лице крупных банков, перед которым он был подобен муравью перед слоном.

Проблема русской бедности была системной в стратегии экономики Витте и передалась по наследству Столыпину. Перестающее быть чисто дворянским государство, ныне бюрократическое и отчасти финансово-предпринимательское, вслед за «лишними» дворянами не знало, как поступить с простонародной массой.

Хлебная торговля от крестьянского двора до морского порта была перенасыщена посредниками и ростовщическим капиталом. Это не только тормозило развитие аграрного сектора, но и лишало производителя части необходимого продукта, то есть вело к обеднению деревни. Скупка урожая «на корню», выплата мизерных авансов под будущий урожай были основной формой легального паразитирования

скупщиков. Если в министерстве земледелия США работало специальное бюро для сбора информации о хлебной торговле во всех регионах страны численностью 150 тысяч человек, то в России в важнейшем экспортном секторе царила анархия. Ежегодно на экспорте зерна посредники, среди которых доминирующую роль играл иностранный капитал, зарабатывали до 50 миллионов золотых рублей (сегодня это не менее 5 миллиардов рублей).

Министерство финансов не могло или не стремилось навести здесь порядок, повысить платежеспособность крестьянских хозяйств. Страна с колоссальными возможностями расширения и усовершенствования торговли, экспортируя до 700–800 миллионов пудов (до 5 миллионов тонн) хлеба (вывоз в 1910–1911 годах составлял 21,9 процента мирового экспорта), отдавала почти без сопротивления рыночные позиции конкурентам.

В принципе оставался верным вывод П. Х. Шванебаха: «Бедность крестьян побуждает к самому разорительному сбыту зерна. Не приходится ли опасаться, как бы с дальнейшим ростом хлебного вывоза не стали учащаться наши голодовки и продовольственные затруднения?»^[79]

Однако экономическая картина была весьма пестрой. Из записки государственного контролера, в частности, следовало: «Общие мероприятия по сельскому хозяйству.

За последние годы заметно наблюдается развитие и улучшение у нас сельского хозяйства. Применение улучшенных приемов обработки земли, сельскохозяйственных орудий и машин, потребление минеральных удобрений, введение культуры кормовых трав, усиленный спрос на плодовой посадочный материал, пробуждение интереса к улучшению

различных отраслей животноводства и другие подобные явления приобретают уже во многих местностях России значительное распространение.

Вместе с тем увеличивается и производительность сельскохозяйственных угодий»^[80].

Взвешивая все «за» и «против», мы должны учесть, что в описываемый нами период империя еще полна сил и находится на подъеме. Да, проблем немало, но когда их у России не было?

Многое зависело от двух личностей — от царя и Столыпина.

Столыпин обладал мощным характером, был образован, смел до самопожертвования.

Он был богат, принадлежал к старинному дворянскому роду, был сыном полного генерала, участника Крымской и Русско-турецкой войн. Его жена была внучкой генералиссимуса А. В. Суворова. В узком кругу его иногда называли «Император». На фоне высокорослого, горделивого, независимого Столыпина подлинный император выглядел скромнее, что многим бросалось в глаза. И если сам царь не придавал этому значения, то императрица Александра Федоровна с трудом сдерживала ревность. После взрыва террористами дачи премьер-министра на Аптекарском острове в Санкт-Петербурге 12 августа 1906 года и ранения дочери и сына Столыпин стал в общественном мнении героем, подлинным защитником империи. По духу он был либеральный консерватор, реально оценивал возможности государства и всячески старался избегать военных столкновений.

Всего 28 процентов крестьян в ходе реформы в 1907–1916 годах вышли из общины и стали индивидуальными хозяевами. Это огромное число, если учесть, что не было насильственного «разобщинивания» сверху, а наоборот, в 73 процентах всех случаев выход

сопровождался противодействием остающихся в общине людей. На традиционном общинном праве оставалось жить две трети русских крестьян, еще большая сила, которая сыграла колоссальную роль в революции 1917 года.

Такой в общих чертах была картина столыпинского («третьедумского») периода.

Рост урожайности, промышленного производства, численности населения создавал оптимистическую перспективу, хотя конфликты в правящем классе и крестьянстве тлели в глубине общества.

Но картина развития страны была настолько впечатляющая, что присланный французскими банкирами экономический журналист Эдмон Тэри в своем отчете «Россия в 1914 г. Экономический обзор» отметил следующее: «Именно сельскохозяйственные успехи России позволили этой великой стране преодолеть финансовые трудности, вызванные войной 1904 года и политическими событиями 1905 года, и именно они позволят России в будущем пойти на необходимые жертвы, чтобы освоить гигантские территории и защитить свои границы»^[81].

Портрет Столыпина будет неполным, если не напомнить его мысли.

В письме А. П. Извольскому от 28 июля 1911 года он писал: «Вы знаете мой взгляд — нам нужен мир: война в ближайшие годы, особенно по непонятному для народа поводу, будет гибельна для России и династии. Напротив того, каждый год мира укрепляет Россию не только с военной и морской точек зрения, но и с финансовой, и экономической. Но, кроме того, и главное — это то, что Россия с каждым годом зреет: у нас складывается и самосознание, и общественное мнение. Нельзя осмеивать наши представительные учреждения. Как они ни плохи, но под влиянием их Россия в пять лет

изменилась в корне, и когда придет час, встретит врага сознательно. Россия выдержит и выйдет победительницей только из народной войны»^[82].

В шаге от собственной гибели Столыпин завещал основное направление внутренней и внешней политики: парламентаризм и мир!

На записке крайне правых членов Государственного совета он написал: «Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большой мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствия, а не причину: залечим язву, но зараженная кровь породит новые изъязвления... Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия — признание бессилия правящей власти»^[83].

Во время революционного террора Столыпин запретил вице-директору Департамента полиции П. И. Рачковскому бессудное уничтожение террористов: «Вы забываете, Петр Иванович, что мы не в Афганистане и не в Персии. Я не могу дать вам такого разрешения»^[84].

Если вспомнить потрясения русской революции 1917 года, гибель царской семьи, дочери Столыпина Ольги и тысяч дворян, столь либеральные взгляды премьер-министра могут показаться глубоко ошибочными.

В целом он не был ангажирован никакой группой, что делало его свободным и одиноким.

Чтобы ускорить реформу, Столыпин потребовал, чтобы Крестьянский банк выпустил облигационный заем на 500 миллионов рублей, однако не получил поддержки Николая II. Можно сопоставить с нынешним уровнем: один золотой рубль 1913 года примерно равен 1300 рублям 2010 года. Всего государственный бюджет в 1911 году составлял 2693 миллиарда рублей^[85].

Столыпин вторгся в сферу интересов крупных банков и синдикатов, хотел вообще вывести Крестьянский банк из ведения Министерства финансов и подчинить его Министерству внутренних дел.

Как говорил Шульгин: может быть, Столыпина из-за этого и убили.

Да, он умирил революцию, держа «в одной руке пулемет, а в другой — плуг» (выражение Шульгина), но чем дальше смута уходила в прошлое, тем менее востребованным был и премьер-министр. «Мавр сделал свое дело», — стали говорить в ближайшем окружении царя.

А. И. Гучков объяснил закат столыпинской карьеры интригами в царском окружении: «Мне раскрыл глаза Кривошеин. Когда после убийства Столыпина я с ним говорил на тему о роли Столыпина и о возможной для него будущности, если бы он не был убит, он мне сказал, что Столыпин был политически конченный человек, искали только формы, как его ликвидировать. Думали о наместничестве на Кавказе, в Восточной Сибири, искали формы для почетного устранения; еще не дошли до мысли уволить в Государственный совет, но решение в душе состоялось — расстаться с ним»^[86].

Фазовые переходы исторических этапов никогда не проходят гладко^[87].

1 сентября 1911 года в Клеве Столыпин был смертельно ранен. После его смерти реформу стали медленно сворачивать.

Не случайно на смерть Петра Аркадьевича, принципиального противника войны, своеобразным «некрологом» откликнулась Петербургская биржа, там сразу началась игра на понижение — без Столыпина российские акции покачнулись.

П. Н. Милюков, не любивший премьера, так оценил его личность:

«П. А. Столыпин принадлежал к числу лиц, которые мнили себя спасителями России от ее „великих потрясений“. В эту свою задачу он внес свой большой темперамент и свою упрямую волю. Он верил в себя и в свое назначение. Он был, конечно, крупнее многих сановников, сидевших на его месте до и после Витте. Для заслуженных сановников Государственного Совета он был чужим, выскочкой, пришельцем со стороны — и болезненно чувствовал свою изоляцию. Он был призван не на покой, а на проявление твердой власти; власть он любил, к ней стремился и, чтобы удержать ее в своих руках, был готов пойти на многое и многим пожертвовать. Не чуждый идеологий, которые были традицией в его семье, он был не чужд и интриги. Своих союзников он склонен был трактовать как очередные орудия своего продвижения к власти и менять их по мере надобности. Если принять в расчет его нетерпение победить и короткий срок его взлета, эта быстрая смена могла легко превратить вчерашних друзей в соперников и врагов — и раздражать покровителей сменой внезапных капризов.

А главным покровителем был царь, не любивший, чтобы им управляла чужая воля. Такова история возвышения и падения Столыпина, вернувшая его в конце к одиночеству, из которого он вышел, и к трагической развязке. Призванный спасти Россию от революции, он кончил ролью русского Фомы Бекета»^[88]
^[89]

Финал периода деятельности Петра Аркадьевича прекрасно отражен в докладной записке Совета съездов представителей промышленности и торговли «О мерах к развитию производительных сил России и улучшению торгового баланса», представленной правительству 12 июля 1914 года, то есть за 19 дней до начала Первой мировой войны.

В то время велось активное перевооружение армии, Столыпина уже не было в живых, империя находилась перед роковой развилкой.

«Страна переживает в настоящее время переходное состояние. В сельском хозяйстве, в самой системе землепользования начался громадный переворот, результаты которого пока еще только намечаются, но не поддаются учету. В промышленности, после целого ряда лет кризиса и застоя, начался сильный подъем и оживление... С достаточной полнотой выяснилось, что только в годы высоких урожаев и высоких цен на хлеб, главный продукт нашего вывоза, страна обеспечена торговым балансом в нашу пользу, что при наличии громадной заграничной задолженности является необходимым условием устойчивости денежного обращения. Настоящее экономическое положение может быть охарактеризовано следующим образом. После почти десятилетнего застоя или, во всяком случае, слабого развития промышленности и торговли Россия в 1910-1911 гг. быстро вступила в период экономического подъема как под влиянием благоприятного урожая двух лет подряд, так и вследствие начавшихся в этих годах громадных правительственных ассигновок на флот, на военные потребности, на портостроительство, на шлюзование некоторых рек, постройку элеваторов и на усиление железнодорожного строительства; одновременно проявились усиление строительства в городах, увеличение машиностроения и пр.

Города растут у нас с поистине американской быстротой. Целый ряд железнодорожных станций, фабричных и заводских поселков, особенно на юге, обратились в крупные центры городской — по всему своему складу и запросам — культуры. Естественный в известные периоды экономического развития процесс концентрации населения, в силу происходящих сейчас

коренных изменений в жизни сельскохозяйственного населения России, пойдет несомненно с возрастающей быстротой и лет через 20–30 мы увидим, быть может, картину самых крупных в этой области перемен.

Без преувеличения можно сказать, что рост городской жизни вызовет переворот в нашей промышленности... прилив капиталов в промышленность за последние 3 года увеличился более чем на 1,5 млрд. рублей. Но и этих средств было недостаточно для более мощного развития промышленности, для удовлетворения сполна потребностей внутреннего рынка в продуктах отечественного производства и для освобождения страны от экономической зависимости от иностранного ввоза...

СПб., 10 июля 1914 г.

Председатель Совета Н. Авдаков

Товарищ Председателя В. Жуковский» ^[90].

Но в конце «Записки...» следовало предупреждение правительству: действующие законы устарели, промышленники испытывают ненужные стеснения, «... успешное развитие возможно лишь при условии предоставления широкого поприща личной инициативе и при отсутствии ограничений, тормозящих частные начинания в области торговли и промышленности».

Тогда еще никто не предполагал, что спустя два года во время войны это предупреждение обернется требованием передать государственную власть промышленной и финансовой элите (растущим с «американской скоростью» городам). А Шульгин (кто бы мог подумать!) окажется в лагере оппозиции.

Экономика экономикой, но был еще один тревожный индикатор перемен — это национальная культура и, в частности, литература. Накануне Первой мировой войны доминирующим явлением русской словесности стал так

называемый Серебряный век. Если вспомнить главное поэтическое явление золотого века, поэму Александра Пушкина «Евгений Онегин» и символ веры ее героини Татьяны Лариной («Но я другому отдана и буду век ему верна»), то «серебряные герои» и их авторы уже руководствовались иными моральными ценностями. Накануне 1914 года петербургский литературный мир был поражен эпидемией самоубийств: стрелялись, вешались, травились, топились десятки молодых людей. Как заметил поэт Станислав Куняев, «обезбоженность, порой переходящая в открытое богохульство, успехи и достижения в сексуальной революции, равнодушие, а порой и ненависть к семейным устоям, безграничное злоупотребление „правами человека“, культ греха и потеря инстинкта самосохранения привели Серебряный век к девальвации божественной ценности жизни, к душевной опустошенности его „продвинутых детей“, к потере смысла человеческого существования»^[91].

«Мы — дети страшных лет России» — так звучал диагноз Александра Блока.

Глава тринадцатая

Дума и перевооружение армии. — А. И. Гучков против великих князей. — Что важнее — армия или флот? — Французские банки диктуют, что важнее. — Генералы недовольны

Столыпин неспроста предостерегал — война при таком состоянии экономики будет самоубийством.

Наш герой тоже имел представление о состоянии армии и вооружений, будучи членом думской редакционной комиссии (и еще — по местному самоуправлению, по неприкосновенности составления личности, об уставе и штатах университета, для составления всеподданнейшего адреса, по Наказу). В целом до 1917 года Шульгин располагал огромным объемом военной и специальной информации, в Четвертой Государственной думе был товарищем (заместителем) председателя комиссии по военным и морским делам, а с августа 1915 года — членом Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (кратко: Особое совещание по обороне).

Конечно, он не стал генералом или полковником, да и не мечтал об этом. Но постепенно его представления о характере государственного управления менялись.

Началось весной 1908 года, когда Государственная дума неожиданно отказала Морскому министерству в кредитах на сооружение четырех дредноутов для Балтийского флота. Это был громкий скандал: лояльная Дума бросила вызов правительству. Именно тогда Гучков раскритиковал безответственность великих князей.

В воспоминаниях Никанора Васильевича Савича, заместителя председателя думской фракции октябристов, описаны обстоятельства отказа: «При рассмотрении проекта сметы на 1908 г. мы нашли в ней громкий дефицит, причем никаких сумм не предполагалось отпустить на пополнение запасов армии, которая была разута и раздета, без нового оружия, с крайне ограниченным запасом патронов и снарядов, словом, по словам Военного министра, небоеспособна. В то же время в смете имелись крупные кредиты на новое судостроение, именно — кроме сумм на продолжение постройки ранее начатых судов, уже устаревших типов, а именно двух броненосцев, двух крейсеров и двух заградителей для Балтийского флота и двух броненосцев для Черноморского, испрашивались кредиты на закладку четырех дредноутов на Балтике и пяти турбинных миноносцев на Черном море... Сметная стоимость четырех дредноутов исчислялась в 84 млн. рублей... Совет Государственной обороны под председательством великого князя Николая Николаевича был против постройки линейного флота, „как непосильного по финансовым обстоятельствам, до полного переустройства сухопутных сил“.

Никакой сметы стоимости кораблей не было уже хотя бы потому, что ведомство не знало, что оно намерено строить, так как к составлению проекта кораблей еще не приступали, шли только споры о том, какие задания надо поставить для будущего конкурса на проект... Постройка проектировалась на заводах для того неприспособленных, их стапели были слишком малы для таких больших кораблей, оборудование недостаточно, частью его не было вовсе. Так, Обуховский завод, которому предстояло соорудить новые 20-дюймовки в 50 калибров, не имел для того станков, кои надо было заказать за границей и ждать их изготовления года полтора. Переоборудование

заводов требовало много времени и денег, которых ни у них, ни у ведомства не было, как не было и проекта переоборудования.

Ведомство и его заводы запутались в долгах. Уже давно оно усвоило систему использования денег, отпущенных на постройку боевых судов, на сооружение других судов, на которые оно не рассчитывало получить кредитов... Естественно, накапливалась задолженность заводам, которые, в свою очередь, писали и переписывали векселя в банках»^[92].

К этому добавим, что континентальная империя нуждалась в модернизации прежде всего сухопутной армии, в чем Совет государственной обороны был совершенно прав.

Савич не писал о коррупции в Морском министерстве — может, никакой коррупции не было. Но, по крайней мере, две детали видны.

Общая сумма российского долга Франции накануне войны составляла 27 миллиардов франков. Под контролем французских банков находилась не только металлургия и угледобыча в Донбассе, но и судостроительные верфи «Наваль» в Николаеве. Надо учесть и заинтересованность Парижа в организации противостояния растущему давлению Германии на Балканах.

Вывод Савича: «Было ясно, что все в ведомстве остается по-старому, оно опять готовит нам Цусиму»^[93].

Столыпин выступил с думской трибуны, призывая депутатов изменить свое решение: «...может быть, морское ведомство еще не доказало того, что в настоящую минуту возможно доверить ему те сотни миллионов, которые необходимы на выполнение общей программы нового судостроения. Но, господа, не лишайте же морское ведомство возможности доказать

вам это, не расстраивайте это ведомство в корне. Ведь, господа, во всех ведомствах есть неустройства».

Видимо, депутаты чего-то не поняли и не поддержали премьер-министра.

Несмотря на то что военный совет был прав в защите интересов сухопутных сил, Государственный совет (верхняя палата) восстановил кредиты Морскому министерству.

Характер финансовых и военных взаимоотношений между Россией и Францией фактически был настоящей торговой сделкой: Париж платил за свою безопасность. Военный министр В. А. Сухомлинов, сменивший генерала Редигира, описал суть дела без дипломатических иносказаний: «Французы охотно шли навстречу нам в деле помощи по постройке железных дорог, в особенности тех из них, которые имели стратегическое значение.

Таковыми были, конечно, линии, преимущественно направлявшиеся от центра к западной границе, а затем рокировочные, параллельные фронтам сосредоточения армий. Эти дороги, имевшие большое значение для военных целей, не могли быть всегда интересными в торговом отношении — их эксплуатация обещала убытки, а не доходы.

Так как государственный бюджет наш и без того хронически страдал недоборами, то за счет казны избегали их строить, а на постройки стратегических дорог солидные частные капиталисты не шли.

Генерал Жоффр составил для нашей железнодорожной сети большую и дорогостоящую программу, целью которой было провести с наибольшей скоростью концентрацию назначенных против Германии войсковых частей на Висле и дать им возможность наступления на Восточную Пруссию в направлении на Алленштейн или Торн — Позен с такими силами,

которые могли бы удержать 5 или 6 германских корпусов...»

И Сухомлинов привел фрагмент переписки министра финансов В. Н. Коковцова с министром иностранных дел С. Д. Сазоновым.

«Министр финансов. В. срочно.

Получено 17 июня 1913 года 639. В. доверительно. Милостивый Государь, Сергей Дмитриевич!

Приехавший в С.-Петербург председатель синдикальной палаты парижских биржевых маклеров г. де Вернейль сообщил мне, что он уполномочен передать взгляд французского правительства на выпуск в Париже русских государственных и гарантированных правительством займов. Взгляд этот он передал мне в нижеследующем изложении:

„Я уполномочен вам сообщить, что французское правительство расположено разрешить русскому правительству брать ежегодно на парижском рынке от 400 до 500 миллионов франков в форме государственного займа или ценностей, обеспечиваемых государством для реализации программы железнодорожного строительства во всей империи на двояком условии:

1. Чтобы постройка стратегических линий, предусматриваемых в согласии с французским Генеральным штабом, была предпринята немедленно.

2. Чтобы наличные силы русской армии в мирное время были значительно увеличены...“»^[94].

Невысокий ранг французского гостя показывал, что французы уверены в исполнении своих предложений и смотрят на переговоры как на формальность.

Также надо учесть, что экономика России являлась полем постоянного соперничества разных групп зарубежного капитала, из которого на долю стран Антанты (Франция, Англия, Бельгия, США, Италия)

приходилось 75 процентов, а на долю Германии и Австро-Венгрии всего 20 процентов. Поэтому понятно, на чьей стороне в итоге оказалось и политическое влияние.

Находясь в эмиграции, Гучков раскрыл некоторые тайны своей оппозиционной деятельности. Во время Англо-бурской войны он подружился с русским военным агентом, будущим генералом Василием Иосифовичем Гурко. Являясь председателем думской комиссии по обороне, Гучков установил постоянные дружеские связи со многими штабными офицерами. Армейские круги увидели в Гучкове защитника реальных интересов вооруженных сил, а не придворной блестящей отчетности.

Уже в эмиграции Шульгин составил схему развития государственного кризиса в империи и в одном из пунктов записал: «Недовольство высших офицеров».

Время хорошо прочищает мозги и избавляет от иллюзий. В 1918 году главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) генерал Антон Иванович Деникин категорически отверг предложение назначить великого князя Николая Николаевича главой белогвардейского сопротивления: «Ведь за Романовыми опять потянутся все эти негодяи, и опять все начнется сначала»^[95].

Насчет негодяев сильно сказано.

Заметим, что с 1908 года стал расти дефицит государственного бюджета, к 1913 году он составил 39,1 процента, к началу 1917-го — 81,7 процента^[96].

Вот еще одно свидетельство негативного отношения высшего генералитета к режиму — из дневника Ариадны Тырковой-Вильямс.

Запись относится к 27 июня 1950 года, а это значит, что все чувства и переживания уже давно остыли, остался только холодный песок Истории.

Описывается ситуация после отречения императора и накануне так называемого «Корниловского мятежа». Генерал-адъютант Михаил Васильевич Алексеев, начальник штаба Верховного главнокомандующего, говорит о возможности восстановления монархии.

«Была у Маклакова... Рассказывал мне о деле Корнилова.

Корнилов обдумывал, как свергнуть правительство Керенского сразу после Государственного Совещания, обратился к группе общественных деятелей, спрашивал, поддержат ли они его. Их собралось человек 15. Были тут Милюков, Родзянко, Шульгин. Все, за исключением Маклакова и еще кого-то, не помню кого, обещали поддержку. Маклаков сказал, что революционное настроение еще не изжито и широкой поддержки Корнилов не получит. (К несчастью, так оно и вышло.)

Когда Корнилов уже двигался, генерал М. В. Алексеев вызвал к себе Маклакова...

Алексеев жил в поезде на Царкосельском вокзале. И он, и все окружение были совершенно уверены в победе Корнилова, говорили так, точно Керенского уже нет. Алексеев считал, что Корнилов окружит Петроград и правительство сдастся без боя. Он хотел знать мнение Маклакова, как организовать потом власть. Маклаков сказал, что как юрист стоит за начала законности. Государь отрекся в пользу Михаила Александровича, который отказался принять власть, но, в сущности, обязан был согласиться.

Алексеев был удивлен.

— Значит, вы хотите восстановления монархии?

— Да, в таком виде, в котором это указано в отречении, монархии правовой.

— Но это невозможно. Это значит восстановление самодержавия.

Тут уж Маклаков удивился:

— Что же это я, представитель оппозиции, высказываюсь за царя, а вы, генерал-адъютант, близкий Государю человек, против.

Алексеев провел рукой по лицу:

— Да, высказываюсь. Потому что гораздо лучше знаю их, чем вы» ^[97].

Поразительно, что имперские генералы выступили против императора. Это можно назвать предательством, так оно и было. Но почему?

Сразу и не ответишь, почему.

Требовалось соединиться множеству факторов, чтобы недовольство депутатов и генералов вылилось в решающее действие.

И такие факторы посыпались как из рога изобилия. Укажем на свидетельство Милюкова:

«Несколько позднее, по поводу торжеств трехсотлетия дома Романовых, и сам Коковцов поставил следующий, вполне верный диагноз самого корня государственной болезни. „В ближайшем кругу государя понятие правительства, его значения как-то стушеввалось, и все резче и рельефнее выступал личный характер управления государем, и незаметно все более и более сквозил взгляд, что правительство составляет какое-то ‘средостение’ между этими двумя факторами (царем и народом. — П. М.), как бы мешающее их взаимному сближению.

Недавний ореол ‘главы правительства’ в лице Столыпина в минуту революционной опасности совершенно поблек (при Коковцове. — П. М.), и упрощенные взгляды чисто военной среды, всего ближе стоявшей к государю, окружавшей его и развивавшей в нем культ ‘самодержавности’, понимаемой ею в смысле чистого абсолютизма, забирал все большую и большую силу (здесь главным образом разумеется влияние Сухомлинова. — П. М.)... Переживания революционной

поры 1905–1906 годов сменились наступившим за семь лет внутренним спокойствием и дали место идее величия личности государя и вере в безграничную преданность ему, как помазаннику Божию, всего народа, слепую веру в него народных масс...

В ближайшее окружение государя, несомненно, все более и более внедрялось сознание, что государь может сделать все один, потому что народ с ним...“»^[98].

Итак, «упрощенные взгляды чисто военной среды» — верно ли это? Правильнее было бы сказать, «военно-придворной среды».

Война могла бы начаться не в 1914-м, а в 1912 году, если бы Коковцов и более уравновешенные политики не удержали Сухомлинова и не убедили царя.

Предыстория конфликта такова.

В апреле 1904 года английская дипломатия, всегда отличавшаяся замечательной рациональностью, начала стратегическую операцию на европейском континенте — было подписано генеральное соглашение с Францией по комплексу спорных территорий от Ньюфаундленда до Сиам, получившее название «Сердечного согласия» (Антанта).

В 1907 году по предложению Лондона была заключена англо-русская конвенция, урегулировавшая отношения стран в Персии, Афганистане и Тибете. Персия разделялась на зоны влияния: российскую (северную), примыкающую к Кавказу, нейтральную (среднюю), включающую северное побережье Персидского залива, и английскую (южную), прикрывающую подступы к «жемчужине британской короны» — Индии. Афганистан признавался вне сферы российского влияния, «перестал быть полем русских интриг против Индии», но Россия сохраняла там «право голоса» в случае осложнений, затрагивающих ее интересы. Показательна точка зрения на Афганистан

начальника Генерального штаба Ф. Ф. Палицына, высказанная им во время обсуждения конвенции: «Афганистан имеет для России едва ли не самое большое значение на всем среднеазиатском театре. Новая доктрина английских военно-политических кругов, рассматривающих Среднюю Азию в качестве решающего плацдарма возможной войны с Россией, превращает страну эмира из буферного государства в британский аванпост, в огромную боевую позицию, угрожающую целостности и покою империи»^[99].

Впрочем, после того, как были получены заверения англичан о согласии предоставить России исключительные права на проход ее военных кораблей через Проливы, Генеральный штаб снял свои возражения. Среднеазиатское направление переставало быть для России опасным, зато европейское выходило на первый план.

В конвенции не упоминалось о персидской нефти, которую англичане получали как незапланированный приз.

Много ли выиграла Россия в 1907 году? Профессор международного права Московского императорского университета, советник министра иностранных дел барон Ж. Таубе в частной беседе упрекал министра С. П. Извольского: «Я нахожу в этом договоре, что вы желаете дать Англии, но не нахожу того, что она желает дать нам. Вы отказались от Афганистана, от Персидского залива, который, может быть, когда-нибудь обеспечил бы нам выход в открытое море, которого мы тщетно ищем в направлении Константинополя. Вы ничего не получили, за исключением северной Персии, где мы уже фактически являемся хозяевами»^[100].

Действительно, Россия отказывалась от перспективных «особых отношений» с Персией и

Китаем в надежде на гипотетические успехи на европейском направлении. Это противоречило взятому Столыпиным курсу на постепенное (без потрясений и войн) укрепление среднеразвитой российской экономики в направлении необходимой модернизации и приближало страну к европейской войне.

Назревал новый поворот России к Европе.

В этой трудной обстановке на правительство оказывали давление экспортеры зерна, банкиры, углепромышленники, судостроители, нефтепромышленники, для которых было принципиально важно получить контроль над Проливами. Таким образом, миролюбие Столыпина порождало сопротивление влиятельного слоя правящего класса.

Уже с 1910 года реорганизация армии и строительство флота были обеспечены финансами. В 1911 году были спущены на воду четыре дредноута.

Летом 1912 года была заключена франко-русская морская конвенция, согласовавшая действия флотов, а также в ходе совещания начальников генеральных штабов подтверждена стратегическая цель — поражение Германии. Французское правительство предложило ежегодные займы от 400 до 500 миллионов франков на постройку стратегических железнодорожных линий, ведущих из центра страны к западным границам. Это о них писал Коковцов Сазонову.

Здесь по-настоящему заканчивался XIX век, невидимые стрелки отсчитывали его последние минуты, оставляя одних навсегда в прошлом и вталкивая других в неизвестное будущее.

Как постскрипtum к тем предвоенным парламентским боям приведем небольшой эпизод думского дела, в котором участвовал Шульгин.

Дума выделила 30 тысяч рублей на экспедицию Георгия Седова к Северному полюсу. Нужно было 100 тысяч, Шульгин старался их найти. Он встретился и с Седовым. Тот поразил его предложением сэкономить на ездовых собаках: открыв полюс, Седов не собирался возвращаться обратно и был готов к собственной гибели.

«Безумие Седова сказалось в том, что пищу собакам он предполагал взять только на дорогу до Северного полюса. Когда я спросил его, как же мне его понимать, он ответил:

— Обратного похода не будет.

Помолчал и, видя мое недоумение, добавил:

— Но разве это важно?

Я начинал закипать, но как можно спокойнее спросил:

— Что же важно?

— Важно, чтобы русский трехцветный флаг был поставлен на Северном полюсе. Это будет означать, что Северный полюс открыт русскими и принадлежит России.

— Но ведь если вы, даже съевши всех собак, как это делается в таких случаях, не вернетесь сами, то ни одна собака не узнает, что вы были на Северном полюсе. И, значит, он по-прежнему будет считаться не открытым. Только свидетельство человека, побывавшего там и вернувшегося, будет принято во внимание...

Он меня не слушал. У него были дети и жена, очень милая молодая особа. Она приносила нам ужин, когда мы сидели по ночам... Он развелся с нею на тот случай, если бы погиб или пропал без вести, но она не знала, что он уже решил бесповоротно не возвращаться.

Но я-то теперь знал и сказал ему:

— Я не могу с открытыми глазами толкать вас к самоубийству... Прощайте.

Я доложил об этом на заседании нашего комитета, и мы кончили нашу деятельность по открытию Северного полюса.

Но Седов не остановился. Он собрал еще какие-то деньги к тем тридцати тысячам, полученным от Государственной Думы, купил кораблик „Святой Фока“ или, как писали в печати, „Дребезжащий Фока“, и отправился на нем. Дошел до какой-то точки, дальше шел на собаках с одним спутником. Затем заболел, умер. Спутник вернулся...»^[101]

Возможно, значительную часть российской элиты можно было бы сравнить с героическим Георгием Седовым.

Глава четырнадцатая

Еврейский вопрос. — Дело Бейлиса. —
Шульгин приобретает странную славу. —
«Цусима» Российского государства

О легкомыслии и самомнении надо сказать особо.

Одной из главных причин катастрофы Шульгин называл не экономическое отставание от западных стран (Германии прежде всего), а переоценку русскими собственных сил.

«Однако весьма возможно, что русский народ пережил бы свою болезнь... без катастрофы, если бы не два сопутствующих этой болезни обстоятельства.

Эти обстоятельства были: евреи и немцы. Главная ошибка тех, кто вел русскую нацию, состояла в том, что, не рассчитав своих сил, вели борьбу одновременно с этими двумя исключительной мощности расами.

Теперь можно сказать почти с уверенностью, что, объявив войну Германии, надо было помириться с еврейством. Или, наоборот, продолжая борьбу с еврейством, надо было ни в коем случае не допускать войны с Германией. Для этого надо было пожертвовать нашими интересами на Балканах и, может быть, многими другими. Надо было пустить немцев в Азию, предоставив им Багдадскую дорогу и все то, что они хотели, или, наоборот, надо было с самого начала войны, или даже гораздо раньше, когда выяснилась ее неизбежность, дать еврейству равноправие, которого оно добивалось, и использовать всю его огромную психологическую силу на защиту России, которая с минуты объявления равноправия стала бы для евреев землей обетованной.

Но этого не поняли. Мы хотели объять необъятное, быть победителями на всех фронтах, совершенно не подсчитав своих сил. В этом, впрочем, сказалось только в высшей степени подчеркнутое наше обычное „кое-какство“.

Наиболее яркое проявление сего качества можно было наблюдать, когда военный министр Владимир Александрович Сухомлинов закатил перед самой войной ошеломляющую статью в „Биржевых Ведомостях“ под заглавием „Мы готовы“. Это в то самое время, когда он, по его собственным словам, твердо знал, что мы не только не готовы, но что самые элементарные реформы, совершенно необходимые для русской армии, могли быть закончены только в 1916 году.

Мы это твердо знали и все-таки полезли на „авось“, „небось“ и „ничего“. Результат и был соответственный: ничего от России и не осталось.

Силу еврейства понимали плохо. Я отлично помню свой разговор с редактором издателем „Нового Времени“ Алексеем Алексеевичем Сувориным, который имел место в 1907 или 1908 году. Как известно, Суворин не был заражен либеральными идеями, наоборот, это был важнейший консервативный орган в России, имевший серьезнейшее влияние в правительственных кругах. Вернее даже сказать наоборот — „Новое Время“ было рупором правительства.

Суворин принял меня ночью по своему обыкновению: он вставал в 8 часов вечера и ложился утром. Это был высокий, совершенно белый старик, производивший впечатление. Я говорил с ним по поводу одной своей полуполитической, полулитературной вещи под названием „Еврейка“, которую я ему прислал для прочтения. Он сказал мне, что это не беллетристика, а передовая статья, в чем я был с ним вполне согласен.

Но относительно самого существа предмета мы разошлись. Он не понимал силы еврейства и важности

вопроса. Резюме его жидопонимания сводилось к следующему:

— Вы напрасно придаете такое значение еврейскому вопросу. В конце концов, это вопросы чисто местные, ваши юго-западные. Это вопрос отнюдь не всероссийского масштаба.

Так были слепы люди...» ^[102]

Это строки из шульгинского письма начала 1925 года.

Он ошибался: не все люди были слепы. Например, Столыпина нельзя назвать слепым, многих конституционных демократов, промышленников и торговцев — тоже. Еще в 1906 году Столыпин на заседании Совета министров вынес вопрос о положении евреев. Когда приводят этот факт, никогда не цитируют само решение правительства, а оно очень выразительно.

Особый журнал Совета министров от 27 и 3 октября и 1 декабря 1906 года «О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев»:

«В царствование августейшей прабабки Вашего императорского величества блаженной памяти императрицы Екатерины Великой, в силу последовавшего в 1772 году первого раздела Польши, к Российской империи отошла исконно русская область, известная под именем Белоруссии. Вместе с прочими жителями данной области, принятыми в русское подданство, в состав народностей Империи вошли также населявшие Белоруссию евреи. К этому времени, таким образом, и следует отнести возникновение в нашей государственной жизни еврейского вопроса... в 1772 году было установлено полное равноправие евреев. Не лишне отметить, что признав евреев полноправными гражданами, Россия опередила в данном вопросе все остальные европейские

государства. Жизнь не замедлила, однако, указать, что разрешение еврейского вопроса в смысле уравнивания с остальными подданными представляется невозможным, ввиду присущих этому народу характерных свойств, ставящих его, где бы он ни находился, в резко обособленное от коренных жителей положение, быстро переходящее в эксплуатацию и экономическое угнетение христианского населения. Эти отрицательные особенности еврейского племени побудили правительство отступить от только что установленного начала гражданского равноправия евреев; к концу царствования Екатерины Великой евреи уже были устранены от отбывания воинской повинности и последовал ряд административных распоряжений о недопущении водворения евреев внутри Империи и удержании их в тех пределах, где их застала русская власть. Таким образом, была намечена та особая черта постоянной оседлости евреев, которая сохранилась в законодательстве о евреях и до сего времени»^[103].

Правительственный протокол подробно перечисляет развитие ситуации: попытки смягчения, а также новые репрессии, вызванные нарушениями евреями закона, которые приводили к конфликтам с местным населением: контрабанда спиртом, ростовщичество, хищническое ведение хозяйства в приобретенных имениях — вырубка лесов и дальнейшая перепродажа земли крестьянам по спекулятивной цене. Попытка правительства в 1844–1847 годах предоставить евреям возможность заниматься сельским хозяйством в южных губерниях, выделение значительных наделов казенных земель, пособий, налоговых льгот, освобождений от призыва в армию не дали ожидаемого результата.

«Привлеченные денежными пособиями и прочими льготами, евреи-колонисты продолжали заниматься привычным им посредничеством и торговлей,

преимущественно продажей вина, а земельные свои наделы сдавали крестьянам или обрабатывали через наемных рабочих из христиан»^[104].

В конце концов, узаконенные на то время ограничения не позволяли евреям жить в сельской местности (даже в черте оседлости), проживать в столицах (кроме купцов 1-й гильдии, лиц с высшим образованием, студентов, ремесленников), входить в руководство акционерных обществ, приобретать землю. Экономически очень активное и вместе с тем крайне стесненное в правах еврейское население, к тому же испытывавшее злоупотребления «нижних чинов» администрации, стало валом валить в революционные организации. Еврейский вопрос стал одним из главных для Столыпина, и он объявил об этом в своей программе, что произошло почти сразу вслед за взрывом правительственной дачи на Аптекарском острове 12 августа 1906 года.

В Особом журнале Совета министров указывалось: «На первом месте в ряду этих задач стоит вопрос о крестьянском землеустройстве. В этом же порядке подлежат проведению некоторые неотложные мероприятия в смысле гражданского равноправия и свободы вероисповедания и по отмене отживших ограничений, стесняющих крестьян и старообрядцев. Далее правительством намечено к ближайшему осуществлению расширение сети народных школ в связи с планом введения всеобщего обучения. Равным образом в означенном правительственном сообщении возведено, что в области еврейского вопроса безотлагательно будет рассмотрено, какие ограничения, как вселяющие лишь раздражение и явно отжившие, могут быть отменены немедленно и какие, как касающиеся существа отношений российской народности к коренному населению, являются делом

народной совести, почему предрешение их стеснило бы последующую работу законодательных учреждений»^[105].

Отсылка к «делу народной совести» означала возможность перенесения проблемы на усмотрение Государственной думы.

В Особом журнале мнение Столыпина выражено прямо, надо срочно принимать решение: «В видах умиротворения озлобленной еврейской среды для правительства является и долгом совести, и велением политической мудрости устранить, хотя бы в путях чрезвычайного закона, все то, в чем сказывается напрасное и унижающее человеческое достоинство евреев»^[106].

По мнению премьера, царь лично должен был принять необходимое решение, однако тот не стал этого делать, передав вопрос на рассмотрение Государственной думы.

Решение было записано на протоколе Особого журнала. Вот оно: «Собственною рукою Его Величества начертано: „Внести на рассмотрение Государственной Думы“.

декабря 1906 года.

В Царском Селе.

Председатель Совета министров Столыпин».

К этому добавим, что на последующих сессиях Государственные думы этот вопрос не выносили на пленарное голосование. Только на обсуждение его однажды вынесли кадеты — и далее дело не продвинулось.

Зато Столыпин отдельными своими решениями ослаблял ограничения: к 1911 году был увеличен список мест, где разрешалось проживать евреям, на 299 населенных пунктов.

Как писал Солженицын, «а Столыпин, после своей неудачной попытки в декабре 1906, — не возбуждая законодательного шума, немо-административно облегчал отдельные антиеврейские ограничения».

На это осудительно отозвался нововременский публицист М. Меньшиков: «Черта оседлости при Столыпине сделалась фикцией». Евреи «...побеждают русскую власть, отнимая у нее одну область авторитета за другой... правительство поступает так, как если бы оно было еврейским»^[107].

Хотя, конечно, проблема оставалась.

У нее был и международный аспект, который сильно задевал государственные финансы и вообще экономику России. Когда в начале 1906 года Витте обратился к европейским банкирам за займом, он натолкнулся на твердый отказ Ротшильдов.

«Я счел нужным пощупать почву, как отнесутся Ротшильды к займу, и поручил это нашему финансовому агенту в Париже Рафаловичу. Парижские и Лондонские дома Ротшильдов между собою весьма связаны, со смертью барона Альфонса главенство перешло в руки лондонского лорда Ротшильда, поэтому Рафалович поехал в Лондон, и затем я получил от Рафаловича такой приблизительно ответ:

„Ввиду уважения питаемого Ротшильдами к личности графа Витте, как государственного деятеля, они охотно оказали бы полную поддержку займу, но не могут этого сделать, покуда в России не будут приняты меры к более гуманному обращению с русскими евреями, т. е. не будут проведены законы, облегчающие положение евреев в России“. Так как я не считал достойным для власти по поводу займа поднимать еврейский вопрос, то полученный мною ответ меня убедил, что с Ротшильдами дело это сделать нельзя»^[108].

В конце концов Витте получил крайне необходимый заем, за что пришлось заплатить дипломатической поддержкой французской колониальной политики во время марокканского кризиса и ухудшением отношений с Германией. Так что «еврейский вопрос» был только отчасти внутренним российским вопросом.

В нем имелся и «киевский» сегмент.

Уже после смерти Столыпина, в конце 1911 года, в нескольких газетах появилась тема «национализации кредита» как отражение соперничества российских сельских хозяев с системой еврейской хлеботорговли. Так, Киевский клуб русских националистов после доклада Н. А. Садчинова «Национализация торговли, промышленности и кредита в связи с предположенным учреждением торгово-промышленных палат» послал записку министрам внутренних дел, финансов, торговли и промышленности о необходимости национализации кредита. В ней говорилось: «Всякое расширение прав евреев в Киеве неизбежно влечет за собой губительные последствия для русской торговли, промышленности и вообще культурной и экономической жизни».

Киевляне потребовали от правительства «...отказаться от роли „финансового Пилата“, умывающего руки в экономической борьбе инородцев против господствующей народности».

Сотрудник «Киевлянина», близкий товарищ Шульгина и член Государственной думы А. И. Савенко, предложил назвать требование русских кредитного равноправия с евреями «денационализацией кредита», так как «...национализация кредита... осуществлена давно: весь кредит отдан в распоряжение евреев... а государственный банк давно превратился в еврейскую оборотную кассу». Профессор П. И. Ковалевский в своей лекции в Екатеринославе «Задачи национализма» утверждал, что 85 процентов ссуд Государственного банка получают нерусские.

Автор монографии о Всероссийском национальном союзе С. М. Санькова уточняет: «Разумеется, решающим моментом здесь были не столько действительно существовавшие объективные потребности вложения государственных средств в интенсификацию сельского хозяйства, сколько желание помещиков получить новый источник субсидирования своих хозяйств ввиду исчерпанности кредита Дворянского банка. Одна из главных причин недовольства правых и националистов В. Н. Коковцовым, на наш взгляд, крылась именно в его финансовой политике, во-первых, уделявшей недостаточное внимание развитию сельского хозяйства; во-вторых, сводившей к минимуму государственные вложения ради бездефицитного бюджета»^[109].

На самом деле проблема была не в «исчерпанности Дворянского банка», а в другом.

Без государственной финансовой помощи аграрная реформа не могла быть полностью доведена до конца. На создание одного фермерского хозяйства требовалось не менее 800 рублей, тогда как бюджет выделял всего 130. На межведомственном совещании по аграрной реформе при МВД (1908 год) было указано, что при такой практике реформа не достигнет своей цели. Вопрос стоял о перераспределении огромных средств.

Профессор Оксана Гаман-Голутвина считает, что возник конфликт интересов с помещным дворянством, которое в случае столыпинского разрешения проблемы потеряло бы государственную поддержку, что обернулось бы дворянским бунтом; этот узел можно было только разрубить.

Насколько серьезными являлись конкуренты отечественных сельских хозяев и экспортеров, можно судить по французской фирме «Дрейфус Луи и К^о». С 1860 года братья Дрейфусы занимались экспортом

зерна из Одессы, в 1873-м открыли первый официальный филиал в Таганроге, первоначально отгрузка зерна производилась из портов Одессы, Николаева и Таганрога. В дальнейшем — из Ростова-на-Дону, Севастополя, Бердянска, Мариуполя, Ейска, Феодосии, Темрюка, Новороссийска, Петербурга, Либавы, Риги, Архангельска. К 1914 году в России действовало 114 отделений фирмы, а в ряде регионов ее агенты закупали зерно даже в деревнях. Зерно вывозилось во Францию, Великобританию, Германию, Голландию, Бельгию, Италию, Скандинавские страны, где фирма тоже имела свои отделения. Это была организация мирового уровня, работающая кроме России в Аргентине, Болгарии, Румынии. Она участвовала в создании Общества южнорусских биржевых комитетов и экспортеров в Одессе, оказывала финансовую помощь ряду еврейских благотворительных обществ в Одессе, Ростове-на-Дону, Николаеве, Мелитополе. За вклад в развитие российской торговли Л. Л. Дрейфус был награжден орденами Святой Анны 2-й степени, Святого Станислава 2-й степени и, соответственно, стал личным дворянином. Сегодня «Дрейфус Луи и К^о» входит в пятерку мировых экспортеров зерна, ее оборот свыше 22 миллиардов долларов ^[110].

Добавим, что и советские огромные закупки зерна производились тоже через эту компанию.

Шульгин, член Киевского клуба русских националистов, в статье «Столыпин и евреи» коснулся этой темы: «Перед смертью Столыпин носился с мыслью о „национализации капитала“. Это было начинание покровительственного, в отношении русских предприятий, характера. Предполагалось, что казна создаст особый фонд, из которого будет приходить на помощь живым русским людям. Тем энергичным

русским характерам, которые, однако, не могут приложить своей энергии, так как не могут раздобыть кредита. Того кредита, той золотой или живой воды, которой обильно пользовался каждый еврей только в силу... „рождения“, то есть в силу принадлежности своей к еврейству.

В некоторых кругах существовало убеждение, что именно за этот проект „еврейство“ убило Столыпина. Если бы это было так, то это означало бы, что еврейство Столыпина не поняло.

Я сказал, что у Столыпина была двуединая система: в одной руке — пулемет, в другой — плуг. Залпами он отпугивал осмелевших коршунов, но мерами органического характера он стремился настолько усилить русское национальное тело, чтобы оно своей слабостью не вводило во искушение шакалов.

Эта психология должна была проникать и в его отношение к еврейскому вопросу. Он не мог не считать „ограничения“ евреев временными и развращающими русское население. Последнее привыкло жить в оранжерейной атмосфере, в то время как евреи воспитывались в суровой школе жизни. Кроме того, эти ограничения отнюдь не защищали русское население в самой важной области — там, где формируются текущие идеи, дух времени... Как я уже говорил, здесь еврейство захватывало командные высоты. Поэтому перед Столыпиным и в еврейском вопросе стояла задача: органическими мерами укрепить русское национальное тело настолько, чтобы можно было постепенно приступить к снятию ограничений» ^[111].

Не случайно вслед за Шульгиным Солженицын, консультировавшийся с нашим героем, продолжил тему о взаимозависимости «национализации кредита» и убийства Столыпина.

«Первый русский премьер, честно поставивший и вопреки Государю выполнявший задачу еврейского равноправия, погиб — по насмешке ли Истории? От руки еврея.

Судьба средней линии.

Да ведь убивать Столыпина пытались семижды, и целые революционные группы разного состава — и все не удавалось. А тут — гениально справился одиночка.

Еще юный, несозревший ум, сам Богров не мог охватить в целом государственного значения Столыпина. Но с детства видел повседневные и унижительные стороны политического неравноправия и был нажжен от семьи, от своего круга, да и сам, — в ненависти к царской власти. И, очевидно, в тех киевских еврейских кругах, казалось бы столь идеологически подвижных, не возникло смягчения к Столыпину за его попытки снять антиеврейские ограничения, — а у кого, из более состоятельных, и возникло, то перевешено было памятью его энергичного подавления революции 1905–1906 и раздражением за его усилия по „национализации русского кредита“, открытое соперничество с частными капиталами. В кругах киевского (и петербургского, где зреющий убийца тоже побывал) еврейства действовало то всерадикальное Поле, в котором молодой Богров считал себя вправе и даже обязанным — убить Столыпина.

Столь сильно было Поле, что позволило такое соединение: капиталист Богров-отец возвысился, благоденствует при этом государственном строе, Богров-сын идет на разрушение этого строя, — и отец, после выстрела, публично выражает гордость за такого сына. Оказалось, что не совсем уж одиночкой был Богров: ему тихо аплодировали в тех состоятельных кругах, которые раньше оставались безоговорочно верными строю»^[112].

Столыпину не удалось добиться перемен в банковской сфере: он хотел вывести из подчинения Министерства финансов и напрямую подчинить себе Крестьянский банк, но с подачи министра финансов В. Н. Коковцова император отказал в этом: двухуровневая финансовая система оказалась немыслимой. Она была создана в иное социальное время, в Советском Союзе в начале 1930-х годов, когда для того, чтобы заблокировать нецелевые траты через коммерческие банки отпускаемых на индустриализацию бюджетных средств, был изобретен «безналичный оборот», строго учитываемый государственным контролем.

Кроме того, существовала вечная российская проблема — нехватка капиталов для нужд развития. Так, в предвоенный период затраты бюджета на поддержку помещичьих хозяйств и проведение аграрной реформы превышали приток капиталов в акционерные банки и предприятия. При этом военные расходы в 1907–1913 годах вдвое превышали прирост акционерных капиталов в 1902–1914 годах^[113].

Вопрос, кому будет принадлежать продаваемая дворянами земля, имел принципиальный характер. И не столько в «еврейской» его части, но и вообще в части приложения свободных капиталов.

Солженицын сужал проблему, сводя ее только к еврейским спекуляциям. «Основная задача Столыпина была — крестьянская земельная реформа, создание крепкого крестьянского землевладения. Его сподвижник в этой работе министр земледелия А. В. Кривошеин, тоже сторонник отмены черты оседлости, одновременно настаивал ограничить „права анонимных акционерных обществ“ в скупке земли, ибо через то образовывались компании „крупного еврейского землевладения“; кроме того,

„проникновение в деревню часто спекулятивного еврейского капитала затруднило бы успех землеустроительной реформы“ (одновременно, боялся он, и рождая антисемитизм в сельских местностях Великороссии, где его никогда прежде не знали). Столыпин и Кривошеин не могли допустить, чтобы крестьяне оставались в безземельном нищенстве. — В 1906 г. и еврейским сельскохозяйственным колониям было запрещено приобретать казенные земельные участки, резервируемые отныне для крестьян»^[114].

Дело было не только в «спекулятивном еврейском капитале». Сама система зерновой торговли действовала так, что требовалась масса предприимчивых подвижных агентов, связывающих весь сбыт единой цепью. У крестьян этого не получалось, у дворян (вспомним опыт Шульгина) — тоже.

Как вспоминал помещик Н. В. Волков-Муромцев, «мой отец много занимался кооперативными союзами. Большие земледельческие кооперативы в южных губерниях были основаны моим дедом Гейденом и Бехтеевым в 90-х годах. Причиной их основания было очень неудовлетворительное положение украинских крестьян. Все зерно для вывоза скупалось купцами (большинство из которых были евреи). Они диктовали цены и иногда отказывались покупать урожай, чтобы цены падали. Бывало, что дело кончалось погромом»^[115].

Здесь надо для полноты картины добавить одно наблюдение Шульгина:

«Человеку, который стоит вне ремесла, необходимо уметь пользоваться людьми, которые находятся в деле очень часто целыми поколениями. Это удалось моему отчиму и отчасти мне. Дать хорошую муку легче, взяв толкового крупчатника. А крупчатники обучаются своему делу с детства — от отца и деда. Но

недостаточно сделать муку. Надо купить зерно, а муку продать. Это дело коммерческое... У нас же дело было проще. Такого рода людьми у нас были евреи, подчас работавшие в качестве перемольщиков из поколения в поколение. Без них не обойдешься. Но им не надо давать власти над собой. Как это сделать? Довольно просто. На наших мельницах перемольщиками были бедные евреи, не имевшие своего капитала. Мы давали им оборотный капитал и потому держали их в руках. Двадцать лет мы с ними работали, и никогда не было никаких затруднений. У нас был капитал, а у них адреса. Адреса, по которым они отправляли нашу муку. Это был их секрет, и на этом они наживали кое-какие деньги»^[116].

Не обойтись без комментария: до постройки огромной вальцовой мельницы Пихно и Шульгин продавали свое зерно и не контролировали сбыт, после постройки они стали монополистами.

Что касается собственно «еврейского капитала» и скупки земли, то надо прежде всего назвать Лазаря Соломоновича Полякова, прозванного современниками «московским Ротшильдом», одного из трех братьев Поляковых. Яков Поляков жил в Таганроге, участвовал в создании Донского земельного, Петербургско-Азовского, Азовско-Донского банков; Самуил Поляков был одним из железнодорожных магнатов, при его участии было построено девять новых дорог общей протяженностью четыре тысячи верст. Лазарь же начинал подрядчиком у брата Самуила, затем переехал в Москву, открыл банкирский дом «Л. С. Поляков» с капиталом в пять миллионов рублей. В период «банковской лихорадки» 1870 года он инициировал создание ряда коммерческих и ипотечных банков, в которых ему принадлежала большая часть акций, и был главой Московского земельного, Рязанского торгового

(переименован в Московский международной торговли), Орловского, Ярославско-Костромского земельного, Петербургско-Московского банков, а также купил Южно-Русский банк. Обстановка промышленного роста и поднимавшегося земельного рынка способствовала его успеху. Кроме того, благодаря родственным связям Лазарь Поляков был своим человеком и в среде европейских финансистов. Его зятьями были петербургский банкир Л. А. Варшавский, английский — барон Дж. Гирш, французский — Ж. Сен-Поль. Ему было даровано потомственное российское дворянство.

К началу XX века его банки имели 29 отделений в России, Германии, Франции, Нидерландах, Польше, Персии, через которые преимущественно велось финансирование экспортной торговли российским зерном. Большие интересы были у Полякова и на Востоке, в Персии и Средней Азии. Всего в поляковской группе кроме банков насчитывалось шесть торгово-промышленных компаний, одна страховая, пять транспортных.

Его успешную деятельность надо противопоставить московским промышленным группам Рябушинских, Гучковых, Коноваловых, Крестовниковых, Третьяковых, Морозовых, Прохоровых, которые выросли из ткацких мануфактур крестьян-староверов и развивались по классической схеме от производственной к финансовой деятельности. Московские «ситцевые капиталисты» тоже владели банками, заводами и фабриками, вели международную торговлю, но к спекулятивной практике Полякова относились критически.

Несмотря на свой талант, Лазарь Поляков был почти уничтожен экономическим кризисом 1899 года. Это произошло потому, что под акции подконтрольных предприятий он брал кредиты в собственных банках, на эти средства вел биржевую игру, скупал и перепродавал земли. (Впрочем, в пореформенный

период все частные банки действовали крайне рискованно. Что касается крестьян, то отсутствие кредита порождало среди них ростовщичество и, как следствие, кулаков, скупавших разоренные хозяйства.)

Азартная деятельность Полякова закончилась провалом. Его спасло решение С. Ю. Витте, одобренное царем, выделить Полякову кредиты Госбанка и учинить за его банками государственный контроль.

Русские банковские и промышленные круги встретили данную меру позитивно, так как была ликвидирована угроза цепной реакции банкротств ^[117].

Эта история показывает, что корпоративные интересы различных экономических групп были сильнее их внутренних культурных и вероисповедальных различий. Отсюда же следовало, что объединенный российский капитал, русский и нерусский, был способен консолидированно выдвигать свои требования.

Российская элита давно расширила свои границы и возможности. За годы промышленного подъема в начале XX века российские банки удвоили свои активы по сравнению с предшествующими 1850-ми годами ^[118].

Теперь экономическая часть элиты, влияя на партии, общественные движения, средства массовой информации, теснила правящую бюрократию и претендовала на участие в реальной власти.

О роли банковского капитала в экономической и политической жизни последнего периода Российской империи красноречиво сказано Иосифом Гиндиным: «В 1910 году товарищ министра внутренних дел, небезызвестный Курлов, пишет министру финансов следующее. По сведениям Министерства внутренних дел, управляющий одним из филиалов Азовско-Донского банка, близкий родственник председателя правления банка, совершил одно из тех уголовно наказуемых, но никогда до суда не доходящих дел,

которые обычны в практике руководящих кругов капиталистических предприятий (спекулировал в собственных интересах, потерял банковские деньги и списал их с прибылей отделения). По сведениям Министерства внутренних дел, Азовско-Донской банк усиленно финансирует кадетскую партию. Министерство внутренних дел полагает, что Министерство финансов могло бы намекнуть на щекотливое дело, предложить банку прекратить указанную противоправительственную деятельность.

Коковцов коротко ответил, что не считает возможным принять какие-либо меры в этом направлении. Министерство внутренних дел на этом не успокоилось. Через некоторое время в следующем письме сообщается, что Азовско-Донской банк через члена правления А. И. Каминку (известный профессор гражданского права) широко финансирует провинциальную кадетскую прессу. Информация сопровождается просьбой о принятии мер воздействия на банк. Ответа Коковцова на это письмо в деле нет. Его реакция выразилась только в нервной пометке карандашом: „Что же я могу сделать?“

Получается весьма живописный треугольник... Следует грозный окрик начальства в лице той части правительственного аппарата, которая являлась наиболее чистым выразителем социальной сущности самодержавия. Окрик разбивается о глухую стену — представительство интересов финансового капитала внутри того же правительственного аппарата» ^[119].

Надо учесть одно важное обстоятельство: «Российские банки не были продуктом эволюции российской национальной экономики, напротив, именно они подготовили и проложили дорогу этой эволюции» ^[120].

Крупнейшие банки контролировались из-за рубежа: Международный банк и Русский банк для внешней торговли — немцами, Петербургский частный банк, Русско-Азиатский, Азовско-Донской — французами^[121].

Так, Русско-Азиатский имел сильные позиции в железнодорожном строительстве и машиностроении, судостроении, военной промышленности, нефтедобыче, угольной промышленности, металлургии; «немецкие» банки — в машиностроении, электропромышленности, металлургии, железнодорожном машиностроении, судостроении; английский капитал концентрировался в нефтедобывающей промышленности, добыче меди, золота и платины.

Учитывая все это, бюрократическую попытку изменения финансового рынка, предпринятую Столыпиным, можно считать несерьезной. Внешне в России политический режим оставался абсолютистским, однако его противоречия были уже вполне очевидны. К 1914 году 55 процентов российских ценных бумаг принадлежали иностранному капиталу и позволяли председателю совета синдиката «Продуголь», члену совета Министерства торговли и промышленности Н. С. Авдакову считать российский торгово-промышленный капитал как «силу, равновеликую правительству».

Фактически только текстильная промышленность, берущая начало с крестьянских мануфактур, развивалась за счет собственных средств вне влияния иностранных банков и обращения к финансовому рынку. К 1916 году московские «ситцевые капиталисты» вполне оформятся как оппозиционная властям сила.

Правда, было бы неверным считать, что у Столыпина не имелось противников внутри политического режима. Они были. И практически «сбили ему прицел», когда весной 1911 года

Государственный совет усилиями правых монархистов отверг проект закона о юго-западном земстве, по которому изменялись правила голосования в местные органы самоуправления и решающий перевес (над польскими дворянами) должны были получить православные крестьяне. Антидворянская сущность проекта была очевидна, и правые в Государственном совете опасались дальнейшего развития этой тенденции. Кроме того, Столыпин многих утомил своим реформаторством. Если революция закончилась, то и премьер мог бы держаться поспокойнее. Прошлый век, еще полный сил, схватил Столыпина.

Шульгин отстаивал в Думе позицию премьера, доказывал, что, выступая против принятия закона, она идет против Столыпина; что нет второго такого деятеля, «кто поднимет ту тяжесть, которую он на себя взвалил и несет».

На фоне оглушительного личного провала Столыпина и его трагической гибели в Киеве поведение Шульгина в деле Бейлиса кажется непонятным.

Все, что произошло в Киеве в 1913 году, отчетливо видно из судебного протокола.

«Перед присяжными были поставлены два вопроса.

Первый вопрос: „Доказано ли, что 12 марта 1911 года в Киеве, на Лукьяновке, по Верхне-Юрковской улице, в одном из помещений кирпичного завода, принадлежащего еврейской хирургической больнице и находящегося в заведовании купца Марка Ионова Зайцева, тринадцатилетнему мальчику Андрею Ющинскому при зажатом рте были нанесены колющим орудием на теменной, затылочной, височной областях, а также на шее раны, сопровождавшиеся поранением мозговой вены, артерий левого виска, шейных вен, давшие вследствие этого обильное кровотечение, а затем, когда у Ющинского вытекла кровь в количестве до пяти стаканов, ему были вновь причинены таким же

орудием раны в туловище, сопровождавшиеся поранениями легких, печени, правой почки, сердца, в область которого были направлены последние удары, каковые ранения в своей совокупности числом 47, вызвав мучительные страдания у Ющинского, повлекли за собой почти полное обескровление тела и смерть его“.

Ответ присяжных заседателей:

— Да, доказано.

Второй вопрос: „Если событие, описанное в первом вопросе, доказано, то виновен ли подсудимый, мещанин гор. Василькова Киевской губернии Менахиль-Мендель Тевиев Бейлис, 39 лет, в том, что, заранее обдумав и согласившись с другими, не обнаруженными следствием лицами, из побуждений религиозного изуверства лишить жизни мальчика Андрея Ющинского, 13 лет, — 12 марта 1911 года, в гор. Киеве на Лукьяновке, по Верхне-Юрковской улице, на кирпичном заводе, принадлежащем еврейской хирургической больнице и находящейся в заведовании купца Марка Ионова Зайцева, он, подсудимый, для осуществления этого своего намерения схватил находившегося там Ющинского и увлек его в одно из помещений завода, где затем сговорившиеся заранее с ним на лишение жизни Ющинского, не обнаруженные следствием лица, с ведома его, Бейлиса, и согласия зажали Ющинскому рот и нанесли колющим орудием в теменной, затылочной и височной областях, а также на шее раны, сопровождавшиеся поранением мозговой вены, артерий левого виска, шейных вен и давшие вследствие этого обильное кровотечение, а затем, когда у Ющинского вытекла кровь до пяти стаканов, ему вновь были причинены таким же орудием раны на туловище, сопровождавшиеся поранением легких, печени, правой почки и сердца, в область которого были направлены последние удары, каковые ранения по своей

совокупности числом 47, вызвав мучительные страдания у Ющинского, повлекли за собой почти полное обескровление тела и смерть его“.

Ответ присяжных заседателей:

— Нет, не виновен»^[122].

27 сентября 1913 года в самом начале судебного процесса, идя против мнения руководства ВНС, Шульгин в «Киевлянине» выступил с резкой критикой действий прокуратуры.

Вот сама статья: «Дело Бейлиса.

Как известно, обвинительный акт по делу Бейлиса есть документ, к которому приковано внимание всего мира. Со времени процесса Дрейфуса не было ни одного дела, которое бы так взволновало общественное мнение. Причина этому ясна. Обвинительный акт по делу Бейлиса является не обвинением этого одного человека, это есть обвинение целого народа в одном из самых тяжких преступлений, это есть обвинение целой религии в одном из самых позорных суеверий.

При таких обстоятельствах, будучи под контролем миллионов человеческих умов, русская юстиция должна была бы быть особенно осторожной и употребить все силы, чтобы оказаться на высоте своего положения. Киевская прокуратура, взявшая на себя задачу, которая не удавалась судам всего мира в течение веков, должна была понимать, что ей необходимо создать обвинение настолько совершенное, настолько крепкокованное, чтобы об него разбилась колоссальная сила той огромной волны, что поднималась ему навстречу. Ибо народ, который русская прокуратура задумала обвинить в ритуальном преступлении, это народ еврейский, т. е. народ самый энергичный, самый беззастенчивый в отстаивании своих интересов, народ, к тому же имеющий возможность путем печати кричать на весь

мир голосом, способным разбудить мертвых. Идти на такую борьбу надо с хорошо отточенным оружием.

И вот ныне это „отточенное оружие“ мы имеем перед глазами. Увы, не надо быть юристом, надо быть просто здравомыслящим человеком, чтобы понять, что обвинение против Бейлиса есть лепет, который маломальский защитник разобьет шутя. И невольно становится обидно за киевскую прокуратуру и за всю русскую юстицию, которая решилась выступить на суд всего мира с таким убогим багажом...

Версию о ритуальном убийстве Ющинского нелегко было обосновать на каких-нибудь данных. Начальник киевской сыскной полиции Мищук отказался видеть в изуверствах, совершенных над мальчиком Ющинским, ритуальный характер...

Вся полиция, терроризированная решительным образом действий прокурора палаты, поняла, что если кто слово пикнет, т. е. не так, когда хочется начальству, будет немедленно лишен куска хлеба и, мало того, посажен в тюрьму. Естественно, что при таких условиях все стихло и замолкло, и версия Бейлиса стала царить „рассудку вопреки, наперекор стихиям“, но на радость г. прокурору палаты...

Меж тем это именно и было сделано.

— Что нам Бейлис! Нам нужно доказать ритуал! А Бейлис... Его хоть пусть оправдают.

Вот что говорят.

Но вы не смеее говорить так! Не смеее, потому что это чудовищная теория, потому что, рассуждая так, вы, твердящие о ритуале, сами совершаете человеческое жертвоприношение...

О, господа, берегитесь! Есть вещи, есть храмы, которых нельзя безнаказанно разрушать. Кто знает, быть может, когда-нибудь придет пора, когда вместо прокурора Чаплинского, ищущего ритуальных убийств, станет во главе суда человек, „добывающий“ еврейских

погромщиков. И что вы скажете, если кого-нибудь из вас тогдашнее судебное ведомство наметит для этого рода операции? И как вы себя будете чувствовать, если сквозь стены вашей тюрьмы до вас будут долетать равнодушно-циничные возгласы:

— Что нам Замысловский? Что нам Шмаков? Пусть их хоть оправдают! Ведь нам нужно осветить организацию еврейских погромов!

Горько нам писать все это. Но, приняв редакторское перо из умолкнувшей руки Дмитрия Ивановича Пихно, — мы над гробом его поклялись, что неправда не запятнает страниц „Киевлянина“» ^[123].

На следующий день в газете появилось такое объявление:

«Вчерашний номер „Киевлянина“ конфискован.

За свою полувековую жизнь „Киевлянин“ много перевидал, пережил, перечувствовал. Было и светлое солнце в его жизни, были дни ненастья, были и грозные бураны. „Киевлянин“ благодарил Бога за хорошие времена и, сколько хватало сил, держался против бури.

Так будет и впредь.

Во всякий день и во всякий час, когда „Киевлянин“ признает это нужным, он скажет свое мнение и скажет именно теми словами, которые в данном случае найдет уместными».

За статью Шульгин был приговорен к тюремному заключению на три месяца «за распространение в печати заведомо ложных сведений о высших должностных лицах». Поскольку депутата Государственной думы можно было осудить только с разрешения самой Думы, то дело надолго затянулось и в конце концов ушло на утверждение самому императору.

Правые обвинили Шульгина в продажности. М. Меньшиков издевательски назвал его «наш маленький Золя», имея в виду защиту французским писателем А. Дрейфуса, обвиненного в предательстве.

Тем не менее эксперт от православной церкви профессор Петербургской духовной академии И. Троицкий отверг обвинения евреев в ритуальных жертвоприношениях, подчеркнув, что православие никогда не выдвигало ничего подобного, что эти обвинения исходили из католического мира.

Современный исследователь С. М. Санькова предлагает несколько упрощенный ответ на вопрос: «Что же побудило В. В. Шульгина, как ранее и Д. И. Пихно, пойти на конфронтацию со многими из своих политических единомышленников? Обращает на себя внимание тот момент, что выступления в защиту Бейлиса ни в коей мере не были выступлениями в защиту евреев в целом. Шульгин всегда оставался убежденным противником расширения прав евреев, которое, по его мнению, „не только не уничтожило бы вражду между русскими и евреями“, а наоборот, послужило бы началом такой жестокой борьбы, „какой, быть может, еще не было примера на свете“. Заметим, что это утверждение появилось в „Киевлянине“ на третий день после завершения пресловутого процесса. А в следующем номере мы находим уже конкретные предложения: „Если народу тяжело жить с еврейством в мире, то у него имеются законные нормы борьбы... Изменяйте законы, делайте их строже или мягче, но достоинство народа требует, чтобы это были законы, а не беззаконие“. Последнее заявление прекрасно характеризует причину, по которой Шульгин не побоялся рискнуть как личной репутацией русского националиста, так и тиражом „Киевлянина“, имеющего исключительно правых подписчиков.

В. В. Шульгина беспокоило проявление незаконных действий в государственных органах как таковое само по себе, тем более в органах, призванных как раз следить за соблюдением законности.

Напомним, что требование прекращения бюрократического произвола, как гражданского, так и полицейского, было одной из составляющих политической программы националистов. Вследствие чего ими так приветствовались сенаторские ревизии П. А. Столыпина.

Другой, не менее важной, составляющей действий Шульгина была забота о престиже государства и монархии, которые для него были тождественны. Именно топорная и провокационная работа следственных органов была предметом особого возмущения Шульгина.

Как известно, за свои обличительные статьи в январе 1914 г. Шульгин был привлечен к уголовной ответственности за оглашение в печати „заведомо ложных сведений“. Во время судебного заседания всплыли новые подробности организации дела Бейлиса, которые он тут же осветил на страницах текущих номеров „Киевлянина“. Шульгин, не признав себя виновным, был осужден на три месяца заключения, но избежал его, уйдя добровольцем на фронт. Через год было принято высочайшее повеление освободить Шульгина от наказания, „предав дело о нем забвению“. Эта юридическая формула означала не просто амнистию, а свидетельствовала о том, что против Шульгина дело не возбуждалось и он не был осужден».

Утверждение, что наш герой «всегда оставался убежденным противником прав евреев», неверно.

Солженицын, описывая Бейлисиаду, повторил шульгинские мысли и выразился так: «Весь этот неуклюжий громоздкий процесс, при годовом раскале прессы, общества российского и мирового, — стал, как

метко его называли, судебной Цусимой России. Кое-кто в европейской прессе так и оценил, что русское правительство начало битву с еврейским народом, но проиграна не судьба евреев, а судьба самого русского государства»^[124].

Уже в не столь отдаленные от нас времена со страниц американской русскоязычной газеты «Новое русское слово» прозвучало в адрес Шульгина заявление, что его поведение в 1913 году «ничего не стоит». Однако там же был дан такой ответ: «Нравится это кому-то или нет, но В. В. Шульгин останется в истории как человек, который, даже будучи антисемитом, защищал еврея, подобно тому, как Шиндлер делал то же самое, будучи нацистом. Давайте начнем пробуждаться от тяжелого сна большевизма.

И последнее. Давайте научимся, наконец, быть благодарными людям за очевидно благие поступки. На которые мы на месте этих людей, быть может, никогда бы не решились».

Дело Бейлиса, в котором на стороне защиты участвовали будущие соратники Василия Витальевича Шульгина по оппозиционному Прогрессивному блоку Василий Алексеевич Маклаков и Александр Федорович Керенский, явилось рубежом, перейдя который, наш герой вступил в XX век.

Глава пятнадцатая

Раскол внутри экономической верхушки. — Александр Коновалов, братья Рябушинские и московские «ситцевые капиталисты». — «Новый курс»

За время работы в Думе Шульгин обзавелся многими знакомствами, некоторые из которых сильно на него повлияли.

С конца XIX века в стране нарастало двоевластие. Политическую власть держала дворянская элита, но экономическая — перетекала в руки буржуазии. При этом руководство империи, сделав ставку на форсированное развитие промышленности и строительство железных дорог, под защитой протекционистских тарифов и привлекая иностранный капитал, привело страну к развилке, где надо было делиться властью в пользу быстрорастущих подопечных либо начинать с ними борьбу.

«Среднегодовой прирост промышленного производства за 1904–1909 годы составил 5 процентов, стоимость годовой продукции выросла на 20 процентов. За счет увеличения машинного производства, энерговооруженности и концентрации производства производительность труда выросла на 22 процента. Суммы вкладов и остатков на счетах акционерных коммерческих банков с 1910 года резко и устойчиво росли: в 1908 году — 818 млн. руб., но в 1914-м — 2539 млн. руб., т. е. на 309 процентов. От кредитования банки переходят к финансированию промышленных предприятий. Усиливается их роль как каналов проникновения в промышленность иностранных капиталов».

Общий итог развития промышленности в 1904-1913 годах: стоимость продукции выросла с 4038 до 7358 миллионов рублей, на 88 процентов ^[125].

К началу века в России стала оформляться особая группа элиты, которой было суждено сыграть выдающуюся роль, она состояла из братьев Рябушинских, братьев Гучковых, А. И. Коновалова, Г. А. Крестовникова, С. Н. Третьякова и др. Подчеркнем, что они были не из Санкт-Петербурга, а из Москвы. Складывалось ядро нового процесса — формирования русской экономической элиты. Группа осознавала свои интересы далеко за пределами собственного бизнеса, задумывалась о качестве управления государством, о состоянии обороны, об обеспечении за рубежом позиций отечественной экономики.

Данная группа по сравнению с петербургской состояла из качественно иных людей — вышедших из старообрядческих религиозных общин, которых на протяжении веков преследовали православная церковь и государство. Их можно уподобить закаленным и негибким воинам. Они не зависели от иностранного капитала, а к Санкт-Петербургской элите относились как к конкуренту. Не будет большим преувеличением назвать их «русскими евреями». По некоторым данным, в России насчитывалось около 35 процентов старообрядцев. Философ Василий Розанов именовал их «непоколебимыми». Будет уместно вспомнить, что и Емельян Пугачев, руководитель самого мощного антиправительственного восстания во времена Екатерины II, был старообрядцем.

В своей газете «Утро России» Павел Рябушинский высказался предельно откровенно в отношении помещиков: «...в этой среде царит абсолютная темнота да один слепой страх за свою собственность». Но и дедовские методы традиционного российского бизнеса,

вышедшего из крестьянских мануфактур и робеющего перед чиновником, он считал устаревшими. Поместный дворянин и чиновник — вот кто были объектом его постоянной критики. «Жизнь перешагнет труп тормозившего ее сословия с тем же равнодушием, с каким вешняя вода переливается через плотину»^[126].

Рябушинского можно назвать одним из идеологов будущего столкновения с Германией, если не прямых военных действий, то, во всяком случае, экономического противостояния. В 1914 году заканчивался срок действия торгового договора с Германией, заключенного в 1904 году во время стесненных обстоятельств Русско-японской войны. Рябушинский и его единомышленники считали необходимым выстроить систему протекционистских мер против промышленной экспансии Берлина и всецело поддерживать собственных производителей. В этом они выступали против помещиков, получавших доходы от вывоза зерна, самого крупного в экономике страны экспортного товара, считая, что на зерно надо тоже поднять таможенные пошлины, а растущий благодаря индустриализации внутренний рынок обеспечит его спрос. Ему удалось добиться ощутимых преференций для отечественных текстильщиков, борющихся за рынки Балканских стран и Турции с австро-венгерскими и германскими производителями.

Разумеется, такая активность не могла не вызвать сопротивления в банковских кругах, ориентированных на партнерство с крупными европейскими финансовыми структурами и, в том числе, занимавшимися зерновым экспортом. Не случайно кадетская газета «Речь» обличала московский капитал как «самую косную, самую инертную разновидность русского капитала». В ответ рябушинская газета «Утро России» заявила, что «купец» изверился не только в правительстве, но и в

кадетах, «представителях буржуазного социализма», не способных отстаивать общенациональные интересы, выражаемые московскими промышленниками^[127].

О «косности» русского капитала можно судить по следующему факту. Организация «Московской экспедиции по отысканию радия» 1914 года «отца русского атома» академика В. И. Вернадского была возможна только благодаря Павлу Рябушинскому, который ее профинансировал вместе с крупнейшими торгово-промышленными фирмами Первопрестольной.

После съезда старообрядцев в 1912 году, на котором Рябушинский был избран председателем, в полицейском рапорте указывалось: «... старообрядческая масса сильно подалась влево»^[128].

Петроградские «Биржевые ведомости» так объясняли феномен Рябушинского: «П. П. Рябушинский вскормлен оппозиционной волей гонимого староверия, его упорным трудолюбием, настойчивым и напряженным стремлением к закреплению материальной власти, которая только одна и оставалась людям старой веры, покупавшим право тайно молиться старым иконам и осенять себя двуперстием. Связь через деда с землей создала цельность не только характера, но и взглядов, чистоту национального закала и дерзание дать купечеству власть в слиянии с интересами народа... Рябушинский — чистый государственник, и осью этой государственности он считает торгово-промышленный класс. Он купец без раздвоения. Цельный в своей купеческой классовой психологии... Рябушинский, с его блестящими организаторскими способностями, с его деловым захватом, с его колоссальной трудоспособностью более всех на месте. Он может органически сочетать интересы дела с требованием политики»^[129].

Объяснимо участие московской группы в проектах общенационального уровня. Так, братья Рябушинские основали первый в Европе аэродинамический институт, финансировали радиевую (урановую) экспедицию академика В. И. Вернадского, начали строительство автомобильного завода АМО (Автомоторное общество, будущий советский завод ЗИЛ), материально поддерживали творчество П. Б. Струве, издавали авангардистские журналы, активно участвовали в политике.

Их сотрудничество с близким Шульгину Струве делает для нас понятным направление интересов нашего героя.

В 1906 году был создан Совет съездов, объединивший руководителей 70 предпринимательских организаций и 350 крупных коммерческих банков и компаний.

Идеологию московской группы сформулировал Александр Иванович Коновалов: «Для промышленности, как воздух, необходимы плавный, спокойный ход политической жизни, обеспечение имущественных и личных интересов от произвольного их нарушения, нужны твердое право, законность, широкое просвещение в стране».

Эти промышленники активно поддерживали П. А. Столыпина до тех пор, пока не обнаружили изъян реформ — недостаточное внимание к нуждам отечественной промышленности.

Тем не менее реформы и развитие парламентаризма открыли представителям промышленности прямой путь в политику, в депутаты Государственной думы, в департаменты Министерства финансов и Министерства промышленности и торговли, в различные межведомственные комиссии, с началом Первой мировой войны — в особые совещания и комитеты, а после Февральской революции — в состав Временного

правительства. В многочисленных резолюциях и решениях своих съездов промышленники отмечали три препятствия экономическому развитию страны: крайнюю бедность населения, неспособного «явиться широким потребителем фабрично-заводской промышленности»; отсутствие «обеспеченного правопорядка» и «гражданской свободы».

При всей их внешней зависимости от властей, в действительности они были более независимы, чем российская дворянская элита. Воистину их можно было назвать «русскими евреями» (гонимы и предприимчивы), у них в памяти были свежи ограничения, накладываемые на них коронной властью и Церковью. Например, только после Манифеста 17 октября 1905 года детям старообрядцев было разрешено поступать в университеты.

Для представления о силах оппозиции взглянем на колоритную фигуру Александра Ивановича Коновалова, владельца костромских текстильных фабрик. Широкообразованный, стажировавшийся в Германии и Франции, он отличался общественным темпераментом, смелостью, щедростью, принципиальностью. Вот некоторые занимаемые им должности: председатель совета Российского взаимного страхового союза, член учетно-ссудного комитета Московской конторы Государственного банка, соучредитель Московского банка (вместе с братьями Рябушинскими), товарищ председателя Московского военно-промышленного комитета и заместитель председателя Центрального военно-промышленного комитета, объединившего частные предприятия для работы по военным заказам. На своих фабриках он ввел девятичасовой рабочий день, за счет прибылей фирмы построил две школы на 300 учеников, библиотеку, избу-читальню, клуб, две больницы, родильный приют на 135 мест с бесплатным лечением, ясли на 160 мест, бесплатные казармы для

одиноким рабочим, поселок для семейных на 120 домов на арендном пользовании. Он был (до мая 1914 года) товарищем председателя, одним из авторитетных думских ораторов в Четвертой Государственной думе по вопросам торговли и промышленности, председателем рабочей комиссии, товарищем председателя комиссии о торговле и промышленности, членом финансовой комиссии и комиссии по печати. С начала 1910-х годов — член масонской ложи «Великий Восток народов России». В 1912 году стал одним из лидеров партии прогрессистов, оппозирующей правительству.

Весной 1914 года предпринял попытку объединить деятельность всех оппозиционных партий (включая социал-демократов) для внепарламентского давления на правительство, создал Информационное бюро Сопровождающих оппозиционных партий. В 1915 году — один из создателей оппозиционного Прогрессивного блока, ставшего базой Февраля. В декабре 1916 года на собрании Городского союза высказывался за свержение правительства и замену его Временным правительством. В наблюдательной комиссии Особого совещания по обороне государства голосовал за применение репрессий к участникам рабочих забастовок.

После Февраля стал министром торговли и промышленности Временного правительства 1-го и 2-го составов, затем — заместителем председателя Временного правительства.

Выступал за легализацию трестов и синдикатов и контроль над ними, за явочный порядок учреждения акционерных обществ. Предлагал ограничивать сверхприбыли, установить государственную монополию на некоторые важнейшие товары (уголь, зерно и т. д.), ввести профсоюзное движение в законные рамки, создать биржи труда, примирительные камеры для

урегулирования трудовых конфликтов, улучшить социальное страхование^[130].

Конечно, Коновалов, Рябушинские и другие московские «текстильщики» по своим финансовым возможностям уступали петроградским финансово-промышленным группам, связанным с военными заказами и поддерживающим прочные связи с западными банками. Но сейчас речь шла не о конкуренции, а о союзе против коронной власти.

«Теоретики прогрессизма (то есть московская группа) считали, что в условиях капиталистической модернизации должны быть коренным образом изменены приоритеты между секторами экономики, между аграриями и промышленниками. Обращаясь к мировому опыту борьбы между дворянством и буржуазией за политическое господство, прогрессисты подчеркивали, что вся история доказывает одно. Как только наметилась противоположность интересов между классами землевладельцев и торгово-промышленным, знамя прогресса никогда не переходило в лагерь земледельцев», что «...дворянину и буржуа нельзя уже вместе стало оставаться на плечах народа: одному из них приходится уходить»^[131].

Характерна оценка газеты «Новое время», редактор которой А. С. Суворин поддерживал не прогрессистов, а консерваторов: «Под скромным названием Совета съездов скрывается официальный орган красных банкиров и дисконтеров», «шкурно заинтересованный буржуазный парламент».

Слова «красные банкиры» следовало читать как «принципиальные противники самодержавия».

Проблему государственных ограничений промышленности поднял А. И. Коновалов, выступая 8 июня 1913 года с думской трибуны. Его озабоченность вызвал постоянный рост импорта, который он назвал

«чрезвычайно печальным явлением»: «Сотни миллионов русского золота уходят за границу вместо того, чтобы оставаться в своей стране». В этом он обвинил Министерство внутренних дел, которое, «...творя свою политику, является задерживающим началом в осуществлении целого ряда мероприятий, могущими быть направленными к развитию наших производительных сил». Он призвал правительство гарантировать «...свободу проявления личной инициативы и самодеятельности населения, являющихся основным залогом национального прогресса».

Коновалова можно назвать противником монархиста Шульгина, хотя в определенный период они стали союзниками по совместному пути в пропасть.

В последние предвоенные годы правительство России пыталось изменить курс и не обращаться к внешним займам. На первом месте в расходной части бюджета стояли расходы на армию и флот, стратегические железные дороги и порты.

Следующей по значимости статьей расходов были платежи по государственным займам. В 1914 году внешний долг России был крупнейшим в мире и составлял 6,5 миллиарда рублей. С каждым годом он нарастал, а вместе с ним усиливалась зависимость от западных финансовых и политических институтов.

Приоритетами премьер-министра В. Н. Коковцова были строжайшая бюджетная экономия, осторожное использование заграничных займов, создание инфраструктуры — строительство железных дорог, портов и водных путей сообщения, развитие кооперации. В записке к проекту государственного бюджета на 1913 год премьер указывал на необходимость ограничить деятельность монополистических синдикатов, которые «...не останавливаются нередко перед искусственным

понижением предложения товаров, на которые имеется растущий спрос, поднимают цены и приводят к необходимости открывать границы для иностранного ввоза».

Так, за полгода до начала мировой войны в России был объявлен «новый курс». А 30 января 1914 года премьер-министр и министр финансов Коковцов как руководитель, не подходящий для этого курса, был уволен в отставку. Главным инициатором этой отставки называли Кривошеина.

Александр Васильевич Кривошеин, внук крепостного, был женат на внучке «ситцевого миллионера» Тимофея Саввича Морозова. С 1902 года он — начальник Переселенческого управления МВД, с конца 1905-го по конец 1906 года — товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием, затем товарищ министра финансов, заведующий государственными Дворянским и Крестьянским земельными банками. С мая 1908-го по октябрь 1915 года возглавлял Главное управление землеустройства и земледелия.

В прощальном письме Коковцову Николай II писал, что «...быстрый ход внутренней жизни и поразительный подъем экономических сил страны требуют принятия ряда решительных и серьезнейших мер», а в рескрипте новому министру финансов П. Л. Барку заявлялось о «новом курсе», переориентации государственного бюджета на получение доходов от освоения природных ресурсов, развития производительных сил. Предполагалось увеличить финансирование в «народное хозяйство» и сократить продажу водки населению.

В 1913 году поступления в бюджет от продажи «питий» составляли более четверти всех государственных доходов. Чтобы компенсировать выпадение после введения «сухого закона» таких

средств, требовалось найти новые источники пополнения бюджета. Планировалось организовать «особое кредитное учреждение» (вспомним отвергнутую Коковцовым идею Столыпина и Кривошеина о контроле над Крестьянским банком), ускорить строительство элеваторов, упорядочить хлебную торговлю, осуществить программу земельных улучшений, построить 31,5 тысячи верст новых железных дорог, продолжить строительство портов и начать возведение крупных гидроэлектростанций, в частности на Днепре и на Волхове (которые были построены уже в советское время).

Одной из острых идей «нового курса» было расширение государственного участия в экономике, чтобы «бороться с синдикатами», ускорить промышленный рост и влиять на снижение цен частных предприятий.

Власти отчетливо понимали проблему слабой транспортной и вообще инфраструктурной связности российских пространств, что накануне Первой мировой войны резало глаза. Вопрос в историческом плане стоял примерно так, как в 1931 году его сформулировал Сталин: успеть либо нас «сомнут».

Согласно программе вооружений русская армия к 1917 году должна была быть готова к европейской войне.

Вмешательство государства в экономику сильно встревожило финансово-промышленные круги, считавшие, что только чудом можно совершить прыжок на новый уровень. «Российские промышленники ответили на „новый курс“ тем, что прямо заявили о невозможности дальнейшего индустриального развития „без широкого привлечения иностранного капитала“, что сильно затруднено „антипромышленной ориентировкой правительственной политики“» ^[132].

При этом обе стороны понимали, что речь идет не столько об экономических вопросах, сколько в целом о политике, о том, кто будет ее определять.

Настроения отечественного капитала выражались следующим замечанием П. П. Рябушинского в его газете «Утро России»: «В той схватке купца Калашникова и опричника Кирибеевича, которая начинается, конечно, одолеет Калашников. Может быть, и на этот раз его потом пошлют на плаху. Но идеи буржуазии, идеи культурной свободы — эти идеи не погибнут!»

Его мысль понятна: «купец» — это отечественная буржуазия, «опричник» — монархическое управление государством. В словах Рябушинского очевидна угроза. Он сравнивал правительство с «ханской ставкой», где «подавлялась свобода личности».

Уменьшение зернового экспорта и, наоборот, увеличение машиностроительного импорта, в котором значительное место принадлежало сельскохозяйственным машинам и орудиям, вызвало острую полемику и упреки в адрес правительства со стороны российских промышленников, требующих мер таможенной защиты.

С лета 1912 года усилилось административное давление на предпринимателей-евреев. (Силен был этот сектор российского бизнеса!) Речь шла об учреждении новых акционерных компаний с правом приобретения крупных внегородских земельных участков. 9 апреля 1913 года заместитель главноуправляющего землеустройством и земледелием А. А. Риттих указал, на «...возрастание образуемых „преимущественно для эксплуатации лесных богатств акционерных обществ, которые при сравнительно не крупных основных капиталах получают, согласно уставам, право приобретать обширные внегородские недвижимые имущества, достигающие нескольких тысяч, а иногда и десятков тысяч десятин“».

В чем таилась угроза? Риттих сформулировал ее так: будет создана новая экономическая сила, «... влияние которой как на существующее землевладение, так и на сельскохозяйственный труд и промысел вообще весьма гадательно, судя же по опыту некоторых западных стран (напр., Румынии), — прямо вредно».

Действительно, в привычную экономическую жизнь вторгнулся новый сильный участник, готовый вести дело исключительно ради получения высокой прибыли и не намеренный учитывать интересы местных жителей. Для подавляющего же числа крестьян, которые лишь в минимальной степени задумывались о рынке, подобное вторжение сулило появление новых помещиков, но уже не связанных никакой традицией и поэтому безжалостных.

Однако не все было так просто. Критическое отношение к иностранному капиталу и обвинения в «скупке России» были вообще присущи широким кругам, занимающимся сельским хозяйством. Обсуждение вопроса о покупке земель и об участии в правлении акционерных обществ лиц иудейского вероисповедания носило очень острый характер. С одной стороны стояли традиционалисты, а с другой — торгово-промышленная элита. Все понимали, что нельзя отпугивать «иностраный и инородческий капитал», что многие частные банки, инвестирующие в промышленность, принадлежат евреям, но...

Кроме того, вызрела еще и общероссийская политическая конкуренция, так как отечественный промышленно-торговый класс искал в европейских партнерах защитников своих интересов в соперничестве с аграриями, опирающимися на «ханскую ставку» и на «национальные традиции».

Реальное же соотношение утечки валюты и получаемой выгоды отразилось в материалах Совета съездов (журнал «Промышленность и торговля». 1908.

№ 17): «Казна, земство, железные дороги, рабочие получают в общей сложности суммы, ради которых можно примириться с уходом дивиденда за границу, явлением по существу временным». То есть признавалось продуктивным присутствие заграничного капитала.

А. И. Коновалов сказал в Думе в середине 1913 года: «Кто бы ни стоял во главе торгово-промышленного ведомства в данный момент, будь то лицо из нашей бюрократии, или из среды общественных деятелей, при настоящем нашем режиме, при настоящем нашем полицейском строе, он будет не в силах проводить в полной мере ту здоровую экономическую политику, которая отвечала бы интересам экономического возрождения нашей страны» ^[133].

Сейчас речь шла не о конкуренции, а о союзе против коронной власти. В целом картину российского экономического бытия можно было описать одним словом: раскол.

И в этом положении огромная ответственность ложилась на императора, правительство, на политическую элиту. Короче говоря, требовались героические личности.

18 апреля 1914 года консерваторы торжествовали победу: император утвердил новые правила, согласно которым акционерные компании получили право покупать всего лишь до 200 десятин внегородской земли; приобретение бóльших площадей допускалось после согласования с МВД, Главным управлением землеустройства и земледелия и в некоторых случаях с Военным министерством. Компании, приобретавшие земли для строительства торгово-промышленных предприятий вне черты оседлости, могли иметь евреев в составе правлений в меньшинстве; компаниям, занятым эксплуатацией земли и ее богатств в тех же

местностях, иметь евреев в составе правлений не разрешалось; участие евреев в капиталах и доходах компаний не ограничивалось.

В ответ была инспирирована волна протеста: в печати и в письмах различных союзов предпринимателей (сахарозаводчиков, лесоразработчиков, горнопромышленных) в Совет министров выражалось несогласие с данным решением. Указывалось, что новые правила ограничивают поступление в страну «не только еврейского, но и иностранного капитала, агентами которого евреи часто являлись».

16 июля 1914 года, за две недели до начала Первой мировой войны, император был вынужден отменить новые правила. Российский финансово-промышленный капитал победил. «Купец Калашников» одерживал верх над царским «опричником Кирибеевичем».

Эта победа, несмотря на ее кажущуюся локальность, сравнима с Манифестом 17 октября 1905 года, превратившим Россию в конституционную монархию.

Можно сказать, что правительство, что бы оно ни делало в области экономики, всегда получало еще и неожиданный удар. Так, недостаточное развитие промышленности и растущие потребности экономики вынуждали его поддерживать отраслевые синдикаты («Продамет», «Продуголь», «Продвагон» и др.), что оборачивалось удушением не столь крупных производителей и монопольным ростом цен. А это, в свою очередь, заставляло Совет министров принимать ограничительные меры против собственных же партнеров-монополистов. К тому же взаимодействие чиновников и промышленников создавало широкий простор для коррупционных сделок. Например, ревизией сенатора Д. Б. Нейгардта (свояка П. А. Столыпина) была вскрыта коррупция на

государственных заказах в транспортном и военном машиностроении за период с 1901 по 1909 год.

Не надо идеализировать и частный бизнес. Так, еще в декабре 1913 года в Министерстве торговли и промышленности прошло межведомственное совещание, на котором было заявлено, что «... недостаток в железе, а равно повышение цен на него, находятся в прямой зависимости от вредной в экономическом отношении деятельности синдиката „Продамет“, объединившего почти все железоделательные заводы империи и ставшего, таким образом, хозяином русского железного рынка». Подобное же обвинение было выдвинуто и против «Продугля»^[134]. Однако планируемое обследование этих монополий в связи с войной не было осуществлено.

Но коррупция являлась только отражением экономических процессов. Снятие препятствий на создание частных акционерных банков (1911 год) вызвало бурный рост финансовых учреждений, за короткое время рост их капиталов вырос в несколько раз.

Растущая сила банков, их связи с отечественной политической элитой и заграничными финансистами, как видим, часто ставили коронную власть в тупик.

Итак, шел 1914 год. Война еще не началась, и было еще неизвестно, начнется ли она вообще.

Напомним, мысль из письма Шульгина Маклакову (1925 год) о том, как надо было удерживаться от вступления в войну: «Для этого надо было пожертвовать нашими интересами на Балканах и, может быть, многими другими. Надо было пустить немцев в Азию, предоставив им Багдадскую дорогу и все то, что они хотели...»

Наш герой прекрасно видел расклад европейских сил. Правда, есть все основания считать, что в 1914 году он не был пацифистом. Петр Струве тогда же провозгласил, что нужно вернуть себе «ключи от русского дома», то есть захватить Проливы.

«Уже и теперь Константинополь можно было бы назвать крупнейшим русским портом, потому что в его гавань ежегодно заходило судов, груженных русскими товарами и товарами в Россию, больше, чем в любой другой русский порт. Угрожая России из Константинополя и Киля, Германия имела бы возможность в любой момент уничтожить нашу торговлю и повторить попытку Крымской войны, может быть, более удачно, чем это сделали союзники в 1854 году»^[135].

Если Константинополь действительно стал «крупнейшим русским портом», то было логичным его защищать.

В июле 1913 года вспыхнула 2-я Балканская война. На этот раз против Болгарии выстроились ее бывшие союзники и Румыния с Турцией. Каждый из них стремился переделить в свою пользу обширные территории, захваченные Болгарией в предыдущей кампании.

София, которую поддерживали Берлин и Вена, не намеревалась уступать. Болгары первыми напали на сербские и греческие позиции и были быстро разбиты. По условиям заключенного в Бухаресте мира Болгария потеряла почти все свои завоевания.

После 1-й и 2-й Балканских войн резко обострились противоречия между Антантой и центральными державами. Балканы были расколоты. Сербия выступала на стороне Антанты, а Болгария — на стороне Тройственного союза. Германия имела сильное влияние в Греции и Турции.

Создавшуюся ситуацию российская разведка оценивала как тревожную, Европа стояла на пороге потрясений.

Экономическое, а затем и военное проникновение Германии на Балканы и Ближний Восток вызывало тревогу у российских дипломатов, опасавшихся, что Россия окажется запертой на средиземноморском направлении.

«Проливы в руках сильного государства — это значит полное подчинение всего экономического развития юга России этому государству»^[136] — так определил в письме Николаю II позицию российского МИДа министр иностранных дел С. Д. Сазонов.

В 1907 году через Проливы вывозилось 89 процентов русского хлеба.

По предложению Сазонова Совет министров даже рассмотрел возможность военного захвата Проливов, однако ни армия, ни флот к масштабной войне, которая последовала за десантной операцией, не были готовы.

Еще одно обстоятельство оказало решающее влияние на приближение мировой войны — борьба за нефть. В апреле 1912 года по инициативе первого лорда английского Адмиралтейства У. Черчилля было принято решение строить линкоры на мазутном топливе, а не на угле, как прежде. Использование котлов на жидком топливе увеличивало скорость корабля на четыре узла, сокращало машинный персонал на 25 процентов, одна тонна мазута заменяла четыре тонны угля. Единственное неудобство заключалось в том, что нефть добывали не в Англии, а в Персии, что еще больше увеличивало ценность для Лондона Ближнего Востока.

Правда, надо признать, что Германия в преддверии «нефтяного века» предложила России создать европейский энергетический союз «в противовес

американскому Стандарт-Ойл», о чем император Вильгельм говорил с Коковцовым еще летом 1907 года^[137].

Однако российский союз с Францией уже диктовал иную стратегию.

Начинался новый технологический уклад мировой цивилизации, эпоха углеводородов и борьбы за энергетическую безопасность и пути доставки нефти. Век угля и пара, в котором еще пребывала Россия, заканчивался. Символом нового времени стал автомобиль, а будущий президент Соединенных Штатов армейский капитан Дуайт Эйзенхауэр возглавил автомобильный пробег через всю Америку, пропагандируя новый вид транспорта. Экономике уже во многом начинали определять третий технологический уклад (электротехническое и тяжелое машиностроение, производство и прокат стали, линии электропередач, неорганическая химия) и его «наследник», четвертый (автомобилестроение, тракторостроение, цветная металлургия, органическая химия, производство и переработка нефти). Все это уже присутствовало в России в достаточных объемах и, как писал академик Сергей Глазьев, отставание «...не носило воспроизводящего характера и быстро преодолевалось в результате опережающего расширения производств третьего и становления базисных технологий четвертого технологических укладов»^[138].

В 1914 году официальный Петербург был крайне раздражен увеличением со стороны Германии таможенных тарифов, что наносило по российскому бюджету сильный удар. Николай II говорил: «Главное — уничтожение германского кошмара... в котором Германия держит нас уже более сорока лет. Нужно

отнять у германского народа всякую возможность реванша»^[139].

Проблемы государственного бюджета — вот что было важнейшим вопросом для Петербурга. А бюджет, как мы знаем, держался на зерновом экспорте.

Академик М. Н. Покровский по этому поводу писал: «В известном, неоднократно цитировавшемся разговоре с английским послом Бьюкененом в апреле 1914 года Николай сказал ему, что если „Турция опять закроет проливы, он, Николай, ‘прибегнет’ к ‘силе’, чтобы очистить дорогу русскому хлебу“. Ибо в основе всей вышеприведенной статистики лежал тот факт, что благодаря ряду войн, начавшихся с 1911 года (итало-турецкая, балканская, турецко-греческая и т. д.), знаменитые „проливы“ — Босфор и Дарданеллы большую часть времени были закрыты для плавания... Убытки от закрытия Дарданелл русское министерство финансов исчисляло в 30 млн. руб. в месяц. „Свобода морского торгового пути из Черного моря в Средиземное и обратно является необходимым условием правильной экономической жизни России и дальнейшего развития ее благосостояния“, — говорит секретная записка министерства иностранных дел о захвате проливов, составленная осенью 1914 года»^[140].

Разумеется, острые бюджетные проблемы периферийного участника мирового экономического процесса, каким была Россия, не могли вызвать всеобъемлющей войны. Для начала войны потребовалось кое-что повесомее.

Например, в 1913 году значительно вырос (удвоился) германский экспорт в Англию, а английский в Германию соответственно упал. Ввоз германской машиностроительной продукции во Францию с 1906 по 1912 год вырос более чем в 2,5 раза. Иронию М. Н. Покровского по этому поводу вполне можно

понять: «Жорес, быть может, и сам не подозревал, какой глубокой экономической истиной был его афоризм, гласивший, что французское немцеедство есть „ненависть мелкого лавочника к большому магазину“».

Та же ситуация была и в Сербии, самом близком российском союзнике, где внутренний рынок, в том числе размещение военных заказов, практически контролировала Франция, сильно потеснившая Австро-Венгрию, но затем лидирующее положение перешло к Германии, удесятирившей со времени Берлинского конгресса свой экспорт.

Рост германской экономики и ущемление экономических интересов России, Франции и Англии были налицо. А тут поспело еще одно событие мирового масштаба, которое создавала Германия, — строительство Багдадской железной дороги от Гамбурга и берегов Босфора в направлении Персидского залива и Индии.

Проект этого «железного клинка» не мог не изменить картину мира. Немцы планировали наступление в южном направлении к Персидскому заливу и в восточном — на Персию и Индию. Багдадская дорога должна была выйти к Кувейту, чуть ли не единственному удобному порту в Персидском заливе, находившемся во владениях Турции. Немцы убедили султана направить в Кувейт воинское подразделение, однако там вдруг появился английский крейсер, пресек высадку турок, и вскоре местность была объявлена территорией, находящейся под британским протекторатом.

Обратим внимание еще на один новый маршрут будущей войны — Кильский канал, соединивший Балтийское море с Северным. В 1911 году британский адмирал Дж. Фишер (это он был инициатором перевода кораблей на нефтяное топливо) предположил, что

война будет развязана Германией после завершения работ по его строительству. 24 июля 1914 года был произведен пробный проход линкора по каналу, а 1 августа началась Первая мировая.

Разумеется, в 1925 году, находясь вдали от России, наш герой мог переигрывать историю и так и этак. А что случилось, если бы действительно Россия воздержалась от войны, как это было после Боснийского кризиса 1909 года? Удалось бы тогда избежать заговора элиты и государственной катастрофы?

Никто не ответит на этот вопрос.

Подобная проблема стояла перед советским руководством в 1938 году. После отказа Франции защищать Чехословакию и заключения Мюнхенского соглашения Москва остановила военные приготовления, не заступившись за чехословаков. Сталин понял, что в случае войны с Германией СССР останется без союзников и будет разгромлен.

В 1992 году, после распада СССР, ослабленная Россия тоже не вмешалась в войну НАТО с Югославией, ограничившись слабыми демонстрациями.

Но мучительный вопрос Шульгина остается. Он не раз возвращался к нему, искал ответ, обвинял себя...

Глава шестнадцатая

Попытка реконструкции истории по
Шульгину: Иван Грозный, Петр Великий,
академик Вернадский. — КЕПС

Если попытаться реконструировать тогдашние размышления нашего героя, то они могли быть примерно такими.

После разгрома крестоносцами Константинополя в 1204 году проливы Босфор и Дарданеллы и с ними восточный торговый путь был для Руси закрыт. Потом было потрачено много сил, чтобы вырваться из тупика...

Вопрос Шульгина из 1925 года об уступках немцам — это вопрос об адекватности режима.

Наша реконструкция ни к чему не приведет, если не вспомним величественную и страшную задачу, стоявшую перед Российской империей, — задачу создания инфраструктурной связности. Накануне войны страна вплотную подошла к ее пониманию.

Такой внимательный наблюдатель, как маркиз А. де Кюстин, в своей книге о России приводит формулу императора Николая I об особенностях российского управления: «Расстояния — наше проклятие»^[141].

Эта мысль связывает все проблемы: бедная экономика, огромные пространства, слабая связь Центра с регионами, постоянная борьба с неблагоприятным климатом, сверхнапряжение населения.

Вот тут аналогия с Москвией кое-что объясняет.

С одной стороны, Московия расширяется, отвоевывает важнейшую волжскую коммуникацию с Казанью и Астраханью, торговые люди и малоземельное дворянство во главе с царем Иваном Грозным пытаются

решить геополитическую задачу на Балтике, а с другой — хозяева неделимых латифундий, бояре-вотчинники, многие из которых — равные царю Рюриковичи, не заинтересованы в преодолении их хозяйственной изолированности. Таким образом, создание единого внутреннего рынка наталкивается на мощную феодальную преграду, преодолеть которую можно только чрезвычайными мерами. И что же должна была делать коронная власть?

Война царя с боярством неизбежна. Уже не за горами разделение государства на две части, способную к развитию (опричина) и тормозящую таковое (земщина).

«Дорога „воинства“ шла через труп старого московского феодализма, и это делало „воинство“ прогрессивным, независимо от того, какие мотивы им непосредственно руководили. Старые вотчины внутри государства были теперь единственным земельным фондом, за счет которого могло шириться среднепоместное землевладение; государева казна — единственным источником денежных капиталов. Но для того чтобы воспользоваться тем и другим, нужно было захватить в свои руки власть, а она была в руках враждебной группы, державшей ее не только со всей цепкостью вековой традиции, но и со всей силой нравственного авторитета...»^[142]

Историк Н. И. Костомаров утверждал: «Земщина представляла собой как бы чужую покоренную страну, преданную произволу завоевателей...»

У Петра Великого мы видим то же самое. И Сталин мало чем отличался.

Иван Грозный совершил революцию. В рамках той революции объяснимы и отмена привилегий Церкви, и прямая борьба со священством, которое вовсе не было

на его стороне, так как он покушался и на право Церкви разделять верховную власть со светской, царской.

Почему образ Ивана Грозного был так нелюбим в империи? Его скульптурного портрета нет на памятнике «Тысячелетие России», как будто и не было царя в истории.

Впрочем, многие терпеть не могут и Петра Великого, а об отношении к Сталину просто промолчим.

В январе 1915 года произошло событие, которое политическая история никогда не замечала. С началом Первой мировой войны стало понятно, что в стране отсутствуют точные данные о стратегическом сырье, необходимом для производства вооружения (металлы, свинец, сера, селитра, серный колчедан и т. д.). Академик Владимир Иванович Вернадский 15 января на заседании физико-математического отделения Императорской Санкт-Петербургской Академии наук поставил вопрос о необходимости создать Комиссию по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). Это был факт колоссального значения: научная элита увидела зияющие провалы на великом российском пространстве.

Как описал проблему обороны государства современный философ Сергей Переслегин, «сразу же выяснилось, что размеры страны превратились из ресурса в потенциальную слабость. Во-первых, догнать Европу по плотности железнодорожных путей на единицу физически невозможно, невзирая ни на какие рекорды в их строительстве. Транссибирская магистраль входит в „Книгу рекордов Гиннесса“ по трем номинациям: общая длина, количество станций, темпы сооружения. Во-вторых, даже те дороги, строить которые придется из чисто стратегических соображений, съедят весь государственный бюджет, причем темпы российской мобилизации все равно будут

отставать от европейских держав на несколько недель. В-третьих, даже если удастся обеспечить уровень индустриального развития на том же уровне, что в Бельгии или Франции, российская продукция все равно будет неконкурентоспособной, поскольку среднее транспортное „плечо“ в России в любом случае будет больше, чем в Европе.

Главным результатом работы КЕПС стало понимание роли транспортной, инфраструктурной связности в индустриальном соревновании мировых держав. И Октябрьская революция 1917 г., и индустриализация, и последующие десятилетия советской истории прошли под знаком борьбы с инфраструктурной недостаточностью. Борьба эта велась с переменным успехом, но в целом задача построения конкурентоспособной промышленности в России была решена. Роль КЕПС в реализации советской экономической стратегии очень велика: достаточно сказать, что на базе этой структуры был создан механизм ГОЭЛРО, а позднее — Госплан. По мере развертывания советской индустриальной проектности от КЕПС „отпочковалось“ 16 исследовательских институтов.

Таким образом, задача описания индустриальных ресурсов России (адекватных индустриальной фазе развития) вылилась в создание масштабной экономической стратегии, причем ключевую роль в этой стратегии играли не сами природные ресурсы, хотя им и уделялось большое внимание, а их связывание через опережающее развитие инфраструктурной компоненты. Несколько упрощая, можно сказать, что адекватный механизм реализации программы КЕПС был создан только в 1970-е гг. в виде концепции территориально-производственного комплекса»^[143].

В 1915 году правительство поддержало предложение Академии наук. В 1917 году в составе КЕПС насчитывалось уже 139 академиков, инженеров и чиновников, представлявших 10 научных и научно-технических обществ и 5 министерств. Начались систематические поиски новых месторождений полезных ископаемых, изучение энергетических ресурсов, транспортной связности территорий. Тревожная мысль научного сообщества о глобальном российском неустройстве стала передаваться дальше, захватывая воображение политиков, чиновников, генералов, деловых людей. Нужды войны подталкивали к оперативным решениям и приводили к вопросу о способности верховной власти к осуществлению таковых.

Здесь надо бы поставить точку и перейти к началу Первой мировой войны, но все же несколько задержимся, чтобы понять логику исторического процесса и поведение Шульгина.

«Необходимо подчеркнуть, что необходимым условием осуществления программы индустриализации страны оказались революционные потрясения. Царская Россия никакими усилиями и ни при каких обстоятельствах не могла осуществить структурную перестройку экономики и „апгрейд“ населения до потребностей индустриальной фазы развития. К 1916 году это стало понятно не только наиболее „продвинутому“ представителям правящей элиты, но и придворной камарилье. В действительности, к 1917 году вопрос о том, быть или не быть революции, уже не стоял. Обсуждалось лишь, кто, каким образом и какой ценой придет к власти. Столыпин оказался неправ: именно великие потрясения являются ключом к великой России»^[144].

Идея комплексного развития оказалась одной из системообразующих после Октябрьского переворота, совершенного большевиками. По указанию В. И. Ленина во время Гражданской войны («Набросок плана научно-технических работ») КЕПС начала проектную деятельность по вопросам размещения промышленности, приближения ее к источникам сырья, изыскания всех видов сырья для промышленности, поисков и использования ископаемого топлива, электрификации.

В это с трудом верится, но большевики стали продолжать то, что оказалось непосильным для имперской власти.

Глава семнадцатая

Мировая война. — Шульгин на фронте. —
Великое отступление. — Образование
Прогрессивного блока

Июль 1914 года, предчувствие грозных событий. В красочном описании Александра Казем-Бека, главы эмигрантского движения младороссов (его идея: «Царь и Советы»), одного из шульгинских знакомых, обстановка выглядела так:

«С Невы потянуло было свежестью, но облегчение было кратковременным. Улицы оставались раскаленными, как это почти всегда бывало летом в Петербурге. На Дворцовой площади и вдоль набережных стояли рогатки, закрывавшие половину мостовой. Всюду шла летняя перекладка торца, заливка асфальта. Пахло дегтем и смолой. Примешивался сильнее обычного запах пыли: ее было необычно много, она забивалась всюду. На многих домах выросли леса, с которых свисали веревки, ведра. Столицу штукатурили, красили...

Наряды городских в белых кителях и летних фуражках выделялись своей численностью на фоне защитных гимнастеров нового образца, выстроенных шеренгами солдат. Войска стояли вольно за винтовками, составленными „козлами“. Офицеры прохаживались в запыленных сапогах и переговаривались с озабоченными, натянутыми лицами.

Наряды были поставлены с начала недели для охраны германского посольства, внушительное новое здание которого выделялось своей гранитной угловатой массой и суровыми, грозными гранитными же

колоннами, над которыми громоздилась группа тяжелых бронзовых коней...

Указ Правительствующему Сенату о всеобщей мобилизации, отпечатанный в типографии „Правительственного вестника“, как был расклеен по стенам Петербурга, так и оставался на них. К нему еще прибавились уведомления о деталях реквизиции конского ремонта...

В этот пыльный и особенно жаркий день возбуждение в Петербурге достигло высшего напряжения. События уже приняли трагический оборот. Прошло четыре дня с момента объявления Австро-Венгрией войны Сербии, и Россия клокотала от негодования. Военная партия усиливалась с каждым часом. За три дня перед тем австрийцы уже приступили к военным действиям: 29 июля (16-го по старому стилю) их артиллерия из Земуна бомбардировала Белград. Накануне, 31-го, в парижском ресторане был убит правым террористом лидер французских социалистов Жорес. Только что закончился перед тем весьма шумный процесс жены бывшего председателя совета министров Кайо, застрелившей Кальмета, редактора правого „Фигаро“. В этом переплете политических страстей Париж до одури чествовал эскадроны проходившей через центральные кварталы кавалерии. Из всех окон махали флагами и до рассвета вопили „Вив л’арме!“. „Вечернее время“ и „Биржевые ведомости“ были полны описаний. Самой серьезной новостью было то, что накануне германское правительство объявило „Кригсгефарцунд“ — „положение военной опасности“...

В 7 часов 10 минут вечера 19 июля 1914 года определился подлинный лик XX столетия христианской эры, и началась величайшая в мировой истории серия трагедий, в судорогах которых должна была преобразиться коренным образом судьба человека на

земле. В этот час и день слово было безоговорочно предоставлено так называемыми „христианскими“ государствами „князю мира сего“. По вещему слову Гоголя, „дьявол выступил уже без маски в мир“»^[145].

19 июля (1 августа по новому стилю) пошел новый отсчет времени — германский посол Пурталес вручил российскому министру иностранных дел Сазонову ноту об объявлении войны.

Шульгин запечатлел начало войны в возвышенном стиле. «Это было 26 июля 1914 года...

В тот день, когда на один день была созвана Государственная Дума после объявления войны. В Петербург с разных концов России пробивались сквозь мобилизационную страду поезда с членами Государственной Думы...

Поезду, который пробивался из Киева, было особенно трудно, почему он опоздал... С вокзала я колотил извозчика в спину, чтобы попасть в Зимний дворец... Я объяснял ему, что „сам Государь меня ждет“...

Извозчик колотил свою шведку, но все же я вбежал в зал, когда уже началось... Государь уже вышел... И вот тут было совсем по-иному, чем всегда, во время больших выходов. Величие и трудность минуты сломили лед векового каркаса.

Была толпа людей, мятущаяся чувством, восторженная, прорвавшая ритуал... Эта восторженная гроздь законодателей окружала одного человека, и этот человек был наш Государь...

Я не мог протолкаться к нему, да этого и не нужно было... Ведь я и такие, как я, всегда были с ним душой и сердцем, но бесконечно радостно было для нас, что эти другие люди, вчера еще равнодушные, нет, мало сказать равнодушные, — враждебные, что они,

подхваченные неодолимым стремлением сплотиться воедино, в эту страшную минуту бросились к вековому фокусу России — к престолу...

Эти другие люди были — кадеты, т. е. властители умов и сердец русской интеллигенции...

О, как охотно мы уступили бы им наши места на ступенях трона, если бы это означало единство России!.. В мой потрясенный мозг стучались три слова, вылившиеся в статье под заглавием: „Веди нас, Государь!..“»^[146].

Николай II в своей речи вспомнил слова Александра I, что он не положит оружия, пока хоть один вооруженный неприятель находится на земле Русской. Он был бледен, выглядел утомленным, говорил негромким голосом, в котором, как вспоминал депутат Н. В. Савич, «...выявилась не столько непреклонная сила воли и уверенность в себе, сколько мистическое настроение и вера в провидение»^[147].

Все были воодушевлены. И только после слов молодого присяжного поверенного А. Ф. Керенского осталось какое-то досадное чувство: «Мы непоколебимо уверены, что великая сила российской демократии вместе со всеми другими силами дадут решительный отпор нападающему врагу и защитят наши родные земли и культуру, созданную потом и кровью поколений! Мы верим, что на полях бранных в великих страданиях укрепится братство всех народов России и родится единая воля — освободить страну от страшных внутренних пут!

...Русские граждане! Помните, что нет врагов у вас среди трудящихся классов воюющих стран. Защищая до конца все родное от попыток захвата со стороны враждебных нам правительств Германии и Австрии, помните, что не было бы этой страшной войны, если бы великие идеалы демократии — свобода, равенство и

братство — руководили деятельностью правящей России и правительств всех стран.

Между тем власть наша даже в этот страшный час не хочет забыть внутренней распри: не дает амнистии боровшимся за свободу и счастье страны, не хочет примириться с нерусскими народностями государства, все простившими и борющимися вместе с нами за общую родину, и вместо того, чтобы облегчить положение трудящихся классов народа, именно на них возлагает главную тяжесть военных издержек, усиливая бремя косвенных налогов.

Крестьяне и рабочие — все, кто хочет счастья и благополучия России, в великих испытаниях закалите дух ваш, соберите все ваши силы и, защитив страну, освободите ее» ^[148].

А вот что было на самом деле.

В феврале 1914 года П. Н. Дурново, лидер фракции правых в Государственном совете, представил Николаю II аналитическую записку о катастрофических последствиях возможной войны с Германией. Он утверждал, что в экономической области Россия и Германия дополняют друг друга, война же ввергнет Россию в «беспросветную анархию, исход которой трудно предвидеть». Главную угрозу он видел в незрелости («исключительной нервности») общества, неустойчивости внутреннего порядка, «бессознательном социализме широких масс населения».

Германия была не только лидером мирового промышленного производства. Ее развитие шло быстрее, чем развитие России. Если в России с 1900 по 1913 год производство стали выросло более чем вдвое (с 2,2 до 4,8 миллиона тонн), то в Германии — более чем втрое (с 5,3 до 17,6 миллиона тонн). Ввоз германских товаров составлял почти половину российского

импорта. Германия контролировала и половину российской торговли. Заключенный ею в 1904 году (во время Русско-японской войны) торговый договор был для России значительно менее выгодным, чем предыдущий, от 1894 года, — были повышены таможенные сборы на отечественную сельскохозяйственную продукцию. Это обстоятельство всегда держалось в уме политической и экономической элитой России как неоспоримый признак растущего доминирования Берлина. В мае 1913 года Николай II сделал последнюю попытку удержать ситуацию. Он предложил Вильгельму II «размен»: Россия отказывается от претензий на Проливы, а Германия удерживает Австро-Венгрию от экспансии на Балканах. Но Вильгельм уклонился от ответа.

Очевидное движение Германии и Австро-Венгрии на Балканы, к Проливам и Ближнему Востоку делали неубедительной позиции российской «партии мира». Произошло то, что можно считать массовым самоослеплением. Обе ветви общества, западники и почвенники, а также промышленники, финансисты, экспортеры зерна, угля и нефти, генералы, производители вооружений, интеллектуальные лидеры, все они (или почти все) были внутренне готовы противостоять экспансии Германии. В моральном отношении положение усугублялось широко распространенным в либеральных кругах мнением, будто Германия символизирует реакцию, а члены Антанты Франция и Англия — демократию.

Поэтому неудивительно, что «партия войны» преобладала.

Фактически эта война ознаменовала перемены в содержании и форме исторического процесса, то есть с нее и началась эпоха, именуемая XX веком. Все считали, что война продлится несколько месяцев и после продолжится прежняя жизнь. Оказалось, что эта война

за передел мира будет вестись в различных формах все столетие. Как символ непрерывности будущих потрясений надо рассматривать письмо американского посла в Лондоне Пейджа президенту США в связи с началом войны. Он писал, что «...вся Европа (в той мере, в какой выживет) обанкротится», а «...мы станем безмерно сильнее финансово и политически»^[149].

К августу 1914 года подобный тотальный «расчет балансов» в Европе был завершен. Англия, имевшая большие виды на российскую зону влияния в Персии и препятствовавшая постройке русскими Транссибирской железной дороги, все-таки остановила свой выбор на союзе с Россией.

15 (28) июня 1914 года в Сараеве, столице аннексированной Австро-Венгрией Боснии, сербом Гаврилой Принципом был убит наследник австрийского престола эрцгерцог Франц Фердинанд. В Боснии начались сербские погромы. 10 июля Австро-Венгрия выдвинула Сербии ультиматум, который был нацелен либо на фактическое подчинение Белграда, либо в случае отказа Сербии — на войну.

Несмотря на то что русская философская мысль (Константин Леонтьев) весьма критически оценивала славянофильство российской внешней политики, которая нереалистически воспринимала прочность связей России с южнославянскими и западнославянскими государствами, официальный Петербург и лично Николай II считали себя морально обязанными защищать Сербию, чего бы это ни стоило.

По сути отчасти повторялась ситуация Крымской и Русско-турецкой (1877–1878) войн, когда Россия переоценила свои возможности. Был ли у нее иной выход?

Николай II пытался уклониться от войны. Но как он мог ответить на телеграмму (1 июля) сербского

королевича-регента Александра: «Мы не можем защищаться. Посему молим Ваше Величество оказать нам помощь возможно скорее... Мы твердо надеемся, что этот призыв найдет отклик в его славянском и благородном сердце».

Николай ответил (14 июля): «Пока есть малейшая надежда избежать кровопролития, все наши усилия должны быть направлены к этой цели. Если же, вопреки нашим искренним желаниям, мы в этом не успеем, Ваше Высочество может быть уверенным в том, что ни в коем случае Россия не останется равнодушной к участи Сербии».

В тот день, когда в Белграде читали эту телеграмму, Австро-Венгрия объявила Сербии войну. С этого момента в России все считали, что нет иного выхода, кроме как объявить мобилизацию. Вслед за этим Германия тоже объявила мобилизацию, и поскольку за мобилизацией, по ее военным планам, должны сразу начинаться военные действия, то Германия мгновенно объявила войну России.

После этого Великобритания, выдержавшая паузу, тоже объявила войну Германии, которая никак этого не ожидала. Теперь Лондон имел все основания торжествовать по поводу своей дипломатической игры: Германия сразу оказалась в трудном стратегическом положении.

Что ж, российское общество восприняло войну с воодушевлением. И Шульгин не исключение. Огромные толпы вышли на улицы Петербурга. На площади перед Зимним дворцом народ опустился на колени, когда на балкон вышел Николай II. Все запели государственный гимн «Боже, царя храни!».

На чрезвычайной сессии Государственная дума единогласно проголосовала за военные кредиты.

Согласно всем законам стратегии российское командование в первые дни войны должно было

отвести свои войска от границы, чтобы беспрепятственно завершить мобилизацию. Вместо этого, по настоятельной просьбе Франции, на которую был направлен главный удар германских сил, российское командование предприняло энергичное наступление в Восточной Пруссии, имея конечной целью Берлин. Немцы стали отступать, в Берлине началась паника. Однако быстрой победы не получилось.

Германский Генеральный штаб направил в кризисный район генералов Гинденбурга и Людендорфа, они сумели, используя местную развитую железнодорожную сеть, перебросить основную группу войск против наступающей с юго-запада 2-й армии генерала А. В. Самсонова. При этом немцы легко ориентировались в планах русских, так как те, психологически пребывая в прошлом веке, все свои сообщения передавали по радио прямым текстом без шифрования. 2-я армия была разбита.

Но павшие воины все-таки выполнили свою задачу: ценой жертвы они оттянули от Парижа два корпуса и одну дивизию немцев (одну пятую их сил), что не позволило Германии победить в битве на Марне. По германскому плану война должна была завершиться победой на 39-й день. Благодаря России этого не случилось. «Блицкриг» рухнул. Случилось то, что было вскоре названо «чудом на Марне».

Как ни печально, российское военное командование не нашло ничего более умного, как свалить вину за гибель 2-й армии на ее погибшего командующего, не понимая, что «мертвые сраму не имут» и что все равно ответственность ложится на живых. В том числе и на императора.

После окончания однодневной думской сессии перед Шульгиным был выбор — вернуться в Киев или

идти на войну. Он добровольно поступил в 166-й Ровненский пехотный полк.

В звании прапорщика депутат Государственной думы, известный многим, на фронте выглядел несколько странно, но надо было воевать. Почти сразу же 12 сентября 1914 года в бою под Перемышлем Шульгин был ранен в атаке — пуля пробила плечо, не задев кости, и вышла из мягких тканей спины. Можно сказать, ему повезло, могло быть гораздо хуже.

После госпиталя он стал начальником передового перевязочно-питательного отряда Юго-Западной областной земской организации и пробыл в армии целый год, в течение которого произошло множество событий.

Прожить год на войне — это означало ни больше ни меньше как переродиться и уже никогда не быть мирным обывателем.

К концу 1914 года стало ясно, что цена войны будет очень высока, хотя против австрийских войск русские добились больших успехов, заняв Галицию. Горячка первых недель схлынула.

В сентябре 1914 года германский канцлер Бетман-Гольвег назвал задачи войны: создание «Срединной Европы», объединение стран германского блока в банковский и таможенный союз с Италией, Швейцарией, Бельгией, Голландией, Балканскими государствами. В 1914–1916 годах под эгидой Германии создавались многочисленные национальные бюро и комитеты. Был выработан план «Лига нерусских народов России», стимулировались центробежные тенденции и «революционизирование» России. Через лигу оплачивалась работа некоторых журналистов стран Антанты, публиковавших выгодные для Германии статьи о России^[150].

Украина тоже входила в зону действий лиги, и Шульгину позже пришлось вести борьбу с сепаратистами.

Война обострила многие проблемы, которые прежде казались несущественными, и обрушила многие авторитеты. Просчеты военного министра Сухомлинова и правота думской комиссии Гучкова стали очевидны: например, расход снарядов на фронте составлял около полутора миллионов в месяц, а их производство было многократно меньше. После закрытия Турцией Проливов подвоз из-за границы был сильно затруднен, и в тот момент Россию сравнивали с домом, в который можно было забраться только по дымоходам и водосточным трубам.

Находясь в армии, Шульгин из разговоров с генералами, офицерами и солдатами и личных наблюдений составил неутешительную картину.

1915 год стал годом тяжелых поражений. От горячей волны патриотизма, как это было и в 1904 году, уже мало что оставалось. Военные действия требовали снарядов, пушек, винтовок, патронов, сапог, угля, паровозов, вагонов, продовольствия и бесконечного множества различных материалов.

С мая по октябрь на фронте случилась катастрофа, названная «Великим отступлением». Русские армии, испытывая огромную нехватку в снарядах, под огненным валом тяжелых германских орудий оставили Польшу, Галицию, значительную часть Прибалтики, потеряли полтора миллиона человек убитыми и ранеными, сотни тысяч пленными.

К лету в армию было призвано 10 миллионов человек, ежемесячно она теряла в боях убитыми и пленными по 200 тысяч. Кадровые части русской армии уже утратили лучших воинов и были наполнены резервистами. Героизм и упорство русских не могли достойно противостоять превосходящей технической

мощи противника. Число беженцев, среди которых были тысячи по подозрению в шпионаже выселяемых (по приказу Ставки) из местечек евреев, дошло до десяти миллионов, они несли в центральные губернии свою тоску и злобу. Многих жителей войска выгоняли из своих домов насильно и сжигали оставляемые населенные пункты, поместья и промышленные предприятия, чтобы не оставить их противнику.

В конце мая 1915 года в Москве произошли крупные беспорядки, вызванные сдачей недавно завоеванной австро-венгерской крепости Перемышль. Пострадало 475 торговых и промышленных предприятий, в основном принадлежавших немцам. Это было грозное предупреждение властям. Раскол по национальному признаку еще более усиливался. Учтем, что и императрица была родом из Германии, и вообще русские немцы составляли надежную опору трона. В те времена была поговорка (Шульгин ее приводил в своих воспоминаниях): «Немцы — это последние русские», то есть последние защитники империи.

К тому же государственное управление оказалось раздвоенным: в зону ответственности Ставки Верховного главнокомандующего входили обширные территории, на которые не распространялась власть правительства.

Верховным главнокомандующим был великий князь Николай Николаевич, на дух не переносивший военного министра Сухомлинова. И как ни удивительно, поражения не поколебали авторитета главкома, так как общественное мнение (и думцы) во всем винили военного министра. Взаимоотношения двух военных руководителей ни для кого не были тайной, и если Верховный главнокомандующий в общественном мнении отчасти выглядел жертвой непредусмотрительности и верхоглядства военного

министра, то от самого министра, поддерживаемого царем, падала тень. И накрывала она... государя.

В марте 1915 года был повешен обвиненный в шпионаже полковник Мясоедов, входивший до войны в близкое окружение Сухомлинова. Непосредственным вдохновителем этого дела был генерал-квартирмейстер Северо-Западного фронта М. Д. Бонч-Бруевич.

Сегодня известно, что Мясоедов стал жертвой внутриэлитной борьбы. Начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев в своих воспоминаниях писал:

«Я, конечно, не в курсе того, что происходило в судебном заседании, но знаю из достоверного источника, что в отношении Мясоедова доказано было только мародерство, что, в сущности, можно было инкриминировать многим участникам военных операций в Восточной Пруссии, что же касается шпионства в пользу Германии, то таковое доказано не было. Тем не менее дело Мясоедова настолько нашумело, что в удовлетворение общественного мнения верховному главнокомандующему приговор суда пришлось утвердить, пожертвовав Мясоедовым, который и был казнен».

Однако общественное потрясение в связи с «изменой» Мясоедова было так велико, что именно отсюда начался процесс разрушительной переделки государственной машины.

Кроме поражений на фронте 1915 год был отмечен четырьмя событиями: состоялась сессия Думы, образован депутатский Прогрессивный блок, создан Военно-промышленный комитет, император сместил Николая Николаевича и стал Верховным главнокомандующим.

Военные неудачи и проблемы организации тыла явились катализатором нового политического процесса, который зарождался в стремлении общества сохранить

внутренний порядок и устойчивость в стране. Блок, или объединение, различных фракций первоначально не имел революционных замыслов, а был нацелен на поддержку власти.

Эта поддержка выглядела далеко не безоговорочной, выразилась в критике правительства в Думе и предложении создать с участием депутатов новое, эффективное правительство.

Можно сказать, это был последний шанс избежать революции. В блок вошли около 236 депутатов из 420 — кадеты, прогрессивные националисты («группа Шульгина»), «группа центра», земцы-октябристы, прогрессисты, фракция «Союза 17 октября», а также многие члены Государственного совета. Думская фракция националистов раскололась, из нее вышли левые депутаты, среди которых были В. В. Шульгин, В. А. Бобринский, А. И. Савенко.

В мемуарах А. Ф. Керенского находим: «Шульгин, один из самых разумных консервативных членов думы, примкнувших к Прогрессивному блоку...»^[151]

Шульгин стал одним из руководителей Прогрессивного блока, заместителем председателя бюро, участвовал в переговорах с премьер-министром Горемыкиным, то есть резко увеличил свой политический вес. Ради идеи единства Шульгин поменял свое отношение к еврейскому вопросу, реагируя, как он выразился, на изменение в «поведении руководящего еврейства сравнительно с 1905 годом» и проявление патриотизма в требованиях войны до победы. В 1916 году он высказался о необходимости «развязать руки блоку, давши что-нибудь евреям».

Сама по себе программа Прогрессивного блока была амбициозной, и для того, чтобы ее приняли верхи, требовалось нечто сверхординарное.

«Программа исходила из двух основных положений:

1. Создание однородного правительства, составленного из лиц, пользующихся доверием страны и решивших в кратчайший срок провести программу, согласенную между палатами.

2. Радикальное изменение приемов управления, основанных на недоверии ко всякой независимой политической деятельности; в частности, строгое соблюдение законности администрацией, невмешательство военных и гражданских властей в вопросы, не касающиеся непосредственно военных операций; обновление местного состава администрации и усвоение разумной и последовательной политики, способной сохранить внутренний мир и избежать столкновений между социальными классами и различными национальностями. Программа блока указывала затем ряд мер для осуществления перечисленных задач. Сюда относились, прежде всего, меры административные: общая амнистия за политические и религиозные преступления и проступки, возвращение политических ссыльных, прекращение религиозных преследований, дарование автономии Польше, отмена ограничений, налагаемых законодательством на евреев, запрещение преследований украинцев в России и в Галиции, восстановление профессиональных рабочих союзов. Далее — ряд законодательных мер, в том числе: уравнивание крестьян в правах с другими классами, создание волостного земства, реформа городских и земских учреждений.

Конечно, для действующего правительства эта программа не годилась: она была рассчитана на „министерство доверия“» ^[152].

На допросе в Москве 15 января 1945 года Шульгин рассказывал:

«В августе 1915 года состоялся новый созыв Государственной Думы, во время которого я руководил вновь образовавшейся фракцией „прогрессивных националистов“ и участвовал в создании и работе т. н. „Прогрессивного блока“. Последний включал в себя шесть центральных фракций, объединившихся с целью ведения войны с Германией „до победного конца“ и выработавших совместную политическую программу.

Главный пункт этой программы состоял в требовании, чтобы назначение министров совершалось по предварительному согласованию с Государственной Думой. Это было вызвано тем, что в России тогда было распространено мнение, что „министров назначает Распутин“. К этому надо добавить, что Распутин слыл среди думских кругов агентом германского генерального штаба.

Вопрос: На чем основывались эти слухи?

Ответ: Точных данных по этому поводу не было, и слухи эти опирались, в значительной степени, на то, что Распутин являлся сторонником заключения сепаратного мира с Германией. Если бы Распутин являлся германским агентом, то товарищ министра внутренних дел князь Владимир Михайлович Волконский, с которым я был в близких отношениях, безусловно, посвятил бы меня в это. Однако в разговоре со мной о Распутине он характеризовал его как лицо, находящееся под влиянием лиц, ищущих карьеру в дворцовых кругах. В силу того, что „Прогрессивный блок“ требовал назначения министров с согласия Государственной Думы, возник длительный конфликт между нами и верховной властью» ^[153].

Монархист и националист Шульгин играл в руководстве блока одну из главных ролей, разрабатывал (вместе с Милюковым) важнейшие документы, что вызывало понятные ревность и

опасения у некоторых кадетов. Он стал заместителем председателя парламентской комиссии по военным и морским делам, критиковал правительство за ошибки в подготовке к войне. Уже в августе 1915 года эта комиссия представила Николаю II доклад, формулировавший проблемы военно-промышленной организации и требовавший усилить руководство военной промышленностью.

Война на многое раскрыла глаза. Провал «сухомлиновской» несистемной практики заставил власти признать, что без допуска финансистов и промышленников к военной промышленности невозможно провести мобилизацию военного производства.

«Законами царской России не было предусмотрено никакого связующего звена между органами военного снабжения, находящимися на театре военных действий и остающимися в глубоком тылу в распоряжении военного министра. Согласно Положению о полевом управлении войск в военное время (ст. 99), кроме главковерха, только главнокомандующие армиями фронтов имели право „непосредственно сноситься с министрами“. Статья эта служила чуть ли не единственным, к тому же весьма неопределенным, указанием о связи фронта с глубоким тылом.

Главный начальник снабжений армий фронта согласно Положению должен был руководить снабжением армий „в соответствии с выработанным в мирное время планом снабжения“.

Что касается собственного плана артиллерийского снабжения, то таковой в мирное время для фронтов не был выработан. Оружие и материальная часть артиллерии, предназначенные для запаса военного времени, сдавались на хранение без всякого определенного плана в ближайшие к изготовлявшим их заводам артиллерийские склады, где было свободное

место. Заблаговременно был составлен только план мобилизационной готовности и распределения по армиям местных артиллерийских парков с огнеприпасами, но и этот план был совершенно нарушен с объявлением войны.

Право непосредственного сношения с министрами главному начальнику снабжений фронта предоставлено не было, но к предметам ведения подчиненных ему управлений относилось, между прочим, „истребование по части снабжения из внутренних областей империи всего, что не может быть заготовлено на месте“»^[154].

На суровую необходимость перестроить военную промышленность указывали и неоправданные финансовые потери из-за алчности союзников.

Под гарантии английских банков заказы передавались представителю американского банковского синдиката Моргана, а тот распределял их между американскими фирмами. Англичане как посредники получали огромную выгоду.

«В результате действий лондонского комитета война для России стало непосильно дорогим удовольствием: если в 1914 году день войны стоил российской казне 9,5 млн. руб., то после начала работы комитета эта цифра выросла до 60-65 млн. руб. Пулеметы Кольта, например, Россия вынуждена была закупать по 1250 долл. При себестоимости 200 долл. и средней рыночной цене 700 долл. То же происходило со всеми американскими товарами. За время работы комитета Китченера и Эллершоу США полностью избавились от внешних задолженностей. Общая стоимость русских заказов в Америке оценивалась в 7 млрд. руб. золотом. Чистая прибыль 50 американских компаний-лидеров, только по официальным отчетам, которые считаются сильно заниженными, составила около 3 млрд. долл. ... В июле 1915 года агент

министерства торговли и промышленности Медзыховский выступил в Совете министров с докладом „О вреде монопольной агентуры Моргана, что вредно бы отразилось на цене и выполнении военных заказов“. Реакции властей на этот доклад не последовало: уж слишком многие грели руки на деятельности лондонского комитета, да и ссориться с Англией было не время»^[155].

После более чем полугодовой раскачки в августе 1915 года Совет министров одобрил положение о военно-промышленных комитетах (ВПК), которые получали возможность участвовать в исполнении военных заказов. Их создание можно назвать второй ипостасью Прогрессивного блока — еще одним шагом к сотрудничеству.

ВПК работали в связи с Особым совещанием по обороне, Главным комитетом по снабжению армии, всероссийскими земским и городским союзами, кооперативами. Центральный ВПК возглавил А. И. Гучков (будущий военный и морской министр Временного правительства), Московский ВПК — А. И. Коновалов (будущий министр торговли и промышленности, заместитель председателя Временного правительства), Киевский — М. И. Терещенко (будущий министр финансов, министр иностранных дел Временного правительства). В составе руководства были П. П. Рябушинский, С. Н. Третьяков, Э. Л. Нобель, М. В. Челноков (московский городской голова, председатель Союза городов), Г. Е. Львов (председатель Всероссийского земского союза, будущий премьер-министр Временного правительства), Г. А. Крестовников. Они считали необходимым создание назначаемого Думой «правительства общественного доверия». Кроме промышленников и финансистов среди управленцев ВПК было много инженеров.

Обращает на себя внимание почти полная принадлежность руководителей ЦВПК к Московской группе промышленников. Именно Рябушинский в мае 1915 года призвал к военной мобилизации всей промышленности, затем возглавил Московский военно-промышленный комитет.

В начале войны Рябушинский занимался организацией санитарных поездов и госпиталей, сблизился с руководителями Земского союза и его председателем князем Г. Е. Львовым, а также с московским городским головой и руководителем Союза городов М. В. Челноковым. Все они начинают контактировать с британским послом Дж. Бьюкененом, через них британское посольство поддерживает связи с либеральной оппозицией. В 1916 году по предложению Челнокова Бьюкенен стал почетным гражданином Москвы.

О Земском союзе надо сказать особо. Он был создан по решению правительства для мобилизации всех общественных сил (земских) по организации помощи больным и раненым воинам, финансировался преимущественно из государственного бюджета и стал вместе с ВПК основной политической и кадровой опорой Прогрессивного блока.

Вместе с тем Земский союз и Союз городов действовали без правительственного руководства и контроля, дублировали организации Красного Креста; их работники были освобождены от призыва в действующую армию. Если раньше городские самоуправления и земства находились в ведении Министерства внутренних дел, то теперь они уподобились государству в государстве. Как писал генерал К. И. Глобачев, создали крупнейшую «... общественно-политическую организацию, в которой объединились все оппозиционные к правительству элементы и, при минимальной пользе в смысле помощи

больным и раненым воинам, максимум своей работы обратили на борьбу с правительством».

Это же касалось и ВПК.

Гучков прекрасно знал особенности работы военного ведомства. Крайняя медлительность и бюрократическая запутанность в работе Главного артиллерийского управления во времена Сухомлинова получили такую известность, что ГАУ иначе не называли, как «главным артиллерийским затруднением». Решение простых вопросов там измерялось неделями, а в артиллерийском комитете нормальным движением считалось три-четыре месяца. Что касается серьезных проблем, то разрешение их длилось месяцами и даже годами.

По мнению крупного специалиста в области боеприпасов В. И. Рдултовского, летом 1915 года армия могла бы отбить германское наступление, если бы до войны удалось расширить казенный Санкт-Петербургский трубочный завод, где выпускались и дистанционные трубки для шрапнельных снарядов.

«Русская артиллерия вышла на войну с 22-сек. дистанционными трубками устаревшего образца, позволявшими вести стрельбу шрапнелью на дистанцию лишь до 5 $\frac{1}{2}$ км. Проектирование и испытание 34-сек. трубок в Арткоме шло так медленно, а валовое изготовление их, трудное в техническом отношении, так затянулось, что в течение почти десяти лет не могли справиться с этим делом»^[156].

Расширить производство было несложно, необходимо было выкупить соседние участки земли, занятые лесными складами. В таком случае к началу 1915 года русские артиллеристы имели бы на несколько миллионов трехдюймовых снарядов больше. «И потеря польского театра войны, — пишет Рдултовский, — не имела бы места».

Реконструкция трубочного завода была провалена в 1908-1909 годах в результате интриги частных предпринимателей, желавших получить государственный заказ на изготовление трубок. Однако претензии оказались технологически несостоятельными.

Возможно, за эту ошибку Военного министерства расплата пришла в феврале 1917 года. Хотя к тому времени завод был расширен, но было поздно.

У ВПК конструктивные отношения с властью складывались трудно: министерский аппарат не признавал вмешательства в свою деятельность новых независимых партнеров, которые к тому же в связи с инфляцией требовали изменения расценок.

Созданием Земского союза и ВПК начало реализовываться оформление параллельной власти промышленной буржуазии, причем опирающейся не только на интересы московских, но и провинциальных деловых кругов. Индустриальная война XX века быстро делала то, что вчера казалось немыслимым.

Косвенно было выражено недоверие петербургской финансово-промышленной группе, тесно связанной с высшей бюрократией и иностранным капиталом. С учетом десятков тысяч действующих кооперативов Союза земств и городов (Земгор) ВПК приобретал организующий гражданское общество характер. Это не могло не оказывать влияние на политические верхи и на армию. Появление на фронте структур Земгора имело огромное значение. Уполномоченные Земгора нашли в офицерской среде поддержку и понимание. В основной массе офицерский корпус русской армии состоял из разночинцев и выходцев из крестьян, тогда как политическая верхушка была аристократической. В конце концов недовольство экономическим и военным управлением приводило к созданию в обществе

совершенно новых союзов. Лично Гучков имел обширные связи в военной среде.

Может показаться удивительным, что власти вообще пошли навстречу инициативе деловых кругов. Достаточно было прочесть интервью Гучкова в газете «Утро России» 23 августа 1915 года, чтобы догадаться о неприятностях, которые обещали ВПК.

«Сейчас положение России тяжелое, однако поправимое при условии, чтобы инициатива была в руках сильной власти во главе с сильным человеком. А у нас идут по пути спасения с сильным опозданием...

Нетрудно выпустить толпу на улицу, но это немыслимо в интересах обороны. Более резкие выступления радикальных партий могут повести к нежелательным эксцессам и революционизированию масс. Но в одном кадеты глубоко неправы: они не выдвинули лозунга обновления власти, в чем ощущается острая нужда. Когда кормчий слаб духом, он может быть терпим для штиля, но в момент бури, когда гибнет корабль, власть должна быть взята из неумелых рук».

«Правительство так и не пошло на уступки, требуемые буржуазией. Надежды монополистов на создание Комитета государственной обороны или Главного управления снабжения, а также и специализированного продовольственного органа на правах министерства оказались совершенно беспочвенными. Тем более не были реализованы планы подключения ВПК к системе высших государственных органов регулирования народного хозяйства. В соответствии с царским указом от 17 августа 1915 г. организуются казенно-бюрократические по своей природе центральные органы — громоздкие, неповоротливые и беспомощные Особые совещания (по обороне, продовольствию, топливу и перевозкам)» ^[157].

Однако те, кому положено, знали о кричащих обстоятельствах снабжения русской армии периода Русско-японской войны.

На одном из докладов ГУГШ, от 10 декабря 1911 года, имелась пометка начальника Генерального штаба, свидетельствующая о недостатке боевых припасов в Русско-японскую войну. Была названа причина: «Во время войны 1904 г. заводы бастовали, и одна из причин, побудивших заключить мир, был недостаток снарядов и невозможность их изготовлять»^[158].

Запомним это обстоятельство, история вскоре повторится.

У Шульгина в воспоминаниях есть красочный эпизод его участия в работе Особого совещания по обороне.

«Эти Особые совещания сделаны, если так можно выразиться, вроде как кузня... Кузнец — министр всего министерства. А роль тех, кто работает мехом, т. е. роль „раздувальщиков“, исполняем мы, члены законодательных палат.

Военный министр докладывает...

— В последнее время в Ставке шли подсчеты количества снарядов, необходимого для всего фронта. В настоящее время эти подсчеты закончены. Письмом на мое имя начальник штаба Ставки просит Особое совещание по Государственной обороне довести производство снарядов до 50 „парков“ в месяц.

Среди членов Совещания происходит движение. Это ведь самый важный вопрос. Сейчас решится масштаб дела, а, следовательно, и масштаб войны, 50 „парков“, если считать на „полевые парки“, которые включают в себе 30 000 снарядов, — это выходит полтора миллиона в месяц. Это много. Но достаточно ли?..»^[159]

В итоге бурного обсуждения, благодаря настойчивости депутатов Думы, решено увеличить

производство до 100 «парков», и новый начальник Главного артиллерийского управления (ГАУ) генерал А. А. Маниковский принимает поручение.

«Имели же мы эту смелость потому, что Особое совещание состояло из генералов, окруженных самыми влиятельными членами законодательных палат, для которых, как известно, закон не писан... Вообще, размах у нас есть. Например, мы дали заказ на 40 000 000 сапог. Еще „немножко“, и мы осуществим социалистический идеал, по крайней мере в отношении ног: вся нация будет одеваться, обуваться Государством... по заказам Особого совещания по Государственной обороне.

С этой стороны наша совесть чиста. Мы сделали все, что возможно... Свою обязанность „раздувальщиков священного огня“ военного творчества исполняли не за страх, а за совесть.

Но вот другая сторона... Бывают минуты, когда я начинаю сомневаться... В другом отношении, где мы условились быть не раздувальщиками огня, а как раз наоборот — гасителями пожара, — исполняем ли мы свое намерение? Тушим ли мы революцию?»^[160]

Вопрос Шульгина далеко не праздный.

После поражений русской армии в Галиции и больших военных потерь в обществе происходили тревожные перемены. Как вспоминал генерал Спиридович, «Петербург кипел». Обвиняли правительство, военного министра, российских немцев (шпионы!), Распутина, императрицу. Был пущен страшный слух о сепаратном мире. В конце мая в Москве произошли крупные беспорядки, были разгромлены сотни магазинов и предприятий, в основном принадлежавших немцам. Протест косвенно задевал «немецкий» Петербург (Петроград) и царскую семью, в адрес сестры императрицы, вдовы великого

князя Сергея Александровича, Елизаветы Федоровны, прозвучали угрозы и обвинения. В Ставке начались разговоры о заговоре против императора, о заточении императрицы в монастырь.

Накапливавшееся недовольство привело к тому, что в правительственных кругах созрело мнение о необходимости «нового курса на общественность». Инициатором его стал «умный и хитрый» А. В. Кривошеин, с которым были солидарны несколько министров и Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич.

Показательно, что вражда Николая Николаевича и генерала Сухомлинова выражалась еще и в том, что любое упущение или поражение Ставка пыталась объяснять изменой.

Развитие событий вело к тому, что Ставка становилась оппозиционной в отношении правительства.

Перемена курса привела к увольнению нескольких консервативных министров, в том числе генерала Сухомлинова. Однако вскоре произошел новый поворот. После секретного совещания на квартире С. Д. Сазонова восемь министров направили царю коллективное письмо, убеждая его не становиться Верховным главнокомандующим, в противном случае угрожая подать в отставку. Среди них были министр иностранных дел С. Д. Сазонов, министр земледелия А. В. Кривошеин, министр внутренних дел Н. Б. Щербатов.

Кривошеин считал, что надо было «...использовать все доступные нам способы, чтобы удержать Его Величество от бесповоротного шага. Мы должны объяснить, что ставится вопрос о судьбе династии, о самом троне, наносится удар монархической идее, в которой и сила, и вся будущность России. Народ давно... считает государя царем несчастливым, незадачливым».

На предупреждение Родзянко, что при поражениях царь подвергнет риску трон, тот сказал: «Я знаю, пусть я погибну, но спасу Россию».

Решение царя, посчитавшего, что он обязан в тяжелые времена быть с войсками, еще более углубляло внутриэлитный конфликт, так как император фактически стал «над схваткой». Попытки отменить его выбор ни к чему не привели. Николай II даже поссорился с матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, которая не одобряла решение сына. Зато решительная и волевая супруга императора, Александра Федоровна, полностью поддержала его. Теперь он оставался один на вершине ответственности, открытый со всех сторон для критики.

Обратим внимание на важнейшее кадровое назначение, происшедшее в первой половине августа — Северо-Западный фронт был разделен на два фронта, Северный и Западный, и командовать Северным был назначен генерал-адъютант Н. В. Рузский, который впоследствии окажет решающее влияние на отречение императора от престола.

3 сентября, отказавшись принять депутацию Прогрессивного блока, Николай II объявил «перерыв в работе Думы».

Отъезд императора в Ставку изменил соотношение сил в управлении страной. Старое правительство задвинули куда-то в угол, новое было сырым, а Прогрессивный блок не вызывал доверия. Все это вывело в реальную политику новых участников, среди которых на первое место выдвинулись императрица Александра Федоровна и ее окружение. Протопресвитер Георгий Шавельский в своих воспоминаниях весьма реалистично описал изменившееся положение.

«Царь был посередине. На него влияла и та и другая сторона. Поддавался же он тому влиянию, которое было

смелее, энергичнее, деспотичнее. Пока великий князь Николай Николаевич был в Ставке, поддерживалось некоторое равновесие сторон, ибо решительным натискам царицы и К^о противопоставлялись столь же решительные натиски великого князя, которого Государь стеснялся, а, может быть, по старой привычке, и побаивался, и который в одних случаях умел убедить, в других — запугать Государя. С отъездом великого князя (Николая Николаевича) ни среди великих князей, ни среди министров не оказалось ни одного человека, который смог бы в этом отношении заменить его. Второе „правительство“ могло торжествовать победу, но не на радость России. Генерал М. В. Алексеев официально занял место начальника Штаба, а фактически вступил в Верховное командование в тяжелую для армии пору — ее отступления на всем фронте, при огромном истощении ее духовных сил и таком же недостатке и вооружения, и снарядов. Положение армии было почти катастрофическим. Рядом принятых энергичных и разумных мер ему, однако, удалось достичь того, что к концу августа наступление противника было остановлено, а в одном месте наши войска имели даже большой успех, захватив 28 тыс. пленных и много орудий. Этот успех „патриоты“ сейчас же объяснили подъемом духа в войсках по случаю вступления Государя в Верховное командование»^[161].

Генерал-адъютант Михаил Васильевич Алексеев, лучший стратегический талант русской армии, неожиданно стал одной из самых влиятельных фигур. Изменилось в целом и политическое влияние армии, что впоследствии станет решающим фактором национальной катастрофы.

6 сентября 1915 года, после прерывания думской сессии и отказа царя принять депутацию Прогрессивного блока, в Москве, на родине ВПК,

которая все определеннее становилась центром оппозиционности, прошли Земский и Городской съезды. Они приняли резолюции о необходимости «правительства общественного доверия».

В сентябре 1915 года власть получила еще один болезненный сигнал. На выборах делегатов Рабочей группы ВПК от петроградских рабочих большинство в ней получили социал-демократы.

Прерывание работы Думы, служившей клапаном для выпуска напряженности, повернуло недовольство масс в политическое русло.

27 сентября 1915 года в газете «Русские ведомости» была опубликована статья Василия Маклакова «Трагическое положение». Ситуация в России в ней сравнивалась с автомобилем, который ведет «безумный шофер над краем пропасти».

«...Вы несетесь на автомобиле по крутой и узкой дороге. Один неверный шаг, и вы безвозвратно погибли. В автомобиле — близкие люди, родная мать ваша. И вдруг вы видите, что ваш шофер править машиной не может; потому ли, что он вообще не владеет машиной на спусках, или он устал и уже не понимает, что делает, и ведет к гибели и вас, и себя... Что делать в такие минуты? Заставить его насильно уступить его место? Как бы ни были вы ловки и сильны, в его руках фактически руль, и один неверный поворот или неловкое движение этой руки — и машина погибла. Вы знаете это, но и он тоже знает. И он смеется над вашей тревогой и вашим бессилием: „Не посмеете тронуть!“ Он прав: вы не посмеете тронуть; если бы даже страх или негодование вас так охватили, что, забыв об опасности, забыв о себе, вы решились силой захватить руль — пусть оба погибнем — вы остановитесь: речь идет не только о вас; вы везете с собой свою мать... ведь вы ее погубите вместе с собой, — сами погибнете. И вы сдерживаете себя, вы отложите счеты с шофером

до того вожделенного момента, когда минует опасность... вы оставите руль у шофера. Более того, вы постараетесь ему не помешать, будете даже советом, указанием содействовать. Вы будете правы — так и нужно сделать. Но что будете вы испытывать при мысли, что ваша сдержанность может все-таки не привести ни к чему, что даже и с вашей помощью шофер не управится? Что будете вы переживать, если ваша мать при виде опасности будет просить вас о помощи и, не понимая вашего поведения, обвинит вас в бездействии и равнодушии?»

Статья произвела сильное впечатление, все поняли аллегорию.

Но что из этого должно было последовать? Кто перехватит руль?

В сентябре 1915 года в политических стачках участвовали около 100 тысяч рабочих примерно 170 предприятий Петрограда, Москвы и юга России.

Можно считать, что в 1915 году уже были готовы все спусковые пружины революции.

Уровень эффективности управления можно проследить по тому, как в начале войны управлялись железные дороги. У них было сразу несколько руководителей: Министерство путей сообщения, Северо-Западный фронт, Юго-Западный фронт, три отдельные армии — 6-я, 7-я и Кавказская.

Подобная же малоэффективная практика проявилась в феврале 1915 года и в решении, согласно которому командующие военными округами и за пределами театра военных действий получали право производить реквизиции и запрещать вывоз продуктов из одних местностей в другие.

Не один Шульгин задавался вопросом о возможных последствиях этого.

К главным управленческим силам государства, бюрократии, высшему дворянству и буржуазии

прибавился генералитет. Не вызывало ли это обстоятельство воспоминание о дворцовых переворотах послепетровских времен или мысль о военной диктатуре?

Но нет, пока что все были монархистами. А если кто из генералов мечтал о парламентской республике, то предпочитал держать язык за зубами.

Впрочем, появлялись различные проекты государственного контроля то над продовольственным снабжением рабочих военной промышленности через интендантское управление Военного министерства, то огосударствления всей торговли, то привлечения обывателей «к активной деятельности в области обнаружения скрытых товаров и установления случаев нарушения торговцами существующих правил».

Рядом с ними возникло предложение реорганизовать продовольственное дело с опорой на частные коммерческие банки, для осуществления которого банкиры прилагали немалые усилия с целью хоть как-то повлиять на генералитет. Среди них были ведущие банкиры, в том числе и известный нам «кадетский банкир» Б. А. Каминка. За банками стояли общественные организации, игравшие большую роль в распространении продовольствия в «потребляющих районах», — партии, земства, городские самоуправления, кооперативы. Поэтому правительство относилось к банкам с должной настороженностью как к большой и политически опасной силе, что вылилось в превентивной мере — наделении министра финансов правом проводить ревизии банков.

Над особыми совещаниями появился еще один орган — совместные заседания председателей особых совещаний, а над ними — Совещание пяти ведущих министерств (военного, внутренних дел, путей сообщения, земледелия, торговли и промышленности), затем преобразованное в Особое совещание для

объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла. При Министерстве внутренних дел был создан Особый комитет по борьбе с дороговизной.

При Министерстве торговли и промышленности возник еще один орган, Комитет по ограничению снабжения и торговли неприятеля (КОС). Подобный был в Англии. Председателем КОС стал П. Б. Струве, экономист и философ, член ЦК кадетской партии. А вот британским представителем в КОС стал резидент английской разведки Сэмюэл Хор, работавший в британском посольстве под дипломатическим прикрытием.

Насколько остры были экономические дискуссии в верхах, можно судить по столкновению между председателями особых совещаний — по обороне и продовольствию. В сентябре 1916 года военный министр, председатель Особого совещания по обороне отменил решение своего коллеги, министра земледелия А. А. Бобринского о повышении твердых цен на продовольствие на 40–50 процентов, что привело бы к резкому повышению расходов Военного министерства и к всплеску дороговизны на все товары и продукты.

Кроме острейшего кризиса военной промышленности, который был разрешен, надвинулся еще один — снабженческий, торговый и продовольственный.

В специальном донесении Петроградского охранного отделения подробно анализировалась ситуация на продовольственном рынке столицы и делался вывод о возникновении новой угрозы.

Спекулятивная практика банков и оптовых торговцев, неудовлетворительная работа железных дорог, коррупция путейских чиновников вызывали бешеный рост цен на продовольствие, резко опережающий инфляцию.

Донесение рисует картину нарастающего хаоса и детализирует экономическую практику «мародеров», причем описывает действия немецких и еврейских банкиров, еврейских и русских купцов.

Выделим основное: «...„мародеры“ почувствовали себя „господами положения“, забыли о том, что над ними есть Правительство»; налицо страшная картина эксплуатации провинции несколькими кучками ловких дельцов, коим место на скамье подсудимых, а не в разных продовольственных комитетах и биржах; «особенно много среди новых богачей — евреев»; а наряду с этим «...эгоизм русского купца, желающего нажить „хорошую деньгу“, и отсутствие настоящего патриотизма»; «...сотни тысяч иноземных коммерсантов, видящих в России лишь дойную корову и не связанных ничем с жизнью страны, — предоставляют весьма благодарный элемент для немецкого подкупа»...

Донесение заканчивалось так: «Настроение самых широких кругов населения, начиная от весьма недостаточных и в обычное время низов и кончая поставленными ныне, благодаря неимоверной дороговизне, в стесненное положение средними слоями столичного общества, носит весьма тревожный и неустойчивый характер, свидетельствует о все увеличивающейся нервности и дает показатели на крайнее озлобление зачастую стихийного и бессознательного тона...

Вследствие этого все те, кому дорога будущность России, кто жаждет победы русского оружия, ждут от Правительства властного слова и твердого вмешательства в дело борьбы с дороговизной.

Генерал-майор Глобачев

27 января 1916. № 41» ^[162].

К этому добавим, что еще 15 ноября 1914 года был издан высочайший указ, согласно которому без

разрешения Министерства финансов любые финансовые операции за рубежом России, переводы денежных средств или разного рода ценностей становились невозможными.

Донесение генерала Глобачева практически осталось без движения. Обратим внимание на дату документа: январь 1916 года; до Февральской революции оставалось больше года.

Конечно, некоторые действия против «мародеров» предпринимались (военной контрразведкой), мы скажем о них позже, но системной борьбы не случилось.

В целом эффективность всех правительственных управленческих новаций оказалась крайне низкой, так как созданный «лабиринт» совещаний, комитетов, комиссий был труднопроходим. В итоге получилось, как это следовало из доклада главноуполномоченного Союза городов от 7 февраля 1917 года, адресованного председателям всех особых совещаний: «Между деятельностью четырех Особых совещаний и комитетами при Министерстве торговли, между которыми искусственно разорваны вопросы народного хозяйства, не было установлено надлежащей связи и согласованности, и в результате мы имеем: зерно на той мельнице, на которой нет топлива, муку там, где нет вагонов для ее вывоза, вагоны там, где нет груза для их наполнения, и маневрирование пустых вагонов при страшной нужде в них» ^[163].

(Отметим, что печальный опыт Первой мировой войны был учтен советским руководством во время Второй мировой — в первый месяц войны был создан Государственный Комитет Оборона, которому были подчинены все правительственные, военные и партийные структуры. Правда, это было уже другое государство.)

Тем не менее стремление буржуазии закрыть управленческие бреши принесло кое-какие результаты. Центральный ВПК получил заказы на 600 миллионов рублей. Московский ВПК, который объединял 12 губернских комитетов, получил напрямую от Военного министерства, минуя ЦВПК, заказы на 1547 миллионов рублей^[164].

К началу 1916 года выросла огромная неправительственная сила: 235 местных ВПК, объединенные в 33 областных, и их число увеличивалось. Предприятия ВПК выполняли не только военные заказы, но и готовили кадры военных шоферов, техников, машинистов, токарей, слесарей и т. д. Создавались новые отрасли — химической и фармацевтической промышленности^[165].

В ЦВПК были созданы секции: механическая, химическая, по снабжению армии, вещевая, продовольственная, санитарная, по изобретениям, автомобильная, авиационная, перевозок, угольная, нефтяная, торфяная и лесная, мобилизационная, крупных снарядов, станков и пр.

ВПК стали координаторами и посредниками между государством и частной промышленностью в размещении военных заказов. ВПК предоставлялось отчисление в один процент от всех казенных заказов, что составило многомиллионные суммы. Кроме того, запрещалась критика в СМИ их деятельности. Почему — непонятно.

Результативность общественных организаций хорошо видна в создании госпиталей, лазаретов и санитарных поездов. На 1 января 1916 года Всероссийский земский союз создал 3100 лазаретов на 173 тысячи коек. Союз городов — на 70 тысяч коек, Красный Крест — на 48 тысяч коек, а Военное министерство — на 160 тысяч коек. Кроме того,

земцами было оборудовано более 50 санитарных поездов.

«Фронт даже нагляднее тыла — оказался в ведении земцев. Земская работа по качеству стояла выше правительственной, а, главное, она приходила на помощь скорее. Между военными властями и отделами Земского союза создались личные связи. От хирургических инструментов и перевязочных материалов до эвакуационных поездов, распределительных пунктов, медицинского персонала, госпиталей — все было предусмотрено вовремя и обслужено земской организацией.

Кроме 12 миллионов земских отчислений на это понадобились громадные средства, которые принуждено было дать правительство. До конца июня 1915 г. правительство отпустило земцам 72 миллиона; к 1 января 1916 г. общая сумма ассигновок выросла до 187 миллионов. К концу 1916 г. число земских учреждений разного типа, разбросанных по России и на фронте, составляло до 8000, и работали в них сотни тысяч людей. Понятно, что с таким размахом правительству нельзя было не считаться»^[166].

Среди этих поездов и лазаретов можно разглядеть и стройную фигуру прапорщика Шульгина.

Казалось, руководствуясь патриотическими настроениями, все должны были стремиться к дружной работе во имя грядущей победы. Однако и здесь не исчезала конкуренция между правительством и монополиями (шире — вообще бизнесом). Отодвинуть конкуренцию на второй план могла лишь осторожная политика короны в отношении своих ненадежных партнеров, которые, не будем забывать, обладали мощными политическими позициями в СМД и Государственной думе.

При этом положение таких политиков, как Шульгин, было донельзя сложным. Их патриотическое чувство и дворянский монархизм постоянно испытывали мощное давление противоречивой повседневной рациональности. Во-первых, государственная машина управления давала непростительные сбои; во-вторых, власти предрасполагающие не хотели ее совершенствовать; в-третьих, сам Прогрессивный блок опирался на очевидно антимонархические силы, в числе которых выделялись и те, кто был отъявленным пораженцем в годы Русско-японской войны. Кроме того, все газеты, преимущественно руководимые евреями или сочувствующими им либералами, которые не скрывали своей революционности во время смуты 1905 года, теперь перешли в патриотическо-оппозиционный лагерь, на чьем флаге сейчас значилось: «Победа и парламентаризм!»

Поэтому для Шульгина любой выбор грозил неизбежным личным поражением. Быть стопроцентным защитником неэффективных порядков Шульгин-политик не мог, но полностью переходить на сторону оппозиции Шульгину-дворянину не позволяли убеждения. Традиции дворянской культуры, рожденной свободой и простором солнечного поместья и мистически величественным образом Российской империи, сжимались новыми интересами сахарозаводчика, парламентскими сговорами и войной.

Его все более сдвигало к либерально-демократическому лагерю. К тому же яркого и, прямо скажем, знаменитого депутата там оценивали заведомо выше, чем в правительственных кругах, где он был одним из многих подобных. Разумеется, в эпоху геологических сломов вопросы личного статуса далеко не первостепенны, но они все же имеют место.

К концу 1915 года экономика России начала оправляться. Так, если в начале года выпускалось 450

тысяч снарядов, то уже в сентябре — один миллион. По сравнению с предвоенным 1913 годом промышленное производство выросло на 13,7 процента. В 1916 году рост составил 121,5 процента. По числу производимых орудий Россия превзошла Францию и Англию. В армию в массовом количестве стали поступать (в том числе и от союзников) винтовки, грузовики, самолеты (222 аэроплана в месяц), телефоны.

Устояв после тяжелых поражений, русская армия перешла к изнурительной позиционной войне, опрокинув надежды Германии окружить и уничтожить противника. Перспектива затяжной войны на два фронта не оставила Германии никаких надежд.

Фронт застыл. Внутреннее положение можно было охарактеризовать как растущую напряженность. Новый, 1916 год, должен был показать, какая из двух тенденций, революционная или созидательная, определит будущее. На предложения Германии о сепаратном мире Николай ответил решительным отказом. Берлин сделал ответный ход: выделил 40 миллионов марок на поддержку сепаратистских движений и революционных партий в России.

31 декабря 1915 года Николай II записал в дневнике, что был на предновогоднем молебне: «Молился горячо, чтобы Господь благословил Россию окончательной победой и укрепил в нас веру и терпение!!!»^[167]

Глава восемнадцатая

Генерал Маниковский предлагает
государственный капитализм. — Радужные
настроения на бирже. — Охранное отделение
бьет тревогу

В воспоминаниях Шульгина практически нет экономических тем. Даже свою деятельность в Особом совещании он не связывал с промышленными и финансовыми вопросами, а тем более — с лоббированием чьих-то интересов. Почему? Потому что этим не занимался. И еще потому, что через Особое совещание по обороне проходило множество просьб, претензий, требований различных лиц и организаций получить доступ к военным заказам, говорить о которых означало раскрывать тайны коллег.

Прочитав протоколы Особого совещания по обороне, можно утверждать, что именно там произошло глубокое и драматическое знакомство некоторых его участников с будущими проблемами государственного управления, а участники эти являлись будущими руководителями Февральской революции — А. И. Гучков, П. Н. Милюков, М. В. Родзянко, А. И. Коновалов, В. А. Маклаков, Н. В. Некрасов.

Кроме того, именно там Шульгин познакомился с генерал-майором Н. М. Потаповым и статским советником А. А. Якушевым, будущими главными фигурантами контрразведывательной операции «Трест», и доверился им вопреки логике Гражданской войны.

Но все это будет позже, а пока на совещании слышится уверенный голос генерал-лейтенанта

Маниковского, призывающего «умерить алчность капиталистов, ограничить прибыль»^[168].

Генерал Маниковский отбивался изо всех сил. Его пытались сместить, однако достойной замены не было, а после предшествующей «сухомлиновщины» вообще трогать генерала было неразумно. И все же, по выражению соратника Маниковского полковника Е. З. Барсукова, шли «крестовым походом на казенный сундук». Евгений Захарович Барсуков с января 1916-го по февраль 1918 года был начальником Управления полевого инспектора артиллерии при Верховном главнокомандующем и председателем комиссии по организации тяжелой артиллерии особого назначения, затем служил в Красной армии, где дослужился до звания генерал-майора.

Как правило, вырванные заказы исполнялись с опозданием, дороже и с более низким качеством, чем на государственных заводах.

Некоторые члены Особого совещания выступали явными лоббистами, и по предложению Маниковского Особое совещание постановило выдавать аванс подрядчикам только под гарантии банка.

Но это лишь усугубило проблему, допустив владельцев банков к оборонному бюджету, к «быстрым деньгам».

«Отсюда началось, — отмечал Барсуков, — закабаление нашей промышленности банками, которые, выдавая свои гарантии, конечно, не за маленькие проценты, преследовали исключительно свои ростовщические цели, нисколько не считаясь ни с состоянием попавших к ним в сети заводов, ни с интересами обороны... Выгодна была такая система только для дутых предприятий, которые заранее знали, на что шли, и которые изощрялись в подстраивании разных форс-мажоров».

Маниковский отмечал, что российские промышленники «безмерно обогатились в самую черную годину России»; за 3-дюймовый снаряд частным предприятиям переплачивали 5 рублей 49 копеек, а за 6-дюймовый — от 23 до 28 рублей.

Маниковскому вопреки всему удалось наладить военное производство, стали строиться новые заводы, расширяться старые.

И самое интересное, что идейно было поддержано и Шульгиным, 20 октября (2 ноября) 1916 года правительству был направлен доклад ГАУ «Программа строительства новых военных заводов», который фактически представлял собой предложение руководства военной промышленности начать перестройку российской экономики и ограничить претензии буржуазии. Согласно «Программе» сильное ядро государственных заводов должно составлять основу промышленности в военное время, а после войны — быть регулятором цен и лидером научно-технического развития. Частные заводы должны были укрепляться ячейками военных производств под контролем ГАУ.

Шульгин поддержал идею милитаризации крупных заводов и максимального увеличения государственного участия в организации военной промышленности «на основах государственного социализма».

Это означало, что существующий порядок управления требует изменений.

И кто должен был установить новый порядок? Царь, правительство, армия, Прогрессивный блок?

«Программа» ГАУ фактически указывала правительству направление действий по формированию государственно-монополистического порядка: «После войны частная промышленность должна заняться своим прямым делом — работать на великий русский рынок, который до войны заполнялся в значительной степени

зарубежными фабриками... Вот поистине благородная задача для нашей частной промышленности — завоевать свой собственный рынок»^[169].

К 1916 году поставки в действующую армию вооружений и боеприпасов значительно выросли, «войска повеселели».

В книге Маниковского, вышедшей в СССР под редакцией Е. З. Барсукова, содержится такой вывод: «Высшая военная власть, неспособная к самостоятельному руководству трудным и сложным делом боевого снабжения армии, вместо того чтобы во время войны со всей энергией искать выход из создавшегося положения и всемерно поддерживать развитие казенной военной промышленности, тщетно ищет спасения в создании многочисленных многолюдных совещаний и комиссий с участием „народных представителей“ и финансово-промышленных кругов.

В результате высшая военная власть оказывала поддержку представителям русского и иностранного капитала и разного рода аферистам в их алчном стремлении поживиться за счет русского народа, страдавшего от бедствий империалистической войны».

Вероятнее всего, эти слова написаны не им, но проблема была обозначена верно. У генерала было много оснований относиться критически к высшему начальству. И не случайно его связывали близкие отношения с председателем Центрального ВПК Гучковым, который даже назначил Алексея Алексеевича своим помощником по снабжению военного министра Временного правительства, каковым был сам Александр Иванович.

Милюков вспоминал, что у некоторых членов Прогрессивного блока даже была мысль «объявить

Думу Учредительным собранием и передать власть диктатору (генералу Маниковскому)».

И чтобы завершить сюжет о начальнике ГАУ, скажем, чем закончилась его «Программа»: «Тотчас же после февральского переворота гг. промышленники настояли на образовании особой комиссии с преобладанием их для уничтожения казенного строительства, что и было ими успешно выполнено»^[170].

Таким образом, можно сделать вывод, что в области военно-промышленной политики господа российские промышленники действовали не в интересах государства.

Зато будет вполне логичным добавить деятельность начальника ГАУ к другим явлениям 1915 года: Великому отступлению, созданию КЕПС, Прогрессивного блока, ВПК, смене Верховного главнокомандующего. Конечно, скоро последовали и другие события, но мы обозначили фундаментальные.

После создания ВПК биржевые настроения круто пошли в гору. (Не забудем, что, например, в 1910 году иностранные банки в металлургии владели 88 процентами акций, 67 процентов из которых принадлежало парижскому консорциуму трех банков. В паровозостроении 100 процентов акций находилось в собственности французской и германской банковских групп. В судостроении 77 процентов принадлежало французам. В нефтяной промышленности 80 процентов капитала было в собственности групп «Ойл», «Шелл» и «Нобель».)

Если посмотрим на ситуацию с точки зрения тогдашних экономических ожиданий, то увидим радужную картину. «Биржевые котировки в 1915 году стали расти. В начале 1916 года изменилась экономическая ситуация в стране. При подведении итогов деятельности промышленных предприятий за

1915 год оказалось, что подавляющее их большинство не только не находится в расстроенном состоянии, а, наоборот, получило изрядную прибыль и смогло выдать неплохие дивиденды. Наряду с этим на свободном рынке появился избыток денежных средств. Причем довольно значительный.

Свободный капитал, не находивший из-за условий войны иного помещения, устремился в сферу фондовых сделок. Так, буквально в четыре дня в сентябре были раскуплены акции объединенного железнодорожного займа на сумму 350 млн. рублей. Прибыльность некоторых предприятий, выполнявших оборонные заказы, удесятилась. Наибольшим спросом пользовались акции металлургических заводов, нефтяные, транспортные, железнодорожные, банковские. Акции, например, Первого общества подъездных путей в России выросли с конца весны к началу сентября 1915 года с 66 до 130 рублей»^[171].

Однако претензии А. И. Гучкова и его соратников сделать ВПК главным органом мобилизации промышленности были в конце концов отвергнуты правительством из опасения бесконтрольного роста политической влиятельности крупного бизнеса. Вместе с тем, как и в других воюющих странах, российское правительство расширяло государственное регулирование в экономике и этим ограничивало возможности монополий. На предприятиях ВПК были введены военная приемка продукции и контроль военными производственного процесса.

Более того, 1 января 1916 года был принят закон о секвестре. 22 октября того же года Министерство торговли и промышленности получило право контроля за торговлей металлами. 12 декабря царь утвердил решение Совета министров о переводе на государственное управление электрических заводов

«Сименс и Гальске», «Сименс-Шуккерт», «Всеобщей компании электричества».

Для уточнения природы дальнейших событий обратимся к свидетельствам руководителей имперской спецслужбы. В воспоминаниях начальника Петроградского охранного отделения К. И. Глобачева рассказывается (с обвинительным уклоном) о подспудных течениях в ЦВПК, которые выплеснулись на поверхность в конце 1916-го — начале 1917 года.

«Комитет, созданный по мысли Гучкова и его товарища Коновалова и набранный из лиц, принадлежавших главным образом к оппозиционным и противоправительственным партиям, естественно, смотрел на это новое дело как на использование его в чисто политических целях. Комитет являлся, так сказать, той легальной возможностью, где можно было совершенно забронировано вести разрушительную работу для расшатывания государственных устоев... Все служебные заседания носили не деловой характер, а скорее являлись политическими совещаниями и митингами. Агенты Комитета и сам председатель постоянно выезжали на фронт для постепенной подготовки оппозиционного настроения среди командного состава, причем Гучков брал на себя главнокомандующих фронтами и командующих армиями. Он старался приобрести популярность и среди рядового офицерства...

Но необходимо было заручиться и другим, не менее важным элементом в деле подготовки переворота — рабочими. И вот Гучков выступил с предложением ввести в состав Комитета наравне с промышленниками и представителей от рабочих. Это предложение, конечно, Комитетом было принято, ибо в политическом отношении сулило огромные перспективы. Выборные рабочие в Комитете сразу связывали общественность с рабочей массой и давали этой организации поддержку в

том классе населения, который под влиянием агитации наиболее был склонен к противоправительственным выступлениям...

Уже с 1915 г., после первых неудач на войне, Государственная дума, как я уже говорил, стала революционировать страну, а в 1916 г. там образовался определенно революционный центр с молчаливого благословения ее председателя Родзянко. Ежевечерние закрытые заседания небольшой группы с Керенским и Милюковым во главе уже дирижировали настроениями в столице и вместе с сим во всей России. Этот центр опирался на такие мощные уже к тому времени группировки и организации, как <Прогрессивный блок>, <Союз земств и городов> и ЦВПК, а последняя организация связывала революционный центр через рабочую группу с рабочими массами и давала ему возможность проводить в этих массах все свои начинания и директивы»^[172].

Однако генерал Глобачев упрощал положение дел. Если посмотреть на программу партии октябристов, то увидим, что Гучков был монархистом и конституционалистом. В первом параграфе программы говорилось: «Российская империя есть наследственная конституционная монархия, в которой император как носитель верховной власти ограничен постановлениями основных законов»^[173].

Октябристы прямо отвергали идею парламентского строя, считая его неприемлемым как с исторической, так и с политической точки зрения.

При этом внутренние противоречия среди организаторов Прогрессивного блока были очевидны. Так, П. П. Рябушинский считал неприемлемым альянс аграриев и промышленников, на который ставил А. И. Гучков. Он считал, что надо выбирать что-то одно, объединять оба «было бы противоестественным».

Поэтому оценку Глобачева о «заговорщицкой» сущности ВПК и блока надо объяснить наслоением позднейших травм, революциями и эмиграцией.

Подлинный, а не предполагаемый заговор возник позже.

Как признавался Шульгин, Прогрессивный блок избрал парламентскую борьбу вместо баррикад, путь «суда» вместо самосуда: «наша цель была, чтобы массы оставались спокойными, так как за них говорит Дума... Созданием Блока правые „приковали кадет к минимальной программе... так сказать, оторвали их от революционной идеологии, свели дело к пустякам“. Однако это далеко не весь сюжет: „кадеты, с другой стороны, вовлекли нас в борьбу за власть“».

Теперь вопрос стоял очень просто: какая чаша весов перетянет?

Растущее разочарование в правительстве толкало Шульгина, как и других прогрессивных националистов, на все больший уход от своей изначальной задачи и все большее сближение с левой частью Думы. Именно у Шульгина этот процесс, пожалуй, проявился наиболее ярко. О его обличительных речах, которые запрещались цензурой и одобрялись кадетской прессой, уже не раз говорилось в отечественной историографии.

Новый проект декларации Прогрессивного блока, приуроченный к началу пятой сессии, составленный совместно В. В. Шульгиным и П. Н. Милюковым (ранее их союз был немыслим), требовал отставки нового премьер-министра Б. В. Штюрмера.

Для понимания причин перерождения Шульгина надо учесть следующее обстоятельство.

Националисты Юго-Западного края были наиболее сплоченной частью русского дворянства, объединившиеся по западноевропейскому примеру как электоральная сила перед давлением сильной польской группы и сосредоточенно молчавшего крестьянства. Но

в центре империи дворянство по привычке уповало на чиновничий Петербург, не понимая, что времена переменялись, что старая благородная православная Россия-матушка отодвинута в сторону банковско-биржевой энергией новой России.

Дворянство, некогда мощная опора государственного строя, после Столыпинской реформы быстро сходило с исторической сцены. Провалилась попытка съездов объединенного дворянства создать сильную организацию земельных собственников (совместно с крестьянами) по образцу Союза сельских хозяев Германии, чтобы взять в свои руки сбыт сельхозпродукции и оттеснить спекулятивный капитал, отнимающий у аграриев основную прибыль на рынке продовольствия. Если в Германии перед началом Первой мировой войны в союз входило 350 тысяч собственников, то в российский Союз землевладельцев пожелало вступить всего 53 человека. Фактически империя стояла на краю пропасти с небольшими шансами на спасение.

Глава девятнадцатая

Брусиловский прорыв. — Арест Сухомлинова. — Императрица Александра Федоровна как «серый кардинал». — Усиление Распутина. — Заговор патриотов

20 января 1916 года председателем Совета министров вместо Горемыкина был назначен член Государственного совета, бывший псковский губернатор Б. В. Штюрмер. Он происходил из обрусевших немцев, был членом Русского собрания и почетным членом Отечественного патриотического союза.

За его назначением стояла Александра Федоровна. Наступило томительное ожидание.

В феврале 1916 года началась новая сессия Думы. Разрешение о ее начале Николай II объяснял желанием не давать оппозиции новых поводов для недовольства: военная и экономическая обстановка позволяла надеяться, что самые трудные времена уже пройдены. 4 февраля была взята мощная турецкая крепость Эрзерум, 5 апреля еще одна — Трапезунд.

Но здесь власти совершили непростительную ошибку, идя на поводу общественных настроений, — Государственный совет начал следствие по делу бывшего военного министра В. А. Сухомлинова за просчеты в подготовке к войне. Николай II, демонстрируя объективность, в ход следствия не вникал. 20 апреля производивший следствие сенатор Кузьмин постановил арестовать генерала по обвинению в измене, тот был заключен в Петропавловскую крепость.

Это решение логически подтверждало слухи об измене на самом верху. Но если в чем и был виноват Сухомлинов, то в шапкозакидательских настроениях и ошибочном (как и у всех воюющих сторон) убеждении, что война закончится через полгода; а на полгода запасов хватало. Поэтому кроме подпитки слухов в военных кругах, в которых знали реальное положение дел, отказывались понять Верховного главнокомандующего. Как можно во время войны бросать в темницу бывшего военного министра, генерал-адъютанта? Арест Сухомлинова расшатывал устои власти.

Когда Распутину сказали, что произошло с Сухомлиновым, этот далеко не глупый мужик только и произнес: «Малесенько не ладно. Ма-ле-сень-ко».

Действительно, что-то пошло не так.

22 мая началось наступление Юго-Западного фронта в Галиции и на Буковине (Брусиловский прорыв). Это свидетельствовало о новых возможностях армии: было взято в плен 1240 офицеров, свыше 71 тысячи нижних чинов и захвачено 94 орудия, 157 пулеметов, 53 бомбомета и миномета и т. д.

В итоге Германия остановила свое наступление во Франции и перешла к обороне на обоих фронтах.

И тут из Англии пришло сообщение о подрыве на mine направлявшегося в Россию крейсера с английским военным министром Китченером на борту. Фельдмаршал был одним из крупнейших военных руководителей стран Антанты, держал под личным контролем военные поставки в Россию, не стеснялся прямолинейно отстаивать перед русскими интересы своих промышленников.

Его гибель сопровождалась клеветой на Александру Федоровну, будто она дала знать немцам о маршруте английской делегации. Конечно, в это невозможно было поверить, но, увы, многие простаки верили, так как уже

с большим трудом отличали слух об измене Сухомлинова от слухов о тайных кознях царицы-немки.

Управленческие возможности царя были крайне незначительны, он не имел в своем распоряжении даже личного секретаря и со всем колоссальным объемом информации должен был справляться сам.

Во время длительного отсутствия в столице императора в повестке появился вопрос о создании дополнительного канала информации. Естественно, стала возрастать роль императрицы, его самого близкого и самого преданного человека. Война изменила ее жизнь, дала глубокое наполнение ее сильной натуре. Александра Федоровна вместе со старшими дочерьми прошла фельдшерский курс обучения, как медицинская сестра участвовала в хирургических операциях, организовала санитарный поезд. Зимний дворец превратился в военный госпиталь.

С весны 1915 года в ее письмах мужу стали высказываться просьбы и рекомендации политического характера. Император не возражал против этого, даже благодарил за помощь. В одном из писем он фактически благословлял ее на эту работу: «Подумай, женушка моя, не прийти ли тебе на помощь муженьку, когда он отсутствует. Какая жалость, что ты не исполняла этой обязанности давно уже...»^[174]

В сентябре 1915 года, когда в обществе из-за военных неудач и возросшей активности оппозиции созрел раскол по поводу эффективности существующего государственного управления, она написала: «Ты, дружок, слушайся моих слов. Это не моя мудрость, а особый инстинкт, данный мне Богом помимо меня, чтобы помогать тебе... Некоторые сердятся, что я вмешиваюсь в дела, но моя обязанность — тебе помогать. Даже в этом меня осуждают некоторые

министры и общество: они все критикуют, а сами занимаются делами, которые их совсем не касаются. Таков уж бестолковый свет!»^[175]

Ее советы порой опирались на подсказки «божьего человека», который не стеснялся с преувеличениями распространяться о своем влиянии, сея раздражение и даже негодование в правящем слое. Правда, когда она настойчиво просила мужа освободить от призыва в армию единственного сына Распутина, это не возымело желаемого воздействия, молодой человек был призван. Впрочем, на фронт не попал, а оказался в санитарном поезде императрицы, на что решения царя уже не требовалось.

Кому из политически значимых фигур Распутин содействовал в назначениях на должности? Их было всего одиннадцать.

С. П. Белецкий — директор Департамента полиции в 1912-1914 годах, товарищ министра внутренних дел с сентября 1915-го по февраль 1916 года; А. Н. Волжин — с июля 1914 года директор Департамента общих дел МВД, с сентября 1915-го по август 1916 года обер-прокурор Святейшего синода; Н. А. Добровольский — с 20 декабря 1916 года министр юстиции; князь Н. Д. Жевахов — с 15 сентября 1916 года товарищ обер-прокурора Синода; Питирим — экзарх Грузии, архиепископ Самарский, Карталинский и Кахетинский, с 1915 года митрополит Петроградский и Ладужский; А. Д. Протопопов — с сентября 1916 года министр внутренних дел; Н. П. Раев (сын умершего в 1898 году петербургского митрополита Палладия) — с 1916 года обер-прокурор Синода; А. Н. Хвостов — с ноября 1915-го по март 1916 года министр внутренних дел; князь В. Н. Шаховской — с мая 1915 года управляющий Министерством торговли и промышленности; Б. В. Штюрмер — с 20 января по 10 ноября 1916 года

председатель Совета министров и одновременно с 3 марта по 7 июля министр внутренних дел, с 7 июля по 10 ноября министр иностранных дел; В. Н. Орловский-Танаевский — с ноября 1915 года тобольский губернатор^[176].

Но кроме этих одиннадцати надо иметь в виду и мелкие фигуры, в том числе финансистов и предпринимателей.

Осенью 1916 года Николай II все же распорядился перевести Сухомлинова из тюремной камеры под домашний арест, но было уже поздно. Фактически он «сдал» генерала, который пять лет руководил Военным министерством и немало сделал для укрепления обороны, рассчитывая, правда, всего на полгода военных действий^[177]. Кроме того, благодаря делу Сухомлинова осталась необъясненной диспропорция в распределении финансовых средств на вооружения.

«Сдав» Сухомлинова, власть все-таки была вынуждена начать выяснять отношения с крупными монополиями, которые через систему распределения заказов ВПК диктовали цены на свою продукцию, ставя свои интересы выше государственных. Достаточно ярко такое настроение охарактеризовывает нам октябрьская записка (1916 год) Петроградского жандармского управления: «Безудержная вакханалия мародерства и хищений различного рода темных дельцов в разнообразных областях торгово-промышленной и общественно-политической жизни страны, бессистемные и взаимопротиворечивые распоряжения представителей местной администрации, недобросовестность низших агентов власти на местах и, как следствие всего вышеизложенного, неравномерное распределение продуктов питания и предметов первой необходимости, прогрессирующая дороговизна и отсутствие источников и средств

питания у голодающего в настоящее время населения столицы и крупных общественных центров — все это... определенно и категорически указывает на то, что грозный кризис уже назрел и неизбежно должен разразиться в ту или иную сторону».

Записка констатирует, что «экономическое положение массы, несмотря на огромное увеличение заработной платы, более чем ужасно. В то время как заработная плата у массы поднялась всего на 50 % и лишь у некоторых категорий на 100-200 %, цена на все продукты возросла на 100-500 %»^[178].

22 июня 1916 года было принято постановление, которое сводилось к сокращению посреднических функций военно-промышленных комитетов, обязательной публикации информации о деятельности ВПК и отмене существовавшего запрета военной цензуре не допускать в печати критики в адрес ВПК. Был установлен строгий контроль за бюджетами Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов и других организаций по призрению больных и раненых воинов. В это же время Военное министерство (под воздействием Маниковского) увеличило на заводах контроль военной приемки. Власть почувствовала не только политическую, но и экономическую угрозу, исходившую от крупного капитала. Оппозиция назвала действия правительства «государственным социализмом». Так, Министерство путей сообщения планировало помимо казенной добычи угля и нефти расширение собственного транспортного машиностроения и создания собственных металлургических заводов. Некоторые заводы были национализированы. Таким образом, стала осуществляться относящаяся к началу 1914 года идея правительства ввести пятилетние циклы планирования строительства железных дорог, портов, крупных

гидроэлектростанций (Днепровской и Волховской, которые были построены уже в первые советские пятилетки).

Начав борьбу с частными монополиями, руководители обороны и военной промышленности подчеркивали неэффективность и коррумпированность существующего порядка управления. Соответственно, промышленники и банкиры выступали против усиления государственного контроля. Такой же конфликт интересов наблюдался и в других важнейших отраслях экономики, — прежде всего в угледобыче и хлеботорговле.

В марте был уволен военный министр А. А. Поливанов, установивший чересчур дружественные отношения с ВПК и Прогрессивным блоком и порой действовавший самостоятельно вопреки указаниям премьер-министра Штюрмера.

Как свидетельствовал Н. В. Савич, непосредственным поводом для увольнения министра послужило недовольство Николая II — Поливанов рассказал об ошибочном решении царя выдать десятимиллионный кредит некоему изобретателю Богомолу, который предложил фантастический способ сжигать все вооружение противника. Разумеется, Прогрессивный блок увидел в решении царя очередную ошибку.

Весы раскачивались.

Надо было либо отдать формирование правительства в руки Прогрессивного блока, либо вводить военную диктатуру.

15 июня 1916 года начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-адъютант М. В. Алексеев представил Николаю II доклад, который содержал предложение военной диктатуры и перекликался с докладом начальника ГАУ генерала А. А. Маниковского.

«Во избежание надвигающегося кризиса, могущего повлечь за собою непоправимые бедствия для нашей армии и государства, полагалось бы без малейшего промедления принять следующие исключительные меры, обеспечивающие свободу наших боевых операций, имеющих решающее значение.

1. Как на театре военных действий вся власть сосредоточивается у верховного главнокомандующего, так и во всех внутренних областях империи, составляющих в целом глубокий тыл, работающий на действующую армию, власть должна быть объединена в руках одного полномочного лица, которое возможно было бы именовать верховным министром государственной обороны.

Лицу этому, облеченному высоким доверием Вашего Императорского Величества и полнотой чрезвычайной власти, необходимо предоставить: объединять, руководить и направлять единой волей деятельность всех министерств, государственных и общественных учреждений, находящихся вне пределов театра военных действий, с тем чтобы деятельность эта была направлена в полной мере исключительно к служению армии Вашего Величества для полной победы и изгнания неприятеля из пределов России...

Генерал-адъютант Алексеев. 15 июня 1916 г. Царская Ставка»^[179].

Этот доклад означал, что наступают последние времена. Генералы позволили себе вмешаться в управление государством.

Влияние начальника штаба было огромным. Обязанный по должности заниматься делами армии, он, кроме того, вникал в дела министерств, принимал у себя в Ставке министров по вопросам, касающимся армии, и был информирован о всех проблемах в столице. Как заметил протопресвитер Шавельский,

знавший обстановку в Ставке изнутри, «генерал Алексеев должен был быть то дипломатом, то финансистом, то специалистом по морскому делу, по вопросам торговли и промышленности, государственного коннозаводства, земледелия, даже по церковным делам и пр. Только Алексеева могло хватить на всё это».

Но доклад генерала Алексеева об установлении военной диктатуры ни к чему не привел.

В конце мая 1916 года, опираясь на данные Департамента полиции и военной контрразведки о подозрительных в пользу Германии банковских операциях Дмитрия Рубинштейна и некоторых других финансистов (среди них сахарозаводчики Абрам Добрый, Израиль Бабушкин, Иовель Гопнер), М. В. Алексеев получил разрешение Николая II на создание специальной оперативно-следственной комиссии в рамках Северного фронта под началом контрразведчика Генерального штаба генерал-майора Н. С. Батюшина.

В комиссию вошел и военный следователь по особо важным делам при штабе Верховного главнокомандующего В. Г. Орлов. Ранее в составе специально созданной комиссии он вел следствие по делу бывшего военного министра В. А. Сухомлинова, а до этого — жандармского полковника С. Н. Мясоедова.

На Рубинштейне висели подозрения в махинациях по заказам интендантства, «спекулятивных операциях с немецким капиталом», спекуляции хлебом в Поволжье.

Его арестовали по обвинению в государственной измене в начале июля в Петрограде и перевезли в псковскую тюрьму.

Так Псков впервые появился в имперской истории как город, где происходит прямое столкновение позиций генералов и царского двора. Следствие батюшинской комиссии прогремело на весь фронт и

столицу, но мало кто знал, что за ее деятельностью стояла интрига полиции, стремившейся устранить Распутина и его протеже.

Протопресвитер Шавельский тоже обратил особое внимание на ее деятельность:

«В Петрограде, через который я возвращался в Ставку, я услышал гораздо больше: там арест Рубинштейна и, вообще, Рубинштейне-Распутинское дело трактовались на все лады, причем главной мишенью оказывался, конечно, Распутин. Чего только о нем не говорили: рассказывали о его кутежах с разными иноплеменниками, об его кафешантанных оргиях и дебошах, об его посредничестве в разных, касавшихся армии, коммерческих делах, обвиняли его в выдаче военных тайн и пр. В общем, никогда раньше Петроградское общество не проявляло такого внимания к личности Распутина, как теперь.

Раньше армии могла угрожать пропаганда извне, теперь же разлагающая струя направлялась на армию из самого царского дворца, при бессознательном содействии самих же царя и царицы, державшихся за Распутина, как за какой-то талисман, в котором будто бы заключалось всё их спасение»^[180].

Дело было закончено по настоянию императрицы. Рубинштейн был освобожден из-под ареста под поручительство, но следствие не было закрыто, и после убийства Распутина его снова арестовали. Накануне Февраля Рубинштейн административным распоряжением был под конвоем выслан из Петрограда в Сибирь.

Можно утверждать, что вслед за нерезультативностью доклада Алексеева действия батюшинской комиссии ни к чему не привели.

С. Мельгунов пришел к выводу, что Николаю II во время войны мешало решительно бороться с

«общественностью» глубокое «патриотическое чувство». Поэтому решение царя по делу сахарозаводчиков Доброго, Цехановского, Гепнера и других было таким либеральным: «Дело... прекратить... пусть... усердною работою на пользу родины они искупят свою вину, если таковая за ними была».

Однако, как утверждал генерал П. Г. Курлов, деятельность батюшинской комиссии «являлась формой белого террора» и дезорганизовывала государственное управление^[181].

Существует много версий нерешительного поведения императора в последний год перед катастрофой. Одна из них была высказана капитаном де Малейси из французской военной миссии в Петрограде в докладе Второму бюро французского Генерального штаба: «В оправдание императора надо сказать, что почти четыре месяца воля его была парализована наркотическими препаратами, которые ему ежедневно давал личный врач, подкупленный для этого совместно прусскою и проанглийскою партиями. Перемена оказалась столь разительной, что даже взгляд государя изменился, свидетельствуя о состоянии полной подавленности, усталости и безразличия ко всему»^[182].

Едва ли данная версия правдива, другие источники ее опровергают, объясняя ее природу слухами, идущими из окружения великих князей.

Вообще натура последнего императора была загадочной. Эта загадка будет всегда оставаться неразрешимой, если мы оставим в стороне его глубокую религиозность и мистицизм, доходивший до фатализма.

Поэтому приведем совершенно иную версию. Она опирается на теорию Арнольда Тойнби «Вызов — Ответ»: «Если следовать логике, то при совершенстве божественной вселенной Дьявол не может находиться за ее пределами; между тем, если Дьявол существует,

совершенство, которое он намерен нарушить, заведомо неполно вследствие самого факта существования Дьявола. Это логическое противоречие, которое не может быть разрешено логическими средствами, интуитивно трансцендируется воображением поэта и пророка, прославляющих всемогущество Бога. При этом считается само собой разумеющимся, что работа Бога имеет два существенных ограничения.

Первое ограничение заключается в том, что в совершенстве того, что Он уже сотворил, Он не оставил места для дальнейшей творческой деятельности.

Второе ограничение божественной силы сводится к тому, что, когда предоставляется возможность нового творения, Бог не может не принять ее. Когда Дьявол бросает Богу вызов, Бог не может отклонить его. „Живи опасно“ — идеал Заратустры у Ницше, для Бога — необходимость... Если одна из Божьих тварей искушается Дьяволом, у Бога открывается возможность создать новое творение»^[183].

На мистицизм императора указывали многие, причем как на источник слабости.

Существует еще одно объяснение, касающееся не столько последнего русского императора, а вообще философских оснований православной империи.

У Константина Леонтьева читаем: «Есть в обществе, благодаря известному складу школьного обучения, благодаря известному характеру легкого чтения и т. п., привычка недолго думая чувствовать симпатию к иным историческим явлениям и почти отвращение к другим. Так, например, и школа, и стихи, и множество статей и романов приучили всех нас с ранних лет с содроганием восторга читать о Марафоне, Саламине и Платее и, отдавая все сочувствие наше эллинским республиканцам, смотреть на персов почти с ненавистью и презрением.

Я помню, как я сам, прочтя случайно (и у кого же? — у Герцена!) о том, как во время бури персидские вельможи бросались сами в море, чтобы облегчить корабль и спасти Ксеркса, как они поочередно подходили к царю и склонялись перед ним, прежде чем кинуться за борт... Я помню, как, прочтя это, я задумался и сказал себе в первый раз (а сколько раз приходилось с детства и до зрелого возраста вспоминать о классической греко-персидской борьбе!): „Герцен справедливо зовет это персидскими Фермопилами. Это страшнее и гораздо величавее Фермопил! Это доказывает силу идеи, силу убеждения большую, чем у самих сподвижников Леонида; ибо гораздо легче положить свою голову в пылу битвы, чем обдуманно и холодно, без всякого принуждения, решаться на самоубийство из-за религиозно-государственной идеи!“»^[184].

Леонтьев противопоставляет два идеала, один из которых на протяжении веков (как наследие Византии) укоренялся в российских умах. Это идеал жертвенного служения государству, который постоянно поддерживался православной церковью. Он стал резкой чертой народной психологии, воспроизводясь через множество культурных каналов, свидетельство чему находим в великих произведениях Александра Пушкина, Николая Гоголя, Льва Толстого, Федора Достоевского и бесчисленных семейных преданиях. Одна из особенностей русской психологии — это готовность к жертвам во имя высших целей. Николай Александрович Романов в этом смысле был сверхрусским человеком и мерил по себе своих подданных.

В «Своде основных государственных законов Российской империи» в главе 1 «О существе Верховной Самодержавной Власти» говорилось: «Императору

Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная Власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает».

Тут ни убавить ни прибавить.

Летом 1917 года, то есть уже после отречения, генерал Алексеев в одном письме писал о царе, что тот был неискренен, ему не хватало «силы ума», его «добродетель вырождается в слабость», «лишен и характера, и настоящего темперамента», «душевные силы охотно устремлялись на мелкое... Любил лесть, помнил зло и обиды».

Эти слова человека, которого император называл другом, во многом характеризуют самого Алексеева.

Впрочем, генерал Алексеев был далеко не так однозначен, как может показаться. Находясь на самом верху военной иерархии и не принадлежа к иерархии политической, он смотрел на многие вещи непредвзято. В генеральском сообществе он не был одинок. Здесь нам пригодится мысль генерал-лейтенанта Н. Н. Головина, выдающегося военного теоретика, в годы войны начальника штаба 7-й армии: «Ни правительство, ни народные массы не были подготовлены к современным сложным формам управления. Представители первого привыкли только приказывать, считая даже, что всякие излишние рассуждения только подрывают авторитет власти; вторые — вследствие своей малой культурности не были способны подняться выше интересов „своей колокольни“ и осознать интересы широкого государственного значения»^[185].

Генералы типа Алексеева не входили ни в одну, ни в другую группу. Они принадлежали к таким деятелям, как Шульгин и Гучков.

Не случайно в переписке Гучкова с Алексеевым мы читаем откровенные оценки (из письма А. И. Гучкова от

15 августа 1916 года): «Ведь в тылу идет полный развал, ведь область гниет на корню. Ведь как ни хорошо теперь на фронте, но гниющий тыл грозит еще раз, как было год тому назад, затянуть и Ваш доблестный фронт и Вашу талантливую стратегию, да и всю страну в то невылазное болото, из которого мы когда-то выкарабкались со смертельной опасностью...

Мы в тылу бессильны или почти бессильны бороться с этим злом. Наши способы борьбы обоюдоострые и при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализовать. Я уже не говорю, что нас ждет после войны — надвигается потоп, а жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встретить этот катаклизм мерами, которыми ограждают себя от проливного дождя: надевают галоши и раскрывают зонтик...» ^[186]

22 февраля 1916 года отличился Московский ВПК. На пленарном заседании рабочий Черногородцев выступил «от имени рабочих» с радикальными требованиями: Государственной думе следовало «... решительно стать на путь борьбы за власть и добиваться создания правительства, опирающегося на организованные силы всего народа». В конце февраля в Петрограде состоялся Всероссийский съезд представителей военно-промышленных комитетов, и председатель Рабочей группы Гвоздев огласил декларацию о необходимости мира «без аннексий и контрибуций», о том, что для России единственный выход — «правительство, поставленное народом и ответственное перед народом».

Генерал Спиридович заключил: «Так в недрах Военно-Промышленных Комитетов работали рука об руку на государственный переворот представители

рабочих и буржуазии. Пока им было по пути. Все это мне с горечью докладывали в Охранном Отделении, показывали документы. Начальник Отделения генерал Глобачев был хорошо осведомлен, что делается по подготовке революции. Но он был бессилен, так как на верхах министерства слишком были поглощены личными интригами и, в сущности, не понимали того процесса, который происходил в недрах общества, в его разных классах».

В марте 1916 года на съезде Всероссийского городского союза Милюков выражал уверенность, что существует реальная возможность формирования «министерства доверия».

Прошло лето. Ничего не происходило.

Милюков и Шульгин сформулировали директиву Прогрессивного блока с требованием отставки премьер-министра Штюрмера и назначения «правительства доверия».

16 сентября 1916 года произошло событие, которое в ряду других особо не выделялось, но вскоре возымело печальное последствие. А. Д. Протопопов, заместитель председателя Государственной думы, октябрист, крупный землевладелец и предводитель дворянства Симбирской губернии, был назначен управляющим Министерством внутренних дел. Кроме того, он был членом Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом и председателем Совета съездов представителей металлургической промышленности.

Его назначению содействовал Распутин, его поддержала и Александра Федоровна. Император предполагал, что Протопопов сможет уменьшить враждебность большинства Думы в отношении правительства.

Но все вышло не так, как хотели. Большинство депутатов и в особенности Прогрессивный блок увидели

в Протопопове перевертыша, предателя и врага. Тот был обескуражен, ибо ожидал совсем другого.

Но это еще полбеды, в главном новый руководитель всей системы государственной безопасности оказался совсем не тем, кого в нем хотел видеть Николай II.

По словам начальника Петроградского охранного отделения К. И. Глобачева, «Протопопов в управлении Министерством внутренних дел не имел ни служебного опыта, ни административного стажа, ни способностей и не хотел даже чему-нибудь научиться... Протопопов был предоставлен самому себе, не имея хороших ответственных помощников и советчиков. Неудивительно поэтому, что при том сумбуре, который был в голове Протопопова, он делал промах за промахом в отношении Государственной думы и ее председателя Родзянко.

С первых дней вступления Протопопова в управление министерством началась травля его со стороны Государственной думы, а вместе с ним и всего правительства, и сразу стало ясно, что пребывание в составе правительства Протопопова и одновременное существование Государственной думы немыслимо и поведет в будущем к большим осложнениям. А может быть, и к катастрофе»^[187].

Ему отказывались подавать руку, всячески третировали, объявив сумасшедшим. Вызывали злобные насмешки даже такие мелочи, как генеральский мундир действительного статского советника Протопопова, генеральская шинель с красной подкладкой и погоны гражданского чиновника.

Милюков назвал его «типом русского дворянина эпохи „оскудения“», своеобразной смесью «старомодного джентльменства» и беспокойного искательства у властей предрежащих.

С назначением Протопопова министром многим стало понятно, что влияние Александры Федоровны увеличивается: через него и Штюмерера она обретала новые возможности оказывать давление на мужа. Соответственно и некоторые другие министры стали это учитывать и советовались с ней. Она превращалась в «серого кардинала», и в ее окружении не случайно возникла историческая параллель с Екатериной Великой.

Император в силу частого отсутствия одобрительно смотрел на помощь с ее стороны, у него не было более преданного и бескорыстного помощника.

Но, с другой стороны, никто не учитывал усиливающихся слухов о «германофильстве» ее окружения, которому якобы были подвержены Распутин, Штюмерер и она сама. Этим слухам верили и в посольствах союзников, что вскоре привело к организации убийства Распутина.

В воспоминаниях британского посла Дж. Бьюкенена есть эпизод его посещения 18 октября Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве, где он вручил царю Большой рыцарский крест ордена Бани. Посол предложил царю принять идею японцев — в обмен на северную часть острова Сахалин они могли направить на германский фронт японский воинский контингент.

«Император сразу же сказал, что это абсолютно исключено, и он не может уступить ни пяди русской земли. Я осмелился напомнить его величеству знаменитое высказывание Генриха IV: „Париж стоит мессы“, — но безрезультатно»^[188].

Насколько царь был раздражен, видно из того, что на завтрак в присутствии Бьюкенена он не надел знаков ордена Бани «и не произнес, как это принято в таких случаях, тост за здоровье короля».

Следующая встреча царя и посла произошла на обеде в честь покидающего Россию японского посла виконта Мотоно. Бьюкенен считал возможным заговорить о внутреннем положении России.

«В дальнейшей беседе я указал на распространившееся по всей стране глубокое недовольство, вызванное нехваткой продовольствия, и беспорядки, уже имевшие место в Петрограде...

Я выразил надежду, что власти не будут прибегать к репрессивным мерам, поскольку недовольство вызвано сознанием того, что в такой богатой природными ресурсами стране, как Россия, трудящиеся не могут получить предметов первой необходимости из-за некомпетентности администрации. Я также не мог скрыть от его величества того, что, по донесениям наших консулов, крестьянство, всегда считавшее своего императора непогрешимым, утрачивает веру в него и что самодержавие лишается опоры из-за недобросовестности его министров»^[189].

Посол явно превысил свои полномочия, что объясняется сильной озабоченностью Лондона состоянием дел его главного военного союзника на континенте.

Бьюкенен видел опасность в огромной активности императрицы. «Ее величеством, к несчастью, владела мысль, что ее предназначение — спасти Россию. Она верила — и, как последующие события показали, не слишком сильно заблуждалась, — что самодержавие — единственный режим, способный противостоять распаду империи. Император, она это знала, был слаб, и поэтому она призывала его проявить твердость. Она постоянно внушала ему, что он должен быть самодержцем не только по имени, но и на деле.

Желая помочь ему и хотя бы отчасти облегчить тяжесть двойной роли Верховного главнокомандующего

и самодержца, она взяла на себя активное участие в управлении страной и, выступая за „деспотическое правление“, искренне верила, что действует в интересах России. Она была настолько одержима идеей, что нельзя допускать ослабления самодержавия, что противилась любым уступкам и одновременно с этим убеждала императора основывать свой выбор министров в большей степени на их политических убеждениях, чем на деловых способностях»^[190].

27 октября царь вместе с сыном Алексеем выехал в Киев, где жила императрица-мать Мария Федоровна. Там он оказался в окружении близких родственников, которые с большой тревогой воспринимали новую роль Александры Федоровны. К тому же генерал Алексеев считал необходимым передать через великих князей Георгия Михайловича и Александра Михайловича свою просьбу матери царя, чтобы она убедила сына уволить Штюмера.

Мысль о приближении решающего часа охватывала широкие круги.

Однако в сентябре 1916 года великий князь Николай Михайлович, дядя Николая II, был настроен еще вполне оптимистично и, планируя международную конференцию победителей, предлагал царю включить в состав российской делегации («межведомственной комиссии по дипломатическим отношениям с союзниками») несколько человек, в том числе В. В. Шульгина^[191].

Но уже 1 ноября великий князь Николай Михайлович встретился с царем, откровенно поговорил с ним и передал свое письмо: «Ты неоднократно выражал твою волю „довести войну до победоносного конца“. Уверен ли ты, что при настоящих тыловых условиях это исполнимо? Осведомлен ли ты о внутреннем положении

не только внутри империи, но и на окраинах (Сибирь, Туркестан, Кавказ)? Говорят ли тебе всю правду или многое скрывают? Где кроется корень зла?..

Ты находишься накануне эры новых волнений, скажу больше — накануне эры покушений. Поверь мне: если я так напирал на твое собственное освобождение от создавшихся оков, то я это делаю не из личных побуждений, которых у меня нет...

Неоднократно ты мне сказывал, что тебе некому верить, что тебя обманывают. Если это так, то же явление должно повторяться и с твоей супругой, горячо тебя любящей, но заблуждающейся благодаря злостному, сплошному обману окружающей ее среды. Ты веришь Александре Федоровне. Оно и понятно. Но что исходит из ее уст — есть результат ловкой подтасовки, а не действительной правды. Если ты не властен отстранить от нее это влияние, то, по крайней мере, огради тебя от постоянных, систематических вмешательств этих нашептываний через любимую тобой супругу...

Если бы тебе удалось устранить это постоянное вторгательство во все дела темных сил, сразу началось бы возрождение России и вернулось бы утраченное тобой доверие громадного большинства твоих подданных... Ты находишься накануне эры новых волнений, скажу больше — накануне эры покушений»^[192].

Письмо содержало не только обвинение в адрес императрицы, но и утверждение об утрате доверия большинства подданных.

Что же произошло?

Произошел явный перелом в настроениях верхов. Генералитет, руководство военной промышленностью, ВПК, большинство депутатов Думы, родственники

императора, послы стран-союзниц — все требовали изменения в управлении страной.

Царь показал письмо великого князя Николая Михайловича Александре Федоровне, она была возмущена и ответила так: «Я прочла письмо Николая с полным отвращением. Если бы ты его остановил в середине его разговора и сказал ему, что если он хотя бы раз еще коснется этого предмета или меня, ты его сошлешь в Сибирь — так как это выходит почти государственная измена. Он всегда меня ненавидел и дурно обо мне отзывался уже 22 года, и в клубе также (этот самый разговор у меня с ним был в этом году), но во время войны и в такую пору ползти за твоей мамашей и твоими сестрами и не встать отважно на защиту жены своего императора (все равно, согласен он со мной или нет) — это отвратительно, это измена»^[193].

Не будем обращать внимания на упреки в адрес великого князя, обратим внимание на выпад императрицы в адрес матери царя и его сестер. О чем это свидетельствует? Да, для Романовых Александра Федоровна стала чужой.

Она настаивала на высылке великого князя Николая Михайловича в его имение Грушевку под Киевом, но пока безуспешно.

О письме великого князя Николая Михайловича царю Шульгин узнал от самого автора письма. Великий князь пригласил его и депутата Государственной думы Николая Николаевича Львова (член Прогрессивного блока, соучредитель партии прогрессистов, близкий знакомый Шульгина) в свой дворец на Дворцовой набережной. «Он усадил нас с Николаем Николаевичем и заговорил:

— Я просил вас, господа, приехать, потому что хочу ознакомить с одним документом... Возвратившись из

Киева, я испросил высочайшую аудиенцию. Император немедленно принял меня. Так как я лучше пишу, чем говорю, то я испросил Его Величество разрешить прочитать ему свое письмо. Сейчас я прочту его вам.

Он развернул лист и начал читать...

Я, конечно, не помню дословно текст этого письма, вспоминаю лишь его общий смысл. Великий князь Николай Михайлович побывал в Киеве, где встречался со вдовствующей императрицей. Она крайне озабочена и просила поговорить с императором. Революция надвигается, и престол находится в опасности. Николай Михайлович пытался раскрыть правду своему царственному племяннику, показав, что среда, окружающая императрицу, пагубно влияет на политику империи. Далее он сказал, что всем слоям общества известна та сила, которая играет роковую роль в государстве, имея в виду Распутина. При таком положении дел трудно надеяться на успешный исход войны для России.

— Когда я кончил читать, — продолжал великий князь, — Государь сказал: „Странно, я только что был в Киеве и никогда, кажется, меня так тепло не встречали, как в этот раз“. Я ответил ему: „Это быть может потому, что ты был с наследником без Александры Федоровны“.

Это замечание великого князя соответствовало тексту письма, где намекалось, что императрицу не любят. Не помню, говорили ли мы в тот день еще о чем-либо, но вскоре, поблагодарив великого князя, мы откланялись и уехали» ^[194].

Почему дядя царя пригласил депутатов, наш герой не объясняет. Думается, это случилось для того, чтобы через них передать оппозиции данную информацию.

К тому же авторитет Шульгина, первого заместителя председателя думской Военно-морской комиссии, был весьма высок. Так, в докладе этой

комиссии императору, подписанном Шульгиным, говорилось примерно то же, что и в частном письме Гучкова генералу Алексееву, только в другой тональности и с приведением многих тревожных фактов: «Мы узнали, что от всего этого, от всех этих бед и настроений заколебался самый дух войск и дух народный. Видя нерадение, непредусмотрительность, отсутствие порядка, войска стали утрачивать доверие к своим начальникам»^[195].

В записках генерала Спиридовича есть сведения, что в октябре 1916 года в Петрограде была встреча, в которой участвовали П. Н. Милюков, М. М. Федоров, А. И. Гучков, М. И. Терещенко, С. И. Шидловский «и еще несколько человек».

Скорее всего, в число этих «нескольких» не мог не входить и член бюро Прогрессивного блока Шульгин.

Обсуждали проблему власти. «Было решено, что Император Николай II не может более царствовать. Необходимо добиться его отречения. Почти все высказались, что отречение должно быть „добровольным“. Престол должен перейти к законному наследнику Алексею Николаевичу, а по его малолетству, надо учредить регентский совет во главе с Вел. Кн. Михаилом Александровичем».

У Гучкова к тому времени уже был собственный план. После Февраля, давая показания Чрезвычайной следственной комиссии, он сообщил: «План заключался в том (я только имен не буду называть), чтобы захватить по дороге между Ставкой и Царским Селом императорский поезд, вынудить отречение, затем, при посредстве воинских частей, одновременно, на которых здесь, в Петрограде можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собою правительство»^[196].

Генерал Спиридович уточнял: «Если бы Государь не отрекся, его убили бы. Так было решено».

Как отреагировали власти на сообщение спецслужб об этом?

Реакция была удивительной.

«Между тем один из видных общественных деятелей счел своим патриотическим долгом предупредить о задуманном перевороте Дворцового коменданта Воейкова. Он приехал в Могилев и осветил положение дел Воейкову доверительно секретно и довольно подробно. Генерал Воейков был настолько серьезно встревожен всем услышанным, что в тот же вечер отправился с докладом к Государю и доложил о привезенных из Москвы сведениях. Куря папиросу, Государь долго и спокойно слушал Воейкова, а затем вдруг перевел разговор на хозяйственные вопросы... Так был пропущен первый, едва ли не самый важный момент по предупреждению задуманного нашими либералами государственного переворота во время войны. Государь был большой фаталист и еще более патриот. По своей глубочайшей моральной честности он не мог поверить, не мог себе представить, чтобы русские серьезные политические деятели пошли бы на заговор, на государственный переворот во время войны. Такое легкомыслие, такое преступление против родины просто не укладывалось в уме Государя. Позже, после революции, на мой заданный генералу Воейкову вопрос о том, предупреждал ли его тогда Протопопов о задуманном перевороте, Воейков писал мне: „Официального доклада о задуманном перевороте, о составлении списков Временного Правительства от министерства Внутренних дел, насколько мне помнится, я не получил. Сведения об этом доходили до меня разными путями. Протопопов при каждом со мной разговоре клялся, что в моих сведениях нет ничего серьезного, и чтобы я не беспокоился, так как, в случае

чего-либо подобного, первый, кто будет знать обо всем от него, буду я“»^[197].

Председатель правой группы в Государственном совете И. Г. Щегловитов по этому поводу ядовито заметил: «Паралитики власти слабо, нерешительно, как-то нехотя борются с эпилептиками революции».

Говоря о подготовке заговора, надо вспомнить и о российских масонах. В Государственной думе была так называемая Думская ложа, в которую входили депутаты, сыгравшие выдающуюся роль в Февральской революции. Это будущие члены Временного правительства А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов, А. И. Коновалов, а также будущие члены Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов М. И. Скобелев, Н. С. Чхеидзе, А. И. Чхенкели. Среди кадетов были члены ложи «Великий Восток народов России» — А. И. Шингарев, В. А. Маклаков, Ф. А. Головин, Ф. Ф. Кокошкин и др.

Милюков не был масоном и был против их стратегии, направленной на насильственное свержение самодержавия.

«Что же касается самой политической атмосферы той поры, то о грядущем перевороте говорили, уже не таясь. Как-то в 1916 году известный масон А. В. Оболенский разговорился со своим знакомым из евреев — служащим Сибирского торгового банка, и тот взял да и рассказал ему о подготовке в Петербурге заговора против царя. Так случилось, что, оказавшись вскоре у лидера октябристов А. И. Гучкова, А. В. Оболенский решил проверить у него справедливость услышанного. „Удивленный подробностями, — пишет он, — моего рассказа, особенно о дне восстания, Гучков вдруг начал меня посвящать во все детали заговора и называть его

главных участников... Я понял, что попал в самое гнездо заговора. Председатель Думы Родзянко, Гучков и Алексеев были во главе его. Принимали участие в нем и другие лица, как генерал Рузский и даже знал о нем А. А. Столыпин (брат Петра Аркадьевича).

...Англия была вместе с заговорщиками. Английский посол сэр Бьюкенен принимал участие в этом движении, многие совещания проходили у него“.

Однако главную ставку масонские заговорщики делали все же на армию. „Незадолго до Февральской революции, — отмечал Н. В. Некрасов в своих показаниях в НКВД СССР от 13 июля 1939 года, — начались и росли связи с военными кругами. Была нащупана группа оппозиционных царскому правительству генералов и офицеров, сплотившихся вокруг А. И. Гучкова (Крымов, Маниковский и ряд других) — и с нею завязалась организационная связь“. Готовилась и специальная группа в селе Медведь, где стояли запасные воинские части. Она-то, судя по всему, должна была сыграть решающую роль в аресте царя.

Что касается нащупанной масонами группы оппозиционных царскому правительству генералов и офицеров, то не приходится сомневаться, что речь здесь идет о вовлечении их в уже упоминавшуюся нами Военную ложу. „Есть упоминания о создании в Петрограде Военной ложи с участием А. И. Гучкова, В. И. Гурко, А. А. Половцева и еще человек десяти высокопоставленных военных чинов“, — отмечает историк О. Ф. Соловьев. Среди этих „человек десяти“ высокопоставленных чинов, тайно посвященных через А. И. Гучкова в масонство, можно отметить уже упоминавшихся нами ранее М. В. Алексеева, Н. В. Рузского, А. М. Крымова, В. В. Теплова»^[198].

Глава двадцатая

Прогрессивный блок начинает штурм. — Новый премьер-министр нейтрализован императрицей. — Расклад сил в атакующей группе. — Масоны против монархии. — Убийство Распутина. — Романовский клан против Николая II

1 ноября 1916 года был дан «штурмовой сигнал» к атаке на правительство и императрицу. На пленарном заседании Государственной думы прозвучало несколько забойных речей, которые взорвали российское общество. Их произнесли три человека, среди которых был и наш герой.

Влиятельность этих депутатов была бесспорной. В воспоминаниях А. Ф. Керенского о них говорится так: «Руководимый П. Н. Милюковым, С. И. Шидловским и В. В. Шульгиным Блок (Прогрессивный) надеялся убедить царя...»^[199]

Но, видно, время убеждений закончилось.

Первым начал Сергей Илиодорович Шидловский, депутат от Воронежской губернии, крупный землевладелец, председатель бюро Прогрессивного блока: «От группы прогрессивных националистов, группы центра, фракции земцев-октябристов, фракций Союза 17 октября и фракции Народной свободы имею честь сделать следующее заявление...

К великому прискорбию, мы должны признать, что деятельность правительства за истекший год создала серьезные препятствия успешному ходу борьбы. Еще год назад большинство Государственной Думы говорило о бессилии правительства, не опирающегося на доверие народа, и о признаках, грозящих потрясением

народного хозяйства вследствие неумелых и беспорядочных распоряжений разъединенной власти. Указания эти ни к чему не привели. Занятия Государственной Думы дважды прерывались, и народные представители были лишены возможности принять участие в предотвращении предвиденных ими опасностей...

Недоверие к власти сменилось чувством, близким к негодованию...

Ныне мы вновь поднимаем свой голос уже не для того, чтобы предупредить о грозящей опасности, а для того, чтобы сказать, что правительство в настоящем своем составе неспособно с этой опасностью справиться»^[200].

После Шидловского добавил огня А. Ф. Керенский: «...я не могу отсюда не сказать мое глубочайшее убеждение, что все жертвы все попытки спасти страну бесплодны, пока власть находится в руках безответственных лиц, ставящих свои личные интересы, ставящие свои традиционные симпатии выше интересов и прав нации.

...вы должны уничтожить власть тех, кто не осознает своего долга. Они (*указывает на места правительства*) должны уйти, они являются предателями интересов страны»^[201].

Но самый сильный удар нанес П. Н. Милюков: «... Когда с большей настойчивостью Дума напоминает, что надо организовать тыл для успешной работы, а власть продолжает твердить, что организовать страну — значит организовать революцию, и сознательно предпочитает хаос и дезорганизацию. Что это: глупость или измена?

...Но все частные причины сводятся к этой одной общей: к злонамеренности и неспособности данного состава правительства. Это наше главное зло, победа

над которым будет равносильна выигрышу всей кампании»^[202].

Эффект милюковской речи можно сравнить с цунами. Генерал Спиридович писал: «Делая вид, что у него имеются какие-то документы, Милюков резко нападал на правительство и особенно на премьера Штюрмера, оперируя выдержками из немецких газет. Он упоминал имена Протопопова, митрополита Питирима, Манасевича-Мануйлова и Распутина и назвал их придворной партией, благодаря победе которой и был назначен Штюрмер и которая группируется „вокруг молодой царицы“.

Милюков заявлял, что от английского посла Бьюкенена он выслушал „...тяжеловесное обвинение против того же круга лиц в желании подготовить путь к сепаратному миру“.

Перечисляя ошибки правительства, Милюков спрашивал неоднократно аудиторию: „Глупость это или измена“ и сам, в конце концов, ответил: „Нет, господа, воля ваша, уже слишком много глупости. Как будто трудно объяснить все это только глупостью“. Дума рукоплескала оратору. Со стороны правых неслись крики — „клеветник, клеветник“, председатель не остановил оратора, а сам оратор на выкрики протестующих правых ответил: „Я не чувствителен к выражениям Замысловского“. Произнося свою речь, Милюков, конечно, понимал, чего стоят во время войны утверждения немецкой газеты, на которую он ссылался. Он знал, что никаких данных об измене кого-либо из упоминавшихся им лиц не было.

Он клеветал намеренно. И эта клевета с быстротой молнии облетела всю Россию и имела колоссальный успех. Вычеркнутые из официального отчета слова Милюкова были восстановлены в нелегальных изданиях

его речи. Листки с полной речью распространялись повсюду»^[203].

На эту речь Милюкова пришло в Думу ободряющее письмо из Москвы: «Торгово-промышленная Москва заявляет Государственной Думе, что она душой и сердцем с нею». Оно было подписано представителями Биржевого комитета, Купеческой управы, комитетов — Хлебной биржи, Мясной биржи и Биржи пищевых продуктов.

Шульгин по поводу речи коллеги высказался довольно откровенно. Факты «измены», предъявленные Милюковым, он назвал не очень убедительными: «Чувствуется, что Штюмер окружен какими-то подозрительными личностями, но не более. Но разве дело в этом? Дело в том, что Штюмер маленький, ничтожный человек, а Россия ведет мировую войну. Дело в том, что все державы мобилизовали свои лучшие силы, а у нас „святочный дед“ премьером. Вот где ужас... И вот отчего страна в бешенстве.

И кому охота, кому это нужно доводить людей до исступления?! что это, нарочно, наконец, делается?!»^[204]

Впоследствии, уже в эмиграции, Милюков оправдывался: «Я говорил о слухах об „измене“, о действиях правительства, возбуждающих общественное негодование, причем в каждом случае предоставлял слушателям решить „глупость“ или „измена“. Аудитория решительно поддержала своим одобрением второе толкование — даже там, где я сам не был в нем вполне уверен. Эти места в моей речи особенно запомнились и широко распространялись не только в русской, но и в иностранной печати. Но наиболее сильное, центральное место речи я замаскировал цитатой „Neue Freie Presse“. Там упомянуто было имя императрицы в связи с именами окружавшей ее

камарильи. Это спасло речь от ферулы председателя, не понявшего немецкого текста, — но, конечно, было немедленно расшифровано слушателями. Впечатление получилось, как будто прорван был наполненный гноем пузырь и выставлено на показ коренное зло, известное всем, но ожидавшее публичного обличения. Штюрмер, на которого я направил личное обвинение, пытался поднять в Совете министров вопрос о санкциях против меня, но сочувствия не встретил. Ему было предоставлено начать иск о клевете, от чего он благоразумно воздержался. Не добился он и перерыва занятий Думы. В ближайшем заседании нападение продолжалось.

В. В. Шульгин произнес ядовитую и яркую речь — и сделал практические выводы. Осторожнее, но достаточно ясно поддержал меня В. А. Маклаков. Наши речи были запрещены для печати, но это только усилило их резонанс. В миллионах экземпляров они были размножены на машинках министерств и штабов — и разлетелись по всей стране. За моей речью установилась репутация штурмового сигнала к революции.

Я этого не хотел, но громадным мультипликатором полученного впечатления явилось распространенное в стране настроение. А показателем впечатления, полученного правительством, был тот неожиданный факт, что Штюрмер был немедленно уволен в отставку. 10 ноября на его место был назначен А. Ф. Трепов, и сессия прервана до 19-го, чтобы дать возможность новому премьеру осмотреться и приготовить свое выступление»^[205].

Здесь надо вспомнить знаменитую фразу Милюкова, произнесенную еще в 1905 году. Это цитата из древнеримской поэмы «Энеиды»: «Если небесных богов не склоню — Ахеронт я подвигну» (VII, 312).

Этим он образно объяснил союз кадетской партии с террористами: Ахеронт — река скорби, символ адских сил.

Думским выступлением Милюкова адские силы были вызваны снова.

А. И. Гучков потом говорил: «Он потряс основы, но не думал свалить их, а думал повлиять. Он думал, что это прежде всего потрясет мораль там, наверху, и там осознают, что необходима смена людей. Борьба шла не за режим, а за исполнительную власть. Я убежден, что какая-нибудь комбинация с Кривошеиным, Игнатьевым, Сазоновым вполне удовлетворила бы. Я мало участвовал в этих прениях, не возражал, а только сказал одну фразу, которая послужила исходной нитью для некоторых дальнейших шагов и событий: мне кажется, мы ошибаемся, господа, когда предполагаем, что какие-то одни силы выполнят революционное действие, а какие-то другие силы будут призваны для создания новой власти. Я боюсь, что те, которые будут делать революцию, те станут во главе этой революции. Вот эта фраза, которая не означала призыва присоединиться к революции, а только указывала, что из этих двух возможностей, о которых мы говорили (возможность, так сказать, катастрофы власти под влиянием революционного напора, призыва государственных элементов), я видел только вторую. Я был убежден, что, если свалится власть, улица и будет управлять, тогда произойдет провал власти, России, фронта» ^[206].

Мысль Гучкова была подхвачена: надо делать ставку на революцию и возглавить ее.

А вот и речь Шульгина 3 ноября:

«...И если мы сейчас выступаем совершенно прямо и открыто с резким осуждением этой власти, если мы поднимаем против нее знамя борьбы, то это только

потому, что действительно мы дошли до предела, потому, что произошли такие вещи, которые дальше переносить невозможно.

...мне так кажется, что когда мы боремся здесь, то там, далеко, там, на фронте, офицеры более уверенно ведут в атаку свои роты, ибо они знают, что здесь Государственная Дума борется с зловещей тенью, которая налегла на Россию. Мне кажется, гг., что уполномоченные и земство будут увереннее закупать и везти тот хлеб, который нам так необходим, зная, что здесь не просыплется этот хлеб в щель между двумя министерствами, которые ведут между собой отчаянную борьбу. Мне кажется, что рабочие, те рабочие, в руках которых наполовину судьба России, они будут спокойнее и увереннее стоять у своих станков, зная, что Государственная Дума исполняет свой долг...

Гг., как мы можем бороться? Мы можем бороться только одним пока, мы можем бороться тем, что говорить правду, как она есть»^[207].

Из Думы сигнал быстро дошел до фронта. Генерал Деникин, либерал, внук крепостного крестьянина, дослужившегося до чина майора, вспоминал:

«Между тем борьба Государственной Думы (Прогрессивного блока) с правительством, находившая несомненно сочувствие у Алексеева и у командного состава, принимала все более резкие формы. Запрещенный для печати отчет о заседании 1-го ноября 1916-го г. с историческими речами Шульгина, Милюкова и др. в рукописном виде распространен был повсеместно в армии. Настроение настолько созрело, что подобные рукописи не таились уже под спудом, а читались и резко обсуждались в офицерских собраниях»^[208].

Значит, генералы уже были настроены на «прогрессивную» волну.

В книгах Шульгина по понятным причинам мы не найдем никаких подробностей тех событий: он явно не хотел показывать свое прямое участие в подрыве государственных устоев. Но что было, то было.

Итак, все сценарии будущего были предъявлены: раскол политической верхушки, развал армии, протесты рабочих, сепаратизм национальных окраин, диктатура.

На заседании 4 ноября 1916 года военный министр генерал Шуваев (это он сказал о себе: «Я, может быть, и дурак, но не изменник») безуспешно старался раскрыть глаза депутатам на положительные результаты работы военного ведомства:

«Я возьму только цифры: 1 января 1915 года за единицу, затем я скажу во сколько раз производство увеличилось к 1 января 1916 г. и в настоящее время. Трехдюймовые орудия: 1 января 1915 г. — единица; 1 января 1916 г. — в 3,8 раза и в августе 1916 г. — в 8 раз... 48-линейные гаубицы: это орудие сложное, гг., и трудно приготавливаемое, но и оно в в январе месяце 1916 г. удвоилось, а в августе почти учетверилось сравнительно с январем 1915 г. Снаряды: 42-линейные в январе 1916 г. увеличились в 6 с половиной раз, в августе 1916 г. — в 7 с половиной раз...

Гг., враг сломлен и надломлен, он не справится. Я еще раз говорю: каждый день приближает нас к победе и каждый день приближает его, напротив, к поражению» ^[209].

Генерала Шуваева предпочли не услышать.

Спустя несколько дней после речи Милюкова, 4 ноября, священник Константин Околович, член думской фракции правых, сторонник Н. Е. Маркова, буквально разгромил существующие торгово-экономические порядки: «Сама собой напрашивается мысль, что кто-то

взял всю нашу торговлю, мясную, хлебную и молочную в свои руки и руководит повышением и понижением цен. Есть какой-то вампир, который овладел всей Россией. Своими отвратительными губами он прилип к сердцу ее народно-хозяйственного организма; в своих клещах он крепко держит голову, мешает работать мысли. Имя этому чудовищу — банки... Печать отмечала, что за годы войны банки стали собственниками многих заводов. Банковские операции с сахаром представляют собой явление того же порядка, как и торговые сделки с мясом, хлебом, овсом и многими другими продуктами».

Далее священник Околович привел несколько примеров спекуляций банком продуктами питания и, в частности, сказал: «Все, от низшего до высшего, кричат о дороговизне и показывают кулак в кармане, а настоящей борьбы с нею не ведут, как будто бы кто-то запрещает, как будто есть какая-то неведомая сила, которая мешает приступить к борьбе с дороговизной». И привел для примера высказывание некоего генерала, который предложил свой рецепт: повесить на железнодорожной платформе одного начальника станции, одного купца и одного банкира и «пустить это трио» по всем железным дорогам^[210].

Генерал Спиридович вспоминал, что после думских речей «все читали об измене, о подготовке сепаратного мира и верили». В этот час власти надо было проявлять силу, а не молчать. Министр внутренних дел, бывший заместитель председателя Государственной думы, А. Д. Протопопов, назначенный на должность по рекомендации Распутина и вызывавший у депутатов почти животное отвращение, храбрился и заявлял, что держит ситуацию под контролем и что «скрутит революцию». По словам генерала Спиридовича,

«министр Протопопов просто не понял этого первого удара революции».

Безнаказанность — вот как можно было определить последствия милюковского «штурмового призыва».

И вот произошло то, чего никто не ожидал. В Государственной думе на Николая II возвысили голос даже националисты, что недавно было бы немыслимо.

19 ноября Пуришкевич «...умолял министров пасть на колени перед Государем и просить его прогнать Распутина. Если бы эту речь произнес представитель оппозиционной и революционной группы, она не произвела бы впечатления. Влияние „темных сил“, в центре которых фигурировало имя Распутина, было излюбленной темой всякого рода резолюций и речей оппозиционных элементов того времени. Но теперь громко, на всю Россию, с кафедры Думы раздался страстный призыв, грозные предостерегающие слова из уст одного из лидеров крайне правого главы черносотенного „Союза Михаила Архангела“. Эта речь утверждала веру в правильность того, что говорили до того оппозиционеры, подводила фундамент под речь Милюкова — „глупость или измена“»^[211].

Однако Пуришкевич не ограничился Распутиным, от него досталось дворцовому коменданту Воейкову, который якобы получил от Министерства путей сообщения миллион рублей на постройку ветки в свое имение, где добывалась минеральная вода «Кувака». На самом деле этого не было, что вскоре и доказали, но к Воейкову прилипло прозвище «генерал от кувакерии». Выпад Пуришкевича был мстью: предшественник Воейкова, генерал Дедюлин, ежегодно выделял Пуришкевичу на партийные дела субсидию в 15 тысяч рублей, а Воейков отменил финансирование.

А между тем все с большей определенностью на первый план выходила идея государственного

переворота.

Генерал Спиридович подчеркивал, что «... наступление на правительство началось с осени, после возвращения из заграничной депутации Государственной Думы и Государственного Совета», в которой был и Милюков. Стали широко распространяться слухи, что «Царица по своим симпатиям чистейшая немка и работает на Вильгельма. Клеветали, что с целью подчинения Государя влиянию Царицы его опаивают каким-то дурманом, что расслабляет ум и волю Государя. Клеветали, что Распутин состоит в интимных отношениях с Царицей...».

(Делегация Думы, в составе которой был Милюков, встречалась в Лондоне с британскими руководителями, включая короля.)

А. Ф. Керенский на общем собрании присяжных поверенных Петрограда в пылу полемики заявил, что «...революция может удался только сейчас, во время войны, когда народ вооружен, и момент может быть упущен навсегда».

«Капитал стремился к власти. Победа русской армии ему была страшна, так как она лишь бы укрепила самодержавие, против которого они боролись, правда, тайно, лицемерно»^[212].

Ответом властей на думскую атаку было назначение 10 ноября 1916 года нового премьер-министра, им стал министр путей сообщения А. Ф. Трепов. Принимая должность, он убеждал царя сместить Протопопова, на что получил согласие. Однако вмешалась Александра Федоровна, и Протопопов усидел на своем месте.

Неловкая попытка Трепова подкупить Распутина ежемесячными выплатами по 150-200 тысяч рублей, чтобы тот не вмешивался в действия правительства, и

вовсе закончилась скандалом. Трепов в глазах императора утратил авторитет.

Английский посол с удивлением воспринял разыгравшуюся в Думе сцену появления перед депутатами нового председателя правительства. Особенно свирепствовали левые, в том числе А. Ф. Керенский, М. И. Скобелев и Н. С. Чхеидзе — их пришлось удалить из зала. «Даже реакционный Государственный совет заговорил почти тем же языком, что и Дума, протестуя против закулисных влияний в высших сферах. Те же ноты прозвучали на съезде Дворянского собрания — одного из самых консервативных российских учреждений, и вместе с тем повсюду уже были слышны голоса, осуждающие стоящие за тронем темные силы, которые по своей воле назначают и увольняют министров. Если не принимать во внимание экстремистов, Россия была снова едина, но если в начале войны она сплотилась вокруг императора, то теперь между ним и его народом возник непреодолимый барьер»^[213].

В ноябре 1916 года Николаю II было передано письмо, которое впоследствии было названо «Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова». В письме содержались рекомендации по предотвращению революции. Среди его авторов называют как самого Римского-Корсакова, так и белгородского помещика, члена Государственного совета М. Я. Говорухо-Отрока.

Александр Александрович Римский-Корсаков был правым, членом Государственного совета, председателем Комитета монархических организаций по устройству празднования трехсотлетия Дома Романовых, одним из основателей Российского общества попечения о беженцах православного вероисповедания.

В январе 1917 года при участии Говорухо-Отрока была составлена и передана императору Николаю II еще одна «Записка», рекомендовавшая совершить переворот в духе 3 июня 1907 года, изменить закон о Государственной думе и выборах в нее и ввести в стране военное положение.

Если учитывать совершившийся в феврале того же года государственный переворот и отречение от престола императора, то оба документа можно считать зеркалом правомонархического общественного мнения, которое, что не вызывает сомнений, было отвергнуто самим монархом.

При описании обстановки в стране подчеркивалось вступление Думы «на явно революционный путь» «при поддержке так называемых общественных организаций» «в сторону государственного, а, весьма вероятно, и династического переворота».

Предлагалось: назначить на высшие государственные посты абсолютно надежных людей, «способных решительно и без колебаний на борьбу с наступающим мятежом и анархией»; «Государственная Дума должна быть немедленно распущена»; «...в обеих столицах, а равно в больших городах, где возможно ожидать особенно острых выступлений революционной толпы, должно быть тотчас же фактически введено военное положение (а если нужно, то и осадное) со всеми его последствиями до полевых судов включительно»; военные части в этих городах «должны быть заблаговременно снабжены пулеметами и соответствующей артиллерией»; «закрыты все органы левой и революционной печати и приняты все меры к усилению правых газет»; всем ответственным руководителям должно быть предоставлено право отстранения от должности неблагонадежных лиц, «кои оказались бы участниками антиправительственных выступлений либо проявили в сем отношении слабость

или растерянность»; «вся военная промышленность должна быть милитаризована»; в главные комитеты союзов земств и городов и их подразделения, «...отделы, а равно во все Военно-промышленные комитеты и во все содержимые сими учреждениями заведения, мастерские, лазареты, поезда и проч. должны быть назначены в тылу правительственные комиссары, а на фронт коменданты из эвакуированных офицеров для наблюдения за расходом отпускаемых казною сумм и для совершенного пресечения революционной пропаганды»; из Государственного совета должны быть удалены все участники «так называемого Прогрессивного блока».

Эту «Записку» передал царю вскоре назначенный премьером князь Голицын.

Реакции на нее не последовало. Но если учесть, что абсолютно все содержащиеся в ней рекомендации с только обратным знаком проявились в Феврале, то спокойствие и добродушие царского окружения потрясает.

К «Записке» следовало пояснение. В нем не без иронии говорилось, что надо срочно действовать в указанном направлении «...либо положиться на Волю Божию и спокойно ожидать государственной катастрофы».

Прогноз был прямо-таки ужасающий.

Если будет дарована конституция и «ответственное правительство», то авторитетные политические партии (кадеты, октябристы, прогрессивные националисты) будут быстро сметены радикалами.

Кадеты оценивались очень низко.

«Записка» прямо била и по Шульгину. Причем с явным перехлестом.

«Возможно ли назвать политической партией этих людей, сегодня довольных начальством и прошедших в Думу по правым спискам за счет правых партий, а

завтра огорченных увольнением князя Щербатова и тотчас забывших, кто они именно такие... Явные и наиболее яркие антисемиты Юго-Западного края, прошедшие голосами и грошами низов, ненавидящие евреев вплоть до погромов, с непоколебимой уверенностью в легальности своей позиции, как народных избранников, подписывают программу Прогрессивного блока, где одним из пунктов стоит еврейское равноправие».

О печальной судьбе настоящих правых в империи.

«Сбылось то, чего надо было ожидать: в условиях политической борьбы они оказались разбитыми, рассеянными и не признанными той самой властью, которая только на них одних могла опираться».

Окончательный вывод был ужасен: после объявления конституции в новой Думе большинство будет принадлежать радикалам как наиболее сильным организационно и идейно.

«Затем выступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии, погромы имущественных классов и, наконец, мужик-разбойник.

Можно бы идти в этих предсказаниях и дальше и после совершенной анархии и поголовной резни увидеть на горизонте будущей России восстановление Самодержавной Царской, но уже мужичьей власти в лице нового Царя, будь то Пугачев или Стенька Разин, но, понятно, что такие перспективы уже заслоняются предвидением вражеского нашествия и раздела между соседями самого Государства Российского, коему уготована была судьба Галиции или Хорватской Руси».

А в общем-то так и вышло: сначала анархия и поголовная резня (революция), Брестский мир, расцвет сепаратизма, потом диктатура (новый царь).

«Поэтому все надежды на то, что с объявлением действительной русской конституции все успокоится, кажутся столь же наивными, как наивно и утверждение,

что Бог даст, и так все само собой образуется как-нибудь»^[214].

Неизвестно, что думал император, когда прочитал обе «Записки». Наверное, он сочувствовал высказанным предложениям и выводам?

Не мог не сочувствовать.

В донесении капитана де Малейси из французской военной миссии в Петрограде по поводу взаимоотношений в треугольнике Дума — правительство — император говорилось:

«Революция была предрешена, когда председатель совета министров Трепов в третий раз вручил царю прошение об отставке и довел до сведения Думы его мотивы. Он уже давно предупреждал монарха о кризисе в случае отказа удовлетворить следующие справедливые требования.

Предоставление главе правительства права свободного избрания собственных сотрудников, ответственных не только перед одним императором, но и перед Думой.

Дарование свобод, испрашиваемых земствами и Думой.

Отказ от единоличного правления и составление либеральной конституции.

После многих колебаний монарх нехотя согласился с мнением председателя Совета министров и поручил ему подготовить сообщение для оглашения в Думе. Когда же тот представил написанные в духе либерализма и терпимости различные акты, то натолкнулся на категорический отказ. И тут председатель вручил третье прошение об отставке, используя предварительно все средства убедить императора изменить негативное мнение, раскрыв перед его величеством губительные последствия подобной

позиции для династии Романовых и внутреннего мира в России. Но тем манипулировала по своему желанию камарилья, повиновавшаяся намерениям царицы, и он остался непреклонным.

Глава правительства изложил Думе мотивы отставки, и с этого момента, повторю, было принято решение о революции. Она началась в желаемое время и с учетом прочих обстоятельств»^[215].

Милюков несколько иначе передает обстановку тех дней. Поскольку думская сессия была прервана до 19 ноября, чтобы Трепов смог приготовить свое выступление, Земский союз решил созвать свой съезд «явочным порядком», как в 1905 году, не ставя в известность Министерство внутренних дел. «Кн. Львов приготовил для открытия съезда речь, которая совершенно порывала с прежними „деловыми“ традициями союза.

„То, что мы хотели 15 месяцев тому назад с глазу на глаз сказать вождю русского народа, — констатировал Львов (речь идет о непринятой царем депутации), — что мы говорили в ту пору шепотом на ухо, стало теперь общим криком всего народа и перешло уже на улицу“. Но „нужно ли называть имена тайных волхвов и кудесников нашего государственного управления и... останавливаться на чувствах негодования, презрения, ненависти?“ „Когда власть стала совершенно чуждой интересам народа... надо принимать ответственность на самих себя“. „Остается только воззвать к... Государственной Думе, законно представляющей весь народ русский, и мы взываем к ней... не расходитесь!“ „Оставьте дальнейшие попытки наладить совместную работу с настоящей властью; они обречены на неуспех, они только отделяют нас от цели. Не предавайтесь иллюзиям, отвернитесь от призраков! Власти нет!“

„Стране нужен монарх, охраняемый ответственным перед страной и Думой правительством“.

Речь эта не была произнесена — ввиду ожидавшегося закрытия съезда полицией. Но ее заменила соответствующая по резкости резолюция, принятая единогласно присутствовавшими 59 представителями от 22 губерний, в обстановке, действительно напоминавшей 1905 год. Собрание разделилось на две части. Главноуполномоченный кн. Львов остался в помещении, куда проникла полиция. Пока она составляла протокол о закрытии, часть членов перешла в другое помещение, под председательством товарища уполномоченного молодого Д. М. Щепкина — и приняла резолюцию.

Дума немедленно реагировала на происшедшее в Москве 9-11 декабря. 13-16 декабря мы поставили на очередь запрос об отношении правительства к общественным организациям и, вопреки попытке Протопопова закрыть заседание, произнесли речи определенного содержания. В частности, я говорил, что раз борьба переходит в явочную форму, которая не считается с законом, то этим самым восстанавливается единый фронт борьбы, существовавший до Манифеста 17 октября. До этого момента левые старались отделить себя от Блока. Теперь перед нами общие задачи и единый враг. Разница только в том, что размеры борьбы — иные, нежели в 1905 году.

А закончить речь мне пришлось намеком, смысл которого был понят на следующий день. Я говорил, что воздух наполнен электричеством и что неизвестно, куда падет удар. Я знал, куда он падет»^[216].

Также был запрещен в Москве съезд Городского союза, собравшийся для обсуждения продовольственного вопроса.

Милюков в своем выступлении в Думе процитировал резолюцию губернских земств: «Когда власть становится преградой на пути к победе, ответственность за судьбу родины должна принять вся страна на себя, начиная с ее законных представителей»^[217].

А. И. Коновалов продолжил тему: «Разве, гг., в Москве не произошел на днях новый акт трагедии русской жизни? Власть, опираясь на голую силу, не стыдясь обнаружить перед страной все убожество своего морального авторитета, чуть не со штыками разгоняет городских и земских деятелей, съехавшихся со всей России, готовых своим трудом, своей бескорыстной работой, в патриотическом рвении исполнить свой долг патриотов и граждан перед армией и страной. Этот акт глумления над общественными силами России в момент величайшей борьбы дает нам новое свидетельство о полной отчужденности власти от народа, о полной к нему враждебности и ставит перед нами во весь рост грандиозную проблему власти»^[218].

Говоря о наполненном электричеством воздухе, Милюков уже знал, что готовится покушение на Распутина. Об этом его предупредил В. А. Маклаков, сам замешанный в подготовке убийства. Пуришкевич предложил Маклакову участвовать, тот отказался, но дал коллеге кистень, разбойничье оружие ударно-дробящего действия.

В ночь с 16 на 17 ноября 1916 года Распутин был убит Феликсом Юсуповым (женат на племяннице императора), Пуришкевичем, великим князем, племянником царя Дмитрием Павловичем и английским разведчиком Освальдом Рейнером в доме Феликса Юсупова. Об участии британца тогда никто не знал, это стало известно только в 2004 году: именно он произвел

контрольный выстрел в лоб Распутина из своего револьвера.

Н. В. Савич писал, что после известия об убийстве «город три дня ликовал». «Сознание, что спасение в применении силы и только силы, стало почти всеобщим, оно проникло вплоть до верхов армии»^[219].

У Шульгина есть описание четы Юсуповых: «Дочь Александра Михайловича поразила меня своей внешностью. Она была очень красива, но какой-то мрачной красотой, нечто вроде Архангела Смерти. А руки у нее были такие тонкие, что я получил впечатление, позднее высказанное моим сыном Лялей одной смолянке: „Диночка, как вы можете жить с такими ручками?“

Юсупов также произвел впечатление чего-то хрупкого, позволю себе сказать, вырождающегося цыпленка. Никак не совмещалось у меня в мозгу то, что этот человек убивал Распутина»^[220].

Кстати, Пуришкевич сообщил Шульгину, уезжавшему в Киев: «Шестнадцатого мы его убьем». Василий Витальевич попытался доказать, что убийство ни к чему хорошему не приведет. И не убедил.

Участие английской разведки в устранении Распутина объяснялось тем, что посол Джордж Бьюкенен был убежден в германофильстве Александры Федоровны и ее стремлении заключить сепаратный мир с Германией.

Единственным реальным противовесом «темным силам» он видел Прогрессивный блок, Земгор, «передовую общественность».

Генерал Спиридович писал, что резидент британской разведки полковник С. Хор «...признается, что Пуришкевич, придя к нему, сообщил ему лично, что они убьют Распутина. Было бы интересно знать, кого же из русских властей предупредил тогда полковник Хор о

подготавливаемом уби́йстве, когда получил о том заявление в официальном учреждении при Русском генеральном штабе. А если он никого не предупредил, то как надо рассматривать подобный его поступок?

Правда, после русской катастрофы сэр Самуель Хоар написал: „Я понял позже, что было бы предпочтительнее, чтобы убийство Распутина никогда бы не имело места“ („Пари Суар“. 1936)»^[221].

После убийства Распутина в Петрограде стали активно распространяться слухи о готовящемся военном перевороте. Великий князь Михаил Александрович, родной брат царя, в разговоре с председателем Думы М. В. Родзянко сказал: «Вся семья сознает, насколько вредна Александра Федоровна. Брата и ее окружают только изменники»^[222].

Теперь уже ни у кого не было сомнений в том, что даже монархисты и императорская семья выступают против существующего режима.

Французская разведка тоже отслеживала положение в Петрограде. Капитан де Малейси отметил: «Лидером искусно и давно подготовленного заговора был Гучков, поддержанный Техническими комитетами (ВПК) при содействии вел. кн. Николая Николаевича, охотно согласившегося на проникновение таких организаций в армию для ее снабжения. Менее открыто, но эффективно действовал ген. Алексеев по договоренности с большинством генералов, в том числе с Рузским и Брусиловым, не говоря о других, также предоставивших этим комитетам возможность проведения необходимой пропаганды в частях под их командованием. Алексеев уже давно контактировал с Гучковым, втайне содействуя всем своим авторитетом в армии ходу последующих событий. К тому же революция была осуществлена не самими революционерами, а монархистами, желавшими лишь

отречения самодержца с установлением либеральной опеки при одном из великих князей в качестве регента»^[223].

Впоследствии Милюков уже без энтузиазма оценивал происшедшее, говоря, что «подвиг Феликса и Дмитрия Павловича в сообществе с Пуришкевичем» не мог ничего изменить и теперь следовало ждать повторения такой же «операции» над дворянами.

Милюков открыто признал, что тогда Прогрессивный блок уже предвидел, что при перевороте «так или иначе Николай II будет устранен от престола» и власть должна перейти цесаревичу Алексею при регентстве великого князя Михаила Александровича.

Приехавший с фронта генерал А. М. Крымов говорил членам Прогрессивного блока, что в армии «все с радостью будут приветствовать известия о перевороте».

В организации переворота принимали участие несколько разных групп. Согласно рапорту начальника Петроградского охранного отделения Департаменту полиции МВД, существовали два революционных заговора. Первый находился в Москве, его состав был чисто буржуазным, объединяющимся вокруг Земского союза и Союза городов (Земгора) и ВПК. Это были князь Г. Е. Львов, М. В. Челноков, А. И. Коновалов, П. П. Рябушинский и депутат Думы, член Прогрессивного блока, инженер-путеец, представитель Всероссийского профсоюза железнодорожников (Викжель) А. А. Бубликов.

Второй заговор составляли социалисты — А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелев. Оба центра были взаимосвязаны, первый действовал в верхах общества и армии и финансировал вторую организацию, а социалисты работали в казармах и на заводах. «Получая деньги от первого, они формально

принимали его директивы, но они решили быть самостоятельными и захватить власть при удаче переворота в свою пользу»^[224].

Но этими двумя центрами дело не ограничивалось. Связь между оппозиционерами проходила через масонские ложи, в которых к 1917 году состояло 300–350 человек.

Руководили русским политическим масонством пять человек: Н. В. Некрасов (связь с либеральной оппозицией), А. Ф. Керенский (связь с социалистами), М. И. Терещенко (работа с военными), А. И. Коновалов и И. Н. Ефремов (торгово-промышленные круги).

«Проводниками масонского влияния в России накануне революции были: Религиозно-философское общество во главе с А. А. Каменской, Русское антропософское общество (председатель Е. В. Васильева), Лига прав человека (председатель Яков Рубинштейн), Общество сближения между Россией и Америкой во главе с Н. А. Бородиным и другие организации либерального и пацифистского толка. Наряду с творческой и научной интеллигенцией (З. Н. Гиппиус, Марк Алданов, Д. С. Мережковский, Б. В. Савинков, В. И. Немирович-Данченко, М. Волошин, академики В. И. Вернадский, С. Ф. Ольденбург, профессора Д. Д. Гримм, Е. В. Аничков, П. Б. Струве, С. П. Костычев, М. А. Таубе, А. В. Карташев, П. Е. Щеголев) широко были представлены в русском масонстве и торгово-промышленные круги: А. И. Гучков, Павел Бурышкин, А. И. Коновалов, М. И. Терещенко, Павел Штейнгель, Степан Морозов, Абрам Животовский, Карл Ярошинский, Алексей Путилов, П. П. Рябушинский и другие.

Практически полностью в масонских руках накануне революции находились и общественные структуры русской буржуазии: Земский и Городской союзы,

объединившиеся в организацию — Союз земств и городов (Земгор) во главе с Г. Е. Львовым. Формально организация эта занималась налаживанием производства обмундирования, амуниции, медикаментов и теплых вещей для фронта. Фактически же она стала играть роль одного из центров оппозиции власти. Особенно сильным было масонское влияние в Военно-промышленном комитете, занимавшемся распределением военных заказов среди предприятий России. Ведущую роль в комитете играли А. И. Коновалов, П. П. Рябушинский, С. Н. Третьяков, М. И. Терещенко. Председателем Центрального военно-промышленного комитета (июль 1915) был избран А. И. Гучков, сразу же взявший курс на превращение его в центр политической оппозиции царской власти. „Итак, — справедливо отмечает Н. Н. Берберова, — кадры были готовы. В обеих столицах думцы, профессора, дипломаты, члены Военно-промышленного комитета, члены Земского и Городского союзов, адвокаты, военные, общественники созывали друг друга: их день наставал“»^[225].

Однако А. Ф. Керенский в своих мемуарах «Россия на историческом повороте» доказывает, что влияние масонов сильно преувеличена, отрицает наличие руководящей масонской «тройки» (Керенский, Некрасов. Терещенко) во Временном правительстве и не называет никаких имен.

У Милюкова по этому поводу есть вполне откровенное объяснение, почему он не вступил в «братство». Он дорожил «своей свободой» и не собирался «подчиняться решениям неизвестного мне коллектива». Не называя масонов масонами, он назвал тройку будущих руководителей Временного правительства — А. Ф. Керенского, Н. В. Некрасова и

М. И. Терещенко — близкими «к конспиративным кружкам, готовившим революцию»^[226].

И словно разводя руками, признавался, что ему все же «пришлось считаться с готовыми решениями», принимавшимися за его спиной, ибо «против целого течения» ему было не устоять.

Когда же «течение» вынудило великого князя Михаила Александровича вслед за братом отречься от царского престола, Милюков, надо полагать, ощутил неформальную силу этой организации.

Шульгин не входил ни в масонское братство, ни в число заговорщиков. Он вспоминал, что ему было предложено участвовать в заговоре, он отказался, сказав, что предпочитает оставаться «на корабле». Скорее всего, предлагал Гучков, целью которого были смена императора и конституционная монархия. Керенский же как антимонархист едва ли мог обращаться к нашему герою.

Правда, здесь важнее другое — Шульгин знал о заговоре и ничего не делал для его предотвращения. Нельзя считать серьезным противодействием его риторические вопросы к коллегам о степени их подготовленности к государственному управлению. Разумеется, такими вопросами никого нельзя было вразумить.

В 1930-е годы А. С. Гучков признался о своих тесных контактах с генералом М. В. Алексеевым: «Он был настолько осведомлен, что делался косвенным участником»^[227].

А пока Дума продолжала дискуссии о внутреннем положении, которое все заметнее ухудшалось — наступил продовольственный кризис.

2 декабря эту тему продолжил депутат М. П. Дмитриев, член Прогрессивного блока, крупный

землевладелец (Херсонская губерния): «...Говорили о тракторах, сложных машинах, но забыли то, что для этих тракторов нет ни людей, нет ни угля, нет нефти, а о простой веялке, о простой косе забыли, и получилось то, что ни за какие деньги в деревне нельзя было достать ни простой веялки, ни простой косы, ни простого плуга... Прибавьте, гг., к этой картине полное отсутствие в деревне таких предметов первой необходимости, как керосин, уголь, железо, сахар, одежда, и вы увидите ту непроглядную тьму, которая окутала деревню, которая обессиливает ее, которая заставляет мало-мальски способного человека бежать без оглядки в город, бросая на произвол судьбы свои поля и нивы. К этому прибавьте, гг., деятельность уполномоченных то по хлебу, то по скоту, то по углю, то по перевозкам, все реквизирующих, всем распоряжающихся — и не только продукты сельского хозяйства, но и то, гг., как керосин и уголь, — уполномоченных, девиз которых, гг., тащи и не пущай. И все стройное здание удручающего положения в деревне завершается тем, гг., что государство Российское оказалось поделенным на удельные владения, где царствует и распоряжается главноуполномоченный, то особоуполномоченный, то просто уполномоченный, издавая одно другого нелепее распоряжения, обязательные постановления, циркуляры. Создаются новые внутренние границы, заставы, таможни, вследствие этого являются новые внутренние враги контрабандисты, которых ловят и сажают за то, что они перевезут несколько фунтов хлеба из владения одного сатрапа во владение другого. Одним словом, нарушились все условия нормальной сельскохозяйственной жизни... Короче говоря, воцарился полный хаос на земле русской» ^[228].

16 декабря 1916 года, говоря о постановлениях прошедших в Москве съездов Земского союза и Союза городов, Милюков заявил: «...Гг., свершилось то, чего мы хотели и к чему стремились: страна признала нас своими вождями»^[229].

Милюкова поддержал Коновалов, потом Керенский добавил: «Вы, гг., до сих пор под словом „революция“ понимаете какие-то действия антигосударственные, разрушающие государство, когда вся мировая история говорит, что революция была методом и единичным средством спасения государства. Это есть напряженнейший момент борьбы с правительством, губящим страну»^[230].

После рождественского перерыва 14 февраля Дума продолжила свою работу. Обсуждали продовольственную проблему, которая обострилась из-за введения государственного регулирования зернового рынка (чтобы пресечь спекуляцию). К тому же дорогое зерно было непосильной тяготой для государственного бюджета. В результате проблема не имела решения. Разве что установление диктатуры.

Министр земледелия Риттих: «Но введенные твердые цены оказались к этому времени несколько ниже рыночных. Последствия — по общему голосу тех земских деятелей, которых я видел и с которыми говорил (число их очень большое), по общему их голосу, — последствия этого были прямо замечательны в этой местности по своей быстроте: зерно совершенно исчезло с рынка, даже то, которое было привезено, — его повернули крестьяне назад, и подвоз на базары, на рынки сократился до крайности и вскоре совершенно прекратился»^[231].

Керенский: «Поняли ли вы, что исторической задачей русского народа в настоящий момент является уничтожение средневекового режима немедленно, во

что бы то ни стало, героическими личными жертвами тех людей, которые это исповедуют и которые этого хотят?.. С нарушителями закона есть только один путь — физического их устранения»^[232].

С. В. Левашев, доктор медицины, бывший ректор Новороссийского (Одесского) университета, председатель Общества русских врачей, член СРН: «... министр земледелия сообщил вам важнейшие данные относительно продовольствия страны и войска, указал на важные препятствия, которые правительство встречает в таком страшно важном деле, как продовольствие армии, а Дума постановила отложить обсуждение этого заявления и перейти к общеполитическим речам. Вот, гг., ваша тактика»^[233].

Однако хлеб в стране имелся в достаточном количестве, были задержки с его транспортировкой по железным дорогам. Даже накануне революционных выступлений в столице 21 февраля 1917 года правительство приняло обязательство продать Англии и Франции 25 миллионов пудов пшеницы, и, как указывалось в протоколе, «...с возможностью увеличения поставок в зависимости от условий рынка и перевозочных средств»^[234].

Общий настрой поддержал В. В. Шульгин: «Во-первых, надо, чтобы во главе власти был не кн. Голицын, а человек типа Ллойд Джорджа, железный человек, который, когда он забирает через министра внутренних дел хлеб у населения, заставил бы во что бы то ни стало министра промышленности дать этому сельскому населению все то, в чем оно нуждается, — железо, кожу, удобрение, инструменты и т. д., человек, который за горло бы схватил министра путей сообщения, который остановил бы ему транспорт из-за того, что каких-то контрактов с копиями не заключено, человек, который бы с военными властями спорил бы до

судорог по вопросу о правильном распределении живой силы в стране, человек, который, наконец, отдал бы под суд того министра внутренних дел, который в самую трудную минуту позволяет себе до такой степени возмутительно раздражать рабочее население, как это сделано в последнее время. Гг., у такого первого министра должен был бы быть и соответствующий аппарат на местах из очень хорошей бюрократии, как правительственный, так и земский. Вот каковы условия, при которых, я думаю, военный социализм мог бы иметь некоторый шанс на успех. Гг., из этой огромной задачи что же в наших русских условиях было осуществлено? Только одна мера была осуществлена — введение твердых цен на хлеб, в то время как твердые цены на все предметы, которые входят как составные в производство этого хлеба, не были введены. Таким образом, гора нашего военного социализма родила мышь. И даже не мышь, а зловредную хлебную крысу, которая очень портит и даже в корне испортила хлебное дело»^[235].

Предвидел ли Василий Витальевич появление реального «железного человека», трудно сказать. Но ведь пройдет всего пять безумных лет, и не «железный», а «стальной человек» станет генеральным секретарем ЦК Российской коммунистической партии большевиков.

Следствие по поводу убийства Григория Распутина быстро установило личности преступников и поставило императорскую семью перед трудным выбором. Из перлюстрированной переписки и телеграмм полиция выяснила, что многие люди из высшего общества поддерживали убийц, и среди них — сестра императрицы великая княгиня Елизавета Федоровна, вдова убитого эсерами великого князя Сергея Александровича. В ее

телеграмме одному из участников преступления говорилось:

«Москва. 18 декабря 9 ч. 38 м. Великому Князю ДИМИТРИЮ ПАВЛОВИЧУ. Петроград. — Только что вернулась вчера поздно вечером, проведя неделю в Сарове и Дивееве, молясь за вас всех дорогих. Прошу дать мне письмом подробности событий. Да укрепит Бог Феликса после патриотического акта, им исполненного. Елла».

В телеграмме матери Феликса Юсупова она писала, что «...все мои глубокие и горячие молитвы окружают вас всех за патриотический акт вашего дорогого сына». Сама же княгиня Юсупова написала сыну: «...можно было все спасти, требуя удаления управляющего на все время войны и невмешательства Валиде в государственные вопросы. И теперь я повторяю, что пока эти два вопроса не будут ликвидированы, ничего не выйдет мирным путем, скажи это дяде Мише, от меня».

«Управляющий» — это император, «Валида» — императрица.

Жена председателя Государственной думы М. В. Родзянко высказалась с оскорбительной откровенностью, что все важнейшие решения — «в руках сумасшедшей немки» и ее окружения.

Создавшееся положение требовало гласного судебного разбирательства, но мог ли Николай II пойти на это? Александра Федоровна настаивала на суде, чтобы, наконец, разрубить узел интриг и тайной вражды романовского клана.

Наверное, она была права. За судом должны были бы последовать и другие санкции против оппозиционеров.

Несколько великих князей направили царю коллективное письмо в защиту Дмитрия Павловича, императрица-мать тоже просила его не доводить дело

до суда над членами романовской семьи. Великий князь Николай Михайлович публично поносил Александру Федоровну.

И никакого суда не состоялось. Дмитрий Павлович был выслан на Кавказ, Юсупов — в свое имение, а Пуришкевич отбыл в своем санитарном поезде на фронт. Да еще великий князь Николай Михайлович был выслан на два месяца в свое имение в Малороссии.

Бессилие императора стало вызывающе очевидным.

В дневнике великого князя Николая Михайловича обращает на себя внимание запись от 4 января 1917 года после беседы в Киеве с В. В. Шульгиным и М. И. Терещенко: «Какое облегчение дышать в другой атмосфере! Здесь другие люди, тоже возбужденные, но не эстеты, не дегенераты, а люди. Шульгин — вот он бы пригодился, но, конечно, не для убийства, а для переворота! Другой тоже цельный тип, Терещенко, молодой, богатейший, но глубокий патриот, верит в будущее, верит твердо, уверен, что через месяц все лопнет, что я вернусь из ссылки раньше времени. Дай-то Бог! Его устами да мед пить. Но какая злоба у этих двух людей к режиму, к ней, к нему, и они это вовсе не скрывают, и оба в один голос говорят о возможности цареубийства!»^[236]

Вот тут мы видим что-то новое. Неужели великий князь воспроизвел в дневнике подлинные разговоры? В том числе и возможность цареубийства?

Глава двадцать первая

Еще один премьер-министр — последний. — Императора отовсюду предупреждают о заговоре. — Союзники поражены некомпетентностью новых министров. — Оппозиция взывает к англичанам

Положение в столице усугублялось тем, что военные казармы в городе были заняты новобранцами из запасных батальонов (200 тысяч человек), обитавшими в страшной тесноте и, главное, не желавшими отправления на фронт. Предложение Николая II перевести в Петроград 1-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию не было выполнено под предлогом, что из-за отсутствия помещений ее негде разместить. Наличествующих в городе сил полиции и казаков было всего 10 тысяч человек.

Генерал Глобачев в основном пишет о том же: «В бытность Протопопова министром внутренних дел по моей инициативе вновь был возбужден вопрос о ненадежности войск Петроградского гарнизона. Я представил все данные о составе и настроениях гарнизона, повторив все то, что уже раньше докладывал Штюмеру. Вследствие этого был составлен доклад на Высочайшее имя, и Государь согласился заменить некоторые запасные воинские части Петроградского гарнизона Гвардейским кавалерийским корпусом, взятым с фронта, но это решение так и не было приведено в исполнение вследствие просьбы командира этого корпуса — оставить корпус на фронте. Таким образом, Хабалов в момент наступивших рабочих беспорядков должен был

опираться на неблагонадежный, готовый в каждую минуту взбунтоваться гарнизон»^[237].

Разумеется, когда запасные батальоны вывалились на улицы Петрограда, ничто не могло их загнать обратно в казармы. Можно, конечно, сказать, исход дела решило простое соотношение физических масс, но... Но неужели толпы полудезертиров могли обрушить великое государство?

25 декабря был назначен новый председатель правительства, 66-летний князь Н. Д. Голицын. Он являлся председателем Комитета по оказанию помощи русским военнопленным, членом Государственного совета, где входил в группу правых, ранее был архангельским губернатором. Его хорошо знала Александра Федоровна.

Перед Новым годом царь принял Дж. Бьюкенена по его просьбе. Встретил его холодно, не предложил сесть и не стал обсуждать внутренние дела, несмотря на то, что посол трижды пытался начать их обсуждение. Было известно, что англичанин недавно встречался с Милюковым, Родзянко, Гучковым и что там затрагивался вопрос о дворцовом перевороте. Император упрекнул посла, что тот посещает оппозиционеров.

Во время новогоднего приема Николай II снова вернулся к вопросу посещения оппозиционеров и заявил послу, что исправляет свою неточность: Бьюкенен «не посещает, а принимает их в посольстве».

Это был откровенный выговор и предупреждение.

В мемуарах посла есть еще одно важное указание на тот его разговор с Николаем II: «...так как я слышал, что его величество подозревает молодого англичанина, школьного товарища князя Феликса Юсупова, в соучастии в убийстве Распутина, я воспользовался

случаем, чтобы заверить его, что подозрение это совершенно неосновательно»^[238].

Сэмюэл Хор, резидент английской разведки, — вот кто «школьный товарищ».

С первых же дней наступившего года царя непрерывно предупреждали о готовящемся перевороте.

3 января — министр иностранных дел Покровский, 4 января — великий князь Павел Александрович, 5 января — премьер-министр князь Голицын, 7 января — председатель Государственной думы Родзянко, 8 января — бывший министр внутренних дел Н. А. Маклаков, 10 января — московский предводитель дворянства Самарин, 14 января — председатель Государственного совета И. Г. Щегловитов, 19 января — вновь назначенный иркутский генерал-губернатор А. И. Пильц.

В своем дневнике французский посол в России Морис Палеолог указывает на ряд ключевых событий того периода.

Так, он пишет, что в Петрограде было расквартировано не меньше 240 тысяч солдат, которые представляли явную опасность для режима. Один из собеседников посла, высокопоставленный генерал, в конце ноября 1916 года предупредил его, что если случится революция, то «ее произведет не народ, а армия».

Вот запись от 4 января (нов. ст.) 1917 года: «Вечером я узнал, что в семье Романовых великие тревоги и волнение.

Несколько великих князей, в числе которых мне называют трех сыновей великой княгини Марии Павловны: Кирилла. Бориса и Андрея, говорят ни больше ни меньше как о том, чтобы спасти царизм путем дворцового переворота. С помощью четырех гвардейских полков, которых преданность уже

поколеблена, двинутся ночью на Царское Село; захватят царя и царицу; императору докажут необходимость отречься от престола; императрицу заточат в монастырь; затем объявят царем наследника Алексея, под регентством великого князя Николая Николаевича»^[239].

10 января 1917 года. «Около месяца тому назад великая княгиня Виктория Федоровна, супруга великого князя Кирилла, была принята императрицей и, чувствуя ее менее обыкновенного замкнутой, рискнула заговорить с ней о больных вопросах:

— С болью и ужасом, — сказала она, — я констатирую всюду распространенное неприязненное отношение к вашему императорскому величеству.

Императрица прервала ее:

— Вы ошибаетесь, моя милая. Впрочем, я и сама ошибаюсь. Еще недавно я думала, что Россия меня ненавидит. Теперь я осведомлена. Я знаю, что меня ненавидит только петроградское общество, думающее только о танцах и ужинах, занятое только удовольствиями и адюльтером, в то же время как со всех сторон кровь течет ручьями... кровь... кровь...»^[240]

Щегловитов передал царю записку «русских православных кругов города Киева», составленную депутатом Думы священником Михаилом Митроцким, ранее служившим в Острожской мужской гимназии неподалеку от имения Шульгина.

Священника хорошо знал Василий Витальевич, тот входил во фракцию русских националистов, а затем во фракцию умеренно правых. Принимал ли Шульгин участие в составлении записки, трудно сказать.

В ней указывалось: «Прежде всего православные киевляне категорически утверждают, что подавляющее большинство трудового населения сел и местечек — крестьяне, мещане, сельское духовенство, мелкие

землевладельцы, чиновный класс и русские помещики, — словом, все, кто представляет собой в Юго-Западном крае коренной русский народ, — несмотря на усиленную пропаганду революционных идей местной левой печатью, по-прежнему остается глубоко консервативным во всех областях своей политической, социально-общественной и религиозной жизни, по-прежнему твердо придерживается традиционных воззрений на самодержавие русских царей как на единственный источник предрешающей власти в русском государстве».

Далее следовали просьбы: поставить Думу «на место», «...привлекать городских голов к уголовной ответственности по законам военного времени за подрыв доверия к государственной власти и ко всей системе государственного управления», навести порядок в Земском союзе и Союзе городов, беженских комитетах, куда «...ушло все, что убоялось службы на фронте и что не мыслит добра России».

Завершалась записка так: «Люди, отличавшиеся на местах полным национальным индифферентизмом, вдруг облачились в полувоенные мундиры защитного цвета и стали почти хозяевами края. Евреи и поляки, остававшиеся в тени до начала военных действий, вместе с русскими людьми определенной политической окраски наполнили „общественные“ организации и, ворочая колоссальными суммами казенных денег, оказались в роли диктаторов уездов и целых губерний».

На записке царь написал: «Записка, достойная внимания» и передал ее на обсуждение правительства. Никаких последствий она не имела.

Вообще император получал десятки писем и записок с предупреждениями о нарастающих угрозах.

Пассивность царя разочаровывала его сторонников.

Тем временем резкое увеличение населения Петрограда не могло не влиять на ухудшение обстановки в городе. К началу 1917 года за счет беженцев и мобилизованных оно выросло до трех миллионов человек (осенью 1915 года было 2,3 миллиона). Вздорожали жилье, топливо, транспорт, продовольствие. По сравнению с зарплатой рабочих цены на основные продукты выросли на 300 процентов. Дороговизна вызвала огромное недовольство как в тылу, так и на фронте, где солдаты не могли не беспокоиться о положении своих семей^[241].

Курс рубля к февралю 1917 года упал до 55 копеек к уровню 1914 года, а его покупательная способность к 1 марта 1917 года сократилась в 4 раза. Инфляция и твердые цены при закупке зерна привели к перебоям в торговле и резко вырос «черный рынок».

16 января в Петроград прибыла объединенная делегация союзников для проведения конференции о координации совместных действий и согласовании военных поставок в Россию. Британскую часть возглавляли военный министр А. Милнер и генерал Г. Вильсон (вскоре фельдмаршал), французскую — министр колоний М. Думерг.

Во время личной аудиенции император, зная, что российские оппозиционеры действуют через англичан, дал понять Милнеру, что не допустит «никакого обсуждения российской внутренней политики».

На совместных заседаниях союзники удивлялись, что новоназначенные российские министры еще не вошли в понимание проблем и не раз попадали впросак.

Союзники знали о кадровом российском сумбуре: только в 1916 году в результате внутренних интриг сменилось четыре председателя Совета министров, четыре министра внутренних дел, три министра

и иностранных дел, три военных министра, три министра юстиции.

Как свидетельство недоверия российскому высшему руководству надо оценивать обязательство власти, принятое под давлением британцев, — в качестве гарантии оплаты военных поставок направить в Лондон золота на 20 миллионов фунтов стерлингов. Кроме того, англичане предлагали в портах Архангельска и Романова (Мурманска) и на железной дороге учредить собственные комендатуры для улучшения порядка доставки грузов, что было бы вполне очевидным их контролем.

Делегация Милнера стремилась получить максимум информации. Английские генералы посетили штаб командующего Северным фронтом генерала Н. Рузского в Пскове, затем — штаб командующего Западным фронтом А. Эверта в Минске. В Петрограде Милнер встречался с кадетами и октябристами, в Москве с князем Г. Е. Львовым и М. И. Челноковым.

Львов вручил Милнеру текст своей произнесенной на этой встрече речи, похожей на меморандум: если император не проведет конституционной реформы, верхушечная революция неизбежна. Львов даже указал срок: через три недели. Как раз через три недели должна была состояться сессия Государственной думы.

Трудно понять, на что надеялись руководители Земгора, обращаясь к иностранцам. Этот канал давления на императора уже явно не работал.

Кроме того, Львов предложил все поставки военного оборудования, боеприпасов и вооружения из Англии осуществлять через Земгор, для чего в реальности у Земгора не было никаких возможностей, кроме желания взять правительство за горло.

Конечно, Земгор сделал немало полезного по организации питательных и медицинско-санитарных пунктов, было организовано 75 поездов Красного

Креста, перевезено 2 миллиона 256 тысяч 531 человек из 4 миллионов 300 тысяч эвакуированных; к началу 1917 года в Земском союзе было почти восемь тысяч учреждений. С одной стороны, это была большая общественная сила, существующая главным образом за счет государственного бюджета, но с другой — ее лидеры едва ли могли увлечь за собой массы. На фронте о ней шутили: «Что такое армия? Армия — собрание людей, которые не смогли избежать военной службы. Что такое общественные организации? Общественные организации — это большие собрания людей, которым удалось избежать военной службы».

«В армии вообще и на фронте в частности на организации земств и городов смотрели как на собрание тех, кто „словчился“, чтобы не попасть в окопы»^[242].

Правительство должно было разрушить создавшуюся двойственность и прекратить финансирование земгоровских организаций, которым уже не доверяло. Перед новым, 1917 годом по предложению министра внутренних дел Протопопова как раз и было принято такое решение, что вызвало сильное негодование общественности.

Что же в итоге? Если положить на обе чаши весов плюсы и минусы в деятельности земских организаций за годы войны, заслуживает внимания такой вывод: «На деле же они просто лишили монархию ее единственной опоры против революции — армии»^[243].

По мнению французских разведчиков, делегация лорда Милнера не только изучала положение в России, но и содействовала государственному перевороту. После отставки пробритански настроенного министра иностранных дел С. Д. Сазонова, которого де Малейси считал «могущественным» английским агентом, Британия «перестала играть роль хозяйки положения».

«И тогда с целью остаться арбитром при сохранении общего руководства делами и ходом военных действий она перешла на сторону революции и ее спровоцировала. Лорд Милнер во время пребывания в Петрограде, это вполне установленный факт, решительно подталкивал Гучкова к революции, а после его отъезда английский посол превратился, если можно так выразиться, в суфлера драмы и ни на минуту не покидал кулис. По ходу исторических событий, вместо доведения до сведения императора, который тогда находился в Царском Селе, требований Думы с попыткой в последний раз добиться уступок, Бьюкенен просил лидеров гучковско-миллюковской и т. д. группировки лишь потерпеть до приезда государя в Ставку, „чтобы из-за удаленности у него фактически не оставалось времени вмешаться в нужный момент, пойдя на уступки, которые у него вырвали бы в случае настойчивого отказа. Если бы он не уехал, весьма вероятно, не произошло бы самого события“»^[244].

Генерал Вильсон записал в своем дневнике впечатление от встреч в Петрограде и Москве: «Император и императрица — на пути к свержению. Все — офицеры, купцы, женщины — открыто говорят, что надо избавляться от них». Тем не менее, вернувшись домой, Милнер доложил своему правительству, что революция, хотя, скорее всего, и неизбежна, но произойдет уже после окончания войны и что «в разговорах о революции в России очень уж много преувеличений»^[245].

Между оценками французов и англичан легко различить противоречие. Готовили ли британцы государственный переворот в России? Это вопрос с двумя ответами. Революцию они не готовили, но поддерживали давление в российском политическом котле, добиваясь расширения прав оппозиции и считая,

что таким образом будут контролировать ситуацию. А получится конституционная монархия — тем лучше!

Поэтому французская разведка оправданно усматривала в их действиях провоцирование революции.

Конечно, французы помнили, что более ста лет назад именно англичане подталкивали русских гвардейских офицеров к убийству императора Павла, чтобы прекратить торговую блокаду Британии и разорвать союзные отношения России и Франции. И что изменилось за эти 100 лет?

О преддверии переворота у В. В. Шульгина говорится так: «Мы были рождены и воспитаны, чтобы под крылом власти хвалить ее или порицать... Мы способны были, в крайнем случае, безболезненно пересест с депутатских кресел на министерские скамьи... под условием, чтобы императорский караул охранял нас... Но перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала — у нас кружилась голова и немело сердце»^[246].

Вскоре он увидит, что сердце немело далеко не у всех.

Вспоминая о подготовке заговора, Гучков сообщил важную информацию: «Мысль о терроре по отношению к носителю верховной власти даже не обсуждалась — настолько она считалась неприменимой в данном случае. Так как в дальнейшем предполагалось возведение на престол сына государя — наследника, с братом государя в качестве регента на время малолетства, то представлялось недопустимым заставить сына и брата присягнуть через лужу крови. Отсюда и родился замысел о дворцовом перевороте, в результате которого государь был бы вынужден подписать отречение с передачей престола законному наследнику. В этих пределах план очень быстро

сложился. К этой группе двух инициаторов в ближайшие дни присоединился по соглашению с Некрасовым Михаил Иванович Терещенко, и таким образом образовалась та группа, которая взяла на себя выполнение этого плана»^[247].

Уточним, Некрасов и Терещенко были масонами, как и Керенский.

Что же касается «террора», существует кроме вегетарианских планов логика борьбы за власть.

Накануне Нового, 1917 года Шульгин находился в родном городе среди семьи и близких. Ему исполнилось 39 лет. Он был зрелым мужем, знаменитым политиком, его имя было известно везде, где читали периодику. К тому же главный редактор лучшей правой газеты империи...

Впрочем, повседневная работа в «Киевлянине» находилась в ведении его большой семьи. За ним же оставалось только написание передовиц и общеполитическое руководство. Дмитрий Иванович Пихно уже умер — в 1913 году.

Основная ответственность лежала на плечах Павлы Витальевны, это производственная (хозяйственная) сторона и собственно редакционная (литературная). Жена Екатерина Григорьевна писала политические статьи. Племянник Филипп Могилевский вел различные рубрики и писал статьи. Свояченица (сестра жены) Софья Григорьевна была корректором и секретарем редакции. Ее муж Константин Иванович Смаковский вел увлекательные «воскресные беседы». Теща Евгения Григорьевна Градовская заведовала экспедицией газеты, то есть вопросами подписки и продажи.

«В 1917 году „Киевлянин“ держался на моих передовицах и на энергии Лины (Павлы) и моей жены Екатерины Григорьевны. Политические статьи

последней имели успех, они были полегче, чем мои, и более прочувственные. Екатерина Григорьевна подписывалась „А. Ежов“. Почему? Не знаю...»^[248]

Были и наемные работники, но ядро все же составляли Шульгины — Градовские — Смаковские. И еще Билимовичи. Это был влиятельный киевский клан.

«Горячая работа была под Новый год. Дело в том, что под Новый год подписка возобновлялась. Сыпались со всех сторон деньги, которые надо было принять, зарегистрировать и отправить квитанции об их получении. Затем адреса подписчиков сдавались в типографию. Для старых подписчиков не выходило затруднений, так как их адреса уже были набраны ранее и сохранились редакцией газеты. Но новые писались от руки (пока еще наберут!). Такую работу нельзя было сделать вовремя, то есть до наступления еще Нового года, силами только семьи Градовских. Поэтому за работу засаживались все „приблуды“. Было несколько „приблуд“, друзей и товарищей Градовских по гимназии. В том числе и я был таким „приблудой“ в детстве и молодости. По всем столам сидели Градовские и их „приблуды“ и строчили.

Победоносно кончив к половине двенадцатого накануне Нового года, накрывали круглый стол, за которым можно было разместить неопределенное количество лиц, затем и овальный стол. Кроме ламп зажигались две свечи (только не три!) и начинался новогодний ужин, скромный, дружный и веселый. А шампанское? Подавалось и шампанское, но не „Редерер“, конечно, или „Мум“, по шесть рублей бутылка, а „Донское“ или „Цимлянское“, около одного рубля бутылка»^[249].

К тому времени Шульгин был отцом троих мальчиков: Василида (1899), Вениамина (1901) и Дмитрия (1905).

Василид и Вениамин погибли в Гражданской войне.

Глава двадцать вторая

Гучков и Коновалов рвутся к рулю. —
Роковые дни. — Гучков встречается с генералом
Алексеевым

Накануне 1917 года царь распорядился провести сенатскую ревизию всех отсрочек от воинской службы, полученных представителями Земского союза и Союза городов. Это был внятный сигнал для всех оппозиционных кругов, что Николай II на соглашение с ними не пойдет.

Последствием ревизии стал бы массовый призыв в армию сотен и даже тысяч «земгусар», кадровой опоры Земгора.

К тому же правительство постоянно сокращало финансирование ВПК, не справлявшихся со взятыми заказами. В противовес очевидным фактам ВПК заявляли, что все объясняется чинимыми властями помехами.

Деятельность Рабочей группы ЦВПК стала носить вызывающий и опасный характер.

После специальной встречи Протопопова с начальником Петроградского гарнизона генерал-лейтенантом С. С. Хабаловым Гучкову было направлено письмо, в котором указывалось на неприемлемые акции Рабочей группы, проведение собраний с участием посторонних лиц и выдвижение требований «... революционно-политического характера, как, например, о немедленном заключении мира, о ниспровержении настоящего правительства и об осуществлении программных требований социал-демократической партии».

Ссылаясь на закон о контроле над деятельностью общественных организаций, Хабалов потребовал впредь уведомлять о времени и месте заседаний Рабочей группы, для того чтобы на них мог присутствовать представитель власти.

Гучков не ответил.

Агенты Охранного отделения обнаружили отпечатанное воззвание Рабочей группы к рабочим Петрограда с призывом к выступлению 14 февраля против государственного строя.

Планировалось организовать уличные беспорядки в виде протеста против нехватки продовольствия в магазинах.

7 января 1917 года была арестована Рабочая группа Московского ВПК. Это вызвало множество протестов в разных городах, со стороны руководителей ЦВПК немедленно последовали протесты и требования освободить арестованных, и спустя два дня арестованных освободили.

13 января Гучков направил Хабалову ответ, в котором говорилось, что ЦВПК не считает возможным извещать о времени, месте и программе заседаний Рабочей группы.

После этого полицейские приставы стали посещать здание ЦВПК и, убеждаясь, что Рабочая группа не заседает, удалялись.

Эта игра в кошки-мышки продолжалась до 19 января, когда Хабалов отправил Гучкову новое письмо, доказывая необходимость выполнения закона и предупреждая, что не допустит более собраний Рабочей группы. Гучков не ответил.

Тогда приставы пришли снова, застали собравшуюся Рабочую группу и с ней — заместителя председателя ЦВПК, киевского миллионера-сахарозаводчика М. И. Терещенко. Тот отговорился, что Рабочая группа

никаких указаний от ЦВПК не получала, и на том заседание закончилось.

Газеты сразу откликнулись статьями о новых безобразиях властей, а 21 января Рабочая группа продолжила свои заседания.

Ситуация становилась просто невыносимой.

Группа обладала значительным политическим потенциалом, объединяла представителей рабочих, избранных от 101 предприятия. Ею руководил Кузьма Антонович Гвоздев, председатель правления кооператива рабочих Выборгского района Петрограда, насчитывавшего 11 тысяч членов.

Центральный ВПК планировал учредить Всероссийский союз рабочих и создать ряд всероссийских союзов — крестьянский, кооперативный, торгово-промышленный. Что из этого могло получиться, правительство понимало. Смычка финансистов и промышленников с рабочими при поддержке Государственной думы могла стать смертным приговором существующему порядку управления. К. А. Гвоздев даже ездил в Ставку для доклада «высокопоставленному лицу» (по всей вероятности, генералу М. В. Алексееву). Все показывало, что дело зашло слишком далеко.

24 января Рабочая группа распространила на заводах листовку: «Рабочему классу и демократии нельзя больше ждать. Каждый пропущенный день опасен. Решительное устранение самодержавного режима и полная демократизация страны являются теперь задачей, требующей неотложного разрешения, вопросом существования рабочего класса и демократии... К моменту открытия Думы мы должны быть готовы на общее организованное выступление... Пусть весь рабочий Петроград к открытию Думы, завод за заводом, район за районом, дружно двинется к

Таврическому дворцу, чтобы там заявить основные требования рабочего класса и демократии...

Вся страна и армия должны услышать голос рабочего класса. Только учреждение Временного Правительства, опирающегося на организуемый в борьбе народ, сможет вывести страну из тупика и губительной разрухи, укрепить в ней политическую свободу и привести к миру на приемлемых, как для русского пролетариата, так и для пролетариата других стран, условиях».

Генерал Спиридович, процитировав этот текст, указывал на то, что «...рабочая масса медленно, но верно раскачивалась. Стачки не прекращались. Инциденты с полицией учащались. Женщины и дети, застрельщики революций, становились на окраинах всё смелее и развязнее».

Заметим, что в это время английская делегация еще находилась в России, она убыла только 8 февраля.

Наступил переломный момент. Если бы сейчас власти произвели необходимые аресты и продемонстрировали готовность силового решения, революция была бы остановлена.

Шульгин считал, что положение мог спасти только «человек калибра Петра I или Николая I».

Начальник Петроградского охранного отделения генерал Глобачев передал Протопопову записку о планах Гучкова, Коновалова и Рабочей группы, предлагая всех арестовать. Министр санкционировал только арест Рабочей группы, что было половинчатым решением, оставляющим подлинным руководителям свободу действий.

Тем не менее в ночь на 27 января были арестованы одиннадцать членов Рабочей группы и четыре члена пропагандистской группы и заключены в Петропавловскую крепость. Обыски дали подтверждение противоправной деятельности

арестованных. Всем им были предъявлены официальные обвинения в государственных преступлениях.

Встревоженные Гучков и Коновалов добились встречи с премьер-министром князем Н. Д. Голицыным, на которой Гучков сказал: «Да, мы занимаемся политикой, но правительство сделало из нас политическую организацию. Мы считали, что вопрос обороны может быть решен лишь в том случае, если политики изменят условия нашей работы. Но я отрицаю то обвинение, которое предъявлено нашей рабочей группе: их обвиняют в том, что они замыслили вооруженное восстание и переворот. Я считаю, что уголовно наказуемого за ними ничего нет» ^[250].

На самом деле мысль о перевороте уже крепко сидела в голове Александра Ивановича Гучкова. В записке Петроградского охранного отделения от 19 января 1917 года указывалось, что в столице среди интеллигентной публики царит уверенность в скорой гибели «главных виновников неудач на фронте и неурядиц в тылу» и что как раз от группы Гучкова будет исходить сигнал к началу «второй великой и последней российской революции» ^[251].

Встреча с Голицыным ничего не дала. Тогда было созвано собрание представителей Центрального ВПК, депутатов Государственной думы, членов Государственного совета и Особого совещания по обороне, на которой присутствовали в том числе Шульгин, Милюков, Керенский и Чхеидзе.

Гучков и Коновалов надеялись устроить громкую протестную акцию, однако большинство их не поддержало. Милюков заявил, что руководить борьбой с правительством должен Прогрессивный блок, а не рабочие и ВПК.

Это было несовпадение взглядов, пока еще не столь очевидное. В целом все выступали против правительства.

В воспоминаниях Милюкова утверждается, что «это была — сравнительно умеренная группа», большевики в нее не входили. Действительно, большевики-ленинцы вышли на сцену позже, когда уже основная работа по разрушению была сделана.

Депутат Государственной думы социал-демократ Н. С. Чхеидзе заметил, что «правительство во время войны еще начало гражданскую войну».

И никого не удивило это появление призрака гражданской междоусобицы.

После ареста Рабочей группы Гучков съездил в Крым, где встретился с генералом Алексеевым, который лечился от почечной болезни. О чем был разговор, неизвестно.

Газета «Московские ведомости» писала, что «...надо порвать со всеми этими глупостями, разговорами о каком-то перемирии, о каком-то прекращении внутренней борьбы; напротив, надо открыто поставить вопрос о грядущей революции и пресечь ее, пока не поздно, немедленно, сейчас»^[252].

Следующей мерой защиты государства должен был стать разгром революционного центра. Агенты Охранного отделения уже добыли список членов Временного правительства, которое должно было возглавить Россию. Что же еще требовалось, чтобы подвигнуть Протопопова к принятию решительных мер? Но тот выжидал, опасаясь, как видно, обвинений в печати. И руководствуясь его оптимистическими докладами, бездействовали император и императрица.

С 31 января начались сходки и забастовки на фабриках и заводах, толпы вышли на улицы, а через неделю начались столкновения с полицией.

Из состава Северного фронта был выделен отдельный Петроградский военный округ и подчинен генералу С. С. Хабалову, получившему очень широкие права, независимые даже от военного министра.

День открытия Думы, 14 февраля, прошел спокойно, демонстрация рабочих не состоялась. Бастовало тоже относительно немного — до двадцати тысяч рабочих. На двух заводах рабочие вышли с пением революционных песен и возгласами: «Долой войну», но были рассеяны полицией. На Невском проспекте толпы тоже были разогнаны.

По словам Шульгина, Дума открылась «...сравнительно спокойно, но при очень скромном внутреннем самочувствии всех». От Прогрессивного блока было сделано заявление о непригодности настоящей власти.

15 февраля А. Ф. Керенский заявил, что «...разруха страны была делом не министров, которые приходят и уходят, а и той власти, которая их назначает».

Премьер Голицын запросил у Родзянко эту антигосударственную речь Керенского, но тот сказал, что в ней нет ничего предосудительного, и не прислал.

Как писал генерал Спиридович, Протопопов «перетрусил, и выпад Керенского замолчали». Спустя два дня Коновалов, Чхеидзе и Керенский вновь громили правительство, их речи цензура не допустила к печати, а Родзянко снова сделал вид, что ничего не произошло.

В Думе борьба вспыхнула в полную силу. Начали активно обсуждать проблему нехватки в столице ржаного, черного хлеба. Затем поступило известие об увольнении рабочих Путиловского завода, требовавших в связи с ростом цен повышения зарплаты. Дальше — о незаконных реквизициях продовольствия в поездах, идущих в Петроград, о том, что из-за борьбы с «немецким засильем» 600 тысяч десятин в Саратовской губернии останутся незасеянными.

23 февраля в столице начался массовый психоз — люди скупали хлеб, сушили сухари; распространилась паника, хотя оснований для нее не было, на городских складах имелся достаточный запас муки.

Шульгин попытался остановить панику — с трибуны призвал рабочих оставаться у станков и гарантировал обеспечение города хлебом.

25 февраля 1917 года Государственная дума заседала последний раз. Не зная об этом, Керенский предложил в конце заседания формулу перехода к очередным делам, то есть резолюцию: «Выслушав объяснения г. министра земледелия и считая их совершенно неудовлетворительными, Государственная Дума признает, что дальнейшее пребывание у власти настоящего Совета Министров совершенно нетерпимо. Во-вторых, что интересы государства требуют создания правительства, подчиненного контролю всего народа. В-третьих, что немедленно населению должны быть гарантированы: свобода слова, свобода собраний, организаций и личности. В-четвертых, что продовольственное дело должно взять в свои руки само население, свободно организовавшись в обывательские и фабрично-заводские комитеты, подчинив деятельность городских самоуправлений интересам трудящихся классов. Принимая это к сведению, Государственная Дума переходит к следующим делам» ^[253].

Поразительно, что 22 февраля, накануне волнений и при совершенно спокойной обстановке на фронте, царь выехал из Царского Села в Ставку. Он хотел встретиться с начальником штаба М. В. Алексеевым, прибывшим после лечения из Крыма. Императрица провожала его в слезах, предчувствуя что-то ужасное.

Чем можно объяснить этот неуместный отъезд? Думается, царь психологически устал от давления со всех сторон, в том числе и со стороны жены. В Ставке он чувствовал себя уверенно и свободно. На весну вместе с союзниками была спланирована решающая операция по разгрому Германии, войска были в полном порядке, снабжение налажено.

Накануне отъезда император встречался с министром внутренних дел Протопоповым, и тот заверил о полном контроле над положением в Петрограде и стране.

А что беспокойная Дума, Прогрессивный блок и прочие шаткие господа? Победа всех успокоит. После победы государь планировал разрешить «правительство доверия», а на Пасху текущего года объявить об отмене «черты оседлости» — да она фактически уже отменена его указом от 18 октября 1916 года: всем евреям разрешено жить в Москве и других городах, кроме прифронтовых.

Особенно важным представляется решение верховной власти привлечь в ближайшей перспективе оппозиционеров в правительство.

Гучков, когда в 1930-х годах давал обширное интервью, в этом месте попросил выключить магнитофон.

Что хотел скрыть Гучков? Масонские секреты? Есть предположение, что он тоже был масоном, но в 1920 году «уснул»^[254]. В книге Н. Н. Берберовой «Люди и ложи» сказано: «Гучков и Некрасов поровну поделили черты Петра Степановича Верховенского из „Бесов“»^[255].

Что же касается намечаемой либерализации, Глобачев на эту тему высказался конкретно: «Уже после переворота, когда я встретился с бывшим министром юстиции Добровольским в одном из мест заключения,

он мне говорил, что указ об ответственном кабинете был подписан Государем и находился у Добровольского в письменном столе; он должен был быть обнародован через Сенат, на Пасху. Временному правительству, очевидно, это стало известным, но оно по весьма понятным причинам об этом умолчало»^[256].

Глава двадцать третья

Транспортная инфраструктура трещит от перегрузки. — Продовольственная проблема — символ беспомощности правительства. — Забастовки. — Ошибочная оценка ситуации. — Царская семья в заложниках. — Генералы решают пожертвовать императором. — Зверское обличье революции

Однако общее неблагополучие было и в экономике. Начиная со второго полугодия навалилось все сразу — товарный голод и чуть ли не удвоение, по сравнению с мирным временем, цен — например, на гвозди. Крестьяне из-за неравноценного обмена перестали продавать хлеб, прятали его, боясь реквизиций и дожидаясь лучших времен. К тому же железные дороги, и без того перегруженные, по-прежнему не справлялись с объемами перевозок; мешали снежные заносы, нехватка угля.

Распространялись тревожные слухи о роспуске Думы.

«Так началась февральская революция 1917 года. Ни Министр Внутренних Дел Протопопов с его Директором Департамента полиции, ни Главный военный начальник генерал Хабалов не поняли истинного характера возникшего движения. Участие женщин и детей в толпах укрепило их в несчастной мысли, что движение несерьезно. Крики же „Хлеб“, „Хлеб“, что было лишь тактическим приемом и разгром лишь одной булочной из числа нескольких тысяч, как бы зачаровал их, что всему виною недостаток, хотя и мнимый, хлеба.

На крики же „Долой войну!“, на разгром почти исключительно лишь заводов, работавших на войну, — не обратили внимания. 19 агитаторов, задержанных с поличным на месте преступления по снятию с работы людей, работавших на войну, не были преданы немедленно военно-полевому суду. Немедленный расстрел их по суду произвел бы охлаждающее действие лучше всяких военных частей.

В тот день бастовало до 50 предприятий, около 87 500 рабочих. Надо принять во внимание, что на Путиловском заводе по решению администрации, ввиду непрекращавшихся нарушений рабочими нормального хода работы, завод был закрыт с утра 23 числа. До 30 000 рабочих рассеялись по городу, возбуждая других объявленным „локаутом“.

Но даже Начальник Охранного Отделения в тот первый день революции не понял истинного характера движения и в своем докладе министру указывал как на причину беспорядков — недостаток хлеба. Легенда о недостатке хлеба и о мальчишках и девчонках как о зачинщиках беспорядков была передана Протопоповым и в Царскосельский дворец»^[257].

Генерал Глобачев докладывал в Министерство внутренних дел:

«19 января 1917 года

Сопроводительное письмо начальника Петроградского охранного отделения К. И. Глобачева № 47 к осведомительному материалу, полученному от секретного сотрудника, направленное директору Департамента полиции.

Совершенно секретно.

Дума в своем нынешнем составе еще недавно считалась левой прессой и демократическими кругами „черносотенной“, „буржуазной“, „собранием прихвостней Горемыкина“ и пр. Заседание 1-го ноября

1916 года заставило широкие массы более доверчиво отнестись к Думе, в которой вдруг сразу увидели „лучших избранников народа“, „представителей Всея Руси“ и пр.

Эта перемена отношения, во многом объяснимая широким распространением запретных речей Милюкова, Шульгина, Керенского, Чхеидзе и др., привела к разговорам о возможности „ропуска Думы“ до окончания войны, к толкам о необходимости „беречь Думу“ и пр. Таким образом, ноябрьские события, дав толчок к политическим разговорам обывателей, тем самым содействовали тому, что все политические чаяния населения оказались связанными с именем Думы...

Единственный вывод из настроения столичного пролетариата — это возможность в любую минуту забастовки, всевозможных эксцессов...

И вывод, делаемый из подобного настроения рабочими партиями, правилен: идея всеобщей забастовки со дня на день приобретает новых сторонников и становится ПОПУЛЯРНОЙ, какой была и в 1905 году».

Напомним, что в 1905 году всеобщая забастовка остановила работу военной промышленности и вынудила правительство согласиться на мирные переговоры с Японией.

Далее читаем у Глобачева: «Но кроме слухов о возможности всеобщей забастовки в обществе усиленно циркулируют слухи о возможности проявления террора. Прибывающие с позиции солдаты и офицеры, рассказывающие бесконечные истории об „озверении“ обоих воюющих сторон...

Возможность „возобновления красного террора в ответ на белый“ не подлежит никакому сомнению, тем более что в действующей армии, согласно повторению и все усиливающимся слухам, террор широко развит в

применении к нелюбимым начальникам, как солдатами, так и офицерами.

Роспуск Думы, в которой рядовое офицерство, мало воспитанное политически и набранное „с бору по сосенке“, видит защитницу народных прав, „залог будущего России“ и т. п., — легко может вызвать в армии огромную вспышку недовольства, поведет к образованию различных новых революционных ячеек, которые скорее и прежде всего проявят себя в участии в террористических актах и выступлениях (надо помнить, что боевые дружины социалистов-революционеров в 1905 году в лице своих вожаков и руководителей дали значительный процент отставных офицеров и военных врачей).

Поэтому слухи о том, что за убийством Распутина — этой „первой ласточкой“ террора — начнутся другие „акты“, — заслуживают самого глубокого внимания. Политические убийства встретят после роспуска Думы сочувствие в подпольных организациях, которые не теряют еще надежды тем или другим способом проявить признаки своего призрачного пока существования и оказать влияние на ход событий, а газетная травля некоторых сановников в органах левой печати, особенно широко расходящихся в демократических слоях населения („Русская воля“, „День“, „Современное слово“ и др.), и подскажет, и укажет будущим террористам их жертвы...

...повсеместно и усиленно муссируются слухи о „близком Дворцовом перевороте“...» ^[258]

В конце донесения генерал указывал на «намечающийся за последние дни яркий авантюризм» Гучкова, Коновалова, князя Львова и каких-то «загадочных представителей общественности», которые могут любыми средствами и способами

использовать изменение обстановки в «своих личных видах и целях».

До начала Февральской революции оставалось больше месяца.

27 января 1917 года Глобачев писал:

«Дворцовый переворот, исключительно неожиданный по близости своего осуществления и крупности своего масштаба, в связи с последующими выступлениями войск, и должен, по мнению представителей этой ГРУППЫ (Гучкова, князя Львова, Коновалова. — *С. Р.*), независимо от наличия других претендентов, передать всю полноту власти именно этой группе, как единственно близкой, знакомой и популярной в войсках...

Что будет и как все это произойдет в действительности, судить сейчас трудно, но во всяком случае — воинствующая оппозиционная общественность безусловно не ошибается в одном: события чрезвычайной важности и чреватые исключительными последствиями для русской государственности... не за горами» ^[259].

В феврале 1917 года заместитель председателя ЦВПК, председатель Московского ВПК А. И. Коновалов был занят реализацией своего замысла — подготовкой Всероссийского рабочего съезда, который должен был создать организацию «во главе с высшим органом, как бы советом рабочих депутатов», опирающуюся на «рабочие группы» при военно-промышленных комитетах.

Главная идея Коновалова была фантастически сильной — повернуть стихию торгово-промышленной буржуазии в сторону от петроградских промышленников и финансистов, обсевших государственный бюджет и не готовых к принципиальной борьбе. Более того, в начале января

1917 года, когда уже задымилось, Коновалов призывал думцев из Прогрессивного блока, кадетов и октябристов явочным порядком образовать правительство, ответственное перед Думой, в чем-то повторив опыт Великой французской революции.

Дымилось и на бирже.

8 февраля 1917 года профессор П. П. Мигулин писал своему корреспонденту А. Н. Скугаревскому в Харьков: «В Петрограде тревожно. Мы живем как в пиру во время чумы. На бирже вакханалия. Бедные люди в 1-2 недели делаются богатыми, все идет на повышение. В результате может быть крах, но может и не быть. Уже много выпущено в оборот бумажных денег, и все товары, земли и дивидендные ценности должны повиситься в расценке. Но все это печально. Никто не думает о войне, о военных займах и т. д., каждый заботится о себе: „спасайся, кто может“» ^[260].

Инфляция сопровождалась бешеным ростом биржевых котировок. Акции росли даже 23 февраля, накануне массовых демонстраций.

Новое донесение Петроградского охранного отделения похоже на медицинское заключение, удостоверяющее смерть пациента.

«Со всех сторон России поступают сведения, показывающие то глубокое недоверие населения к Правительству и его мерам, которое сеется „Земгором“ и подобными ему оппозиционно-настроенными организациями: уполномоченные „Земгора“ конкурируют при закупках с уполномоченными других ведомств и тем повышают цену; они распространяют среди населения слухи о Правительстве, возбуждающие темную массу; они ведут агитацию в духе кадет, распространяя запретные речи и пр.

Все это приводит к тому, что продовольственная разруха смешивается в одно целое с политической смутой и грозит России крахом, какого еще не знала русская история: в то время как кучка политиканов в Таврическом дворце не дает возможности работать Государственной Думе, в стране продолжает расти разруха, угрожая всему государственному организму катастрофой.

Дать заработок (доставить на фабрики и заводы сырье и топливо) для пролетариата Петрограда и Москвы и накормить население двух названных центров — в настоящий момент — значит предотвратить неизбежность катастрофически надвигающейся опасности для всей страны и лишить сплотившиеся ныне оппозиционные и революционные силы возможности воздействовать на массы...»^[261]

Жандармский генерал дал последний совет: во что бы то ни стало срочно обеспечить продовольствием Петроград и Москву, даже за счет других городов. Иначе все будет кончено в ближайшее время.

Охрана никогда не пугает, она только констатирует.

Однако важнейший канал поступления информации на самый верх был заблокирован непрофессиональным министром Протопоповым.

В записках Шульгина есть малозаметный, но поразительный факт: он, депутат парламента, состоятельный человек, тогда голодал. «В столице я голодал. Голодал уже в шестнадцатом году. Исчезли мука, сахар, варенье. В семнадцатом году стало хуже. Как известно, Февральская революция произошла тогда, когда три дня не было хлеба совсем»^[262].

Это личное свидетельство даже острее, чем кричащие донесения Глобачева, показывает реальную картину предреволюционного Петрограда.

Экономическая система России перенапряглась. Голодающие обыватели стали страшнее Прогрессивного блока.

18 февраля в ответ на резкое повышение розничных цен начались забастовки. Рабочие кузнечного цеха Путиловского завода, находившегося в ведении ГАУ, потребовали увеличить зарплату на 50 процентов. Заводская администрация отказала. Тогда они загасили горны и начали митинг. Подобные выступления произошли и в других цехах. Спустя три дня кузнечный был закрыт под предлогом прекращения поставок угля.

20 февраля на заседании Государственного совета А. И. Гучков заявил о плачевном состоянии транспорта, что непременно должно привести к перебоям в поставках. (Действительно, из-за снежных заносов с 14 февраля остановилось движение на Николаевской железной дороге.) Слух быстро разнесся. Встревоженные горожане стали делать запасы муки, печь сухари. Возле хлебных лавок с дешевым хлебом тянулись длинные очереди. Возник острый дефицит ржаного хлеба. В целом же запасов муки и продовольствия в городе хватало на несколько дней, и ожидался завоз.

22 февраля, в день отъезда царя в Ставку, на Путиловском заводе был объявлен локаут, уволено 40 тысяч человек. Рабочие в ответ создали стачечный комитет и обратились за поддержкой ко всем рабочим Петрограда.

Забастовочное движение быстро охватило столицу. Сначала толпы шли под лозунгами «Долой войну!» и «Давайте хлеба!». К полудню в Выборгском районе уже бастовали до 30 тысяч человек. При попытках полиции разгонять толпу рабочие оказывали сопротивление. После полудня забастовщики стали останавливать военные заводы. Казаки и полицейские действовали нерешительно.

Дальнейшие события показали, что ни руководители Прогрессивного блока, ни столичные власти, ни военные не понимали характера происходящего. Оно казалось временным и неопасным явлением, которое блок хотел использовать для еще большего давления на правительство. Полиция и казаки вяло разгоняли или вытесняли толпы с центральных улиц. Но постепенно сопротивление толпы росло, был убит полицейский пристав, избито 28 полицейских, стреляли в казаков.

Хабалов объявил в газетах, что хлеба и муки достаточно. Так оно и было.

24 февраля, в пятницу, бастовали до 170 тысяч рабочих. На городских окраинах шли митинги, охватывая все больше районов. Большевики объявили забастовку политической, их поддерживали социал-демократы (меньшевики) и эсеры. (Лозунги: «Долой царское правительство!», «Долой войну!», «Да здравствует Временное правительство и Учредительное собрание!».) Всюду революционное возбуждение. Забастовщики врывались на работающие предприятия, останавливали их. Хулиганы били витрины, громили лавки. Сегодня этот взрыв назвали бы «оранжевой революцией» или, точнее, — «хлебной».

В полдень полиция уже тонула в толпах, в полицейских стреляли. Казаки вели себя пассивно.

Хабалов распорядился ввести «третье положение» плана по охране порядка — передать ответственность войскам. При этом совершенно не учитывалось, что армейские офицеры не знакомы со спецификой полицейской службы и плохо знают город.

24 февраля бастовали 197 тысяч рабочих.

25 февраля, когда не вышли на работу уже 240 тысяч рабочих, Хабалов несерьезно пригрозил досрочно призвать молодежь в армию.

В этот день военный министр Беляев советовал Хабалову: «Ужасное впечатление произведет на наших

союзников, когда разойдется толпа и на Невском будут трупы».

Капитан де Малейси привел один факт, показывающий, что забастовки и демонстрации имели не только стихийный характер, но и организовывались.

«Заодно с Германией, не ведая, однако, об этом, поскольку оба направления действий шли на параллельных курсах, видным организатором выступил британский посол сэр Джон Бьюкенен, верховодивший всем заодно с Гучковым. В дни революции русские агенты на английской службе пачками раздавали рубли солдатам, побуждая их нацепить красные кокарды. Я могу назвать номера домов в тех кварталах Петрограда, где размещались агенты, а поблизости должны были проходить запасные солдаты» ^[263].

Вечером 25 февраля царь телеграфировал Хабалову: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией».

Александра Федоровна, связанная по рукам и ногам разыгравшейся болезнью детей (корь, температура у двух дочерей и сына выше 39 градусов), в ответ на информацию о событиях в столице просит: «Не надо стрельбы». Она не понимает происходящего, заявляет: «Я верю в русский народ... В его любовь и преданность государю. Все пройдет, и все будет хорошо».

Правительство и генерал Хабалов демонстрировали растерянность.

В ночь на 26 февраля были арестованы около ста членов революционных организаций, что министр внутренних дел Протопопов представил в Ставку как полную победу над беспорядками.

26 февраля войска начали стрелять по толпе.

Несмотря на революционный характер событий, Протопопов продолжал информировать императрицу о

локальности выступлений. Александра Федоровна была дезориентирована и в свою очередь дезориентировала царя. Шаткий порядок управления, созданный с назначением в 1915 году императора Верховным главнокомандующим, рушился.

Родзянко направил в Ставку правдивую, но противоречившую правительственным донесениям телеграмму: «Положение серьезное. В столице анархия. Транспорт продовольствия и топлива пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца».

В этой телеграмме все соответствовало действительности. Но она легла на другие телеграммы, в которых обстановка описывалась иначе.

Правда, телеграмма Родзянко по указанию генерал-адъютанта Алексеева была перенаправлена командующим фронтами с просьбой поддержать обращение председателя Думы.

Ответили Рузский и Брусилов: сообщили, что выполнили указание.

Хотя с какого такого воинского устава генералы получили право соваться не в свои дела?

Революции начинаются как будто случайно, почти из ничего. Из разговоров, сплетен, слухов, зависти, страха, инфляции, роста цен. Да мало ли из чего еще!

В ночь с 26 на 27 февраля премьер-министр Голицын сообщил Родзянко об указе царя о прерывании думской сессии. При этом никаких полицейских мер предпринято не было, доступ в Таврический дворец оставался свободным. Если при роспуске 1-й и 2-й

Государственной думы Таврический был окружен войсками, то сейчас об этом никто не позаботился.

Февральская революция в России зарождалась из недовольства образованных и самодостаточных людей неумелыми и неэффективными действиями власти. Это было недовольство внутри одного круга, недовольство родичей. Неспроста Милюков пытался удержать Гучкова от организации военного заговора, считая самым правильным парламентский путь борьбы. Но и Милюков перехлестывал.

Впрочем, большинство устроителей Февраля, оказавшись вытесненными из России, смогли в эмиграции вполне насладиться результатами своей деятельности. И многое обдумали русским задним умом, как мы знаем, особенно крепким.

Немногочисленные армейские подразделения уж было остановили огнем толпы...

Старший унтер-офицер Т. Кирпичников запасного батальона Волынского полка взбунтовал несколько сотен человек, был убит ротный командир, а батальонный командир растерялся и не смог быстро подавить смуту, хотя имел для этого силы.

Вырвавшиеся из казармы вооруженные солдаты стали захватывать казармы других запасных батальонов, объединяться с рабочими, громить полицейские участки, казармы жандармского дивизиона, школу прапорщиков инженерных войск, убивать полицейских и офицеров.

Генерал Спиридович: «Какие-то странные молодые люди, переодетые в офицерскую форму, часто руководили толпой и набрасывались на офицеров».

Захватили тюрьму «Кресты», освободили заключенных, вобрав в себя массу уголовников. Потом освободили арестованных из дома предварительного заключения, подожгли здание окружного суда на Литейном.

И не знали, что делать дальше. Построили баррикаду на Литейном проспекте, не дали пожарной команде потушить окружной суд.

Бессмысленность происходящего и ужас перед неизбежной расплатой бросил эту разбойную магму к Таврическому дворцу...

У запасников по условиям военного времени было два пути: либо под расстрел, либо найти влиятельную защиту.

Дума! Только она могла спасти.

Город охвачен пугачевщиной. И нет в государстве ни Петра Столыпина, ни Петра Дурново, ни командира Семеновского полка Георгия Мина, который разбил Московское восстание в декабре 1905 года.

А кто есть?

Дезинформированный царь, льстящийся к императрице Протопопов, растерявшийся премьер Голицын, генерал Хабалов с трясущимися руками — это в данный час символы, а не силы.

Утром 27 февраля в Думе собрались депутаты. Что делать? Заседало бюро Прогрессивного блока, совещались члены Совета старейшин Думы. Решили подчиниться указу о роспуске и считать Думу не функционирующей, но провести частное совещание. В этом решении был скрытый отказ подчиниться. Именно так все его и поняли.

На частном совещании, которое фактически носило официальный характер, предлагались разные варианты выхода из кризиса. Так, Некрасов предложил назначить диктатором начальника ГАУ А. А. Маниковского — генерала знали в армии, на заводах, в Думе, он мог бы удержать порядок. Но это был бы прямой захват власти. К такому оказались еще не готовы.

Милюков предложил действовать более осторожно: выждать, пока прояснится ситуация, но организовать Временный комитет членов Государственной думы «для

восстановления порядка и для сношений с лицами и учреждениями». В случае победы государственных сил такое решение ничем не грозило его авторам, но вместе с тем уже давало возможность управлять положением.

Долго спорили, потом согласились с Милюковым.

На допросе в январе 1945 года Шульгин указал на очень существенное обстоятельство: «Комитет Государственной Думы в составе 12 чел[овек], из которых, за исключением Керенского и Чхеидзе, все были монархистами, принял решение формально подчиниться указу царя, но власти из своих рук не выпускать, поскольку царские министры к этому моменту перестали функционировать и со своих постов исчезли»^[264].

Подавляющее большинство — монархисты!

Таким образом, Дума еще не возглавила революцию, а только хитроумно заявила о себе как о третьей силе.

Во Временный комитет вошли члены бюро Прогрессивного блока, члены президиума Думы (Родзянко, Дмитрюков, Ржевский) и затем представители фракций: националистов (Шульгин), центра (В. Н. Львов), октябристов (С. И. Шидловский), кадетов (Милюков и Некрасов — товарищ председателя); левых (Керенский и Чхеидзе). Временный комитет сразу разослал комиссаров Думы во все высшие правительственные учреждения, создавая подобие собственного государственного аппарата.

Однако к вечеру 27 февраля в Петрограде еще остаются верные воинские части, они не сдаются, образуют островки обороны, ждут организующей команды. Великий князь Владимир Кириллович, начальник Гвардейского экипажа, тогдашней морской пехоты, готов вести моряков в бой, есть надежные офицеры; можно собрать юнкеров военных училищ...

В Европе такие ситуации разрешались без церемоний и колебаний. Восстания солдат в Германии, Италии, Франции были беспощадно подавлены. В Англии на время войны забастовки были запрещены, а в Австро-Венгрии парламент не работал...

Нужна воля к сопротивлению. Но наверху медлят, надеются, что всё как-то уладится, рассосется, ведь хлеб в городе есть... Не хотят тревожить государя. Протопопов и военный министр Беляев утаивают часть информации, чтобы не позорить себя тупостью и недалёковидностью.

Совет министров объявил город на осадном положении, срочно отпечатали тысячу объявлений, но расклеить не смогли. Не нашли клея и кистей.

После создания Временного комитета Родзянко поехал к премьеру Голицыну, они попытались убедить великого князя Михаила Александровича (младшего брата царя) ввиду отсутствия императора объявить себя регентом, поручить князю Г. Е. Львову формирование правительства, возглавить войска столицы. Михаил Александрович связался со Ставкой по телеграфному аппарату, но царь ответил: ничего не предпринимать, он выезжает в Петроград. В город направлялись войска с фронта.

К ночи 28 февраля бунт уже пожрал все запасные батальоны, десятки тысяч человек.

Вернувшись в Таврический после безуспешных контактов с великим князем Михаилом Александровичем, Родзянко, а с ним и все члены Временного комитета должны были на что-то решиться. Можно было пассивно ждать, когда в Петроград войдут карательные полки, или, воспользовавшись своей наметившейся полувластью, продолжить легальную борьбу. Впрочем, было уже непонятно, легальная она или нет.

Все принялись убеждать Родзянко, чтобы Временный комитет объявил себя правительством, реальной государственной силой. Иного пути нет. Власть императора посыпалась, правительство самоустранилось.

Фактически предлагалось оформить государственный переворот, ибо Совет министров, как ни крути, еще юридически действовал.

Однако Михаил Владимирович Родзянко не был ни революционером, ни масоном, ни членом Прогрессивного блока. Он был монархистом, крупным землевладельцем, оборонцем. Он усиленно участвовал в организации военной промышленности, если таковым можно считать взятый им подряд на изготовление большого количества березовых лож для винтовок. Нынешний военный министр М. А. Беляев, а ранее помощник военного министра и исполняющий обязанности начальника Генерального штаба в свое время, пытаясь задобрить председателя Думы, приказал набавить на каждое ложе по одному рублю сверх установленных расценок ^[265].

Еще в начале февраля 1917 года в кабинете председателя М. В. Родзянко состоялось совещание лидеров оппозиционных думских фракций.

Присутствовали также приглашенные на него командующий Северным фронтом генерал-адъютант Н. В. Рузский и командир 3-го конного корпуса Юго-Западного фронта генерал-лейтенант А. М. Крымов. Речь коснулась возможности переворота в апреле 1917 года. Схема его была проста: во время очередной поездки государя в Ставку в Могилев задержать царский поезд (эта задача возлагалась на главнокомандующего Северным фронтом Н. В. Рузского) и, арестовав царя, заставить его отречься от престола ^[266].

Керенский подтверждал факт такого собрания с участием Родзянко и лидерами Прогрессивного блока^[267].

Тогда лояльность Родзянко была несомненной, он сообщил императору о готовящемся заговоре, но поскольку не назвал имен и никакой конкретики, его информация осталась незамеченной.

И поздним вечером 27 февраля Родзянко долго колебался, однако под сильным моральным давлением в конце концов согласился, когда получил сообщение о том, что Преображенский полк поддерживает Думу. Хотя информация эта была крайне сомнительной.

Шульгин передает свои мысли и ощущения в тот день (или ночь?) 27 февраля: «О государе... Да, вот это главное, самое важное... Может ли он царствовать? Может ли? О, как это узнать, как? Нет... Не может... Все это, что было... Кто станет за него? У него — никого, никого... Распутин всех съел, всех друзей, все чувства... нет больше верноподданных... Есть скверноподданные и открытые мятежники. Последние пойдут против него, первые спрячутся... Он один... Хуже, чем один... Он с тенью Распутина... Проклятый мужик!.. Говорил Пуришкевичу — не убивайте, вот теперь мертвый — хуже живого... Если бы он был жив, теперь бы его убили, хоть какая-нибудь отдушина. А то — кого убивать? Кого? Ведь этому проклятому сброду надо убивать, он будет убивать — кого же?

Кого?.. Ясно...

Нет, этого нельзя. Надо спасти, надо?

Чтобы спасти... чтобы спасти... надо разогнать всю эту сволочь (и нас вместе с ними) залпами, или...

Или надо отречься от престола...

Ценой отречения спасти жизнь государю... и спасти монархию...»^[268]

Собственно, приговор (а что это, как не приговор?) уже созрел.

28 февраля в 6 часов утра в Ставку генералу Алексееву, в штабы фронтов и флотов была направлена телеграмма: «Временный Комитет членов Госуд. Думы сообщает Вашему В-ву, что ввиду устранения от управления всего состава бывшего Совета министров, правительственная власть перешла в настоящее время к Временному Комитету Государственной Думы».

Полный ответ на царский манифест о приостановке работы Думы был еще более определенным.

«Воззвание Временного комитета членов Государственной Думы о взятии власти.

Временный Комитет членов Государственной Думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознвая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием.

Председатель Государственной Думы Михаил Родзянко.

28 февраля 1917 г.»^[269].

Это означало, что будет создано новое правительство на известных условиях Прогрессивного блока, Россия станет конституционной монархией, а сам император отречется от престола в пользу наследника при регентстве Михаила Александровича.

Однако здесь рядом с культурным и вполне пристойным Временным комитетом вдруг высунулось

дикуновское обличье неведомого конкурента, это был Совет рабочих и солдатских депутатов.

Когда толпа раскрыла тюрьмы, в числе освобожденных оказалась и Рабочая группа ЦВПК во главе с Гвоздевым. У них были свои претензии на власть. Они явились в Таврический дворец и, опираясь на революционную вооруженную толпу, образовали Временный комитет Совета рабочих депутатов.

Каких депутатов? От кого депутатов? Да неважно!

В него вошли: Керенский, Чхеидзе, Скобелев, Гвоздев, Соколов, Стеклов-Нахамкес и еще несколько человек. Вскоре появились и депутаты — по одному человеку от роты и от каждой тысячи рабочих. А в 10 часов вечера уже началось заседание Совета рабочих и солдатских депутатов. Утвердили Исполнительный комитет, председателем стал социал-демократ Чхеидзе, товарищем председателя — Керенский. Оба — принципиальные противники монархического строя. Любого, даже самого сверхконституционного.

28 февраля Совет министров Российской империи трусливо заявил об отставке, и всё полетело в тартарары.

Таким образом, не думский Временный комитет с системными оппонентами монархическому порядку, образованные и состоятельные люди, а иной социальный слой, крестьянские общинники в серых шинелях и разночинцы во главе с социалистами и масонами, неожиданно оказались революционной властью. Как говорил великий революционер Мао Цзэдун, «Винтовка дает власть».

Впрочем, Николай II еще не признал поражения, в его распоряжении были все фронтовые части, что позволяло бороться с большими шансами на победу.

При этом, конечно, надо помнить, что его жена и дети находились в Царском Селе, рядом с восставшей

столицей, то есть самые близкие люди в любую минуту могли превратиться в заложников.

Собственно, именно так и произошло. И снова по вине Александры Федоровны.

Уже 27 февраля ближе к полудню она отправила мужу телеграмму: «Революция вчера приняла ужасающие размеры. Знаю, что присоединились и другие части. Известия хуже, чем когда бы то ни было. Алис».

Спустя почти два часа снова телеграфировала: «Уступки необходимы. Стачки продолжаются. Много войск перешло на сторону революции. Алис».

Вечером в 9 часов 50 минут она отправила еще одну телеграмму: «Лили провела у нас день и ночь, не было ни колясок, ни моторов. Окружной суд горит. Алис».

Через десять минут в Царское Село позвонил военный министр Беляев и, ссылаясь на Родзянко, советовал немедленно увозить императрицу с детьми куда угодно из Царского Села — завтра может быть поздно.

Представим положение бедной Александры Федоровны: тяжело больные дети, муж очень далеко, морозная ночь. А во дворце тепло, спокойно, муж обещал вскоре прибыть. Авось еще утрясется...

И она никуда не поехала, хотя, конечно, надо было бежать без оглядки.

Как высокообразованная дама (доктор философии), Александра Федоровна прочитала много книг о русской жизни. Наверное, она читала и «Капитанскую дочку» великого Александра Пушкина. Мы имеем в виду вот эти строчки:

«Состояние всего края, где свирепствовал пожар, было ужасно. Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды, или не знают нашего народа, или уж люди

жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка...»^[270]

Может, читала, а может, и не читала, так как это строки из «Пропущенной главы», которая представлена не во всех изданиях.

В общем, тогда в Царском Селе уж точно мало кто представлял реальную обстановку. А ведь возьми Александра Федоровна да и покинь в ночь на 28 февраля романовское гнездо?

27 февраля Николай II наконец осознал угрозы и записал в дневник: «Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия!» Он послал в столицу старого, заслуженного, но уже изношенного генерал-адъютанта Н. И. Иванова с батальоном георгиевских кавалеров «водворить порядок», вызвал с фронта десять полков и сам решил ехать в Петроград, не подозревая, что тем самым отдает себя в руки революционной стихии.

28 февраля восстание перекинулось на окрестности города. В Кронштадте убили адмирала Вирена и десятки офицеров. В Царском Селе местный гарнизон разгромил все винные склады. Что же до охраны царской семьи, то она объявила нейтралитет.

Все окружение царя ратовало за политические уступки, но царь считал, что уступки только придадут восставшим больше уверенности в своих силах и безнаказанности.

Судьба второй раз напомнила ему о беззащитной его семье, комендант Александровского дворца позвонил из Царского Села и спросил: не желает ли его величество, чтобы императрица с детьми выехала ему навстречу?

Ответ: нет, ни в коем случае, он сам приедет.

Тем временем новая власть начала действовать. Военную комиссию Временного комитета возглавил

старый недруг царя А. И. Гучков, его заместителем стал очень толковый инженер (тоже масон, но «уснувший», то есть недействующий) П. И. Пальчинский, который предпринял необходимые организационные меры для упрочения власти: установил охрану электростанций, военных заводов, захватил вокзалы, телеграф, почту, арсенал, Государственный банк, Экспедицию ценных бумаг, Генеральный штаб. Комиссар путей сообщения и инженер-путеец А. А. Бубликов по железнодорожной телеграфной сети, неподконтрольной ни военным, ни полиции, отдал команду задержать царский поезд.

В это время Шульгин с мандатом Временного комитета направился в Петропавловскую крепость, уже окруженную вооруженной толпой. Он предотвратил штурм и разгром исторической твердыни, распорядился выпустить несколько арестованных солдат-запасников, произнес речь и разрешил поднять над крепостью красный флаг. Удовлетворенная толпа разошлась искать новый объект для освобождения и разгрома.

Конечно, «предательство» Шульгина было вписано монархистами в его послужной революционный список.

Вообще положение нашего героя было не из легких. Вступив в Прогрессивный блок и став одним из его лидеров, он ставил целью удержать оппозиционную волну в границах добропорядочности и привести к сотрудничеству с монархистами. Как писал А. И. Солженицын, «чтобы кадетов превратить в патриотов».

Наш антисоветский нобелевский лауреат доходчиво объяснил душевное состояние Василия Витальевича, недаром приезжал к нему консультироваться: «Так теперь поднялось в Шульгине старое его ощущение ненависти к революции, это дрожное нутряное чувство киевского Девятьсот Пятого года. За многими годами воротившейся мирной жизни, за шумными думскими прениями, разоблачениями правительства — он как-то

совсем его забыл. А теперь час от часу оно вставало в душе, дорастая уже и до бешенства: пулеметов бы!»

Посмотрим, как рассказал об этом Шульгин на очередном допросе во внутренней тюрьме МГБ в октябре 1946 года: «Начавшуюся в феврале 1917 года революцию я встретил враждебно. Острое чувство ненависти к восставшему народу, ко всему революционному снова появилось во мне, как это уже однажды было во время революции 1905 года. В памятные дни февраля 1917 года многотысячные толпы народа, восставших солдат и рабочих загрохотали улицы Петрограда. Народ ворвался в Таврический Дворец, где заседал комитет Государственной Думы, начались аресты бывших министров царского правительства и других видных деятелей царизма. И мы этому не могли противодействовать. В этих словах „Пулеметов! Пулеметов...“ я выразил ненависть к революции и тогдашние мои и моих коллег по Государственной Думе чаяния. Нам хотелось опереться на какие-либо вооруженные силы, чтобы из пулеметов расстрелять восставших рабочих и солдат и восстановить нужный нам в столице порядок. Но ни вооруженной силы, ни пулеметов у нас — членов комитета Государственной Думы не было. Поэтому на непрерывных, непрекращающихся заседаниях комитета мы все время искали выхода из создавшегося положения и, наконец, в ночь на 2 марта 1917 года решили, что, может быть, пожертвовав Николаем II, удастся спасти ему жизнь, а нам монархию».

28 февраля в 5 часов утра в синей зимней темноте императорский литерный поезд «А» вышел из Могилева в направлении Петрограда. Началась гонка с революцией, наградой в которой, как мы сейчас знаем, была жизнь.

Тем временем, прибыв в Петроград, генерал-адъютант Иванов получил успокаивающую телеграмму из Ставки от генерала Алексеева: «Частные сведения говорят, что 28 февраля в Петрограде наступило полное спокойствие. Войска, примкнув к Временному правительству в полном составе, приводятся в порядок. Временное правительство, под председательством Родзянко, заседаая в Государственной Думе, пригласило командиров воинских частей для получения приказаний по поддержанию порядка. Воззвание к населению, выпущенное Временным правительством, говорит о незыблемости монархического начала в России, о необходимости новых оснований для выбора и назначения правительства.

Ждут с нетерпением приезда Его Величества, чтобы представить ему все изложенное и просьбу принять это пожелание народа.

Если эти сведения верны, то изменяется способ ваших действий. Переговоры приведут к умиротворению, дабы избежать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу, дабы сохранить учреждения, заводы и пустить в ход работы.

Воззвание нового министра путей сообщения Бубликова к железнодорожникам, мною полученное кружным путем, зовет к усиленной работе всех, дабы наладить расстроенный транспорт.

Доложите Его Величеству все это и убеждение, что дело можно провести мирно к хорошему концу, который укрепит Россию. 28 февраля 1917 г. № 1833. Алексеев».

Словом, начальник штаба Верховного главнокомандующего (руководствуясь «частными сведениями») фактически отменил карательную операцию.

Характерно, что, называя Бубликова «министром», он уже признавал переворот законным.

Любопытно, что Михаил Васильевич Алексеев, внук крепостного крестьянина, лучший стратегический ум России, сыграл решающую роль в те роковые дни. Он был противоречивой натурой — монархист и «гучковец», не сторонник заговора и тут же сторонник его, поддерживал мятеж генерала Л. Г. Корнилова против Временного правительства, формировал Добровольческую армию на Дону.

Французская разведка в начале 1918 года дала ему такую оценку:

«Алексеев. Человек исключительно фальшивый. В течение нескольких дней он дважды солгал... Это амбициозный старец, желающий любой ценой сделать карьеру. Он старорежимный монархист, выступающий за абсолютизм и централизацию. Действует исключительно ради реставрации империи. По моему убеждению, для осуществления этого он согласился бы принять и помощь немцев. При контактах с ним нужна чрезвычайная осторожность, без оказания и тени доверия»^[271].

Нет, Алексеев не был фальшивым, просто «прогрессивная» альтернатива режиму была фальшивой.

Получив телеграмму Алексеева, генерал Иванов прибыл в Царское Село, обнадежил императрицу и решил не собирать в Царском свои войска.

На вокзале ему вручили еще одну телеграмму такого же успокаивающего содержания: «Царское Село. Надеюсь прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не принимать. НИКОЛАЙ. 2 марта 1917 г. 0 ч. 20 м.».

Что же случилось? Почему генерал Алексеев, ранее безоговорочно выступавший за подавление восстания, круто брал назад? Почему император, уже зная об

угрозах от Александры Федоровны, стал так нерешителен?

Явно что-то произошло. И, как мы знаем, надежды на благополучный исход дела были беспочвенными.

Глубокой ночью 28 февраля в Ставку пришла телеграмма Родзянко о создании Временного комитета Государственной думы. Родзянко сообщал, что столица выступает против царя и что для спасения династии и монархии необходимо отречение царя в пользу наследника. Родзянко убеждал отменить присылку войск, ибо это только усугубит анархию.

Однако в тот момент Михаил Владимирович уже не был председателем Думы, каковым его еще воспринимал начальник штаба. Родзянко, пусть и неявно, встал во главе государственного переворота и действовал согласно логике политической обстановки.

Генералу предстояло сделать выбор.

К нему ранее обращались многие, пытаясь вовлечь в политическое противостояние с режимом, но Алексеев, испытывавший неприязнь к Распутину и Александре Федоровне, только однажды решился отказать ей в приезде в Ставку «старца», пообещав в случае его появления тотчас уйти в отставку. Тем не менее свою позицию он выразил определенно.

Он не был потомственным дворянином, его отец выслужился из солдат в офицеры и участвовал в Крымской войне. Сам Алексеев, окончив Московское пехотное училище, в 19 лет принял участие в Русско-турецкой войне, участвовал в осаде Плевны, обороне Шипки, был ранен, служил ординарцем у героя той войны М. Д. Скобелева. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба, участвовал в Русско-японской войне. В 1915 году во время Великого отступления командовал Северо-Западным фронтом, где было сосредоточено три четверти русских войск, сумел при большом недостатке боеприпасов сорвать

стратегический план немецкого командования по окружению армий своего фронта, маневрами и короткими контрударами вывел войска из окружения, чем в итоге определилось неизбежное будущее поражение Германии.

Являясь начальником штаба Верховного главнокомандующего, проявил себя работоспособным и ответственным руководителем, часто встречался с министрами, деятелями ЦВПК, Земского союза и Союза городов.

Об одной встрече Алексеев рассказывал генералу Деникину фантастическую историю.

Когда он находился на лечении в Крыму в ноябре 1916-го — середине февраля 1917 года, к нему приезжали из Петрограда представители «некоторых думских и общественных кругов» и «...совершенно откровенно заявили, что назревает переворот. Как отнесется к этому страна, они знают. Но какое впечатление произведет переворот на фронте, они учесть не могут. Просили совета». (Известно, что к Алексееву в то время приезжал Гучков.)

Можно ли такое представить в нормальной обстановке? К фактическому руководителю армии приезжают некие политики и предлагают ему войти в военный заговор.

И как поступил генерал, который в письме жене однажды назвал себя «неизлечимым русским», то есть патриотом? Выгнал заговорщиков? Сообщил своему начальнику? Вызвал караул и задержал их?

Ничего такого он не сделал.

Зато «...в самой категорической форме указал на недопустимость каких бы то ни было государственных потрясений во время войны, на смертельную угрозу фронту, который, по его пессимистическому определению, „и так не слишком прочно держится“, и просил во имя сохранения армии не делать этого шага».

Неназванные «представители» пообещали предотвратить переворот.

Должно быть, Деникин понимал двойственность реакции Алексеева, поэтому он с некоторым сомнением в искренности Алексеева заключил: «Не знаю, какие данные имел Михаил Васильевич, но он уверял впоследствии, что те же представители вслед за ним посетили Брусилова и Рузского и, получив от них ответ противоположного свойства, изменили свое первоначальное решение: подготовка переворота продолжалась».

То есть Алексеев вошел в доверительные отношения с заговорщиками Рузским и Брусиловым?

С. Мельгунов писал, что председатель Земского союза Г. Е. Львов, будущий глава первого состава Временного правительства, тоже ездил в Крым на свидание с Алексеевым, но генерал отказался от всяких политических разговоров и его не принял.

Нет, на заговорщика Алексеев все-таки не был похож.

Протопресвитер Георгий Шавельский, долгое время служивший в Ставке, высоко отзывался о моральных качествах Алексеева: «Находились люди, которые, особенно после революции, решались обвинять Алексеева и в неискренности, и в честолюбивых замыслах, и в своекорыстии, и чуть ли не в вероломстве. После семнадцатилетнего знакомства с генералом Алексеевым у меня сложилось совершенно определенное представление о нем. Михаил Васильевич, как и каждый человек, мог ошибаться, — но он не мог лгать, хитрить и еще более ставить личный интерес выше государственной пользы. Корыстолюбие, честолюбие и славолубие были совсем чужды ему».

Все верно, генерал-адъютант был выдающимся военным специалистом, христианином, бессребреником.

И если бы не революция... Именно в ней заключалась роковая проблема.

В общем, поздней ночью начальник штаба Алексеев внял посланию председателя Временного комитета Государственной думы.

«Генерал Алексеев примкнул к этому мнению», — проинформировал 1 марта Родзянко членов Временного комитета ^[272].

Это как будто еще не поддержка переворота, но какое-то движение в ту сторону.

Впоследствии М. де Ноблемонт в брошюре «Какая причина толкнула Генерал-Адъютанта Алексеева предать своего Императора?» так объяснил его решение: он боялся, что в случае подавления бунта начнется следствие и обнаружатся его связи с Гучковым и другими заговорщиками ^[273].

За псевдонимом «де Ноблемонт» скрывался Георгий Александрович Эдельберт, харьковский помещик, поручик из контрразведки белогвардейской Добровольческой армии.

Далее события разворачивались так. Копия успокоительной телеграммы, адресованной «диктатору» генералу Иванову, ночью 1 марта была разослана всем командующим фронтами.

Тогда же царский поезд повернул на Псков, так как были получены сведения о блокировании путей на столицу революционными войсками. В Пскове располагался штаб Северного фронта. Прибыв туда, император оказался под опекой генерал-адъютанта Н. В. Рузского, который, как вскоре выяснилось, уже определился в отношении сотрудничества с Временным комитетом.

1 марта в 15 часов 58 минут генерал Алексеев направил царю в Псков телеграмму, в которой впервые

со всей определенностью указывал императору, как следует действовать.

В первой части телеграммы выражена забота о состоянии армии.

«Беспорядки в Москве, без всякого сомнения, перекинутся в другие большие центры России, и будет окончательно расстроено и без того неудовлетворительное функционирование железных дорог. А так как армия почти ничего не имеет в своих базисных магазинах и живет только подвозом, то нарушение правильного функционирования тыла будет для армии губительно, в ней начнется голод и возможны беспорядки. Революция в России, а последняя неминуема, раз начнутся беспорядки в тылу, — знаменует собой позорное окончание войны со всеми тяжелыми для России последствиями. Армия слишком тесно связана с жизнью тыла, и с уверенностью можно сказать, что волнения в тылу вызовут таковые же в армии. Требовать от армии, чтобы она спокойно сражалась, когда в тылу идет революция, невозможно.

Нынешний молодой состав армии и офицерский состав, в среде которого громадный процент призванных из запаса и произведенных в офицеры из высших учебных заведений, не дает никаких оснований считать, что армия не будет реагировать на то, что будет происходить в России. Мой верноподданнический долг и долг присяги обязывает меня все это доложить Вашему Императорскому Величеству. Пока не поздно, необходимо принять меры к успокоению населения и восстановить нормальную жизнь в стране».

А вот — прямое давление на царя и возражение против применения силы: «Подавление беспорядков силою, при нынешних условиях, опасно и приведет Россию и армию к гибели. Пока Государственная Дума старается водворить возможный порядок, но если от Вашего Императорского Величества не последует акта,

способствующего общему успокоению, власть завтра же перейдет в руки крайних элементов и Россия переживет все ужасы революции. Умоляю Ваше Величество, ради спасения России и династии, поставить во главе правительства лицо, которому бы верила Россия и поручить ему образовать кабинет.

В настоящее время это единственное спасение. Медлить невозможно и необходимо это провести безотлагательно.

Докладающие Вашему Величеству противное бессознательно и преступно ведут Россию к гибели и позору и создают опасность для династии Вашего Императорского Величества. 1847. Генерал-адъютант Алексеев».

Генерал Спиридович: «Государь долго не ложился спать. Было около пяти часов утра, когда Государь дал для отправки генералу Алексееву, в Ставку, следующую телеграмму: „Можно объявить представленный манифест, пометив его Псковом. НИКОЛАЙ“.

В тот вечер Государь был побежден. Рузский сломил измученного, издерганного морально Государя, не находившего в те дни около себя серьезной поддержки.

Государь сдал морально. Он уступил силе, напористости, грубости, дошедшей в один момент до топания ногами и до стукания рукою по столу.

Об этой грубости Государь говорил с горечью позже своей Августейшей матушке и не мог забыть ее даже в Тобольске. (Об этом случае вдовствующая Императрица Мария Федоровна говорила графине Воронцовой-Дашковой, графу Гендрикову, князю Долгорукову, графу Д. Шереметеву. Трое последних лично передавали это автору настоящих строк. Граф Гендриков писал о том в журнале „Двуглавый Орел“. № 29.)

Уступив Рузскому и Алексееву, Государь как бы признал свою ошибку в прошлом и тем уронил в их

глазах свой авторитет правителя и самодержца. Почва для утренней атаки на Государя была подготовлена».

2 марта (15-го по новому стилю) в 3 часа 20 минут ночи генерал Рузский вступил в решающий разговор с Родзянко (по телеграфному аппарату Юза), который длился около двух часов и привел к роковым решениям.

Рузский сообщил, что «Его Величество выразил окончательное решение — дать ответственное перед законодательными палатами министерство с поручением вам образовать кабинет».

Родзянко воспринял эту информацию, которая несколько дней назад была бы сенсационной, без всякой радости. Он ответил, что «...войска окончательно деморализованы, идет одна из страшнейших революций, ненависть к Государыне Императрице дошла до крайних пределов». Выход только один: «династический вопрос поставлен ребром».

Рузский спросил главное: «В каком виде намечается разрешение династического вопроса?»

Родзянко после перечисления претензий к императору (слабые министры, Распутин и «его клика», инфляция, давление на Думу, аресты, ненавидимая императрица) выдал: «Отречения в пользу сына при регентстве Михаила Александровича». При этом он ложно утверждал, подыгрывая генералу, что «...народ решил твердо войну довести до победного конца и в руки немцам не даваться».

Рузский понял и начал зондаж: «Войска на фронте с томительной тревогой и тоской оглядываются на то, что делается в тылу, а начальники лишены авторитетного слова сделать им надлежащее распоряжение».

Родзянко дал понять, что будет располагать властными полномочиями: «Анархия достигает таких размеров, что я вынужден сегодня ночью назначить Временное правительство». И чтобы генерал не

сомневался: «Наша славная армия не будет ни в чем нуждаться. В этом полное единение всех партий».

Рузский уточнил: «Насильственный переворот не может пройти бесследно».

Родзянко фактически дал ему рекомендацию, как действовать: «Переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех, и тогда все кончится в несколько дней, — одно могу сказать: ни кровопролитий, ни ненужных жертв не будет, я этого не допущу».

Разговор закончился. Ранним утром 2 марта генерал Алексеев получил его текст и начал действовать. По его приказанию генерал-квартирмейстер штаба А. С. Лукомский вызвал к аппарату начальника штаба Северного фронта генерала Данилова и передал: Алексеев просит разбудить царя и доложить ему о разговоре генерала Рузского с Родзянко. «Переживаем слишком серьезный момент, когда решается вопрос свержения Государя с престола. Уже более суток генерал Алексеев убедительно просит безотлагательно это сделать, так как теперь важна каждая минута и всякие этикеты должны быть отброшены. Генерал Алексеев просит, по выяснении вопроса, немедленно сообщить, дабы официально и со стороны военных властей сделать необходимое сообщение в армии, ибо неизвестность хуже всего и грозит тому, что начнется анархия в армии».

Далее Лукомский «от себя» попросил доложить Рузскому, что «выбора нет и отречение должно состояться».

И как аргумент для давления на царя: «Надо помнить, что вся царская семья находится в руках мятежных войск, ибо, по полученным сведениям, дворец в Царском Селе занят войсками, как об этом вчера уже сообщал вам генерал Клембовский. Если не согласиться, то, вероятно, произойдут дальнейшие

эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война и Россия погибнет под ударами Германии и погибнет вся династия. Мне больно это говорить, но другого выхода нет».

Едва ли генерал Лукомский послал свое «частное» добавление без ведома самого Алексеева.

Однако Александровский дворец в Царском Селе не был захвачен революционными солдатами. Говоря о захвате, Лукомский дезинформировал Псков.

Не надеясь сломить сопротивление царя, генерал Алексеев подключил к делу всех командующих фронтами. Им было сообщено мнение Родзянко о необходимости отречения: «Войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявляемых требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича».

И чтобы командующие не колебались, далее Алексеев дал завуалированное указание: «Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что существование армий и работа железных дорог находятся фактически в руках Петроградского Временного Правительства. Необходимо спасти действующую армию от развала, продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России и судьбу династии. Это нужно поставить на первый план хотя бы ценою дорогих уступок».

На командующих прямо возлагалась ответственность за спасение армии и государства. И ответы от них не замедлили последовать.

В удалении от центра событий генералам казалось, что в принципе нет большого различия в том, будет ли создано «ответственное министерство» и кто будет на

троне. Депутаты, лидеры Прогрессивного блока, были людьми одного с ними круга, их нечего было опасаться.

С другой стороны, все понимали, что сейчас решение зависит от одного человека, которому они присягали, — от царя. Если он решится, восстание будет раздавлено любой ценой, даже ценой потерь и отступления на фронте.

В эти дни и генералы должны были сделать выбор. При этом надо учесть, что они тоже устали от войны, проблем снабжения, афер и спекуляции в тылу, политических дразг и правительственной чехарды, слухов о шпионах и «темных силах» вокруг императрицы.

Наступил решающий час. Каждый в душе уже делал выбор, словно голосовал за ту или иную партию в Государственной думе. Одиннадцать лет работы парламента воспитали новое политизированное поколение.

Здесь надо вспомнить два важных обстоятельства — КЕПС академика В. И. Вернадского и ГАУ генерала А. А. Маниковского.

Поэт Александр Блок в своем дневнике 6 марта 1916 года поразительно точно передал особенность того времени: «Война — просто огромная фабрика на ходу, и в этом ее роковой смысл».

Роковой смысл был в том, что индустриальная эпоха потребовала перемен в государственном управлении. Оно стало осуществляться руками инженеров А. А. Бубликова, П. И. Пальчинского и других технократов, «детьми начавшейся индустриализации», овладевших железными дорогами и телеграфом. Мысль П. Б. Струве о несовместимости железных дорог и феодального управления стала делом.

Генералы Алексеев, Рузский, Брусилов и остальные высшие чины, руководствуясь благими намерениями, по правде, оказались настоящими предателями...

Доиндустриальное время было переломлено мировой войной. При этом император, уважавший российскую историю и черпавший в ней духовные силы, оказался перед труднейшим выбором. Его идеалом было время его отца, но оно безвозвратно ушло. Еще князь В. П. Мещерский, внук историка Николая Карамзина, один из идеологов эпохи Александра III, в конце жизни признал, что попытки «царя-миротворца» возродить дворянство были «воззванием к мертвецу»^[274].

Когда-то Карамзин посоветовал Николаю I стрелять из пушек во время восстания декабристов в 1825 году...

Стоя перед выбором, начать гражданскую войну или уйти с исторической арены, Николай Александрович, как христианин, предпочел пожертвовать собой.

На что не имел права.

В этом сила его личного подвига и трагедия империи.

Контрразведчик Владимир Орлов оставил трогательную запись о прощании уже отрекшегося императора с армией, в которой приводится главный мотив ухода. «Я никогда не забуду этот день — 8 марта 1917 года, ознаменовавший начало крушения монархии. Мы все были с царем в Могилеве. Он уже отрекся от престола в пользу своего брата Михаила, который в свою очередь тоже отказался от короны.

Начальник штаба направил курьеров к нам на квартиры с распоряжением собраться в зале генеральского дома. Очень скоро зал был переполнен: там были все офицеры штаба, строевики и мы, сотрудники разведки. Тишина стояла мертвая. Мы знали, что видим царя в последний раз. Что его ждет?

Он вошел в зал, одетый в черную казачью форму, стянутую портупеей, и, как обычно, был очень спокоен. Прошел по образованному нами узкому проходу в центр

зала. Все мы были охвачены такой печалью, что едва понимали, о чем он говорил. Говорил он очень тихо, так тихо, что даже стоявшие впереди едва слышали его. Часто сбивался, начинал предложение, запинаясь и не мог закончить его, начинал снова и внезапно замолкал.

— Благодарю вас, господа, за вашу преданность. Вы, как и я, знаете, что произошло. Я отрекся от престола для блага страны. Предотвращение гражданской войны значит для меня больше, чем что-либо другое. Я отрекся от престола в пользу своего брата Михаила, но он отказался от короны. Боже, что ждет Россию... Я хочу... я хочу... я надеюсь, что вы сделаете все... враги России... Я желаю всем вам... я... Итак, господа...

Старые генералы плакали как дети, казаки рыдали, один из самых преданных царских слуг, человек огромного роста, упал без сознания на землю. Его свалил апоплексический удар, на его губах блестела пена. Его тут же вынесли. Царь подошел к генералу Алексееву и обнял его. Затем он попрощался с каждым, кто стоял вдоль прохода, желая всем счастья. С друзьями он разговаривал дольше.

Я видел, как закаленные, испытанные воины предавались горю, и сам плакал. В печальных глазах царя тоже стояли слезы.

Встреча закончилась. Он кивнул всем нам, вытер слезы и, ничего не говоря, быстро вышел. Через несколько минут он проскользнул в свой поезд, который, как об этом часто писали, покинет уже пленником»^[275].

1 марта, накануне отречения, в Исполнительном комитете Петроградского совета обсуждали дальнейшую судьбу императора. Председатель Исполнительного комитета Совета Н. С. Чхеидзе категорически возражал против его отъезда за границу,

заявив: «Никогда! У него там имеются громадные деньги, 500 миллионов рублей золотом. Он нам такую контрреволюцию устроит, что от нас ничего не останется. Его надо здесь обезвредить!»^[276]

Нет, это не совсем смертный приговор, до настоящего приговора еще далеко.

Гучков терпеть не мог Чхеидзе и высказался о нем так: «Я относился брезгливо к Чхеидзе с его ненавистью к буржуазному строю, русскому народу, к России самой. Он из злобных был...»^[277]

Для Временного комитета было очевидно, что Николай II уже не сможет царствовать. Но как решить проблему передачи власти, никто толком не понимал. Лишь один Гучков, уже осмысливший и свыкшийся с мыслью о перевороте, был готов довести дело до конца. Он предпочитал обойтись без насилия. Как заметил Милюков, «...он считал себя первым кандидатом на то, чтобы добиться от царя отречения».

Вечером 1 марта он «...заявил, что, будучи убежден (уже издавна) в необходимости этого шага, он решил его предпринять во что бы то ни стало и, если ему не будут даны полномочия от думского комитета, готов сделать это за свой страх и риск».

Царь должен был отречься в пользу сына и назначить регентом великого князя Михаила Александровича. Этим обеспечивалась преемственность власти на краю пропасти безвластия.

1 марта. Ночь. Таврический дворец. Читаем у Шульгина:

«Мысль об отречении созревала в умах и сердцах как-то сама по себе. Она росла из ненависти к монарху, не говоря о всех прочих чувствах, которыми день и ночь хлестала нам в лицо революционная толпа. На третий день революции вопрос о том, может ли царствовать

дальше Государь, которому безнаказанно брошены в лицо все оскорбления, был уже, очевидно, решен в глубине души каждого из нас.

Обрывчатые разговоры были то с тем, то с другим. Но я не помню, чтобы этот вопрос обсуждался Комитетом Государственной Думы как таковым. Он был решен в последнюю минуту...

Кажется, в четвертом часу ночи вторично приехал Гучков. Он был сильно расстроен. Только что рядом с ним в автомобиле убили князя Вяземского. Из каких-то казарм обстреляли „офицера“.

И тут, собственно, это и решилось. Нас было в это время неполный состав. Были Родзянко, Милюков, я, — остальных не помню... Но помню, что ни Керенского, ни Чхеидзе не было. Мы были в своем кругу. И потому Гучков говорил совершенно свободно. Он сказал приблизительно следующее:

— Надо принять какое-нибудь решение. Положение ухудшается с каждой минутой. Вяземского убили только потому, что он офицер... То же самое происходит, конечно, и в других местах... А если не происходит этой ночью, то произойдет завтра... Идучи сюда, я видел много офицеров в разных комнатах Государственной Думы: они просто спрятались сюда... Они боятся за свою жизнь... Они умоляют спасти их... Надо на что-нибудь решиться... На что-то большое, что могло бы произвести впечатление... что дало бы исход... что могло бы вывести из ужасного положения с наименьшими потерями... В этом хаосе, во всем, что делается, надо прежде всего думать о том, чтобы спасти монархию... Без монархии Россия не может жить... Но, видимо, нынешнему Государю царствовать больше нельзя... Высочайшее повеление от его лица — уже не повеление: его не исполнят... Если это так, то можем ли мы спокойно и безучастно дожидаться той минуты, когда весь этот революционный сброд начнет

сам искать выхода... И сам расправится с монархией... Меж тем это неизбежно будет, если мы выпустим инициативу из наших рук...

— Я думаю, надо ехать, — сказал Гучков. — Если вы согласны и если вы меня уполномочиваете, я поеду... Но мне бы хотелось, чтобы поехал еще кто-нибудь...

Мы переглянулись. Произошла продолжительная пауза, после которой я сказал:

— Я поеду с вами...»^[278]

Почему никто не хотел ехать вместе с Гучковым?

Это было опасно. Шульгин — единственный, кто решился.

«Я отлично понимал, почему я еду. Я чувствовал, что отречение случится неизбежно, и чувствовал, что невозможно поставить Государя лицом к лицу с Чхеидзе... отречение должно быть передано в руки монархистов и ради спасения монархии.

Кроме того, было еще другое соображение. Я знал, что офицеров будут убивать именно за то, что они монархисты, за то, что они захотят исполнить свой долг присяги царствующему императору до конца. Это, конечно, относится к лучшим офицерам. Худшие приспособятся. И вот для этих лучших надо было, чтобы сам Государь освободил их от присяги, от обязанности повиноваться ему. Он только один мог спасти настоящих офицеров, которые нужны были как никогда. Я знал, что в случае отречения... революции как бы не будет. Государь отречется от престола по собственному желанию, власть перейдет к регенту, который назначит новое правительство. Государственная Дума, подчинившаяся указу о роспуске и подхватившая власть только потому, что старые министры разбежались, — передаст эту власть новому правительству. Юридически революции не будет»^[279].

Это объяснение, возможно, реабилитирует нашего героя. Он искал выход, считая, что найдет его в Пскове.

Одного сочувствия оказалось мало... В личном дневнике царя день отречения описан кратко:

«Утром пришел Рузский и прочел свой длинейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется соц. — дем. партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2 (?) ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я поговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман!»

Великий князь Александр Михайлович, женатый на сестре императора Ксении Александровне, генерал-адъютант, командующий авиацией, в своем дневнике записал:

«3 марта. Мой адъютант разбудил меня на рассвете. Он подал мне печатный лист. Это был манифест Государя об отречении. Никки отказался расстаться с Алексеем и отрекся в пользу Михаила Александровича. Я сидел в постели и перечитывал этот документ. Вероятно, Никки потерял рассудок. С каких пор Самодержец Всероссийский может отречься от данной ему Богом власти из-за мятежа в столице, вызванного недостатком хлеба? Измена Петроградского гарнизона? Но ведь в его распоряжении находилась пятнадцатимиллионная армия...

Через минуту к станции подъехал автомобиль Никки... Он был бледен, но ничто другое в его внешности не говорило о том, что он был автором этого ужасного манифеста... упрекал своего брата Михаила Александровича за то, что он своим отречением оставил Россию без Императора.

— Миша не должен был этого делать, — наставительно закончил он. — Удивляюсь, кто дал ему такой странный совет.

Это замечание исходило от человека, который только что отдал шестую часть вселенной горсточке недисциплинированных солдат и бастующих рабочих, лишило меня дара речи. После неловкой паузы, он стал объяснять причины своего решения. Главные из них были:

1) Желание избежать в России гражданского междоусобия.

2) Желать удержать армию в стороне от политики для того, чтобы она могла продолжать делать общее с союзниками дело, и

3) Вера в то, что Временное Правительство будет править Россией более успешно, чем он.

Ни один из этих трех доводов не казался мне убедительным. Даже на второй день новой „Свободной России“ у меня не было никаких сомнений в том, что гражданская война в России неизбежна и что развал нашей армии является вопросом ближайшего будущего. Между тем сутки борьбы в предместьях столицы — и от всего этого „жуткого сна“ не осталось бы и следа».

В дневнике императрицы-матери Марии Федоровны совершенно иная оценка:

«4/17 марта. Спала плохо, хотя постель была удобная. Слишком много тяжелого. В 12 часов прибыли в Ставку, в Могилев в страшную стужу и ураган. Дорогой Ники встретил меня на станции, мы отправились вместе в его дом, где был накрыт обед

вместе со всеми... После обеда бедный Ники рассказал обо всех трагических событиях, случившихся за два дня. Он открыл мне свое кровоточащее сердце, мы оба плакали. Сначала пришла телеграмма от Родзянко, в которой говорилось, что он должен взять ситуацию с Думой в свои руки, чтобы поддержать порядок и остановить революцию; затем — чтобы спасти страну — предложил образовать новое правительство и... отречься от престола в пользу своего сына (невероятно!). Но Ники, естественно, не мог расстаться со своим сыном и передал трон Мише! Все генералы телеграфировали ему и советовали то же самое, и он, наконец, сдался и подписал манифест. Ники был невероятно спокоен и величествен в этом ужасно унижительном положении. Меня как будто ударили по голове, я ничего не могу понять! Возвратилась в 4 часа, разговаривали. Хорошо бы уехать в Крым. Настоящая подлость только ради захвата власти. Мы попрощались. Он настоящий рыцарь»^[280].

В это время в Петрограде не сразу поверили в реальность отречения и готовились к худшему. А. А. Бубликов, революционный комиссар в Министерстве путей сообщения, который заблокировал движение царского поезда, тогда оценил перспективу как очень неопределенную: «Достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание было подавлено. Больше того, его можно было усмирить простым перерывом железнодорожного движения с Петербургом: голод через три дня заставил бы Петербург сдаться. В марте еще мог вернуться царь. И это чувствовалось всеми: недаром в Таврическом дворце несколько раз начиналась паника».

О самом отречении, кажется, известно всё. 2 марта вечером, в десятом часу, на псковский вокзал прибыли представители Временного комитета, их провели в

салон-вагон, помогли снять пальто. Их встретили министр двора граф Фредерикс и начальник канцелярии Нарышкин. Ждали царя.

Обстановка была тягостная, как будто предстояло хоронить близкого человека.

Через несколько минут он пришел.

Шульгин: «В дверях появился Государь... Он был в серой черкеске... Я не ожидал его увидеть таким...

Лицо? Оно было спокойно... Мы поклонились. Государь поздоровался с нами, подав руку. Движение это было скорее дружелюбно...»^[281]

Дружелюбно? Нет, не дружелюбно. Все командующие фронтами и генерал-адъютант Алексеев высказались за его отречение (только командующий Черноморским флотом А. В. Колчак промолчал), все было кончено, на эмоции не осталось сил.

В записках секретаря Чрезвычайной следственной комиссии поэта Александра Блока читаем: «Царь не обнаружил никаких признаков своего давнего неблаговоления к Гучкову, но также и никакой теплоты. Он говорил спокойным, корректным и деловым тоном»^[282].

Шульгин: «Жестом Государь пригласил нас сесть... Государь занял место по одну сторону маленького четырехугольного столика, придвинутого к зеленой шелковой стене. По другую сторону столика сел Гучков. Я — рядом с Гучковым, наискось от Государя. Против царя был барон Фредерикс...

Говорил Гучков. И очень волновался. Он говорил, очевидно, хорошо продуманные слова, но с трудом справлялся с волнением. Он говорил негладко... и глухо.

Государь сидел, опершись слегка о шелковую стену, и смотрел перед собой. Лицо его было совершенно спокойно и непроницаемо.

Я не спускал с него глаз. Он изменился сильно с тех пор... Похудел... Но не в этом было дело... А дело было в том, что вокруг голубых глаз кожа была коричневая и вся разрисованная белыми черточками морщин. И в это мгновение я почувствовал, что эта коричневая кожа с морщинками, что это маска, что это не настоящее лицо Государя и что настоящее, может быть, редко кто видел, может быть, иные никогда ни разу не видели...

А я видел тогда, в тот первый день, когда я видел его в первый раз, когда он сказал мне: „Оно и понятно... Национальные чувства на Западе России сильнее... Будем надеяться, что они передадутся и на Восток“...

Да, они передались. Западная Россия заразила Восточную национальными чувствами. Но Восток заразил Запад... властеборством. И вот результат...

Гучков — депутат Москвы, и я, представитель Киева, — мы здесь... Спасаем монархию через отречение...»^[283]

Им казалось, что они спасают.

Блок: «Гучков сказал, что он приехал от имени Временного Комитета Государственной Думы, чтобы дать нужные советы, как вывести страну из тяжелого положения; Петербург уже всецело в руках движения, попытки фронта не приведут ни к чему, и всякая воинская часть перейдет на сторону движения, как только подышит Петербургским воздухом... Поэтому, продолжал Гучков, всякая борьба для вас бесполезна. Совет наш заключается в том, что вы должны отречься от престола»^[284].

Гучков волновался, с трудом подбирая слова, но все же твердо указал: представители царскосельских воинских частей пришли в Думу и всецело присоединились к новой власти. Что это означало, все поняли. Император не изменился в лице.

Шульгин: «Гучков говорил о том, что происходит в Петрограде. Он немного овладел собой... Он говорил (у него была эта привычка), слегка прикрывая лоб рукой, как бы для того, чтобы сосредоточиться. Он не смотрел на Государя, а говорил, как бы обращаясь к какому-то внутреннему лицу, в нем же, Гучкове, сидящему, как будто бы совести своей говорил. Он говорил правду, ничего не преувеличивая и ничего не утаивая. Он говорил то, что мы все видели в Петрограде. Другого он не мог сказать, что делалось в России, мы не знали. Нас раздавил Петроград, а не Россия...

Государь смотрел прямо перед собой, спокойно, совершенно непроницаемо. Единственное, что, мне казалось, можно было угадать в его лице: „Эта длинная речь — лишняя...”

В это время вошел генерал Рузский. Он поклонился Государю и, не прерывая речи Гучкова, занял место между бароном Фредериксом и мною...

Гучков снова заволновался. Он подошел к тому, что, может быть, единственным выходом из положения было бы отречение от престола...

Рузский наклонился ко мне и прошептал:

— Это дело решенное... Вчера был трудный день...
Буря была...»^[285]

Буря? Это единственное слово, вырвавшееся у генерала, указывало на какую-то борьбу, которая здесь разыгралась.

Сегодня мы знаем, что это было. Вспомним еще раз слова А. И. Спиридовича: «В тот вечер Государь был побежден. Рузский сломил измученного, издерганного морально Государя, не находившего в те дни около себя серьезной поддержки.

Государь сдал морально. Он уступил силе, напористости, грубости, дошедшей в один момент до топания ногами и до стучания рукою по столу».

Наступила решающая минута.

Блок: «Гучков продолжал: „Я знаю, Ваше Величество, что я вам предлагаю решение громадной важности, и я не жду, чтобы вы приняли его тотчас. Если вы хотите несколько обдумать этот шаг, я готов уйти из вагона и подождать, пока вы примете решение, но, во всяком случае, все это должно совершиться сегодня вечером“»^[286].

Несмотря на тревожный вежливый тон, это звучало ультимативно.

Шульгин:

«— ...И, помолясь богу... — говорил Гучков...

При этих словах по лицу Государя впервые пробежало что-то... Он повернул голову и посмотрел на Гучкова с таким видом, который как бы выражал: „Этого можно было бы и не говорить...“

Гучков окончил. Государь ответил. После взволнованных слов А. И. голос его звучал спокойно, просто и точно. Только акцент был немножко чужой — гвардейский:

— Я принял решение отречься от престола... До трех часов сегодняшнего дня я думал, что могу отречься в пользу сына, Алексея...

Но к этому времени я переменял решение в пользу брата Михаила... Надеюсь, вы поймете чувства отца...

Последнюю фразу он сказал тише...»^[287]

Шульгин обошел молчанием брошенное Гучковым обвинение. Вот оно.

Блок: «Гучков сказал, что царю, конечно, придется расстаться с сыном, потому что „никто не решится доверить судьбу и воспитание будущего государя тем, кто довел страну до настоящего положения“.

На это царь сказал, что он не может расстаться с сыном и передает престол своему брату Михаилу Александровичу.

Гучков, предупредив, что он остается в Пскове час или полтора, просил сейчас же составить акт об отречении, так как завтра он должен быть в Петербурге с актом в руках. Текст был накануне набросан Шульгиным, некоторые поправки внесены Гучковым. Этот текст, не навязывая его дословно, в качестве материала передали царю: царь взял его и вышел».

В вагоне ждали час или полтора.

Царь вернулся и передал Гучкову переписанный на машинке акт с подписью «Николай». Гучков прочел его присутствующим вслух. Шульгин внес две-три незначительных поправки.

Перед подписанием манифеста об отречении князь Г. Е. Львов был назначен председателем Совета министров. А великий князь Николай Николаевич Верховным главнокомандующим.

Здесь происходит что-то непонятное. У Блока: «перепечатанный на машинке акт», но у Шульгина совершенно иное.

Шульгин: «Через некоторое время Государь вошел снова. Он протянул Гучкову бумагу, сказав:

— Вот текст...

Это были две или три четвертушки — такие, какие, очевидно, употреблялись в Ставке для телеграфных бланков. Но текст был написан на пишущей машинке. Я стал пробегать его глазами, и волнение, и боль, и еще что-то сжало сердце, которое, казалось, за эти дни уже лишилось способности что-нибудь чувствовать...»^[288]

Оставим в стороне «волнение и боль». Главное заключено в «двух или трех четвертушках» бумаги, на которых был напечатан текст отречения.

Почему? Потому что известный текст царского манифеста известен как отпечатанный на одном листе, начинающийся словами «Начальнику штаба» и подписанный карандашом.

Сегодня такое оформление документа, всегда имевшее строго определенную форму («Мы, Божиего Милостью Николай Второй...»), вызывает много вопросов. Получается манифест об отречении нельзя назвать императорским манифестом. И карандашная подпись!

К тому же документ, отпечатанный в двух экземплярах и контрассигнованный на обоих графом Фредериксом, добавляет еще одну загадку. Личная подпись человека никогда полностью не повторяется в деталях, но тут — один в один совпадает во всем, словно подписывал не Фредерикс, живой человек, хоть и старый, а бестрепетный железный робот.

То же и с карандашными подписями царя: одна в одну.

Екатеринбургский историк Андрей Разумов провел исследование и сделал следующий вывод: «Заканчивая разбор внешнего вида „отречений“, необходимо остановиться на последней подписи в этих документах — заверяющей (контрассигнирующей) подписи Фредерикса. Надпись гласит: „Министр Императорского Двора Генерал Адъютант Граф Фредерикс“.

Меня удивила похожесть контрассигнирующих надписей графа Фредерикса на всех трех „отречениях“, и я сделал наложение трех надписей друг на друга. Причем накладывал не слово на слово, а наложил ВСЮ НАДПИСЬ ЦЕЛИКОМ, ВСЕ СЕМЬ СЛОВ СРАЗУ, в две строки, с пробелами, промежутками и росчерками. Три автографа на трех разных документах совпали до буквы. Судите сами.

Нет разницы даже не между буквами, а МЕЖДУ РАСПОЛОЖЕНИЕМ ВСЕХ СЕМИ СЛОВ ВО ВСЕХ ТРЕХ ДОКУМЕНТАХ. Без копирования на стекле добиться такого эффекта нельзя» ^[289].

И самое главное: если манифест действительно был напечатан и реально подписан царем на двух-трех листках, то фальшивый манифест с фальшивыми подписями на одном листе может иметь любые вставки ^[290].

О том, что законодательный акт вступает в силу после публикации в печати, говорить не приходится. Никакой публикации не было.

И было ли в действительности добровольное отречение?

Думается, было.

В противном случае заговорщики не должны были оставить императора в живых, а они сохранили ему жизнь и даже пытались отправить его с семьей в Англию.

Завершающая картина отречения показана Шульгиным как скорбное прощание:

«Государь встал... Мы как-то в эту минуту были с ним вдвоем в глубине вагона, а остальные были там — ближе к выходу... Государь посмотрел на меня и, может быть, прочел в моих глазах чувства, меня волновавшие, потому что взгляд его стал каким-то приглашающим высказать...

И у меня вырвалось:

— Ах, Ваше Величество... Если бы вы это сделали раньше, ну хоть до последнего созыва Думы, может быть, всего этого... Я недоговорил...

Государь посмотрел на меня как-то просто и сказал еще проще:

— Вы думаете — обошлось бы?..

Государь смотрел на меня, как будто бы ожидая, что я еще что-нибудь скажу. Я спросил:

— Разрешите узнать, Ваше Величество, ваши личные планы? Ваше Величество, поедете в Царское?

Государь ответил:

— Нет... Я хочу сначала проехать в Ставку... проститься... А потом я хотел бы повидать матушку... Поэтому я думаю или проехать в Киев, или просить ее приехать ко мне... А потом — в Царское...»^[291]

Эти планы осуществились. Он повидался с матерью, побывал и попрощался со Ставкой, прибыл наконец в Царское Село к семье... Но это уже был путь на Голгофу.

Вспоминается такой случай. В январе 1906 года в Предсоборном присутствии был поставлен вопрос о восстановлении патриаршества, упраздненного еще Петром. Царь спросил о кандидатах, присутствовавшие иерархи никого не назвали. После долгого молчания царь сказал: «Что же, мне становиться Патриархом?»

Этот эпизод потом был истолкован, как будто он хотел отречься от престола, принять монашеский постриг и возглавить Церковь. Но кто знает, что он втайне думал?^[292]

Проводив депутатов в третьем часу ночи, генерал Рузский мог перекреститься и перевести дыхание. Слава богу! Теперь Россия спасена... Его начальник штаба генерал Ю. Н. Данилов передал по телеграфу в Ставку и в столицу текст отречения. Дальше надо было ждать добрых вестей.

Однако их не последовало. 3 марта в 5 часов утра генерал Рузский был вызван к прямому проводу председателем Государственной думы Родзянко и председателем Временного правительства князем Г. Е. Львовым. Кажется, что-то случилось.

Родзянко взял быка за рога сразу: «Чрезвычайно важно, чтобы манифест об отречении и передаче власти великому князю Михаилу Александровичу не был опубликован до тех пор, пока я не сообщу вам об этом. Дело в том, что с великим трудом удалось удержать

более или менее в приличных рамках революционное движение, но положение еще не пришло в себя и весьма возможна гражданская война. С регентством великого князя и воцарением наследника цесаревича помирились бы, может быть, но воцарение его как императора абсолютно неприемлемо».

Рузский опешил. Они там с ума сошли? Только что их депутаты согласовали отречение!

Он ответил, что сделает распоряжение, но не уверен, что оно будет исполнено — уже прошло слишком много времени. И потребовал объяснить, что же вчера произошло в Петрограде.

Родзянко стал длинно объяснять: вспыхнул солдатский бунт, толпа требует «земли и воли», «долой династию», «долой Романовых», «долой офицеров». Избивают офицеров. К бунту присоединились рабочие, анархия дошла до своего апогея. После переговоров с депутатами от рабочих пришли к соглашению: созвать Учредительное собрание, «которое изберет форму правления».

До Рузского дошло, что никакой монархии не будет.

Родзянко еще пояснил, что «...провозглашение императором великого князя Михаила Александровича подольет масла в огонь и начнется беспощадное истребление всего, что можно истребить».

И вот главное у Родзянко: желательно, чтобы до конца войны продолжали действовать Верховный совет и ныне действующее Временное правительство, тогда успокоение и быстрая победа будут обеспечены.

Рузского такой вольт еще больше удивил. Он спросил: значит, все предыдущие решения и назначения отменяются? Кто же во главе государства и армии?

Родзянко понял, что выражены сомнения в его и князя Львова полномочиях и ответил:

«Сегодня нами сформировано правительство с князем Львовым во главе, о чем всем командующим фронтами посланы телеграммы. Все остается в таком виде: верховный совет, ответственное министерство, действия законодательных палат до разрешения вопроса о конституции Учредительным собранием».

Они со Львовым все-таки не возражали против назначения великого князя Николая Николаевича Верховным главнокомандующим.

Но кто же во главе государства?

Рузский спросил: «Скажите, кто во главе верховного совета?»

Ответ Родзянко его убил: «Я ошибся, не верховный совет, а Временный комитет Государственной Думы под моим председательством» ^[293].

То есть у них там была полная сумятица: то монархия, то какой-то Верховный совет и Временное правительство, то Учредительное собрание, а теперь снова Временный комитет...

Стало понятно, что генералы влипли.

Разговор без всяких взаимных добрых пожеланий мрачно закончился в 6 часов утра.

Рузский передал содержание разговора в Ставку Алексееву, и оба генерала пришли к печальному выводу, что в Петрограде раздрай, левые партии сильно давят на Думу и что Родзянко неоткровенен и неискренен.

Алексеев хотел было собрать совещание всех командующих фронтами, но Рузский отсоветовал: генералы ничем не помогут, они знают еще меньше, чем в Ставке.

Призрак гражданской войны, от которого они вчера ушли, снова стал сгущаться.

Что же оставалось?

Каяться.

Нельзя было упускать власть из своих рук. Нельзя было давить на императора с этим отречением.

Надо было вспомнить текст присяги. Присяга гласила: «Я, нижеименованный, обещаю и клянусь Всемогущим Богом, пред Святым Его Евангелием, в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемиловитейшему Великому Государю Императору Николаю Александровичу, Самодержцу Всероссийскому, и Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу, верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови...»

Рано утром 3 марта генерал-адъютанты его императорского величества с ужасом всё поняли.

Тем не менее, когда в Ставку, где уже находился отрекшийся царь, прибыли депутаты во главе с железнодорожным комиссаром Бубликовым и сказали Алексею, что царя надо арестовать, генерал-адъютант покорно сообщил: «Ваше Величество, вы должны считать себя как бы арестованным» ^[294].

Последним этапом катастрофы было отречение великого князя Михаила.

В ночь с 3 на 4 марта в одном из кабинетов Таврического дворца произошел знаменательный разговор. Милюков, Керенский и Некрасов обсуждали, как будут разговаривать с будущим императором. Керенский и Некрасов яростно настаивали на отречении и Михаила, Россию они видели только республикой.

Милюков же считал, что, отказавшись от монархического строя, Временное правительство не удержит власти.

Эмоциональная картина выглядела очень тяжелой. Керенский еще накануне вечером в Совете объявил себя республиканцем и заявил членам Временного

правительства о своем особом положении как представителя демократии и «особенном весе своих мнений»^[295].

Но как вам понравится злая и точная оценка личности Милюкова, данная членом Исполкома Петроградского совета Н. Н. Сухановым (дворянин, из обрусевших немцев, масон, меньшевик, расстрелян в 1940 году): «...ученый представитель буржуазного монархизма, завязивший коготок в революции»?^[296]

Зато Суханова (Гиммера) пригвоздил Шульгин: «Гиммер — худой, тщедушный, бритый, с холодной жестокостью в лице до того злобном, что оно даже иногда переставало казаться актерским... У дьявола мог бы быть такой секретарь»^[297].

Утром из Пскова прибыли Гучков и Шульгин. На вокзале Гучкова упростили выступить перед железнодорожниками, и те, узнав о сохранении монархии, едва не набросились на него и не отняли царский манифест. Но обошлось. И вот свидетели отречения на Миллионной улице в квартире князя Путятина, где временно обосновался Михаил Александрович.

Ему предстояло решить: принять престол или отказаться. На новом уровне повторялась судьба его старшего брата.

Собралось все только что сформированное Временное правительство, включая князя Г. Е. Львова.

Милюков бился бескомпромиссно: если Михаил Александрович откажется, страна погрузится в хаос, кровавое месиво, России не будет. Его страстную речь Шульгин назвал «потрясающей».

Шульгин: «Великий князь слушал его, чуть наклонив голову... Тонкий, с длинным, почти еще юношеским лицом, он весь был олицетворением хрупкости... Этому

человеку говорил Милюков свои вещие слова. Ему он предлагал совершить подвиг силы беспримерной...

Что значит совет принять престол в эту минуту? Я только что прорезал Петербург. Стотысячный гарнизон был на улицах. Солдаты с винтовками, но без офицеров, шлялись по улицам беспорядочными толпами...

А за этой штыковой стихией — кто? — Совет Рабочих Депутатов и „германский штаб — злейшие враги“: социалисты и немцы.

Совет принять престол обозначал в эту минуту: На коня! На площадь! Принять престол сейчас — значило во главе верного полка броситься на социалистов и раздавить их пулеметами...

Керенский говорил:

— Ваше высочество... Мои убеждения — республиканские. Я против монархии... Но я сейчас не хочу, не буду... Разрешите нам сказать совсем иначе... Разрешите вам сказать... как русский... русскому... Павел Николаевич Милюков ошибается. Приняв престол, вы не спасете России... Наоборот... Я знаю настроение массы... рабочих и солдат... Сейчас резкое недовольство направлено именно против монархии... Именно этот вопрос будет причиной кровавого развала... И это в то время... когда России нужно полное единство... Пред лицом внешнего врага... начнется гражданская, внутренняя война... И поэтому я обращаюсь к вашему высочеству... как русский к русскому. Умоляю вас во имя России принести эту жертву!.. Если это жертва... Потому что с другой стороны... я не вправе скрыть здесь, каким опасностям вы лично подвергаетесь в случае решения принять престол... Во всяком случае... я не ручаюсь за жизнь вашего высочества.

Он сделал трагический жест и резко отодвинул свое кресло»^[298].

Милюкова поддержал только Гучков. Шульгин, видя невозможность организованной обороны, присоединился к Керенскому.

Но не всё было так безнадежно, как виделось большинству.

Милюков: «Я был поражен тем, что мои противники, вместо принципиальных соображений, перешли к запугиванию великого князя.

Я видел, что Родзянко продолжает праздновать труса. Напуганы были и другие происходящим. Все это было так мелко в связи с важностью момента... Я признавал, что говорившие, может быть, правы. Может быть, участникам и самому великому князю грозит опасность. Но мы ведем большую игру — за всю Россию — и мы должны нести риск, как бы велик он ни был. Только тогда с нас будет снята ответственность за будущее, которую мы на себя взяли. И в чем этот риск состоит? Я был под впечатлением вестей из Москвы, сообщенных мне только что приехавшим оттуда полковником Грузиновым: в Москве все спокойно, и гарнизон сохраняет дисциплину. Я предлагал немедленно взять автомобили и ехать в Москву, где найдется организованная сила, необходимая для поддержки положительного решения великого князя.

Я был уверен, что выход этот сравнительно безопасен. Но если он и опасен — и если положение в Петрограде действительно такое, то все-таки на риск надо идти: это — единственный выход. Эти мои соображения очень оспаривались впоследствии. Я, конечно, импровизировал. Может быть, при согласии, мое предложение можно было бы видоизменить, обдумать.

Может быть, тот же Рузский отнесся бы иначе к защите нового императора, при нем же поставленного, чем к защите старого... Но согласия не было; не было охоты обсуждать дальше. Это и повергло меня в

состояние полного отчаяния... Керенский, напротив, был в восторге. Экзальтированным голосом он провозгласил: „Ваше высочество, вы — благородный человек! Я теперь везде буду говорить это!“»^[299].

В итоге новый император Михаил Александрович отказался от престола, и все полетело к чертям. Именно к ним. А куда же еще?

Суханов с торжеством зафиксировал значение события: «Но так или иначе — этим актом увенчивался великий переворот 1917 года. Теперь была ликвидирована династия, а с ней и монархия. Теперь была создана новая революционная власть и заложены основы нового порядка. Российское государство, российский народ теперь уже вышли на новый светлый путь, и мировому пролетарскому движению уже открылись новые перспективы»^[300].

Временное правительство, никем не избранное, опиралось на пустоту. Тысячелетняя Россия превращалась в музейный экспонат.

Василий Розанов сделал из этого печальный анализ, назвав депутатов Думы «рассыпавшиеся Чичиковы»:

«В 14 лет Государственная Дума промотала все, что князья Киевские, Цари Московские и Императоры Петербургские, а также сослуживцы их доблестные накапливали и скопили в тысячу лет.

Ах, так вот где закопаны были „Мертвые души“ Гоголя... А их все искали вовсе не там... Искали „вокруг“, а вокруг были Пушкин, Лермонтов, Жуковский, два Филарета, Московский и Киевский...

Зрелище Руси окончено. — „Пора надевать шубы и возвращаться домой“.

Но когда публика оглянулась, то и вешалки оказались пусты; а когда вернулись „домой“, то дома оказались сожженными, а имущество разграбленным.

Россия пуста.

Боже, Россия пуста.

Продали, продали, продали. Государственная Дума продала народность, продала веру, продала земли, продала работу. Продала, как бы Россия была ее крепостною рабою. Она вообще продала все, что у нее торговали и покупали. И что поразительно: она нисколько не считает виновною и „кающегося дворянина в ней нет“. Она и до сих пор считает себя правою и вполне невинною.

Единственный в мире парламент.

Как эти Чичиковы ездили тогда в Лондон. Да и вообще они много ездили и много говорили. „Нашей паве хочется везде показаться“. И... „как нас принимали!“

Оказались правы одни славянофилы.

Один Катков.

Один Конст. Леонтьев.

Поразительно, что во все время революции эти течения (славянофильско-катковское) нашей умственной жизни не были даже вспомнены. Как будто их никогда даже не существовало. Социалисты и инородцы единственно действовали.

— А что же русские?

Досыпали „сон Обломова“, сидели „на дне“ Максима Горького и, кажется, еще в „яме“ Куприна... Мечтая о „золотой рыбке“ будущности и исторического величия».

Справедливости ради зададимся вопросом: можно ли было спасти империю?

Наверное, можно.

Но для этого следовало учесть следующее обстоятельство, которое точно отразил современный философ Сергей Переслегин: «Для того чтобы в России появились классы западного или, как сказал бы Александр Зиновьев, западоидного типа, будь то феодалы или буржуазия, господствующие группы в

России должны были начать отчуждать, выражаясь для простоты и сокращения времени марксистским языком, отчуждать у населения не только прибавочный продукт, но и часть необходимого продукта. В связи с этим одной из главных задач русской власти всегда было ограничение экономических appetитов господствующих групп. В этом плане власть всегда вела себя очень жестко, и не потому, что любила народ, власть к народу всегда относилась наплевательски, и народ ей платил тем же. Но и власть, и народ имели один общий интерес: не позволить олигархизацию власти и не дать возможность господствующим группам слишком сильно вторгаться в сферу необходимого продукта.

Всего два раза в истории русская власть нарушила это фундаментальное правило русских господствующих групп. Первый раз — после александровских реформ, и все закончилось 1905-1917 годами, когда система себя скорректировала. Второй раз — с конца 80-х годов и до нашего времени. Верхушка, которую мы имеем сейчас, сформировалась на основе нарушения этого правила русской власти, по которому верх — центроверх государства — не должен эксплуатировать население, не должен грабить вместе с господствующими группами, а должен ограничивать их в этом плане.

То есть первая характеристика элиты (в нормальном состоянии русской истории, будь то советской или российской) — это довольно бедные группы, у которых есть некий лимит на эксплуатацию населения. Второй аспект, который обуславливал развитие господствующих групп в России, — это автосубъектный характер власти: власть выступает как единственный субъект и не позволяет никакую иную субъектность. Поэтому у нас никогда не было системной элиты. Как только элита пыталась оформиться в некую систему, власть ее подсекала. Так было при Иване IV, так было и позже».

Вывод: Николай Александрович Романов должен был стать диктатором. Но он не хотел и не мог им стать.

Глава двадцать четвертая

Шульгин — министр пропаганды Временного правительства. — Керенский хочет спасти жизнь отрекшемуся царю. — Церковные иерархи за революцию. — Правительственный кризис. — Прогноз Макса Вебера: придет диктатор! — Лига русской культуры как Союз русского народа

Вернувшись из Пскова, Шульгин и Гучков узнали, что создано Временное правительство, то есть власть пока будет удержана. Гучков стал военным и морским министром. Шульгин же предпочел, как не без злорадства заметил Милюков, остаться «журналистом в трудную для родины минуту».

На самом деле он хотел стать «министром пропаганды» и попросил в свое распоряжение Петроградское телеграфное агентство (ПТА). Это была серьезная правительственная организация, ее можно и вправду назвать министерством. Шульгин знал возможности ПТА, сотрудничая с ним как редактор «Киевлянина».

Но первый же шаг «министра» оказался неугодным его коллегам. Он написал статью и разослал ее через агентство по тремстам газетам, во многих она и была напечатана.

Через много лет он пересказал ее так: «Цари ушли... Они простояли на своей царской вахте триста лет. И, наконец, устали. Устали и ушли, сдав свой пост другим. Они передали этот пост нам, т. е. Временному правительству. Что же будет теперь? Поблагодарив царей за их трехсотлетнюю службу России, мы взвалили на свои плечи государственное бремя. Мы будем

продолжать их работу, внося в нее изменения, соответственные нынешним событиям»^[301].

Статья понравилась далеко не всем, в ней слышался голос «монархиста». И его «вежливо попросили вернуть ПТА».

Так Шульгин неожиданно стал частным лицом, продолжал писать в свою газету и встречаться со знакомыми и коллегами.

Положение осложнялось тем, что инфляция съедала депутатскую зарплату (а потом ее перестали выдавать), а редакция тянула с присылкой гонораров. Потом все же прислала.

Все чаще ему приходили грустные мысли, что в Петрограде ему делать больше нечего.

Временное правительство сразу же было признано Лондоном и Парижем. Его составили достойные авторитетные люди.

Премьер и министр внутренних дел — князь Г. Е. Львов (из Рюриковичей), тульский помещик (около 900 десятин земли), совместно с Львом Толстым участвовал в организации помощи голодающим, во время Русско-японской войны возглавил отряд добровольцев Красного Креста, член «Союза освобождения» и Союза земцев-конституционалистов, в 1914 году возглавил Всероссийский земский союз (помощи больным и раненым воинам), после объединения с Всероссийским союзом городов стал председателем объединенного Земгора. Был монархистом, православным верующим. Имел репутацию бескорыстного человека. Керенский писал, что в «...этом глубоко религиозном человеке было что-то славянофильское и толстовское». Львов, как саркастически заметил Солженицын, верил в «народ-богоносец».

Министр иностранных дел — председатель Конституционно-демократической партии П. Н. Милюков.

Министр юстиции — социалист, масон, товарищ председателя Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов А. Ф. Керенский.

Министр путей сообщения — кадет, масон, товарищ председателя Государственной думы Н. В. Некрасов.

Министр торговли и промышленности — член Прогрессивной партии, масон, товарищ председателя Военно-промышленного комитета А. И. Коновалов.

Министр просвещения — кадет, председатель Экономического совета Союза городов, бывший ректор Московского университета А. А. Мануйлов.

Военный и временно морской министр — председатель Военно-промышленного комитета (масон?) А. И. Гучков.

Министр земледелия — кадет, врач А. И. Шингарёв.

Министр финансов — киевский сахарозаводчик, миллионер, масон М. И. Терещенко.

Обер-прокурор Святейшего синода — октябрист (потом член группы независимых националистов в Думе) В. Н. Львов.

Государственный контролер — октябрист, доктор медицины И. В. Годнев.

Ключевые фигуры в правительстве были прикрыты общероссийскими авторитетами (Львовым, Милюковым), которые вскоре поняли свою роль и вышли в отставку.

Похоже, что даже если бы Шульгин и пожелал стать министром, то неизвестно, на какое министерство он мог бы претендовать.

Пожалуй, ни на какое.

В середине марта о нем вспомнили и, как он пошутил, «чтобы позолотить пиллюю», пригласили на заседание правительства. Шульгин снова прошел по мягким коврам Мариинского дворца, присел в мягкое

кресло в зале, где раньше проходили заседания Особого совещания по обороне, и снова лакеи подавали кофе с булочками. Он был голоден (вот так!), булочки ему понравились.

Доклад делал министр юстиции А. Ф. Керенский. Он предложил отменить смертную казнь, и ему не возражали, несмотря на то, что армия продолжала оставаться неподчиненной правительству, да и вообще никому.

Шульгин, впрочем, подумал не только об армии и спросил:

— Александр Федорович, предлагая отмену смертной казни, вы имеете в виду вообще всех? Вы понимаете, о чем я говорю?

Керенский ответил:

— Понимаю и отвечаю: да, всех.

Шульгин: «Я говорил о семействе Романовых, смутно предчувствуя их будущую гибель. После ответа А. Ф. Керенского я сказал:

— Больше вопросов не имею.

И смертную казнь отменили единогласно.

Забегая вперед, скажу: бедный Керенский. Он действительно не был кровожаден.

Прошло несколько месяцев, и в августовском Государственном совещании в Москве Александр Федорович трагически кричал:

— Я растопчу цветы моего сердца и спасу революцию и Россию.

Под цветами своего сердца Керенский разумел отмену смертной казни, но ему не удалось спасти ни революции, ни России» ^[302].

Смертная казнь была отменена 12 (25) марта 1917 года. По этому поводу Шульгин напечатал в «Киевлянине» передовую статью: «Легко и радостно теперь отменить смертную казнь. Легко еще потому,

что нынешний министр юстиции А. Ф. Керенский, которого нам удалось близко рассмотреть в эти страдные дни, когда нежданно-негаданно поток взволнованных масс обрушился на Государственную Думу, в эти и страшные и великие дни — А. Ф. Керенский показал себя действительно благородным, культурным человеком. Он сумел воспользоваться прирожденной незлобивостью русского народа и, в особенности, русского солдата — и не позволил обagrить кровью Таврический дворец, когда привели Протопопова, Сухомлинова, Штюрмера и других»^[303].

Вскоре Керенский посетил бывшего императора в Царском Селе, разговаривал с ним, ощутил его «трогательное одиночество и бесконечное обаяние». Он отметил ненависть царя к Гучкову.

Что касается сохранения жизни отрекшемуся императору, то энтузиазма Керенского хватило ненадолго. Как свидетельствует Милюков, «Керенский, узнав, что Совет посылает вооруженную стражу в Царское Село, сразу изменил свое благое намерение, спасовав перед Советом»^[304].

А Россию все сильнее несло в «светлое будущее» — уже не монархию, но и не республику, а нечто безбрежно свободное.

9 марта Святейший синод признал Временное правительство, и молитва за государя-императора больше не звучала в церквях. Многие епархиальные архиереи вдруг «прозрели» и стали отрещиваться от прошлого^[305].

Епископ Енисейский и Красноярский Никон (Бессонов):

«...Николай II со своею супругою Александрою так унизили, так посрамили, опозорили монархизм, что о

монархе, даже и конституционном, у нас и речи быть не может. В то время, как наши герои проливали кровь за отчизну... Ирод упивался вином, а Иродиада бесновалась со своими Распутиными, Протопоповыми и другими блудниками. Монарх и его супруга изменяли своему же народу»^[306].

И таких «прозрений» было немало.

Архиепископ Симбирский и Сызранский Вениамин (Муратовский): «Совершилось величайшей важности историческое событие! Волей Божией наша дорогая и многострадальная Родина вступила на новый путь своей государственной жизни.

Наш Всероссийский корабль был близок к гибели... Кормчие его оказались несостоятельными или по своему невежеству или, вернее, по своей нечестности. Не явись вовремя самоотверженные новые кормчие, я не знаю, что и было бы с нами!»^[307]

Епископ Костромской и Галичский Евгений (Бережков): «Величие и мощь народного духа проявились удивительным образом: только плечом повел русский богатырь, и пали вековые оковы, исчезли все препятствия, стеснявшие его шествие по пути к свободе, солнце которой ныне во всем блеске засияло на святой Руси...»^[308]

Думается, просвещенная публика с большим интересом узнала, что «Ирод упивался вином» и что «явились самоотверженные новые кормчие».

Наркотическое воздействие Февраля туманило головы многим. Вот и П. Б. Струве, отличавшийся патриотическими взглядами, после отречения императора писал: «Твердыня зла пала в России» (в еженедельнике «Русская свобода», который он стал издавать в марте 1917 года).

Но, осознав случившееся, отрекся от тех чувств и мыслей, и через семь лет в статье «Неувядаемая

красота» сказал: «Сквозь свой спорный, как все в политике, политический облик Николай II выявил другой и непререкаемый нравственный облик, который мало кто подозревал в нем» ^[309].

Тем временем правительству кроме политических деклараций и митингов надо было заниматься экономикой.

25 марта 1917 года оно ввело хлебную монополию, продажа хлеба передавалась государственным органам, твердые цены. При этом цены на промышленные товары оставались свободными, что, разумеется, привело к обесцениванию хлеба и исчезновению его из продажи.

П. П. Рябушинский предупредил: неизбежна катастрофа, только «костлявая рука голода и народной нищеты» может заставить опомниться «лжедрузей народа» ^[310].

Кто эти «лжедрузья»?

Они же и «друзья».

Очевидно, они заседали в правительстве, которое не могло сохранить прежний уровень руководства экономикой.

Всё кругом рассыпалось: старые управленцы были вышвырнуты вон, полицию разогнали, преступников освободили, инфляция росла все сильнее и сильнее.

Сразу же были упразднены генерал-губернаторства в Закавказье и Туркестане, власть передана комитетам, организованным депутатами Государственной думы, местными уроженцами. Три главные политические партии Кавказа — азербайджанская Мусульманская демократическая партия (Мусават), армянская Дашнакцутюн и Грузинская социал-демократическая в ответ на признание Временного правительства получили гарантии автономии в рамках будущей

федеративной России (кем утвержденные — непонятно).

Малороссия, она же Украина, была у «группы Керенского» на очереди, но там местные социалисты отказались признавать в качестве регионального правительства комитет, сформированный из думских депутатов, избранных от малороссийских губерний.

Главный вопрос всей экономики и политики (и революции) сосредоточился там, куда Временное правительство не дерзало заглядывать. Пора было вызывать дух Столыпина и вопрошать, как быть с крестьянами, жаждавшими всей земли. Тем более уже происходили стихийные захваты, разгромы культурных помещичьих гнезд, убийства.

Народ-богоносец не хотел больше ждать. И теперь уже трудно было все беды сваливать на «проклятый царизм».

В это время в далекой Германии философ Макс Вебер написал несколько статей о состоянии революционной России, которые оказались провидческими. Он выделил четыре насущные проблемы: срочное окончание войны, наделение земель крестьян, неподъемные международные долги, необходимость сильной власти, способной все решить. Нынешнюю российскую власть он, кажется, всерьез не воспринял.

«По-настоящему хотят мира прежде всего крестьяне, то есть огромное большинство русского народа. Чтобы их умиротворить, нужна в соответствии с их идеалами и реальными интересами экспроприация всей некрестьянской земельной собственности; списание всех иностранных долгов России. Второе — самое главное. Потому что если крестьянам придется платить проценты по этим долгам, то опять начнется хорошо известный русским экономистам процесс: этот огромный недоедающий слой населения будет

вынужден отдавать зерно и продавать его под давлением непосильных налогов, чтобы страна могла платить проценты по внешним долгам. Так уже было раньше...

Помимо этого есть, конечно, и другая трудность: крестьяне не хотят платить за землю, а это означает неразрешимый конфликт с земельной буржуазией. Устранить эти трудности может только долгая социально-революционная диктатура (под социал-революционным правлением я разумею не каких-то особых живодеров, а просто такого политического лидера, для которого „молодая“ в российских условиях частная земельная собственность не является безусловной „святыней“). Есть ли в России такие люди, я не знаю. Но прийти к власти надолго они могут, только если будет заключен мир»^[311].

Способно ли было Временное правительство решить эти проблемы — большой вопрос.

Скорее всего, его положение было безвыходным.

К 1917 году в 27 губерниях Европейской России было заложено в банках 32 миллиона десятин частной помещичьей земли на сумму около 32 миллиардов рублей. Почти столько же денег было выдано на кредитование промышленности. Именно на эту заложенную землю и претендовали крестьяне^[312].

Но отнять чужую землю не взялось бы никакое буржуазное правительство, потому что конфискация грозила крахом финансовой системе государства. Такое правительство мгновенно лишилось бы своей политической базы. И не будем забывать о колоссальном финансовом долге иностранным банкам.

Долг, впрочем, выражался и в союзнических обязательствах, которые следовало выполнять.

Вскоре из-за этих обязательств правительство зашаталось. 18 апреля министр иностранных дел

П. Н. Милюков направил правительствам Англии и Франции ноту о том, что Временное правительство будет продолжать войну и выполнит все договоры царского правительства.

В тот же день начался правительственный кризис, на улицы вышли воинские части и толпы рабочих (свыше ста тысяч человек) и стали требовать немедленного заключения мира и отставки Милюкова с Гучковым («министров-капиталистов»), передачи власти Петроградскому совету. Те подали в отставку. И уже 5 мая между Временным правительством и Исполкомом Совета было достигнуто соглашение о создании коалиции. Конечно, Шульгина в нее не приглашали.

Г. Е. Львов остался председателем и министром внутренних дел. А. Ф. Керенский стал военным и морским министром, М. И. Терещенко — министром иностранных дел, А. И. Шингарёв — министром финансов. Обер-прокурор Святейшего синода В. Н. Львов и государственный контролер И. В. Годнее сохранили свои посты.

Новые министры были замечательны в своем роде.

Министр юстиции — адвокат, масон П. Н. Переверзев; министр земледелия — эсер, сторонник политического террора (в 1905 году) В. М. Чернов; министр почт и телеграфов — грузинский социал-демократ (меньшевик), масон, член Исполкома Петроградского совета И. Г. Церетели; министр труда — товарищ председателя Исполкома Петроградского совета, масон М. И. Скобелев; министр продовольствия — эсер, член Исполкома Петроградского совета А. В. Пешехонов; министр государственного призрения — внук декабриста, сын генерала, либерал князь Д. И. Шаховской.

В коалиционном правительстве 10 мест было у буржуазных партий, 6 — у социалистов. Его работоспособность была сомнительной. Показательно,

что по инициативе социалистов на следующий день после его образования, 6 мая 1917 года, была обнародована декларация с обязательством подготовить радикальную аграрную реформу. Но никто этой реформы так и не увидел.

Точную характеристику бывшим коллегам дал Гучков.

Поскольку на Временное правительство оказывал давление Петроградский гарнизон, для получения реальной власти министры должны были решиться на силовую акцию против революционных солдат. Командующий Петроградским военным округом генерал Л. Г. Корнилов предложил правительству «ликвидировать большевиков», опираясь на надежные воинские части.

Гучков рассказывал о реакции министров, когда он высказался о необходимости дать вооруженный отпор.

«Общее молчание — только встал Коновалов. Коновалов подошел ко мне и громко говорит: „Александр Иванович, я вас предупреждаю, что первая пролитая кровь — и я ухожу в отставку“. Подошел Терещенко и сказал то же самое. А я все говорил — мы не нападаем, а на нас нападают. Тут несколько десятков юнкеров, если бы я им приказал стрелять...

Я потом вспоминал, мне приходилось быть при последних вспышках спартакизма в Германии, был в одном ресторане, завтракал недалеко от рейхстага и услышал трескотню ружейную и пулемет. Я и другие вышли, потом выяснилось, что толпа невооруженная шла с манифестацией к рейхстагу. Там в силу закона известный район вокруг рейхстага считается запретным, и там не допускаются никакие манифестации, и их полиция остановила, а они приказанию полиции не подчинились и пошли дальше. Но невооруженная толпа. И когда они приблизились к рейхстагу, то по распоряжению военного министра

вышла довольно значительная охрана с пулеметом и открыла по этой толпе огонь. Около ста человек было убито. Толпа разбежалась. Прервалось заседание рейхстага, члены стояли у окон и смотрели на стрельбу, и когда возобновилось заседание, Носке с кафедры заявил очень энергично, что он распорядился открыть огонь, что манифестация прекращена, и ему сделали чрезвычайно восторженную оvation немцы социалисты.

...Я посмотрел на остальных и получил впечатление, что один человек не пошел бы в отставку — Миллюков, а другие пошли бы в отставку»^[313].

Вот ответ на вопрос, почему Временное правительство было бессильным.

Однажды Столыпин в Государственной думе сказал: «Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества».

Эти министры не умели управлять, у них не было ни малейшего опыта в этом деле.

Когда уходил в отставку премьер-министр князь Г. Е. Львов, он сказал поразительную фразу, достойную высокоморального человека и неуместную в устах политика: «Начать борьбу — значит начать гражданскую войну, а это значит — открыть фронт. Это невозможно»^[314].

Поле деятельности Шульгина сильно сократилось. Его общественная роль теперь больше всего была видна в Киеве, а в Петрограде, хотя он и оставался членом Временного комитета Государственной думы, был фигурой второстепенной. И только однажды, 27 апреля 1917 года, на торжественном заседании депутатов всех четырех государственных дум, которое

фактически было прощальным актом отечественного парламентаризма, он блеснул яркой речью.

В ней Шульгин предупредил, что Временное правительство находится практически под домашним арестом.

Об этом заседании он вспоминал: «...в книге Д. О. Заславского и В. А. Канторовича „Хроника Февральской революции“ пишется следующее:

„Торжественное собрание четырех дум в честь одиннадцатилетней годовщины происходило 27 апреля в Таврическом дворце. Первую программную речь произнес председательствующий Родзянко... Три темы служили предметом выступления думцев: победа, анархия, власть. В разнообразных сочетаниях они занимали каждого оратора. И если некоторые из них меньше останавливались на первой теме, то почти все без исключения затратили огромный запас красноречия и пафоса, чтобы очертить рост анархии и бессилие власти. Лучше всех справился с этой задачей Шульгин. Он сделал эффектный жест в сторону революции, признав, что даже правым и умеренным группам от нее не отречься. ‘Мы с ней связаны, мы с ней спаялись и несем за это моральную ответственность’. Эти слова очень скоро утонули в океане сомнений, которые и составили смысл его речи. Он охарактеризовал распад армии, пропаганду большевиков, бессилие правительства, ядовито бросал намеки на измену, предостерегающе говорил о происках сторонников сепаратного мира, иронически отзывался о контроле над Временным правительством, — словом, — в острой, как клинок, речи выразил идеологию той части общества, которая уже давно развенчала революцию, а теперь испытывала смешанное чувство страха и вражды“...» ^[315]

Одна только фраза Шульгина, определяющая состояние государственной власти, звучала как приговор: «Бывшее правительство сидит в крепости, а настоящее — под домашним арестом». Действительно, царские министры — в Петропавловской, нынешние — под присмотром Исполкома. А что еще впереди?

4 мая в Петрограде состоялось совещание всех командующих фронтами, Временного правительства и Совета. Шульгин как член Временного комитета Государственной думы и член Особого совещания по обороне должен был на нем присутствовать, правда, на этот счет нет никаких данных. Здесь произошло столкновение руководителей армии с новой властью, очертившее контуры будущего.

Вот что говорили протрезвевшие от революционного угара генералы.

Генерал Алексеев: «Лозунг „без аннексий и контрибуций“ приводит толпу к выводу — „для чего жертвовать теперь своею жизнью“...

Офицерство угнетено, а между тем именно офицеры ведут массу в бой. Надо подумать еще и о конце войны. Все захочет хлынуть домой. Вы уже знаете, какой беспорядок произвела недавно на железных дорогах масса отпускных и дезертиров. А ведь когда захотят одновременно двинуться в тыл несколько миллионов человек, это может внести такой развал в жизнь страны и железных дорог, который трудно учесть даже приблизительно. Имейте еще в виду, что возможен при демобилизации и захват оружия» ^[316].

В том же духе высказались командующие фронтами Брусилов, Гурко и личный друг Шульгина Драгомиров. Гурко предложил приостановить революцию и дать «военным выполнить до конца свой долг».

Военный министр Керенский как будто не слышал генералов: «Временное правительство признает огромную роль и организационную работу Совета солдатских и рабочих депутатов, иначе я не был бы военным министром. Никто не может бросить упрек этому Совету. Но никто не может упрекать и командный состав, так как офицерский состав вынес тяжесть революции на своих плечах так же, как и весь русский народ. Все поняли момент. Теперь, когда мои товарищи входят в правительство, легче выполнить то, к чему мы совместно идем. Теперь одно дело — спасти нашу свободу»^[317].

Генерал А. И. Деникин замечает: «Главкомандующие разъехались по фронтам, унося с собою ясное сознание в том, что последняя ставка проиграна».

Долго в таком межеумочном состоянии никакое сообщество, а тем более государство, не может находиться.

После апрельского кризиса началась самоорганизация контрреволюционных сил, в ней участвовал и Шульгин. 7 июня 1917 года в редакции газеты «Русская мысль» была создана Лига русской культуры. В ее Временный комитет вошли П. Б. Струве, М. В. Родзянко, А. В. Карташев (заместитель председателя Святейшего синода), В. В. Шульгин и Н. В. Савич. Среди основателей лиги были друзья Струве по сборнику «Вехи» (Н. Бердяев, С. Булгаков, А. Изгоев и С. Франк), В. А. Маклаков, академики С. Ф. Платонов и С. Ф. Ольденбург, профессор-правовед С. А. Котляревский, епископ Уфимский Андрей и др. В июле в лигу вступил и поэт Александр Блок.

Коллективное обсуждение текущих проблем выливалось в пессимистическую картину. Струве сформулировал проблему так: «Дальнейшие призывы к

сплочению нации бесполезны». В реальности не было политической платформы для объединения социалистов-интернационалистов и патриотов-прагматиков. «Куда более разумными казались попытки отделить по-прежнему здоровые части национального тела от зараженных тканей. Эта мысль получила развитие в очередной программной статье „России нужно организовать патриотическое движение“, опубликованной Струве в конце июня 1917 года. Трагедия левых русских политиков, писал он, проистекает из того факта, что все они поднялись на антипатриотической волне революции. Оставаясь на гребне этой волны, они совершают государственную измену, но противиться ходу вещей у них не хватает сил. („Какова бы ни была судьба отдельных деятелей, вынесенных на гребень революционной волны, — столкновение между патриотической и антипатриотической стихиями революции неизбежно“.) Пока Временное правительство сохраняет верность своему мандату, ему приходится подрывать свою собственную власть. Иными словами, перед Временным правительством стоит неразрешимая дилемма: для того чтобы оставаться у руля, оно вынуждено разрушать страну и самое себя»^[318].

По Струве, «...место, где разыгрывается эта бесовская трагедия национально-государственного отступничества, — есть душа русского народа».

Лига должна была объединить вокруг себя «все общественные слои, дорожащие традициями русской духовной культуры» и в «противовес разлагающему влиянию антипатриотических и интернационалистических идей» сыграть роль оплота национального возрождения. Сам П. Б. Струве, шутя, говорил, что Лига русской культуры есть в иностранных словах выраженное понятие Союза русского народа.

«В этой шутке, — отмечал С. Л. Франк, — содержалась горькая мысль, что в старой России патриотизм и национальное сознание стали монополией демагогических реакционных кругов — тогда как сами носители русской культуры и освободительных идей их чуждались».

Шульгин тоже заметил: «Ведь сейчас люди, которые желают выслужиться перед толпой, поносят не только вчерашних владык, они поносят всю русскую историю».

Отсюда был всего один шаг к организации сопротивления — даже вооруженного. Его идея вызрела.

Вторую (после «отречения» Михаила) серьезную битву Временное правительство проиграло, приняв лозунг «Мир без аннексий и контрибуций на основе национального самоопределения» и при этом — продолжая ставшую бессмысленной войну. Как первый тревожный звонок прозвучало решение Совета рабочих и солдатских депутатов крупнейшей военно-морской базы, Кронштадта, о недоверии Временному правительству — воевать никто не хотел.

Российские обязательства продолжать войну и очевидное расползание государства поставили перед Англией и Францией двуединую задачу — использовать до конца русскую армию и успеть к переделу разлагающейся страны.

Капитан де Малейси в одном из своих донесений писал: «Бьюкенен втайне, исподтишка ведет дела с рабочей партией, его эмиссары установили контакты с подлинной властью, держащей под контролем Временное правительство (то есть с Советом). Стоило бы спровоцировать ультиматум союзных держав последнему, говоря с ним высокомерно и твердо, напоминая о его союзническом долге. Но инициативу здесь следует проявить Франции, речь идет о

деликатном маневре, ибо потребуется также вступить в переговоры с партией рабочих и солдат.

С финансовой точки зрения с прицелом на будущее британское правительство прибирает к рукам все крупные лесные и рудные концессии, которые предоставлены ему Временным правительством, ни в чем не отказывающим. И потому уже сейчас надлежит парировать удар путем образования французских финансовых групп, требуя получения крупных концессий, пока ими не завладела Англия. Еще есть время. Мне не составляет труда перечислить подобные концессии, но нужно еще иметь в Петрограде посла, который не шел бы на поводу у Англии. Нужно любой ценой расстроить английскую интригу, иначе будет слишком поздно. В этом и кроется опасность послевоенного периода. Франция уже должна вступить в него, ведя переговоры с Америкой, не оставаясь больше зависимой от британского золота. Франции нужно всемерно противиться расчленению России, к чему тайно ^[319] стремится Англия ради своего доминирования».

Но воевать русскому командованию было все труднее и труднее.

В марте — июне 1917 года в Европейской России произошло 2944 крестьянских выступления, разгромлены сотни помещичьих усадеб, этих центров культуры в безбрежном патриархальном море. Солдаты массово дезертировали с фронта, чтобы успеть к земельному переделу. В ответ на захваты земли Временное правительство огадило разрушаемые усадьбы бумажным забором, заявив о необходимости ожидать решений Учредительного собрания для принятия соответствующего закона.

В России правящая политическая элита уже утратила главный мотив военных действий,

отказавшись от идеи овладеть Черноморскими проливами и Константинополем. В это время раздался призыв Керенского «Отечество в опасности!», но вопреки ожиданиям, что население откликнется на этот лозунг времен Великой французской революции, публика осталась равнодушной.

16 июня под мощным прессингом французского командования, не желавшего слушать доводы русской Ставки, началось наступление Юго-Западного фронта. В первые дни было взято 18 тысяч пленных, заняты города Галич и Калуш. 8-я армия генерала Л. Г. Корнилова рвалась к нефтепромыслам, взятие которых усилило бы экономическую блокаду Германии. Немцы были вынуждены направить австро-венграм подкрепление, ситуация выровнялась. Затем немцы перешли в наступление. Русские оставили города Тарнополь и Станислав, потеряв до 150 тысяч человек.

Это было катастрофическое поражение Временного правительства. Хотя союзники, подталкивая его к необеспеченному в данных условиях наступлению, добились отвлечения немцев с Западного фронта, они тем самым уменьшили шансы на сохранение единой России. Попытки наступления русских армий на других фронтах также закончились неудачей. Победа, планируемая императором на весну 1917 года, обернулась позором. Армия содрогнулась.

Генерал Л. Г. Корнилов, назначенный командующим Юго-Западным фронтом, послал правительству телеграмму: «Я заявляю, что отечество гибнет, а потому, хотя и не спрошенный, требую немедленного прекращения наступления на всех фронтах для сохранения и спасения армии и для ее реорганизации на началах строгой дисциплины, дабы не жертвовать жизнью немногих героев, имеющих право видеть лучшие дни» ^[320].

Он потребовал введения смертной казни за воинские преступления. На фронте была введена смертная казнь, стали действовать военно-революционные суды. Корнилов приказал расстреливать дезертиров и грабителей, выставляя их трупы напоказ на дорогах с соответствующими надписями. Он сформировал ударные батальоны из юнкеров и добровольцев для борьбы с дезертирами и грабителями, запретил митинги.

Он действовал по собственной инициативе, без разрешения правительства. Так началось сопротивление развалу страны, которое после Октябрьского переворота обрело форму Добровольческой белой армии.

Деникин говорил, что эти действия сделали Корнилова народным героем, который может спасти страну.

Испытав страх, «солдатская демократия» несколько присмирела. Корнилов заявил претензии на роль диктатора, и Керенский должен был определиться.

На совещании в Ставке, куда прибыл военный министр, генерал Деникин фактически обвинил правительство в развале армии.

Через несколько дней Верховным главнокомандующим был назначен Л. Г. Корнилов, хотя А. Ф. Керенский и колебался в этом назначении.

Одна встреча в лиге описана А. Тырковой: «Июнь. 27.1917... Вечером были у Струве. Он довольно пессимистично настроен. Считает неизбежным пройти через полосу экономической анархии. Познакомилась там с Шульгиным. Даровитый человек. Влюблен в Керенского, но все еще цепляется за надежду о воскресении монархии — „не Николаевской“» ^[321].

Как вам нравится «влюбленный в Керенского» Шульгин?

Честно говоря, в это трудно поверить, но Тыркова — серьезный свидетель. Значит, было.

А почему бы нет? Сохранил жизнь императору, хочет вывезти его в Англию, стоит за войну до победного конца. У него с Шульгиным хорошие отношения.

Любовь зла... Но скоро она закончится.

Еще в конце июня 1917 года Шульгин вместе с несколькими депутатами Государственной думы подал Верховному главнокомандующему Л. Г. Корнилову заявление и проект создания добровольческих частей: «Мы, нижеподписавшиеся, приняли решение поступить добровольцами в Действующую армию, полагаем, этот наш шаг с согласия Верх. Главнокомандующего может быть использован для привлечения нек[ото]рого, кроме нас, числа добровольцев. Соответственно с изложенным ходатайствуем разрешить нам нижеследующее: 1) Открыть запись в добровольческий отряд (При Военной лиге, Сергиевская 46/48). 2) Приступить немедленно к обучению добровольцев»^[322].

Глава двадцать пятая

Еще один правительственный кризис. — Украина откалывается. — Шульгин борется с украинским сепаратизмом. — Заговор генералов

3-4 июля в Петрограде произошло спонтанное «полувосстание». Восставшие захватили Петропавловскую крепость, группа солдат окружила Мариинский дворец и едва не арестовала Керенского. Рабочая секция Совета вышла из подчинения руководству Исполкома Совета, выступила за передачу всей власти Советам и за организацию специальной комиссии по обеспечению мирного перехода власти. Большевики во главе с В. И. Лениным оказались не готовы к такому повороту, «полувосстание» закончилось суматошной стрельбой, несколькими десятками убитых и уходом большевиков в подполье. В общем-то ничем.

После этого Шульгин окончательно надумал уехать домой. С преувеличенной самооценкой он вспоминал, что «...передовые, посылаемые мною по телеграфу, делали свое дело, и читатели „Киевлянина“ твердо встали на дорогу борьбы с революцией».

А в Киеве его ждала веселая жизнь.

Дело в том, что 28 июня туда из Ставки приехали военный и морской министр А. Ф. Керенский, министр иностранных дел М. И. Терещенко, министр почти телеграфов И. Г. Церетели, к ним присоединился и министр путей сообщения Н. В. Некрасов. Все — единомышленники, члены масонской ложи «Великий Восток народов России». Они провели переговоры с Центральной украинской радой об автономии Украины. Радю возглавлял их коллега по той же масонской ложе

профессор Михаил Грушевский, но, несмотря на это, между «братьями» возник неразрешимый спор.

«Украинский вопрос» во время Первой мировой войны из внутреннего превратился в международный. При поддержке австрийской и германской разведок в начале военных действий был создан Союз освобождения Украины, который объявил своей целью «достижение национальной независимости путем первоначальной оккупации центральными государствами».

«С 1915 года немцы начали вербовку среди пленных солдат российской армии в „украинские полки“; к 1917 году было сформировано два таких полка. После начала Февральской революции деятельность германо-австрийского командования по использованию „национальной карты“ против России активизируется. Используя договоренность об обмене больными военнопленными, оно принимает меры по созданию настоящей агентурной сети в тылу противника: из австрийских и немецких лагерей отправлялись на родину совершенно здоровые пленные, согласившиеся вести работу по организации антирусской пропаганды. Этот контингент стал ядром созданной в Полтаве организации „Возрождение“, которая заняла еще более радикальную позицию, чем Центральная рада, и порой вступала в этой связи в определенные конфликты с последней» ^[323].

4(17) марта в Киеве была создана Центральная украинская рада. В мае под эгидой Рады прошли «всеукраинские» съезды: военный, крестьянский, рабочий, кооперативный, которые потребовали фактически начать создание украинской национально-территориальной автономии. Характер этой автономии был понятен из решения о необходимости создания

национальной украинской армии, «украинизации» Черноморского флота и раздела Балтийского.

Временное правительство оказалось в тупике: украинский сепаратизм явно разрушал единое государство. Использование Радой «права наций на самоопределение» было неправомерным, так как оно относилось к культурно и исторически несвязанным с Россией народам, финнам и полякам. Малороссийский же народ и украинская культура были неразрывно связаны с великороссами.

Но и Рада находилась в сложном положении. Тогда украинцы завуалировали требования о создании собственных вооруженных сил и заявили о необходимости создания автономии в неразрывной связи с Россией.

Переговоры «братьев» завершились взаимными уступками, но Временное правительство согласилось с главным требованием украинской стороны — признанием в принципе права на самоопределение за «каждым народом».

18 июля Рада обнародовала документ под названием «Основы временного управления на Украине». Генеральный секретариат объявлялся высшим органом власти, которому должны подчиняться все местные органы. В его составе предусматривалось создание коллегии из 14 генеральных секретарей (фактически министров), компетенция которых распространялась на все сферы, составляющие совокупность функций суверенного государства, за исключением международных связей^[324].

Стало ясно, что решения Переяславской рады о присоединении Малороссии к России в 1654 году превращаются в музейный артефакт.

Эти события привели Временное правительство еще к одному кризису. Несогласные с фактическим

предоставлением Украине автономии кадеты покинули его. Имперская буржуазная партия, движущая сила Прогрессивного блока, окончательно провалилась. Премьер-министром стал 34-летний А. Ф. Керенский, при сохранении за собой поста военного министра. Большинство в правительстве теперь принадлежало социалистам.

Практически одновременно с переменами в правительстве VI съезд Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) принял решение о подготовке вооруженного восстания. В Центральный комитет партии были избраны В. И. Ленин, Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий. Эти люди из подполья, действующие под псевдонимами, схватились не на жизнь, а на смерть с либеральной прозападной элитой. Призом в борьбе была судьба России. С этого момента начинается гонка двух политических сил к выборам в Учредительное собрание — после выборов правительство обретало подлинную легитимность.

Временное правительство понимало всю сложность обстановки и попыталось проявить решимость. Был распущен сейм Финляндии, провозгласивший независимость, не дождавшись Учредительного собрания. Были созданы Экономический совет и Главный экономический комитет, которым была поставлена задача координировать экономику на основе государственного регулирования. Был установлен контроль над железнодорожными перевозками, поставками металла, угля, нефти. Но это сразу вызвало недовольство промышленников, банкиров, Советов, которые увидели в этом укрепление режима.

В это время находившийся в Киеве Шульгин, по его словам, не мог «...спокойно и равнодушно наблюдать, как Временное правительство своими руками при

помощи автономии готовит отход всей южной России к Австрии и Германии».

18 (31) июля он опубликовал протест против положения о Генеральном секретариате. Его поддержали некоторые представители киевской профессуры. Подписчикам «Киевлянина» рассылались листовки с текстом, направленным против «насильственной украинизации Южной Руси». Рекомендовалось подписывать их и возвращать в редакцию. Списки лиц, подписавших обращение (их было свыше пятидесяти тысяч), стали регулярно печататься в «Киевлянине».

Вообще украинский вопрос был для Шульгина одним из важнейших. Если посмотреть его статьи на эту тему, то станет понятно, почему он с 1917 года воспринимался ведущим русским политиком в Малороссии (Украине).

«Киевлянин». 4 января 1912.

«Над нашим краем действительно кое-где собираются тучи. Мазепинское движение, представляющее несомненную государственную измену, мечтающее о том, чтобы продать русские земли австрийской короне за цену „автономии“, снова подняло свою голову. Дело это серьезное. Если это изменническое направление приобретет большую силу, то, разумеется, оно, а не какое иное, перевернет Россию. Отнять у единой России 20 000 000 чистокровного русского народа, отнять огромные пространства богатейшей земли, отнять страну, напоенную солнцем и радостью, — это значит низвести Россию до положения второстепенного государства. После этого неминуемо ее разложение на отдельные мелкие штаты. Опасность этого движения такова, что люди, замечающие его, бьют тревогу. Этот тревожный барабанный бой, быть может, несколько преувеличен. Может, он звучит слишком грозными переменами в

наступившей тишине. Но если вдуматься в то, чем грозит это мазепинское движение, вполне основателен и вполне законен этот страх».

«Киевлянин». 6 апреля 1917.

«Разве не тюрьмой для нас, дорогие читатели „Киевлянина“, будет этот древний край, если благодаря деспотизму организованной кучки он потеряет даже свое древнее имя. Если эта земля, спокон веков называвшаяся Русью, не забывшая, не потерявшая своего имени ни под властью татар, ни под властью Литвы, ни под властью Польши, если эта земля, о которой вдохновенно молились казацкие думы, называя ее „святым русским берегом“, если эта колыбель Руси отречется от самой себя и превратится в гайдамаку без роду, без племени. Разве не тюрьмой для нас будет этот родной Киев, по улицам которого беспрепятственно и гордо носят одноглавых польских орлов в то время, когда двуглавые русские упразднены, уничтожены благодаря невежеству, незнанию своей собственной истории. Разве не тюрьмой для нас будет этот любимый город, когда, надругавшись над Столыпиным, пойдут на другую площадь, зацепят арканом степного коня, что под бронзовым Хмельницким, и гетмана, совершившего великое дело объединения двух братских племен, сбросят на мостовую во славу „Самостийной Украины“!»

(15 марта 1917 года по распоряжению Временного правительства был снесен киевский памятник Петру Столыпину. Его зацепили железным тросом (символизируя «повешение») и затем сбросили на землю.)

«Киевлянин». 18 июля.

«Во имя справедливости, во имя прав населения на свободу национального самоопределения, во имя блага как всей России, так и нашего родного края, нахожу своевременным громко протестовать против акта насильственной украинизации Южной Руси, на наших

глазах совершаемого правительством. Заявляю, что, будучи одним из лиц, вручивших этому правительству власть от лица населения, я никогда не предполагал, что Временное Правительство, „по почину Государственной Думы возникшее“, позволит себе разрешать вековые вопросы Русской Державы.

Всех лиц, разделяющих изложенные мысли, прошу присоединиться к этому протесту».

Существует и документальное свидетельство о геополитической борьбе за Украину, которое корреспондируется с позицией Шульгина в украинском вопросе.

«26 сентября 1938.

№ 109 094

Из Нью-Йорка получено сообщение, что Организация Государственного Возрождения Украины (ОГВУ) направила Гитлеру телеграмму с просьбой самоопределения украинского Закарпатья в Чехословакии.

Активизация украинской контрреволюционной организации по этим сведениям проводится по плану, согласованному с Лондоном. Основные моменты плана — отвлечь внимание Германии от английских колоний на создание самостоятельной украинской державы с последующим расчленением Румынии и присоединением к Закарпаты Буковины и Бессарабии.

Копию телеграммы из Нью-Йорка при этом направляю.

Зам. народного комиссара внутренних дел Союза ССР

(Берия)»^[325]^[326].

Василий Витальевич до самой смерти считал, что министры Временного правительства «преподнесли» Киеву автономию «...совершенно самоуправно, ибо

Временное правительство для актов из области основных законов не было поставлено»^[327].

Французская разведка, всегда внимательно наблюдавшая за ситуацией на юго-западе России, где у французов были колоссальные экономические интересы, так оценивала сепаратизм украинцев: «Украина. Искусственное образование, в истории никогда не существовавшее. Поначалу литературное течение вроде нашего „Мистраля“ в Провансе, специально использованное австрийцами при развязывании войны против русского царизма. Оно, однако, оставалось незначительным, и никто до революции о нем всерьез не говорил. Удвоение усилий австрийцев против Временного правительства, когда оно заявило о продолжении войны... Нам никоим образом нельзя доверять Украине: даже в России тамошние люди слывут лжецами!»^[328]

Шульгин проводил четкое разграничение между понятиями «малоросс» и «украинец». Он считал, что «малоросс» означает — русский из Малой Руси, «украинец» — это отказ от своей родины, предков, изменение национальности. Он говорил: «Мы дважды русские, потому что мы из Киева — матери городов русских, потому что Москва и Петроград — колонии Киева, а не наоборот». «Малая Русь» означает вовсе не размер территории, а «метрополию», центральное ядро, сердцевину народа.

Через несколько дней после возвращения Шульгин при участии Клуба русских националистов принял участие в компании по выборам гласных в городскую думу.

На 150 мандатов «группа Шульгина» провела 18 гласных. При этом она уступила социалистическому списку (44 гласных) и списку украинских социалистов (24 гласных). Среди избранных семи большевиков был

сын богатого сахарозаводчика Георгий Пятаков, впоследствии народный комиссар финансов СССР. Когда-то его, сосланного в Сибирь за революционную деятельность, освободили по ходатайству Д. И. Пихно. Впоследствии, помня об этом, он спас жизнь своему идейному противнику В. В. Шульгину.

В принципе Шульгин и его соратники в противостоянии с украинскими националистами были обречены, хотя, конечно, еще не понимали этого. Украинцы были организованны, действовали через многочисленные кооперативы и просветительские общества, сельских священников и учителей. И главное, они обещали всем, кто запишется «украинцем», получение земли.

Шульгинцы опирались на историческую традицию, культурные ценности, были представлены в крупных городах. Их опора заключалась в централизованной российской власти, но после отречения императора такая власть сделалась хлипкой. Соответственно, выправить положение можно было только при наличии вооруженной силы. Какой? Российская армия разлагалась. Украинские же полки под командованием Симона Петлюры в предвкушении передела собственности питались ненавистью к «москалям» — набирались энергии и мощи.

Приехав в Киев в столь горячее время, наш герой не мог не принять участия в двух других кампаниях, выборах депутатов Учредительного собрания и Украинского учредительного собрания, а дальше ходом событий был втянут в начавшуюся Гражданскую войну.

Выборы в Учредительное собрание Шульгин проиграл, но в Украинское учредительное собрание мандат получил, несмотря на ожесточенную травлю со стороны «украинцев».

Все же Киев был по преимуществу русский город.

«Тут жестокими врагами (на выборах. — *С. Р.*) явились опять же украинцы. За это время произошла в Киеве народная перепись, показавшая национальный состав киевского населения. Оказалось поляков 10 процентов, украинцев 12, малороссов 4, русских 54, евреев 17 и 3 процента под рубрикой „прочих“» ^[329].

Правда, Украинское учредительное собрание никогда не собиралось. Но не это главное. Главное, что он приобрел опыт, благодаря которому стал национальным идеологом в Малороссии — Украине и членом правительства Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) у генерала Деникина.

Последним появлением Шульгина в российском публичном пространстве было его выступление с трибуны Московского государственного совещания, собранного Временным правительством в Первопрестольной 12-15 (25-28) августа 1917 года. По замыслу организаторов оно должно было консолидировать правящую элиту. Проводилась колоссальная акция, новый Земский собор, — в Большом театре собралось около 2500 человек, в том числе 488 депутатов Государственной думы всех четырех созывов, 147 гласных городских дум, 117 представителей армии и флота, 313 — от кооперативов, 150 — от торгово-промышленных кругов и банков, 176 — от профсоюзов, 118 — от земств; 129 человек представляли Советы крестьянских депутатов и 100 — Советы рабочих и солдатских депутатов; присутствовали также представители интеллигенции (83 человека), национальных организаций (58), духовенства (24) и т. д.

На два дня раньше, 10 августа, в Богословской аудитории Московского университета прошла закрытая конференция, чтобы принять программу, которую следовало предложить Государственному совещанию. Присутствовали генералы М. В. Алексеев,

А. А. Брусилов, Н. Н. Юденич, атаман Войска Донского А. М. Каледин. Все были настроены к Временному правительству резко отрицательно. Алексеев рассказал о бедственном положении армии. Зачитали резолюцию Совета казачьих войск России о поддержке Верховного главнокомандующего Корнилова с предупреждением в адрес Керенского о безусловной поддержке генерала в случае попытки его сместить с поста. Перед окончанием конференции в аудитории появился сам Корнилов, ему устроили овацию.

Возможности правительства с каждым днем становились всё прозрачнее. Весьма показательно завершилась его попытка поставить союзникам хлеб по их просьбе — Англии, Франции, Италии соответственно 30, 20, 7 миллионов пудов (при этом для внутреннего потребления не хватало 86 миллионов пудов). Местные Советы и командующие фронтами отказались выполнять распоряжение Петрограда, что подчеркнуло несамостоятельность правительства в отношении союзников, нежелание союзников учитывать интересы России, слабость новой центральной власти, силу региональных властей.

В июле социально-экономическое положение еще более ухудшилось. В металлургии по сравнению с февралем производство упало на 40 процентов, в текстильной промышленности — на 20; росли безработица, инфляция, преступность.

Нехватка продовольствия сильнее всего ударила по людям с низкими доходами, которым не были доступны продукты на черных рынках и в обычных продовольственных магазинах, где цены неуклонно росли. В начале августа стало ясно, что зимой половина действующих петроградских предприятий из-за отсутствия топлива остановится.

Экономика по-прежнему сползала в пропасть, теоретически остановить падение могли только

диктатура, устранение Советов и проведение реформ под силовым прикрытием. Реформаторская российская социал-демократия (по западноевропейскому образцу) оказалась бессильна перед наползающим на нее общинным крестьянским валом. К лету 1917 года Россия разорвалась по своим культурно-цивилизационным основаниям: петровская, дворянско-буржуазная культура — в одну сторону; допетровская, объединяющаяся с радикальной частью дворянско-буржуазной, — в другую.

Поэтому попытки правительства законодательными средствами успокоить и повернуть массовые ожидания в русло согласования интересов не были эффективными.

За Корниловым стояли финансово-промышленные круги (А. И. Гучков, П. П. Рябушинский, А. И. Вышнеградский, А. И. Путилов) и кадетская партия. Как говорил тогда председатель Союза офицеров армии и флота подполковник Л. Н. Новосильцев, повторяя слова декабриста П. И. Пестеля: «Всякое временное правительство должно быть диктатором».

Армия действительно находилась на грани развала. Терпение генералов иссякло, военный переворот был неизбежен.

Шульгин об этом знал, даже участвовал в его организации, но ничего в своих воспоминаниях об этом не сказал.

В дневниках и письмах генерала Алексеева находим оценку состояния армии на тот период: «„Рука великого реформатора“ армии Гучкова вымела из наших рядов в наиболее острую и критическую минуту около 120 генералов на основании более чем сомнительных анонимных (доносов) „талантливых“ полковников и подполковников...

У этого человека безграничное самомнение. „Фигляр-министр“ (О Керенском)...

Нет у русского человека „родины“, у него сейчас только революция»^[330].

Разочарование генералов в революции было очевидно.

Керенский в целом был согласен со многими взглядами Корнилова на положение в стране и пути выхода из него. Так, министр иностранных дел Терещенко говорил английскому послу Бьюкенену о позиции «группы Керенского» в правительстве: следует ввести военное положение во всей стране, использовать военно-полевые суды против железнодорожников и принуждать крестьян продавать зерно. Керенский встречался с генералом Корниловым и говорил ему о необходимости постепенной подготовки решительных действий.

Как пишет Бьюкенен, Керенский сам говорил ему (в 1918 году), что знал о замыслах Корнилова (со слов самого же генерала!) установить военную диктатуру, то есть данная цель не была чужда премьер-министру^[331].

Однако введение диктатуры и разгон Совета неизбежно устранили бы с политической сцены самого Керенского. Поэтому он мог оставаться на ней, балансируя между промышленниками, военными и Советом, что в конце концов должно было закончиться крахом его правления. Сказав Корнилову о поддержке, он в следующую минуту вострубил об угрозе для революции.

О начале Государственного совещания Шульгин вспоминал очень выборочно, ничего не сказав о разыгравшемся прямом столкновении Керенского и Корнилова. По его словам, Керенский произнес «трепетную» речь, которая напомнила сильные речи Столыпина:

«... Временное правительство призвало вас сюда, сыны свободной отныне нашей родины, для того, чтобы открыто и прямо сказать вам подлинную правду о том, что ждет вас и что переживает сейчас великая, но измученная и исстрадавшаяся родина наша. Мы призвали вас сюда, чтобы сказать эту правду всенародно в самом центре государства Российского, в городе Москве. Мы призвали вас для того, чтобы впредь никто не мог сказать, что он не знал, и незнанием своим оправдать свою деятельность, если она будет вести к дальнейшему развалу и к гибели свободного государства Российского»^[332].

Кроме общих слов Керенский предупредил, что всякие попытки военного выступления против правительства провалятся, так как будут перекрыты железные дороги.

Английский посол упрощенно смотрел на взаимоотношения двух главных политических соперников: «Керенский же, у которого в последнее время несколько вскружилась голова и которого в насмешку прозвали „маленьким Наполеоном“, старался изо всех сил усвоить себе свою новую роль, принимая некоторые позы, излюбленные Наполеоном... Керенский и Корнилов, мне кажется, не очень любят друг друга, но наша главная гарантия заключается в том, что ни один из них, по крайней мере в настоящее время, не может обойтись без другого. Керенский не может рассчитывать на восстановление военной мощи без Корнилова, который представляет собой единственного человека, способного взять в руки армию. В то же время Корнилов не может обойтись без Керенского, который, несмотря на свою убывающую популярность, представляет собой человека, который с наилучшим успехом может говорить с массами и заставить их согласиться с энергичными мерами, которые должны

быть проведены в тылу, если армии придется проделать четвертую зимнюю кампанию»^[333].

В речи генерала Каледина прозвучало требование: «Расхищению государственной власти центральными и местными комитетами и Советами должен быть немедленно и резко поставлен предел».

Поразительная сцена разыгралась в зале: члены Петроградского совета и «революционные» солдаты отказались встать и приветствовать главнокомандующего Корнилова. Корнилов, участию которого в совещании Керенский пытался воспрепятствовать, произнес страстную речь. При выходе Корнилова из Большого театра его осыпали цветами, юнкера и текинцы подняли его на плечи как триумфатора.

Советские историки обобщенно указывали, что «...в речах генерала Л. Г. Корнилова, генерала А. М. Каледина, П. Н. Милюкова, В. В. Шульгина и др. была сформулирована программа контрреволюции: ликвидация Советов, упразднение общественных организаций в армии, доведение войны до победного конца и т. д.».

Однако выступление нашего героя произвело сильное впечатление: «Из всех речей, произнесенных на Московском совещании, наибольшее на всех впечатление произвела речь Шульгина. Своим патриотическим чувством он сумел заразить даже всю враждебную ему часть аудитории. Говорил он медленно, слабым голосом, но в то время как речи других ораторов прерывались то справа, то слева, речь Шульгина точно всех заворожала. В зале стало совершенно тихо, и каждое слово его было отчетливо слышно на всех местах огромного театра. Даже большевики не могли освободиться от гипноза шульгинского красноречия»^[334].

Командующий Юго-Западным фронтом генерал Деникин оставил свое описание столкновений на Государственном совещании.

«Волнуется Шульгин (правый): „Я хочу, чтобы ваша власть (Временного правительства) была бы действительно сильной, действительно неограниченной. Я хочу этого, хотя знаю, что сильная власть очень легко переходит в деспотизм, который скорее обрушится на меня, чем на вас, друзей этой власти“...

Еще более яркое противоречие сказалось в области военной. Верховный главнокомандующий в сухой, но сильной речи нарисовал картину гибнущей армии, увлекающей за собою в пропасть страну, и изложил, в весьма сдержанных выражениях, сущность известной своей программы. Генерал Алексеев с неподдельной горечью рассказывал печальную историю прегрешений, страданий и доблести былой армии, „слабой в технике и сильной нравственным обликом и внутренней дисциплиной“. Как она дошла до „светлых дней революции“ и как потом в нее, „казавшуюся опасной для завоеваний революции, влили смертельный яд“. Донской атаман Каледин, представлявший 13 казачьих войск, не связанный официальным положением, говорил резко и отчетливо:

„Армия должна быть вне политики. Полное запрещение митингов и собраний с партийной борьбой и распрями. Все советы и комитеты должны быть упразднены. Декларация прав солдата должна быть пересмотрена. Дисциплина должна быть поднята в армии и в тылу. Дисциплинарные права начальников должны быть восстановлены. Вождям армии — полная мощь!“

...Что сделает правительство? Найдет ли оно в себе достаточно силы и смелости порвать оковы, наложенные большевистствующим советом?

Корнилов заявил твердо и дважды повторил: „Я ни одной минуты не сомневаюсь, что (мои) меры будут проведены безотлагательно“.

А если не будут, — борьба?

Он говорил еще: „Невозможно допустить, чтобы решимость проведения в жизнь этих мер каждый раз проявлялась под давлением поражений и уступок отечественной территории. Если решительные меры для поднятия дисциплины на фронте последовали как результат Тарнопольского разгрома и потери Галиции и Буковины, то нельзя допустить, чтобы порядок в тылу был последствием потери нами Риги, и чтобы порядок на железных дорогах был восстановлен, ценою уступки противнику Молдавии и Бессарабии“»^[335].

В дневнике Ариадны Тырковой передана тревожная атмосфера события.

«Государственное Совещание, 12 августа 1917.

Керенский сильно раздражен требованиями Корнилова.

Ведет дело тройка — Керенский, Некрасов и Терещенко...

У Керенского очень много личного против Корнилова и Савинкова. Он думает, что они под него подкапывают...

Красный стол, золото и красное. Огромная сцена. Волненья, знакомые лица. Ложи и ряды. Старики-общественники. Молодежь солдатская и рабочая. Сидят по организациям.

Фигура Керенского, похож на юношу, быстрота его жеста. Голос. За ним два адъютанта, налево социалисты, направо кадеты и Некрасов...

13 августа выступил Корнилов.

Корнилов. Тот, кого Керенский назвал вождь погибающей армии, последняя ставка поруганной России.

Последняя надежда — это офицеры.

Корнилов как вестник трагедии...

Затем выступил Чхеидзе.

Чхеидзе (все-таки похож на нетопыря. Может быть, бесы опять и опять вселяются в толпу).

Ни одного слова о своих ошибках. Все та же безответственная игра словами.

О предательстве большевиков ни слова.

(Кошунственно звучат слова об обороне из уст того, кто заставлял солдат сидеть, когда приветствуют их вождя.) (То есть генерала Корнилова. — *С. Р.*)

(Дикая овация при словах об удалении генералов-контрреволюционеров.)

(Лицемерное приветствие рядовому офицерству)...

Шульгин. О борьбе с сепаратизмом украинцев.

На следующий день выступал генерал Алексеев. Снова солдаты не захотели встать для приветствия.

Алексеев заявил, что нужны „меры, а не полумеры“.

Выступление Пешехонова.

„В некоторых местах крестьяне захватывают уже реквизированный хлеб. Это уже грабеж. Когда мешают вывозить от помещиков, тоже надо решительные меры принять, от расточения государственного имущества“.

Агитация, уездные съезды, обращение к казакам, обращение к духовенству. К советам...» ^[336]

Шульгин выступал на второй день после Родзянко и Маклакова. Он их не слышал, так как от нервного напряжения неожиданно заснул. Очнувшись, пошел к трибуне и страстно обрушился на украинских сепаратистов, а также выступил за введение смертной казни на фронте, чтобы пресечь развал армии.

В газетном репортаже Алексея Толстого (будущего знаменитого советского писателя) говорилось: «И уж действительно „все промелькнули перед нами“. Изящный и тонкий Набоков, бурный Родичев,

выпаливающий слова, как из пистолета; огромный и медленный Родзянко, начавший журить Временное правительство, тыкая в него пальцем; изысканный ядовитый умница Шульгин...»^[337]

Снова Тыркова:

«16 августа 1917. Ц. К.

Кишкин рассказывает, что Керенский и Некрасов ждали в Москве вооруженного восстания с Корниловым во главе. Расставили пулеметы в доме генерал-губернатора. Корнилов приехал в 2 часа. Керенский не видался с ним до 14 августа в заседании. Некрасов сказал, что боятся только речей Шульгина и Милюкова...

Все считают, что Керенский провалился.

...Положение ужасающее. Киев без хлеба. Армия тоже...

20 августа 1917. Ц. К.

Карташев. Московское совещание — всероссийская достоевщина. Керенский — Гамлет.

Мы все какие-то политические травоядные...

В старых насильниках и генералах был секрет власти. Это нашим сознанием проклято...

Шигарев. Вылезает социальное чудовище, и на него всегда приходится отвечать выстрелами. В этой сшибке красных и черных мы будем раздавлены...»^[338]

Вместе с тем политическую атмосферу после Московского совещания И. В. Сталин определил как «коронацию контрреволюции».

Шульгин после совещания поехал на извозчике в подмосковное имение В. А. Маклакова, путь в оба конца занимал пять часов. Зачем ездил, неизвестно. Если учесть, что они только что виделись в Большом театре, то и непонятно.

Возможно, эту тайну приоткрыла Тыркова: у Маклакова собирались заговорщики.

«Запись 27 июня 1950 года.

Была у Маклакова... Рассказывал мне о деле Корнилова.

Корнилов обдумывал, как свергнуть правительство Керенского сразу после Государственного Совещания, обратился к группе общественных деятелей, спрашивал, поддержат ли они его. Их собралось человек 15. Были тут Милюков, Родзянко, Шульгин. Все, за исключением Маклакова и еще кого-то, не помню кого, обещали поддержку. Маклаков сказал, что революционное настроение еще не изжито и широкой поддержки Корнилов не получит. (К несчастью, так оно и вышло.)»^[339].

Это очень важное свидетельство — Шульгин сомкнулся с генералами, будущими вождями Белого движения.

Глава двадцать шестая

Корниловский мятеж. — Временное правительство сдается Советам. — Шульгин записывается в Добровольческую армию. — Создание разведывательной сети «Азбука»

О надвигающемся мятеже Керенский знал, но, пожалуй, как и бывший царь, не мог ничего сделать, ибо был заинтересован в военном разгроме Советов. Он вспоминал, что его предупреждали даже члены императорской семьи: «Великий князь Николай Михайлович... часто навещал меня по ночам в Зимнем дворце и сообщал о том, что происходит в гвардейских полках и высшем обществе, никогда, даже случайно, не упомянув ни одного имени. „Эти умники, — сказал он как-то, имея в виду гвардейских офицеров, замешанных в заговоре, — абсолютно не способны понять, что вы (т. е. Временное правительство) — последний оплот порядка и цивилизации. Они стремятся разрушить его, и когда в этом преуспеют, все, что осталось, будет сметено неконтролируемой толпой“» ^[340].

Словом, великий князь, подобно начальнику Петроградского охранного отделения Глобачеву, предупреждал...

Шульгин в Корниловском выступлении не участвовал, ибо присланная ему в Киев телеграмма из Ставки с предложением срочно приехать попала не ему в руки, а в городской Комитет спасения революции. В результате его арестовали и через сутки выпустили, оставив под домашним арестом. Разумеется, чужому человеку заговорщики вызовов не присылают. Возможно, ему в случае победы генералов было суждено стать одним из министров.

Обер-прокурор Святейшего синода В. Н. Львов рассказывал, что в июне 1917 года его пригласили на встречу с Шульгиным и полковником Новосильцевым, председателем центрального комитета Союза офицеров при Ставке, которые предупредили его о готовящемся перевороте. (Керенский, приведя эту информацию в своей книге «Россия на историческом переломе», сослался на публикацию в русской парижской газете «Последние новости» от 27 ноября 1920 года.)

Кроме того, Керенский свидетельствовал, что заговор поддержал британский посол Бьюкенен:

«В среду 23 августа (5 сентября) 1917 года посольство посетил А. И. Путилов и сообщил о готовящемся перевороте Корнилова, просил поддержки...

28 августа, когда войска генерала Крымова стремительно приближались к Петрограду, Корнилов направил в генеральный штаб 7-й армии Юго-Западного фронта следующее распоряжение: „Срочно отдайте приказ командиру Британского бронедивизиона перебросить все военные машины, включая ‘Фиаты’, вместе с офицерами и экипажами в район Бровар в распоряжение капитан-лейтенанта Соумса. Перебросьте также машины в район Дубровки“»^[341].

Кроме директора Русско-Азиатского банка А. И. Путилова заговор поддержали влиятельные в банковском мире люди — П. П. Рябушинский, С. Н. Третьяков, сын министра финансов Александра III А. И. Вышнеградский и сам А. И. Гучков; они передали генералу Корнилову четыре миллиона рублей.

Напомним, что крупнейшие российские банки контролировались из-за рубежа и, в частности, Русско-Азиатский — французами^[342].

Этот банк имел сильные позиции в железнодорожном строительстве и машиностроении,

судостроении, военной промышленности, нефтедобыче, угольной промышленности, металлургии; «немецкие» банки — в машиностроении, электропромышленности, металлургии, железнодорожном машиностроении, судостроении.

Существует прямая связь с началом Корниловского выступления и сильным ростом российских активов на Петроградской бирже.

Надо сказать, что «заговор» был организован крайне неудачно. (Напрашивается сравнение с антигорбачевским выступлением советских генералов в августе 1991 года — ГКЧП.)

Начался Корниловский «заговор» с того, что 20 августа Керенский, по докладу комиссара Временного правительства при Ставке Б. В. Савинкова (бывший эсер-террорист), согласился на «...объявление Петрограда и его окрестностей на военном положении и на прибытие в Петроград военного корпуса для реального осуществления этого положения, т. е. для борьбы с большевиками».

И что здесь похоже на «заговор»?

Читаем у Деникина: «Наконец, в двадцатых числах обстановка несколько более разъяснилась. Приехал ко мне в Бердичев офицер и вручил собственноручное письмо Корнилова, в котором мне предлагалось выслушать личный доклад офицера. Он доложил: В конце августа, по достоверным сведениям, в Петрограде произойдет восстание большевиков. К этому времени к столице будет подведен 3-й конный корпус во главе с Крымовым, который подавит большевистское восстание и заодно покончит с Советами.

Одновременно в Петрограде будет объявлено военное положение и опубликованы законы, вытекающие из „корниловской программы“. Вас Верховный главнокомандующий просит только

командировать в Ставку несколько десятков надежных офицеров — официально „для изучения бомбометного и минометного дела“; фактически они будут отправлены в Петроград, в офицерский отряд.

В дальнейшем разговоре он передавал различные новости Ставки, рисуя настроение ее в бодрых тонах. Передавал, между прочим, слухи о предстоящих новых назначениях командующих войсками в Киев, Одессу, Москву, о предположенном новом составе правительства, среди которого назывались имена и нынешних министров, и совершенно неизвестные мне. Во всем этом вопросе была несколько неясна роль Временного правительства, и в частности Керенского. Решился он на крутой поворот военной политики, уйдет или будет сметен событиями, ход и последствия которых, при создавшихся условиях, не могут предрешить ни чистая логика, ни прозорливый разум»^[343].

Принявший командование 3-м конным корпусом генерал П. Н. Краснов понимал шаткость позиций послефевральской элиты, но считал, что иного выхода не было: «А между тем мы знали, что Корнилов считался революционером, что Крымов, которого почему-то считали монархистом и реакционером, играл какую-то таинственную роль в отречении государя-императора и дружил с Гучковым. Мы все так жаждали возрождения армии и надежды на победу, что готовы были тогда идти с кем угодно, лишь бы выздоровела наша горячо любимая армия.

Спасти армию! Спасти какую угодно ценою. Не только ценою жизни, но и ценою своих убеждений — вот что руководило нами тогда и заставляло верить Корнилову и Крымову»^[344].

Вот в чем было дело: генералы понимали, что военное выступление направлено не только против

Совета, но и в принципе против Февраля.

Впоследствии А. И. Гучков, указывая на связь Корнилова с Керенским, недоговаривал — за свержением Совета непременно наступила бы очередь Временного правительства.

«Корнилов неоднократно указывал ему, А. И., что он, А. И., как „буржуй“, не может рассчитывать увлечь за собой войска. Напротив, по его мнению, Керенский, который представлялся им своим человеком, мог бы это сделать. И свое выступление Корнилов рассматривал как *coup d'Etat* [государственный переворот], который должен был быть произведен под флагом Керенского»^[345].

Думается, взаимоотношения Корнилова (армия) с Керенским (социалисты) все же были сложнее, чем показывал Гучков. Керенский до последнего часа колебался между генералами и Советом, так как именно в опоре на обе силы и состояла неустойчивая прочность его положения. Отказываясь от одной, он неизбежно проваливался.

28 августа части 3-го корпуса заняли Лугу, разоружив местный гарнизон, и продвинулись дальше. У станции Антропшино Туземная дивизия вступила в перестрелку с солдатами Петроградского гарнизона.

Здесь колебания Керенского закончились, он принял помощь Петроградского совета: из арсенала Петропавловской крепости рабочим было выдано оружие, стали формироваться отряды Красной гвардии, железнодорожники прервали движение эшелонов, а агитаторы начали пропаганду в войсках.

В приказе Крымова корпусу предусматривалось, казалось бы, всё — захват в Петрограде дворцов, банков, вокзалов, телеграфа и телефонной станции. «Не было предусмотрено только одного — встречи с боем до входа в Петроград»^[346].

Когда профсоюз железнодорожников заблокировал пути, и казаки остались без пищи, воды, а лошади без фуража, — всё рухнуло.

Керенский, обратившийся к низменным интересам «революционных» солдатских масс (своеволие и отсутствие всякой дисциплины), подорвал патриотический приказ Корнилова, означавший возвращение к войне.

«Заговор» вошел в неплановую фазу. Теперь Корнилову надо было решиться начать полномасштабную гражданскую войну или отступить.

Тем более что Керенский издал указ об отрешении от должности Верховного главнокомандующего и предании суду как мятежника, и отступить назад уже было невозможно.

Корнилов, как недавно и император, предпочел сдаться.

Покаяние генералов за их роковую ошибку 1 марта не состоялось.

Конечно, можно отчасти считать возмездием печальную судьбу многих генералов, в том числе увольнение Гучковым еще в апреле генерала Рузского от должности («проявлял невероятную бездеятельность, апатию») и его гибель осенью 1918 года в Пятигорске (зарублен шашкой и полуживым закопан в могилу). Вообще высшие генералы были похожи на младенцев, делающих первые шаги. Назначенный Верховным главнокомандующим А. А. Брусилов (после кратковременного пребывания на этом посту великого князя Николая Николаевича и М. В. Алексеева), по словам Гучкова, «...раболепно ползал на брюхе перед солдатской демагогией, в то время как Алексеев вел себя с большим достоинством».

Генералы, не видевшие под собой опоры, должны были пережить очищающий катарсис и принять новую идею будущего. Характерно, что в программе

Корнилова важнейший для солдат земельный вопрос предлагалось решить очень оригинально: землю (отчужденную у помещиков) могли получить только те, кто довоевал до победы.

Не став министром, Шульгин в острой борьбе все же удостоился некоей компенсации: возглавив комитет монархических организаций в Киеве, он получил мандат члена Украинского учредительного собрания (об этом мы уже говорили). Однако это собрание никогда не было созвано, так как в Петрограде Временное правительство быстро катилось под горку, а родная Малороссия столь же быстро превращалась в «Нэньку-Вкраину» («Мать-Украину»).

Кроме того, Шульгин со своими монархистами организовал переезд императрицы-матери Марии Федоровны из Киева в Крым.

Денационализированное Временное правительство, не имевшее реальных органов власти на местах, вынуждено было все больше уступать Советам.

Советы были денационализированы еще больше.

Солженицын писал о национальном составе Петроградского исполнительного комитета: десяток солдат, «вполне показных и придурковатых, держимых в стороне», среди остальных реально действующих — «больше половины оказались евреи-социалисты», «русских меньше четверти»^[347].

Кто из свидетелей той поры мог рассказать Солженицыну о «придурковатых» солдатах. Скорее всего, это был Шульгин, видевший Совет во всей красе.

После провала «заговора» армия была обезглавлена. Керенский стал Верховным главнокомандующим, а генерал Алексеев, чтобы предотвратить полный крах и защитить корниловцев, согласился стать начальником штаба.

Арестованные Временным правительством корниловские генералы содержались под следствием в монастыре в Быхове. Оставим их там, посмотрим, что делалось в Юго-Западном крае.

1 сентября Временное правительство, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, объявило Россию республикой, на что не имело юридического права. Этим решением была дана отмашка национальным окраинам на самостоятельные правовые действия, чем, конечно, они не замедлили воспользоваться.

Шульгин заявил свой протест членам Временного правительства, так как в те дни он пребывал в Петрограде с прощальным визитом у В. А. Маклакова, который был назначен послом в Париж.

Маклаков тоже выступал за конституционную монархию.

«Император Николай II отрекся от престола в пользу своего брата Михаила. Последний не принял трона, но не окончательно, а условно. В тексте его отречения предусмотрено, что он может принять престол, только если ему поднесет его Всероссийское Учредительное собрание.

Великий князь Михаил Александрович был тогда еще жив, и, следовательно, Временное правительство не могло своею властью совершенно отнять престол у него, а значит, и у всей династии Романовых.

Конечно, мое заявление никакого реального значения не имело. Надежды на то, что Учредительное собрание пригласит великого князя Михаила Александровича на престол, не было. Но для меня и стоявших за мною киевских монархистов было важно, что этим моим заявлением мы предупреждаем, что в этом вопросе мы не послушаемся Временного правительства. Это оказалось важным и для дальнейшего, потому что и Деникин, и Колчак все же стояли в случае, если белые победят, за какое-то

„волеизъявление народное“. Под волеизъявлением Деникин подразумевал Учредительное собрание»^[348].

Кроме этого протеста Шульгин принял участие в секретном совещании, состоявшемся на квартире бывшего помощника министра внутренних дел царского правительства, князя Волконского. Как он вспоминал на допросе на Лубянке, в совещании принимали участие «Родзянко, депутаты Думы: Лихачев, Н. Н. Львов, Половцев, Пуришкевич, академик Струве и некоторые другие видные лица, фамилии которых я сейчас уже не помню». Они понимали, что дни Временного правительства сочтены, и договорились ехать в область Войска Донского, к казакам.

Вернувшись в Киев, наш герой оказался свидетелем первых боев за власть на Украине.

25 октября (7 ноября) в Петрограде большевики арестовали Временное правительство.

27 октября (9 ноября) украинская Центральная рада приняла резолюцию о власти: восстание в Петрограде осуждалось, государственная власть переходила «в руки всей революционной демократии», Советы рабочих и солдатских депутатов отвергались. (Кстати сказать, вскоре на территории Украинской Народной Республики 3-м Универсалом Центральной рады было отменено без выкупа право собственности на все «помещичьи и иных нетрудовых хозяйств земли сельскохозяйственного значения».)

29-31 (11-13 ноября) октября в Печерском районе Киева начались уличные бои большевистских рабочих отрядов с юнкерами киевских военных училищ и кадетского корпуса. Большевиков поддерживали петлюровцы. Юнкера были вынуждены оставить Киев.

29 октября Генеральный секретариат Центральной рады объявил контроль над вооруженными силами на территории Украины, путями и продовольственным

делом. Его власть распространялась на Херсонскую, Екатеринославскую, Харьковскую, Холмскую и частично Таврическую, Курскую и Воронежскую губернии.

Как один из ноябрьских эпизодов Шульгин вспоминал гибель одного из братьев Пятаковых — Льва. Он руководил киевским ревкомом и был убит.

А вообще семья Пятаковых, жившая неподалеку от Шульгиных в своем особнячке на Кузнечной улице, была очень дружна с Билимовичами.

После Октябрьского переворота в Петрограде и киевского действия Шульгин в сопровождении бывшего фельдшера Елисаветградской кавалерийской дивизии Лохова отправился на Дон, где под прикрытием Войска Донского собирались бежавшие из Быхова корниловцы.

Новочеркасск, казачья столица, огромный Войсковой собор, железнодорожный вокзал. В салон-вагоне Шульгина очень любезно принял болезненного вида старик с простонародным лицом в профессорских очках — генерал Алексеев, они были давно знакомы.

Михаил Васильевич объяснил прапорщику Шульгину диспозицию: «Каждая армия, какова она ни была бы, должна иметь базу. Без базы армия существовать не может. Я избрал базу здесь, на Дону, в Новочеркасске. И здесь болото, но другой базы нет.

Кроме базы армия должна иметь личный персональный состав. В данную минуту этот персональный состав состоит из 28 человек».

Шульгин записался двадцать девятым русским белогвардейцем, неизвестный нам Лохов — тридцатым.

Однако сейчас Шульгин в Новочеркасске не был нужен, и Алексеев распорядился: «Я прошу вас и приказываю вернуться в Киев и держать „Киевлянин“ до последней возможности. Затем передайте уже написанное письмо генералу Драгомирову, которого я назначаю главнокомандующим в Киеве, и — присылайте нам офицеров».

Так буднично началась для Василия Витальевича Гражданская война.

«Но предварительно я отболел в Новочеркасске, должно быть, испанкой в легкой форме. Я лежал у члена Государственной Думы Половцова 2-го, который занимался хозяйственной частью армии из двадцати восьми человек. Тут же где-то был Николай Николаевич Львов, с которым я как будто повидался. И М. В. Родзянко. Последний играл тут роль оппозиции. Он и раньше недолюбливал генерала Алексеева»^[349].

В Новочеркасске все были свои. По русской традиции, должна была быть и оппозиция. Наверное, бывшему председателю Государственной думы и начальнику штаба, Верховному главнокомандующему было стыдно смотреть друг другу в глаза.

Чем в конце 1917 года была белогвардейская Добровольческая армия?

Мечтой, покаянием, молитвой, жертвой.

Собравшиеся у генералов Алексеева и Корнилова офицеры после кровопролитных боев с большевиками при полном равнодушии казаков были вынуждены вечером 21 февраля 1918 года покинуть Ростов и двинуться на юг к Екатеринодару. В России было около 460 тысяч офицеров, уходили из Ростова 3683 человека.

Генерал Корнилов был настроен бескомпромиссно: «Пусть надо сжечь пол-России, залить кровью три четверти России, а все-таки надо спасти Россию!»^[350]

Генерал Деникин, пешком бредущий из Ростова в худых сапогах и летней шинели, нашел сильные слова для описания душевного состояния этой крошечной армии: «Мы начинали поход в условиях необычайных: кучка людей, затерянных в широкой донской степи, посреди бушующего моря, затопившего родную землю; среди них два верховных главнокомандующих русской

армией, главнокомандующий фронтом, начальники высоких штабов, корпусные командиры, старые полковники... С винтовкой, с вещевым мешком через плечо, заключающим скудные пожитки, шли они в длинной колонне, утопая в глубоком снегу... Уходили от темной ночи и духовного рабства в неизвестные скитания...

— За синей птицей.

Пока есть жизнь, пока есть силы, не всё потеряно. Увидят „светоч“, слабо мерцающий, услышат голос, зовущий к борьбе — те, кто пока еще не проснулись...

В этом был весь глубокий смысл Первого Кубанского похода. Не стоит подходить с холодной аргументацией политики и стратегии к тому явлению, в котором всё — в области духа и творимого подвига. По привольным степям Дона и Кубани ходила Добровольческая армия — малая числом, оборванная, затравленная, окруженная — как символ гонимой России и русской государственности.

На всем необъятном просторе страны оставалось только одно место, где открыто развевался трехцветный национальный флаг, — это ставка Корнилова» ^[351].

Воля Корнилова передавалась всем. Никто не забыл, что в Таганроге красногвардейцы бросили в пылающую доменную печь 50 юнкеров и офицеров; таких жестоких казней было много.

«Внутренне, по силе своего духа, по вере в своего вождя, по решимости идти на неизвестное, бросая базу, с туманной надеждой впереди лишь на соединение с какими-то кубанскими добровольцами, ни численность, ни положение которых никому, собственно, не были известны, Добровольческая армия эпохи 1-го похода является прямо военно-исторической загадкой. Любовь к родине и вера в вождя двигали эту горсть едва

вооруженных людей на беспрецедентный в военной истории поход. Без надежды на помощь, без тыла, без снарядов. Добровольческая армия высоко подняла знамя Единой Великой России, пошла против заливавшей Россию красной волны навстречу неизвестному будущему. Вряд ли за всю свою военную историю Россия когда-нибудь дала равную по героизму добровольцам Корнилова армию»^[352].

Шульгин с некоторыми приключениями вернулся в Киев, в конце декабря стал выходить «Киевлянин».

На допросе в 1945 году он рассказал о своей работе.

«Вопрос: Что вы сделали по поручению Алексеева?

Ответ: Совместно с Драгомировым я завербовал в „добровольческую“ армию и отправил из Киева в Новочеркасск несколько эшелонов офицерского состава. В то время в Киеве власть находилась в руках Петлюры. Поэтому вербовочную работу мне приходилось выполнять нелегально, хотя Петлюра и искал контакта с „добровольческой“ армией.

Вопрос: О каком контакте вы говорите?

Ответ: Когда генерал Драгомиров познакомил меня с представителем французской дипломатической миссии в Киеве Сент-Олером, последний заявил, что Петлюра один не в силах бороться с большевиками и поэтому желает получить помощь от „добровольческой“ армии. Я передал через Сент-Олера, что, если Петлюра хочет получить от „добровольческой“ армии вооруженную помощь, он должен, прежде всего, отказаться от „самостийности“ Украины и признать „единую неделимую“ Россию. Переговоры с Петлюрой закончены не были, так как в январе 1918 года Киев был занят частями Красной армии и Петлюра бежал к немцам»^[353].

24 января (нов. ст.) 1918 года была провозглашена независимая Украинская Народная Республика (УНР).

26 января после нескольких дней артиллерийского обстрела в Киев вошли красноармейцы.

Шульгин был арестован одним из первых. (Всего за свою долгую жизнь он пережил шесть арестов.)

Миновала ночь, в течение которой, как он вспоминал, было расстреляно несколько тысяч человек, в том числе младший сын М. В. Родзянко Георгий, недавно женившийся на княжне Яшвиль.

Шульгина спасли евреи. Евреи его арестовывали, они же и спасали.

«Некто Гинзбург, гласный городской Думы от партии большевиков», узнав его в арестантском помещении, сообщил о нем его семье и наказал, чтобы не называлась его фамилия при передаче еды. Вторым спасителем стал адвокат Соломон Ахманицкий (Амханицкий), левый эсер, самочинно организовавший «трибунал» из киевских адвокатов, тоже евреев — для спасения арестованных. Не забудем и о Георгии Пятакове.

Выйдя на волю, Шульгин скрывался до ухода большевиков из Киева.

1 марта 1918 года в город вошли немецкие военные части. Германия на переговорах в Брест-Литовске признала УНР и получила право действовать на основании межправительственного договора, хотя, конечно, это было условностью.

В признании Германией УНР была одна неприятная для «украинствующих» деталь. Командующий германским Восточным фронтом генерал Макс Гофман в интервью английской газете «Дейли мейл» пояснил: «Россия, подписавшая Брест-Литовский договор, не может оставаться расчлененной, она найдет свое государственное единство. Украина и другие государственные образования не более как эфемерное создание... В действительности Украина — это дело моих рук, а вовсе не творение сознательной воли

русского народа. Никто другой, как я, создал Украину, чтобы иметь возможность заключить мир, хотя бы с одной частью России...»^[354]

Об интервью Гофмана говорилось в шульгинской газете «Великая Россия» (1919. 14 (27) июня), выходившей в Екатеринодаре и Ростове и распространявшейся на территории, контролируемой Деникиным.

На появление в Киеве немцев Шульгин отреагировал статьей в «Киевлянине», в которой объявлял, что отказывается выпускать газету, потому что Российская империя продолжает войну с Германией. Он не признал ни Октябрьскую революцию, ни Брестский мир.

«Карта Европы будет вычерчена на кровавых полях Франции, где произойдет последняя решительная битва... Так как мы немцев не звали, то мы не хотим пользоваться благами относительного спокойствия и некоторой политической свободы, которые немцы нам принесли. Мы на это не имеем права... Мы были всегда честными противниками. И своим принципам не изменим. Пришедшим в наш город немцам мы это говорим открыто и прямо. Мы — ваши враги. Мы можем быть вашими военнопленными, но вашими друзьями мы не будем до тех пор, пока идет война. У нас только одно слово. Мы дали его французам и англичанам, и пока они проливают свою кровь в борьбе с вами за себя и за нас, мы можем быть только вашими врагами, а не издавать газету под вашим крылышком».

«Статья вышла 10-го марта в шестнадцатом номере „Киевлянина“.

Не знаю, плакал ли весь Киев, как предсказывали, но бум был произведен ошеломляющий. И, несомненно, мальчишки, продававшие газеты, не плакали. Через час после того, как номер вышел, и мальчишки помчались с

криками: „Па-оследний номер ‘Киевлянина’!“, — этот последний они начали продавать по двадцать пять рублей за штуку. Это дает достаточное представление о впечатлении, произведенном на киевлян. В течение дня ко мне врывались всякие люди с выражением своих чувств и опасений, но этого всего я не помню в подробностях, так как все это заслонил ночной визит.

Пришел один из сотрудников „Киевлянина“, обрусевший бельгиец, для которого русский язык стал родным, но и французский также не был забыт. Я не знал, что он находится в связи с французской разведкой, находившейся в Киеве. Тут он объяснил мне, что капитан Эмиль Энно, тайно уже некоторое время живущий в Киеве, просит его принять.

Капитан Энно пришел. Это был человек средних лет, мало похожий на француза, и это было понятно, так как он был из Эльзаса, как я потом узнал. Его лицо было необычайно энергично, но приятно, а голос такой, что я немедленно попросил его так не кричать, потому что могут услышать на улице. Сжав мои руки, он загремел:

— Этого Франция не забудет, этого Франция не смеет забыть.

И так далее в этом роде. Затем, несколько успокоившись, он объяснил, что ему надо бежать отсюда (немцы нащупали). Он находился в подчинении графа Сент-Элера, который в это время был в Бухаресте. Ему, Сент-Элеру, поручено контролировать Восток, то есть Россию. Сент-Элер находится в непрерывной связи с „Тигром“ (премьер-министром Клемансо). Статья по прямому проводу из Бухареста будет передана в Париж. И хотя он сам, Энно, уедет, но постарается держать со мною связь, если это будет возможно...

На следующий день пришел англичанин. Этого я знал. Он тоже должен был немедленно уехать, но не в Румынию, а в Москву, в британскую миссию. Конечно,

он, как и Энно, благодарил меня, правда, не так оглушительно, а чисто по-английски сдержанно. Но прибавил определенно, что устроит связь из Москвы. На этом мы и распрощались.

Я ушел из дому, а когда вернулся обратно, то Екатерина Григорьевна, моя жена, сказала:

— Был англичанин опять. Оставил вот этот пакет.

Я вскрыл пакет. Там оказалось двадцать тысяч рублей. Я понял, что это на устройство связи. Кроме того, там был еще и какой-то московский адрес»^[355].

Так Василий Витальевич стал агентом сразу двух западных разведок.

Возможно, союзники натолкнули его на мысль создать разведывательную сеть для Добровольческой армии.

«Через некоторое время я по своей инициативе создал и возглавил конспиративный орган контрразведки деникинской армии, который был назван „Азбука“».

Она занималась отправкой офицеров в Добровольческую армию и политической разведкой. Ее целями обозначались разведка, борьба с большевизмом и украинским сепаратизмом, содействие союзникам, выяснение политических настроений солдат, офицеров и населения. Шульгин сформулировал программу: «1. Против большевиков. 2. Против немцев. 3. Против украинствующих. 4. За Добрармию. Кому это было недостаточно, пояснялось: Газету „Киевлянин“ читали? Так вот и вся программа».

Каждый сотрудник был зашифрован под определенной буквой русского алфавита, всего в «Азбуке» работало около пятидесяти офицеров, она имела резидентуры в Москве, Киеве, Одессе, Екатеринодаре, Харькове, Воронеже, Саратове, Кишиневе, Львове, Холме, Варшаве, Вильне. Ее агенты

работали в Ростове, Таганроге, Донбассе, Софии, Белграде, Бессарабии, Константинополе, Чехословакии, Галиции, Берлине, Минске и других городах.

С 18 ноября 1917 года, когда Шульгин вернулся из Новочеркасска в Киев, по январь 1918 года на Дон было отправлено около полутора тысяч офицеров. Началось формирование 1-го Георгиевского полка, в который до захвата Киева красными частями записались около трехсот человек. В Киеве «Азбука» сотрудничала с подпольным центром Добровольческой армии; роль Шульгина при генерале Драгомирове можно назвать идеологическим и политическим лидерством. Кроме того, «Азбука» должна была организационно объединять всех, кто независимо от партийной принадлежности хотел восстановить русскую государственность и поддерживал Добровольческую армию.

«Азбука» была единственной в своем роде организацией в вооруженных силах белых по разнообразию выполняемых задач: разведывательных, диверсионных, пропагандистских, организационных, охранных.

Косвенно роль «Азбуки» высвечивает признание А. И. Деникина, что ни одно из антибольшевистских правительств «...не сумело создать гибкий и сильный аппарат, могущий стремительно и быстро настигать, принуждать, действовать. Большевики бесконечно опережали нас в темпе своих действий, в энергии, подвижности и способности принуждать. Мы с нашими старыми приемами, старой психологией, старыми пороками военной и гражданской бюрократии, с петровской табелью о рангах не поспевали за ними».

Это обобщение главнокомандующего ВСЮР помогает многое понять о нашей Гражданской войне и, в частности, о самом Шульгине.

Одним из ближайших его помощников, кроме А. И. Савенко, стал горный инженер, депутат Государственной думы, член ЦК кадетской партии Василий Александрович Степанов (оперативный псевдоним «Слово»). Он был очень заметной фигурой — сопредседатель имперского Особого совещания по топливу, после Февраля временно управлял Министерством торговли и промышленности, занимался восстановлением промышленных предприятий, после Октября переправлял офицеров на Дон. Кроме того, был масоном французского обряда, членом Думской ложи, членом масонского конвента от Петрограда. И еще — двоюродным братом знаменитой поэтессы Зинаиды Гиппиус. Возможно, именно Степанов содействовал контактам французского консула Энно с Шульгиным.

Сотрудниками «Азбуки» были Генерального штаба полковник (потом генерал-майор) Алексей Александрович фон Лампе и Генерального штаба полковник Владимир Петрович Барцевич, после освобождения города в 1919 году — киевский градоначальник.

Благодаря своей сети Шульгин установил связь с членами императорской семьи, находившимися в Крыму, и информировал их о положении в стране и в Добровольческой армии. Через сотрудницу «Азбуки» В. Е. Васильеву (псевдоним «Принцесса») он предложил великому князю Николаю Николаевичу стать главнокомандующим Добровольческой армией, но тот отказался.

Шульгин испытывал постоянное чувство вины перед Романовыми и старался его избыть. Осенью 1918 года из Екатеринодара он послал императрице-матери Марии Федоровне в Крым группу сотрудников «Азбуки» (якобы не белогвардейской, а частной организации) для несения вооруженной охраны. «Эта охрана существовала до 1919 года, когда Мария Федоровна из

Крыма была отправлена в Англию на английском крейсере»^[356].

Еще из протокола допроса:

Вопрос: Кто из сотрудников „Азбуки“ находился в Москве?

Ответ: В Москве находился Степанов, который позднее, как я уже об этом показал, являлся начальником отделения „Азбуки“ при ставке главнокомандующего добровольческой армией в Екатеринодаре.

Вопрос: Какие задания выполнял Степанов в Москве?

Ответ: Степанов являлся представителем „Азбуки“ и одновременно главой существовавшего тогда в Москве подпольного контрреволюционного и так называемого „Московского центра“.

Вопрос: Таким образом, вы были связаны с „Московским центром“?

Ответ: Да. Хотя в „Московский центр“ входили кадеты (Степанов, Черносвистов, Щепкин), тем не менее его цели совпадали с моими. „Московский центр“ поддерживал „добровольческую“ армию, был против большевиков и стоял за „единую неделимую“ Россию. Связь с „Московским центром“ я поддерживал через специальных курьеров „Азбуки“: братьев Вакар Николая и Алексея, капитана Перфильева, поручика Фиалковского, подпоручика Ткаченко и Разумихину Зинаиду. Во главе всей этой группы стоял штабс-капитан Максимович. Курьеры доставляли мне от „Московского центра“ необходимую военно-политическую информацию и крупные суммы денег для „добровольческой“ армии. За все время через мои руки прошло не менее 3 миллионов рублей»^[357].

Кроме того, Шульгин обсуждал со своими офицерами план вызволения царя из уральского

заточения. О попытках монархистов организовать спасение царской семьи писал бывший начальник канцелярии Министерства императорского двора А. А. Мосолов. По его данным, группа киевских монархистов, в состав которой входили князь А. С. Кочубей и герцог Г. Н. Лейхтенбергский (двоюродный брат баварского кронпринца), при поддержке немецких генералов Эйхгорна и Греннера, получив финансирование, направила в Екатеринбург на разведку двух офицеров, к которым должен был присоединиться большой, хорошо вооруженный отряд. Однако план не был реализован потому, что германский МИД категорически отказался его поддержать ^[358].

Вообще, если сложить направленные против русского царя усилия Прогрессивного блока, генералов, большевиков, церковников, немцев, британцев, становится понятно, что спасти его могло только чудо. Тем более что, как писал Дж. Бьюкенен, «...мы никогда ни на одну минуту не замыслили навязать Романовых не желавшей того России. Мы с самого начала сделали ясным, что такого рода идея весьма далека от нас и что наша цель состоит в том, чтобы обеспечить русскому народу право самоопределения и чтобы он мог свободно избрать ту форму правления, которую сочтет наилучшей» ^[359].

Значит, просто «обеспечить право». И ни слова о кавказской нефти, геополитике, новых государственных образованиях на территории бывшей Российской империи.

Глава двадцать седьмая

Гетман Павел Скоропадский. — Знакомство с генералом Врангелем. — Шульгин — член правительства генерала Деникина. — На Кубани между сепаратистами и генералами

3 декабря (нов. ст.) 1917 года английский посол Дж. Бьюкенен получил из Лондона рекомендацию о необходимости организовать на территории России «южный блок» (Кавказ, Дон и Кубань, Украина, Румыния), что «...позволило бы создать умеренно прочное правительство, которое во всяком случае при наличии у него нефти, угля и зерна поставит под контроль всю Россию» ^[360].

Этот замысел был быстро реализован. 23 декабря (нов. ст.) 1917 года в Париже было подписано Соглашение между Англией и Францией относительно действий в южной России о ее разделе на английскую зону (казачьи территории, Кавказ, Армения, Грузия, Курдистан) и на французскую (Бессарабия, Украина, Крым).

Соглашение стало основой для поддержки антибольшевистских сил на Дону, а потом и на всем юге. Бывшие союзники первоначально не преследовали в России каких-то внутривнутриполитических целей, кроме тех, которые ставила перед ними продолжавшаяся война с Германией. Выход России из войны менял всю стратегию союзников, 100 немецких дивизий с Восточного фронта могли переломить ход всей кампании, и поэтому надо было восстановить русскую армию.

Если бы немцы захватили Украину и Кавказ, они бы имели большие шансы, во-первых, выйти в Персию, где

находилось «нефтяное сердце» британского флота, и, во-вторых, взять под контроль всю Центральную Россию. По инерции союзники еще не были готовы рассматривать большевиков как противников, но с каждым днем поле для маневра становилось все меньше.

В январе 1918 года Чехословацкий корпус (легион) из бывших военнопленных, свыше сорока тысяч человек, был объявлен воинским подразделением французской армии. Он продвигался по железной дороге во Владивосток, чтобы потом на кораблях перебраться в Европу и воевать на Западном фронте против немцев. Но впереди у него был и сибирский фронт на стороне адмирала А. В. Колчака.

У истоков Чехословацкого корпуса стоял Шульгин. Будучи гласным Волынского губернского земства, он во время войны откликнулся на просьбу своего коллеги, тоже волынского гласного чеха Вацлава (Вячеслава Иосифовича) Вондрака (он еще владел гостиницей «Прага» в Киеве), — образовать на территории Российской империи воинскую часть, состоящую из служивших в австрийской армии, но перешедших на русскую сторону чехов и словаков. Вондраку требовалось найти связи в Петербурге, и он обратился к Шульгину. Василий Витальевич познакомил его с влиятельными людьми в Петрограде, и вопрос об организации Чешской дружины (первоначально по численности это был батальон) был решен. Она была создана в Киеве в 1916 году, в ее рядах воевал и был награжден двумя георгиевскими крестами будущий президент Чехословакии генерал Людвик Свобода^[361].

В. Вондрак был значительной личностью — доктор юридических наук, волынский помещик, в 1906 году начал издавать журнал «Русский чех», с 1907-го был уполномоченным Чешского национального комитета в

России, в 1916 году — председатель Союза чешских обществ, ходатайствовал перед русским правительством о признании союза представителем чешского народа в России. В 1917-м вступил в русскую армию, во время оккупации Киева немцами в 1918 году находился в заключении, с конца 1918-го вступил в Добровольческую армию, был послан генералом Деникиным с особой миссией в Чехословацкую республику.

Когда в 1921 году наш герой оказался как эмигрант в Праге, д-р Вондрак был одним из тех, кто поддержал его.

Кстати, в 1918 году Шульгин попытался вступить в Чехословацкий корпус, но ему почему-то было отказано.

3 февраля (нов. ст.) 1918 года ВЦИК аннулировал внешние и внутренние долги России. Долг французским банкам составлял 10,5 миллиарда франков, английским — 600 миллионов фунтов стерлингов. Последняя стратегическая задача, по Макс Веберу (после Декрета о мире и Декрета о земле), была решена: Россия освободилась от финансового контроля Запада.

9 марта в Мурманском порту началась высадка английского десанта, который по начальному замыслу должен был создать основу для отпора немцам и защиты находившихся здесь огромных складов оружия и военного снаряжения, но в связи с изменением стратегии превратился в часть оккупационных сил. Всего в 1918–1919 годах на Север было переброшено 29 тысяч англичан, 7,5 тысячи американцев, около тысячи канадцев. Вместе с находившимися по линии Мурманской железной дороги бывшими пленными сербами, чехословаками и поляками они стали опорой для антисоветских белогвардейских частей.

14 февраля 1918 года в России был введен григорианский календарь, что явилось неким символом — прошлое оказалось отрезанным навсегда.

Таким был фон, на котором разворачивалась новая жизнь нашего героя. Теперь его статус был неопределенным: ни имперский подданный, ни депутат, ни издатель. Кто же он?

Белогвардеец. То есть человек с очень условными правами и обязанностями, стремящийся переломить судьбу.

Он и все белогвардейцы не знали, что их борьба закончится поражением. У них не было никакого большого проекта. Всё, чего они хотели, заключалось в возвращении прошлого — созыве Учредительного собрания, отмене позорного Брестского мира, успокоении огромного российского конгломерата. На основе чего? После Февраля и Октября уже не могло быть ни православной империи, но дворянско-общинного хозяйствования, ничего.

У жестокосердных большевиков проект был. То, что В. И. Ленин в разгар Гражданской войны предложил программу индустриального развития и справедливого жизнеустройства, показывало, что противники играли в разные «шахматы».

Руководители Белого движения рассчитывали на помощь союзников, а некоторые — даже на помощь Германии, что оказалось принципиально невозможным, так как русские воспринимали союзнические отношения как отношения равных, а на самом деле у союзников на первом месте были их собственные интересы в распавшейся империи.

Наша Гражданская война четко делится на три истории, привязанные к кампаниям на территории России германских, английских, французских и польских войск; иностранцы рассматривали белых одновременно и как союзников, и как конкурентов.

Это у белых было сразу несколько войн — за территорию, за веру, за новое устройство государства,

за независимое развитие.

И белые могли претендовать только на победу в первой — за территорию, чего они едва не достигли в 1919 году. В остальных они уступали красным.

В конце апреля 1918 года к Шульгину пришли двое русских, один из них был граф Кочубей, потомок знаменитого запорожского казака, казненного Мазепой за верность России. Они предложили Василию Витальевичу участвовать в свержении Центральной рады и создании нового прогерманского правительства. Он отказался, сказав, что ему странно видеть потомка славного Кочубея в таком деле, ведь «Кочубей-то всегда был за Россию против Мазепы и шведов».

Ему возразили, что России-то уже нет.

И тут Шульгин отчеканил: «Она есть, пока за нее борются».

Эти слова выражали суть этого человека.

29 апреля 1918 года немецкое командование распустило Центральную раду и объявило о поддержке в тот же день избранного на съезде хлеборобов гетмана Павла Петровича Скоропадского, кавалергарда, генерал-лейтенанта русской армии, участника Русско-японской и мировой войн. Его предок Иван Илларионович Скоропадский был гетманом Левобережной Украины во времена Петра Великого, сменил предателя Мазепу.

«Смена караула» была вызвана неспособностью Рады обеспечить поставку в Германию продовольствия.

Новый гетман никаких антироссийских замыслов не вынашивал, говорил о федеративных отношениях с Москвой и совместной борьбе с большевизмом. Его стратегическое видение не было лишено здравого смысла: «Гетманская Украина представляла громаднейший и богатейший плацдарм, поддерживавший здоровое украинство, но тем не менее не враждебное России. Все ее помыслы были обращены

на борьбу с большевизмом. Только с Украины можно было нанести решительный удар по большевикам, только Украина могла поддержать и Дон, и Деникина без обращения к иностранным державам. С падением Гетманщины неминуемы были Петлюра и Винниченко с галицийской ориентацией, совершенно нам, русским украинцам, не свойственной, с униатством, с крайней социалистической программой наших доморожденных демагогов, которые, несомненно, вели к большевизму»^[362].

Относительно военной базы возразить нечего, но как можно было объединить проантантовских деникинцев и прогерманского гетмана?

Тем более что и Скоропадский сомневался в альтруизме Германии, предъявившей Украине «категорическое требование» о поставках 60 миллионов пудов хлеба. Поэтому немецкие реквизиции быстро мобилизовали население. Националисты во главе с Симоном Петлюрой уяснили оккупационный характер гетманщины, стали разворачиваться отряды крестьянской самообороны, заставляющие германское командование держать на Украине большие силы. За первые шесть месяцев гетманщины было убито 22 тысячи немецких солдат и офицеров и более 30 тысяч гетманских стражников. 30 июля 1918 года в Киеве был убит германский фельдмаршал Эйхгорн, внук великого немецкого философа Шеллинга.

Съезд хлеборобов, на котором провозгласили гетманом генерала, прошел в помещении цирка, а все гетманство носило, как говорили герои булгаковского романа «Белая гвардия», отпечаток «оперетки».

В воспоминаниях генерала Гофмана есть весьма любопытный пассаж: «В Киеве был посажен генерал Гренер с целью создания германо-украинской организации. На бумаге она была блестящей, но

результаты были относительно скромны. Преувеличила ли в свое время украинская делегация (в Бресте) наличие запасов хлеба или крестьяне его скрывали, вероятно, никогда не станет известно. Я думаю, что причина была именно в последнем. Во всяком случае, нашей организации не удалось получить серьезных запасов зерна. Я склонен думать, что, если бы вместо мощной центральной организации мы попросту завербовали более значительное количество евреев-посредников с задачей просто продать нам зерно, мы бы достигли большего» ^[363].

Интересно, что получилось бы в случае вербовки «евреев-посредников»? Тогда бы Петлюра и гетман Скоропадский не понадобились?

Немцы пытались прорваться на Кавказ и далее в Персию, здесь они использовали 43 пехотные и три кавалерийские дивизии, которых им не хватило для победы на Западном фронте. Они поддерживали Донскую армию генерала П. Н. Краснова, предлагали сотрудничество Добровольческой армии, были готовы опереться на все антибольшевистские силы, в том числе и на «украинствующих» националистов.

«Поскольку появилась новая держава, то должны были быть и подданные. Скоропадский объявил в качестве закона, что все родившиеся на территории Украины или же прожившие в ней какое-то время автоматически становятся украинскими подданными. Но этот номер не прошел без протеста. Член Государственной Думы от Киевской губернии Анатолий Иванович Савенко, член Государственной Думы Василий Витальевич Шульгин, троекратно избранный Волынью и единый представитель города Киева в Украинском Учредительном собрании, со старшим сыном Василидом Васильевичем, и гласный Киевской городской думы Владимир Иосифович Иозефи явились к губерниальному

старосте (то есть губернатору) киевскому и подали ему каждый порознь и все вместе официальные заявления с приложениями.

Приложение составляло целую тетрадь с историческим обоснованием неприемлемости названия „Украина“ к исторически древним русским землям.

Губерниальный староста, узнав, в чем дело, закрыл дверь (сам) и сказал:

— Господа, зачем вы это делаете? Этот закон — ерунда, а Скоропадский — дурак.

Но мы все же просили наши заявления принять и записать куда следует, так как в законе было сказано, что те лица, которые не пожелают быть украинскими подданными, должны подать официальное заявление»^[364].

Однако главные мировые события происходили не в Малороссии — Украине, а во Франции, где немцы прилагали невероятные героические усилия, чтобы победить. Выход России из войны дал им такой шанс. Но на стороне Антанты выступил будущий экономический мировой лидер — Соединенные Штаты Америки, прибывшие на поле брани в тот момент, когда силы всех воюющих держав были истощены. Янки реализовали стратегию, высказанную еще в 1914 году американским послом в Лондоне Пейджем: «...вся Европа (в той мере, в какой выживет) обанкротится, а мы станем безмерно сильнее финансово и политически»^[365].

Таким образом, приближалось окончание Первой мировой войны, после чего должно было начаться переустройство Европы и изменение баланса сил на просторах бывшей Российской империи.

Что окончание войны могло принести русскому антибольшевистскому фронту?

Только неизбежное охлаждение союзников.

Здесь надо сказать, что в мае Шульгин получил телеграмму российского посла В. А. Маклакова, она была передана курьером «Азбуки» кружным путем из посольства Франции в Москве.

Маклаков сообщил, что последний номер «Киевлянина» дошел до Парижа и произвел сильное впечатление на французов; он предупреждал, что в военном отношении Германия обречена.

В это время в Киеве появился П. Н. Милюков, у которого, как тогда у многих, в голове была каша — он уже считал необходимым сделать ставку не на союзников, а на Германию. Он даже встретился с руководителем немецкой администрации на Украине 70-летним фельдмаршалом Германом фон Эйхгорном, после чего пришел к Шульгину, стал убеждать того, что «Германия поставит Францию на колени».

Шульгин не согласился, познакомил гостя с телеграммой посла Маклакова — и не переубедил.

Тогда же в Киев приехал Максим Моисеевич Винавер, один из кадетских лидеров, чтобы отговорить Милюкова и некоторых кадетов, вошедших в правительство гетмана, от сотрудничества с немцами. Это ему не удалось, но он тоже встретился с Шульгиным и оставил в своем дневнике такую запись от 14 июля 1918 года: «На сей раз меня тянуло к нему более, чем к кому бы то ни было. И действительно, двухчасовая беседа с ним дала мне полное удовлетворение. Я нашел в нем человека стойкого характера и большого душевного такта. Если бы он не стоял так далеко от основного течения русской жизни, если бы не пришлось ему выбрасывать так много старого багажа для того, чтобы стать в уровень с эпохой, я думаю, он мог бы стать одной из тех фигур, около которых объединились бы стремления к возрождению России» ^[366].

Маклаковская телеграмма сыграла некую роль в дальнейших действиях Шульгина.

Генерал Деникин характеризовал «группу Шульгина» как союз единомышленников, обладавших серьезным влиянием «в киевских буржуазных и военных кругах». У нее было три главных лозунга: борьба с большевизмом, верность союзникам, верность монархии.

«Монархию безоговорочную, немедленную, открыто исповедуемую. Для Шульгина и его единомышленников монархизм был не формой государственного строя, а религией... Шульгин осуждал постоянно политику руководителей Добровольческой армии, убеждал друзей, что „скоро в России не будет никаких республиканцев“, и просил разъяснить руководителям армии, что никакие воззвания с Учредительным собранием и народоправством не привлекут в армию никого»^[367].

Несмотря на то что гражданская администрация немцев смотрела на деятельность Шульгина сквозь пальцы, а выходившая новая газета «Киевская мысль» под редакцией его сестры Павлы Витальевны не задевала немцев, выступала против «украинства», у гетманской разведки копились вопросы к нашему герою. Его вовремя предупредили, и он стал готовиться к бегству на Дон. Но перед отъездом с ним встретились два генерала, один из которых — бывший дивизионный командир барон П. Н. Врангель, второй — член императорской семьи герцог Г. Н. Лейхтенбергский.

До этого Шульгин не был с ними знаком, но они его знали. Врангель объяснил причину визита: они искали, к кому присоединиться. Встречались с немцами, но поняли, что тем нужна Россия только для прорыва к Персидскому заливу (нефть!), а на Скоропадского, под началом которого Врангель когда-то служил, особых

надежд не было. Оставалась Добровольческая армия. Хотели бы услышать от Шульгина совет.

Они, видно, кое-что знали о делах Василия Витальевича.

Он прямо сказал, что состоит в переписке с Деникиным, и даже привел часть письма Антона Ивановича: «Вы боретесь смело. У нас ходит по рукам ваше письмо, в котором вы объявляете себя монархистом. У нас офицеры на восемьдесят процентов монархисты. Что касается меня, то я считаю, что это только форма правления. Конституционная монархия — тоже хорошо».

Гости услышали то, что хотели.

На прощание Врангель вымолвил: «По-видимому, мы с вами скоро встретимся у Алексеева».

Они понимали, что без сопротивления их просто зарежут, застрелят или мучительно казнят. В феврале 1918 года в своем имении Торосово под Петроградом был убит двоюродный брат генерала Врангеля Георгий Врангель, причем убийцы выкололи глаза на родовых портретах, разбили севрский фарфор, рояль и старинную мебель. Чем мешали портреты русских генералов?

Шульгин оставил выразительное описание врангелевского облика: «Лицо Петра Николаевича было значительно. В профиль — хищная птица. *En face* — высокий лоб, близко посаженные глаза неопределенного цвета, кажется, стальные, а может быть, зеленые. Нельзя сказать, чтобы взгляд их был неприятен. Но он был тяжел и давил собеседника. В них был гипноз. Но гипноз какой-то оправданный, он помогал здравым мыслям, с которыми легко можно было согласиться. Тонкий нос придавал лицу что-то орлиное. Нижняя часть лица была совершенно противоположна моей. У меня подбородок короткий и угловатый, хохлацкий. У Врангеля — продолговатый и

угловатый, с энергичной мускулатурой. Губы не тонкие, но и не полные. Небольшой рот. Линия рта прямолинейная. В общем, его лицо было прямоугольное, узкое (продолговатая голова)»^[368].

Неизвестно, знал ли наш герой о кровном родстве Врангеля с великим Пушкиным, но и без того видно, что Петр Николаевич произвел на него неслабое впечатление. Они стали соратниками на долгие годы.

Генерал Врангель (родился в 1878 году) был сыном барона, доктора философии, председателя и члена правления нескольких акционерных обществ, знаменитого коллекционера. Он окончил Горный институт и Николаевскую академию Генерального штаба, участвовал в Русско-японской войне командиром казачьей сотни. В августе 1914 года в Восточной Пруссии эскадрон под командованием ротмистра Врангеля в конной атаке захватил германскую батарею под деревней Каушен. Все офицеры эскадрона были убиты, одному снесло голову. Врангель чудом остался жив, а его лошадь получила девять картечных ран. За эту атаку он был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. В 1917 году назначен командиром корпуса, поддержал Корнилова. Врангель — прямой потомок по материнской линии инженер-поручика Ганнибала, «арапа Петра Великого», и, соответственно, дальний родственник поэта Александра Пушкина. В роду Врангеля было семь генералов и фельдмаршалов. Генерал-адъютант А. Е. Врангель воевал на Кавказе, его войска взяли в плен Шамиля; Ф. П. Врангель — выдающийся путешественник; на пятнадцатой стене храма Христа Спасителя, посвященной сражениям при Колоцком монастыре, Шевардине и Бородине 24 и 26 августа 1812 года, указан среди раненых прапорщик Софийского полка барон Врангель. Именно Петр Врангель, возглавив в августе 1918 года 1-ю конную

дивизию Добровольческой армии, с успехом применил новую тактику глубоких кавалерийских прорывов, подобных тем, что через целую эпоху, во время Второй мировой войны, успешно применили танковые армии вермахта. За Врангелем, казалось, стояла вся история Российской империи. По пушкинской линии он был связан с родом боярина Гаврилы Олексича, ближайшего сподвижника Александра Невского. Через Гаврилу Олексича и его старшего сына Ивана Морхиню — с родом победителя Наполеона фельдмаршала М. И. Кутузова. По материнской линии М. И. Кутузова — Беклемишевых — с князем Дмитрием Пожарским, руководителем Второго народного ополчения и освободителем Москвы от поляков в 1612 году ^[369].

В Киеве Шульгин узнал, что в ночь с 16 на 17 июля «был убит император Николай Александрович вместе со своею семьею».

Весть об этом быстро долетела до Киева, была назначена панихида в Софийском соборе, на которой Шульгин чувствовал себя обязанным присутствовать. Но узнав, что там будет Скоропадский, не пошел.

Потом он признавался, что ему «было стыдно» ^[370].

Надо сказать, что Василий Витальевич вспоминал императора до конца своих дней.

Через неделю после панихиды по убиенным Шульгин собрал в святошинском лесу руководство своей организации, сообщил, что едет в Добровольческую армию, и договорился о дальнейших действиях.

В начале августа в сопровождении старшего сына, 18-летнего Василька, флотского старшего лейтенанта Григория Георгиевича Масленникова (псевдоним «Гри-Гри») и своей секретарши Дарьи Васильевны (она была его любовницей) он пароходом двинулся на Екатеринослав (ныне Днепропетровск), потом товарным

вагоном — на юго-восток. В открытые двери вагона летел жаркий воздух, вдоль полотна простиралось желтое море подсолнухов. Не верилось, что идет война.

Благополучно добрались до казачьей столицы Новочеркасска, где Шульгин оставил заболевшего «испанкой» сына и Дарью Васильевну, а сам выехал в Екатеринодар.

Там его встретил старый сотрудник «Киевлянина» Владимир Георгиевич Иозефи, начавший подготовку к выпуску газеты Добровольческой армии. Он снял просторную квартиру в двухэтажном доме на Графской улице, и в ней разместились редакция, вскоре прибывшие сотрудники «Азбуки», Шульгин. Иозефи смог купить остродефицитную газетную бумагу.

В Ставке главнокомандующего Добровольческой армией Шульгина радушно встретил Алексеев и познакомил с бывшим командиром Преображенского полка 36-летним генерал-майором Александром Павловичем Кутеповым. Пожимая руку Шульгину, гвардеец сказал: «Ну, теперь мы знаем, за что надо бороться».

28 августа вышел первый номер газеты «Россия». Передовица была посвящена полемике с толстовской идеологией «непротивления злу насилием». Шульгин «воевал за Россию». Передовицы следующих трех номеров носили общий заголовок «Монархисты».

Надо сказать, что на Кубани было много потомков запорожских казаков, которых переселили сюда при Екатерине Великой после упразднения Запорожской Сечи. Среди них было немало тех, кого наш герой называл «украинствующие кубанцы». Они-то появление газеты откровенно великорусского направления приняли враждебно.

Соответственно, руководство добровольцев должно было с ними считаться.

Вообще эпопея белого сопротивления на юге России неразрывно связана с казачеством. Добровольческую армию сначала изгнали, а потом спасли донские казаки. Перелом в их настроении наступил после решения областного Совета в Ростове о национализации казачьих земель. 14 апреля 1918 года восставшие казаки неожиданным ударом захватили Новочеркасск, круто изменив соотношение воюющих сил. Немецкое командование и гетман Скоропадский приветствовали выступление донцов, чьи войска образовывали заградительный щит, прикрывая Украину от красных отрядов. Немцы пропустили к Ростову на соединение с ними тысячный отряд добровольцев с Румынского фронта полковника М. Г. Дроздовского.

Начался новый этап Гражданской войны. Уже организовались казачьи станицы, собрался Круг спасения Дона, решивший образовать регулярную армию взамен партизанских отрядов. Атаманом Всевеликого войска Донского был избран генерал-лейтенант П. Н. Краснов. Он считал, что в новых условиях надо временно ориентироваться на Германию, которая после Брестского договора с большевиками по соглашению с Центральной радой ввела войска на Украину и создала барьер, защитивший Дон от красных армий.

Трудно представить, что генералы Алексеев и Деникин за несколько месяцев смуты могли поменять свои взгляды. Все генералы, оказавшиеся во главе белых армий на окраинах империи, были за «единую и неделимую» — Е. К. Миллер в Архангельске, Н. Н. Юденич на западе, адмирал А. В. Колчак в Сибири, Деникин на юге. Расплачиваться за военную помощь территорией в пользу Польши, Украины, Прибалтики, Финляндии для них было неприемлемым. В этом вопросе они стояли насмерть, отбрасывая возможных союзников. Например, на предложение генерала

К. Маннергейма Колчаку двинуть на Петроград сотысячную финскую армию в обмен за официальное заявление о признании независимости Финляндии был дан категорический отказ.

Но пока у донского атамана на фронте была шестидесятитысячная армия, а у добровольцев вместе с кубанцами — в пять раз меньше, пока все снабжение шло через донского атамана, взявшегося быть посредником между Украиной и немцами, с одной стороны, и Добровольческой армией — с другой, Деникин молчал, и только окружающие его люди готовили кампанию против атамана Краснова и других донских начальников.

У добровольцев с казаками с самого начала, еще с конца 1917 года, как не заладились отношения, так не сложились и к лету 1918-го. На ростовском вокзале, возмущая русские души, висела огромная вывеска на немецком языке — «Кавказ». Немцы поддерживали Краснова и готовы были поддержать Деникина. От англичан и французов реальной помощи еще не было, хотя их военные миссии уже прибыли. Добровольческая армия получала через донцов оружие от немцев, но вела пропаганду против украинского гетмана Скоропадского и германских войск. В конце концов немцы возмутились и запретили Краснову передавать оружие и снаряжение. Атаман был вынужден делать это тайно.

Атаман Краснов предлагал Деникину совместное с немцами наступление в направлении Царицына и Воронежа.

Краснов вел переговоры с гетманом Скоропадским о совместных действиях против большевиков и привлечении к борьбе Грузии, Кубани, Крыма, Северного Кавказа, Добровольческой армии. О «единой и неделимой» пока не было ни слова. Антибольшевистские силы юга России имели

возможность весной 1918 года «сесть в германский поезд» и к осени доехать до Москвы.

Но генералы Добровольческой армии не захотели иметь дело с «сепаратистами», они двинулись на юг, заняли Кубань, создав себе более широкую базу.

В середине июня 1918 года Добровольческая армия добилась стратегического успеха: были захвачены узловые станции Тихорецкая и Торговая, и весь Северный Кавказ с его хлебными запасами и грозненской нефтью был отрезан от Центральной России.

Победы добровольцев принесли огромные трофеи: железнодорожные поезда, бронепоезда, броневики, самолет, 60 орудий, в том числе и морские дальнобойные, много пулеметов, винтовок, боеприпасов, интендантского имущества. Но тут же возникли трения с кубанским правительством, которое посчитало все трофеи своей собственностью и потребовало их передачи в свое распоряжение. Кроме того, кубанцы попытались самостоятельно организовывать свои воинские части, что внесло еще один элемент разлада в их взаимоотношения с Добровольческой армией. Эти притязания порой превосходили все мыслимые рубежи. Так, в кубанском правительстве взяли верх «черноморцы» (потомки запорожцев), которые стремились к государственной федерации в составе «Великой Украины», образованию отдельной кубанской армии, что на местах выражалось в разгуле казачьего шовинизма. Иногородних (не казаков) объявляли поголовно большевиками, отбирали у них дома и земли, изгоняли их детей из школ и даже вешали или расстреливали. Во время военного конфликта Добровольческой армии с независимой Грузией, захватившей в июне — июле 1918 года Абхазию, Адлер, Сочи и Туапсе, председатель кубанского правительства Лука Быч вошел в тайное

соглашение с грузинским руководством (которое поддерживали немецкие войска, в мае высадившиеся в Поти), согласившись уступить эту территорию. (В начале февраля 1919 года добровольцы под командованием генерала А. Н. Черепова в несколько дней освободили Сочинский округ, пленив около 700 грузинских солдат и 50 офицеров.)

Подобные конфликты постоянно сопутствовали белой борьбе за «единую и неделимую», в отдельных вспышках выражались в мстительном и жестоком отношении властей национальных окраин к русскому населению, а в итоге привели к тому, что белые так и не смогли стать объединяющим центром.

Такой была обстановка в Екатеринодаре, где Шульгин объявился со своим монархизмом.

Очень скоро Василия Витальевича пригласили к генералу Алексееву для объяснений.

Объяснялось с ним все руководство — М. И. Алексеев, А. И. Деникин, А. М. Драгомиров, начальник штаба И. П. Романовский. (Корнилов погиб во время 1-го Кубанского (Ледяного) похода при неудавшемся штурме Екатеринодара.)

Деникин стал убеждать Шульгина изменить направление газеты на более демократическое: «Три статьи под заглавием „Монархисты“. Монархистов среди офицерства Добровольческой армии большинство. Но, кроме того, есть же и республиканцы. Корниловцы, например, в своей песне прямо поют: „Царь нам не кумир“.

Часть казаков тоже настроена не особенно монархически. Не следует так выпирать монархию как главную цель борьбы. Тем более что это подхватят большевики, которые будут твердить, что белые хотят поставить царя. И еще скажу, что некоторых выражений, как мне кажется, следовало бы избегать.

Вы говорите „чернь“ там, где, может быть, надо бы было сказать „народ“».

Шульгин был обескуражен, он никак не ожидал, что столкнется с патриотической цензурой. (Генерал Глобачев, тоже прибывший из Киева в Екатеринодар, но чуть позже, написал жене, что у добровольцев «пахнет правительством Керенского».)

В общем, Шульгину не оставалось ничего другого, как опускать флаг.

Он сказал: «Я явился в Добровольческую армию не для того, чтобы ей мешать или подрывать авторитет ее командования. Девять месяцев тому назад я был в Новочеркасске у генерала Алексеева и записался в Добровольческую армию под номером 29. В то время со мною и с лицом, меня сопровождавшим, армия насчитывала тридцать человек. А в письменном столе у Михаила Васильевича было двадцать тысяч рублей. Теперь я не знаю, какова численность армии, но, во всяком случае, она исчисляется тысячами, а ее средства — миллионами. Следовательно, дело ведется как надо. Это значит, что я, желая помочь, буду мешать. Это недопустимо. Но нельзя делать и скандала. Вышла газета „Россия“, и закрывать ее невозможно. Какой выход? „Россия“ будет издаваться, но я в ней писать не буду».

Генералы задумались. Их положение было непростым — армия базировалась на казачьих землях, где был силен дух сепаратизма. Ну, скажите на милость, отчего вольные и богатые сыны Дона и Кубани должны подчиняться царским генералам?

После долгого молчания генерал Романовский сказал: «Это невозможно. А кто же напишет убедительно, но прилично, статью в поучение атаману Краснову?»

Потом выступил генерал А. М. Драгомиров, который недавно вместе с Шульгиным формировал в Киеве

отряды офицеров для Добровольческой армии и был соавтором Василия Витальевича по созданию положения об «Особом Совещании при главнокомандующем Добровольческой армии». Он сказал: «Мне кажется, что мы, военные, отлично понимаем, что лучшая оборона — наступление. Но мы этого не понимаем в политике. Между тем и там действует это правило. Мы это видели на примере „Киевлянина“. Смелые выступления „Киевлянина“ имели успех».

Снова замолчали. Затем Деникин предложил соломоново решение: «Пишите, что хотите. Но только печатайте на манжетке (в выходных данных. — *С. Р.*), что „Россия“ частное издание, а не орган армии».

На том и закончилась разборка демократических генералов с монархистом.

Через месяц Шульгин встретил Деникина, и тот с некоторой приподнятостью в голосе объявил: «Украинцы сказали мне, что они закроют „Россию“».

Шульгин любопытствовал: «И что вы, Антон Иванович?»

Деникин усмехнулся: «Я сказал им: „Попробуйте“».

Положение «России» и ее редактора стало довольно прочным, Шульгину была открыта касса Добровольческой армии. Впрочем, надолго ли?

Идеология добровольчества была очень размытой, опиралась на «непредрешенчество», то есть на решения будущего (после победы) Учредительного собрания.

Шульгин рассуждал иначе.

Он писал генералу М. В. Алексееву, что Добровольческая армия должна оставить мысль об Учредительном собрании и народоправстве, которым из мыслящих людей никто не верит, и поднять монархическое знамя.

По словам либерально настроенного А. И. Деникина, В. В. Шульгин «...принимал свою веру за знание, свои желания за реальные факты, свои настроения за народные».

Влиятельность Шульгина росла, в его приемной можно было встретить важных персон, бывших царских министров, генералов, депутатов Государственной думы. Даже соратник Столыпина А. В. Кривошеин ожидал в приемной, пока Василий Витальевич не закончит диктовать передовицу в номер! (У Кривошеина четыре сына были добровольцами.)

Одним из заметных шульгинских деяний стало окончательное оформление Особого совещания с функциями Кабинета министров. Генерал Алексеев принял идею гражданского органа управления, когда Шульгин, повторив название Особого совещания по обороне, отказался от слов «Кабинет министров», оставляя министров и их кабинет для послепобедного времени, когда белые войдут в Москву.

Генерал Абрам Михайлович Драгомиров, близкий Шульгину по Киеву, был назначен помощником генерала Алексеева по гражданскому управлению на территории Ставропольской и Черноморской губерний, находившихся под контролем Добровольческой армии, другими словами — премьер-министром. Шульгин стал членом Особого совещания на правах «министра без портфеля». Профессор, специалист по Столыпинской аграрной реформе Александр Дмитриевич Билимович (своjak) позже возглавил Управление земледелия — понятно, по чьей рекомендации.

Еще один киевлянин, бывший прокурор Киевской судебной палаты и бывший прокурор Московской судебной палаты, сенатор Николай Николаевич Чебышев, возглавил Гражданское управление (Министерство внутренних дел). Стал членом Особого

совещания и «азбучник», горный инженер и знаток промышленности юга России В. А. Степанов.

Словом, влияние «группы Шульгина» (правых) было значительным.

8 октября 1918 года в Екатеринодаре от воспаления легких скончался М. В. Алексеев, верховный руководитель Добровольческой армии.

Деникин стал единоличным главнокомандующим. С ним у Шульгина сложились хорошие отношения, что видно из его письма в Париж Маклакову: «Колчако-Деникинская военная сила стремится превратиться во всероссийскую диктатуру для того, чтобы вызвать свободное волеизъявление русского народа... Колчака я мало знаю, но Деникин, несомненно, либерал по природе. Вы знаете, что русский либерал с твердой волей и способный отстаивать свои либеральные убеждения силой оружия — это белая ворона в наших условиях, ибо обычно либерализм совпадает с полным отсутствием воли, решимости и твердости. Я знал только одного по существу либерального человека, который вместе с тем был и волевым человеком — это был Столыпин. Я думаю, что идеология Деникина близка к Столыпинской с той только разницей, что этот человек гораздо более скромный, менее подготовленный к государственному строительству в крупном масштабе, так же, как и Столыпин — несокрушимого упрямства в основных вопросах. Многие обвиняют Деникина в слабости: это неверно — нельзя забывать, что он либерал по природе, а потому всякие действия из арсенала диктаторских мер будут им пущены в ход только в случае крайней необходимости. Опыт же показывает, что несмотря на всю его медлительность, он в конце концов единственный, кто выживает и неумолимо растет, поглощая остальных.

Думаю, что его надо держаться, не мудрствуя лукаво, ибо от добра добра не ищут»^[371].

Добавим, что на Деникина сделали ставку англичане, у французов же, которые действовали напористо и грубо, отношения с добровольцами не складывались.

Кроме того, между английской и французской миссиями при штабе Деникина шло постоянное соперничество. У Лондона и Парижа имелись свои интересы в России. Показательно их отношение к созданию «Великой Польши» за счет России.

Англичане предостерегали Варшаву от чрезмерных притязаний, французы, как деликатно замечает Деникин, «колебались». Однако генерал приводит высказывание одной польской газеты, которое многое объясняет: «Если генерал Деникин, не обращая внимания на поставленную ему Антантой цель (Москву), все же начнет продвигаться (к Киеву), имея в виду соединиться с польскими войсками как союзниками в борьбе с большевизмом, то он ошибается: польские войска вынуждены были бы указать ему, что не туда лежит его путь...»^[372]

Первоначально французы вообще не считали себя обязанными соблюдать элементарные приличия. Так, представитель французского командования предлагал прислать на помощь донским войскам свою дивизию при условии, что атаман Краснов согласится на «возмещение всех убытков, которые французские граждане понесли с момента революции», и признает над собой верховную власть не генерала Деникина, а французского генерала Франше д'Эспере. Краснов с возмущением отказался и сообщил об этом Деникину. Французы были вынуждены дезавуировать свое предложение.

Глава двадцать восьмая

Ясское совещание. — Смерть Дарьи Васильевны. — Французы видят в Шульгине премьер-министра России. — Диктатор Одессы Гришин-Алмазов. — Французам плевать на монархизм. — Гибель Василида. — Взятие Киева. — Была ли возможность союза с умеренными украинскими федералистами?

В конце октября Шульгин получил от французского консула Энно письмо: ему предлагалось прибыть в румынский город Яссы, где находилось румынское правительство, на совещание представителей разных русских политических партий «для совместного обсуждения положения и принятия решений». Русский офицер, доставивший письмо, должен был сопровождать Шульгина до Ясс, где его встретит Энно. Консул извинился, что не удалось прислать специальный пароход, а потому ехать придется по железной дороге. Также сообщалось, что война скоро закончится.

Пароход, пусть даже виртуальный, на что-то намекал.

Надо было ехать. Антон Иванович Деникин предложил Василию Витальевичу Шульгину быть представителем Добровольческой армии на этом совещании.

Перед отъездом Деникин и генерал Драгомиров сочли необходимым познакомить Шульгина с только что прибывшим из Сибири генерал-майором А. Н. Гришиным-Алмазовым.

Познакомились. 38-летний генерал был артиллеристом, участником Русско-японской и мировой

войн, активно участвовал в свержении советской власти в Сибири, был командующим Сибирской армией и управляющим Военным министерством Временного Сибирского правительства, которое ему присвоило чин генерал-майора. У него было пять орденов, в том числе Георгиевский крест. Он отверг политическое вмешательство во внутрироссийские дела представителей иностранных союзных держав и чехословаков, пошел на прямой конфликт с английским консулом Престоном, за что и был уволен с поста с назначением состоять в распоряжении Совета министров ^[373].

Почему сочли нужным познакомиться? Видимо, знали об особых отношениях Шульгина с Энно и предполагали использовать Гришина-Алмазова на территории, контролируемой французами. Так оно и вышло.

Гришин-Алмазов получил директиву Деникина тоже прибыть в Яссы и проинформировать совещание о состоянии дел в Сибири.

Непонятно, почему наш герой не рассказывал, что этот генерал сопровождал его в той поездке.

До Ясс добирались шесть дней. Выехавшая с Шульгиным Дарья Васильевна заболела «испанкой» и по приезде в Яссы умерла в госпитале. Он был потрясен, приходили мысли о самоубийстве. До конца своей жизни он хранил память о ней.

Его тоже подкосила «испанка», но он выжил.

Можно спросить: а как же законная жена?

Но на этот вопрос нет определенного ответа. Екатерина Григорьевна оставалась в Киеве.

Ясское совещание открылось 29 ноября 1918 года, оно должно было определить политическое будущее России и объемы помощи антибольшевистским силам. По словам Шульгина, консул Энно считал, что во главе будущего российского правительства должен стоять

«Le Grand Choulguine» («Великий Шульгин»). Почему Шульгин? Это можно объяснить его бесспорным патриотизмом, верностью Антанте, сотрудничеством с французской разведкой, известностью, связями с ведущими политическими деятелями, членством в Особом совещании Добровольческой армии.

Однако ко времени открытия совещания ситуация кардинально изменилась — война закончилась и Восточный фронт можно было не восстанавливать. Следовательно, вопрос о будущем правительстве не ставился, и имя нашего героя на совещании не прозвучало.

В своей резолюции российские делегаты высказались за военную помощь стран Антанты, восстановление России в границах 1914 года (правда, без Польши), за непризнание всех новых государств, возникших на территории бывшей Российской империи при содействии Германии и Австро-Венгрии. В составе делегации, в частности, были П. Н. Милюков, А. В. Кривошеин, Н. В. Савич, В. П. Рябушинский, Н. Ф. Дитмар (председатель Совета съездов горнопромышленников).

И весьма показательным для характеристики российских политических сил явилось то, что на важном для них собрании они не смогли сговориться о какой-нибудь общей программе действий. «Думская демократия» и «керенщина» восторжествовали.

Из Ясс Шульгин вместе со всей делегацией перебрался в Одессу, где неутомимый Энно готовил почву для скорой высадки французских войск. Здесь был и Гришин-Алмазов. Шульгин представил генерала консулу с наилучшими рекомендациями, и генерал произвел достойное впечатление. После этого Энно собрал всех видных русских военных, которые были в городе, и сказал: «Франция желает помочь России. Но для этого нужно найти человека, который был бы

пригоден действовать быстро, решительно и самостоятельно. Однако ему нужно согласие высших военных офицеров, здесь присутствующих, а также представителя генерала Деникина в лице господина Шульгина».

Согласие было получено. Гришин-Алмазов был представлен собравшимся как кандидат от Добровольческой армии.

«Энно попросил его сесть и сказал:

— Присутствующие здесь высшие офицеры русской армии, находящиеся в Одессе, одобряют мой выбор, который пал на вас, генерал, и просят вас принять командование русскими частями, здесь находящимися.

Молодой генерал, твердо держа шашку обеими руками, проговорил низким голосом, контрастировавшим с его тонким лицом:

— А все ли будут мне повиноваться?

Присутствующие ответили в том смысле, что повиноваться будут все. Тогда молодой и никому до той поры не известный генерал заключил:

— В таком случае я согласен.

После этого совещание закрылось. Генерал Гришин-Алмазов и я перешли в мой номер. Тут он подошел к креслу, схватил его обеими руками, поднял в воздух и сломал, сказав при этом:

— А теперь мы посмотрим.

Видно, это в натуре у русского человека — ломать мебель. Ведь кто-то когда-то сказал: „Александр Македонский великий человек, но зачем же стулья ломать“.

Я был слишком грустно настроен, чтобы шутить, но понял, что от Гришина-Алмазова можно ожидать решительных действий. И не ошибся»^[374].

Гришин-Алмазов оказался решительным и храбрым военным руководителем. Он организовал имевшиеся

небольшие отряды и выбил из города петлюровцев, не прибегая к помощи французских частей, которые уже высадились в Одессе, но воевать не собирались.

Шульгин стал при нем главным советником, причем генерал назвал его своей «деникинской совестью». Наш герой составил местное правительство, ибо управлять из Екатеринодара Одессой было затруднительно.

И тут тожегодились старые связи — на пост «министра внутренних дел» был назначен бывший иркутский губернатор и бывший товарищ министра внутренних дел Российской империи А. И. Пильц, «министра просвещения» — ректор Новороссийского университета Антон Дмитриевич Билимович (брат Александра Дмитриевича). Новое правительство стало печатать свои деньги, которые можно было конвертировать в иностранную валюту. Разумеется, Шульгин мог бы на этом озолотиться, но почему-то такая мысль не пришла ему в голову.

По совету Шульгина Гришин-Алмазов распустил городскую думу и объявил выборы в новую. Василий Витальевич придумал беспроегрышное название своему избирательному блоку — «Христианский блок», который и победил по результатам голосования.

Одесса того времени кишела бандитами. С ними и столкнулся генерал Гришин-Алмазов. Он, отвергнув предложенный взаимный нейтралитет, повел с ними войну на уничтожение, не останавливаясь перед тайными убийствами противников. Столь же бескомпромиссен он был и в отношении петлюровцев и большевистского подполья.

В конце ноября 1918 года, после ухода германских войск из России, английские и французские военные корабли высадили десанты в Новороссийске, Одессе, Севастополе. В декабре в Одессу прибыла 156-я французская дивизия, вскоре усиленная греческими частями. Французское командование разработало план

удара на Москву. Английский флот занял российские порты на Балтике и Белом море. Пять английских бригад стали продвигаться вдоль Закавказской железной дороги к бакинским нефтяным промыслам, не желая допустить туда добровольцев Деникина. Теперь, когда Антанта не была заинтересована в союзнике на востоке, она перешла к прямой реализации своих интересов на территории бывшей империи.

Вслед за смертью Дарьи Васильевны Шульгина постиг еще один невыносимо тяжкий удар.

14 декабря 1918 года войска Директории под командованием С. В. Петлюры захватили Киев. Гетмана в нем уже не было, он отказался от власти, так как немцы покинули Украину. Однако в городе еще сопротивлялись отдельные дружины юнкеров и гимназистов, в одной из них сражался Василид Шульгин, Василек.

И погиб.

Эта смерть отражена в романе Булгакова «Белая гвардия» (бой на «Политехнической стрелке»). В действительности все было ужаснее. Девятнадцатилетний Василид добровольцем записался в «Георгиевскую дружину», состоявшую в основном из гимназистов, и погиб, как и все бойцы этой дружины, повторив подвиг четырнадцатилетних кадетов при обороне Новочеркасска в начале 1918 года.

В письме от 19 января 1919 года коллеге по Думе и товарищу по «Азбуке» В. А. Степанову Шульгин написал: «С тех пор как мы с Вами расстались, я потерял еще сына. Утешение мне то, что он умер смертью честного, чистого мальчика, у которого слово не расходится с делом. Их было там на Святошинском шоссе 25 юношей. Их начальник уехал в город и не вернулся, поручив им защищать шоссе. Утром 1/14 декабря Киев был сдан. Соседние части стали отходить.

Товарищ из соседней дружины подошел к Васильку и сказал: „Мы уходим, уходите и вы“. Он ответил: „Мы не можем уйти, мы не получили приказания. Зайдите к моей матери...“

Это были последние слова от него. Они остались...

Крестьяне видели, как, втащив на дерево пулемет, они крутили его до последнего патрона. Потом отстреливались из винтовок. Никто не ушел. Все до единого умерли, исполняя приказание. Когда-то, может быть, Россия вспомнит этих бедных детей, которые умирали, пока взрослые предавали.

Мать откопала тело его из общей могилы-ямы. Лицо было спокойно и прекрасно, пуля попала прямо в сердце, и, должно быть, смерть была быстрая. Почти накануне, после трех недель на позициях, он пришел домой на один день. Хотели его удержать еще на один день. Он ответил: „В такой семье не может быть дезертиров“.

А кто вынул его тело из груды других, кто, рискуя жизнью (их едва не расстреляли), откопал его из общей ямы? Четверо волынских крестьян из нашей деревни, которые знали его с детства, и ведь любили „помещика“. Вот судьба. Я работаю до изнеможения, тем скорее пройдет время до могилы» ^[375].

По-человечески похоронить Василида помогли его детские друзья, волынские крестьяне из Курган. Эти четверо хлопцев, жившие тогда в доме Шульгиных на улице Караваевской, подошли к рыдающей Екатерине Григорьевне и сказали: «Барыня, шоб нашего паныча отак закопалы без креста, без службы Божией! Так мы цього не дозволим».

В киевской группе датского Красного Креста попросили крытый брезентом грузовик и ночью вместе с Виталием Григорьевичем Градовским, братом Екатерины Григорьевны, они поехали к месту братской

могилы. Грунт был свежий, раскопали и увидели 25 убитых юношей. При дрожащем свете фонаря отыскивали среди них Василида. Их заметил патруль и вскинул винтовки со словами: «А теперь и матку!» Она крикнула: «Если русские стали убивать мать за сына — стреляйте!» Выстрела не последовало.

Василька привезли в дом, где он родился, обмыли, переодели, уложили в «домовину» (гроб). Православный священник отпел, и похоронили на Байковом кладбище, где лежали его дедушка и бабушка.

Теперь в Киеве было страшно оставаться. Петлюровцы мстили всем, кого подозревали в связях с москалями или гетманом. Так, они собрали в актовом зале 1-й гимназии юнкеров и офицеров — и расстреляли. Уцелел только один. Младший брат Михаила Булгакова Николай успел выпрыгнуть из окна второго этажа в сугроб и спастись^[376].

Генерал Глобачев, бывший тогда в Киеве, вспоминал: «...Гетманская власть пала, уступив место украинской Директории с Петлюрой во главе. Тотчас же начались репрессии по отношению ко всем лицам, так или иначе причастным к прежнему правительству. Прежде всего террор обрушился на голову офицерства, как непосредственного защитника старого порядка. Ужасы террора превосходили по своим размерам даже то, что в последнее время приходилось наблюдать в советской России. Офицеров в форме убивали на улицах Киева как собак. Все, что только имело возможность, скрывалось в подполье или бежало из города»^[377].

Екатерина Григорьевна с двумя сыновьями, Вениамином и Дмитрием, при помощи сотрудников «Азбуки» уехала в Одессу к мужу.

Однако новогоднюю ночь Василий Витальевич встречал в одиночестве. Екатерина Григорьевна, поставив бокал с вином около портрета Василида, ушла.

Она считала, что Дарья Васильевна увела за собой ее Васильку, и показала мужу, что обо всем знает.

Он остался один перед фотографией и предался грустным воспоминаниям.

«Я смотрел на его портрет, и мне вспомнился романс киевского композитора Калишевского. Романс этот не очень высококачественный, но крайне трогательный. И его с необычайным чувством и пониманием пела Дарья Васильевна, но только для меня. Никто никогда этого романса в ее исполнении не слышал.

В осенний день, унылый и печальный,
На кладбище найдешь мою могилу ты.
Тебе покажут угол дальний,
Где пышно разрослись роскошные цветы.
Знай, песни те, что были не пропеты,
И мысли те, что словом не одеты.
Из сердца вырвались и выросли цветы.

Это особенно можно было отнести к Васильку, погибшему девятнадцати лет мыслящему существу, и эти мысли он унес с собой. Когда ему было пять лет, он сидел на коленях у матери, а мимо по Кузнечной улице, в направлении Байкового кладбища шла похоронная процессия. Увидев ее, мальчик спросил мать:

— Мама, что такое смерть?

Она ему ответила сквозь слезы:

— Когда ты вырастешь, узнаешь.

Он узнал, еще не успев вырасти. И это было горько.

Так окончился 1918 год для меня»^[378].

Василий Витальевич чувствовал, что теряет интерес к жизни.

Дальше вступала в силу инерция борьбы.

Еще в конце ноября 1918 года, в связи с падением гетмана, руководящий центр «Азбуки» переместился в Одессу. Шульгин отсюда продолжал направлять все ее отделения, сотрудничая с контрразведками добровольцев и французов. Благодаря «Азбуке» были перехвачены многие донесения большевистского подполья в Москву, изобличен и арестован агент красных Жорж де Лафар. Есть данные, что звезда немого кино Вера Холодная, сотрудничавшая с вражеским подпольем, была ликвидирована сотрудниками шульгинской организации.

Прикрытием контрразведывательной деятельности стала запущенная Шульгиным газета «Россия: одесское издание», ее преемницей после конфликта с французским командованием была «Южная Русь». Ему помогал племянник Ф. А. Могилевский (псевдоним «Эфем»).

В середине января 1919 года его французский друг Энно утратил свое влияние, в город прибыл новый командующий французскими войсками генерал д'Ансельм, который выразил изменения, произошедшие в политике Парижа, в своем заявлении Шульгину: «Мы должны поддерживать у вас все элементы порядка, а до того, кто за единую Россию, кто против, — нам нет дела». Действительно, в отношении Добровольческой армии позиция стала резко враждебной. Французские войска после заключения перемирия с Германией разлагались, надо было искать им замену.

По мнению французов, их зону влияния следовало разделить на русскую и украинскую, где в каждой будут свои вооруженные силы, и все они должны находиться под контролем французских уполномоченных. Петлюровцам был разрешен выпуск враждебных добровольцам украинских газет. Кроме того, предполагалось создание смешанной бригады, так называемой «бригады микст», с офицерами из

Добровольческой армии, уроженцами Украины, и солдатами, тоже из уроженцев Украины. В полках бригады должно было быть определенное число французских офицеров и унтер-офицеров, что делало ее клоном Иностранного легиона, воющего во французских колониях. Однако Деникин после донесения Шульгина запретил своим представителям участвовать в формировании бригады и выразил протест генералу д'Ансельму. Французы закрыли и шульгинскую «Россию», после чего наш герой выпустил листок, в котором перепечатал свою антинемецкую статью из «Киевлянина» о том, что больше не будет выпускать эту газету, так как верен союзникам. И рядом поместил приказ о закрытии «России». Что ж, французы одумались, стала выходить «Южная Русь», но по сути это не изменило положения.

Дело кончилось тем, что «благодарные» союзники настояли на отзыве генерала Гришина-Алмазова, который диктаторскими методами обеспечивал в Одессе порядок. Он распустил «демократическое» городское самоуправление, не останавливался, как мы знаем, даже перед незаконными расправами над теми, о ком знал, что они террористы и бандиты.

Ему на смену из Екатеринодара был прислан «свой» генерал Санников, престарелый и изношенный, толку от которого не было.

Проводив Гришина-Алмазова, Шульгин понял, что в Одессе дело закончится развалом, и стал готовиться к отъезду, переводя «Азбуку» на нелегальное положение.

О незаконных убийствах он знал. И, не осуждая их, предложил в объяснение такой довод: «Мне вспомнился Владимир, князь Киевский, святой и равноапостольный. Он принял христианство по-настоящему и прекратил смертную казнь. Но дело повернулось плохо. Киев стал голодать, потому что прекратился подвоз продовольствия. А это случилось потому, что

разбойники обнаглели. И народ киевский стал открыто говорить, что прежняя вера была лучше. Новая вера — это голод. И тогда пришли к князю монахи, которых его жена привезла с собою из Царьграда, и сказали ему, что так поступать нельзя:

— Не напрасно ты, князь, на боку меч носишь.

Владимир, в святом крещении Василий, ответил:

— Греха боюсь.

— Мы грех твой замолим, а ты делай свое княжеское дело» ^[379].

Это он, Василий Витальевич, так замаливал диктатуру.

А Гришин-Алмазов решил вернуться в Сибирь и исчез: пароход «Лейла», на котором он плыл по Каспийскому морю, был перехвачен эсминцем красных «Карл Либкнехт», генерал застрелился, чтобы не попасть в плен. Это случилось 5 мая 1919 года.

И кто был больше всех виноват в гибели этого воина?

В январе 1919 года под давлением англичан донской атаман Краснов признал верховенство Добровольческой армии (да и немцы уже ушли), и теперь, объединившись с казаками, добровольческие войска стали именоваться Вооруженными силами Юга России (ВСЮР).

Англичане, несмотря на противоречия во взглядах премьер-министра Ллойд-Джорджа и военного министра Черчилля, стали поставлять боеприпасы и снаряжение.

Ллойд-Джордж считал единую Россию опасным соперником Британской империи и открыто высказывался за ее расчленение. Черчилль же, в предвидении возрождения Германии, желал иметь в Восточной Европе не группу мелких и враждебных Западу государств, а единую Россию, союзника Англии.

Что касается позиции французов, то о ней в мемуарах генерала Деникина говорится так: «Англичане, доставляя нам снабжение, никогда не возбуждали вопроса об уплате или компенсациях. Французы не пожелали предоставить нам огромные запасы свои и американские, оставшиеся после войны и составлявшие стеснительный хлам, не окупавший расходов по его хранению и подлежавший спешной ликвидации. Французская миссия с августа вела переговоры о „компенсациях экономического характера“ взамен за снабжение военным имуществом и после присылки одного-двух транспортов с ничтожным количеством запасов...» ^[380]

Деникинский отдел пропаганды ОСВАГ издал сборник документов французского командования, относящихся к одесскому периоду (только документы!). Один экземпляр был передан начальнику французской военной миссии в Екатеринодаре полковнику Корбейлю, от него — в Париж, где вызвал негодование и даже обвинения в адрес Деникина в «германофильстве».

Правда, и британцы всегда твердо отстаивали свои интересы: например, в Латвии приостановили вывод оккупационных германских войск под командованием генерала фон дер Гольца для того, чтобы латышские националисты успели сформировать свое правительство, а в Ревеле (Таллин) вынудили образованное под их прикрытием региональное «белое» правительство Лианозова признать независимость Эстонии. И в Закавказье британцы действовали в том же духе.

В начале января 1919 года красные дивизии Южного фронта получили пополнение и в упорных боях отбросили белоказачьи части Донской армии и вышли к Донбассу. В середине января украинское правительство

(Директория) объявило войну Советской России, оттягивая на себя часть ее войск.

В конце января Донбасс заняли подразделения Добровольческой армии, среди которых отличился 1-й корпус под командованием генерал-майора Александра Павловича Кутепова. К середине февраля белые овладели почти всем Северным Кавказом, обеспечив прочность позиций английских войск в Закавказье и на Каспии.

Однако общий план английского и французского командования не мог быть реализован: расположенные в Одессе и Севастополе французские, греческие и румынские войска отказывались воевать.

Украинское командование не желало сотрудничать с Деникиным, так как не принимало его политики «единой и неделимой». Поэтому главной стратегической силой Антанты становились готовые к смертному бою ВСЮР, которые должны были нанести удар в направлении на Москву.

Из Одессы Шульгин пароходом прибыл в Анапу, оттуда — в Екатеринодар. В душе была пустота, он снова думал о самоубийстве.

К тому же ему стало ясно, что в Екатеринодаре он лишний. Здесь работало Осведомительное агентство, ОС ВАГ (потом Отдел пропаганды Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР), которым руководил видный деятель кадетской партии К. Н. Соколов. В ОСВАГ входило множество местных отделов, пунктов и подпунктов, в которых в меру своих талантов трудились тысячи людей; действовала сеть издательств, газет, агитационных поездов.

Поэтому после нескольких заседаний Особого совещания Шульгин признался Деникину, что хочет уехать. Куда? Тут пригодился его «азбучник» Г. Г. Масленников (Гри-Гри), принял в команду своего

катера. Потом Шульгин поездом доехал до Царицына, который только что захватил генерал Врангель, где должен был принять под свою команду новый катер «Генерал Марков».

С Врангелем встретились как старые знакомые. Генерал командовал Кавказской армией, горел желанием изменить медлительную, как ему казалось, стратегию Деникина. Не на Москву надо было идти, а на восток, на соединение с войсками адмирала Колчака. К тому же Врангель осуждал Деникина за его тактику, он говорил: «Бьют кулаком, а не растопыренными пальцами», имея в виду распыление сил в направлении Украины.

Врангель считал, что по складу своего характера Деникин не способен управлять войсками: «Казавшийся твердым и непреклонным генерал Деникин в отношении подчиненных ему старших начальников оказывался необъяснимо мягким. Сам настоящий солдат, строгий к себе, жизнью своей давший пример невзыскательности, он как будто не решался требовать этого от своих подчиненных. Смотрел сквозь пальцы на происходивший в самом Екатеринодаре безобразный разгул генералов Шкуро, Покровского и других. Главнокомандующему не могли быть неизвестны самоуправные действия, бесшабашный разгул и бешеное бросание денег этими генералами. Однако на все это генерал Деникин смотрел как будто безучастно»^[381].

Разговор с бароном ничем определенным не закончился.

Потом Шульгин, искупавшись в Волге, снова подхватил какую-то простуду, болел, затем вернулся в Ростов.

Здесь у него возникли какие-то несогласия с Деникиным, о которых он глухо вспоминал, ссылаясь на

невозможный характер своего соратника А. И. Савенко, спорившего с генералом.

Чтобы реконструировать обстановку деникинского окружения, обратимся к мемуарам Н. В. Савича, тоже члена Особого совещания. «В белом стане вместо дружной работы против общего врага шла невидимая для постороннего глаза борьба двух политических миросозерцаний, двух психологий, двух политических настроений»^[382].

Савич описывает совершенно чудовищную ситуацию внутренней борьбы: «Кадеты, доминирующие в окружении Деникина, „валили“ Кривошеина и правых».

Конфликт вырвался на поверхность, когда представители московских торгово-промышленных деятелей, веря в скорое освобождение Москвы, создали паевое общество — Московское общество промышленности и торговли (МОПИТ) для снабжения своих фабрик сырьем, топливом и продовольствием, чтобы после изгнания большевиков сразу запустить производство. В него вошло около тридцати крупнейших фирм Центрального района. А. В. Кривошеина избрали председателем наблюдательного совета. По словам Савича, создание МОПИТа вызвало ревность со стороны «шайки международных спекулянтов», у которых отнимали громадные заказы: «Были пущены в ход все средства, начиная с кадетского влияния и кончая продажным пером левой газетки». Один из сотрудников ОСВАГа направил Деникину донос с обвинением МОПИТа и Кривошеина «в спекуляции и грабеже казны», генерал возмутился, назначил следствие, которое ничего не подтвердило. Но реальная возможность укрепить материальное положение ВСЮР была позорно упущена. Кроме того, вся эта возня напрямую задела близких Шульгину людей — автора издаваемой им правой

газеты «Великая Россия» (бывшая «Россия») академика П. Б. Струве, В. П. Рябушинского, не говоря уже о Кривошеине.

Виноват в этом был и Деникин, который, как потом говорили в белой эмиграции, «был левее» основной массы добровольцев.

После освобождения Киева 31 августа 1919 года встал вопрос: кто будет главноначальствующим Киевской области и командующим группой войск киевского направления?

Как будто сомнений не возникало, это должны были быть генерал от кавалерии А. М. Драгомиров, а с ним В. В. Шульгин и их команда. Тем не менее левое крыло оспаривало это назначение. Руководитель ОСВАГа кадет К. Н. Соколов в своих мемуарах писал: «Генерал Драгомиров был всегда политически и лично очень близок к В. В. Шульгину, группа которого оказалась особенно устойчивой и в области внутренней малорусской политики и международной „ориентации“ и претендовала теперь на преобладающее влияние в Киевщине. В. В. Шульгиным было проведено в мое отсутствие и назначение А. И. Савенко (депутат Государственной думы, прогрессивный националист, сотрудник „Азбуки“. — *С. Р.*) на должность начальника Киевского отделения Отдела пропаганды, назначение, наделавшее большого шума и спорное с многих точек зрения» ^[383].

По поводу назначения Савенко Шульгину пришлось даже поспорить с Деникиным.

Еще Деникин попросил его написать от имени командования ВСЮР программное обращение к малороссийскому народу, что было исполнено и одобрено генералом.

После освобождения Одессы частями ВСЮР в августе 1919 года Шульгин вернулся в этот город. Он

восстановил работу «Азбуки», закрепил контакты с местными иностранными консульствами и отбыл в Киев.

Обращение Деникина к малороссийскому народу было сразу же опубликовано в обновленном «Киевлянине». В нем осуждались «былые ставленники немцев» — Петлюра и «его соратники». Было заявлено, что «в основу устройства областей Юга России будет положено начало самоуправления и децентрализации при неперменном уважении к жизненным особенностям местного быта». Государственным языком снова стал русский, «созданный усилиями Киева, Москвы и Петрограда». Малороссийский язык фактически становился вторым государственным, им можно было пользоваться в местных учреждениях, земских, присутственных местах и суде, вести обучение в частных школах. В государственных школах могли вводиться факультативные уроки «малорусского народного языка в его классических образцах»; в младших классах «для облегчения учащимся усвоения первых начатков знания» допускалось также употребление «малорусского языка». Газеты и журналы можно было издавать на любом языке.

Но это еще не всё.

Среди петлюровцев Шульгин имел репутацию непримиримого русского националиста.

Руководствуясь логикой Гражданской войны, он, а с ним и добровольческие генералы не замечали существующих на Украине возможных союзников в лице «федералистов», которые не относились враждебно к России. Таких было много, они ждали со стороны белых сигнала о понимании и желании сотрудничества. Одной свободы «малороссийского языка» им все же было мало.

К августу 1919 года даже у левых украинских групп прорезалось понимание, что их злейший враг — большевики, и готовность к сотрудничеству или союзу с добровольцами. В первый день занятия Киева обе

военные силы, которые в этом участвовали, армия генерала Бредова и полки Петлюры, встретились в центре города. Причем петлюровцы вошли с юга на несколько часов раньше, заняли центр, на здании городской думы подняли желто-голубой прапор. Позже вошли добровольцы, которых киевляне встречали восторженно. Рядом с украинским флагом появился русский бело-сине-красный. Через некоторое время украинский был сорван (по другой версии, которой придерживался Шульгин, сорвали русский триколор), и тогда между обеими сторонами началась беспорядочная стрельба, быстро стихнувшая.

Украинцы отступили на Лукьяновку к югу, и еще два дня они находились в Киеве, надеясь как-то договориться с белыми, но от Деникина последовал приказ прервать переговоры с Петлюрой.

Протоиерей Зеньковский, прослуживший пять месяцев в правительстве гетмана П. П. Скоропадского в качестве министра исповеданий, полагал, что была совершена трагическая ошибка; надо было оставить за украинцами какое-то символическое присутствие в Киеве, чтобы в течение необходимого времени нейтрализовать украинское партизанское движение, которое в конце концов разорвало коммуникации добровольцев и обрушило их слабо укрепленные тылы. А после победы над большевиками можно было найти взаимопонимание обеих антибольшевистских сил. Однако, как считал Зеньковский, «...в ставке Деникина уже был провозглашен лозунг „Единой Неделимой России“ — лозунг верный, но демагогически направленный против украинцев — говорю демагогически, потому что не все украинские группы к тому времени стояли так решительно за „самостийность“. Создание той группы, о которой я уже упомянул, могло стать центром кристаллизации умеренных украинских групп».

По мнению Зеньковского, именно на Шульгине лежит «...тяжкая ответственность за легкомыслие, проявленное Деникиным и его „Совещанием“ в отношении к Украине».

По мысли Зеньковского, это отчасти объясняется «...непостижимым легкомыслием, политической самоуверенностью, царившими в кругах добровольцев. Они были упоены легко достававшимися победами, казалось им, что вся Россия поднимается по их зову против большевиков, — а что в действительности происходило, они не замечали, да и не могли видимо заметить. Совершалась непостижимая с военной точки зрения ошибка — шли вперед, не укрепляя тыла».

Зеньковский после освобождения Киева от большевиков работал в управлении Земского союза при генерале Бредове и лично наблюдал, что творится вокруг. Он писал: «Все, что они делали в Харькове, Киеве, на юге в Одессе, производит кошмарное впечатление по крайней небрежности, неделовитости; все было сшито белыми нитками, все делалось наспех, кое-как. Большевики тоже стояли немногим выше добровольцев, но большевики умели властвовать, да сверх того располагали значительными верными и стойкими войсковыми частями, которые не боялись смерти и сумели отстоять свое дело. В Д. армии, наоборот, не было умения властвовать, появились какие-то особые, нового тона карьеристы, какой-то большевизм наизнанку...» ^[384]

Но так ли был прав этот малороссийский священник, как казалось ему?

Кроме кровавой логики междоусобной войны и личных потерь с каждой стороны (вспомним гибель Василида Шульгина и расстрел в Первой гимназии юнкеров и офицеров) была еще одна причина в неуступчивости белых.

И Василий Зеньковский, надо отдать ему должное, сказал о ней.

«Несчастливая судьба Киева, все время переходившего из рук в руки, не случайна, не случайно то, что он попал между двух огней. Я считаю это не случайным потому, что Киев стоит на рубеже России и Украины, что он есть и Россия, и Украина в одно и то же время, есть живое воплощение их связи и их несоединенности, их единства и их разделения. Две стихии, русская и украинская, претендуют на Киев, потому что обе имеют право на него, потому что обе живут в нем. Если одной хорошо, это значит, что, к сожалению, неизбежно другой плохо — и обратно; такова история Киева, таков его фатум. Эти две стихии вступили начиная со второй четверти XIX в. (а может быть, и чуть-чуть раньше) в глубокую, часто скрытую, но всегда острую борьбу, и эта борьба продолжается еще и в наши дни, т. е. дни советской власти. Неудивительно, что отдельные деятели одной или другой стихии оказывались во власти ее, не умели стать выше, подняться и овладеть положением; русско-украинское примирение остается нерешенным ребусом, неразысканным кладом — и в Киеве это было и будет внутренней и глубокой причиной того, что нет в нем мира, что благо одной стороны ведет к резкому или смягченному, но по существу всё равно тяжелому угнетению другой стороны. Но своими долголетними страданиями Киев где-то в глубине своей накопил и силы для мира. Эти силы уже есть, они скрытые, связанные, они ждут того, что придут люди, которые сумеют их пустить в ход, дать им простор... А до тех пор — война идет и идет — явная или скрытая, острая или смягченная...» ^[385]

Портрет киевского населения виден по переписи 11-17 (24-30) сентября 1917 года, городская управа Киева

проводила перепись населения, квартир и владений. По данным переписи в Киеве, 50,26 процента населения составили русские, 12,21 процента — украинцы, малороссами считали себя 4,47 процента. В качестве родного и разговорного языка русский назвали 62,9 процента, украинский — 9,23 процента ^[386].

Нет, Киев, мать городов русских, тогда был по преимуществу русским.

А генерал Врангель говорил, что нельзя бить «растопыренными пальцами». Если судить по итогам войны, он был прав. Но если — по исторической русской миссии, то правы Деникин и Шульгин.

У Шульгина в статье «Украинствующие и мы» прямо сказано: «Мы не можем уступить и не уступим в вопросе о единстве русского народа и не можем отказаться от того, в чем оно наиболее выражается, — от единства русского имени. Наоборот, государственное единство русской земли, под давлением непреодолимых обстоятельств, временно должно быть нарушаемо. Так во времена Деникина и Врангеля „белая территория“ под названием „Вооруженные Силы Юга России“ являлась как бы самостоятельным государством, не только независимым от „красной Москвы“, но находившимся с ней в состоянии войны. И в настоящее время можно представить себе такое положение, при котором южной части русского народа удастся раньше северной выбиться из-под власти всерусского тирана Сталина. Но если Югу так посчастливится, то он, Юг, оставшись русским по имени и самосознанию, употребит все силы, чтобы освободить и русский Север. Ибо и Север, и Юг в раздельности слишком слабы для тех задач, которые перед ними поставила история. И только вместе, идя рука об руку, северяне и южане смогут выполнить свое общее мировое предназначение» ^[387].

Глава двадцать девятая

Русский погром и Киевская ЧК. — Статья
«Пытка страхом» и возмущение евреев. —
Идеолог берет винтовку

Возвращение в Киев ожесточило Шульгина.

После личной трагедии его глазам открылась страшная картина господства красных в его родном городе. К Шульгину шли до того скрывавшиеся офицеры и рассказывали о терроре киевской Чрезвычайной комиссии (ЧК, Чрезвычайки). Он и сам был небезгрешен в отношении противников, но не ожидал услышать о средневековых по жестокости казнях. Свидетели подчеркивали доминирование в Чрезвычайке евреев.

В его архиве есть документальный рассказ поручика Медведева об этом ^[388].

О психологии того периода можно судить по тифлисскому литературному сборнику «Улыбка Чека», где было опубликовано такое поэтическое излияние:

Нет больше радости, нет лучших музык,
Как хруст ломаемых жизней и костей.
Вот отчего, когда томятся наши взоры
И начинает буйно страсть в груди вскипать,
Чиркнуть мне хочется на вашем приговоре
Одно бестрепетное: «К стенке! Расстрелять!»

Но прежде чем продолжить тему «еврейских комиссаров», посмотрим на кадровое состояние большевистской стороны.

А. И. Солженицын показал его так: «А станьте в положение малой кучки большевиков, захвативших власть, еще так хрупко: кому, кому довериться? кого — позвать на помощь? Семен (Шимон) Диманштейн, большевик от молодых ногтей, а с января 1918-го глава специально созданного при наркомате национальностей Еврейского Комиссариата, так передает высказанные ему мысли Ленина: „Большую службу революции сослужил также тот факт, что из-за войны значительное количество еврейской средней интеллигенции оказалось в русских городах. Они сорвали тот генеральный саботаж, с которым мы встретились сразу после Октябрьской революции и который был нам крайне опасен. Еврейские элементы, хотя далеко не все, саботировали этот саботаж и этим выручили революцию в трудный момент“. Ленин считал „нецелесообразным особенно выделять этот момент в прессе... но подчеркнул, что овладеть государственным аппаратом и значительно его видоизменить нам удалось только благодаря этому резерву грамотных и более или менее толковых, трезвых новых чиновников“» ^[389].

И еще у Солженицына: «Еврей, человек заведомо не из дворян, не из попов, не из чиновников, сразу попадал в перспективную прослойку нового клана».

А вот и зеркальное отражение. Читаем у Шульгина: «Раздражение в Добровольческой Армии против евреев росло все более, ибо каждый новый день гражданской войны приносил все новые доказательства, что еврейство является спинным хребтом коммунистической партии. А без сей последней так называемые большевики были бы неорганизованным сборищем людей, коими попросту овладели бесы...

Добровольческая армия заняла Киев 18 августа 1919 года. В этот же день „через другие ворота“ вошли

петлюровцы, вернее сказать, бывшие австрийские солдаты галицийского происхождения, которых Петлюра „заделал“ в „украинцы“. Между претендентами на Киев сразу произошло столкновение, кое здесь не место излагать, но в результате которого галичане ушли. Киев остался за деникинцами.

Несмотря на всю радость события, то есть отвоевание Киева, тяжело было смотреть „в лицо“ родного города. Поезд не дошел до вокзала, и я прошел пешком от предместья до своего дома. Улицы были мертвы, дома как будто осунулись и постарели. Казалось, эссенция страдания еще клочьями висит на них. Люди? Худые, желтые, зеленые, черные... Точно холера прошла тут, или чума. Яркое солнце не могло разогнать ощущения тяжелой болезни, еще трепетавшей над заколоченными лавками, пустыми базарами, грязными обезизвощенными мостовыми, обезлюдненными панелями.

Дома, среди радостных слез свидания, зажурчала ужасная ектенья погибших: такой-то, такой-то, такой-то... Те, кто не расстреляны, бежали или прячутся в городе, меняя квартиры, как зайцы — кусты...

— Да, это был настоящий „русский погром“...

Так закончилась краткая первоначальная повесть о пережитых месяцах. Эту фразу, которая стала сейчас банальной, я слышал тогда, кажется, в первый раз. Она была произнесена на свежих развалинах, обильно политых кровью. Произнесена человеком, лично пережившим все это, но человеком разумным, не увлекающимся.

Затем „раскрыли чрезвычайки“. Огромная толпа во все часы дня стояла вокруг этих ужасных домов. (Чрезвычайек было несколько: губернская, краевая и еще какие-то.) Один за другим отрывали трупы, закопанные в чрезвычайкинских садах; к ним протискивались бледные непередаваемые люди, искавшие в этих

поруганных телах своих близких. Я знаю одну семью: к ним ворвался молодой офицер, который только что в одном из обезображенных трупов узнал своего старика отца; этот „узнавший“ на всю жизнь остался опасным маньяком, бредившим о мести и убийствах. Впрочем, я избавляю читателя от этих сцен. Когда-нибудь будущий мастер пера расскажет миру эту потрясающую повесть о том, как насаждали Эдем в старом городе Киеве и что из этого вышло.

Кто насаждал? Кто все это сделал? Кто зажал город в эти кровавые тиски? Кто водворил здесь на царство ужасную пару — Голод и Смерть?

В ответ шелестела народная молва: „Жида“.

Насколько справедливо было такое объяснение?

Не до конца справедливо, но „достаточно“ справедливо.

Во-первых, как и везде, у большевиков и в Киеве в числе административных лиц было очень много евреев. Впрочем, в Киеве их должно было быть еще больше, чем в других местах. Ведь по переписи, произведенной в 1917 году, евреи в Киеве составляли 18 % населения, то есть их было свыше ста тысяч человек. Следовательно, выбор на административные должности был широкий.

Во-вторых, самые ужасные „административные места“, то есть чрезвычайки, были в Киеве густо окрашены в еврейские цвета.

Существует очень обстоятельное показание некоего Валера. Он (по его словам) по принуждению служил в Киевской чрезвычайке в 1919 году. После ухода большевиков он остался в Киеве. И был судим при Добровольцах. В его очень интересном показании (напечатанном) перечислен состав чрезвычайки в период, который он сам называет „еврейским“. Если память мне не изменяет, из 25 человек было 23 еврея.

В-третьих, в Киеве произошло событие, которое сильно повлияло на психику широких масс. В Киеве

существовал (до прихода большевиков, разумеется) „Клуб Русских Националистов“. Это была своеобразная ячейка: тут было интересное соединение профессуры, политиков, журналистов и русского купечества. Этой организации, при деятельной помощи „Киевлянина“, удалось в 1917 году сгруппировать все остальные киевские патриотические организации в так называемый „Блок Русских Избирателей“. Блок действовал не без успеха. Мы три раза выступали на выборах (первым по списку стоял В. В. Шульгин). На последних выборах (в „Украинское Учредительное Собрание“) мы собрали по Киеву наибольшее число голосов. Таким образом, представителем „матери городов русских“ в Южно-Русском Вече (кое угодно было иным мистификаторам называть „украинским учредительным собранием“) явился бы русский, что вполне, впрочем, естественно и несомненно вызвало бы одобрение вещего Олега, доблестного Святослава, Владимира Святого, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха и Богдана Хмельницкого. Так вот, чрезвычайка раздобыла печатный список членов этого клуба русских националистов, список, относящийся еще к 1911 году, и всех, не успевших умереть или бежать членов клуба, занесенных в сей список, расстреляла. Разумеется, это произвело сильнейшее впечатление. И отсюда пошла молва, что „жиды расстреливают русских по списку“. Или еще, как говорили некоторые: „по алфавиту“.

Молва, надо сказать, не очень далеко ушла от истины. Разумеется, „по списку“ расстреливали не всех русских. Но зато расстреливали русский отбор; рубили русскую голову, уничтожали те самые „русские мозги“, которые (при всей их относительной никчемности) все же проявили наиболее способностей в политической борьбе. Уничтожали „амановцев“, как во времена Мардохея и Эсфири.

Кто это делал? И тут народная молва была недалеко от правды. Нельзя сказать, конечно, чтобы этим делом занималось все стотысячное еврейское население Киева. Но все же расстреливали „русских по списку“ евреи. Да, кровожадные жида, наполнившие киевские чрезвычайки. Но если бы в этих местных чрезвычайках не было ни одного еврея, то и тогда все же эти расправы были бы делом еврейских рук по той причине, что коммунистическая партия, от лица которой все это делалось, во всероссийском масштабе руководилась евреями.

Как бы для того, чтобы это подчеркнуть, в Киев летом 1919 года приезжал Бронштейн-Троцкий. Он выступал публично, сказав речь. У слушавших эту речь остались незабываемые воспоминания. Это был кровожадный призыв уничтожать „врагов“. Одних убить, а других „зажать“ так... ну, словом, так, как их зажали в Киеве.

(Здесь, однако, будет уместным вспомнить, что религиозные радикалы-иудеи наложили на Троцкого каббалистическое проклятие „пульса де-нура“ („удар огня“) как на врага еврейского народа. — *С. Р.*)

Такова была, значит, директива центра: физическое и моральное убийство „врагов“ рекомендовал правомочный министр коммунистической партии. К кому же должно было применить это кровавое зажатие? Бронштейн-Троцкий перечислил намечаемые жертвы по сословиям и профессиям. И когда слушатели расходились с этой страшной лекции, у них за сгорбленной спиной трепетало жуткое чувство: призыв Троцкого означал избиение русской интеллигенции. Да, потому что перечисленные им сословия и профессии насчитывали в своих рядах подавляющее число русских.

И избиение произошло. Особенно при этом пострадал суд, которому, должно быть, мстили за дело Бейлиса. Безумцы! Ведь этот киевский суд в конечном

итоге оправдал Бейлиса. Разумные евреи должны были бы поставить памятник сему суду, где-нибудь под „Стеною Плача“ в Иерусалиме. А они вместо этого поставили киевский суд просто „к стенке“.

При таких условиях вышел „Киевлянин“ 21 августа, то есть через три дня после занятия Киева. В городе было сильное напряжение. На улицах, в нескольких местах одновременно, узнавали и ловили „Розу-чекистку“, молодую жидовку, прославившуюся своими кровавыми подвигами; чрезвычайки дымились свежей кровью, вернее сказать смрадом сотен откопанных трупов; торжественно хоронили офицеров, убитых в бою под Киевом, в бою с полком, состоявшим исключительно из евреев. Среди такой обстановки еврейский погром мог разыграться каждую минуту. „Киевлянин“ начал поэтому со статьи „Мне отмщение и аз воздам“, в которой проводилась мысль, что суд над злодеями должен быть суровым и будет таковым, но самосуд недопустим»^[390].

Поскольку, начиная с этого киевского периода, за Шульгиным особо ярко следует ярлык «антисемита», обратим внимание на последние слова: «самосуд недопустим».

Перед ним снова вставляли образ еврейского погрома в 1905 году и его же защита евреев. Но ненависти к подлинным убийцам это не снижало.

Что он должен был делать?

Положение новой власти усугублялось тем, что у добровольцев практически отсутствовало армейское снабжение — такова особенность Гражданской войны. Все обращения командования к населению с просьбами помочь продовольствием, сапогами, подковами и так далее не встречали даже мало-мальского отклика. Пожертвованное измерялось килограммами, парами и штуками. Надо сказать, что к тому же мизерные

плановые поставки уменьшались из-за обыкновенного воровства в тылу.

Поэтому повсюду части переходили на «самокормление», вопреки суровым приказам Ставки.

Автор этой книги написал биографию белогвардейского генерала А. П. Кутепова (ЖЗЛ), который в 1919 году шел на Москву. Нелишне привести несколько эпизодов из того беспримерного похода.

После взятия Харькова Кутепов на собрании объединенных городских организаций сказал, что армия без тыла обречена, сколько бы благодарных слов в ее адрес ни произносили. Слов он уже слышался. «В эти дни, господа, я объезжал фронт и видел — идет в бой батальон. Идет хорошо, лихо разворачивается, но он... босой. Сейчас на дворе лето, а как я буду посылать в бой зимою моих солдат? Вам, общественным силам, надо позаботиться о своей защитнице, Добровольческой армии».

Кутепову была обещана помощь, а горнопромышленники подарили командующему Добровольческой армией генералу В. З. Май-Маевскому эшелон с углем.

На деле мало что изменилось. Патриотические круги российских промышленников и торговцев, еще недавно с вожделием глядевшие на Черноморские проливы и провозглашавшие здравицы имперской армии, теперь руководствовались только сиюминутной выгодой. Призывы деникинского Управления торговли и промышленности к донецким шахтовладельцам продавать уголь Добровольческой армии не были услышаны. Шаховладельцам было выгоднее продавать уголь в Константинополь, где стоял флот союзников, и получать твердую валюту, чем добровольческие «колокольчики» с изображением кремлевского Царь-колокола.

Как впоследствии объяснял один из белых генералов, входивший в «группу Шульгина»: «Война на данной территории всегда несет с собой много лишений и страданий. Война, а в особенности гражданская, сама себя кормит и пополняет!»^[391]

Кутепов (как Деникин и Врангель) издавал приказы, объявлял населению, что будет защищать его от насилия и грабежей, но то, что происходило в штабах, отражалось в жизни рядовых самым противоречивым образом. Что было делать Кутепову, когда перед ним клали приговор военного суда о расстреле солдата или офицера-инвалида за грабеж местного жителя? Утвердить приговор? Помиловать? Бедного офицера и нашли-то по особой примете: у него вместо ноги была деревяшка, на которой он и передвигался в боях.

Кутепов утверждал приговоры. Он считал, что наказание должно следовать неотвратимо. Точно так же в Ростове по его приказу были повешены несколько офицеров и солдат, грабивших еврейский квартал.

«Самокормление» (прежде всего за счет богатых евреев) в освобожденном Киеве Шульгин называл «тихим погромом».

В Киев вернулась Екатерина Григорьевна. Раньше она писала статьи в «Киевлянине», а теперь не хотела. Объяснила это тем, что добровольцы «должны взять тон помягче и более примирительный». Возможно, после смерти Василюда она просто устала.

Шульгин тоже старался вести пропаганду более спокойно, но как это делать, если всё вокруг исходит враждой, ненавистью, горем?

Тем временем восстанавливалось городское управление, заработала городская дума, стали выходить разные газеты, в том числе «демократические».

И тут снова произошло моральное столкновение разных политических течений — «политического еврейства» и правого добровольчества.

Шульгин: «Вместо того чтобы выступить с открытым, резким и прочувствованным осуждением евреев, заливших Киев русской кровью, оно, политическое еврейство, заняло позицию угнетенной невинности. Евреи, мол, ничего плохого не сделали, оправдываться им не в чем... Мало того, оно мостилось сейчас играть ту же роль, как при блаженной памяти „революционной демократии“, то есть во времена керенщины. При этом наглость некоторых личностей переходила всякие пределы. Был некий Рафес, член городской думы, известный тем, что летом 1917 года произнес в киевской городской думе фразу: „Если дело будет идти о том, чтобы рубить голову контрреволюции, то знайте, что мы будем вместе с большевиками“. Этот Рафес теперь, в 1919 году, „при правлении Добровольческой Армии“, как ни в чем не бывало и в крайне аrogантном тоне выступал в городской думе в качестве одного из отцов города. Ни он, ни другие политические евреи, очевидно, или не понимали, или не хотели понимать, что именно эта контрреволюция, которой они собирались „рубить голову“, сейчас находилась у власти; и что она дала по великодушию своему возможность функционировать „революционно-демократической“ городской думе и выходить всяческим еврейским газетам» ^[392].

Но ведь если смотреть со стороны «политического еврейства», это ведь не они рубили головы русским националистам в подвалах Чрезвычайки.

Здесь стороны не могли понять друг друга.

Правда, среди еврейской интеллигенции были трезвые головы, как, например, врач Д. С. Пасманик, за которым и германский фронт, и пребывание в рядах

добровольцев. Он указывал на то, что «еврейскому погрому» предшествовал «общерусский погром». Пасманик дал очень трезвую оценку участия евреев в русской смуте, со многими ее выводами соглашались Шульгин, а потом и Солженицын. Вот один из выводов Пасманика: «...большевизм стал для голодающего еврейства городов таким же ремеслом, как раньше портняжество, маклерство и аптекарство»^[393].

В общем, в данной ситуации Шульгин как представитель добровольчества и идеолог обязан был объясниться со своими земляками-евреями.

«Вот что произошло. Шел в городе так называемый „тихий“ погром. Он состоял в том, что по вечерам, когда стемнеет, в еврейские дома входили вооруженные банды и требовали, чтобы их кормили. Они были голодные и потому тихие. Но естественно, что евреи тоже не купались в изобилии... Человеческих жертв не было, никого не убивали, но мрачность этой обстановки действовала на нервы. Я знал, что Драгомиров делает все, что может. Посылает какие-то части для прекращения „тихого“ погрома, старается поддерживать порядок и соблюдение законности в городе и области. Но ведь накормить этих „тихоней“ он не мог...

Невольно думается: „Ну, пусть эти крики — ‘тихий погром’, пусть не убивают, но пытаются страхом“. Однако требования хлеба легко могут перейти в убийства. Власть бессильна, потому что не кормит голодных. Но научат ли эти ужасные ночи чему-нибудь их, евреев? Поймут ли они, наконец, к чему приводит социализм, или по-прежнему будут создавать бессильные организации для борьбы с погромами и подсчитывать, кто больше убивает: белые или красные. В этом их судьба, но и наша судьба»^[394].

Вот и сама статья «Пытка страхом» («Киевлянин», 8 октября 1919 года).

«По ночам на улицах Киева наступает средневековая жуть. Среди мертвой тишины и безлюдья вдруг начинаются душераздирающие вопли.

Это кричат „жиды“. Кричат от страха. В темноте улицы где-нибудь появится кучка пробирающихся „людей со штыками“, и, завидев их, огромные пятиэтажные, шестиэтажные дома начинают выть сверху донизу. Целые улицы, охваченные смертельным ужасом, кричат нечеловеческими голосами, дрожа за жизнь.

Жутко слушать эти голоса послереволюционной ночи. Конечно, страх этот преувеличен и приобретает, с нашей точки зрения, нелепые и унижительные формы. Но все же это подлинный ужас, настоящая „пытка страхом“, которой подвержено все еврейское население.

Власть, поскольку это в ее силах, борется за то, чтобы не допустить убийств и грабежей. Русское же население, прислушиваясь к этим ужасным воплям, исторгнутым „пыткою страхом“, думает свою думу.

Оно думает о том, научатся ли в эти страшные ночи чему-нибудь евреи.

Поймут ли они, что значит разрушать государства, не ими созданные? Поймут ли они, что значит добывать равноправие какой угодно ценой? Поймут ли они, что значит по рецепту „великого учителя“ Карла Маркса натравливать класс на класс? Поймут ли они, что такое социалисты, из лона коих вышли большевики? Поймут ли они, что такое в России осуществление принципа народовластия?

Поймут ли они, что им надо сделать сейчас?

Будут ли во всех еврейских синагогах всенародно прокляты все те евреи, которые приложили руку к смуте? Отречется ли толща еврейского населения с той

же страстностью, с какой она нападала на старый режим, от созидателей „нового“? Будет ли еврейство, бия себя в грудь и посыпая пеплом главу, всенародно каяться в том, что сыны Израиля приняли такое роковое участие в большевистском бесновании?

Будет ли основана „Еврейская Лига борьбы с социализмом“?

Или же все останется по-старому, и после страшных ночей, проведенных в смертельном ужасе, по-прежнему будет создаваться „Лига борьбы с антисемитизмом“, своим нелепым отрицанием совершенно ясных фактов разжигающая антисемитские чувства?

Перед евреями две дороги:

Первая — признать и покаяться.

Вторая — отрицать и обвинять всех, кроме самих себя.

От того, какой дорогой они пойдут, будет зависеть их судьба. Ужели же и „пытка страхом“ не укажет им верного пути?» ^[395]

Как вам, читатель, статья?

Начатая с тем, чтобы предостеречь от реальных погромов, она завершается призывом к всеобщему еврейскому покаянию. Говоря прямо, поставленная задача не решена.

А какая же решена?

Конечно, сегодня невозможно представить в полной красе обстановку осени 1919 года. Отдельные эпизоды гражданской смуты автор этих строк наблюдал в октябре 1993 года, когда российские вооруженные силы и отряды милиции по приказу президента Б. Н. Ельцина разгромили Верховный Совет Российской Федерации, и, надо признать, тогда в центре Москвы власть была у тех, кто имел оружие, а гражданское население ощутило свою беззащитность. В Киеве в 1919 году было во сто крат страшнее.

Шульгин хотел пояснить, пользуясь мыслью Столыпина, что в политике нет мести, но есть последствия.

На «столыпинский довод» обратил внимание его старый товарищ В. А. Маклаков, когда они обменивались письмами по поводу выпущенной Шульгиным книги «Что нам в них не нравится».

«Нам» — значит русским, «в них» — в евреях.

Маклаков утверждал, что обвинять целый народ — это «богохульство», Шульгин же — что у каждого народа есть средний моральный уровень, который «является мерилем его относительного достоинства» («целая нация горела чувствами мщения»; «борьба против исторической русской государственности была в полном смысле этого слова национальным еврейским делом»).

Спустя целую эпоху эту мысль Маклакова (не с подачи ли Шульгина?) оспорил Солженицын. Да как оспорил!

«Да, много доводов — почему евреи пошли в большевики (а в Гражданской войне увидим и еще новые веские). Однако, если у русских евреев память об этом периоде останется в первую очередь оправдательной, — потеряян, понижен будет уровень еврейского самопонимания.

Так ведь и немцы могли отговариваться за гитлеровское время: „то были не настоящие немцы, а подонки“, они нас не спрашивали. Однако приходится каждому народу морально отвечать за все свое прошлое — и за то, которое позорно. И как отвечать? Попыткой осмыслить — почему такое было допущено? в чем здесь наша ошибка? и возможно ли это опять?

В этом-то духе еврейскому народу и следует отвечать и за своих революционных головорезов, и за готовые шеренги, пошедшие к ним на службу. Не перед другими народами отвечать, а перед собой и перед

своим сознанием, перед Богом. — Как и мы, русские, должны отвечать и за погромы, и за тех беспощадных крестьян-поджигателей, за тех обезумелых революционных солдат, и за зверей-матросов...

Отвечать, как отвечаем же мы за членов своей семьи.

А если снять ответственность за действия своих одноплеменников, то и понятие нации вообще теряет всякий живой смысл» ^[396].

Но прав ли Солженицын?

Когда-то И. В. Сталин по аналогичному поводу заметил: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается».

Но прав ли он?

О шульгинской книге мы еще поговорим в следующих главах.

Статья «Пытка страхом», как и следовало ожидать, привела только к скандалу: ее переслали в Ставку в Ростов, оттуда шульгинские оппоненты — в Париж, и, как отметил Василий Витальевич, «она произвела тяжелое впечатление: в России творятся средневековые ужасы».

Пожалуй, из всех читателей, высказавшихся о статье, только один Константин Паустовский (будущий писатель) отметил, что автором имелась в виду защита еврейства.

Шульгин же посчитал, что «...евреи ничего не поняли. Они озлились еще больше, забыв дело Бейлиса и роль „Киевлянина“ в те времена. Но и русские тоже ничему не научились. Не поняли, что антисемитизм и, в частности, дело Бейлиса, нанесли царской России последний удар».

Но Шульгин был неправ.

Деникин вспоминал, что в июне 1919 года к нему в Ставку прибыла депутация председателей еврейских

общин и, в частности, просила «вернуть евреев-офицеров в полки», откуда их изгоняли антисемиты.

«Я описал им бывшие на этой почве инциденты и указал на тяжкие последствия для этих офицеров в случае принудительного зачисления их в части. Один из представителей горячо и взволнованно заявил:

— Пусть! Пусть они подвергнутся моральным мукам, даже смерти! Мы идем на это. Мы жертвуем своими детьми!...» ^[397]

Как бы там ни было, тогда никаких погромов в Киеве не произошло.

К тому же, кроме увещеваний, командование ВСЮР с начала октября 1919 года приказало расстреливать погромщиков, что возымело свое действие.

Деникин в своих мемуарах приводит фрагмент донесения генерала Драгомирова: «...Отдельные шайки бандитов начали шарить по еврейским кварталам и вымогать деньги. Несколько мерзавцев, пойманных на месте преступления, были оправданы военно-полевым судом. Я вытребовал к себе составы судов и разругал их так, как, кажется, еще никогда никого не ругал... Суд стал выносить смертные приговоры, которые все и были приведены в исполнение.

Когда большевики вошли в Киев, то экспансивность евреев взяла верх, и они устроили такое ликование, которое сразу показало, на чьей стороне их симпатии. Этого им народ не может простить, и его настроение нельзя охарактеризовать иначе, как бешеной злобой против всего еврейского...» ^[398]

Однако Шульгин, Драгомиров и Деникин обошли молчанием тот факт, что после «ликования» некоторые вернувшиеся в город добровольцы все-таки устроили погром.

Погромы были на совести всех противоборствующих сторон — белых, красных, петлюровцев и атаманов

разных бандитских группировок.

В целом о своей деятельности того периода Шульгин рассказал на допросе в январе 1945 года.

«Вопрос: Вы показали, что в составе Особого Совещания при армии генерала Деникина находились до мая 1919 г. По каким причинам вы прекратили свою деятельность в этом направлении?

Ответ: К этому меня вынудили мотивы личного порядка.

Вопрос: Какие?

Ответ: В боях с петлюровскими войсками, наступавшими на Киев, был убит мой старший сын Василий (Василид), который находился в составе так называемой дружины, защищавшей город.

Вопрос: Кем была организована защита г. Киева от петлюровских войск?

Ответ: Генералом Долгоруким (Долгоруков), ориентировавшимся на гетмана Скоропадского.

Переживая моральное потрясение после этого случая, я на длительное время отошел от политической деятельности, которая возобновилась лишь в августе 1919 г., когда войска Добровольческой армии Деникина вошли в г. Киев. Прежде всего, я снова организовал деятельность газеты „Киевлянин“ и наряду с этим, не занимая должностного положения в Добровольческой армии, я все же принимал активное участие в ее укреплении.

Вопрос: Покажите об этом конкретнее.

Ответ: Надо сказать, что с вступлением в г. Киев войск генерала Деникина моя контрреволюционная организация, действовавшая там на конспиративных началах, с этого момента из подполья вышла, и все ее члены надели офицерскую форму.

В частности, полковник Борцевич (Барцевич), который оставался в Киеве моим заместителем по нелегальной работе, официально был отмечен

генералом Деникиным и за заслуги перед Добровольческой армией назначен градоначальником г. Киева.

Тогда же очень близкий ко мне генерал Драгомиров, как киевлянин, получил назначение на должность главноначальствующего Киевской области, что соответствовало должности генерал-губернатора и командующего войсками.

В Добровольческой армии к этому периоду началось разложение, дисциплина упала. Киевская контрразведка, возглавляемая полковником Щучкиным, представляла из себя банду убийц и грабителей, которые подрывали авторитет Добровольческой армии. Ко мне поступали многочисленные жалобы и заявления на произвол и бесчинства, творившиеся в контрразведке.

Вопрос: Почему именно к вам, ведь вы в это время не занимали высокого положения в Добровольческой армии?

Ответ: Не занимая высокого положения в Добровольческой армии, я, однако, пользовался в ней исключительным влиянием.

Вопрос: Почему?

Ответ: Благодаря тому, что был чрезвычайно близок к генералу Драгомирову, а градоначальником являлся мой заместитель по „Азбуке“ полковник Борцевич.

Контрразведка Щучкина произвела аресты моих лучших сподвижников по контрреволюционной деятельности — поручика Фиалковского и доктора Чикалина. Я поручил Борцевичу в буквальном смысле слова разгромить контрразведку Щучкина и освободить указанных лиц. Он без труда выполнил это поручение. Бесчинства Щучкина не прекращались, поэтому пришлось его из контрразведки удалить, и вместо него был назначен Сульжиков, ранее служивший в судебном ведомстве. Последний, так же как и Щучкин, но в

несколько меньших масштабах, чинил расправы и беззакония, но, опасаясь снятия с должности, регулярно делал мне доклады о деятельности контрразведки.

Вопрос: Значит, вы выполняли роль шефа деникинской контрразведки?

Ответ: Я не имел никакого поручения контролировать контрразведку, но фактически это было так.

Вопрос: Вы давали руководящие указания начальнику контрразведки?

Ответ: Да, такие указания начальнику контрразведки Сульжикову я давал, но они касались лишь методов работы контрразведки.

Вопрос: Как это понимать?

Ответ: Я был против пыток и избиений, применявшихся в контрразведке, и давал указания о прекращении таких методов работы» ^[399].

На октябрь 1919 года приходятся самые ожесточенные бои добровольцев на Московском направлении.

Полковник (потом генерал-лейтенант) Борис Александрович Штейфон, в то время командир 17-го Белозерского полка, рассказал о необыкновенном подъеме населения при встрече добровольцев.

В Харькове он был свидетелем реакции людей, когда генерал Деникин объявил о цели Белого движения.

«Выслушав ряд приветствий и поблагодарив за выраженные чувства, главнокомандующий, говоря о заветном стремлении русских людей освободить Москву, произнес:

— Третьего дня я отдал приказ армиям...

Затем он на мгновение запнулся и закончил:

— ...Наступать на Москву!

Во время речи главнокомандующего стояла полнейшая тишина. После слов „наступать на Москву“ вся эта тысячная толпа, заполнявшая обширный зал, коридоры, лестницу, на мгновение оцепенела. Я почувствовал, как неожиданная спазма перехватила мое горло. На мгновение я перестал дышать, а на глазах появились слезы. Еще минута такого общего столбняка, а затем уже не крик, а исступленный вопль „ура“. Люди не замечали катящихся из их глаз слез и кричали, кричали, вкладывая в этот крик и тоску накопившегося национального горя, и весь восторг затаенных надежд.

Незабываемые картины и переживания! То был высший подъем осознания Белой идеи. Это были минуты величайшего порыва патриотизма. Все смешалось, перепуталось, и потрясенный Деникин должен был переживать истинное удовлетворение и как русский человек, и как белый вождь»^[400].

Штейфон был не простым добровольцем, а как бы отметить это точнее, он был сыном крещеного харьковского еврея, участником Русско-японской и мировой войн, окончил Николаевскую академию Генерального штаба и прошел с белой армией свой путь от Ледяного похода с Алексеевым и Корниловым до конца турецкого Галлиполи.

С взятием Курска кутеповский 1-й корпус выдвинулся вперед. Слева и справа от него шли конные корпуса Шкуро и Юзефовича. Напор был сильным, дух — крепким. Судьба России решалась в те дни.

Показательно, что Париж пожелал «помириться» с Деникиным, совершенно убрал прежний неприязненный тон и попросил В. А. Маклакова поехать в Таганрог, где размещалась Ставка ВСЮР, и устранить франкофобию белогвардейцев^[401].

В этот переломный момент Ставка отдала приказ выделить из кутеповского корпуса шесть полков для отправки их на Украину против Махно (в том числе и полк Штейфона). Шкуро отдавал бригаду Терской дивизии, Юзефович — два полка.

Вот как оценивал положение участник Московского похода, начальник штаба героической (в ней будет воевать Вениамин Шульгин) Марковской дивизии полковник (потом генерал-майор) А. Г. Битенбиндер:

«За неимением организованного и устойчивого тыла генерал И. П. Романовский (начальник штаба ВСЮР) начал снимать с фронта те полки и дивизии, кои должны были вступать в Москву, и посылал их в тыл на усмирении безземельных крестьян. Всего с фронта было снято около 40 тысяч штыков и сабель, то есть одна треть Вооруженных сил Юга России. А для нанесения решающего удара по живой силе противника на пути в Москву генералу Кутепову дали всего лишь одну десятую всех наличных сил.

Как мог при таких условиях генерал Кутепов выиграть сражение под Орлом? А от исхода этого сражения зависела участь всей гражданской войны.

Несмотря на нашу фатальную неподготовленность к решительному бою под Орлом, в Ставке царил оптимизм. Занятие Москвы являлось для нее лишь вопросом времени, о чем свидетельствует труд г. Критского „Корниловский ударный полк“ (Париж, 1936 г.).

На странице 142 читаем:

„Генштаба капитан Капнин (начальник штаба Корниловской дивизии) получил из Ставки следующую телеграмму: ‘Ввиду скорого окончания гражданской войны и нашего предстоящего вступления в Москву сообщите, в каком округе и какую должность вы хотите получить’. Телеграмма отражает настроение умов в Ставке и не нуждается в комментариях.

Корниловцы вынесли на своих плечах всю тяжесть боев под Орлом 13 октября и заняли его...

Корниловская дивизия в то время была самой мощной дивизией в Добрармии. В бою под Орлом она покрыла себя неувядаемой славой. Латышские полки поражались той неустрашимости, тому самопожертвованию, с каким отдельные Корниловские роты и батальоны бросались в атаки на латышские стрелковые полки. Героическая борьба Корниловцев под Орлом, их неудача, совместно с неудачей Дроздовской дивизии и 3-го Марковского полка, явились кульминационным и поворотным пунктами двухлетней кровавой гражданской войны“»^[402].

Сказались крестьянские восстания на Украине, перерезавшие коммуникации белых. Можно ли было оставить на Украине только сдерживающие силы, а всё бросить на Москву? По мысли Врангеля, только так и следовало поступать.

14 октября, на православный праздник Покрова Пресвятой Богородицы, ударная группа красных начала наступление на добровольческие полки 1-го корпуса.

«До Покрова — лето, после Покрова — зима», — говорит народная примета. Лето закончилось.

В ночь на 15 октября после ожесточенных боев 2-я бригада Латышской дивизии отбила Кромы и создала угрозу флангу и тылу Корниловской дивизии, занимавшей Орел.

Корпус Кутепова был нацелен на Тулу, но теперь надо было тормозить, избавляться от фланговой угрозы.

Холодная осенняя пора, облетевшие леса, побуревшие мокрые поля — предзимье сурово глядело в глаза добровольцев, словно вопрошало, почему они опоздали воспользоваться безвозвратно ушедшим летним теплом. И что могли ответить офицеры в разбитых сапогах?

Чаши весов качались.

Первая конная армия Буденного заняла Воронеж и получила задачу двигаться главными силами на Курск, в тыл добровольцам.

Кутепов приказал оставить Орел.

Все висело на волоске. В эту пору любое точное решение могло переломить ход назревшего кризиса.

На совещании в штабе корпуса один из самых молодых офицеров, предчувствуя крах, предложил:

— Прежде всего надо приказать всем штабам выйти из вагонов и перейти в войска. А обозы, больных и раненых отправить скорее в тыл. Затем собрать все наши силы в один кулак и обрушиться на Латышскую дивизию. Латыши уже сильно потрепаны корниловцами, и наш корпус, безусловно, их уничтожит. Остальные советские полки будут после этого нам не страшны. Мы снова возьмем Орел. Не будем в нем задерживаться, двинем быстрым маршем на Москву. За Орлом никого, кроме только что мобилизованных частей, нет, они нам не страшны. Москву мы возьмем. Это разрушит все управление красными армиями, их карты будут спутаны. Центр страны будет наш. Мы получим все преимущества центральной власти. А рейд Буденного по нашим тылам в конце концов выдохнется...

Предложение это вызвало большое оживление, но кто-то резонно заметил, что армейский штаб никогда не утвердит такой операции. (Как потом выяснилось, подобный рейд на Москву силами кавалерийского корпуса предлагал и генерал А. Г. Шкуро.)

— А мы должны только предупредить Харьков о ней и немедленно прервать связь, — сказал офицер.

— Если бы я пошел на Москву, каких бы собак на меня потом навешали в случае неудачи, — ответил Кутепов.

Офицер возразил:

— В случае неудачи вас бы давно не было в живых, все легли бы костями. Ну а при удаче — победителей не судят.

Может быть, и вправду они дошли бы до Москвы, как весной 1918 года дошли до Екатеринодара.

Советское правительство уже готовилось к эвакуации.

Спустя несколько лет, уже в Париже, генерал Кутепов вспомнил об этом. Может быть, именно там белые упустили свои «пять минут»?

Прорыв кавалерии Буденного под Касторной на стыке Добровольческой и Донской армий и дивизии червонных казаков на Фатеж заставил белых отступить.

С каждым днем добровольцы все больше понимали, что Московский поход уже завершился, надо думать о спасении армии.

Огромный эмоциональный порыв, который был моральной основой добровольчества, иссякал, требовалось начинать строить государственную систему, как это уже сделали красные. «Непредрешенчество», ожидание неких высших сил в виде Учредительного собрания, отдавало пустотой. Штейфон по этому поводу писал: «Добровольчество как система единственно жизненная в сложной обстановке 1918 года должно было летом 1919 года уступить свое место регулярству, ибо последнее все свои корни имело в той национальной России, какую мы стремились возродить. Добровольчество, как военная и гражданская система, это не более как импровизация, и жестокий опыт 1919 года показал все несовершенство подобной импровизации.

Самой роковой по последствиям ошибкой явилось то обстоятельство, что армия не усиливалась соответственно уширению масштаба борьбы» ^[403].

14 октября 1919 года, одновременно с ударом по корпусу Кутепова, красные войска прорвались в Киев (по словам Драгомирова, «мадьярская дивизия»). Белые отступали к пригородам, вместе с войсками шли десятки тысяч гражданских, с ними — Шульгин с винтовкой на плече. Было спешно создано несколько сводных офицерских рот (оружие раздавалось и тем офицерам, которые до налета красных находились в тюрьме по подозрению в сотрудничестве с большевиками). Отступили до Дарницы и остановились, выстроились за Русановым мостом на берегу Днепра. Генерал Драгомиров приказал: «Большевики вошли в город. Конечно, они теперь грабят и пьянствуют. Самое подходящее время, чтобы их оттуда выбросить. Поэтому приказываю вам взять Киев. Шаа-гом, марш! Петь песни!»

Он поднялся на мост и пропустил мимо себя части, повернувшие обратно в Киев. Увидев штатского в пальто, котиковой шапке и с винтовкой, он узнал Шульгина и приказал ему выйти из строя. «Это бессмысленно», — услышал Шульгин оценку своему порыву.

После этого Драгомиров лично повел свои части в бой, некоторые кварталы несколько раз переходили из рук в руки, и 17 октября мадьяр (с ними были еще и китайцы) выбили из города.

После того как нападение было отбито, распространились слухи, что киевские евреи воевали на стороне красных. В газете «Вечерние огни» были напечатаны имена и адреса евреев, якобы стрелявших в спину белым. На следующий день «Киевская жизнь» и городской голова опровергли эту информацию — адреса оказались вымышленными, порой даже не могли найти указанных домов. Однако, несмотря на опровержение, вспыхнул еврейский погром, который подавляли войска.

Киев был оставлен белыми в конце декабря. Навсегда.

В записках Врангеля есть чисто военное объяснение этому периоду. «Гонясь за пространством, мы бесконечно растянулись в паутину и, желая все удержать и всюду быть сильными, оказались всюду слабыми. Между тем, в противоположность нам, большевики твердо придерживались принципа полного сосредоточения сил и действий против живой силы врага... Продвигаясь вперед, мы ничего не делали для закрепления захваченного пространства; на всем протяжении от Азовского моря до Орла не было подготовлено в тылу ни одной укрепленной полосы, ни одного узла сопротивления. Теперь армии, катящейся назад, не за что было зацепиться. Беспрерывно двигаясь вперед, армия растягивалась, части расстраивались, тылы непомерно разрастались. Расстройство армии увеличивалось еще и допущенной командующим армией мерой „самоснабжения“ войск...

Война обратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами — в грабеж и спекуляцию. Каждая часть стремилась захватить побольше трофеев. Бралось все, что не могло быть использовано на месте — отправлялось в тыл для товарообмена и обращения в денежные знаки. Подвижные запасы войск достигли гомерических размеров — некоторые части имели до двухсот вагонов под своими полковыми запасами. Огромное число чинов обслуживало тылы. Целый ряд офицеров находился в длительных командировках по реализации военной добычи частей, для товарообмена и т. п.

Армия развращалась, обращаясь в торгашей и спекулянтов...

Население, встречавшее армию при ее продвижении с искренним восторгом, исстрадавшееся от большевиков и жаждавшее покоя, вскоре стало вновь

испытывать на себе ужасы грабежей, насилий и произвола»^[404].

И Врангель в своих невеселых свидетельствах был далеко не одинок, как можно было бы думать, зная его несогласие с военной стратегией Деникина. Например, генерал Глобачев вспоминал практически то же самое: «...Если заглянуть в политическую подоплеку всего добровольческого движения, то нужно признать, что Добровольческая армия защищала интересы демократической республики и была на поводу у партий кадетов и эсеров. В самом деле, кто зародил Добровольческую армию? Алексеев и Корнилов — республиканцы. Кто был их последователь? Деникин — республиканец. Все они говорили о благе родины, но какова эта родина будет и в чем будет заключаться благо, не говорили, ибо не могли отделить это благо от своих личных политических взглядов и своего личного честолюбия. Это не были Минины и Пожарские, принесшие всё на алтарь отечества и шедшие за одну монархическую идею, видевшие в ней спасение родины. Эти люди шли за возрождение России Львовых, Милюковых, Керенских, но только рассчитывавшие занять их места. Широкие массы населения, и в особенности крестьянство, в гражданской войне участия не принимали, и война не может быть названа народной. Война была исключительно партийная: кадеты и эсеры оспаривали власть над измученной Россией у большевиков, которые были и счастливее их, и способнее, что и доказали тем, что быстро ее захватили после падения монархии.

Могут спросить, почему же к этому движению примкнуло офицерство. Да потому, что офицерство, это профессиональное военное сословие, было гонимо в советской России, обезличено, истязуемо; естественно, что офицерство шло туда, где нуждались в его услугах,

где восстанавливались его права, где оплачивалась его служба и т. д., то есть в Добровольческую армию. Кроме того, появился новый тип офицера республиканского мышления, это так называемые цветные войска: корниловцы, алексеевцы, марковцы, дроздовцы, или из элементов никогда не служивших, или из контингентов офицеров военного времени германской войны. В общем, нужно сказать, что из всей массы офицерства Добровольческой армии не более 25 % шли за идею освобождения родины, не считаясь ни с какими политическими тенденциями, остальные же шли или для спасения демократической республики, или просто примазались в своих личных интересах.

Как народ относился к Добровольческой армии, это видно лучше всего из того, каково было отношение к ней во вновь занимаемых областях. Вступление Добровольческой армии в города и деревни встречалось колокольным звоном, со слезами на глазах, целовали стремяна всадников, а по прошествии каких-нибудь двух недель так же ненавидели добровольцев, как и большевиков. Лозунги армии народу не были понятны, а поведение ее возбуждало ненависть. Многие офицеры Добровольческой армии по своей беспринципности, разнузданности и жестокости мало чем отличались от красных и были бы более желательным элементом по ту сторону, чем по эту; они стояли в рядах Добровольческой армии по недоразумению — должно быть, гражданская война случайно их застала на этой стороне. Отношение вновь назначенной администрации в занимаемых Добровольческой армией областях к местному населению не было на высоте. Действия новых чиновников часто были пристрастны и незаконны, так как ими часто преследовались личные интересы. Например, некоторые администраторы назначались именно в те местности, где находились их недвижимые имущества, и первое, что они делали —

это начинали восстанавливать свои разоренные революцией хозяйства, жестоко расправляясь с крестьянами, которых считали виновниками разорения. Другие, пользуясь слабой ответственностью или полной безответственностью, грабили население нисколько не меньше, чем фронтовики. Поэтому законы и распоряжения, издававшиеся правительством генерала Деникина, доверия у населения не внушали, и таковое относилось к движению безучастно и к нему не примыкало»^[405].

В октябре генерал Врангель приказал повесить заместителя начальника станции Царицын, весовщика и составителя поездов. Они за взятки отправляли с воинскими эшелонами частные грузы, задерживали раненых и снаряжение. Но общая картина развала от этого не изменилась.

Зима была ранняя, морозная. После сдачи Харькова Май-Маевским Врангель возглавил Добровольческую армию. Отступление продолжалось. Часто на станциях можно было видеть раскачивающиеся на телеграфных столбах заиндевевшие трупы с прикрепленными к груди табличками: «Мародер».

Врангель предвидел беду и предложил Деникину вообще оставить самостоятельные казачьи Дон и Кубань и отступать на Крым, где прочно закрепиться. На этой стратегии настаивали и французы, имевшие в виду поддержку белой армией правого фланга польской армии^[406].

Деникин же не хотел бросать казаков-союзников. На Дону, по его соображениям, отступление должно было кончиться. По рекам Тузлов и Самбек и их притокам были выстроены рубежи обороны с окопами и проволочными заграждениями. Оборонительный пояс окружал Ростов и Новочеркасск, железнодорожные станции и станицы. Англичане тоже настаивали на

Донском направлении, имея в виду свои интересы на Кавказе.

Кавказ в отсутствие сильной России был поглощен междоусобными войнами. Простое их перечисление показывает картину непрекращающейся вражды: армяно-грузинская война за обладание Борчалинским уездом; армяно-азербайджанская в Нахичеванском районе и Нагорном Карабахе; грузино-азербайджанское столкновение из-за Ахалцихе и Ахалкалаки; грузино-аджарское за Батум; конфликт грузин с Добровольческой армией за обладание Сочинским округом; столкновение азербайджанцев с Добровольческой армией за Дагестан и Чечню.

Если к этой панораме прибавить упражнения кубанских и донских казаков в независимости, а также явное противодействие, оказываемое британцами ВСЮР в стремлении контролировать Кавказское направление, то предложение Врангеля уйти на Крымский полуостров было рациональным.

Н. В. Савич отмечал: «Англичане вызывали сильное раздражение, вели явно подозрительную игру. Для всех стало ясно, что их задача — оторвать от России Кавказ. Мало того, с помощью Румынии и Польши они стремились отобрать у нас даже области с чисто русским населением, чтобы ослабить Россию и создать ей врагов из этих соседей. Антибританские настроения росли и ширились. Но они не возобладали среди членов Особого Сопещания, да и генерал Деникин был верен раз избранному пути»^[407].

В конце октября 1919 года Деникин все-таки не выдержал, разыгралось так называемое Кубанское действие — лобовое столкновение ВСЮР с Кубанской радой. 7 ноября Деникин приказал арестовать нескольких ее депутатов и предать их военно-полевому суду за подписание в Париже (!) с меджлисом горских

народов Кавказа союзного договора и признанием независимости обеих сторон. Это было признано государственной изменой. В ноябре генерал В. Л. Покровский, опираясь на войска, отведенные с фронта «на отдых», произвел переворот: к власти было приведено правительство группировки «линейцев», ориентировавшейся на А. И. Деникина. Священник А. И. Калабухов, входивший в состав парижской делегации, по приговору военно-полевого суда был повешен в ночь на 20 ноября, остальные были высланы в Турцию. Управление областью было реорганизовано.

Как писал К. Н. Соколов, «кубанских самостийников не уничтожили, а только раздражили. Вскоре их разлагающая агитация возобновилась с новой силой, черпая в одностороннем толковании ноябрьских событий благодатный материал» ^[408].

Среди офицеров широко расходились копии писем Врангеля Деникину с жесткой критикой стратегии главнокомандующего. Некоторые начинали понимать, что Национальная Россия в отличие от Советской не получила объединяющей идеи, что деникинское правительство, Особое совещание — это малодейственная смесь монархистов, либералов, кадетов. В середине ноября член ЦК Конституционно-демократической (кадетской) партии, бывший московский городской голова Н. И. Астров подал Деникину записку: «Тезисы по вопросу о политическом курсе». Он нарисовал безнадежную картину разложения Белого государства и разрыва связей между народом, армией и торгово-промышленными кругами вкупе с интеллигенцией. Требовались новые идеи, новый курс.

Но кто мог проложить такой курс? Новых идей не было. Белое движение в целом представляло собой героическую и малоконструктивную реакцию Февраля

на Октябрь. Уже в эмиграции некоторые белогвардейцы признавались: «Какое глубочайшее недоразумение — считать русскую революцию не национальной!»^[409]

Добровольческая армия откатывалась. Вот уже оставлен и Донецкий бассейн. Армию приказом Деникина свели в Добровольческий корпус под командованием Кутепова. Критически настроенный Врангель был отрешен от должности.

В это время Василий Витальевич с небольшим отрядом, в который входили его сын Вениамин (Ляля) и ближайшие сотрудники, продвигался из Киева в направлении Одессы — то поездами, то пешком порядком по 30-40 километров в день, то вместе с Якутским полком ВСЮР, то отдельно. Добрались без потерь.

В Одессе он встретился с Екатериной Григорьевной и младшим сыном, четырнадцатилетним Дмитрием, добравшимися поездом, и узнал печальную новость, что его сводный брат Павел Дмитриевич Пихно умер по дороге от тифа. Не последней была эта утрата.

Глава тридцатая

Кто сменит Деникина. — «Кофейные офицеры» в Одессе. — Анабасис полковника Стесселя. — Румыны ограбили и выгнали. — В плену у Котовского. — Снова в Одессе. — Ловушки ЧК. — Побег к Врангелю. — Врангель и Кривошеин. — Неудачная экспедиция в Одессу

Вечером 31 декабря 1919 года на территории Одесского порта в вагоне генерала Драгомирова состоялось совещание — сам генерал, бывший главноначальствующий Киевской области и командующий войсками, и бывший депутат Государственной думы, член Особого совещания Шульгин обсуждали состояние дел (плачевное) и возможного преемника генерала Деникина. В том, что Деникин уйдет, сомнений не было. Вопрос в том: как уйдет? По собственной воле или его застрелит кто-то из недовольных офицеров? После катастрофической эвакуации армии из Новороссийска третий вариант не просматривался.

Собравшиеся не были заговорщиками, к Деникину относились с уважением, но надо было смотреть правде в глаза.

Перебрав несколько имен, единодушно остановились на Врангеле. Только он мог что-то сделать.

Они верили в возможность сопротивления, несмотря на массовое уныние.

Шульгин стал развивать историческую аналогию: сотни лет в Крыму «сидел» крымский хан — значит, и сейчас можно отгородиться от красных. А сейчас в Крыму еще держится белая армия...

Драгомиров был невесел: его штаб уже был расформирован, а он сам находился в подвешенном состоянии, без определенных перспектив. Гость добавил ему печали, сообщив, что «больше всех его ненавидит гвардия». За что? За то, что в прощальном приказе объявил, что она «покрыла позором свои славные знамена грабежами и насилиями над мирным населением».

Генерал разгорячился, стал доказывать, что «...пробовал собрать командиров полков, уговаривал, взывал к их совести. Но я чувствую, что не понимают!».

Шульгин напомнил ему, как тот говорил в октябре 1918 года: «Мне иногда кажется, что нужно расстрелять половину армии, чтобы спасти остальную».

Потом перешли на более общие темы. Правильно было бы создать отряды особого назначения, которые держали бы в руках каждый уезд, что-то вроде военного ордена. Но где взять «отборных»?

Приближался новый, 1920 год. За окном в темноте шумело море, вокруг которого, если разобраться, развивалась вся русская история, начиная с киевских князей Игоря, Ольги и Святослава. Теперь Киев остался в руках новых печенегов.

Принесли бутылку вина: Новый год все-таки... Выпили. За сопротивление, за будущую победу.

А начинать сопротивляться надо было прямо здесь, в Одессе, отсюда уходить было некуда.

В городе оставалось 25 тысяч (а может, и намного больше) офицеров разных соединений, по вечерам они собирались в кофейнях, обсуждали свое положение, ругали генералов и надеялись, что может повториться чудо Ледяного похода. Шульгин называл их «кофейными офицерами».

В Одессу приехал В. А. Степанов, человек огромной энергии, и они втроем стали хлопотать о назначении Врангеля главноначальствующим Одесской области

вместо генерала Н. Н. Шиллинга. Ничего из этого не вышло, Деникин слышать не хотел о Врангеле.

Шиллинг запрашивал в Ставке разрешение на эвакуацию, убеждал, что город нельзя отстоять. Деникин эвакуацию не разрешал.

И все же исподволь готовились к эвакуации. Все, кто мог, разными правдами и неправдами, путем взяток, добывали разрешение уйти немногочисленными пароходами на Варну. Как говорил Шульгин: «Ангел смерти витал над Одессой».

Еще один признак распада был налицо: многие влиятельные персоны стали создавать военные дружины, даже митрополит Платон занялся этим.

А у Шульгина были проверенные кадры одесского отделения «Азбуки», «Христианский блок», и он также приступил к формированию собственного отряда.

Василий Витальевич располагал довольно большой суммой денег, вынесенной из Киева. Он смог зафрахтовать какую-то баржу и пароходик, которые, правда, при ближайшем осмотре оказались плавучими гробами. Когда началась общая паника из-за наступавших на город красных, Василий Витальевич со своим отрядом пришел к штабу полковника Владимира Анатольевича Стесселя, назначенного командовать обороной Одессы (генерал Шиллинг эвакуировался).

В отряде было две «роты».

«Первая рота: человек тридцать офицеров самого разнообразного происхождения. Несколько из них испытанных друзей, другие — прибежавшие в последнюю минуту, не зная, куда деться.

Вторая рота: около пятидесяти человек молодежи, преимущественно гимназистов.

Сверх того, около десяти дам, несколько мужчин штатского вида — способных и неспособных носить винтовку. Двенадцатилетняя Оля и четырнадцатилетний Димка, мой младший сын.

Хозяйственная часть: одна подвода неизвестного происхождения, но переполненная вещами» ^[410].

Генерал Глобачев, который тогда заведовал контрразведкой в Одессе, свидетельствовал: «Единственная воинская часть, которую удалось создать, — это отряд в тысячу офицерских чинов для внутренней охраны города, который и удерживал Одессу от бунта до самых последних дней. Этим отрядом командовал энергичный, храбрый полковник Стессель, который не покинул города до полной эвакуации и которому со своим отрядом не нашлось места ни на одном из пароходов при оставлении Одессы, а пришлось сухим путем пробиваться в Румынию» ^[411].

Все отступали к порту, в какой-то призрачной надежде эвакуироваться. Вдруг началась перестрелка, застучали пулеметы, красные входили в город. Потом пришло отрезвление — надо пробиваться в сторону Румынии.

В колонне полковника Стесселя чего только не было — пушки, броневики, автомобили и бесконечные повозки. Шульгин нашел потерявшихся было жену, сыновей и племянника Филиппа Могилевского. У старшего сына Вениамина (Ляли) была оцарапана пулей рука. Двинулись дальше, Шульгин и Ляля шли в арьергарде отряда. И натолкнулись на брошенную повозку, а в ней — мешок сахара. Набили карманы сахаром сколько влезло.

А дальше — становилось все хуже.

Добрили до берега, впереди простирался покрытый льдом Днестровский лиман. На другом берегу виднелся чужой город.

«По этому льду в одну колонну движется бесконечный обоз. Туда, к Аккерману, к городу спасения, румынскому городу Аккерману, куда не

придут большевики. Бесконечный обоз движется в порядке. Задолго до назначенного времени выступили все части, проявив редкую аккуратность.

Теперь они идут осторожно, соблюдая дистанцию, чтобы не провалился лед, почти торжественно. Идут с белыми флагами, которые несут, как знамена.

Печальные знамена...»

Идут. Похоже на какой-то невообразимый табор. Впереди на льду их ждут — столик, сидят румынские офицеры, стоят румынские солдаты. Это бывшие союзники.

Бывшие союзники завернули табор назад. Согласились пропустить женщин с детьми.

Дальше началось то, что Шульгин назвал «анабасисом», легендарным отступлением отряда греков в 401 году до Рождества Христова. Об их подвиге знал каждый российский гимназист. Тогда было с боями пройдено от долины реки Тигр до берега Черного моря 2500 верст за 122 перехода. А сейчас? Греки не знали ни мороза, ни ужасов гражданской войны, ни пулеметных обстрелов.

Степь, снег, мороз, бесконечный обоз, натертые ноги. Стычки с красными. Убитые, раненые... Один из немолодых генералов по фамилии Васильев застрелился, чтобы не быть обузой. В отряде Шульгина раненный в грудь юноша, поручик Алеша. Его везут на телеге, потом телеги приказано бросить, несут на носилках. Тяжело, но бросить нельзя. Алеша с каждым часом слабеет. Все, кончено. Оставляют труп в какой-то хате, где его забрала смерть, — добрые люди похоронят.

Один из таких юношей спустя много лет вспоминал: «Все пережитое отошло уже давно в область воспоминаний, многие отдельные события забылись, но никогда не изгладятся из памяти туманные, заледеневшие плавни, дорога, идущая в гору,

сошедшая с ума женщина, вышедшая к нам из-за деревьев, и эта глубоко трагичная процессия раненых, которых вчерашние союзники гнали на гибель туда, где хозяйничали красные и мародеры»^[412].

Это написал Анатолий Михайлович Росселевич, а тогда он, восемнадцатилетний кадет, воевал в Добровольческой армии и участвовал в том походе. Потом — эмиграция, Югославия, Белградский университет, США, смерть в 1977 году в Нью-Йорке.

Стесселиада после мучений закончилась пленом. Бойцы красной дивизии Григория Котовского, которые еще вчера обстреливали беженцев, спокойно встретили их. В разговоре Шульгин выяснил, что они воюют не за коммунистов, которых они терпеть не могут, а «за Единую и Неделимую Россию».

Услышав это простодушное признание, Василий Витальевич оторопел.

«Я должен сказать, что у меня, выражаясь деликатно, глаза полезли на лоб. Три дня тому назад я с двумя сыновьями с правой и левой руки, с друзьями и родственниками, скифски — эпически дрался за „Единую Неделимую“ именно с этой дивизией Котовского. И вот, оказывается, произошло легкое недоразумение: они тоже за „Единую Неделимую“»^[413].

Дальше произошло то, что объясняется путаницей и неопределенностью Гражданской войны. Пленников деликатно обобрали под видом обмена одеждой, дали им обноски, в которых они приобрели вполне пролетарский вид.

Потом Шульгин оказался на свободе в большевистской Одессе, переболел возвратным тифом и стал восстанавливать свою «Азбуку». Болезнь сильно изменила его внешность, он отпустил бороду и стал похож на старика.

В Одессу вернулась и Екатерина Григорьевна с младшим Дмитрием. Румыны выгнали их на следующий день после ухода отряда Стесселя, а котовцы пропустили в Одессу.

На допросе в 1946 году Шульгин рассказал: «В результате боев от наших отрядов уцелели жалкие остатки, и мы вынуждены были сдаться. Однако мне, моему сыну, поручику Лазаревскому и брату моей первой жены Гродовскому удалось в городе Тирасполе переодеться в штатское платье, приобрести фиктивные советские документы и в конце февраля 1920 года снова вернуться в занятую Красной Армией Одессу. Я рассчитывал, что среди населения большого города легче будет скрыться от органов Советской власти и перейти на нелегальное положение.

Вопрос: Для того чтобы потом вновь продолжать борьбу против Советской власти?

Ответ: Совершенно верно. Однако первое время я в этом направлении ничего не делал, т. к. болел тифом, а после выздоровления установил связь с начальником одесского отделения „Азбуки“ Могилевским и совместно с ним приступил к организации разведывательной работы против Красной Армии. В тот момент, когда Могилевский должен был тайно пробраться в Крым для получения необходимых нам средств и конкретных заданий от главного командования белой армии, нас нащупала Чрезвычайная Комиссия, и Могилевский был арестован»^[414].

Племянник Филипп Могилевский («Эфем») был арестован вместе с шульгинскими письмами Врангелю. Пользуясь содержащимися там сведениями, чекисты дважды пытались поймать Шульгина, завлекая его в ловушку и обещая через подставного курьера инструкции и деньги из Крыма. Шульгин дважды был на

краю смерти и дважды ускользал. В конце концов он решился на отчаянный шаг, направил в ЧК письмо: «Я предлагаю вам обмен: я готов явиться в Чрезвычайную Комиссию в том случае, если вы выразите согласие возвратить П. И. З-ву свободу. Если вы согласны на этот обмен, напечатайте в „Известиях“ в отделе справок нижеследующую фразу:

„Товарища Веденецкого просят явиться немедленно“. Если это будет напечатано, я буду считать это вашим согласием освободить З-ова, в течение трех дней после напечатания явлюсь в Ч. К.

Я знаю, что у социалистов совершенно иные понятия о чести, чем у нас. Поэтому я не исключаю возможности, что вы меня обманете. Но, с другой стороны, я думаю, что, несмотря на всю разницу, существующую между нами, не все человеческое вам чуждо. Для того же, чтобы вам было ясно, почему я решаюсь на этот шаг, я должен объяснить, что З-ов арестован исключительно из-за меня, так как лично он имеет весьма мало отношения ко всему этому делу. Я буду ждать вашего ответа в течение трех недель. (Подпись)» ^[415].

Между тем в газетах публиковали списки расстрелянных. В них появилось близкое Шульгину имя — сына А. И. Савенко двадцатилетнего Василия. «Эфема» в списках пока не было...

А вот что происходило за пределами Одессы.

Генерал Врангель сменил ушедшего в отставку генерала Деникина, «царя Антона». Великобритания отказалась поддерживать белых и начала торговые переговоры с Советской Россией, однако, на счастье Крыма, кроме английских интересов в России существовали еще интересы Франции. Последняя прекрасно понимала, что с выбыванием России из европейского оркестра некому будет противостоять

Германии. Теперь Париж поставил на Польшу, надеясь создать противовес Берлину. Белая армия в Крыму была нужна французам как дополнительная военная сила. И еще гарантом возвращения царских долгов — это если сильно повезет.

Согласно информации от 1 марта 1920 года для командования Волынского фронта, подготовленной по указанию главнокомандующего и начальника Польского государства Ю. Пилсудского, Польша намеревалась оторвать Украину от России, взять ее под контроль и «обеспечить экспансию Польши, как экономическую, так и политическую».

25 апреля поляки начали войну с Советской Россией — атаковали Красную армию по фронту от Припяти до Днепра. 6 мая они заняли Киев.

Им противостояли советские Западный и Юго-Западный фронты. 14 мая Западный перешел в наступление и остановил поляков, вынудив их взять резервы с украинской территории. На Юго-Западный фронт с Северного Кавказа была переброшена Первая конная армия, которая нанесла удар по тылам противника. 12 июня был освобожден Киев, 11 июля — Минск, 14 июля — Вильно, 17 июля — Лида, 19 июля — Гродно и Барановичи. В Москве на заседании II конгресса Коминтерна было заявлено о революционной войне, «чтобы вся Европа стала советской». В приказе командующего Западным фронтом М. Н. Тухачевского прозвучало: «Вперед на Запад! На Варшаву! На Берлин! На штыках мы принесем трудящемуся человечеству счастье и мир!»

6 июня Врангель, руководствуясь директивой французам, начал наступление в Северной Таврии, имея задачей удар в тыл советскому Юго-Западному фронту.

В июле советское руководство приняло нереалистичный план — занять Варшаву до 12 августа. Было отвергнуто предложение Англии («нота Керзона»)

о мире. Ленин считал, что «следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии», советизировать Венгрию, Чехию и Румынию.

Занимаемые белыми позиции были ненадежны: летом Сиваш сильно мелел, и можно было обойти позиции белых вброд. Надо было выдвинуться вперед, занять выходы из Сальковского и Перекопского дефи́ле. Так и начиналось это русское государство в Крыму: защищались от измены англичан, искали связей с французами, планировали военную операцию и обеспечивали возможную эвакуацию. Впрочем, это только внешние действия, очерчивающие некий силовой круг внутренней жизни, жизни в совсем маленькой осажденной крепости.

В полках подтягивали дисциплину, карали пьянство и дебоши. Восстанавливались воинская этика и мораль. Но при этом, понимая всю тяжесть поставленных задач, новый главнокомандующий приказал готовить флот к возможной эвакуации, чтобы избежать повторения ужасов Новороссийска.

Затем он обратился за поддержкой к двум столпам национальной России — бывшему министру земледелия в правительстве Столыпина А. В. Кривошеину и академику П. Б. Струве, на которого возложил руководство управлением международных сношений. Он уповал на сподвижника Столыпина и не ошибся: Кривошеин ясно осознавал необходимость учитывать новые обстоятельства истории, не закрывать глаза на то, что революция произошла. До Врангеля и Кривошеина с революцией только боролись, не признавая ее.

В заявлении для печати главнокомандующий четко обрисовал перспективы: «Создание для населения Юга России, занятого моими войсками, такого правопорядка, при котором население могло бы быть удовлетворено в

своих чаяниях возможно шире — вот основные задачи власти.

Мною намечен целый ряд мер, чтобы наибольшее количество земли могло бы быть использовано на правах частной собственности теми, кто в эту землю вложил свой труд. Мелкому крестьянину-собственнику принадлежит сельскохозяйственная будущность России, крупное землевладение отжило свой век... Не триумфальным шествием из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа»^[416].

Прозвучала столыпинская идея: ставить на крестьянина-собственника, видеть в нем опору государственности. Деникинское «непредрешенчество» закончилось. Врангель отказывался от особой, «добровольческой» политики, считал, что она разделила противобольшевистский фронт, поссорила с другими антибольшевистскими силами — Грузией, Украиной, Азербайджаном, едва не привела к борьбе с казаками, которые составляли половину белой армии. По сути Врангель совершал кардинальную реформу, занимаясь, как выразился один из руководителей крымского земства В. А. Оболенский, «перестройкой всего государственного строя на новой социальной базе».

Деникинский период уходил в прошлое. «С этим знаменем было легко умирать, — и добровольцы это доказали, — но победить было трудно... Мы предлагали умирать за Родину, народ вождедел землю. Отсюда большая народность даже Махновщины с лозунгом — „За землю, за мужиков, против большевиков, буржуев, помещиков“, и ненародность Добровольчества с нашей „Единой и Неделимой“»^[417].

В это время преследуемый чекистами Шульгин решился на отчаянный шаг — на купленной у рыбаков шлюпке дойти до крымского острова Тендра. Под носом у пограничной стражи на маленькой четырехвесельной лодке Шульгин, оба его сына и сотрудница «Азбуки» Ирина преодолели 70-верстный путь.

Когда погоня отстала, сыновья от радости запели. И что запели? Это был имперский гимн «Боже, царя храни...». Море спокойно внимало душевному порыву юношей.

На острове Тендра был пост, беглецов допросили и направили к командующему белым флотом адмиралу Саблину на яхту «Лукулл». На ней они и прибыли в Севастополь.

Шульгина встретили как вернувшегося с того света. На дверях одного дома он прочел табличку «Редакция „Великой России“. Основана В. В. Шульгиным».

Потом — особняк, у которого стояли казаки конвоя, Ставка Верховного главнокомандующего Врангеля. После добровольного ухода Деникина он встал во главе армии.

В приемной Шульгин встретил многих знакомых — вот генерал Драгомиров, вот Кривошеин — помощник Врангеля по гражданской части, премьер-министр, вот академик Струве...

«Отворяется дверь, и на пороге появляется высокая фигура того, кого со злости большевики называют „крымским ханом“...»

Врангель рассказал о своих планах:

«Когда я принял командование, дело было очень безнадежно... Но я хотел хоть остановить это позорище, это безобразие, которое происходило... Уйти, но хоть, по крайней мере, с честью... И спасти, наконец, то, что можно... Словом, прекратить кабак...

Я добиваюсь, чтобы в Крыму, чтобы хоть на этом клочке, сделать жизнь возможной... Ну, словом, чтобы,

так сказать, — показать остальной России... вот у вас там коммунизм, то есть голод и Чрезвычайка, а здесь: идет земельная реформа, вводится волостное земство, заводится порядок и возможная свобода... Никто тебя не душит, никто тебя не мучает — живи, как жилось...

Я стою за свободную торговлю. Надоели мне эти крики про дороговизну смертельно. Публика требует, чтобы я ввел твердые цены. Вздор. Это попробовано, от твердых цен цены только растут. Я иду другим путем, правительство выступает как крупный конкурент, выбрасывая на рынок много дешевого хлеба. Этим я понижаю цены. И хлеб у меня, сравнительно с другими предметами, не дорог. А это главное...

Я себе представляю Россию в виде целого ряда областей, которым будут предоставлены широкие права. Начало этому — волостное земство, которое я ввожу в Крыму. Потом из волостных земств надо строить уездные, а из уездного земства — областные собрания...

Когда области устроятся, тогда вот от этих самых волостных или уездных собраний будут посланы представители в какое-то Общероссийское Собрание, вот оно и решит...»^[418]

Шульгин глухо упоминает о том, что задал генералу какие-то «секретные» вопросы.

Наверное, о восстановлении монархии и о возможной коронации Врангеля.

В глазах Василия Витальевича династия Романовых уже утратила волевой импульс, необходимый для управления Россией, а Врангель был подобен легендарному Рюрику...

Но монархия была жизненно необходима! Если эта догадка верна, то генерал утвердительно ответил на вопрос о монархии и отрицательно — о своей персоне.

После встречи с Врангелем Шульгин долго разговаривал с Кривошеиным. Из раскрытого окна была видна бухта, блестело море, соратник Столыпина говорил о чуде — о возрождении армии на этом клочке суши. («И что бы ни случилось, я всегда буду считать это чудом...») Конечно, в России чудеса бывают, хоть и не каждый день, но бывают; ведь, как говорил фельдмаршал Миних, она напрямую управляется самим Господом Богом.

Надо сидеть в Крыму и ждать. Пусть это будет маленькая Россия, где людям живется лучше, чем в большой. Поэтому Кривошеин торопится провести земельную реформу, отдать землю мужикам, ввести волостное земство, чтобы они самоуправлялись на своей земле...

Но как мешает бедность! Материальная и культурная. И мало толковых администраторов. Всего мало.

Кривошеин разволновался: «Трагедия наша в том, что у нас невыносимые соотношения бюджетов военного и гражданского. Если бы мы не вели войны и были просто маленьким государством, под названием Таврия, то у нас концы сходились бы. Нормальные расходы у нас очень небольшие. Нас истощает война. Армия, которую мы содержим, совершенно непосильна для этого клочка земли. И вот причина, почему нам надо периодически, хотя бы набегам, вырываться...» ^[419]

Врангелевскому Крыму, казалось бы, повезло: правительство Франции признало Врангеля «правителем Юга России» и обещало вооружить его армию.

Взамен российская сторона признала «...все обязательства России и ее городов по отношению к Франции с приоритетом и уплатой процентов на

проценты». Долги должны были выплачиваться в течение 35 лет исходя из ставки в 6,5 процента годовых. Выплата эта должна была гарантироваться предоставлением Франции в эксплуатацию всех железных дорог Европейской России, предоставлением всего экспортируемого с Украины и Кубани зерна, $\frac{3}{4}$ добычи нефти и бензина, $\frac{1}{4}$ добытого в Донбассе угля, права на взимание таможенных и портовых сборов во всех портах Черного и Азовского морей. Особым пунктом оговаривалось, что «...при русских министерствах финансов, торговли и промышленности в будущем учреждаются французские финансовые и коммерческие канцелярии»^[420].

То есть экономика бралась под контроль Парижа. Но пришлось согласиться, выбора не было. Благодаря личному знакомству П. Б. Струве с Петі, начальником канцелярии французского премьер-министра Мильерана, женатого на русской Софье Григорьевне Балаховской, удалось добиться хоть такого соглашения.

И этот договор в Крыму считали спасительным, ибо он оставлял надежду.

Уже после окончания Гражданской войны летописцы Белого движения с горечью отмечали, что союзники были «...вовсе не намерены оказать бескорыстную помощь России... В Закавказье Англия покровительствовала независимой Грузии и не допускала Добровольческих войск для занятия Баку. На севере генерал Марш предал армию генерала Юденича и поддержал образование независимых Латвии и Эстонии»^[421].

Какими наивными людьми оказались белогвардейцы!

К тому же Врангелю пришлось заключать соглашение с Петлюрой, признавать независимость Украины во внутреннем устройстве (подобно казачьим

областям), заключать договор с украинской армией о взаимодействии против большевиков под эгидой французского командования. При Деникине такое было бы немыслимым^[422].

Выходит, Врангель переступил невидимую запретную черту? Но это не так.

В. А. Маклаков, побывавший в Крыму у Врангеля, написал Б. А. Бахметеву 21 октября 1920 года: «Врангеля я раньше не знал; это человек очень колоритный и живая противоположность Деникина. Врангель представляет любопытный тип человека, который делает совершенно новое дело, работает совершенно новыми для себя приемами и еще не успел в этом новом деле ни усомниться, ни разочароваться. Я не буду говорить о нем как о военном, слышал от всех, что здесь у него значительные дарования и глазомер, быстрота и натиск, большое воображение со столь же большой осторожностью, смелость и решительность и легендарная осторожность. Вот те своеобразные качества, которые внушают к нему большое доверие. Он настоящий военный, любит военное дело и, в сущности, конечно, предпочел бы заниматься только им. Судьба заставила его быть политиком, и в этой новой для него роли политического деятеля во время революции он сумел довольно быстро разобраться и найти подходящий курс; он нашел его, вероятно, также отчасти интуитивным путем, отчасти тем применением здравого смысла, в котором Наполеон видел весь смысл военного гения. Он оценил имеющиеся в его распоряжении средства, наличные возможности и, оставляя в стороне всякие симпатии и антипатии, сознательно и без всякого зубовного скрежета, не насилуя себя и не притворяясь, пользуется всеми средствами для достижения поставленной им цели. Как военному приходится пользоваться и солдатами, и

шпионами, и народными восстаниями, и ядовитыми газами, всем, всем, что может ему помочь, так и Врангель в своей политической задаче также спокойно пользуется всем тем, что может оказаться полезным для главной цели: избавить Россию от большевизма. В этом отношении спор может быть с ним только об одном — о вопросе факта, что может быть полезно и что вредно, никогда о вопросах симпатии...

Совершенно искренне готов использовать всякого — буквально всякого, кто ему покажется полезным и на том месте, которое он считает для него подходящим.

...Когда я подумаю, сколько труда нам [надо] было, чтобы заставить принять наше постановление 9-го марта, примирить с идеей федерализма, то меня невольно поражает та легкость, с которой Врангель был бы готов, если нужно, признать сейчас независимость любой национальности, войти в соглашение с Петлюрой и Махно, прислать своим представителем в Варшаву Савинкова и, как я сам был свидетелем, предложить на место управляющего прессой еврея Пасманика. Все это он делает без малейшего усилия над собой, с той простотой, с которой действуют убежденные люди. А у него это не столько убеждение, сколько военная привычка использовать сразу все возможности» ^[423].

Между строк этого письма можно прочесть, почему Врангель не предложил Шульгину войти в его правительство. Тот был слишком принципиальным «антиукраинцем», что могло явно озлобить Петлюру и Махно.

Спустя три дня после встречи с Кривошеиным, у которого воевали четыре сына и двое из них погибли, Шульгин провожал Лялю в полк, на войну.

Он сидел с сыновьями на Приморском бульваре, что-то говорил, и дети что-то отвечали, смотрели на проходящих красивых женщин и мужчин в светлых

одеждах с загорелыми лицами. Потом он напишет об этих минутах: «Все слабое вымерло в ужасах гражданской войны, остались самые сильные и выносливые».

Сыновья хмуро глядели на яркую толпу, она им не нравилась. Они не забыли гибели Василида, Ледяного похода, стесселиады, смерти товарищей, своих обмороженных ног, бегства от одесских чекистов. Через день-другой один из них снова будет воевать...

Их настроение передавалось отцу.

Да, нельзя предаваться неге. Там, за узким бутылочным горлышком Перекопа, не прекращается война Русской армии Врангеля с Красной армией.

Василий Витальевич и Димка попрощались с Лялей. Навсегда.

Теперь с ним остался пятнадцатилетний Дмитрий, который вскоре поступит в Морской кадетский корпус и пойдет своей не прямой дорогой. Екатерина Григорьевна находилась в Одессе, о ней ничего не было известно.

То, что произошло дальше, похоже на приключенческий роман. 42-летний Шульгин по собственной воле решил участвовать в безнадежном деле, из которого не должен был выйти живым. Может быть, у него был один шанс из ста, и то едва ли.

Как ни странно, у Василия Витальевича в Севастополе не нашлось никаких значительных дел. Газета? К журналистской работе его не тянуло, написал всего две статьи и больше не захотел. Вообще, здесь почти все газеты были левыми, как и городское самоуправление. Единственной качественной газетой была «Великая Россия». Прибывший в Севастополь старый товарищ Шульгина еще по Думе Никанор Васильевич Савич отмечал, что кадетская пресса «...десятками лет была в оппозиции и не могла сразу

переменить свои привычки. Все время оттенялись лишь слабые места, лишь ошибки, только промахи»^[424].

К тому же Врангель упразднил деникинский малоэффективный ОСВАГ, а «все дела о печати» передал в ведение начальника гражданского управления: «Пусть судят власть по ее действиям». При этом пропаганду населения стали вести (неумело) штабные офицеры дивизий и корпусов.

Впрочем, всё решалось не в редакциях, а на полях Таврии и под Каховкой.

Шульгин продолжил попытки спасти Филиппа Могилянського и попросил Врангеля не расстреливать одного большевика, уличенного в шпионаже. От своего имени Василий Витальевич отправил радиogramму: «Через председателя Одесской Чрезвычайной Комиссии председателю Совнаркома Украины Раковскому.

„В Севастополе военным судом приговорен к смертной казни такой-то. Предлагаю обмен на арестованного Одесской Чрезвычайной Комиссией такого-то. В случае согласия об условиях телеграфировать туда-то. Подпись“».

Радиogramма была принята, и Шульгин с надеждой ждал ответа. Прошел день, другой, третий. Ответа все не было. («Потом напряжение стало спадать и, наконец, надежда погасла, Тогда я решил действовать другим путем...»)

Его решимость действовать напролом подстегнула встреча с Леной, женой Филиппа. Она добралась в Севастополь морем из Варны, нашла Василия Витальевича на пароходе «Рион», где ему была выделена каюта, и стала расспрашивать о муже. А что он мог сказать? («Всю ночь она билась у меня в руках... Ах, проклятый мир — ты слишком жесток...»)

На следующий день Шульгин и Владимир Лазаревский, тоже его племянник, перешли на другой

пароход, который должен был идти на Тендру. С небольшими затруднениями (офицерам-пассажирам и Шульгину пришлось погрузить на борт дрова) дошли до острова.

На Тендре ждало новое приключение, определившее впоследствии всю жизнь нашего героя.

Сидя в уютном кожаном кресле в кают-компании крейсера «Корнилов», Шульгин сквозь раскрытые двери услышал, как один молоденький офицер рассказывал о двух задержанных большевистских разведчиках, которых здесь, на маяке, признали «шпионами и жидами»: «Разрешите доложить... Он уже сознался, что он жид... Я думаю, что его надо бы пороть до тех пор, пока он ее не выдаст. Она тоже шпионка — это ясно...»

Шульгин вышел на мостик. Вдоль борта крейсера медленно двигалась рыбацкая шаланда, на корме сидела загорелая молодая женщина в красной косынке — шпионка.

Шаланда пришвартовалась к небольшому пароходу «Скиф».

Шульгину стало любопытно. Во-первых, неужели это шпионка? Если да, то у нее можно выведать какие-нибудь сведения.

В его незамысловатом описании можно между строк уловить, что она ему понравилась.

«Она сидела за столом в маленькой кают-компании „Скифа“ и с аппетитом кушала жареного поросенка... Видно, голодная...

Я извинился и подошел к столу. Она встала, и так мы остались стоять... Это было молодое существо... сильно загорелое, с выразительными губами... еще жирными от поросенка...»

Определенно понравилась!

Она была напугана, глядела с надеждой и вдруг спросила: «Вы не редактор „Киевлянина“?»

И оказалось, что еще в 1917 году она с сестрой дарила ему букет, а эта ее сестра в Одессе (вдруг вспомнилось!) недавно помогла Шульгину в «азбучных» делах. Это была дочь генерал-майора Мария Седельникова.

В это время из Севастополя пришла радиограмма, подтверждавшая «шпионство» Марии Седельниковой. Если бы не Шульгин, ее бы расстреляли. Спустя много лет она рассказала о своем белогвардейском прошлом Николаю Брауну, добровольному помощнику престарелого Шульгина, который передал ее историю так: «Мария Дмитриевна была пулеметчицей у Корнилова и Врангеля. Интересно, что когда она пришла записываться в Добрармию к генералу Алексееву, то спросила: „Из какого оружия можно больше убить большевиков?“ Ей ответили: „Девушка, вы так молоды! Идите домой! Это не то, чем вам надо заниматься в жизни“. — „Я хочу защищать Россию!“ И тогда, иронизируя, ей сказали: „Из пулемета, конечно“. Она поняла это буквально. Пулеметчицей Мария Дмитриевна прошла всю Гражданскую войну»^[425].

Не случайно Василия Витальевича однажды называли «реакционным романтиком», его романтизм (называйте это как угодно) выразился и в попытке освободить Филиппа Могилевского. Попытка не удалась. Сначала на шлюпке офицерская команда Шульгина высадилась вблизи Одессы для разведки, затем во второй фазе операции, когда он должен был забрать своих людей, разыгралась буря, едва не потопившая утлое суденышко. На допросе в 1945 году он про Одесскую ЧК благоразумно не говорил. «При содействии Врангеля я из Севастополя снова выехал на остров Тендра и оттуда пытался принять меры к вывозу из Одессы жены и других родственников. В связи с тем, что поездку за женой я предпринял на шаланде, она окончилась

серьезной неудачей. Разыгравшимся штормом шаланда была выброшена на румынский берег, и в Одессу я не попал. С этого момента началась моя эмиграция»^[426].

Глава тридцать первая

Начало эмиграции: Константинополь, Галлиполи. — Поиски сына. — Врангель пытается объединить всю эмиграцию. — Поразительный прогноз Маклакова. — Русский совет против Совета послов

В ноябре 1920 года Русская армия генерала Врангеля, свыше 143 тысяч человек на 126 судах, в организованном порядке эвакуировалась из Крыма в Турцию. Среди них было много разных людей — и знатных, и незнатных.

Мы обратим внимание на символическую фигуру — это генерал-майор Петр Никитич Буров (1872–1954), потомок Ивана Сусанина по женской линии. Имя Ивана Сусанина было легендарным в Российской империи, означало неразрывную связь Романовской династии с народом. Теперь эта связь лопнула.

Петр Никитич окончил Николаевскую академию Генерального штаба, служил в Туркестане, Персии, Хиве, Бухаре, Афганистане. Участвовал в Русско-японской войне, являлся командиром 37-го пехотного Екатеринбургского полка, был тяжело ранен. Среди его наград — орден Святого Георгия и Георгиевское оружие. В Первой мировой командовал дивизией, служил начальником штаба 5-го армейского корпуса, начальником штаба Особой армии. В 1918 году был мобилизован в Красную армию, бежал к генералу Деникину. В Галлиполи являлся начальником Александровского военного училища. В 1922 году, после эвакуации Русской армии из Турции, в Свищеве (Болгария) на него было совершено покушение: ранен ножом в руку и бок. В 1925 году переехал во Францию в

город Нильванш, был участником строительства православного храма, Русского дома, школы и библиотеки. Член Русского общевойинского союза и Общества галлиполийцев. Умер в 1954 году в американском Балтиморе^[427]. (Эти сведения в 1990 году сообщила автору вдова генерала Нина Федоровна Бурова, подарив свою книгу.)

Шульгину после Румынии путь в Россию уже был закрыт. В декабре 1920 года он направился в Константинополь, который в это время был наводнен русскими беженцами.

По существу Гражданская война закончилась, и всем белым надо было искать новый путь для дальнейшего существования. Но о каком новом пути можно было думать, если вся их жизнь осталась там и ее крушение невозможно было признать?

1-я армия под командованием Кутепова была свернута в корпус и размещена на Галлиполийском полуострове, протянувшемся с севера на юг узкой полосой в 90 километров вдоль европейского берега пролива Дарданеллы, казаки — в лагерях возле селения Чаталджа и на острове Лемнос. Корабли Черноморского флота французы реквизировали в счет своих затрат и направили в тунисский порт Бизерта. Туда же был вывезен Морской кадетский корпус, в котором находился и Дмитрий Шульгин. А где был Вениамин — неизвестно.

Теперь белая армия становилась никому не нужной и даже опасной своей непредсказуемостью.

Врангеля к войскам не допускали. 8 декабря 1920 года в интервью газете «Сегодня» он высказал неприемлемую для союзников позицию: «Никогда не соглашусь играть роль Петлюры или Скоропадского». Армия должна была сохраниться «как ядро будущей русской армии».

Прибыв в Константинополь, Шульгин нашел многих своих знакомых и соратников. Но где Вениамин? Никто не знал. И тогда он направился в Галлиполи, к генералу Кутепову.

О легендарном Галлиполийском лагере надо сказать особо.

В конце ноября под мерную дробь барабанов войска высаживались с кораблей на пристань полуразрушенного после бомбардировок английского флота в 1915 году городка Галлиполи. Горнисты играли «сбор». Солдаты и офицеры в коротких английских шинелях шли под дождем. Их сопровождали французские солдаты, чернокожие сенегальцы. Картина была печальная. В Галлиполи высадилось 28 183 человека, среди них были женщины и дети. Вначале войска устроились в двух длинных сараях на окраине городка. Вместо крыш над головой — небо. Это временное пристанище угнетало еще больше, чем бездомность. Городок превратился в толкучку. Бродили хмурые люди в шинелях, собирали щепки для костров и продавали на базаре разные вещи. Чести старшим не отдавали, считая армию мертвой. Еще несколько дней, и от армейской организации останется враждебная всем толпа. Всё дозволено! Этот хаос безначалия расползлся даже в штабах, где из-за недавней реорганизации большинство начальников не знали своих новых подчиненных, а многие офицеры потеряли свои должности и стали рядовыми.

Кутепов был единственным, кто мог что-то изменить. Он видел всё: и тифозных больных, и ослабевших женщин с детьми, и развалившиеся сапоги солдат. Надо было поскорее построить лагерь, чтобы защититься от дождя и ветра. Но строительство должно было основываться на чем-то понятном для всех, а не только на одной мысли спасти собственный живот.

Самоспасение было прямой дорогой к полному разложению, когда из-за кружки воды можно было идти прямо по головам больных и ослабевших.

Кутепов строил не поселок беженцев, а военный лагерь по российской военной традиции. У него в руках было только одно сильнодействующее средство: требование полного подчинения воинскому порядку. Он написал в приказе:

«Для поддержания на должной высоте доброго имени и славы русского офицера и солдата, что особенно необходимо на чужой земле, приказываю начальникам тщательно и точно следить за выполнением всех требований воинской дисциплины. Предупреждаю, что я буду строго взыскивать за малейшее упущение по службе и беспощадно предавать суду всех нарушителей правил благопристойности и воинского приличия».

Кутепов заявлял этим, что не отпускает их души, что он не даст им разложиться, как бы они ни хотели уйти, уползти из-под тяжелой длани долга.

Какие у него были средства? Гауптвахта в старой генуэзской башне, куда сажали под арест, а также наказания, определяемые уставом внутренней службы, военно-полевой суд. Все это — принуждение. Но как мало одного принуждения для того, чтобы влить в безвольную человеческую массу духовную силу! Особенно у русских, для которых ругать начальство всегда было одним из привычных способов самовыражения. Усилия Кутепова воспринимались большинством с недовольством, как игра в солдатики. У него было только одно безотказное средство — собственная воля и нравственная сила. С утра он обходил Галлиполи и лагерь, следил за работой, налаживал ее, поддерживал дух работавших. Он всегда был подтянут, тщательно одет и уверен в себе, будто за

ним был не корпус эмигрантов, а его родной Преображенский полк.

Да, дух был не сломен. Вскоре после перебазирования в Галлиполи сенегальский патруль арестовал двоих русских офицеров за то, что они шли по базару и громко пели. При аресте офицеры сопротивлялись, их избили прикладами до крови. Комендант лагеря и начальник штаба корпуса генерал-лейтенант Б. А. Штейфон, как только узнал об этом, тотчас явился к французскому коменданту и потребовал освободить офицеров. Майор Вейлер отказал и вызвал караул, подкрепляя свой отказ. Тогда Штейфон вызвал две роты юнкеров Константиновского военного училища и двинул их на комендатуру. Сенегальцы разбежались, бросив два пулемета. Юнкера освободили товарищей из заточения, и с тех пор французы перестали высылать свои патрули в город.

Юнкера, когда проходили строем мимо французской комендатуры, весело выдавали песню на стихи поручика Михаила Лермонтова:

Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана...

Лагерь строился по правилам устава внутренней службы. Ставились полковые палатки, полковые церкви, грибки для знамен и часовых, линейки украшались песком и камнями. Перед каждой воинской частью из дерна и песка выкладывали двуглавого орла.

Трое суток ставили палатки, ночуя под открытым небом. Поставили палатки, вырыли землянки, сложили очаги из камней и кирпичей. Устроились. Упали на землю, не боясь ни простудиться, ни отойти в мир иной. Но Кутепов снова поднял, приказав каждому построить

себе койку и набить матрас морскими водорослями или сухой травой. Он не давал ни времени для самокопания, ни права болеть.

День начинался в 6 часов утра призывом трубы. Все бежали к колодцам, умывались ледяной водой, затем — назад, надевали шинели и строились на линейку. «Смирно! Равнение налево!», «Господа офицеры!», «Здорово, молодцы!» Горнист играет «На молитву», и через минуту все поют молитву. По окончании — в наряды: собирать вереск для походной кухни, рыть ямы для нужников, нести из Галлиполи мешки с хлебом и крупой. В 14 часов — учение, долгое и утомительное. В 17 часов — обед, потом снова учения и караулы. В 19 часов — вечерняя молитва. И после наступал желанный отдых.

В конце ноября произошло событие, еще более отягчившее положение русских. Премьер-министр Франции Ж. Лейг заявил в парламенте, что склонен разрешить торговлю с Советской Россией, а после поражения генерала Врангеля Франция считает себя свободной от всяких обязательств и только по гуманным соображениям будет поддерживать эвакуированных солдат.

Французы, не располагавшие, впрочем, большими интендантскими запасами, обеспечивали русских скудным питанием и всячески подчеркивали их зависимость.

Постепенно приспосабливались к лагерной жизни, подчинившись суровому командиру корпуса. При церквях создавались певческие хоры. В воскресенье и праздники посещение службы было обязательным для всех. Обязательно! — вот, пожалуй, тот безжалостный принцип, которому следовал Кутепов. Для солдат Гражданской войны с психологией добровольчества это было открытым возвращением к дореволюционным порядкам.

Но когда пел молитвы лучший в корпусе хор Корниловского ударного полка, регентом которого был капитан Симеон Дмитриевич Игнатьев, сжимались сердца и глаза наполнялись слезами.

Как объяснить феномен Галлиполи? Здесь находилась отборная молодежь Российской империи.

«Из всего состава Галлиполийской армии 50 % офицеров, остальные 50 % — в огромном большинстве — солдаты из русских интеллигентов.

Студенты, учащиеся старших классов средних школ, ушедшие разновременно в эпоху гражданской войны за идею Великой России в ряды Добровольческой армии, адвокаты, инженеры, агрономы и т. д. Есть полки, где из солдатской массы более 70 % людей с высшим образованием или средним»^[428].

Итак, Шульгин прибыл в Галлиполи.

В комендатуре он узнал, как пройти в лагерь и по глинистой тропинке прошел шесть верст в направлении невысоких гор. В долине увидел белые домики, это были палатки Корниловского, Алексеевского, Марковского, Дроздовского полков и кавалеристов. В центре каждого полка в особой полуоткрытой палатке стояли знамена под охраной часовых.

С замиранием сердца Василий Витальевич стал расспрашивать офицеров, не знают ли они, где Вениамин Шульгин.

Ему отвечали: «В числе наличных нет».

Но вот нашел одного офицера...

Марковская дивизия была одной из самых надежных частей Добровольческой армии и понесла тяжелые потери. 29 октября во время отступления из Таврии марковцы шли последними.

«Там мне удалось разыскать поручика, который был командиром моего сына, служившего у него в

пулеметной команде, в звании вольноопределяющегося. Этот офицер рассказал мне следующее:

— Мы отступали последние — третий Марковский полк. Южнее Джанкоя, у Курман-Кемельчи, вышла неувязка. Части перепутались. Давили друг на друга. Словом, вышла остановка. Буденновцы нажали. Тут пошли уходить, кто как может. У нас, в пулеметной команде, было две тачанки. На первой тачанке был я с первым пулеметом. На второй тачанке был второй пулемет, и ваш сын был при нем. Когда буденновцы нажали, пошли вскачь. Наша тачанка ушла. А вторая тачанка не смогла. У них одна лошадь пала. Когда я обернулся, я видел в степи, что тачанка стоит и что буденновцы близко от них. В это время пулеметная прислуга, насколько видно было, стала разбегаться. Должно быть, и ваш сын среди них... Вот все. Больше ничего не могу сказать. Это было 29 октября.

Этот рассказ при всей его неутешительности все же не отнимал надежду до конца. Было четыре возможности:

1) убили, 2) просто взяли в плен, 3) ранили и взяли в плен, 4) взяли в плен и расстреляли.

Естественно, что с того дня, как я выслушал рассказ поручика, моя мысль неуклонно возвращалась к следующему: надо как-то пробраться в Крым и узнать, что же случилось. Если жив, вытащить, помочь. Если убит, по крайней мере, знать это наверное»^[429].

Шульгин прожил в лагере неделю, скорбя и вглядываясь в новую реальность. Многие открывалось ему по-новому. Он наблюдал зарождение какого-то русского военного ордена.

Орден выражался в сильной, почти религиозной тяге к абсолютному идеалу. В центре лагеря всем были

видны выложенные белыми камнями слова: «Только смерть может избавить тебя от исполнения долга».

Когда они молились в семи построенных палаточных церквях, пели хором, обучались на разных технических курсах, штудировали науки, занимались спортом и даже разыгрывали Кубок по футболу — они отвергали серую действительность и жили возвышенным духом. Они обыграли на футбольном поле английских моряков в Сан-Стефано со счетом 2:0, причем соперники психологически сломались и покинули поле за 20 минут до конца матча. Они заслушивались русскими песнями Надежды Плевицкой, которая приехала в лагерь и стала женой генерала Николая Скоблина, командира корниловцев. Они поняли о себе что-то поразительно важное, поняли свою особенность.

Вот каким был русский лагерь в Галлиполи, прозванный злыми языками Кутепией.

Но неверно считать, будто там находились люди одних политических взглядов. Так, в ночь на Рождество 1920 года группа молодых офицеров-дроздовцев (Дроздовский полк был одним из самых героических) услышала гимн «Боже, царя храни!», доносившийся издалека от палаток Технического полка. Дроздовцы недолго думая дали из своих винтовок залп в ту сторону. Эти юноши, умевшие под марши военного оркестра идти на пулеметы, были демократами, царский гимн им претил. Но с такими разными настроениями войн не выигрывают. Думается, читатель не забыл, как церковные иерархи не стали спасать отрекшегося императора.

Поэтому диктатура Кутепова стянула в кулак все «растопыренные пальцы».

У Шульгина часто спрашивали: «Что же будет теперь?»

Он дал ответ в статьях, напечатанных в издаваемом в Константинополе его старыми товарищами журнале

«Зарницы»:

«Если мы белые по существу, рано или поздно Россия — наша... Если мы только „крашенные“, — то хотя бы мы взяли Кремль, нам его не удержать: облезлых, грязно-серых нас выгонят оттуда через короткое время.

Будущее русское государство не может существовать *без настоящей армии*. Настоящая же армия во всех странах мира базируется на известной минимальной нравственности. Нельзя носить кокарду и быть хулиганом. Нельзя... Ибо неминуемо армия превратится в бандитов, а на бандитах власть удержаться не может.

Если путем временной потери всей русской территории мы купили это „сознание“, то продешевили мы или нет, — об этом еще судьба не сказала своего последнего слова. Потому что в тех мыслях и чувствах, которые мы сейчас переживаем, в той психологии, которая сейчас в нас зреет, — будущность России...

С этой точки зрения и надо смотреть на 1920 год».

В редакции «Зарниц» кто-то приколот к стене текст стихотворения Федора Тютчева.

Москва и град Петров, и Константинов град —
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы —
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...

Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не пройдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.
«И не пройдет вовек...»

Как это отзывалось в душе русского монархиста!

Политический журнал «Зарницы» выпускали без разрешения и предварительной цензуры французской администрации под видом литературного альманаха. Постоянными сотрудниками были известные писатели и журналисты Аркадий Аверченко, сам Шульгин, Иван Сургучев, Евгений Чириков, Борис Лазаревский, В. М. Левитский и др.

Старый шульгинский сотрудник по «Великой России» Валерий Левитский опубликовал статью «Наш долг»: «Плохо живут русские в Константинополе. Хуже, чем где-либо. Ютятся по трущобам окраин, по лагерям и предместьям. В поисках за куском хлеба не брезгают ничем.

Среди них так много молодежи. У большинства семьи разбиты или остались у красных. Средств никаких. На вид неказисты. Но присмотритесь внимательно: не унывают. Жива русская душа. Голова не переставала работать, по-прежнему отзывчиво усталое сердце. В среде молодежи происходит любопытнейший процесс. Боятся опуститься. Из последних сил стремятся к свету. В общежитиях, ночлежках, по палаткам лагерей страшная жажда духовной пищи. Не все, конечно, но многие ценят газету и книгу наравне с куском хлеба. Не прочь отказаться ради них от самого необходимого. При первой возможности учатся, стараются наверстать потерянное за войну время.

...Молодые силы ведь это все, что осталось у честной России. На их плечи пала непосильная тяжесть многолетней борьбы. Не многие остались в живых. Теперь эти юноши, начавшие воевать еще детьми, выброшены в чужой стране, среди разлагающейся трактирной грязи. Часть борется с окружающей пошлостью и готова работать над собой. Это самые

нужные люди. Все, что осталось культурного, должно им протянуть руку помощи. Это наш долг...

Среди молодежи есть и, конечно, будут и правые, и левые. Многие уже и теперь по-разному смотрят на будущее России, на разрешение основных проблем русской жизни. Но сейчас всех начинает объединять сознание национального единства. Все хотят быть русскими... Валерий Левитский».

«Зарницы» явились маленькой культурной отдушиной, но после выпуска второго номера французы запретили издание. Тогда выпуск перенесли в Софию, а оттуда отпечатанный тираж на поезде доставлялся в Константинополь, Галлиполи, Чаталджи, на Лемнос, контрагентам и подписчикам.

Размышляя о будущем, Шульгин пришел к обнадеживающей мысли: когда Красная армия дойдет до границ других государств, «это и будут естественные границы Будущей России... Интернационал смоемся, а границы останутся» ^[430].

Ему было 43 года, еще предстояло прожить десятки лет и убедиться в собственной правоте. «Интернационал смылся», Советский Союз стал великой державой, только Шульгину это едва ли прибавило личного счастья.

Побывав в Галлиполи и установив там связи, Василий Витальевич вернулся в Константинополь. Он жил полуголодной жизнью в какой-то случайной квартире, как и все. Тут нечего было жаловаться. Гораздо тяжелее было сознавать, что наступил конец всем надеждам. Конец всем надеждам? Не слишком ли сильно сказано? Нет.

Его познакомили со странной женщиной, она была ясновидящей, ее звали Анжелина Васильевна Сакко. Она рассказала ему о пропавшем Вениамине-Ляле: «Самый конец октября двадцатого года... Я вижу степь,

вдали горы... Скачут две повозки. Одна уходит. Другая стала... две лошади... одна упала. С повозки соскакивают люди. Налетают всадники. Проскакали. Возле повозки лежит ваш сын. Он ранен в голову шашкой... Весь в крови... Нога перебита пулей. Вы мужчина... Я вам скажу правду. Бедняжка, он будет у вас калекой...»^[431]

Главное, сын жив. Шульгин был мистиком, он поверил Анжелине. Вот что он услышал о себе: «Сейчас вы находитесь во втором периоде вашей жизни. Бурном и опасном. Бои, болезни, походы, море, бури... Но вода для вас благоприятна. Смерть вам будет грозить постоянно, но вы не умрете»^[432].

Случайно Шульгин встретился со спасенной им на Тендре «шпионкой» Марией Седельниковой, она была обитательницей ветхого дома, в котором жили эмигранты. Их быт был убог и голоден, но преодолевая его, они, жалея, помогали друг другу.

Чтобы ощутить возникшую душевную связь, обратим внимание на такой эпизод из воспоминаний нашего героя. «На этой же квартире происходило однажды чаепитие, которое навсегда осталось у меня в памяти. За маленьким столиком пили чай Муся, Зина и Петр Титыч (полковник Самохвалов, „азбучник“ Око, начальник контрразведки в Русской армии. — С. Р.). А я сидел в стороне, тоже пил чай и слушал их разговор. Они говорили о том, о сем, но мне была ясна вся картина, отчего они говорили так, а не иначе. У Петра Титыча расстреляли дочь в Одессе, и он этого не знал. Зина и Муся это знали. У Зины расстреляли в Киеве ее мужа, полковника Барцевича. Она этого не знала, а Петр Титыч и Муся знали. У Муси расстреляли в Одессе двух любимых сестер, о чем она и не подозревала. А Петр Титыч и Зина знали. И только я, сидевший в стороне, знал все. И наблюдал, как все трое стремились

не показать друг другу, что они знают. Это была истинная трагедия»^[433].

Они ощущали, что у них никого не осталось, кроме тех, кто сейчас рядом.

Шульгин часто отвлекал их от грустных мыслей, брал в руки гитару и пел романсы. Это он тоже умел.

Пел, а его слушали и переживали. Это привело к неожиданной истории: Мария сильно привязалась к нему. В глубокой старости он рассказывал: «Зато Муся Седельникова не могла устоять против искушения гитары. В этом я повинен. Я напрасно урезонивал ее, говоря ей, что я старше ее на двадцать два года и что ношу глубокий траур в сердце, который так и останется. Что я люблю ту, которая умерла, а мертвые всегда побеждают.

Муся ничего не хотела слушать, она думала, что всегда победит живая. В известной мере она была права, но только в известной мере. Когда она формально победила, ее обуяла жгучая ревность к мертвой, которая испортила нашу жизнь. Через много лет это прошло, но уже было поздно, мы состарились, и в конце концов Муся, уже Мария Дмитриевна, умерла. И теперь они в равном положении»^[434].

В начале февраля 1921 года Маклаков направил Шульгину письмо, в котором писал: «В том сумбуре, который сейчас происходит, мне часто не хватало Вас и Вашей головы; так и теперь. Крушение Врангеля было крушением целого мировоззрения, целой надежды на освобождение России путем вооруженной борьбы, теми танками, о которых Вы мне когда-то писали из Екатеринодара. Можно, конечно, надеяться, что произойдут какие-то вне нашей воли стоящие обстоятельства, и эти танки опять станут возможными, при этом, как принято у нас выражаться, в европейском или даже мировом масштабе. Признаюсь, чем больше я

смотрю на то, что делается, я в это верю все меньше и меньше. В мировом масштабе может быть только большевизм, если государства, истощенные войной, не устоят против того экономического кризиса, который на них надвигается. Что государства переживут такую же болезнь, как и мы, конечно, в меньших размерах, в более культурных формах, но такую же передрыгу для цивилизации — это я еще понимаю. Но такая передрыга на время только укрепит большевизм в России, но никак его не ослабит»^[435].

Этот трезвый подход рационально мыслящего шульгинского приятеля для Константинополя был неприемлем. Здесь отказ от борьбы означал дезинтеграцию армии как единственного сплоченного и организованного элемента противобольшевистской борьбы и личную капитуляцию.

За позицией Маклакова стояли недавние важные события, произошедшие в Париже и напрямую касавшиеся Константинополя.

В январе 1921 года российский посол в Риме М. Н. Гирс предложил создать Совет послов для замены Русской политической делегации, неофициального представительства России на Парижской мирной конференции. На первом совещании, в котором приняли участие М. Н. Гирс, В. А. Маклаков (Франция), Б. А. Бахметев (США), Е. В. Саблин (Великобритания), В. Н. Крупенский (Япония), был создан Финансовый совет в составе В. А. Маклакова, князя Г. Е. Львова от Земгора (бывший премьер-министр Временного правительства) и М. В. Бернацкого (директор Финансового управления при генерале Врангеле, отказавшийся от своих полномочий). Эти люди должны были распоряжаться большими средствами, имевшимися на счетах посольств — в основном в США и Японии.

В начале февраля Совет послов постановил:

«1. Армия генерала Врангеля потеряла свое международное значение, и Южно-Русское правительство с оставлением территории естественно прекратило свое существование.

2. Как бы то ни было, желательно сохранение самостоятельной Русской армии с национально-патриотической точки зрения, разрешение этой задачи встречается с непреодолимыми затруднениями финансового характера.

3. Все дело помощи русским беженцам надлежит сосредоточить в ведении какой-либо одной организации. По мнению Совещания, такую объединяющей организацией должен быть Земско-Городской комитет помощи беженцам.

4. Единственным органом, основанным на идее законности и преемственности власти, объединяющим действия отдельных агентов, может явиться Совещание Послов. Вместе с этим указанное совещание, при отсутствии других общерусских учреждений, принуждено взять на себя ответственность за казенные средства и порядок их определения.

5. Принимая во внимание вышесказанное, Совещание формирует Финансовый комитет в Париже под председательством М. Н. Гирса в следующем составе: В. А. Маклаков, князь Г. Е. Львов, М. В. Бернацкий. Ответственным за повседневные дела Финансового комитета объявляется Бернацкий, а в его отсутствие В. И. Новицкий».

Вскоре последовало уточнение: Бахметев и Крупенский сохранили за собой право лично распоряжаться российскими фондами, находившимися в США и Японии.

Парижские решения означали, что Совет послов и Финансовый комитет считают миссию Врангеля как военного и политического руководителя законченной.

Понятно, что Шульгин не согласился с позицией Маклакова:

«Получил Ваше письмо от 9 февраля. Ужасно рад, что Вы меня вспомнили. Но не рад Вашему настроению: оно явно пессимистическое, утомленное. Я не испытываю этого ощущения, вероятно, потому, что тяжелые личные утраты выращивают на мне какую-то буйволовую шкуру, сквозь которую не могут пробиться самые отчаянные на первый взгляд события.

Вы можете считать это своего рода истерией, но все же я должен сказать, что никогда не был так убежден, что Россия займет подобающее ей место, — как сейчас. Это ощущение происходит от всех тех впечатлений, которые я впитал в себя в течение минувшего года. Общий итог этих впечатлений: убеждение в необычайной живучести русского тела, убеждение в том, что процесс жестокого прессования, которому подвергнуты одинаково русские и Белой, и Красной России, — даст в итоге фалангу людей необычайно закаленных, т. е. именно то, чего нам не доставало. Ибо я убежден, что причина всех несчастий была изнеженность руководящего класса, неспособного... нести на себе бремя власти...

Допустим, вещь совершенно недопустимая, что мы никогда уже больше не вернемся в пределы России. И в этом случае нам совершенно необходимо держаться друг друга, как можно тесней для того, чтобы не перестать быть русскими.

Что значит держаться друг друга. Это значит иметь такой центр, к которому мы, русские, находящиеся во всех странах, тяготели и повиновались. Пока такой центр имеется в лице Главнокомандующего, и, я думаю, было бы величайшей ошибкой валить этого бога, пока он стоит. Но было бы такой же непростительной ошибкой не думать теперь же о том, как быть, если бог свалится...

Словом, нам нужно наше эмигрантское правительство, признаваемое всеми державами, и в особенности Лигой Наций, которая, как я думаю, крайне обрадуется этому делу, за неимением другого. Словом, предлагаю Вашему просвещенному уму подумать над проектом персонально-национальной автономии. Заимствую эту идею у моих друзей иудейского вероисповедания, так как сама жизнь принуждает нас испытывать их судьбу. Мой дорогой друг, симпатичнейший Винавер (кажется, он собирался подослать ко мне наемного убийцу за мою статью „Пытка Страхом“ осенью 1919 года), может в этом отношении дать Вам очень полезные фактические указания»^[436].

Маклаков ответил обстоятельным письмом, привел более убедительные доводы о бесперспективности вооруженной борьбы. Более того, он указал, как будет развиваться Советская Россия — от нэпа, концессий западному капиталу к внутриэлитной борьбе в коммунистической партии, борьбе национал-коммунистов (группы Сталина) против интернационалистов (группы Троцкого).

«Пока я могу констатировать одно: мы думаем в совершенно разных плоскостях... И любопытен результат этой разницы: я интересуюсь почти исключительно тем, что делается в России; на эмиграцию вовсе не надеюсь и даже мало ею интересуюсь. А Вы думаете специально об эмиграции, о двух миллионах зарубежной России, которая что-то сделает в будущем и должна что-то делать в настоящем. Каждый надеется на тех, кого не знает. Для меня неясно, что происходит в России, которой я интересуюсь. Сведения, которые оттуда приходят, противоречивы; они сходятся в одном: на „нас“ в России, т. е. на буржуазию и интеллигентов,

рассчитывать не приходится, мы там или деморализованы, или развратились, или погибли, мы ничего не сделаем. Если кто-либо может там что-то сделать, то это „низы“. Вы тоже рассчитываете на стихийные процессы. Да, конечно, они будут и не могут не быть. Я на них тоже рассчитываю. Но если Россия будет спасена стихийным процессом, это будет ужасно; стихийный процесс поведет нас ужасной дорогой и приведет к ужасающим результатам ...в известной стадии разложения России появятся иностранные акулы, которые поймут, что из России можно кое-что вытянуть, что это можно вытягивать не навсегда, а на продолжительное время, и что стоит на это рискнуть; начало такого отношения замечается в Англии в вопросе о торговых сношениях и в концессиях...

Словом, Вы меня понимаете. Все дороги ведут в Рим, и мы выйдем туда, куда хотели прийти. Этот период засилья иностранцев, может быть, будет даже гораздо короче, чем с первого взгляда кажется. Может быть, в борьбе с этими иностранцами создастся тот национальный шовинизм, о котором Вы пишете ...большевики и не будут низвержены; они останутся хозяевами в России; будет преемственность между Россией большевистской и Россией будущей, как была преемственность между революцией и Бонапартом. Не будет морального удовлетворения, что предатели получают возмездие от России. Они поедят друг друга сами, и сам большевизм исцелит большевизм...»^[437] Прогноз был обескураживающий.

Понятно, что Шульгин не внял ему и предпринял всё, что мог, чтобы поддержать генерала Врангеля. Он видел в нем единственного общенационального лидера.

Поэтому понятно, что наш герой без раздумий вошел в Русский совет при главнокомандующем Русской армией генерале П. Н. Врангеле. Совет как прообраз

правительства, объединяющего все политические силы эмиграции (и ответ послам), был создан 5 апреля 1921 года. В него вошли кадеты, октябристы, социал-демократы, прогрессисты, монархисты, военные.

По словам Шульгина, в состав совета «...помимо Врангеля и меня входили: генерал белой армии Шатилов, академик Струве, бывший царский чиновник Щегловитов, профессор-хирург Алексинский, бывший сенатор Чебышев, Львов Н. Н. и ряд других лиц. „Русский совет“ поставил перед собой задачу продолжать борьбу против Советской России и надеялся взорвать Советскую власть изнутри, путем организации вооруженных восстаний» ^[438].

Кроме того, членами совета были генералы А. П. Кутепов, М. А. Фостиков, П. А. Кусонский, бывший товарищ министра земледелия, бывший председатель Дворянского и Крестьянского банков, начальник Церковного управления Особого совещания граф В. В. Мусин-Пушкин, директор гражданской службы при генерале Врангеле А. И. Пильц, член ЦК конституционно-демократической партии князь П. Д. Долгоруков, председатель Союза торговли и промышленности Н. А. Ростовцев, ученый-экономист (будущий теоретик евразийства) П. Н. Савицкий, представитель Союза торговли и промышленности Н. Н. Львов, епископ Вениамин, А. И. Гучков и другие.

По мысли Врангеля, Русский совет должен был заниматься гражданским управлением, всячески способствовать сохранению сил и средств ради возрождения России и для защиты прав и интересов русского населения в изгнании, способствовать сохранению армии.

Совет, в частности, предложил верховному комиссару Франции графу де Мартелю перебросить Русскую армию на Западный «противобольшевистский»

фронт или предоставить ее в распоряжение Международной комиссии по охране Проливов, что не было принято. Французское правительство стремилось поскорее дезинтегрировать уже ненужную белую армию.

В Русском совете Шульгин ничем не проявился, «был слаб и бессодержателен, потерял свою блестящую речь» (Н. В. Савич).

Прогноз Маклакова в отношении «иностранных акул» опирался на знание реальной европейской обстановки. Шульгин и сам имел возможность кое о чем догадываться. Он знал, что у генерала Врангеля установились дружеские отношения с первым секретарем американского посольства в Константинополе Алленом Даллесом (будущим главой Центрального разведывательного управления), который регулярно пользовался двумя радиостанциями белых с целью перехвата из Советской России сообщений коммунистическим организациям в других странах. Однако, несмотря на личную приязнь к русским, Даллес по-настоящему интересовался только ближневосточными месторождениями нефти, а в бедных белогвардейцах, которым сочувствовал, видел вспомогательный персонал. Жена Даллеса Кловер часто бывала в Галлиполи вместе с женой Врангеля Ольгой, привозила продовольствие и медикаменты. «Страдания и лишения этих людей достойны самого глубокого сожаления», — писала она на родину^[439].

Обратим внимание, что в Версальском мирном договоре был раздел «Россия и русские государства», в котором говорилось о «постоянной и неотчуждаемой независимости всех территорий», входивших ранее в состав Российской империи.

У. Черчилль, бывший тогда военным и морским министром Великобритании, очень внятно описал в

своей книге «Мировой кризис» причину британской помощи белым в Гражданской войне: «...русские белогвардейцы сражались за наше дело».

Раз дело с белогвардейцами не выгорело, надо было начинать новое с большевиками. Торговое соглашение между РСФСР и Великобританией было подписано 16 марта 1921 года в Лондоне наркомом внешней торговли Л. Б. Красиным и министром торговли Р. Хорном.

Из показаний Шульгина на допросе 1 ноября 1946 года: «Весной 1921 года генерал Шатилов, являвшийся начальником продолжавшего существовать в Турции штаба Врангеля, доложил „Русскому совету“ о возможности восстания против Советской власти на Украине. Пользуясь материалами начальника разведывательного отдела штаба Врангеля — генерала Климовича, Шатилов всячески доказывал, что на Украине якобы имелись подпольные повстанческие очаги. Вспыхнувшее весной 1921 года контрреволюционное кронштадтское восстание подогрело наши надежды на свержение Советской власти, но оно, как известно, было быстро ликвидировано. Затем мы получили сведения, что в Одессе якобы восстали рабочие и служащие „Русского общества пароходства и торговли“, и хотели использовать это в своих контрреволюционных целях. В связи с этим я обратился к барону Врангелю с просьбой направить меня и генерала Слащева нелегально в Одессу, чтобы возглавить восставших, однако Врангель не поддержал меня и заявил, что, по последним данным, прежнее сообщение о восстании в Одессе не подтверждается»^[440].

Как видим, Шульгин рвался в Россию, несмотря на огромный риск. Вспоминал ли он прогноз Маклакова? Вряд ли.

Как и следовало ожидать, попытка П. Н. Врангеля создать общероссийское правительство с ядром в виде армии встретила неприятие всех центров русской эмиграции: Русский совет не признали ни «правительства» Дона, Кубани и Терека, ни европейские эмигрантские объединения, ни правительства западноевропейских стран. В услугах имперских генералов больше не нуждались.

А что же Шульгин?

Ему снова не нашлось полноценных занятий. Можно сказать, что в нем, как и во Врангеле, особо не нуждались. И он покинул Константинополь в июле 1921 года.

Глава тридцать вторая

Экспедиция в Крым. — РОВС. — Рождение евразийства. — Прага и «Русская акция». — Совещание у Струве в Берлине

Из протокола допроса Шульгина в ноябре 1946 года:
Вопрос: Что побудило вас покинуть Константинополь?

Ответ: Прежде всего, я убедился, что в Константинополе того времени не представлялось возможным организовать силы контрреволюции для борьбы против Советской России и в этой связи счел свое пребывание в Турции бесполезным.

Кроме того, на мой выезд из Константинополя повлияли также и мои личные дела — я сошелся с некой Сидельниковой (правильно Седельникова), ставшей впоследствии моей второй женой, и считал неудобным оставаться вместе с ней среди своих знакомых. Наконец, мне надо было оформить доверенность на управление моим имением, оно находилось на территории, отошедшей к Польше, что я смог сделать лишь в Белграде, где проживала моя сестра Мечелевская (правильно Могилевская).

Вопрос: Вы долго находились в Югославии и Болгарии?

Ответ: В Югославии и Болгарии я пробыл с июля по сентябрь 1921 года и устроил за это время свои семейные дела. Попутно я также написал несколько антисоветских статей и направил их в журнал „Зарницы“. Во время пребывания в Болгарии у меня возникла мысль пробраться нелегально в Советскую Россию, чтобы попытаться разыскать своего сына Вениамина, который в 1921 году пропал без вести,

участвуя в боях против Красной Армии в Крыму. На эту мысль меня натолкнул познакомившийся со мной в Болгарии белоэмигрант профессор Никольский, который также имел намерение вывезти из Крыма свою невесту — княжну Оболенскую, не успевшую бежать вместе с врангелевскими войсками.

Вопрос: Сомнительно, чтобы вы предприняли попытку нелегально пробраться в Крым только для розыска сына. Говорите, какие антисоветские замыслы вы имели?

Ответ: Я показываю правду. Никаких антисоветских намерений у меня не было. Я хотел лишь разыскать своего сына и с этой целью в сентябре 1921 года нелегально направился в Крым.

Вопрос: Каким путем?

Ответ: С группой в 10 человек мы купили моторно-парусную шхуну и из болгарского порта Варна нелегально направилась к берегам Крыма.

Вопрос: Кто входил в эту группу?

Ответ: Поручик Лазаревский, граф Капнист, капитан Свистун-Жданович, профессор Никольский, капитан Коломацкий, моя жена Сидельникова, фамилии остальных лиц я уже забыл.

Вопрос: А с какой целью в этой поездке участвовали белогвардейские офицеры?

Ответ: Поручик Лазаревский и его приятель граф Капнист по моему поручению должны были разыскать моего сына, используя для этой цели мать Лазаревского, проживавшую в Севастополе. Остальные лица были привлечены в качестве команды судна, за исключением двух офицеров, намеревавшихся пробраться в Россию на постоянное жительство. К сожалению, фамилии этих офицеров я забыл.

Вопрос: Вы не хотите назвать фамилии этих офицеров потому, что они пробирались в Советскую Россию с враждебными целями. Признаете это?

Ответ: Нет. Фамилии этих офицеров я на самом деле забыл. Какие они в действительности преследовали цели, я не знаю, но они говорили, что хотят возвратиться на жительство в Россию. В районе Аюдага мы высадили Никольского, Лазаревского, Капниста и двух этих офицеров, и, когда, пробыв четыре дня в море, согласно договоренности, возвратились к месту высадки, чтобы их подобрать, никто из вышеуказанных лиц нас не встретил. При этом мы неожиданно были обстреляны с берега и поэтому вынуждены были возвратиться в Варну. Впоследствии я встречался за границей с княжной Оболенской, которая мне рассказывала, что вместе с прибывшим Никольским она была арестована органами Советской власти, однако ей удалось освободиться из-под стражи и через некоторое время бежать за границу. По возвращении в Варну я был арестован болгарской жандармерией, заподозрившей меня в связях с большевиками, но вскоре я был освобожден и до весны 1922 года проживал в Софии, где написал антисоветскую книгу „Дни“, напечатанную в том же году в белогвардейском журнале „Русская мысль“.

Вопрос: Какую антисоветскую работу вы проводили впоследствии?

Ответ: В марте 1922 года я получил из Праги от Лазаревского телеграмму, из которой мне стало известно, что он вместе с моей первой женой благополучно пробрался нелегальным путем из Советской России в Прагу. В связи с этим я выехал в Прагу, где проживал до осени 1922 года. В этот период времени моя антисоветская работа выражалась только в том, что я продолжал писать антисоветские статьи в журнал „Зарницы“. Содержание этих статей я уже сейчас не помню, но все они были направлены против

Советской власти, и одна из них была озаглавлена „Армия в сюртуках“»^[441].

Болгария 1921 года сделалась отчасти русской, сюда из Турции в организованном порядке переместились 1-й корпус и Донской казачий корпус. Здесь П. Б. Струве издавал журнал, стали работать русские издательства.

Прибытие Шульгина в Болгарию после неудавшейся экспедиции в Крым началось с того, что он был арестован пограничниками, которые приняли его за шпиона и еврея. В его описании эпизод знакомства с «братушками» выглядит так.

«— Как фамилия?

— Шульгин.

— А-а! Евреин! Все русские на „ов“, а на „ин“ еврейны.

Я спросил:

— А Пушкин?

Но о Пушкине он ничего не знал. На этом разговор закончился. Он остался при своем мнении, что я евреин, коммунист, что ездил куда-то как шпион. И требовал, чтобы я сказал, где пятый, который тоже шпион.

Я повторил, что он ушел в Красный Крест. Тогда унтер замахнулся на меня суковатой палкой и хотел ударить меня по голове. Я поднял руку, защищая голову. Удар пришелся по руке и сломал ее. Конечно, надо было схватить его за горло, но тогда, вероятно, со мной покончил бы караул, который смотрел с сочувствием, как меня избивали. Удары посыпались градом. Меня исполосовали так, несмотря на солдатскую шинель, что я стал похож на зебру (это обнаружилось потом)»^[442].

Ему пришлось пережить это унижение. Н. Н. Чебышев, недавно перебравшийся в Софию и

живший впроголодь, утешил его тем, что «честь не задета», а вызывать болгар на дуэль бессмысленно.

Шульгин тоже бедствовал, помогало удерживаться на плаву небольшое жалованье члена Русского совета. Но оно явно не могло быть долговременным. Поэтому он вспомнил писательское ремесло и быстро написал яркие «Дни», сразу сделавшие его самым читаемым политическим писателем эмиграции. Струве охотно их опубликовал.

Вот оценка «Дней» В. А. Маклакова: «Скажу для примера, что несмотря на то, что Винавер проклял Струве за помещение Ваших воспоминаний 1905 года, я считаю их не только поразительно интересными, но и в общем поразительно верными. Судьба подготовила нам честь, так как не решаюсь сказать, радость это или горе, жить в эпоху, которую будут внимательно изучать, так как в событиях этого времени будут находить подтверждения всех самых противоречивых теорий и систем, которые могли быть выдуманы; поэтому интересно фиксировать объективную правду и неприкрашенную действительность: 1905 год, конечно, сейчас мало кого интересует, но понять 1905 год, суметь найти в нем связь событий, обнаружить те мотивы деятельности левых и правых, которые на самом деле ими руководили, значит получить в руки надежный реактив, чтобы разобраться и в 1917 году. С нашей стороны было бы невероятной претенциозностью произнести сейчас суждение над людьми и событиями и давать им объяснения, как это делает Милюков. Его книга интересна только как иллюстрация умственного аппарата тех, которые в известный момент взялись управлять событиями. Но управляли ими не эти умственные аппараты, те подсознательные инстинкты, которые вышли наружу, когда они оказались на совершенной свободе; эти инстинкты для Милюкова и людей его склада были не недоступны, но они не

подозревали об их существовании. Вы их понимаете с поразительной ясностью, и будущие историки будут по ним не только рисовать картину того, что было, но и давать оценку безумия, с которым руководители известного периода рубили те суки, на которых сидели. И у Вас это выходит само собой, по привычке к анализу и самоанализу. Вы сделали это для 1905 года, делаете это не только для 1917 и 21 годов, но, наверное, сделаете когда-нибудь и для времени Думы»^[443].

Кроме того, Шульгин написал и издал в Софии небольшую книжку «Нечто фантастическое» — о будущем, когда белогвардейцы возьмут власть в России. Но ей не сопутствовал успех «Дней».

Зато написанная по поручению Врангеля статья «Армия в сюртуках» содействовала преобразованию белогвардейских воинских подразделений в общественную организацию Русский общевойсковой союз (РОВС), который вскоре объединит рассеянных по миру эмигрантов, сохранявших в гражданском облике воинскую структуру. Возможно, Шульгин вспомнил свою идею лета 1917 года, когда в письме генералу Корнилову предложил создавать добровольческие отряды. Теперь эта идея в зеркальном отражении тоже должна была заработать — из офицеров в гражданские добровольцы.

Русская армия, русская армия... В Болгарии еще продолжалась инерция галлиполийства. Здесь еще была жива память об освободительной войне России за славянских единовверных братьев, еще были живы ветераны той войны, в том числе и в рядах белых, и имя Скобелева, белого генерала, освещало и белогвардейского генерала Кутепова.

Болгария по Нейискому мирному договору как союзница Германии оказалась фактически без армии,

не имела права на объявление всеобщей воинской повинности. Ее вооруженные силы, включая полицию, не превышали 6,5 тысячи человек.

Русских встретили гостеприимно. В Софии в честь генерала Кутепова и генерала Абрамова, командира Донского корпуса, был дан банкет. Герои Плевны и Шипки, казалось, явились вместе с ними в Софию.

Русским разрешалось ношение формы, они были размещены во многих городах, благо казармы болгарской армии пустовали. Было привезено и оружие, болгары смотрели на это сквозь пальцы.

Штаб 1-го армейского корпуса разместился в старой болгарской столице Велико Тырново, где многое напоминало русским победоносное шествие войск Александра II Освободителя, чей портрет украшал все присутственные места.

Тем не менее быт галлиполийцев был суров. Они работали на прокладке железных дорог и шоссе, добывали уголь, строили, корчевали лес. Причем воспоминания об историческом прошлом не мешали болгарам платить русским поменьше, чем своим. Там, где болгарину полагалось 70 левов, русский «братушка» получал 50. Как только русский офицер, юнкер или солдат, занимающийся приработками, останавливался перекурить, сразу же раздавалось понукание хозяина: «Айда, руснак!», «Айда, братушка!» Это «айда» многих достало до печенок, и при заключении договоров условливались, чтобы это слово не употреблялось.

Однако в Болгарии русским жилось хоть и не сладко, но гораздо спокойнее, чем в Турции. Армия по-прежнему сохраняла свою структуру. Мало-помалу к разрешенным местными властями нескольким винтовкам на полк стали прибавляться винтовки в каждой роте; в ротах появились ружейные пирамиды. Действовал обычный армейский порядок: подъемы,

разводы, проверки. Плац-адъютанты высылались каждый день в театры и кинематографы. По улицам ходили русские патрули. Действовали и гауптвахты, где часто не хватало на всех места. При каждом полку были устроены мастерские: слесарная, столярная, сапожная, швейная. С весны 1922 года завели и огороды.

Однако эта временная жизнь рано или поздно должна была закончиться. Но завершилась она не так, как они ожидали. К власти пришло правительство Александра Стамболийского, представлявшее Болгарский землевладельческий народный союз, и отношение к белым изменилось. В белогвардейской среде «земледельцев» называли «полукоммунистами» за их приверженность леволиберальному течению.

Бедственное положение потерпевшей поражение страны заставило Болгарию искать союзников. Страны Антанты были для нее суровыми контролерами, заставляющими выплачивать контрибуцию Румынии и Сербии. Германия, традиционно имевшая здесь сильные позиции, сама находилась в полузадушенном состоянии, тоже выплачивая огромные контрибуции. Поэтому нет ничего удивительного, что на Генуэзской конференции в апреле 1922 года, на которой Англия и Франция потребовали от Москвы уплаты долгов царского правительства, Стамболийский пошел на сближение с Советской Россией. То же сделала и Германия, заключив с ней договор в итальянском городке Рапалло.

Отныне белые в Болгарии становились нежелательными гостями. Стамболийский в Генуе обязался распустить белогвардейские части, численность которых доходила тогда до 35 тысяч человек. Местные коммунисты провели несколько массовых демонстраций под лозунгом «Врангелевцы, вон из Болгарии!», в Народном собрании они поставили вопрос о статусе Русской армии и необходимости ее

разоружения и расформирования. Особенно тяжело стало в мае 1922 года, когда в Софии был арестован начальник кутеповской контрразведки, известный нам «азбучник» полковник П. Т. Самохвалов. У него были найдены разведывательные сводки, расположение болгарских укреплений и воинских подразделений, полицейских участков, электростанций, вокзалов, складов оружия. Одновременно с арестом полковника болгары провели обыск в русской военной миссии, обнаружили у генерала Вязьмитинова документы о подготовке белых частей к военному перевороту против правительства Стамболийского. Впрочем, русские доказали, что эти документы фальшивые.

Обыск произвели и у Кутепова. Ничего не нашли, но вызвали генерала в Софию, где и арестовали, хотя перед этим обещали неприкосновенность. В свой штаб в город Велико Тырново на улицу имени генерала Гурко, что вилась по скалам над рекой Янтрой, он уже не вернулся. Вскоре его выслали из страны. В течение мая — июня 1922 года было выслано в Югославию 58 русских офицеров, в том числе 35 генералов.

По сути, так заканчивался болгарский период русской военной эмиграции. Это был уже третий ее исход после России и Турции. Но этот короткий период дал кроме шульгинских «Дней» еще несколько замечательных литературных и философских явлений, в которых отразился ее неубиваемый интеллектуальный потенциал.

Назовем прежде всего изданный в Софии сборник статей музыковеда П. П. Сувчинского, экономиста П. Н. Савицкого, лингвиста князя Н. С. Трубецкого и богослова Г. В. Флоровского «Исход к востоку». (Сувчинский был женат на дочери А. И. Гучкова.)

Журнал «Зарницы» сразу отозвался на появление сборника, выделив главное: «Русские народные массы подвержены были в своем историческом развитии

культурному влиянию Запада лишь в хозяйственной, но не в духовной сфере. Культурные верхи в России именно потому и отделены пропастью от ее низов, что источником их культурной жизни является не Восток, которым живут низы, а Запад, с которым низы не имеют ничего общего».

С выхода в свет этого сборника и берет свое начало русское евразийство, которое явилось философским оформлением извечного российско-западного соперничества, и если смотреть правде в глаза, осмыслением собственного поражения.

Из письма П. Н. Савицкого П. Б. Струве: «3. 08. 21 ... Не восхваление большевизма и не апологетическое отрицание происходящего в России морального и материального ужаса, но нечто иное было скрепой, связавшей „евразийство“. Этой скрепой явилось стремление, осознав ужас, найти ему определение в духе... Для того чтобы нам не погибнуть, нам нужно верить, и верить не только в то, что на обломках мы снова построим свой дом... но и в то, что этот дом будет домом Божиим... Среди разорения, которое пережил каждый, среди роковых вестей, которые приходят к каждому, во сколько раз легче предаваться ненависти против тех, кто все это сделал, и самоуничтожению по отношению к судьбам России, — чем отвергнуть, просто забыть о ненависти — и вынести, как светильник из тьмы, предчувствие будущего!»^[444]

Достигнув первой задачи — выжить в изгнании, белые искали пути к возрождению. Путь к Востоку? Что ж, прекрасно! От западного плода они уже вкусили за годы Смуты и испытывали к Западу непреходящую благодарность. К Востоку! Домой!

В предисловии к сборнику, однако, говорилось: «Мы не имеем других слов, кроме слов ужаса и отвращения, для того чтобы охарактеризовать бесчеловечность и

мерзость большевизма. Но мы признаем, что только благодаря бесстрашно поставленному большевиками вопросу о самой сущности существующего, благодаря их дерзанию по размаху, неслыханному в истории, — выяснилось и установилось то, что в ином случае долгое время оставалось бы неясным и вводило бы в соблазн: выяснилось материальное и духовное убожество, отвратность социализма, спасающая сила Религии. В исторических сбываниях большевизм приходит к отрицанию самого себя и в нем самом становится на очередь жизненное преодоление социализма».

Это пророчество евразийцев о самоликвидации российского социализма было многим понятно, но заключавшееся в нем указание на то, что оно может случиться в далеком будущем, ставило на повестку дня вопрос о смысле борьбы. Что же делать? Только молиться? Или рыдать? Или просто учиться, сажать огороды, чинить сапоги, задумчиво глядеть на облака?

Георгий Флоровский в следующем евразийском сборнике статей фактически прочитал отходную молитву: «Попыткою не считаться с жизнью, попыткою пойти напролом было „белое“ движение, и здесь именно коренился его неизбежный неуспех.

...Оно родилось на той же психологической почве, на которой строилась неудавшаяся работа Временного правительства; оно родилось из того же стремления внести мир и лад в разъярившиеся исторические стихии одною формальною энергией воли, одною дисциплиною, одним темпераментом власти.

...И в „исторических ошибках“ есть своя логика и неотразимость, — в известном смысле вооруженная борьба с большевиками была необходима; но следует признать, что не „белое“ дело есть подлинное и конечное русское дело. Та борьба кончилась, а та новая,

которая должна только начаться, должна для успешности своей протекать по новому руслу»^[445].

Каково было осознавать эту жестокую истину рядовым участникам Белого дела?

Еще во время Гражданской войны Деникин, Колчак, Врангель в конце концов поняли, что союзники, помогая им, стремятся вывести Россию из числа великих держав мира. Борьба с коммунизмом при содействии союзников завершилась Крымским исходом, Галлиполийским сидением и прощанием с самими союзниками. Теперь белая армия «Петербургской России» оказалась на распутье.

Офицеры старой закалки особо не раздумывали над тем, что произойдет, если армия сохранит старые ориентиры. Более молодые склонялись к мысли, что в результате победы белых и иностранных интервентов Россия окажется разгромленной.

Савицкий позже сделал такой прогноз: «Русская культура была бы оттеснена к границам Великороссии. Но даже на территории нынешней РСФСР ей наносили бы удары в спину сепаратизмы типа казанско-татарского, башкирского и т. д., которым интервенты несомненно оказывали бы самое горячее покровительство. Не говорим уже о юго-восточных окраинах РСФСР, вроде Казахстана и Киргизии, которые были бы просто потеряны для России. Весьма вероятно, что и на исконных русских территориях была бы сделана, в этом случае, попытка превратить русский язык и культуру в язык и культуру „второго сорта“...»

«Но, — предупреждал философ, — Советский Союз является очередным этапом в эволюции русского государства. Следующий этап может родиться только из него самого. Если конец ему придет извне, это будет конец и русского государства...

Пока мир остается таким, каким он есть — именно „военные силы“, именно армия, красная или иная — есть последний довод в этих вопросах».

Что следовало из этого вывода?

Надо возвращаться в Россию под флагом государственности, а потом переходить к смене красного флага. Таким образом, не надо бояться Советской России. Надо поднимать национальное знамя, надо взять пример итальянского фашизма, одного из течений леворадикального социализма. Социализм неизбежно закончится, а нация останется. Но спасение не придет с Запада!

Кстати, о фашизме и русском фашизме. Русская эмиграция искала идейную опору, как, впрочем, и весь мир. Не случайно кроме Италии и Германии фашистские группировки в 1920-е годы стали возникать в Венгрии, Румынии, Франции, Швеции, Англии, Чехословакии и других странах. В 1924 году в Сербии была сделана попытка организации Русской фашистской партии. В 1926 году — создана «Рабоче-крестьянская казачья оппозиция русских», или «Русские фашисты». Всего же в 1920-е годы в русской эмиграции возникло более 15 крупных политических организаций (свыше 40 тысяч человек), называвших себя фашистскими или национал-революционными.

Тогда, задолго до начала Второй мировой войны, фашизм многим казался достойной альтернативой коммунизму. Даже такие интеллектуалы, как И. А. Ильин, П. Б. Струве, С. С. Ольденбург, называли это идейное течение «крупным явлением» ^[446].

Шульгин был сторонником организации общества по типу итальянского фашизма.

Говоря о платформе фашизма, нелишне вспомнить оценку германской коммунистки Клары Цеткин: «Носителем фашизма является не маленькая каста, а

широкие социальные слои, широкие массы, вплоть до самого пролетариата...

Тысячные массы устремились в сторону фашизма. Он стал прибежищем для всех политических бесприютных, потерявших почву под ногами, не видящих завтрашнего дня и разочарованных. То, что тщетно ждали они от революционного класса — пролетариата и социалистов, — стало грезиться им как дело доблестных, сильных, решительных и мужественных элементов, вербуемых из всех классов общества... Теперь уже до самоочевидности ясно, что по своему социальному составу фашизм охватывает и такие элементы, которые могут оказаться чрезвычайно неудобными, даже опасными буржуазному обществу»^[447].

Опора на национальные силы виделась единственно возможной, тем более что иные возможности уже были испробованы.

«Я хотел бы напомнить, что и в эпоху „великой разрухи“ русской начала XVII века был момент, когда национальные расчеты строились на вмешательстве иноземной силы: это было в 1610 году, когда польского королевича Владислава избрали на Московский стол, и польские войска шли „восстанавливать порядок“ в ставшей добычей „воров“ и голытьбы России. Но слишком скоро обнаружилось, что эти-то чужеземные носители государственности и порядка в гораздо большей мере, чем анархическая бунтарская масса, — и суть главная помеха подлинно национальному оздоровлению охваченного смутю государства... Эта сторона дела обычно ускользает от внимания из-за мечтательного убеждения, что Европа себя будет защищать, вмешиваясь в русские дела, что ей самой опасна большевистская зараза...» Это Георгий Флоровский, знакомая нам статья «О патриотизме».

Евразийство могло казаться панацеей, однако при всей его привлекательности в нем был большой изъян, который Шульгин в письме Маклакову определил так: «Новое варварство надвигается, и на этот раз с других сторон, не слева и не справа, а с совершенно новых румбов. Первые ласточки в этом смысле были украинцы, которые херили всю Пушкинскую культуру в угоду несуществующей „нации“ украинской. Вторыми, пожалуй, не менее опасными, являются евразийцы. Эти родные братья украинцев. Это злобные „московиты“, великорусские шовинисты, прикрывающиеся „азиатскими“ псевдонимами. Прочтите их литературу, и Вы убедитесь, что они ненавидят все русское, за исключением узкомосковского периода, то есть из тысячелетней истории вычеркивают семьсот лет, а из всей русской культуры приемлют только „бытовое исповедничество“ московских пусто- и полносвятых да „хананат“^[448]. Единодержавие, несомненно, вещь хорошая, но евразийцы вредные и злобствующие сепаратисты»^[449].

Из Софии Шульгин и Мария Седельникова переехали в Прагу, куда вскоре явились и его племянник Владимир Лазаревский, и его первая жена Екатерина Григорьевна, которые при помощи проводников-евреев перешли советско-польскую границу возле шульгинского имения в Курганах. К счастью для Василия Витальевича, жена спокойно восприняла Марию и, как он вспоминал, «даже подружилась с ней». Екатерина Григорьевна привезла ему и деньги за аренду части имения с мельницей на хуторе Агатовка, оказавшегося по ту сторону границы, на польской стороне. Аренду устроил Вацлав Каминский, женатый на сестре шульгинского свояка Александра Билимовича. Деньги для эмигранта

немалые, тысяча долларов в год, что теперь делало его существование сносным.

Знакомые чехи (вспомним Вацлава Вондрака и создание Чешской дружины) организовали Шульгину получение пособия от чешского правительства, выделяемого русским писателям, он передал его Екатерине Григорьевне, ведь она была если не писательницей, то журналисткой и много печаталась в «Киевлянине». Из сумм за аренду он выдавал долю и ей.

Они без скандалов и споров развелись. За это на Шульгина епархиальным советом была наложена епитимья с запретом вступать в новый брак в течение семи лет.

Жизнь в Чехии была спокойной, чехи хорошо относились к русским эмигрантам, помня, что одной из стратегических целей Российской империи в мировой войне была государственная независимость Чехии. Шульгин познакомился с премьер-министром Чехии Карелом Крамаржем, который был женат на русской и слыл русофилом. Благодаря Крамаржу русские эмигранты получили большую поддержку, в частности, финансирование русской печати в Европе шло преимущественно из Праги. Чехословацкие власти привлекали в страну русских ученых, экономистов, инженеров, агрономов, писателей, театральных деятелей и молодежь — для получения образования за счет государства. «Русская акция» финансировалась из государственного бюджета, была организована широкая помощь беженцам — от материальной поддержки нуждающихся до выделения средств на развитие культуры, образования, медицинскую помощь. Русским студентам предоставлялась возможность завершить образование. В Праге были открыты Русская гимназия, Русский народный университет, Русский юридический факультет, Русский институт сельскохозяйственной кооперации, 11 научных обществ

и учреждений. Обучение шло на русском языке и по программам, существовавшим в Российской империи. Вели обучение известные профессора.

В Праге Шульгин восстановил сотрудничество с академиком Струве, который кроме преподавания редактировал переведенный сюда журнал «Русская мысль». Показательно, что в домашнем кабинете Петра Бернгардовича было вывешено предупреждение: «Здесь о примирении с революцией разговаривать воспрещается». У обоих членов деникинского Особого совещания и врангелевского Русского совета было много тем для обсуждений, но ни о каком примирении не могло быть и речи. Оба в душе были галлиполийцами.

Шульгин пробыл в Праге до конца 1922 года и перебрался в Германию, где у него обнаружился земляк-киевлянин — полковник Клименко. Этот Клименко на самом деле был этническим немцем, жил в Берлине и оказывал юридические услуги русским эмигрантам. За два доллара он организовал визу Василию Витальевичу и Марии.

О материальном положении нашего героя дает представление следующее описание: «И мы поехали. Багаж у нас был такой. Огромный мешок со всем нашим имуществом, где носильные вещи были перемешаны с тарелками и стаканами. Я об этом пишу потому, что мешок этот куда-то заслали, и я его насилу разыскал. Чиновник потребовал открыть мешок. Я развязал. Он сунул туда руку. Закричал и вынул ее окровавленную. Мешок бросали, стаканы разбились, он порезал руку и стал, естественно, возмущаться. Я извинился и объяснил:

— Мы русские беженцы. Тут все наше имущество. Я не знал, что моя жена напихала туда стаканы, иначе я бы вас предупредил.

Немец вошел в наше положение, и инцидент был исчерпан»^[450].

Они поселились в пансионате под Берлином, в городке Биркенвердер. С долларами в кармане можно было жить, так как курс немецкой марки ежедневно падал, а доллара — все время рос.

Однажды Струве пригласил Шульгина на встречу с прибывшими из Советской России высланными с так называемым «философским пароходом» интеллектуалами Н. А. Бердяевым, А. С. Изгоевым, И. А. Ильиным, С. Л. Франком. На встрече еще присутствовали И. М. Бикерман, Г. А. Ландау. Было что-то похожее на старую Лигу русской культуры образца 1917 года.

Говорили о значении Белого движения, тем более что прибывшие не понимали его значения.

И чем же было Белое движение, целью или только средством?

Каждый видел в нем свое. Для Ильина главным была моральная правота белых, для Изгоева и Франка главным было более глубокое толкование — внутренний разлом русской культуры. Бердяев, сильно волнуясь, стал страстно упрекать сторонников Белого движения в «безбожии» и «материализме». По его мысли, ниспровергнуть большевизм силой невозможно без осознания его духовных источников, без религиозного покаяния и духовного возрождения русского народа.

Но об этих речах Шульгин не вспоминал, зато почти дословно привел слова Бикермана: «„Говорят много о еврейских погромах в России. Да, погромы были, и это ужасно. Но как могли они не быть после того, что произошло. Уничтожили династию, уничтожили дворянство, уничтожили духовенство, купечество и промышленный класс. Принялись за зажиточных крестьян, прозванных кулаками. На очереди середняки,

а бедняков загоняют в колхозы. Примите во внимание, что все эти категории были по преимуществу русские, а евреев в них не было. Каким же образом одни евреи могли избежать погромов после того, как совершился один великий русский погром...”

Быть может, впервые еврей сказал такие слова. Его речь произвела громадное впечатление на слушателей»^[451].

Почему он вспомнил только Бикермана, хотя «еврейский вопрос» на той встрече не был главным?

Наверное, в старости, когда Василий Витальевич диктовал воспоминания Р. Г. Красюкову, он просто устал от обвинений в антисемитизме и собственных объяснений, да и Белое движение давно сошло со сцены.

А та берлинская встреча имела далекоидущие последствия. От нее потянулись связи к новой фазе Белого движения — к РОВСу, боевым планам Кутепова, противостоянию двух политических групп эмиграции, чекистской операции «Трест».

Словом, по-прежнему билось в мозгу: «Только смерть может избавить тебя от исполнения долга».

Глава тридцать третья

РОВС и «Трест» — поединок
белогвардейской и советской контрразведок. —
Русский фашизм и белогвардейцы. — Заговор
советских военных

В сентябре 1924 года белогвардейцы «надели сюртуки» — был создан Русский общевоинский союз. В его «Положении» значилось: «Основным принципом Русского общевоинского союза является беззаветное служение Родине, непримиримая борьба против коммунизма и всех тех, кто работает на расчленение России. Русский общевоинский союз стремится к сохранению основ и лучших традиций и заветов Русской Императорской армии и армий белых фронтов Гражданской войны в России».

И начался последний шульгинский период активной борьбы.

То, что он закончится поражением, невозможно было предвидеть, ибо в России набирал силу нэп, капиталистические формы предпринимательства порождали антисоветские течения в обществе и к тому же начиналась внутриэлитная борьба в стане большевистского руководства.

Шульгин, конечно, не мог знать, что начиная с 1921 года ВЧК ведет работу по внедрению своих агентов в военную структуру белых, для чего по инициативе председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского создана Монархическая организация Центральной России (МОЦР), якобы располагающая разветвленной сетью сотрудников в Красной армии и правительстве СССР. Формально руководил ею А. А. Якушев, монархист, действительный статский советник, бывший

управляющий департамента Министерства путей сообщения, которого чекисты «перевербовали». Сейчас он работал консультантом по водному хозяйству в Наркомате путей сообщения. В ноябре 1922 года Якушев был в командировке в Берлине и при содействии своих старых знакомых установил контакты с руководителями Высшего монархического совета (ВМС), после чего из России в Берлин через дипломатическую почту эстонской миссии в Москве стала поступать «разведывательная» информация. Позже МОЦР вышла на руководство польской разведки, сотрудников английской и финской разведок. Для контактов с эмигрантами ВЧК выставила авторитетные фигуры, которые внушали доверие — это профессор Военной академии РККА, генерал от инфантерии императорской службы А. М. Зайончковский (в Русско-японской войне он был командиром полка, где служил подпоручик А. П. Кутепов) и бывший генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба генерал-лейтенант Н. М. Потапов.

Карьера последнего весьма интересна. С июля 1917 года Потапов сотрудничал с Военной организацией большевистской партии при Петроградском комитете РСДРП. После Октябрьской революции в ноябре — мае 1918 года был начальником ГУГШ и одновременно помощником управляющего Военным министерством и управляющим делами Наркомвоена (с декабря 1917 года). В июне — сентябре 1918 года — член Высшего военного совета. С лета 1918 года — постоянный член, с июня 1919 года — председатель Военного законодательного совета (совещания) при Реввоенсовете (РВС), с сентября 1921 года — помощник главного инспектора Всевобуча, затем на военно-научной и преподавательской работе в Военной академии РККА.

Неудивительно, что Якушев и МОЦР вызвали большой интерес у Врангеля, Кутепова, великого князя Николая Николаевича. Казалось, затеплилась надежда на скорый переворот, который совершат оставшиеся на родине патриоты, после чего белогвардейцы вернутся в Москву.

Кое-кто действительно вернулся, но не так, как ожидалось, а заманенным чекистами и погибшим или похищенным, как руководители РОВСа А. П. Кутепов и Е. К. Миллер.

Вернулся и Шульгин.

В его истории немалую роль сыграли и евразийцы, чья идеология родилась как ответ на поражение «европейского пути» имперской элиты и рационализм бывших союзников. Внедрив в состав евразийцев агента, чекисты получили возможность идейно укрепить авторитет МОЦР.

«Монархисты» из ВЧК передавали большой объем специальной дезинформации, среди которой был даже советский «мобилизационный план», переданный польской разведке за 10 тысяч долларов.

Вот как Шульгин был втянут в чекистскую операцию «Трест»: «В Биркенвердер неожиданно приехал „Око“. Он был когда-то моим подчиненным по „Азбуке“ и носил такой псевдоним. Полковник Петр Титыч Самохвалов (а это был он) сообщил мне сенсационную новость: меня приглашают к генералу фон Лампе, который был представителем Врангеля в Берлине. И тоже был когда-то в „Азбуке“ под шифром „Люди“, и работал вместе со мною затем в газете „Россия“, издававшейся в Екатеринодаре. Он сохранил со мною наилучшие отношения. И еще сообщил мне „Око“: сейчас находится в Берлине генерал Климович, в прошлом начальник жандармов, ныне состоящий при Врангеле в Югославии. Я немедленно отправился в Берлин.

У Лампе нас оказалось четверо: сам фон Лампе, Климович, сенатор Чебышев и я. „Око“ не присутствовал на этом заседании. Фон Лампе объяснил, почему он пригласил нас.

— Я жду „человека оттуда“.

„Человек оттуда“ появился точно, и это было для него характерно. Это был Александр Александрович Якушев, в прошлом действительный статский советник, инженер, специалист по внутренним водным сообщениям»^[452].

Якушев рассказал о своей организации, о политической программе, о том, что правителем России видят великого князя Николая Николаевича, которого как бывшего Верховного главнокомандующего все знают.

«На этом Якушев закончил. Насколько я помню, никаких вопросов ему задано не было. Говорил он уверенно, с манерами человека, который знает себе цену.

Лампе поблагодарил его, и Якушев ушел. После его ухода мы высказались. Трое из нас — Лампе, Климович и я — выразили доверие Якушеву. А сенатор Чебышев сказал:

— Провокатор»^[453].

Итак, бывший начальник Особого отдела МВД, он же бывший директор Департамента полиции МВД, он же начальник контрразведки у Врангеля генерал-лейтенант Климович, генерал-майор фон Лампе и бывший руководитель разведывательной сети «Азбука», он же бывший член Особого совещания и член Русского совета Шульгин проморгали чекистского агента.

Почему? Потому что они с Якушевым были знакомы еще по Особому совещанию по обороне, гость во время Гражданской войны входил в антисоветское подполье.

«Много лет спустя, после моего ареста в Югославии, допрашивавший меня полковник-чекист Кин спросил, почему я с известного времени в эмиграции бросил политику.

— Потому что меня провели как дурака. Так оскандалившись, я решил, что больше уже не годен для политической деятельности.

Кин улыбнулся и сказал:

— И совершенно напрасно. Конечно, позже мы вошли в „Трест“ и его ликвидировали путем провокаций. Но когда вы разговаривали с Якушевым в Берлине, „Трест“ был „честная“ контра. И организация очень сильная и смелая. По-видимому, Якушев был связан не только с поляками, но и с англичанами, точнее, с „Интеллидженс сервис“.

Насчет англичан — это было предположение полковника Кина, но участие в нем английского разведчика Сиднея Рейли лишь подтверждает подобное предположение. Что безусловно верно — это связи Якушева с польской разведкой. Он даже обменялся с каким-то офицером из польской разведки револьверами с серебряными вензелями»^[454].

Поверив Якушеву, Шульгин задумался о судьбе Вениамина (Ляли) и рискнул спросить, возможно ли организовать поездку в СССР для поисков сына. Оказывалось, что вполне возможно.

В 1925 году евразийцы начали активно привлекать военных к сотрудничеству. Сувчинский встречается с начальником Корниловской дивизии Скоблиным и так пишет о нем: «Он всецело сочувствует нефти (конспиративное обозначение евразийства. — Авт.), готов способствовать самой энергичной пропаганде в галлиполийских организациях Франции, Бельгии и Болгарии и предоставляет своих лучших людей для отправки на Восток».

В марте Сувчинский пишет Савицкому: «Сегодня выехал к Вам в Прагу Твердов (Скоблин. — *С. Р.*), на которого мы возлагаем большие надежды. Он освоился идейно с евразийством».

Савицкий отвечает: «Военно-корпоративное начало есть начало ценнейшее. Но если его сделать самодовлеющим, то вместо евразийства и евразийской секции получится ухудшенное издание белого движения. Последнее погибло между прочим из-за этой корпоративности... Сопряжение гражданского начала, как общего, и военного, специального, которое осуществили коммунисты, есть единственное правильное. Вне осуществления этого сопряжения нет евразийства»^[455].

Да, белые генералы должны были рано или поздно попасть в круг интересов евразийцев. Появление Скоблина здесь не случайно. Однако для евразийцев генералы менее ценны, чем среднее офицерство. Генералы вряд ли откажутся от догм Белой борьбы. И Савицкий отмечает: «Ведь в настоящее время нами заинтересовались люди вполне определенной формации. Это промежуточный командный слой, который внутренне наиболее близок к аналогичным контингентам с *другой* (выделено мной. — *С. Р.*) стороны».

Вот где глубинное объяснение, почему Шульгин предпринял путешествие в Россию. Поиск сына? Конечно. Но не только...

Еще в сентябре 1923 года племянница Кутепова Мария Захарченко-Шульц (33-летняя отважная женщина, два георгиевских креста и две георгиевские медали за Первую мировую войну) и ее муж галлиполиец, штабс-капитан Георгий Радкевич перешли российско-эстонскую границу и вскоре прибыли в

Москву, чтобы установить связи с «Трестом». Шульгин пока еще не трогался с места.

Но не случайно в заметках Савицкого есть открытое противопоставление евразийства и Кутепова. Кутепов с его непримиримостью уже не воспринимается. Поэтому понятно, почему в «Секретной переписке» Совета евразийства о людях Кутепова говорится отрицательно: «Решительно не понимаю, на что они нам нужны... Все, кто видел г-жу Шульц при первом ее появлении вместе с Федоровым (Якушевым. — *С. Р.*)... единогласно охарактеризовали ее самым нелестным образом... Если же мы наберем себе окружение из господ вроде племянников (конспиративное имя четы Шульц. — *Авт.*), то это окружение станет для нас обузой и свяжет нас так, что мы скоро и рта не сможем открыть...» ^[456]

В начале 1925 года чета Шульц была использована советскими контрразведчиками для заманивания на территорию СССР английского разведчика Сиднея Рейли. Косвенно в этом принимал участие и Кутепов, с которым Рейли встречался в Париже. К возможностям эмиграции англичанин был настроен критически, зато силы «Треста» казались ему значительными.

Основная задача МОЦР заключалась в том, чтобы получать информацию о планах белых и удерживать их от диверсионных действий. И МОЦР ее выполняла. В ее объятиях сгинули многие белогвардейцы, были захвачены и погибли такие асы террора и шпионажа, как Борис Савинков и Сидней Рейли.

Смерть последних, как бы она правдоподобно ни легендировалась, вызвала определенные подозрения в отношении «монархистов». Тогда на Лубянке вспомнили о Шульгине и решили содействовать его путешествию в Советы для укрепления авторитета МОЦР.

К тому времени он перебрался в Югославию, где находились тысячи русских белогвардейцев, в город

Сремски Карловцы, расположенный между двумя холмами Фрушка-Горы на правом берегу Дуная, неподалеку от резиденции Верховного главнокомандующего Русской армией генерала П. Н. Врангеля. С разрешения короля Александра I в городе разместилось более двух тысяч русских. Среди них были члены штаба Врангеля во главе с генерал-лейтенантом Архангельским, конный эскадрон, пехотная охранная рота и тыловые службы. Ни один русский эмигрант «без достаточных рекомендаций» не мог проникнуть в Сремски Карловцы.

Город был центром сербской церковной и культурной жизни, здесь размещалась резиденция сербского митрополита. С 1921 года он стал духовным центром и русского зарубежья. По приглашению сербского патриарха Димитрия из Константинополя сюда прибыло Высшее временное русское церковное управление за границей (в 1922 году преобразованное в Синод Русской православной церкви за границей) во главе с митрополитом Антонием (Храповицким). Как подробность быта отметим, что русские привезли с собой огромное количество книг, что привело в изумление местных обывателей.

Вообще в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (СХС), европейской окраине, к русским относились очень тепло. Здесь Василий Витальевич чувствовал себя почти как дома. В Белграде жили его сестра Павлина Витальевна Могилевская, мать расстрелянного в Одесской ЧК «Эфема», и отец Марии, генерал-майор Дмитрий Михайлович Седельников, инженер по образованию, служивший в техническом отделе Военного министерства королевства; в словенской Любляне жила сестра Василия Витальевича Алла с мужем профессором местного университета Александром Дмитриевичем Билимовичем. В сентябре 1924 года все родственники собрались по случаю

венчания нашего героя с Марией Седельниковой. Ей было 25 лет, ему на 22 года больше.

История с венчанием была непростой. Шульгин все же испытывал чувство вины и угрызения совести. В его воспоминаниях это явственно ощущается. «Плывя по Дунаю, я осмысливал это путешествие. Мы ехали с тем, чтобы оформить наши отношения, обвенчавшись в Югославии. Развод мне дал с согласия Екатерины Григорьевны митрополит Евлогий в Париже. Она захотела только остаться Шульгиной, что и было исполнено. Конечно, не было никакой абсолютной необходимости в этом разводе. Все же им я причинял некоторые неприятности Екатерине Григорьевне и сыну Дмитрию. Да и Мария Дмитриевна не очень этого желала.

Отношения наши сложились удивительным образом. В Константинополе она пошла напролом, хотя я сказал ей и даже написал, что люблю ту, что умерла, и должен жить один. Она не обратила на это внимания и решила, что та забудется, и что хуже — ее возненавидела. Но мертвые сильнее живых, потому что они не могут себя защищать. Эта ревность к покойной поставила между нами тяжелую преграду. И много-много лет прошло, и надо было претерпеть многие испытания, чтобы Мария Дмитриевна, наконец, сказала мне:

— Я ошибалась, она хорошая.

Отношения у Марии Дмитриевны с Екатериной Григорьевной были легче, потому что они познакомились и даже подружились. Когда Екатерина Григорьевна покончила с собой, Мария Дмитриевна, горько рыдая, говорила:

— Это я ее убила...

Она желала повенчаться только ради своего отца, которого очень любила. Но я не был убежден, что Дмитрий Михайлович этого так желал ввиду того, что я на двадцать два года был старше его дочери, мы с ним

были почти одного возраста. Однако на мое письмо, в котором я просил руку его дочери, он ответил очень сердечным согласием.

И вот мы приплыли в Белград, где поселились на несколько дней у Дмитрия Михайловича. Он жил с сыном и еще одним молодым человеком.

А брак совершился в городке Новый Сад. Этот городок находится ниже по Дунаю, против крепости, откуда некогда бежал во время войны генерал Корнилов. Церковь в Новом Саду была русская. Поручителями были брат Марии Дмитриевны Владимир Дмитриевич, полковник Петр Титович Самохвалов, Николай Дыховичный и кто-то еще. Дружкой была Зина, вдова полковника Барцевича, которая потом вышла замуж за брата Марии Дмитриевны»^[457].

В метрических книгах русского православного прихода при часовне Святого Василия Великого в Епархиальном доме сербского православного епископа Бачского, в центре города Нови Сад, о венчании В. В. Шульгина записано:

«8/21 сентября 1924 года.

Жених: Потомственный дворянин Василий Витальевич ШУЛЬГИН, вторым браком, 46 лет.

Невеста: Дочь потомственного дворянина Мария Дмитриевна СИДЕЛЬНИКОВА, первым браком, 25 лет.

Поручители: Поручик Николай Лазаревич Дыховичный; поручик Борис Николаевич Бенар;

Полковник Петр Титович Самохвалов;
Вольноопределяющийся Владимир Дмитриевич Седельников»^[458].

Повенчав нашего героя, вернемся к «Тресту».

Шульгин вспоминал: «Врангель в „Трест“ не верил, но не мешал Климовичу возиться с ним. Связь была постоянная, и я увидел, что теперь настало время при помощи Климовича и „Треста“ найти моего сына.

Благодаря Анжелине я знал, что он находится в доме для умалишенных в Виннице.

Я сказал Климовичу, что хотел бы воспользоваться тем приглашением, которое Якушев сделал в Берлине. Климович согласился мне помочь и запросил Якушева, готовы ли они принять меня. Ответ был утвердительный с добавлением: „Сделаем все, что можем“.

При решительном разговоре я спросил Климовича, как он оценивает опасность такого путешествия. Он сказал:

— Шестьдесят процентов за то, что вы вернетесь.

— А на сорок процентов я рискую, — добавил я.

На этом и порешили»^[459].

Все-таки отчаянный человек Василий Витальевич! Его личность была в России известна если не всем читателям газет, то большинству. На что он надеялся?

С другой стороны, он был мистиком, а ведь ясновидящая Анжелина предсказывала, что он избежит опасностей. И главное — найти сына.

Правда, Анжелина предупреждала, что его-то он и не найдет.

Нет, в этом Шульгин ей не поверил и пошел наперекор судьбе.

Спустя много лет, уже в глубокой старости, отсидевший 12 лет во Владимирской тюрьме Василий Витальевич снова оказался под дружественной опекой советских чекистов, которые хотели использовать его в пропагандистских операциях. Как это происходило, поговорим позже, а тут скажем о Ляле. Отец почти нашел его.

Шульгин побывал в Виннице, но психиатрическая больница, где некогда содержался больной сын, во время войны была разрушена, все архивы сгорели, уцелело только больничное кладбище с номерами на безымянных могильных холмиках. Под одним из них

лежал вольноопределяющийся Марковского полка Вениамин Шульгин. Можно представить, что испытал бедный отец, который всю жизнь, страшно рискуя, искал его.

Вскоре сопровождавшие его чекисты (с ними был даже начальник Владимирского областного управления Комитета государственной безопасности полковник В. И. Шевченко) разыскали пожилую даму, бывшего лечащего врача Ляли. Она рассказала немного, вполне определенно: «Это было очень давно, в 1925 году, но я запомнила вашего сына, потому что он был трудный больной. Он отказывался от пищи, и приходилось кормить его насильно. Эта операция так же болезненна для больного, как и для врача».

Еще она вспомнила, что у него был длинный шрам на голове и правой половине лица. И добавила: «Каков его конец? Должно быть, он умер, но я не могу сказать точно, так как была в этой больнице почти до конца 1925 года, а потом уехала. Он мог умереть после этого» ^[460].

Так была поставлена точка в этом почти пятидесятилетнем печальном поиске.

Но вернемся в 1925 год. В России Ленина уже нет, руководят страной Троцкий и триумвират Каменев, Зиновьев, Сталин, и никто не может предсказать, чем закончится их соперничество. И в разгаре новая экономическая политика (нэп), то есть разрешены частное производство и частная торговля. В этом можно увидеть некое слабое отражение канувшего в Лету частнопromышленного ВПК, действовавшего на фоне государственных военных заводов, чьи рабочие потом стали кадровой опорой коммунистического режима. Правда, на сей раз кислотой, разъедающей режим, были не деятели ВПК, а нэпманы.

Будущее коммунистической власти с удивительной прозорливостью снова предсказал шульгинский друг Маклаков: «Как только в большевизии станут на путь улучшения расстроенной экономической жизни, начнется раздор между теми, кто хотел устраивать жизнь на началах коммунизма, но в интересах России или ее пролетарских слоев, и теми, которые всем этим сознательно жертвовали во славу III Интернационала и мировой революции. В среде самой России и пойдет водораздел: на одной стороне будет сытый коммунист, который ездит в международных вагонах и одевает свою жену в бриллианты, а на другой тот, кто, не гоняясь за властью, не споря о формах управления, будет говорить для них очевидные вещи: что правительство отнимает то, что им нужно самим, не дает того, что необходимо, и не потому, что преследует кооперативы или не дает хода капиталу. Объективная необходимость даст победу второму течению; те, кто будет мешать оздоровлению экономического быта из-за интересов Интернационала, будут тогда обезврежены или устранены путем ли террористических актов, или отдачей под суд и т. д., а может быть, сами уйдут, чтобы не быть убитыми в первую очередь»^[461].

Именно так и произошло: одних ждал террористический акт, других суд, третьих изгнание. Маклаков отлично понимал, как исторический процесс делит людей на завтрашних и вчерашних.

В СССР значительно выросла роль военных, среди которых Якушев называл многих союзниками МОЦР. В противостоянии Троцкого и триумvirата они приняли сторону триумvirата, что в конце концов определило победителей.

Однако кроме личного противоборства красных вождей были и более значительные обстоятельства —

стоял вопрос о будущем Советского государства. Дело в том, что в стране снова вышел на поверхность старый конфликт полуфеодального крестьянства (теперь в России было свыше двадцати миллионов маленьких сельских хозяйств и отсутствовали крупные культурные хозяйства) и государственной промышленности.

Промышленных товаров было мало, они были дороги, а крестьяне с их дешевым хлебом не могли создать платежеспособного спроса. Другими словами, тогда крестьяне не видели необходимости идти на расходы для поддержания промышленности. Сельское хозяйство, рост которого выражался в увеличении площади запашки, возобновлении технических культур (конопли, подсолнечника, рапса), увеличении поголовья скота, обеспечивало ресурсами только одну часть экономики. С этим перекосом надо было что-то делать.

Развитие экономики, опирающейся на подъем аграрного производства в условиях нэпа, исключало надежды на успешное соперничество с западными странами: ежегодный прирост экономики был меньше прироста населения.

Троцкий требовал проводить «сверхиндустриализацию» за счет деревни (других ресурсов не было), но оппоненты не хотели начинать новую борьбу с крестьянами, возвращаясь к политике военного коммунизма. Ведь только-только был принят Земельный кодекс, и началась политическая стабилизация. Для шести лет новой власти, из которых четыре года ушло на войну, это было большим достижением и в значительной мере выполнением аграрной программы большевиков.

Тем не менее в воздухе витало ощущение недосказанности, недоделанности революции. С августа по декабрь 1923 года в стране прошло 217 забастовок, из них в Москве — 51. Политические настроения рабочих внушали опасения. К тому же в

деревнях снова нарастали перенаселение, скрытая безработица, которая послужила взрывным материалом в империи и теперь давила на власть.

Как говорил один из районных чекистов Полтавской губернии: «Уверены, что иллюзии наших врагов, допускающих мысль о капитуляции Советской власти, скоро рассеются, а веселые улыбочки на их лицах сменятся на гримасу ужаса и дикого животного страха перед лицом всепобеждающей стратегии коммунизма»^[462].

Недовольство промышленных рабочих требовало от Кремля новых подходов, но армию не следовало упускать из-под контроля ни на минуту.

И здесь конфликт в советском руководстве разрешился таким образом, что это послужило укреплению авторитета МОЦР у белых генералов.

27 декабря 1923 года начальник политического управления РККА В. Антонов-Овсеенко направил в политбюро письмо с угрозой «обратиться к крестьянским массам, одетым в красноармейские шинели, и призвать к порядку зарвавшихся вождей» и признал, что «среди военных коммунистов уже ходят разговоры о том, что нужно поддержать, как один, т. Троцкого»^[463].

Командующий Московским военным округом Н. Муралов был за Троцкого. Позицию Троцкого поддерживали партийные ячейки Главного управления Военно-воздушного флота СССР, Штаба РККА, Главного управления военных учебных заведений РККА, частей ЧОН.

Было бы противоестественным, если бы в такой обстановке не возникла идея о военном решении конфликта. До сих пор нет ясности в вопросе, почему не произошел военный переворот, о котором тогда в

Москве говорили на всех углах. Официальная версия: Троцкий был болен, сильно простудившись на охоте.

Но «дворцовому перевороту» помешал командующий Западным фронтом Тухачевский, который не захотел поддержать Троцкого.

«Сам же „вождь Красной Армии“ в сложившейся военно-политической ситуации, сумев оценить проигрышность своей позиции, предпочел воспользоваться собственным, действительно болезненным состоянием и „уйти с поля боя“» ^[464].

Итак, советские военные продемонстрировали свою силу и подняли настроение белой эмиграции, имеющей многих сочувствующих внутри СССР. Те учителя, врачи, агрономы, ученые, бухгалтеры, статистики, ветеринары, инженеры, техники, фельдшеры, которые образовывали основу российских либеральных партий и за которых отдали голоса большинство избирателей в Учредительное собрание, не уехали из страны и никуда не исчезли. Именно они в сочетании с белой диаспорой составили основной потенциал внутреннего сопротивления коммунистической власти.

Мироощущение белых передает приказ генерала Врангеля от 14 января 1926 года: «...Как в бою разворачивается полк, разбивается на батальоны, роты, взводы, звенья, принимает рассыпной строй, так Армия, изгнанница из лагерей Галлиполи, Лемноса, Кабакджи, разошлась по братским славянским странам, рассыпалась по горам Македонии, шахтам Болгарии, заводам Франции, Бельгии, Нового Света. Рассыпалась, но осталась Армией, — воинами, спаянными между собой и своими начальниками, одушевленными единым порывом, единой жертвенной готовностью. Среди тяжелых испытаний Армия устояла. Не ослабла воля. Не угас дух. Придет день, протрубит сбор, сомкнутся ряды,

и вновь пойдем мы служить Родине. Бог не оставит нас. Россия не забудет»^[465].

Вопрос был в том: какая Россия?

СССР находился между новым крестьянским бунтом, опирающимся на традиционный деревенский локализм, и новой редакцией продрозверстки. Из этой оценки неизбежно должен был последовать вывод о грядущем участии государства в организации нового модернизационного цикла, то есть внутри нэпа уже вызрели силы, препятствующие развитию.

По сути, Витте и Сталин смотрели на проблемы российской экономики одинаково. Государственный капитализм начала XX века с его госмонополизмом (вспомним генерала А. А. Маниковского) наталкивался на многоукладность и недоразвитость капитализма в селе, и социалистическая экономика испытывала точно такие же трудности.

Это экономическое раздвоение страны требовало сильного решения. Историческая традиция подсказывала направление.

«Как это парадоксально ни звучит, но большевики есть третье явление русской великодержавности, русского империализма — первым явлением было Московское царство, вторым явлением Петровская империя. Большевизм — за сильное, централизованное государство. Произошло соединение воли к социальной правде с волей к государственному могуществу, и вторая воля оказалась сильнее»^[466].

Такой в общих чертах была обстановка в СССР, когда Шульгин предпринял свое путешествие под опекой МОЦР. Добавим к этому еще и изменение в европейском политическом ландшафте.

В Европе прошла перегруппировка сил: ослабленная непосильными репарациями Германия приняла американский «план Дауэса», уступила американцам

контроль над своими финансами и получила кредиты, по которым могла восстанавливать промышленность и выплачивать репарации. Время вражды заканчивалось.

В октябре 1925 года в Локарно были приняты так называемые Локарнские договоры и 1 декабря подписаны в Лондоне. Это стало плохим сигналом для Кремля: Великобритания, Франция и Германия взаимно гарантировали незыблемость своих границ, но обязательства не распространялись на восточные рубежи Германии, то есть в сторону СССР.

На XIV съезде ВКП(б) Сталин сказал, что Локарно — это «продолжение Версаля». «Думать, что с этим положением помирится Германия, растущая и идущая вперед, значит рассчитывать на чудо». Он предсказал, что «Локарно чревато новой войной в Европе» и назвал болевые точки: потерю (по Версальскому договору) Германией Силезии, Данцига и Данцигского коридора, потерю Украиной (читай: СССР по итогам советско-польской войны) Галиции и Западной Волыни, потерю Белоруссией (СССР!) западной ее части, потерю Литвой Вильнюса (захвачен Польшей)^[467].

Немцы как-то кособоко, но возвращались в западный мир, а СССР оставался в изоляции, боясь потерять главного своего партнера, каковым были Германия и ее генералы, ненавидевшие западных руководителей за унижительные условия Версаля.

13 апреля 1926 года генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин сделал доклад на пленуме Ленинградской партийной организации «О хозяйственном положении и политике партии» и заявил, что страна вступила во второй период нэпа, в период «прямой индустриализации»: «Не может страна диктатуры пролетариата, находящаяся в капиталистическом окружении, остаться хозяйственно самостоятельной, если она сама не производит у себя

дома орудий и средств производства, если она застревает на той ступени развития, где ей приходится держать народное хозяйство на привязи у капиталистически развитых стран, производящих и вывозящих орудия и средства производства. Застрять на этой ступени — значит отдать себя на подчинение мировому капиталу»^[468].

Как заметил сменовеховец Н. В. Устрялов, происходила «национализация Октября». Сменовеховство было новым течением в эмиграции, нацеленным на сотрудничество с Москвой, эволюционный перехват власти у коммунистов.

Вскоре после Локарнских договоров и вступления Германии в Лигу Наций, при абсолютной поддержке главнокомандующего рейхсвером генерала Г. фон Секта был заключен договор о дружбе с СССР. Германия стремилась сохранить баланс сил.

Глава тридцать четвертая

Шульгин едет в Советскую Россию. — МОЦР демонстрирует свои возможности. — СССР — та же Россия, только хуже. — Снова «еврейский вопрос». — Выпуск книги о путешествии

Итак, 23 декабря 1925 года 48-летний гражданин Иосиф Карлович Шварц, высокий мужчина с пышной седой бородой, курчавившейся возле ушей, перешел советско-польскую границу в сопровождении сотрудника «Треста» Ивана Ивановича (офицер ОГПУ Михаил Иванович Криницкий). Затем уже под именем Эдуарда Эмильевича Шмитта в сопровождении Антона Антоновича (офицер ОГПУ Сергей Владимирович Дорожинский, бывший товарищ прокурора Киевского окружного суда Н. Н. Чебышева) на поезде доехал до Киева и поселился в скромной гостинице «Бельгия».

Шульгин (это, конечно, был он) совершил большое путешествие по трем главным советским городам и был поражен как увиденным, так и большими возможностями «Треста». Вернувшись в Сремски Карловцы, он написал книгу «Три столицы», в которой изложил свои впечатления. Она стала сенсационной.

Вот ее основные выводы: «Позднее я понял, что это вообще самая краткая характеристика современной России: все, как было, только хуже»^[469].

И еще: «Когда я шел туда, у меня не было родины. Сейчас она у меня есть»^[470].

По сути, эта книга — большой яркий репортаж человека, выглянувшего из эмигрантского Зазеркалья. Читать ее сегодня — словно читать старые газеты: некогда живая ткань жизни высохла, пожелтела и не слышна. Необходимы усилия, чтобы уловить тот

некогда сильный голос. В этом смысле «Дни» гораздо живее, потому что трагичнее.

«Три столицы» для нас интересны прежде всего прогнозами Шульгина, а не делами «Треста», тем более что никаких особых «дел» и не было. Василий Витальевич прошел по старым своим путям, посмотрел на себя прежнего и отбыл восвояси. Прежний Шульгин был представлен в виде фотопортрета в Музее революции в Зимнем дворце как депутат Государственной думы и вообще «бывший». Единственное, что останавливает внимание на этой встрече двух Шульгиных, — оценка старшего Василия Витальевича: «Этот господин был мне скорее несимпатичен и во всяком случае очень далек от меня»^[471].

В приведенных словах угадывается некое раскаяние.

Однако с других страниц книги слышится бодрый голос.

«— Эдуард Эмильевич. Вот вы — белые, или, скажем, мы — белые, боролись. Боролись, скажем, героически, до последних сил. Но проиграли. Ведь проиграли, Эдуард Эмильевич?

— Это как сказать. В борьбе оружием мы проиграли. В борьбе идей мы не проиграли. Во всяком случае, мы свою идею вынесли из боя, сохранили, и я думаю, что она постепенно завоевывает мир. По крайней мере фашизм, который сейчас является противником коммунизма в мировом масштабе, несомненно, в некоторой своей части есть наша эманация»^[472].

Здесь надо повторить, что тогдашний фашизм означал волевое национальное начало, но никак не то, что потом выразилось в германском национал-социализме. Ведь фашистом в те годы называли и Столыпина («первый русский фашист»), и президента

США Франклина Д. Рузвельта — за решительную борьбу с последствиями экономического кризиса.

И вот что подчеркнем особо: в каком-то смысле Шульгин, говоря о культурной отсталости России от стран Запада, предвосхищал знаменитую речь Сталина от 1931 года о необходимости догнать передовые страны за 10 лет, «иначе нас сомнут». Наш герой подчеркнул, что западные культурные достижения стучали в дверь России «не клюкой подорожной, а рукоятью меча».

Конечно, в книге есть и «еврейская тема».

«Лица? Я ничего до сих пор не сказал о лицах.

Какие у них лица?

Боже мой, теперь, когда я это пишу, они уже слились в какой-то общий фон. Я не помню отдельных лиц.

Но общее впечатление: низовое русское лицо, утонченное „прожидью“.

Объяснюсь яснее.

Тонких русских лиц здесь почти нет. Если лицо тонкое, то оно почти всегда — еврейское.

Конечно, в этом вопросе важно „не пересолить“. Тонких русских лиц всегда было маловато. Я хочу сказать: тонких тонкостью черт. Процент таких лиц у нас всегда незначителен сравнительно с Европой.

Но в России была другая тонкость — не чертами лица. Тонкие черты лица указывают на старую культуру — это заслуги предков. Этого в России было мало. В России начинал образовываться порядочный слой тонкости благоприобретенной. Это интеллигентные лица, — тонкие своим выражением. Это люди одного, двух, трех поколений усиленной культуры. Черты лица у таких не могли сложиться в тонкость, это требует веков, но сложилась тонкость взгляда, улыбки. Эти русские лица так легко выделяются и в эмиграции. Они именно и служат характерным признаком русского

лица... Русское интеллигентное лицо — это синтез быстро усвоенной культуры, и притом культуры многих народов. Оттого оно такое сложное и часто так мучительно противоречивое...

Вот этого рода тонких русских лиц не видно за столами.

...Здесь, за столами, — мещанство. Низ, стремящийся кверху. Через два-три поколения, если их не вырежут какие-нибудь „хищники“, из этого городского примитива образуется вновь слой интеллигенции, тонкий своей сложностью, своей „благоприобретенно“ воспринятой культурой.

Но „тонких черт лица“ все же не будет. Неумолимая история наша не дает отстояться вековому отбору. Рок постоянно скусывает русскую верхушку, и массе каждый раз снова приходится лихорадочно ее вырабатывать.

Кто же скусил эту верхушку на сей раз?

Вот эти тонкочертистые, горбоносистые, которые сидят с русскими вперемешку?

Они, конечно.

Из этого не следует, однако, делать слишком поспешных заключений...» ^[473]

Не надо спешить? Не будем.

Лучше вспомним описание революционной стихии 1917 года у Ивана Бунина, который, кстати, очень хвалил книги Шульгина: «Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские.

Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: „Cave furem“. На эти лица ничего не надо ставить, — и без всякого клейма все видно...» ^[474]

И еще. После смерти Ленина в 1924 году объявлялся массовый прием в коммунистическую партию «рабочих

от станка», получивший название «ленинского призыва». К началу 1924 года в партии состояло около 300 тысяч человек. Новый набор увеличил ее на 240 тысяч, что привело к качественному изменению ее состава. Если Ленин видел в партии элитарный культурный отряд, то переход к массовой партии резко изменял ее характер. Партия постоянно вбирала в себя все новых и новых членов, все глубже опускаясь в массовый (очень невысокий) культурный слой.

Видимо, это и имел в виду Шульгин, когда предлагал «не спешить».

Василий Витальевич этим не ограничился и привел программную беседу с одним из главных руководителей «Треста» (возможно, это был генерал Потапов). Вот что говорилось на «еврейскую тему»: «Кто-то, говоря о Советской России, написал, что это страна „еврейского фашизма“. Это глубоко правильно, так оно и есть. В России несомненно произойдет длительная борьба между сравнительно немногочисленным, но очень дружным между собою и психически очень сильным еврейством и русскими, многочисленными, но разрозненными, борьба за гегемонию. Эта борьба идет, и она будет крайне трудна. Но безумие думать, что ее можно решить физическими способами, т. е. погромами. Безумие хотя бы потому, что физическое истребление всего еврейства невозможно, частичное же избиение невероятно укрепляет психическую мощь остального еврейства и в то же время глубоко ослабляет психику русской стихии, развращая ее. Борьба произойдет совершенно в других плоскостях, это будет борьба за духовное преобладание, и победа в этих областях определит уже, как неизбежное следствие, преобладание политическое и экономическое»^[475].

Не исключено, что так же думал и сам Василий Витальевич. Во всяком случае, он не спорил со своим

собеседником.

Впрочем, Шульгин от себя противоречиво предлагает после победы решить вопрос иначе и мирно: выслать евреев из России. То есть не надеяться на борьбу «за духовное преобладание».

Сталину тоже уделено внимание в «Трех столицах», причем очень злое.

Так, Шульгин указывает: «...про Сталина говорят, что „легче найти розового осла, чем умного грузина“, но я все же не отчаиваюсь. Выучили же мы Ленина „новой экономической политике“...»^[476]

Зато Ленину досталось еще больше, самое «ласковое» определение — «горилла».

Что касается политической программы в изложении «генерала Потапова», то ее вполне можно считать либерально-социалистической: «...уважение к религии и моральному началу, здоровый национализм, не переходящий в шовинизм, осознание важности духовной культуры, наравне с материальной, не только не угашение, но и пробуждение человеческого духа во всех областях, свобода трудиться, работать и мыслить, всяческая поддержка творчества, то, что выражал Столыпин лозунгом „ставка на сильных“, и вместе с тем смягчение этого сурового лозунга во имя христианского чувства, которое мы все исповедуем, смягчение его милостью к слабым...»^[477]

Скорее всего, «Потаповская программа» действительно отражала чаяния имперской интеллигенции, перешедшей на сторону большевиков и содействовавшей модернизации страны, однако международный экономический кризис, борьба за передел рынков как со стороны США, так и Германии, внутриэлитная борьба в СССР, ускоренная индустриализация в мобилизационном режиме за счет

сопротивлявшегося крестьянства — все это не оставило камня на камне от «милосердных» программ.

Но это мы знаем сегодня.

Тогда же всё виделось по-иному...

Маркс говорил о Кромвеле: он в одном лице соединял Робеспьера и Наполеона — как Робеспьер Кромвель возглавил революцию, а как Наполеон ее задушил, чтобы расчистить путь для реставрации монархии.

Подобно этому ленинский нэп прикрыл недозавершенную ленинскую революцию, а Сталин вообще свернул ее, начав длительное, растянувшееся на многие десятилетия восстановление нормального государства.

Те же люди, то есть целые поколения, попавшие в этот зазор, были несчастливы.

Хотя им порой можно было и посмеяться над своим положением. Мы имеем в виду забавный эпизод из «Трех столиц» — описание, как парикмахер красил Шульгину бороду, использованное вскоре советскими писателями Ильфом и Петровым в сатирическом романе «Двенадцать стульев». Помните, как не лишенный обаяния «сын турецкоподданного» Остап Бендер красит волосы бывшему уездному предводителю дворянства Ипполиту Матвеевичу Воробьянинову?

У Шульгина процесс описан так.

«Усадив меня в кресло перед зеркалом, он (парикмахер) пошел за перегородку и там с женой кипятил хну. Время от времени он приходил и сообщал, что пробует хну на седой волос (мне почему-то казалось, что на конский, но я не знаю в точности, потому что дело было за занавеской) и что выходит хорошо.

Наконец приблизилась роковая минута. Он вышел с кастрюлечкой, в которой шевелилось нечто бурое. Это бурое он стал поспешно кисточкой наносить на мои усы

и острую бородку. День был серый, кресло в глубине комнаты, и в зеркале было не особенно видно, как выходит. Намазавши все, он вдруг закричал:

— К умывальнику!

В его голосе была серьезная тревога. Я понял, что терять времени нельзя. Бросился к умывальнику.

Он пустил воду и кричал:

— Трите, трите!..

Я тер и мыл, поняв, что что-то случилось. Затем он сказал упавшим голосом:

— Довольно, больше не отмоеете...

Я сказал отрывисто:

— Дайте зеркало...

И пошел к окну, где светло.

О, ужас!.. В маленьком зеркальце я увидел ярко освещенную красно-зеленую бородку...

Он подошел и сказал неуверенно:

— Кажется, ничего вышло?

Я ответил:

— Когда я пойду по улице, мальчишки будут кричать „крашеный“!

Он кротко и грустно согласился:

— Да, да, не особенно...

Но сейчас же оживился:

— Но я вам это поправлю!

И энергично послал мальчишку „за карандашом“... Вернулся мальчишка и принес обыкновенный карандаш. Парикмахер очинил его тщательно. Усадив меня снова перед зеркалом в кресло, в котором я чувствовал себя хуже, чем у дантиста, и, взяв в левую руку гребешок, а в правую карандаш, он подхватывал на гребешке злосчастные волосы и тщательно растирал каждый волосок карандашом. По мере работы лицо его прояснялось, я же пока видел, что в зеркале борода темнела. Наконец он сказал:

— Готово! Хорошо!

Я взял зеркало и пошел к окну.

Боже! Из зеленой она стала лиловой... лиловато-красной. Это был ужас.

Парикмахер говорил:

— Я всегда так дамам делаю...

Но то, что выходило у дам, не подходило к советскому чиновнику. Что было делать?

Единственный исход! Надо было сбрить к черту всю эту мазню. Я сказал коротко:

— Режьте...

Но он запротестовал:

— Ах, нет, не надо!.. Такая хорошая бородака вышла! Жалко.

Я повторил мрачно:

— Режьте все...

— И усы?

— И усы...

Нельзя ж было оставить лиловые усы...» ^[478]

А вот что читаем у Ильфа и Петрова: «Ипполит Матвеевич отряхнул с себя мерзкие клочья, бывшие так недавно красивыми сединами, умылся и, ощущая на всей голове сильное жжение, в сотый раз сегодня уставился в зеркало. То, что он увидел, ему неожиданно понравилось. На него смотрело искаженное страданиями, но довольно юное лицо актера без ангажемента».

В этом месте все молодые советские читатели улыбались или смеялись, бывший предводитель дворянства действительно был несуразен и смешон.

Что можно добавить к этому?

Было веселое и еще полное иллюзий время нэпа, советские люди (почти по Марксу), смеясь, расставались с прошлым.

В конце путешествия Шульгину сообщили о том, что его сына не удалось разыскать. Как мы знаем, к тому

времени он уже умер.

Тогда же Василий Витальевич спросил, как он может отблагодарить коллег за участие, и они предложили ему написать книгу обо всем увиденном. Он долго колебался, не желая навредить им, но ему посоветовали предварительно прислать рукопись на просмотр в Москву. Тогда он согласился.

Одобренное руководством Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) произведение Шульгина «Три столицы» было издано в Берлине и Париже, увенчав чекистскую операцию. Сам факт успешно осуществленного путешествия укрепил авторитет «Треста», а Шульгин стал героем в глазах эмигрантов.

Израильский политолог Михаил Агурский называл чекистскую игру с Шульгиным «макиавеллистской затеей ГПУ», отразившей готовность советской системы к любой трансформации. Что ж, в 1925 году мир еще не окостенел в военно-экономическом противоборстве.

«Я был в те дни самым популярным человеком в эмиграции. Газеты, даже враждебные, писали статьи на тему „Шульгин и его подвиг“.

Все это через короткое время лопнуло, как пузырь»^[479].

Глава тридцать пятая

«Трест» разоблачен. — «Военная тревога» в СССР. — Шульгин уходит в частную жизнь

Чем же на самом деле был «Трест», если смотреть не с контрразведывательной позиции, а с точки зрения выступавших на советской стороне Якушева, Потапова, Зайончковского?

Это была неосуществимая и поэтому наивная попытка установить связь с договороспособной частью русского зарубежья, которая выражала себя в сменовеховстве, евразийстве и даже «русском фашизме».

Показательно, что в 1939–1940 годах следователи Наркомата госбезопасности СССР уже рассматривали «Трест» «...в качестве конспиративной структуры, созданной оппозиционными элементами ОГПУ и РККА для установления связи с иностранными разведками и эмигрантскими организациями»^[480].

Советской России необходимо было выйти из узкой мировоззренческой конструкции, которая базировалась, по мысли В. Вейдле, на «малограмотном западничестве, приправленном дешевым славянофильством». Выпадение России из Европы оказалось трагично для обеих. Но протянутая из Москвы рука была железной неживой чекистской рукой в стародворянской интеллигентской перчатке. Это выяснилось очень быстро. Поэтому не случайно сам Якушев во времена чистки 1937 года, когда европейских иллюзий практически уже не существовало, был арестован и умер в заключении. Не случайно морально был убит и Шульгин. Он сказал, что Россия при большевиках возрождается, ему не могли поверить.

Петровская великая империя превратилась в Московское советское царство, замкнутое в самом себе и создавшее свою молодую элиту. И не надо забывать, что СССР отказался признавать огромные международные долги Российской империи.

Проекты 1927–1929 годов грандиозны: начато строительство Сталинградского, Челябинского, Харьковского тракторных, Нижегородского автомобильного заводов, Уралмаша, реконструкция Путиловского машиностроительного, строительство железной дороги Турксиба, Днепрогэса, металлургических комплексов Запорожья, Кузбасса, Магнитки, Кривого Рога.

Русское зарубежье осталось за бортом, не были исключением даже такие великие созидатели, как изобретатель телевидения Владимир Зворыкин и авиаконструктор Игорь Сикорский. Однако Вейдле точно назвал три «дара», которые принесла России революция: «...сознание единства всей огромной страны, участие всего населения в ее исторической жизни, правящий слой, близкий народу, внутренне не отделенный от него. Ни одним из этих даров Россия никогда не обладала» ^[481].

Благодаря этим дарам Советский Союз превратился в великую державу и при этом, как до него Петровская империя, не смог выйти за свои пределы. Обуржуазившиеся внуки советских инженеров эпохи сталинской индустриализации захотели преобразовать «царство», согнать с Олимпа состарившихся дедов и пошли по пути Прогрессивного блока, тоже надеясь сохранить государство от собственных разрушительных усилий, но они не знали урока отречения императора Николая Александровича Романова.

Как же развивались события после публикации «Трех столиц»?

Б. А. Бахметев написал из Вашингтона В. А. Маклакову 1 марта 1927 года: «Пишу под свежим впечатлением книги Шульгина „Три столицы“, книги захватывающей, любопытной, как живой документ, написанный кровью бесконечно искреннего человека. Несомненная картина России, оживающей силой самоутверждающейся жизни; бесконечно искреннее срывание покров с факта полного непонимания и незнания так называемой эмиграцией происшедшего и происходящего в России процесса. В то же время книга, не дающая ответа или, вернее, дающая неубедительное представление о том, откуда и как могут произойти события, в результате которых изменится система; кто истинные носители, активные исполнители хотя бы слепой воли исторической эволюции? О крестьянстве почти не слышно. Конечно, В[асилий] В[итальевич] в деревне не мог быть и писал правдиво лишь о том, что наблюдал. Вы чувствуете поневоле увлечение „фашистской“ организацией контрабандистов, которые руководили его жизнью в России. Но нет ничего, что сколько-нибудь говорило бы о серьезности и силе этой организации. В конце концов нет возможности судить, поскольку в картине, данной В[асилием] В[итальевичем], влиял на окраску природный романтизм автора.

Мне очень хочется, чтобы Вы написали, что Вам лично известно по этому вопросу от В[асилия] В[итальевича]; как он оценивал положение, так как ясно, что многого нельзя было писать. Всегда среди русских ходят разные басни... Что было на самом деле?»^[482]

Между тем история еще продолжалась. В конце марта 1927 года в финском городке Териоки было назначено совещание Кутепова с военными представителями «Треста». Накануне совещания

преемник умершего Дзержинского Менжинский наставлял военного руководителя «Треста» Потапова: всячески оттягивать сроки начала вооруженного выступления и компрометировать идею белого террора. На прощание Менжинский сказал, что существование «Треста» несколько затянулось, ведь в конце концов чекисты не могут так долго оставаться слепыми, а иностранные разведки, не получающие нужных сведений, соглашаться на связь с ним. Дело в том, что Сталин отдал команду заканчивать операцию, так как ее продолжение начинало препятствовать развитию внешнеэкономических связей СССР: правительства западных стран ожидали скорого переворота в Москве!

Но с другой стороны, как без «Треста» сдерживать Кутепова?

На встрече в Териоках Кутепов сообщил, что в его распоряжении значительные офицерские силы в европейских странах и террористические группы, первую группу из восьми человек можно отправить в любой день. Он спросил о сроках восстания. Потапову пришлось юлить, жаловаться на отсутствие денег. Стало очевидно, что еще немного времени — и Кутепов начнет действовать самостоятельно.

После возвращения из Финляндии в Париж Кутепов, как указывалось в сообщении Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ, «разработал сеть террористических актов в СССР и представил свой план на рассмотрение штаба»^[483]. В этом плане значилось убийство Сталина, взрыв военных заводов, убийство руководителей ОГПУ и командующих военными округами.

21 апреля в советских газетах было помещено сообщение о ликвидации контрреволюционной шпионской группы, руководимой белым генералом Кутеповым. Кутепов обвинялся в связях с иностранными

разведками. Ни одно имя арестованных по делу не было названо.

Вскоре «экономический директор» «Треста» Эдуард Стауниц (сотрудник ОГПУ Опперпут), перейдя вместе с Захарченко-Шульц и Радкевичем на финскую сторону, признался, что он чекист...

Шульгин узнал об этом — надо было каяться. Он написал две статьи, объясняя свое положение, но генерал Кутепов, от которого он получил информацию, запретил их печатать, желая сохранить авторитет РОВСа.

1927 год стал в СССР «годом военной опасности». 12 мая в Лондоне полиция вторглась в помещение англо-советского акционерного общества «Аркос». 27 мая правительство Великобритании разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом. 7 июня в Варшаве юношей-белоземigrантом Борисом Ковердой был застрелен советский полпред П. Л. Войков, один из организаторов расстрела Николая II и его семьи.

Вечером 7 июня 1927 года группа боевиков РОВСа во главе с первопоходником-добровольцем капитаном Виктором Ларионовым, перешедшая финляндскую границу, бросила бомбу во время заседания партклуба в Ленинграде, было ранено 30 человек.

15 июня в Женеве на неафишируемой встрече глав МИД Великобритании, Германии, Франции, Бельгии, Японии обсуждался план антисоветских мероприятий, который предложил английский министр О. Чемберлен. И лишь одна Германия не стала ввязываться.

Владелец нефтедобывающей компании «Ройял Датч Шелл» Генри Детердинг, женатый на русской эмигрантке Лидии Павловой, финансировал подрывные акции против СССР, в том числе подготовку к военной интервенции, препятствовал другим западным

компаниям сотрудничать с советской нефтяной отраслью.

Ответное письмо Маклакова Бахметеву о книге Шульгина датировано 16 сентября 1927 года: «Помню, что я тогда же показал Шульгину Ваш отзыв о нем и Ваш запрос; отзыв был, конечно, ему приятен, но на самый запрос он уже ответил с некоторым пожиманием плеч, что, конечно, дескать, Вы правы, и он видит в той организации, которая его возила, зародыш будущего фашизма, полезного для России, но...

Дело в том, что Шульгин, как очень эмоциональный человек и при этом очень искренний, сам переживал эволюцию своих собственных наблюдений; переехал он границу в совершенно восторженном настроении; затем это настроение стало понемногу падать; я его увидел много раньше появления книги, и тогда уже он признавался мне, что вводит поправки в свои выводы. Все это довольно понятно; ехал он в Россию полный воспоминаний 20-го года, когда было видно только одно продолжающееся разложение, и материальное, и моральное, когда можно было думать, что Россия погибает; к своему изумлению, он столкнулся с обратным и новым процессом морального и материального восстановления. Все его приятно поражало: и то, что закипало оживление в экономической жизни, и то, что никто не поддерживал большевистских идеалов и мечтаний, и то, что в разговорах на улицах их перестали бояться, и *last but not least* то, что в России уже могла существовать и действовать „контрабандистская“ организация. Шульгин воочию наблюдал развитие „быта“, по Вашему выражению, и думал, что он находится накануне того дня, когда этот быт скovyрнет власть. Это чувство было в нем настолько живо, как он мне признавался, что, когда он переехал границу, то он почти каждый день

ждал в газетах известия о перевороте. Известие не приходило; он поневоле признавался себе, что процесс все-таки более затяжной, чем ему казалось, и начинал резонерствовать, объясняя по-своему и сущность процесса, и его будущность, и причины, его замедляющие.

Когда я его видел, то он уже несколько сомневался в полной точности своих впечатлений, которые служили для него только поводом осмысливать ту перемену, которая происходила в России; Вы совершенно правы, отмечая, что его разговоры, приведенные в книге, есть только способ излагать свои собственные мысли; это не есть полная ложь и выдумка; это только комбинация; он соединял в одно разговоры с разными лицами и в разное время, придавал им логическую стройность и литературную ясность и вводил в русло собственных представлений. Все, что он вкладывает в уста своих слушателей, все было сказано только по разным поводам и в разное время, и его собеседники явились как бы сводным политическим портретом того нового типа деятелей в России, в которых он видел Россию будущего и главных деятелей предстоящего переворота. В его книге очень нетрудно отличить тех персонажей, которые являются реальными людьми, дающими материал для наблюдений, и тех собеседников, с которыми он рассуждает и устанавливает понимание своих наблюдений. Первое — сама жизнь, а второе — общая теория и политика. К моменту появления книги непосредственные впечатления все более и более забывались и отходили на задний план; под влиянием расспросов и допросов, с которыми на Шульгина накнулись все эмигранты, требуя от него не картин, а выводов, при этом непременно выводов в том направлении, в котором им хочется, наименее интересная часть книги, т. е. рассуждения, поневоле вылезали на первое место; если

бы он еще замедлил с печатанием своей книги, то она бы вышла еще слабее, так как рассуждения совершенно заслонили бы впечатления, а, вернее, и вовсе не вышла бы...»^[484]

В октябре 1927 года в русской зарубежной прессе разгорелся скандал.

8 октября в «Иллюстрированной России» была напечатана статья Владимира Бурцева «В сетях Г. П. У.», разоблачавшая «Трест».

В тот же день газета «Последние новости» писала: «Эта поразительная проделка, жертвой которой стал в данном случае опытный политический деятель, — иллюстрирует ту опасность, которой подвергаются люди, пытающиеся из эмиграции „сделать революцию“ в России: опасность стать игрушкой в руках врага и погибнуть бесцельной жертвой, не добившись ничего, кроме собственного разочарования».

Берлинская газета «Руль», издаваемая кадетами, была наиболее принципиальной в оценке: «Но самым печальным и самым страшным во всей этой сенсации, безусловно, является злобная книга Шульгина „Три столицы“, излагающая его впечатления от провокаторской поездки. Рукопись книги была предварительно отослана в Москву на просмотр ОГПУ, где она и была проредактирована.

В результате этой редакторской работы в книге Шульгина отчетливо определились два лейтмотива: во-первых — в России все осталось по-старому, только немного хуже, но зато советская власть создала много хорошего, за что следует ей в ножки поклониться, а во-вторых — евреи все до одного должны удалиться из России под страхом быть истребленными. Сочетание этих двух лейтмотивов представлялось весьма знаменательным уже и тогда, когда еще не было известно об активном сотрудничестве ОГПУ. Когда же

на это было указано Шульгину в печати, он рьяно отстаивал свои взгляды: недаром говорится, что горбатого могила исправит. Но теперь, после того как выяснилось, что за указанным сочетанием стоит сотрудничество провокаторов, что книга „Три столицы“ составлена Шульгиным под редакцией ОГПУ, неужели он от своего авторства не отречется, неужели он не расскажет, как в действительности все происходило, как провокаторам удалось заманить его в западню, что они старались внушить ему, в какую сторону устремляли его внимание, какие цели преследовали при устраиваемых ему встречах и тайных собеседованиях? Неужели теперь Шульгин будет держаться той же тактики, что и ОГПУ, и так же молчать, как и этот советский застеноч?»^[485]

На этом, можно сказать, политическая деятельность нашего героя оборвалась.

Он признался Маклакову в письме от 6 ноября 1927 года: «Я не „стыжусь“, ибо хотел сделать все как можно лучше, а что не хватило несколько золотников серого мозгового вещества, то я же в этом не виноват! Но только у меня пропала всякая охота писать статьи, ибо мне видно психическое лицо читателя, который мыслит: „Ну что ты там, простофиля, еще написал; а Трест помнишь?“ Поэтому я дал себе „отпуск“»^[486].

Уйдя из публичной политики, Василий Витальевич должен был чем-то заполнять образовавшуюся пустоту, хотя в целом это было едва ли возможно.

В это время случилось несчастье с его старым другом, который сильно пострадал от брошенной анархистом бомбы и нуждался в помощи. Подробности дела нам неизвестны, но в письме Шульгина Маклакову есть детали, которые берут за душу: «Возвращаюсь к несчастному Френкелю Сергею Андреевичу, моему другу с гимназической скамьи. На днях Алексинский

сделал вторую трепанацию черепа. Вы можете себе представить, сколько все это стоит... Прибавьте, что, хотя он православный в третьем поколении, но не порвал связей с еврейством и женат на еврейке, а, следовательно, у некоторых это обстоятельство могло родить некоторые чувства. Собственно говоря, сейчас я к Вам обращаюсь именно ради этой Этели Исааковны. Она совершенно не способна сейчас ничего соображать, но брат Сергея Александр Андреевич Загорский-Френкель, адвокат, которого Вы, может быть, знаете, надоумил ее подать прошение министру Внутренних дел. Оно при сем прилагаю с превеликой просьбой подать его сему министру при Вашем письме, иначе на него не обратят внимания... Я знаю, что расходы действительно очень велики. Кроме уже истраченных на хирургов, и сестер, и лекарства нескольких тысяч франков, сейчас имеется пять тысяч долга в лечебницу, и за вторую операцию Алексинскому не заплачено (он, впрочем, подождет). Но „борьба продолжается“, а значит, ежедневные расходы в размере не менее 200 фр. в день. Все, что у них было, ушло. Я буду собирать как-то, где можно, но, пожалуйста, помогите у министра, может быть, они что-нибудь дадут.

Мой друг Сергей ужасно хороший человек. Это из тех людей-мостов, которые, принадлежа к двум кровям, всем своим существованием служили делу засыпания расовых рвов. Жалко мне его очень»^[487].

Маклаков откликнулся на это письмо, обратился с просьбой о помощи к французскому министру внутренних дел. Правда, нам неизвестно, как дальше сложилась судьба шульгинского друга. Только известно, что дожил он до 1930 года.

Сам же Василий Витальевич превратился в мирного обывателя, счастливо избавленный от необходимости зарабатывать на кусок хлеба либо таксистом, либо

заводским рабочим. Они с женой снимали недорогие квартиры в Париже, потом маленькие домики в провинции, катались на велосипедах, Шульгин собственными руками построил байдарку и плавал в ней вместе с сыном Дмитрием и племянником Владимиром Лазаревским вдоль берега Средиземного моря. Однажды они попали в шторм, байдарка разбилась о скалу, но никто не пострадал.

Здесь надо сказать несколько слов о Дмитрие, которого Шульгин очень любил. Сын был выпущен из Морского корпуса в Бизерте, при содействии Маклакова окончил французскую военную школу Сен-Сир, собираясь служить офицером в Иностранном легионе, но ему было предложено стать только сержантом, и он отказался. Не взяли его и в сербскую армию. Тогда он поступил на инженерный факультет в Белграде. Это был сильный высокий парень, в котором, как говорил Шульгин, не было ни капли «эмигрантщины», то есть закомплексованности.

В конце мая 1928 года Шульгин получил из Парижа письмо. Его приглашали принять участие в диспуте «Антисемитизм в Советской России», даже обязывались оплатить проезд. Он не поехал. Диспут состоялся без него, в редактируемой Милюковым газете «Последние новости» бывший думский журналист Соломон Поляков-Литовцев напечатал статью, в которой высказал сожаление, что ни один «честный антисемит» не захотел выступить и рассказать, что «им в евреях не нравится».

В письме Маклакову Шульгин написал: «Так как я, кажется, еще ни одного семита не обжулил, то признал себя честным антисемитом и ответил на статью Полякова книгой»^[488].

Книга «Что нам в них не нравится. Об антисемитизме в России» вышла в Париже в начале 1929 года. Перед ее выпуском Шульгин отдал гранки своему давнему знакомому по Киеву, бывшему добровольцу и «азбучнику» Николаю Вакару, и тот опубликовал фрагменты со своими резкими комментариями. К тому же книге была посвящена передовая статья «Антисемитизм Шульгина», в которой говорилось: «Г. Шульгин — антисемит по причине своего „антируссизма“, т. е. презрения к русскому народу. Его „антируссизм“ есть странное преуменьшение солидарности и активности своего народа. Его „антисемитизм“ — столь же ошибочное преувеличение солидарности и активности еврейской» ^[489].

В целом Вакар не искажил шульгинской позиции, однако тонкость заключалась в другом.

Это уловил Маклаков, 21 февраля 1929 года написавший Шульгину: «С Вашего ли разрешения „Последние Новости“ получили гранки Вашей книги и писали на нее критику — или это их бесцеремонность. Если это с Вашего разрешения, то я думаю, что Вы сделали большую ошибку» ^[490].

Василий Витальевич ответил: «Гранки „П[оследним] Н[овостям]“ были даны с моего согласия. Для меня только явился полной неожиданностью срок появления выдержек, препарированных Вакаром. Предполагалось, что это будет, как водится, перед самым появлением книжки. Они же пустили их за две недели. Тут моего уполномоченного в этом деле под каким-то предлогом чуточку провели, что тем более было легко, что сие совершилось через посредство вышереченного Вакара, а сей Николай Платонович был некогда мне близок, и с ним у нашей группы сохранились отношения, несмотря на его „отъезд“ к Милюкову... Книга моя есть в

сущности безмерно растянувшееся „открытое письмо“ к Литовцеву или, вернее сказать, к евреям. Это ясно с первой страницы. Раз я написал некое обращение к евреям, то почему я не могу направить его в еврейскую газету? А я даже написал не обращение по своей инициативе, а только ответил на обращенный к нам вопрос. Такой ответ естественно, прежде всего, дать для ознакомления вопрошающим. И, наоборот, было бы неестественно отдать его на сторону. Так я рассудил и в соответствии с сим поступил. И поступлю и дальше в этом же стиле: первый экземпляр книги пошлю Литовцеву, а второй Левину, который меня письменно приглашал на диспут, а третий пошлю Френкелю, моему товарищу по гимназии, который много раз меня понуждал изложить мои действительные (а не приписываемые мне) мысли по еврейскому вопросу. Книга написана по еврейскому вызову, написана в значительной мере для евреев и потому в еврейский адрес и направляется. Мне представляется сие логичным, и в чем ошибка, не улавливаю.

Разве в том, что, забежав на две недели вперед, люди упражняются в [два слова нрзб.] мной, не прочитав книги. Но рискуют только они, а не я, потому что многое покажется им глупым из того, что они написали до прочтения, и им придется писать вторично. Для хода же книжки вся сия шумиха полезна. Главной опасностью, которой я боялся, что книгу замолчат, как замолчали много других. Это, кажется, избегнуто и при том без всяких предосудительных средств: никому ни одной копейки не дал, разве Вакару — построчный ^[491]гонорар».

Маклаков объяснил Шульгину, в чем дело: «Вы должны знать газетные нравы, потому что сам газетчик; поэтому Вы должны были предвидеть, что всякий газетчик, а такой как Н. П. Вакар в особенности,

Вас непременно надует, т. е. использует Вас раньше срока и в той форме, в которой он может извлечь для себя пользу. Вы должны были предвидеть, что выйдет то, что вышло, что статьи о Вашей книге появятся задолго до ее выхода в свет; таким образом, внимание и друзей, и врагов будет возбуждено; вопрос о книге будет поставлен, а самой книги достать нельзя. Благодаря этому одна сторона будет знать о книге только то, что угодно сообщить „Последним Новостям“, в своем освещении и со своими комментариями. Это освещение и эти комментарии заинтригуют, подстрекнут и другой лагерь, который также, подобно всей Вашей поганой породе журналистов, меньше всего будет думать о том, как бы чего-либо [не] перевернуть, а будет метать свои громы и молнии не на Вас, а в Вас в изложении „Последних Новостей“. Появится, следовательно, и еще одна лишняя статья. А между тем тогда, когда книга уже выйдет, когда ее сумеют прочесть, то возвращаться к ней вторично едва ли захотят, особенно те, кто увидят, что были неправы. Тут на сцену выступают тактические соображения и нелюбовь всякого человека признаваться в ошибке, а главное — непреодолимая сила предвзятого мнения; к выходу в свет мнение о Вашей книге уже будет составлено по газетным отчетам и составлено не по Вашей книге, а по комментариям, о ней сделанным. Для всякого автора это один из самых нежелательных результатов, и потому-то я и назвал Ваш поступок ошибкой»^[492].

А в чем, собственно, дело? Что же такого написал Шульгин, что вызвало неприятие еврейской публики и критику Маклакова?

По сути это было продолжение статьи «Пытка страхом» в широком формате.

«Антисемитизм есть. Антисемитизм растет. Он захватывает широкие круги русского народа. Он захватывает людей всяких политических направлений: реакционеров, либералов, социалистов, коммунистов. Наличие сильнейшего антисемитизма отрицать больше нельзя.

Если это так, то естественен вопрос. По какой причине он появился там, где его раньше не было?..

Нас спрашивают: „Что вам в нас не нравится?“ Я позволю себе ответить за неоантисемитов, народившихся вместе с революцией, а также за одиннадцать лет пребывания у кормила правления советской власти:

— Не нравится нам в вас то, что вы приняли слишком выдающееся участие в революции, которая оказалась величайшим обманом и подлогом. Не нравится нам то, что вы явились спинным хребтом и костяком коммунистической партии. Не нравится нам то, что своей организованностью и сцепкой, своей настойчивостью и волей вы консолидировали и укрепили на долгие годы самое безумное и самое кровавое предприятие, которое человечество знало от сотворения мира. Не нравится нам то, что этот опыт был сделан во исполнение учения еврея — Карла Маркса. Не нравится нам то, что эта ужасная история разыгралась на русской спине и что она стоила нам, русским, всем сообща и каждому в отдельности, потерь неизрекаемых. Не нравится нам то, что вы, евреи, будучи сравнительно малочисленной группой в составе российского населения, приняли в вышеописанном гнусном деянии участие совершенно несоответственное. Не нравится нам то, что вы фактически стали нашими владыками. Не нравится нам то, что, став нашими владыками, вы оказались господами далеко не милостивыми; если вспомнить, какими мы были относительно вас, когда власть была в

наших руках; и сравнить с тем, каковы теперь вы, евреи, относительно нас, то разница получается потрясающая. Под вашей властью Россия стала страной безгласных рабов, они не имеют даже силы грызть свои цепи. Вы жаловались, что во время правления „русской исторической власти“ бывали еврейские погромы; детскими игрушками кажутся эти погромы перед всероссийским разгромом, который учинен за одиннадцать лет вашего властвования! И вы спрашиваете, что нам в вас не нравится!!!

...Сейчас я хочу сказать только: надо признать то, что было. Голое отрицание, то есть утверждение, что евреи ни в чем не виноваты — ни в российской революции, ни в консолидации большевизма, ни в ужасах коммунизма — есть самый худший путь» ^[493].

Зададимся вопросом: для чего Шульгин написал эту книгу?

Объясниться с евреями, бежавшими из России вместе с русскими белогвардейцами? По поводу чего?

Хотя бы по поводу вот этого: «Апокалиптическое чудовище» на беду двум народам «будет переть по обретенному пути, пока не разобьет себе голову о стену».

Далее следовал исторический обзор — от студенческой забастовки 1905 года, организованной студентами-евреями в Киевском университете, против которой Шульгин боролся, до «жидов-арендаторов», которые управляли имениями польских панов на Украине накануне казачьих войн и, что было невыносимо унижительно, брали с православных крестьян плату за совершение в церквях всех религиозных обрядов. (В повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» звучат отголоски тех событий.)

Шульгин писал (упомяная и «русский кредит») о Столыпине, который «не успел построить мост к

еврейству», убитый евреем Богровым; о ставке евреев на поражение в Русско-японской войне... Но также он не уклонился от разговора о решающей, по его мнению, ошибке имперской власти во время Первой мировой войны, когда евреи выступили за «войну до победного конца»: «Отвергшие союз с еврейством потеряли Трон, историческую русскую форму правления, а также результаты войны, оказавшейся в окончательном результате победоносной для союзников России»^[494].

Василий Витальевич не мог не сказать о противостоянии русской Добровольческой армии и армии Красной, а также о погромных настроениях среди белых.

Однако Гражданская война давно закончилась, пора делать обобщения. И Шульгин, только что отделивший «чистых» от «грязных» белых и сам, как мы помним, защищавший Бейлиса, без колебаний указывает на непреодолимую пропасть между русскими и евреями: «Я вполне представляю себе еврея, который совершенно проникся русской культурой; подобно Айхенвальду, бредит русской литературой; подобно Левитану, влюблен в русский пейзаж; подобно Антокольскому, заморожен русской историей. И все же этот еврей, вся душа которого наполнена русской культурой, будет разрушать действенную русскую силу, эту культуру создавшую и создающую. Будет разрушать, ибо эта сила стоит ему поперек дороги; той дороги, которая в его самых сокровенных мыслях русская, а на самом деле еврейская...»^[495]

«Поэтому-то надо ожидать, что даже те евреи, которые искренне в своих мыслях прониклись интересами России, будут хронически, и при всяких комбинациях, разрушать организацию, пока что для русских самую выгодную, а именно организацию

вожаческую. Они будут всеми способами твердить при этом, что они действуют единственно в интересах самих русских, и многие действительно так и будут думать. Но на самом деле хаос, который водворяется в русском народе, когда у него отнимают вожаков, выгоден только тем, кто в этом хаосе остается организованным. Такой забронированной организованностью обладают именно евреи» ^[496].

Другими словами, вопрос не столько в отношении к культуре, сколько в угрозе устройству самой жизни русских, руководить которой всячески устраиваются евреи. В другой части книги Шульгин писал, что надо было охранить «полумладенческий» русский народ от сильного, закаленного в борьбе за свои интересы еврейского народа.

Из этого сделан вывод: надо готовиться к борьбе, в которой, впрочем, необходимо придерживаться определенных ограничений.

«Евреи неудержимо ползут вверх, стремясь тем самым взгромоздиться на хребет русского народа; последний не из тех наций, которые проглатываются без сопротивления; при кажущейся беспомощности русские таят в себе мощные ресурсы отпора; и это проявится очень ясно, как только русские обретут вновь социальную организацию, свойственную (пока что) их только еще складывающейся породе, то есть организацию вожаческого типа.

Готовясь к этой неизбежной борьбе, мне кажется, надо дать себе отчет кое в чем. А именно:

1. Борьба, то есть война, есть всегда зло и бедствие. На этого рода вещи разумные люди идут только тогда, когда иного выхода нет; когда не воевать нельзя; когда не воевать есть еще большее зло, чем бой. Только в этих случаях можно и должно идти на войну по принципу: из двух зол выбирай меньшее...

Эти рассуждения о войне вообще вполне применимы и к войне (или борьбе, что одно и то же) русских с евреями.

Те люди, которые из этой беды сделают себе хлебное занятие, те, кто на антисемитизме будут строить свою карьеру, совершенно не соображаясь с истинными нуждами и пользой данной минуты, — суть вредители русского народа. Их жадной энергией иногда можно пользоваться, но зорко следя за ними. Надо помнить, что эти люди никого, кроме себя, не любят; что все их высокие гражданские чувства — только личина, которую они сбросят, когда это им покажется выгодным. Надо отдавать себе ясный отчет, что среди антисемитов окажется немало людей, которым безразлично, кого и за что грызть: было бы мясо на зубах! Таких надо опасаться. Если на них ехать, то только с неослабной решимостью: размозжить голову сего коня в ту минуту, когда он начнет закусывать удила.

Итак, мне кажется, что тяжелая борьба русских с евреями неизбежна. Но так как сия борьба есть великое бедствие, мы должны быть готовыми в каждую данную минуту от сей войны отказаться.

Как только нам были бы указаны или предложены иные способы „улаживания конфликта“ (без предательства русских интересов, разумеется), мы должны сейчас же идти если не на мировую, то на рассмотрение предложенного...

Следует пуще евреев бояться собственной совести. Эту последнюю ценность не следует предавать ни в коем случае, ибо это значило бы приносить Бога в жертву земным интересам...

Родину надо любить всем сердцем своим, но не идолопоклонничать перед ней. Ей надо служить, но не до бесчувствия. Совесть свою нельзя отдавать и ради родины; ниже — ради „нации“, „народа“, „расы“ и тому

подобных понятий. Ибо все сии вещи суть при всем их величии только „собрания людей“; людей — живых, умерших и еще не родившихся; людей многих сотен поколений, таинственно связанных в тысячелетние организации; но все же — людей, а не небожителей! Эти организации могут ошибаться и грешить, как все человеческое. И между двумя голосами, голосом Божественным, который говорит через совесть, и голосом человеческим, которым грохочет государство или народ, в случае конфликта между сими голосами нельзя отдавать предпочтение голосу человеческому. Я хочу сказать: то, что кажется тебе подлым, не совершай и во имя родины» ^[497].

Взгляд Шульгина на будущее явно пессимистичен: «Вся вековая история сих двух наций, давя с непреодолимой силой на тех и других, приводит к такому положению, что при совместном жительстве русские и евреи будут находиться в состоянии борьбы. Разумные люди должны думать сейчас не о заключении мира, что еще невозможно, а о том, чтобы война была по возможности смягчена; чтобы в нее были введены некоторые обычаи и неписанные законы, которые уменьшили бы лютость столкновений» ^[498].

Итак, поставлены вопросы: евреи всегда стремятся к господству? Даже русифицировавшиеся евреи будут разрушать традиционную русскую государственность? Русские должны сопротивляться? Русско-еврейская война неизбежна?

И даны утвердительные ответы.

После этого Шульгин переходит к «русскому вопросу», в котором нелицеприятность его оценок не уступает в жесткости оценкам предыдущим.

«Нашу русскую черность я сознаю, быть может, слишком отчетливо. В этом я кардинально расхожусь, мне кажется, с большинством нашей русской

эмиграции, которая, с моей точки зрения, впала в некую припадочность; горделивую припадочность, можно сказать, совершенно не ко времени... Сейчас действительно Россия обратилась в „тюрьму народов“, в застенки для всякого живого существа; сейчас нет страны, где было бы хуже. В то же время мы понимаем, что наши беды произошли не вследствие какого-нибудь „землетрясения“, а вследствие наших собственных несовершенств. И вот в это время находиться в самовосхищении и считать, что мы, русские — соль земли, а прочие все народы — мразь, гниль и ничтожество — честное слово, мне кажется, что это старая погудка на новый лад! Мракобесия акт второй.

Поэтому вовсе не в русских достоинствах я нахожу причину, почему не след нам подставлять свои выи под еврейскую пята. Наоборот, я нахожусь в состоянии глубокого антируссизма и взываю: горе русскому народу, если он не исправит некоторых черт своих; воистину придется нам искать владыку и господина сему народу — рабу...

...К русской злости, широкой по занимаемому ею пространству, но бесформенной, как разлив наших больших рек, евреи прибавили свою (бурлящую, как поток, суженный плотинами) „канализированную“ струю ненависти»^[499].

Характерно, что объясняя природу возникновения антисемитизма и отвергая его как политический инструмент, Шульгин не питал никаких иллюзий в отношении единокровных соотечественников.

Он даже счел возможным в приложениях к своей книге опереться на красноречивое высказывание Н. В. Гоголя: «Нет, бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости, бывает время, что даже вовсе не

следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого. Последнее обстоятельство было мало и слабо развито во втором томе „Мертвых Душ“, а оно должно было быть едва ли не главное; а потому он и сожжен»^[500].

Финал же звучит вообще чуть ли не как признание национального поражения.

«Заканчивая эту книгу, я хочу резюмировать ее как можно короче. Делаю это в той форме, которая диктуется поставленным С. Литовцевым вопросом:

— Что вам в нас не нравится?

Отвечаю:

— Хотя мы сами злы, как демоны, и слабы, как дети, но нравятся нам Сила и Добро. Мы и друг друга ненавидим именно за то, что во всех нас — бессильное зло.

Вы — уже сильны; научитесь быть добрыми, и вы нам понравитесь...»^[501]

На этом книга заканчивается, дальше следуют приложения.

Если говорить серьезно, то финальное заключение — признак авторской слабости и даже некоей растерянности. Почему «демоны»? Почему «слабы, как дети»?

Видимо, он догадывался, что у книги нет внятной концовки. Ее и не могло быть без обращения к тогдашнему советскому опыту. А тот опыт возрождения страны, отраженный в «Трех столицах», был Шульгину в полном объеме недоступен и к тому же помешал бы замыслу. Вот и вышло такое облегченное умозаключение.

Показательно, что в России «Три столицы» были изданы один раз Национально-республиканской партией (сейчас ее нет), причем редакторы сочли

необходимым прибавить к шульгинским приложениям еще и свои. Одно из них — фрагменты статьи И. К. Бикермана «Россия и русское еврейство» из сборника «Россия и евреи», вышедшего в Берлине в 1923 году и переизданного в 1978 году в Париже «Отечественным объединением русских евреев за границей». Авторы И. М. Бикерман, Г. А. Ландау, И. О. Левин, Д. О. Линский, В. С. Мандель, Д. С. Пасманик.

«Тяжко страдает Россия, болеет великими болями и русское еврейство. Полны уродства и взаимоотношения между ними...

Итак, верно ли, что евреи несут ответственность за крушение русской державы и, следовательно, за бедствия, испытываемые русским народом?.. Ответ на вопрос, кто по преимуществу несет ответственность за развал российского государства, в точном смысле слова беспримерный в летописях человечества, зависит, вообще говоря, от того, к какому моменту времени относят само событие. Может ведь легко случиться, что возможный виновник в одном случае может доказать свое *alibi* в другом. Итак, 27 февраля или 25 октября оборвана была историческая нить, ткавшаяся целое тысячелетие? Большевистская или добольшевистская революция ниспровергла державу русскую? Кто в еврее видит главного виновника русской беды, тот решает тем самым вопрос в пользу октября, для того большевики — губители России; ибо только через большевиков добираются до еврея, только слишком бросающееся в глаза участие евреев в большевистском бесновании приковывает к нам взор русского человека и взоры всего мира. Но такое понимание происшедшего идет вразрез с явным смыслом событий, очевидцами которых мы все были. Не большевики погубили Россию, а явились сами следствием ее гибели. Они

устроились в развалинах ее, как всегда находят приют среди развалин бродяги, воры, грабители и убийцы.

Февральский переворот был необходимым условием большевистского властвования, но также достаточным условием развала государства и порабощения страны и народа. Большевизм ли, смута ли старомосковского образца, разиновщина ли, чужеземное ли господство, но Россия обречена была на хождение по мукам уже в ту роковую минуту, когда гг. Родзянко и Милюков вышли на крыльцо Государственной думы, чтобы приветствовать взбунтовавшуюся солдатчину. Вслушайтесь внимательно в речи этих главных дирижеров панского бунта, и вы услышите, что они уже тогда не знали, что и как им делать, как совместить им „войну до конца“, ради чего бунт поднят был, с фактически наступившим уже концом не только войны, но и государства. И все дальнейшее действительно представляет собой сплошной процесс развала, нисхождения, разворачивания пружин и разрыва связей, совокупность которых образует общественный союз. Ни одного признака восхождения, сосредоточения сил! Вплоть до той осенней ночи, когда для защиты революции и революционного правительства, осажденного в Зимнем дворце, оказалась сила в десяток юнкеров и еще столь же воительниц из женского отряда, а размыканная, по ключьям растасканная власть, не будучи в силах и этой армией управлять, отдала себя и отдала страну на гнев и на милость ошалевших матросов и вихрем взметенных отбросов столицы.

Эту революцию, разлагающую и только разлагающую, долго и планомерно готовили объединенными усилиями „лучшие люди“ страны: избранники ее, даже избранные среди избранных... В этом отсеянном, отборном составе не нашлось и двадцати человек, достаточно зрячих и достаточно

мужественных, чтобы стать поперек со дня на день нараставшему бунту, тут именно и имевшему свое главное гнездо. Даже из небольшой горсточки крайних правых, не вошедших в печальной памяти блок, всеми средствами добивавшийся власти, некоторые и словом и делом участвовали в подрыве власти существующей, что при тех условиях было равносильно подрыву основ государства...

Князь Львов был прав — и это единственное, в чем он прав был, — когда еще в самом начале смуты с гордостью заявил, что русская революция — национальная... Нам достаточно напомнить, что людей, взявшихся в роковые дни истории руководить судьбами народов, судят не по их намерениям, а только по последствиям их усилий и что в данном случае к губительным последствиям, к крушению государства российского, привели усилия русских, коренных русских людей, а отнюдь не евреев, не инородцев вообще...

Но истину, что Россию убила революция февральская, а не октябрьская, важно запомнить также еврею, каждому еврею, не воображающему, что нам море по колени, что среди крушения царств и гибели народов мы можем оставаться спокойны, раз владеем магической формулой, из вечной нашей обвиняемости выводящей вечную нашу невиновность. Действительно, отвести сложившийся на наших глазах, при полном свете истории, навет, будто евреи разрушили одно из величайших государств в мире, возможно, только опираясь на правдивое изображение того, что в данном случае было, на правду о российской катастрофе...

Дело не так обстоит, что была смута, гибли евреи и неевреи, а евреев истребляли и левые, и правые... Нужно еще прибавить, что евреи были не только объектом воздействия во время этой тяжелой смуты. Они также действовали, даже чрезмерно действовали. Еврей вооружал и беспримерной жестокостью

удерживал вместе красные полки, огнем и мечом защищавшие „завоевания революции“; по приказу этого же еврея тысячи русских людей, старики, женщины, бросались в тюрьмы, чтобы залогом их жизни заставить русских офицеров стрелять в своих братьев и отдавать честь и жизнь свою за злейших своих врагов. Одним росчерком пера другой еврей истребил целый род, предав казни всех находившихся на месте, в Петрограде, представителей дома Романовых, отнюдь не различая даже причастных к политике и к ней непричастных. Пробираясь тайком с опасностью для жизни по железной дороге на юг, к Белой армии, русский офицер мог видеть, как на станциях северо-западных губерний по команде евреев-большевиков вытаскивались из вагонов чаще всего русские люди: евреи оставлялись, потому что сумели приспособиться к диким правилам большевиков о передвижении; русский офицер не мог этого не видеть, потому что это бросалось в глаза и евреям, которые мне об этом с горечью и с ужасом рассказывали...

Кто сеет ветер, пожинает бурю. Это сказал не французский остроумец, не буддийский мудрец, а еврейский пророк, самый душевный, самый скорбный, самый незлобивый из наших пророков. Но и это пророчество, как и многие другие, нами забыто; вместе со многими великими ценностями мы и эту потеряли. Мы сеем бури и ураганы и хотим, чтобы нас ласкали нежные зефиры. Ничего, кроме бедствий, такая слепая, попросту глупая притязательность принести не может» ^[502].

Кажется, после этой статьи полемика должна была закончиться? Во всяком случае, Шульгин добавил немного нового.

Да, Бикерман и его единомышленники, можно сказать, покаются за своих. А то, что не все покаются,

так этого и требовать невозможно.

Пожалуй, книга «Что нам в них не нравится» у Шульгина самая известная, самая острая, скандальная и самая... хочется сказать, неконструктивная, неубедительная.

Василий Маклаков буквально разгромил ее в частном письме от 23 декабря 1929 года, не вынося «русско-еврейский сор» из избы.

«Я как адвокат и депутат замечал, что мы можем публику презирать и с ней не считаться, но ее молчаливое присутствие при спорах все же на нас влияет; и вот это вредное влияние улицы я вижу и на Вашей книге.

Если отнестись к ней совершенно беспристрастно, т. е. прощать отдельные словесные неловкости и ошибочные аргументы, то с очень многим я в Вашей книге согласен; потому что, как это ни странно, вопреки пословице Вы начали за упокой, а кончили за здравие. Многие евреи и юдофилы не пойдут далее первых страниц, и я их понимаю, но если почитать книгу до конца, взять те практические выводы, которые Вы в своей книге делаете, то я почти во всем с Вами согласен; я думаю, что Вы близко подошли к тому, как нужно ставить вопрос. Но роковое значение улицы сказалось на том, что в половине книги совершенно произвольные и тенденциозные обобщения явно вопиющих несправедливостей; все они варианты на знаменитую Столыпинскую фразу: в политике нет мести, но есть последствия. И то, что нужно воспринимать как последствия и заслуженное, Вы выставляете как дьявольский план отмщения. В этом масса несправедливости. А такая несправедливость при этом обобщении может законно возмущать. Помню, Плевако сказал в одной из своих речей: на целую нацию клеветать — это богохульство. А самое дурное и вредное, что в этих Ваших обобщениях, где Вы, может,

только диалектически, для целей полемики заостряете вопрос, как принято говорить, в этих Ваших обобщениях все эти антисемиты, о которых я Вам раньше говорил, найдут не только моральную опору и авторитетную ссылку, но и повод для самого отвратительного гоготания. Я бы взялся Вам, если бы было время, вычеркнуть из Вашей книги всего несколько десятков страниц, чтобы вытравить эту дурную сторону без всякого ущерба для ее серьезного интереса. Правда, тогда она и не имела бы столько уличных поклонников, которые в ней только это и заметили; но ведь Вас я знаю, и Вы их не ищите.

Но вот и другое последствие того же самого. Ведь по замыслу Ваша книга есть обращение к евреям, попытка их убедить, им открыть глаза на их же недостатки. Эта попытка и почтенная, и своевременная. Но разве Вы не чувствуете, что когда Вы к ним обращаетесь, то вкладывать Ваши аргументы в такую рамку значит как будто нарочно закрывать всякий доступ к их уму и сердцу. Ведь это и произошло, да иначе и быть не могло. Некоторые Ваши аргументы так [пропуск в тексте] своей несправедливостью и произвольностью, что люди не стали дальше читать. Должен Вам сказать, что я слышал с их стороны о Вашей книге самые идиотские и несправедливые отзывы. Но виню за эти отзывы Вас.

И вот последнее заключение, с которым заранее прошу извинения. Знаете, что меня лично помимо всего более коробило. Это умышленно вульгарный тон Вашей книги, все эти умышленные словечки, которыми обыкновенно не говорят серьезные, особенно трагические вещи. А ведь Вы говорили о трагедии...

На этом я кончаю; повторяю, что я в общем сочувствую цели этой книги и многим ее положениям; многое, что Вы сказали, мне самому не приходило в голову и с чем я могу согласиться. Но эта цель была

исполнена плохо; все, что было в Вашей книге ценного и нового, все заслонилось этим старым и вредным. И тут я Вам скажу: именно Вам нужно было писать ее иначе»^[503].

В очень деликатной форме Маклаков осудил книгу. И в конце письма добавил: тот, кто хочет говорить о еврейском вопросе, должен «уметь проехать между двух крайностей или лучше тогда о нем вовсе не говорить».

Выходило, что Шульгин не сумел.

Василий Витальевич, разумеется, не мог промолчать. Он буквально вцепился в Маклакова, ни в чем не соглашаясь с ним. Уже в 1930 году 15 января, отметив свой 52-й день рождения, он написал: «Ваше письмо в высшей степени интересно. И не думайте, пожалуйста, что я настолько гиппопотам, что способен обидеться на Ваше суждение о моей книжке. Ваше мнение, что книга написана в несколько балаганном тоне, вполне обосновано. Я не могу сказать, чтобы я это сделал нарочно, что, конечно, еще хуже. Но зато теперь я могу, после Вашего указания, объяснить себе, почему так вышло.

Если хотите, балаган тут был, пожалуй, вполне натурален. Ибо он явился ответом на балаганное же выступление. Ну скажите, разве не балаган устраивать митинг по еврейскому вопросу при современных нам обстоятельствах?..

Как Вам известно, в известных случаях, когда молчат те, кому должно говорить, камни вопиют. Я и разыграл роль камня. Что же Вы хотите от булыжника? Чтобы он Вам говорил фаянсовым языком?

...Несомненно, что я писал для евреев. Но евреи от этой книжки отвернулись и, мало того, наложили на нее херим. Однако природа не терпит пустоты. После того, как от нее отвернулись евреи, ее прочли русские. И до

сих пор ее усиленно читают те, для кого она не предназначалась. И вот тут-то если не вульгарный тон, то кое-что другое, что есть в этой книге и что так задевает евреев, пригодилось. Ведь русские тоже недочитали бы этой книги, если бы они не почувствовали в авторе человека, который вместе с ними перестрадал вопрос... Приписать же дьявольский план отмщения целой нации, вот это было бы если бы не клевета, то во всяком случае нелепость. Ибо никакого плана, конечно, нация „как таковая“ составить не может.

А совсем другое дело, что целая нация горела чувствами мщения и что эти чувства вылились в целом ряде мстительных действий. Но эти действия (пока не будет доказано противного) предпринимались или отдельными евреями, или группами евреев, а не целой нацией. Целая нация только бешено злилась и готова была зубами терзать своих врагов. Вот это так. И на этом я стою. Евреи злились на русских точно так же, как французы на бошей, а боши на французов. Утверждение это мое может быть верно или неверно, но согласитесь, что ничего клеветнического в нем нет.

Но я иду дальше. Я утверждаю, что на этих мстительных чувствах воспитывали еврейскую массу евреи-политики. Вот почему я на них возлагаю главную ответственность. Ведомые иначе, все эти местечковые евреи, к которым мое сердце лежит, вероятно, больше, чем Ваше, чувствовали и действовали бы совершенно иначе»^[504].

Маклаков 25 января спорил уже гораздо жестче: «Вы с большой ловкостью, почти адвокатски, вывернулись из неприятного положения, т. е. дали ему очень благовидное оправдание; ...И если Вы понимаете, что мы можем возмущаться, когда нас называют погромщиками, то мы и не имеем права подозревать в

убийстве наших всякого еврея. Все это я провожу только как образчик некоторой непоследовательности, которая все-таки многое объясняет...

Представьте себе, что кто-либо перед толпой, полной погромного настроения, выступил бы с речью, где перечислил все еврейские грехи и преступления до ритуальных убийств включительно, а затем бы прибавил, что, несмотря на все это, погром явление нежелательное; мог ли бы он рассчитывать этим приемом достигнуть желательных результатов. Вот почему и получилось в конце концов: евреи Вашей книги не прочитали, а русские сделали из нее совсем не те выводы, которые Вы бы хотели» ^[505].

Шульгин в письме 3 февраля не уступает ни в чем: «Если хотите, нам в евреях не нравится совершенно то же, что не нравится в русских революционерах. Если хотите, я скажу больше: мне русские революционеры больше не нравятся, чем еврейские. Их поведение я нахожу менее извинительным и, кажется, никогда этого не скрывал. Разница между евреями и русскими революционерами только та, что р[усские] р[евolucionеры] без евр[еев]-р[евolucionеров] были слабы. Они могли убить Александра И, но российской державы им перевернуть не удалось бы...

Что же касается евреев, то, конечно, не все бросали бомбы и не все убивали. Но ненавидели нас (я говорю нас, потому что каждый, кто старался отстоять Россию, назывался ими погромщиком и подвергался свирепой травле) почти все.

Эту мысль я и старался провести в своей книге. И я думаю и по сию пору, что пока евреи не признают своей вины, подстрекательства и пособничества в полном объеме, до той поры трудно до чего-нибудь договориться. Потому что это правда. И запирательство

в этой правде ужасно раздражает, как всякое отрицание истины.

Когда я говорю о еврействе, я, быть может, делаю большую ошибку, что каждый раз не прибавляю „политическое еврейство“. Все эти местечковые жидочки, они только частично были захвачены и отравлены свирепой ненавистью. Они, конечно, страдали от черты оседлости, от стеснений, оттого, что полиции приходилось давать взятки, и всего прочего, но так как это были люди практической жизни, то они отлично при всем том понимали, что все ж таки они при всех стеснениях „хлеб кушают“. И так как они вместе с тем, как люди коммерческие, имели некоторые связи с границей, то они знали, что и без равноправия многим евреям жилось в России весьма недурно, не хуже, чем в других странах, равноправных. Эта толща еврейская, с нею кое-как можно было иметь дело. Постепенно, разумно можно было бы вводить их в общегражданскую жизнь. Когда я говорю об известной вине всего еврейства, то я говорю о политическом еврействе. И, конечно, в этом смысле всякие евреи типа Винавера, Гессена и других несут на себе очень серьезный груз ответственности. Им, несомненно, было бы выгодно это признать. По-моему, даже неизмеримо выгодно. Я думаю, что, запираясь, они поступают так же глупо, как Милюков, который твердит явный вздор, не признавая никаких вин за кадетской партией только потому, что он ею когда-то руководил. Вы избрали в этом отношении благую участь. Вы имели смелость сказать и признать, что все мы люди, все мы человеки, Единый Бог — без греха. И вот почему я считаю, что Ваша позиция была бы сильна, если бы Вы пожелали обратиться со словом увещания к нераскаянному жидовству. Они не могли бы бросить Вам упрек: „обличитель, прежде покайся сам“. Вы уже покаялись.

Уверяю Вас, что в покаянии гвоздь вопроса, как он стал сейчас»^[506].

Это письмо заканчивается словами: «Кутепов, Кутепов...»

26 января 1930 года Александр Павлович Кутепов был похищен советскими агентами в центре Парижа и бесследно исчез. От этого события РОВС и вся белая эмиграция повели новый отсчет времени.

Что касается переписки Шульгина и Маклакова, то она тоже пошла на убыль, стало гораздо меньше общих тем, — прошлое становилось историей, и они сами тоже становились историей. Нет, они не поссорились, но что-то и в них, и в мире окончилось навсегда. И вовсе не еврейский вопрос тут был причиной.

А что же?

Причин было несколько: мировой экономический кризис, приход к власти в Германии национал-социалистов во главе с Адольфом Гитлером, начало индустриализации в СССР.

В Советском Союзе наступило время больших проектов, которые стали изменять мир. Коммунистическое государство с его железной поступью стало строить электростанции, железные дороги, заводы, водные каналы, проводя в жизнь идеи КЕПС.

Вспомним двух советских писателей из того беспримерного периода русской истории, каждого из которых Шульгин мог знать или, во всяком случае, видеть воочию.

Вот фрагмент стихотворения Эдуарда Багрицкого «Смерть пионерки» (1932):

Нас водила молодость
В сабельный поход.
Нас бросала молодость

На кронштадтский лед.

Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас.

Но в крови горячечной
Подымались мы,
Но глаза незрячие
Открывали мы.

Возникай содружество
Ворона с бойцом, —
Укрепляйся мужество
Сталью и свинцом.

Чтоб земля суровая
Кровью истекла,
Чтобы юность новая
Из костей взошла.

Сюжет стихотворения трагичен и кажется кощунственным: умирает от скарлатины девочка, отчаявшаяся мать хочет надеть на нее крестильный крестик, но та, будучи пионеркой (то есть членом детской коммунистической организации), отказывается. И тогда звучит голос поэта, преодолевающий (да, так!) смерть во имя светлой цели.

«Чтобы юность новая из костей взошла». Это звучало тогда как вызов небесам!

Имело ли значение, что одессит Багрицкий был евреем? Ни малейшего.

Второй писатель — бывший боец кавалерийской бригады Котовского, с ним Шульгин мог встретиться

под Одессой зимой 1920 года. Это Николай Островский, автор повести «Как закалялась сталь» (1932), ставшей евангелием советской молодежи того времени. Вот отрывок, который знали все советские школьники: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

За этими жестокими вдохновенными словами — очень много величественного и губительного. От распахнутых социальных лифтов, русского космизма, теории космических полетов Константина Циолковского, первых жидкостно-баллистических ракет (1933) до разрушения русской деревни («крестильный крестик»), получившей после революции помещичью землю и сопротивлявшейся ускоренной индустриализации, которая велась за ее счет.

К тому времени уже были напечатаны воспоминания генерала Деникина, и Шульгин их прочитал. В оценке итогов Гражданской войны Антон Иванович сделал обескураживающее белогвардейцев признание, что «условия материального порядка для обеих сторон были более или менее одинаковы. Победа довлекла духу»^[507].

Все слилось в этом потоке. И мало кому была интересна книга Василия Витальевича — устаревшая идеологическая сказка о русском народе на фоне чужого народа.

В конце жизни Василий Витальевич диктовал свои воспоминания Р. Г. Красюкову. Тот в примечаниях приводит важную подробность: «На мой вопрос, что следует понимать под благостью в евреях, Василий

Витальевич ответил: „Моральность высокая, доброта во всей нации“»^[508].

Чтобы понять, почему такой образованный человек, как Шульгин, оказался со своей книгой в стороне от исторического процесса, прибегнем к аргументации современного философа С. Г. Кара-Мурзы: «Во-первых, в СССР „социализм“ был самоназванием, вроде как сейчас „капитализм“ или „либерализм“. Это чтобы не пугать нежную западную интеллигенцию с ее социалистическими мечтами. „Социализм“ — это та самая „тонкая пленка европейских идей“ (Ортега-и-Гассет), которую пришлось натянуть на „архаический крестьянский коммунизм“ (Вебер). У нас о социализме мечтали меньшевики и даже либералы, но их сожрали после Октября. Сразу покатились к коммунизму, и тот факт, что его удалось соединить с Просвещением и модернизировать, надо считать почти чудом. Высшее достижение нашей общественной мысли и культуры.

Возникла конструкция-кентавр, очень сложная. Основа — традиционное общество-семья с мироощущением крестьянского коммунизма, а надстройка — модерн Просвещения с утопией постиндустриального социализма. Обе части мощные и на подъеме. Пока они были в братском союзе, кентавр был великолепен — и в войне, и в науке, и в спорте с искусством, и в общем предчувствии счастья. Но век этому творению был отмерен короткий.

Общество-семья — это очень жесткая конструкция. Она требует единства и взаимной любви, а также мудрого и справедливого отца-государства. Мало того, такого отца-государства, который берет на себя крест карателя с неизбежными невинными жертвами. В 30-е годы тех, кто нарушил завет „единства и любви“, послали на плаху. А они „искали пути“, забегали вперед или в стороны. Но, думаю, если бы их не вырезали,

прихватив кучу невинных, конструкция-кентавр не пережила бы и ВОВ. А она пережила, начав деградировать „эволюционно“ после войны».

То, что в позднесоветскую пору шульгинская книга «Что нам в них не нравится» привлекла внимание А. И. Солженицына, это уже иная тема.

Глава тридцать шестая

Личная жизнь. — Собрался в Марокко. — В Югославии. — Самоубийство Екатерины Григорьевны. — Новое поколение белогвардейской молодежи. — Вторая мировая война и русское зарубежье

Мировой экономический кризис 1929 года добрался до шульгинского поместья на польско-советской границе, и мельница-кормилица в Курганах перестала приносить доход. Надо было думать об источнике пропитания.

Шульгину предложили работу во французском Марокко — что-то вроде контролера местных французских «колонов», которые получали субсидии из Парижа и должны были от них отказываться, когда ставили свое хозяйство на ноги. Поскольку многие предпочитали не расставаться с субсидиями, требовались контролеры. За эту работу платили тысячу франков, что было совсем неплохо. К тому же выдавали велосипед или оплачивали проезд на автобусах и поездах.

Конечно, в социальном плане это было бы явным падением. Но Шульгин в Северную Африку, где хороший климат и дешевые продукты, не поехал.

8 мая он написал Маклакову: «Она давно уже решила переехать в Белград к отцу, так как он уже очень стар и одинок, хотя и бодро работает. А я не хотел переезжать, потому что в Белграде крайне трудно устроиться в смысле материальном; здесь я нашел бы легче что-нибудь и уже имею хорошее, сравнительно, предложение в Марокко. Но не судьба. Конечно, „сверхчеловек“ перетерпел бы и поехал бы в

Марокко. Но из меня, кроме прочих причин, потому ничего и не вышло, что линия моего поведения всегда диктовалась мне „душевыми неодолимостями“. Так и сейчас.

Это я пишу Вам только для того, чтобы объяснить свои колебания и „пятницы“. В сущности, я думаю, решается вопрос ближайших лет (для меня). Приехав в Белград, я, очевидно, там и останусь. А это обозначает совершенно иную линию жизни. И, вероятно, не из розовых. Вот почему я решаюсь ехать. Только после того, как исчерпал все возможности сопротивления фатуму»^[509].

Горькое признание: «Из меня ничего не вышло».

Он осел в Югославии, где жили его сын, родственники и свояки и вообще была большая русская община. Сын Дмитрий учился на инженерном факультете в Белграде.

Однако родственники на встречу собрались по печальному поводу: в ночь с 18 на 19 мая 1930 года в возрасте 56 лет от скарлатины умерла Алла Витальевна Билимович. Ее похоронили в Любляне, где остались ее муж и дочь Таня.

Пожив в Любляне в осиротелой семье Билимовичей десять дней, Василий Витальевич и Мария направились в Белград. Здесь ее отец вел строительство Офицерского собрания, красивого здания с лепными потолками. Она стала искать себе работу, не нашла и вдобавок заболела.

Перебрались в Рагузу (Дубровник), старинный приморский город, известный в русской истории тем, что отсюда граф Алексей Орлов вывез в Россию самозванку княжну Тараканову, угрожавшую царствованию Екатерины Великой.

В Рагузе Павла Витальевна Могилевская, вторая сестра Шульгина, купила для него на «мельничные»

деньги участок земли, и он начал строить там дом. Одновременно стал работать кассиром в местной строительной фирме «Атлант», где служил и младший брат Марии Владимир, выпускник Киевского кадетского корпуса, успевший повоевать на Гражданской.

Шульгин с иронией вспоминал свой строительный опыт: «Так я вошел в структуру „Атланта“ и познакомился с деятельностью фирмы с внешней стороны, а также узнал ее подноготную. Первое здание, которое мы строили, была военная хлебопекарня. Здесь я сразу наткнулся на подноготную работы фирмы. Подрядчики брали заказы с публичных торгов и, как правило, получал заказ тот, кто брал дешевле. При этом, конкурируя друг с другом, подрядчики понижали цену до уровня, когда работа становилась для них убыточной. Как же они выходили из этого, казалось бы, безвыходного положения? Довольно просто. Они обязаны были примешивать в глину семь процентов чистого цемента. Цемент в ту пору был довольно дорогим материалом. Они же добавляли менее семи процентов, доводя до минимального предела. Предел же был таким, что после постройки здания оно рассыпалось. Примерно в это же время в Париже рухнули два дома, потому что в раствор было вложено всего два процента цемента. До этого рагузские подрядчики не доводили, но вместе с тем офицеры, ответственные за стройку и контролировавшие весь процесс строительства, прекрасно знали, что в растворе семи процентов цемента не было. Они, в свою очередь, закрывали на это глаза, потому что при сервировке традиционного обеденного стола контролирующей комиссии от Военного министерства в салфетки вкладывались соответствующие суммы. В этом случае подрядчики получали дополнительные авансы, чтобы достроить здания. Все эти деньги проходили через

меня. И это был принятый порядок не только в фирме „Атлант“»^[510].

Потом в Рагузу приехал студент Дмитрий Шульгин, Василий Витальевич передал ему свою должность и принялся писать продолжение «Приключений князя Воронецкого» — «В стране островов и поэтов». Он изучал полную ярких событий историю Рагузы и, как признавался, наслаждался карнавалами и праздниками.

Русская колония в Югославии была значительной, и многие эмигранты были связаны с Киевом. К 1941 году минимальная численность русской колонии только в Белграде составила около десяти тысяч человек. Многие университеты, театры, железные дороги страны были укомплектованы русскими специалистами. В Югославии, в Сербии, были воссозданы два кадетских корпуса, русско-сербская мужская гимназия. Русские казаки несли службу на самом сложном участке границы — югославо-албанском. Русские профессора преподавали на всех факультетах Белградского, Люблянского и Скопльского университетов. По проектам русских архитекторов было построено множество зданий в центре Белграда, Ниша, Нови-Сада, Шабаца, Крайева. В труппе Белградского оперного театра половина артистов были русскими, сербская балетная школа имеет русские корни.

Впрочем, отношение простого народа к эмигрантам было вовсе не таким радушным, как у властей. Чужие часто воспринимались как конкуренты.

В Югославии наш герой познакомился и подружился с поэтом Игорем Северяниным, который написал о нем стихотворение, которое так и назвал «В. В. Шульгин».

В нем нечто фантастическое: в нем
Художник, патриот, герой и лирик,
Царизму гимн и воле панегирик,

И, осторожный, шутит он с огнем...

Он у руля — спокойно мы уснем.
Он на весах России та из гирек,
В которой благородство. В книгах вырек
Непререкаемое новым днем.

Его призвание — трудная охота.
От Дон Жуана и от Дон Кихота
В нем что-то есть. Неправедно гоним
Он соотечественниками теми
Кто, не сумевши разобраться в теме,
Зрит ненависть к народностям иным.

В ответ Василий Витальевич написал о себе гораздо критичнее:

Дитя Дюма и Жюль Верна
Шел по дороге верной.
Но, соблазняясь всякой скверной,
Так никуда и не дошел.

Как видим, настроение у него было неважное.
«Никуда не дошел».

Еще он прибавил в другом стихотворении о себе:
«Жилец иной эпохи». И это было верно — его эпоха
стремительно утекала.

Не будем здесь говорить ни о политике, ни об
экономике. Уходили близкие люди.

Вслед за сестрой навсегда ушла из жизни Екатерина
Григорьевна.

Он получил из Белграда тревожную телеграмму от
Павлы (Лины): «Катя куда-то исчезла, оставив письмо.
Приезжай. Лина».

Трудно было понять, что случилось. Екатерина Григорьевна тогда была неуравновешенна, грустила, часто впадала в депрессию. У нее в роду были психически нездоровые люди — ее отец закончил жизнь почти сумасшедшим.

Но то, что случилось, никто не мог представить.

Шульгин так описал происшедшее: «Письмо было адресовано нашему сыну Диме: „Прости меня, что я причиняю тебе такое горе, но это необходимо. Пришло время. В течение всей моей жизни Ормузд и Ариман боролись за мою душу...“ Ормузд и Ариман взяты были Катей из персидской мифологии. Первый — бог добра, второй — бог зла. Она мне об этом неоднократно говорила, причем поясняла: „Ариман вошел в меня от моего отца, а Ормузд — от матери. Я, быть может, когда-нибудь сойду с ума. Так я тебя прошу: не отдавай меня в сумасшедший дом“. Это было исполнено, в сумасшедший дом бедная Катя не попала, но, может быть, в противном случае она бы не покончила с собою? Так что неизвестно, что лучше.

Далее она писала: „Дорогой мой Дима, в молодости Ормузд был в моей душе, и я любила всех, весь мир. Но затем Ариман, пользуясь всеми несчастиями, какие произошли со всеми людьми, стал завладевать моею душою, и круг любимых мною людей стал суживаться. Я возненавидела сначала японцев, потом немцев, потом русских. Но все же оставались люди, мне близкие, и я их любила. Но он, Ариман, постепенно отнял у меня всех, и остался только ты один. Но он замыслил отнять у меня и тебя. И этого я ему не позволю. Я умру, не разлюбив тебя...“

Дима в это время был в Любляне. Его вызвали. Он приехал вместе с Таней, своей первой женой. Приехав, он прочел письмо и попросил меня позвать Таню. Бедный Дима. Ведь Таня была тем орудием, которым воспользовался Ариман. Из-за Тани огорчилась до

последней ступени душа Екатерины Григорьевны. Она думала, лучше сказать, чувствовала, и она не ошиблась, что Таня не любит ее сына так, как он этого заслуживает.

Самоубийство произошло при такой обстановке. Катя отправилась на пароходе в городок Панчево. Там сошла на берег и пошла бродить среди озерца, оставшихся после разлива Дуная. Быть может, эти прудики напомнили ей Курганы. Там река Горынь тоже так разливалась. Но на этих дунайских озерцах было сравнительно мелко, не более одного-двух метров глубины. Она связала платком себе ноги, потом другим платком при помощи зубов связала руки, легла на берег и покатила в одно из таких озер. Очутившись на дне, уже встать не могла.

Это кажется совершенно невероятным, но вскрытие тела никаких признаков насилия не обнаружило. И потом письмо...

Приехав в Белград по телеграмме, я три дня искал Катю по всяким пустым местам, где можно было предполагать, что она там бродит. Вместе с тем было заявлено в полицию. Последняя, организовав поиски, вскоре сообщила, что в Панчево найдено тело женщины. Мы немедленно туда отправились с Антоном Дмитриевичем Билимовичем. На месте мы увидели тело, совершенно уже черное и как бы с лицом сохранившимся, но очень раздутым, а у Кати были тонкие черты лица и само оно было худенькое. Мы с Билимовичем не могли установить, что это Катя. Телеграфировали моей сестре Лине. Она приехала и, посмотрев, сказала: „Это она. Она в платье, которое я ей на днях подарила“.

Все же приступили к вскрытию. Билимович сказал мне: „Не смотрите“...

Все формальности были совершены, и было дано разрешение на погребение. Ее тело отвезли в Люблян,

и мы похоронили ее рядом с моей сестрой Аллой Витальевной. Несмотря на развод, Катя сохранила фамилию Шульгиной»^[511].

Вот и все о первой жене Василия Витальевича. Прибавилось еще одно имя в его мартирологе.

Когда Р. Г. Красюков готовил книгу воспоминаний В. В. Шульгина, ему из сербского города Нови-Сад поступил следующий комментарий от Б. А. Арсеньева.

Газета «Новое русское слово» от 20 мая 1994 года на 53-й странице переопубликовала заметку шестидесятилетней давности (май 1934 года):

«САМОУБИЙСТВО ЖЕНЫ В. ШУЛЬГИНА. Нам пишут из Белграда:

Сильное впечатление на русскую колонию произвело самоубийство жены известного политического деятеля и писателя В. В. Шульгина — Екатерины Григорьевны Шульгиной.

В последнее время Е. Г. Шульгина страдала, несомненно, обострившейся душевной депрессией, вызванной гибелью в СССР любимого сына. Между прочим, поиски этого сына и имел, главным образом, в виду В. В. Шульгин, совершивший фантастическую поездку по СССР при содействии пресловутого „Треста“, оказавшегося, как известно, большевистской провокаторской организацией. Сын не был найден.

Но в результате поездки появилась наделавшая много шума книга „Три столицы“, которая, что тоже позже стало известно, была предварительно просмотрена и одобрена к печати тем же „Трестом“.

Провал „Треста“ на много лет оторвал В. В. Шульгина от политической деятельности.

Таковы истоки страшной трагедии несчастной матери. Русский Белград знал Е. Г. Шульгину, тревожно искавшую духовного равновесия то в повышенной, доходящей до экзальтации религиозности, то в

отчаянии отходящей от Церкви... И, наконец, она бесследно исчезла, ушла из дому и больше не возвращалась. И на днях в Панчево, ниже Белграда, в Дунае был найден ее труп. Она бросилась в воду, предварительно связав себе ноги. (Очевидно, бросилась в Дунай с тзв. „Панчевского моста“ — единственного через Дунай в Белграде. — Б. А.) Е. Г. Шульгина была дочерью известного публициста Г. К. Градовского и сама одно время много предавалась публицистике. Работала в разных изданиях и писала под псевдонимом Алексей Ежов. Под этим именем Е. Г. помещала злободневные политические статьи в „Киевлянин“, выходившем под редакторством ее мужа»^[512].

Дальнейшая жизнь Василия Витальевича протекала без потрясений, спокойно и скучно. В одном из уже ставших редкими писем Маклакову от 15 июля 1936 года он сетовал, что «духом очень обнищал».

Он занимался с молодыми участниками Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП), эмигрантской политической организации, возникшей в результате «банкротства отцов» — читал лекции о российской истории и обучал пропагандистским методам борьбы.

Эта молодежная организация возникла после похищений Кутепова и его преемника генерала Е. К. Миллера и разоблачения сотрудничавшего с чекистами генерала В. К. Скоблина, командира Корниловской дивизии и мужа знаменитой певицы Надежды Плевицкой. Новопоколенцы отмежевались от низового террора. В их обращении «К новому поколению России» в июне 1933 года говорилось: «Бесполезно убивать за тысячу верст от Москвы мелкого партийца или жечь стога сена в совхозах»^[513].

Союз готовил молодежь к длительной работе по свержению советской власти. В Белграде им были выпущены учебные пособия по различным темам: «Ошибки эмиграции, настоящее ее положение и наш долг», «Значение идей и сильных личностей в истории», «Социализм», «Либерализм», «Идеализм и материализм», «Земельный вопрос», «Рабочий вопрос», «Кооперация», «Украинский вопрос», «История революционных и общественных движений до 1917 года», «Революция 1917 года», «Октябрьский переворот и борьба с большевиками», «История коммунистической власти», «Административное устройство СССР», «Наша идеология — наши задачи». Кроме этого, были изданы пособия — «Руководство по прохождению курса политической подготовки», «Руководство по прохождению курса умения говорить», «Тактика боя в городе», «Список книг по национально-политической подготовке», «Как хранить тайну».

Чтобы понять психологию новопоколенцев, надо сказать, что все они были «детьми Гражданской войны».

В 1925 году в Праге вышел сборник «Дети эмиграции» — воспоминания детей-эмигрантов пятнадцати русских школ (из Югославии, Чехословакии, Болгарии, Турции), всего свыше 1600. Вот выдержки из этой книги:

«Вечером большевики поставили против нашего корпуса орудия и начали обстреливать корпус и училище. Наше отделение собралось в классе, мы отгородили дальний угол классными досками, думая, что они нас защитят. Чтобы время быстрее шло, мы рассказывали различные истории, все старались казаться спокойными; некоторым это не удавалось, и они, спрятавшись по углам, чтобы никто не видел, плакали».

«Когда нас привезли в крепость и поставили в ряд для присяги большевикам, подошедши ко мне, матрос спросил, сколько мне лет? Я сказал: „девять“, на что он выругался по-матросски и ударил меня своим кулаком в лицо; что потом было, я не помню, т. к. после удара я лишился чувств. Очнулся я тогда, когда юнкера выходили из ворот. Я растерялся и хотел заплакать. На том месте, где стояли юнкера, лежали убитые и какой-то рабочий стаскивал сапоги. Я без оглядки бросился бежать к воротам, где меня еще в спину ударили прикладом».

«По канавам вылавливали посиневшие и распухшие маленькие трупы (кадет)».

«Потом вечером моего папу позвали и убили. Я и мама очень плакали. Потом через несколько дней мама заболела и умерла. Я очень плакала».

«У нас сделали обыск и хотели убить мою бабушку, но не убили, а только ранили рукояткой револьвера».

«Матросы озверели и мучили ужасно последних офицеров. Я сам был свидетелем одного расстрела: привели трех офицеров, по всей вероятности, мичманов; одного из них убили наповал, другому какой-то матрос выстрелил в лицо, и этот остался без глаза и умолял добить, но матрос только смеялся и бил прикладом в живот, изредка коя в живот. Третьему распороли живот и мучили, пока он не умер».

«Несколько большевиков избивали офицера чем попало: один бил его штыком, другой ружьем, третий поленом, наконец, офицер упал на землю в изнеможении, и они... разъярившись, как звери при виде крови, начали его топтать ногами».

«Один случай очень ясно мне запомнился: когда перевели чрезвычайную комиссию в другое помещение и мы могли прийти повидаться со своими, после свидания, когда все были уведены, пришли чекисты и стали выволакивать из двора ужасные посинелые трупы

и на глазах у всех прохожих разрубать их на части, потом лопатами, как сор, бросать на воз и весь этот мусор людских тел, эти окровавленные куски мяса, отдельные части тела, болтаясь и подпрыгивая, были увезены равнодушными китайцами, как только что собранный сор со двора; впечатление было потрясающее, из телеги сочилась кровь и из дыр досок глядели два застывших глаза отрубленной головы, из другой дыры торчала женская рука и при каждом толчке начинала махать кистью. На дворе после этой операции остались кусочки кожи, кровь, косточки, и все это какая-то женщина очень спокойно, взяв метлу, смела в одну кучу и унесла».

«Из хорошего прошлого ничего не осталось. Досталось за смерть старших братьев, за поругание семьи и родины — одна только месть и любовь к родине, которая не изгладилась за время первого отступления, второго отступления в Крым, бегства из Крыма, и за время трехлетней жизни в Югославии, а наоборот, все растет, растет, растет...»

«Утешаю себя мыслью, что когда-нибудь отомщу за Россию и за Государя, и за русских, и за мать, и за все, что было мне так дорого».

Конечно, здесь можно вспомнить слова французского социалиста М. Кашена, что революция — это достижение прогресса варварскими методами. Но упаси нас господь от всяких революций!

Молодое поколение русского зарубежья было названо «незамеченным поколением», оно было явно иным, что с горечью высказано в стихотворении В. Гальского «Беспутье».

Не проклиняйте нас, отцы и деды,
Мы ваша плоть и кровь, но мы не вы.
Мы не горели в чаянье победы
И не теряли в бегстве головы.

Мы всюду лишние. Нам все чужое:
Готический торжественный собор,
И небо юга слишком голубое,
И Запада величье и позор.

И в этом мире затхло-изобильном
Мы никогда покоя не найдем,
Пока не мстителем, а блудным сыном
Войдем опять в опустошенный дом.

Мы не хотим России вахтпарадов,
Колонных зал, мундиров, эполет,
Нам падшего величия не надо,
Но вне Руси нам места в мире нет.

Белград, 1936 г.

Шульгин, обладающий уникальным опытом политической и разведывательной деятельности, переживший «Трест» и побывавший в СССР, оказался востребованным, даже вошел в состав Комитета взаимопомощи НТСНП. Однако он сразу заявил, что не будет заниматься подготовкой террористов. Он вел свой семинар, в котором было восемь юношей. Верил ли он, что его слушатели когда-нибудь вернутся в Россию? Из его воспоминаний видно, что он был разочарован деятельностью «нового поколения», ведь в старости всё воспринимается без иллюзий. О своей лекционной работе он вспоминал так: «Мне хотелось, чтобы они больше думали, чем чувствовали. Свое первое занятие я начал примерно со следующего вступления:

— Допустим, в стране произошел переворот. Кто его совершил, говорить не будем. Но мы будем говорить о

том, когда, я имею в виду, в какое время года он был сделан.

Тут я сделал паузу и увидел недоумение на всех лицах. Я продолжал:

— Время года имеет самое важное значение. Если надвигается весна, то нужно думать о посевах, потому что для посева необходимо зерно. Благодаря перевороту никакого зерна не будет в запасе. Тогда его надо доставать из-за границы. А с этим неизбежно связаны отношения с державами, которые могут дать зерно. Это означает, что время, когда произойдет переворот, продиктует ту или иную международную политику. Иначе будет голод, а новое правительство станет ненавистным.

В этом направлении я старался пробудить в них мышление, но это было почти безнадежно. Я говорил:

— Переворот произошел, вы на радиостанции, народ ждет вашего обращения к нему. Говорите!

Никто ничего не говорил, им просто нечего было сказать. Они хотели перемены, но ощущать себя ответственными за эту перемену они не хотели. „Все образуется каким-нибудь образом само собой“, — думали они и дальше этой мысли не шли. Это значило море крови.

В конце концов, это новое поколение так же неспособно было мыслить, как и старое, которых они называли „трупами“. В итоге, когда дело пошло серьезно, то „трупы“ взяли винтовки в руки и кое-что делали. Они пошли неправильным путем, так как поступили под команду немцев и образовали так называемые шюцкоры, то есть некие батальоны для охраны складов разного рода.

Но молодое поколение Трудового Союза ничего не сделало. Часть была арестована после прихода

советских войск в страны Восточной Европы, часть отошла от дел еще до войны»^[514].

В союз вошел и Дмитрий Шульгин.

Однако не стоит полностью полагаться на оценку нашего героя. Белград тогда был административным и ведущим духовным центром Национально-трудового союза, откуда распространялось влияние на другие страны. Здесь анализировали положение в Италии, Германии, Испании. В газете «За Россию», где выступал и Шульгин, печатались документы и статьи об организации экономики и политической власти этих государств; не обошли вниманием и «Новый курс» президента США Ф. Рузвельта, в котором доминировали принципы государственного регулирования экономики, за что Рузвельта даже обвиняли в фашизме.

С НТСНП сотрудничали профессора Иван Ильин, Александр Билимович. Выдающуюся роль играл профессор древней истории Михаил Георгиевский, секретарь Исполнительного бюро, которого считали волевым и интеллектуальным лидером союза. (Он будет арестован армейской контрразведкой Смерш одновременно с Шульгиным в начале 1945 года.) «Новопоколенец» Борис Прянишников, написавший драматическую историю Национально-трудового союза, утверждал, что «в любой отрасли союзной деятельности ощущалось его влияние»^[515].

На допросе в Москве Георгиевский говорил, что Шульгин пытался уменьшить его влияние в Исполнительном бюро, но Шульгин в своих воспоминаниях, наоборот, утверждал, что препятствовал интригам в союзе и не хотел ничьей конкуренции Георгиевскому. Как было в действительности, уже не имеет значения. Просто данный факт еще раз свидетельствует о постоянных интригах в эмигрантской среде.

И все же Шульгин уже не мог вернуться к активной политической борьбе.

Из протокола допроса 15 января 1945 года это ясно видно.

«Вопрос: Но ваша антисоветская деятельность в эмиграции заключалась не только в поддержке „Треста“. Вы признаете это?

Ответ: Да. С 1927 по 1933 г. у меня никакой организационной связи с антисоветскими формированиями не было, а с 1933 г. я был привлечен к работе т. н. „Союза писателей и журналистов“ и „Национально-Трудового Союза Нового Поколения“ (НТСНП).

Вопрос: Кто вас привлек к деятельности НТСНП?

Ответ: К деятельности НТСНП меня привлек председатель „Союза писателей и журналистов“ в г. Белграде Алексей Иванович Ксюнин.

Вопрос: Как долго вы работали в НТСНП?

Ответ: В НТСНП я работал с 1933 по 1935 г.

Вопрос: Какую практическую деятельность вы проводили в этой организации?

Ответ: Руководители НТСНП Георгиевский и Байдалаков, учитывая мой возраст, предложили мне вести работу в НТСНП в зависимости от моей инициативы. Это дало мне повод к тому, что из числа молодых по возрасту членов НТСНП я создал т. н. семинар, на котором сам же проводил занятия, воспитывая молодежь в духе враждебности к советской власти и подготавливая ее к политической и государственной деятельности на случай свержения советской власти.

Одновременно с этим я читал лекции и в более широких аудиториях, где присутствовали все члены НТСНП, проживавшие в Белграде.

Вопрос: Темы ваших лекций?

Ответ: Мною были прочитаны лекции по общеполитическим вопросам: так, о „Столыпинской реформе“, о работе Государственной Думы, об Особом Совещании государственной обороны и др. Кроме того, я проводил практические занятия с членами НТСНП, стремясь выработать у них ораторское искусство. Этой деятельностью я занимался до 1935 года, а затем [от] НТСНП отошел.

Вопрос: Почему?

Ответ: Потому что я разочаровался в этом союзе, как в серьезном политическом деле. К этому надо добавить, что, проживая с 1938 г. в г. Сремски-Карловцы, вдали от Белграда, я отошел от политической деятельности вообще и не занимался ею до последних дней»^[516].

Не один Шульгин разочаровался в возможностях активной борьбы. В 1935 году А. И. Деникин прочитал в Белграде три лекции, на которых присутствовал и наш герой. Генерал, по показаниям Шульгина, «...изложил возможные столкновения Европы с Советской Россией, при этом он подчеркнул, что надо не забывать, что интервенты в этой войне будут бороться не только с Советской властью, но и с Россией, т. е. с русским народом»^[517].

Любопытно, что большинство русских в Югославии рассчитывали на военно-политическую помощь Германии, а Василий Витальевич написал труд «Пояс Ориона», в котором наметил тесное сотрудничество России, Германии и Японии для освобождения России от советской власти и проведения скоординированной мировой политики. Эту рукопись он передал Георгиевскому для отправки германскому руководству, о чем тот сообщил на допросе в Москве 1 сентября 1945 года.

(Георгиевский сказал на допросе: «Проект Шульгина предполагал щедрую компенсацию „союзников“, главным образом немцев. Он предполагал передачу совхозов и других земельных угодий для хозяйствования немцам. Точно так же открывались двери и для „союзнического“ капитала и предприятий в России»^[518].)

Наш герой данного факта не отрицал, лишь уточнил, что сотрудничество с немцами было возможно только при сохранении независимости России.

То, что следователи определили как «передачу немцам земельных угодий», на самом деле означало переселение немецких крестьян на свободные земли (как во времена Екатерины Великой) и концессии.

В 1936 году Шульгин вышел из НТСНП и сохранил членство в правлении Союза русских писателей и журналистов.

Вторая мировая война перепахала русское зарубежье: одни по примеру Деникина наотрез отказались от сотрудничества с немцами, другие, как генералы П. Н. Краснов, Б. А. Штейфон и многие галлиполийцы, на такое сотрудничество пошли.

Шульгин тоже сделал свой выбор. Когда в 1944 году Дмитрий предложил ему ввиду приближения Красной армии к Югославии выехать в Швейцарию, он отказался, так как на прошении надо было рядом с личной подписью еще написать «Хайль Гитлер!».

Поэтому остался и дождался советских войск.

Во время войны, когда Югославия и городок Сремски-Карловцы, где Василий Витальевич проживал, были оккупированы немцами, он занимался тем, что вел свой дневник («антисоветского содержания») и продолжал бесконечные «Приключения князя Воронцовского».

Он жил в одном из самых старых домов города на Железнодорожной улице, опоясанном деревянной террасой по всему периметру. Его быт был очень скромен, будущее туманно. Да и на что было надеяться в 1944 году 66-летнему человеку?

Его мысли были о единственном сыне, который с головой ушел в дела НТСНП и балансировал, как все новопоколенцы, между служением России и необходимостью сотрудничать с нацистами для освобождения отечества.

О Дмитрие Шульгине надо говорить отдельно не просто как о сыне Василия Витальевича, а как о типичном представителе молодой эмиграции, так и не нашедшей себе пристанища в истории.

Шульгин вспоминал, что «все же „Новое поколение“ не удалось оградить от развала. Окончательно оно погибло как организация уже во время Второй мировой войны».

Во второй половине 1930-х годов в НТСНП после установления связи с польской разведкой были созданы специальные курсы для подготовки агентуры и переброски ее в СССР. Новопоколенцы получали возможность «уйти по зеленой дорожке» в СССР для выполнения своих задач, а поляки — ценные источники информации.

Подчеркнем, что в противостоянии Германии и СССР новопоколенцы выбрали труднореализуемый «третий путь» — «против Сталина и Гитлера». Не желая сотрудничать с немецкими властями, в июле 1938 года НТСНП официально распустил свой отдел в Германии, перейдя к нелегальной деятельности. Когда в 1941 году при поддержке и по разрешению немцев русские создали в Белграде Русский корпус, в который пошли служить почти все белогвардейцы, руководство НТСНП запретило своим членам вступать в него.

Таким образом, Дмитрий Шульгин не вступил, но деверь его отца, Владимир Седельников (галлиполиец, корнет 11-го гусарского Изюмского полка), воевал в рядах корпуса вплоть до 1945 года ^[519].

История Русского корпуса печальна. Весной 1941 года немцы назначили начальником Русского доверительного бюро, созданного для координации с русской эмиграцией в Сербии, генерал-майора царской армии М. Ф. Скородумова. Тот был участником Первой мировой войны, тяжело ранен и попал в плен, из которого трижды пытался бежать, но неудачно. В 1917 году его обменяли на немецкого офицера. Воевал в рядах ВСЮР, был в Галлиполи. Приверженностью к национал-социализму Скородумов не отличался.

В августе 1941 года в связи с активизацией коммунистических партизан, враждебно относившихся к русским белогвардейцам, Скородумов обратился с просьбой к немецкому командованию о раздаче оружия русским с целью защиты самих себя. В сентябре был создан Русский охранный корпус. Приказ о формировании корпуса заканчивался словами: «С Божьей помощью, при общем единодушии и выполнив наш долг в отношении приютившей нас страны, я приведу вас в Россию». Однако никаких русских частей в своих армиях на Восточном фронте немцы создавать не планировали. Поэтому Скородумов был на три недели арестован, а командиром формирующегося корпуса стал известный нам генерал-лейтенант Б. А. Штейфон. Он согласился не настаивать на отправке в Россию, что было категорическим требованием немцев. Впрочем, ветераны Гражданской войны верили, что рано или поздно они попытаются взять реванш на Русской земле, они записывались в корпус с воодушевлением, тем более что были признаны их российские воинские звания, а

командование было русским. Уже к 1 октября записались 893 добровольца. Среди них было 90 корниловцев плюс взвод Кутеповской роты. Полковник Кондратьев прибыл со знаменем 2-го Корниловского ударного полка, который для Белого движения считался символом доблести. Наибольшего расцвета корпус достиг к сентябрю 1944 года, когда в его составе было 11 197 человек.

Он состоял из пяти полков, один из которых был казачий, а также включал три отдельных батальона и пять взводов, один из которых был конным.

Корпус воевал с югославскими партизанами Иосипа Броз Тито. Отметим, что его бойцы спасли тысячи сербов, бежавших от террора хорватских «ушастей». При охране железнодорожной линии Кральево (Центральная Сербия) — Косовска-Митровица (Косово) русские защищали местных жителей от притеснений немцев и албанцев (в Косове). В селах на сербско-косовской границе албанцы разрушили несколько православных церквей и препятствовали сербам восстановить их. Русские восстановили эти церкви, выставили около них охрану.

Однако на Восточный фронт белогвардейцы так и не попали, их внутренняя гражданская война в рамках мировой войны завершилась ожесточенными боями с советской 57-й армией 3-го Украинского фронта. Как пишет автор статьи в «Независимом военном обозрении» Сергей Юферев: «Обе стороны испытывали друг к другу ненависть». Наиболее жестокая борьба развернулась в районе Кралево и Белграда, через которые шли выводимые из Греции германские соединения. 20 октября был освобожден Белград. На следующий день был штурмом взят город Кралево и перерезана магистраль Салоники — Белград. К концу октября основные силы немецкой группировки «Сербия» были уничтожены. После сдачи Белграда

немцам и Русскому корпусу пришлось отходить на север в обход, через труднодоступные, контролируемые партизанами горные районы Боснии.

В апреле 1945 года корпус пробился к австрийскому городу Клагенфурт, где и капитулировал перед английскими войсками. В его рядах оставалось всего 3500 человек, способных носить оружие. Они были помещены в лагерь Келленберг, где содержались до 1951 года. В отличие от казаков и чинов РОА они, как несоветские граждане, не были выданы СССР. В 1951 году большинство, в том числе и Владимир Седельников, которому тогда было 50 лет, перебрались в США.

В официальной биографии Дмитрия Шульгина говорится, что во время войны он строил дороги в Польше. Известно, что Польша была оккупирована и, соответственно, строить дороги можно было только в составе германских строительных частей. Значит, он сотрудничал с гитлеровцами?

Но это не так. Внешне новопоколенцы входили в те или иные структуры вермахта, инженерной организации Тодта, частных немецких фирм и, пользуясь предоставленными возможностями, вели подпольную деятельность. Их стратегия базировалась на идее свергнуть при помощи немцев коммунистический режим и после этого возглавить российское государственное строительство. Разумеется, германская политическая полиция (гестапо) видела в них противников рейха, отслеживала, арестовывала, даже бессудно убивала. Так, в декабре 1943 года был застрелен на улице Варшавы руководитель Польского, самого активного отдела Национально-трудового союза А. Е. Вюрглер, официально занимавший должность помощника по политической части начальника управления по борьбе с

партизанским движением абвера («зондерштаб»). Кстати, один из помощников Вюрглера, инженер И. И. Виноградов, тоже сотрудник «зондерштаба», приобрел немецкую строительную фирму «Эрбауэр», где работали многие члены союза ^[520]. По командировочным удостоверениям «зондерштаба» члены союза совершали поездки по оккупированным областям, занимались пропагандистской работой и даже создавали группы НТСНП в партизанских отрядах.

Поэтому за строкой биографии Дмитрия Шульгина о строительстве дорог в Польше надо прочитывать огромный пласт информации о подпольной деятельности Национально-трудового союза. Василий Витальевич едва ли мог о ней знать, так как безвылазно сидел в Сремски-Карловцах. Но понятно, как Дмитрий мог организовать разрешение отцу на выезд (несбывшийся) в Швейцарию.

Основные кадры организации в 1941 году находились в занятой немцами Европе. Более двухсот человек создавали «русскую силу на русской земле». Использование немецких организаций союз ограничил строгими рамками: он запрещал своим членам служить переводчиками в воинских частях и полицейских органах. Члены НТСНП работали инженерами, строителями, агрономами, журналистами, преподавателями, участвовали в городских управах, занимаясь церковной и общественной работой, вели торговлю.

Были созданы группы НТСНП в Минске, Витебске, Смоленске, Пскове, Гатчине, Вязьме, Брянске, Орле, Киеве, Виннице, Днепропетровске, Одессе, Кировограде, Полтаве, Крыму. В Пскове был создан подпольный скаутский отряд. К 1943 году союзом было охвачено 54 населенных пункта, в которых действовало до 120 групп ^[521].

Как ни опасались немцы сотрудничества с русскими эмигрантами, но были вынуждены прибегать к нему. В марте 1942 года были созданы учебные лагеря в Германии, куда отбирались квалифицированные лица из военнопленных для подготовки к административной работе «на Востоке». Организация преподавания в них велась под руководством союза. Из более 500 русских курсантов в НТСНП было принято около 30 человек, в том числе будущие видные его деятели. Там издавались необходимые союзу печатные материалы — как подпольно, так и открыто, под видом учебных пособий. Подобное происходило и в школе пропагандистов Русской освободительной армии генерала А. А. Власова (РОА) в Дабендорфе под Берлином, в школе для полицейского персонала восточных областей в Бернау, в школе для подготовки бургомистров восточных областей в Вустрау.

В советской историографии вопрос создания РОА трактовался достаточно просто: одни военнопленные, движимые страхом за свою жизнь или предательскими настроениями, вступали во власовскую армию, а другие, будучи мужественными патриотами, категорически отвергали такой выбор. На самом деле все было сложнее, ибо советское общество накануне войны еще далеко не изжило комплекс революционных потрясений, гражданского противостояния и внутреннего сопротивления ускоренной модернизации. Офицерский корпус Красной армии тоже не был однородным. К антибольшевистским по настрою советским генералам относился и командующий 16-й армией генерал Лукин, тяжелораненым взятый в плен в Смоленском сражении, которое предопределило крах германского наступления на Москву. Жизнь Лукина была спасена по прямому распоряжению командующего группой «Центр» фельдмаршала Федора фон Бока (кстати, двоюродного брата капитана 1-го ранга

царской армии Бориса фон Бока, зятя П. А. Столыпина). Фельдмаршал не был нацистом, и это многое объясняет.

После излечения в немецком госпитале (ампутация ноги) М. Ф. Лукин встретился с Власовым и спросил у него: «Вы, Власов, признаны ли вы официально Гитлером? И даны ли вам гарантии, что Гитлер признает и будет соблюдать исторические границы России?»

Как вспоминал один из инициаторов создания отдельных воинских частей из русских военнопленных капитан Вильфрид Штрик-Штрикфельд (бывший офицер Русской императорской армии): «Власову пришлось дать отрицательный ответ.

— Вот видите! — сказал Лукин. — Без таких гарантий я не могу сотрудничать с вами. Из моего опыта в немецком плену я не верю, что у немцев есть хоть малейшее желание освободить русский народ. Я не верю, что они изменят свою политику. А отсюда, Власов, всякое сотрудничество с немцами будет служить на пользу Германии, а не нашей родине»^[522].

После освобождения из плена в 1945 году Лукин прошел проверку военной контрразведкой Смерш, восстановлен на воинской службе, даже награжден орденом Ленина. И это несмотря на то, что в захваченных немецких архивах сохранились материалы допросов Лукина, который нелестно отзывался о Сталине.

Внутри самой РОА тоже действовала активная группа НТС. После учреждения в ноябре 1944 года в Праге Комитета освобождения народов России (КОНР) во главе с генералом Власовым от советских военнопленных, чье положение стало несколько улучшаться, поступило более 300 тысяч заявлений о вступлении в пехотные дивизии и танковый полк,

«чтобы, дождавшись падения Берлина, прорвать фронт и начать антисталинскую революцию под политическими лозунгами КОНР»^[523].

Насколько реалистичными были планы РОА, можно судить по манифесту КОНР, в котором предсказывался почетный мир с Германией «на условиях, не затрагивающих чести и независимости России». После зверств вермахта на территории СССР почетный мир был немыслим в принципе. Скорее всего, подавляющее большинство тех 300 тысяч военнопленных понимали это. Не случайно 6–8 мая 1945 года 1-я дивизия КОНР под командованием генерала С. К. Буняченко во время Пражского восстания выступила на стороне восставших и выбила немцев из города еще до прихода советских частей.

С другой стороны, НТСНП делал попытки установить контакты с американскими, английскими и французскими правительственными кругами.

Возможности НТСНП базировались на проникновении его членов во все структуры рейха, занимавшиеся «русскими вопросами».

Многие члены союза были расстреляны гестапо или погибли в тюрьмах. Их обвиняли в антинемецкой пропаганде, связи с партизанами и создании тайной организации.

Здесь уместно вспомнить, что произошло с советскими военнопленными после победы в мае 1945 года. Из всех 1 836 562 военнопленных около одного миллиона было направлено для прохождения военной службы в части Красной армии, 600 тысяч трудились на промышленных предприятиях в составе рабочих батальонов, а 233,4 тысячи человек как скомпрометировавшие себя в плену брошены в лагеря НКВД^[524].

Один из членов союза, сын расстрелянного в 1920 году в Крыму белого офицера Николай Рутченко (Рутыч), в 1945 году содержался в английском концентрационном лагере в итальянском городке Беллария вместе с Дмитрием Шульгиным и так писал о нем: «Он принадлежал... к многочисленному югославскому отделу НТС и во время войны отправился, как и большинство его членов, с полулегальными документами в Польшу для пропагандистской и организаторской работы среди русских добровольческих частей» ^[525].

Дмитрию Шульгину невероятно повезло, он после войны избежал выдачи в Советский Союз благодаря помощи сочувствовавшего русским заключенным главного врача немецкого госпиталя, который не прекратил работы и при английской администрации.

После побега Дмитрий Шульгин перебрался в Германию, где был избран членом правления Немецкого отдела НТС (Национально-трудового союза — с 1943 года), также встречался со своим старым товарищем по офицерской школе Сен-Сир Аркадием Столыпиным, тот руководил Французским отделом НТС. Исторический круг замкнулся: сын премьер-министра Российской империи Петра Столыпина и сын Василия Витальевича обняли друг друга. Встреча имела горький привкус — конец войны, победа Советского Союза означали крушение их надежд на «третью силу».

«Вторая гражданская война русских» внутри Второй мировой закончилась новым поражением белогвардейцев. В данном положении, как некогда предсказал Василий Маклаков, реальной преобразующей силой могла быть только советская элита.

Дмитрий Шульгин, как и Владимир Седельников, тоже перебрался в США, где прожил до самой кончины

в 1999 году в возрасте 94 лет. Война навеки разлучила отца и сына.

В начале 1950-х годов Национально-трудовой союз раскололся, «...перестал быть политической организацией и превратился в один из многочисленных „подсобных“ привесков к западным разведкам» ^[526].

Что касается участия Василия Витальевича в войне, то этот вопрос осветили российские прокуроры, готовя дело о его реабилитации. В 2001 году в «Заключении по материалам уголовного дела В. В. Шульгина» Генеральной прокуратуры России указано: «С 1940 по 1944 г. Шульгин политикой не занимался, с немцами, оккупировавшими Югославию, не сотрудничал» ^[527].

Глава тридцать седьмая

Арест. — Владимирская особая тюрьма. — Сокамерники. — Освобождение. — Приезд Марии Дмитриевны. — Пропагандистская операция КГБ. — Перед судом Истории

68-летний Василий Витальевич никак не ожидал, что его персона будет интересна советской контрразведке. И ошибся. С учетом «второй гражданской», РОВСа, НТСНП, РОА каждый белоэмигрант подлежал проверке. Мог ли Шульгин проскочить сквозь мелкочейную сеть Смерша?

Ранним морозным утром 24 декабря 1944 года он возвращался в свою скромную квартиру с бидончиком еще теплого молока, взятого у некоей Душанки, и был остановлен высокорослым красноармейцем с неприятным бабьим лицом. Отводя взгляд в сторону, красноармеец сказал, что надо на пять минут зайти к советскому коменданту города, с которым, кстати, Шульгин уже был знаком. Тот был киевлянином.

Наш герой зашел в комендатуру, и «пять минут» превратились в долгие годы. Его задержали сотрудники армейской контрразведки.

С первого же допроса был очерчен круг тем: белые армии, РОВС, НТСНП, РОА. Но поскольку Василий Витальевич давно был в «отставке», его ответы представляли в основном исторический интерес. Это вывело из себя следователя-капитана, он стал грозить расстрелом на месте. И Шульгин спокойно ответил:

— Это лучшее из того, что вы можете сделать.

Выстрела не последовало.

После этого допроса Шульгин понял, что его не выпустят, и решил покончить с собой. В его описании

это выглядело так: «И вдруг увидел на столе кем-то брошенное лезвие безопасной бритвы. Подумал: „Вот это случай. Если, конечно, это случай, а не подброшено“. Но ничего не вышло. На ковер упало несколько капель крови, и лезвие сломалось — руки предательски дрожали»^[528].

Потом его на мотоцикле, закутанного в одеяло, переправили на территорию Венгрии, оттуда на самолете — в Москву.

Он прошел через много допросов, ночных и дневных, вел себя спокойно, с достоинством, не сбивался, почти ничего не скрывал, не боялся. Ему казалось, что в худшем случае ему грозит три года тюрьмы.

12 июля 1947 года военный прокурор войск МВД СССР генерал-майор юстиции Бударгин подписал:

«Обвинительное заключение»

По обвинению Шульгина Василия Витальевича в преступлениях, предусмотренных ст. 58-4, 58-6, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

В январе 1945 года органами советской контрразведки на территории Югославии был арестован Шульгин Василий Витальевич.

Следствием по делу установлено, что Шульгин, начиная с 1905 года и до свержения самодержавия, вел активную борьбу против революционного движения и был ярым защитником царского строя (л. д. 20, 23, 181).

Являясь руководящим участником черносотенных организаций „Союз Михаила Архангела“, „Союз русского народа“ и „Русского собрания“, а также членом 2-й, 3-й и 4-й Государственных Дум, Шульгин призывал царское самодержавие к беспощадной расправе над участниками революционного движения, требовал организации против них карательных экспедиций и военно-полевых судов, всецело поддерживая

мероприятия царского министра Столыпина (л. д. 21, 23, 24, 25, 183, 184, 186).

После Февральской революции Шульгин, стремясь сохранить русскую монархию, вместе с председателем буржуазного „Военно-промышленного комитета“ Гучковым принял отречение царя и пытался передать престол другому члену царской фамилии (л. д. 26, 27, 196, 197).

В дальнейшем Шульгин, поддерживая буржуазное временное правительство, выступал против Ленина и призывал Керенского задушить революцию (л. д. 26, 28, 199, 201).

После Октябрьской революции Шульгин вместе с другими реакционерами сформировал на Дону так называемую „Добровольческую армию“ и вел активную борьбу против Советской республики.

В конце 1917 года по заданию командования белой армии Шульгин завербовал в Киеве и отправил в Новочеркасск для „Добровольческой армии“ несколько эшелонов офицерского состава (л. д. 29, 30, 203).

В начале 1918 года Шульгин создал при белой армии Деникина разведывательный орган под названием „Азбука“, который вплоть до 1920 года организовывал на территории Украины, занятой частями Красной Армии, контрреволюционную повстанческую деятельность, распространяя антисоветскую литературу, а также поддерживал связь с подпольным контрреволюционным „московским центром“ и с агентами английской и французской разведок, которых снабжал шпионскими сведениями (л. д. 36, 37, 38, 40, 205–210).

В августе 1918 года в гор[оде] Екатеринодаре по инициативе Шульгина было создано деникинское правительство, именуемое „Особым совещанием“, а несколько позже с помощью французских интервентов он организовал контрреволюционное правительство в

Одессе, находившееся в подчинении Деникина (л. д. 40, 41, 212-214).

После разгрома Деникина Шульгин продолжал борьбу против советской власти вместе с Врангелем, с которым поддерживал тесную связь также и [с] заграницей, куда бежал в сентябре 1920 г.

Находясь за границей, Шульгин активно работал в белогвардейских шпионско-террористических организациях „РОВС“ и „НТСНП“, участвовал в заброске агентуры „РОВС“ на территорию Советского Союза с террористическими заданиями, выступал с публичными антисоветскими докладами, сотрудничал в белогвардейских издательствах и написал ряд антисоветских книг (л. д. 47, 52, 55, 64, 69, 227, 238, 239, 336).

В 1936 г. Шульгин пытался установить связь с главарями фашистской Германии и склонить их еще в то время к вооруженному нападению на СССР. С этой целью для передачи фашистским главарям он написал рукопись под названием „Пояс Ориона“, в которой предлагал немцам колонизировать советскую территорию и безвозмездно пользоваться природными богатствами Советского Союза (л. д. 240, 241).

Будучи допрошен в качестве обвиняемого, Шульгин виновным себя признал (л. д. 87) и, кроме того, изобличается показаниями Георгиевского М. А. (л. д. 130-133) и вещественными доказательствами (л. д. 255-261).

На основании изложенного ОБВИНЯЕТСЯ:

Шульгин Василий Витальевич, 1878 года рождения, уроженец Киева, русский, без подданства, из дворян, в прошлом помещик, белоэмигрант, в том, что:

До Октябрьской революции, являясь членом 2-й, 3-й и 4-й Государственных Дум и черносотенных организаций, проводил активную борьбу против революционного движения.

В период гражданской войны был инициатором создания белогвардейского правительства Деникина, именуемого „Особым совещанием“, и, являясь его членом, руководил деникинской разведкой „Азбука“, через которую проводил шпионскую работу в пользу французской и английской разведок.

Проживая с 1920 года за границей, состоял в белогвардейских шпионско-террористических организациях, по заданию которых вел подрывную деятельность против Советского Союза, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58-8, 58-4, 58-6 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР.

Следственное дело по обвинению Шульгина Василия Витальевича подлежит рассмотрению на особом совещании МГБ СССР.

Мера наказания Шульгину В. В. предлагается 25 лет тюрьмы.

Старший следователь Следчасти по особо важным делам МГБ СССР — подполковник Путинцев.

„Согласен“ — начальник Следчасти по особо важным делам МГБ СССР — генерал-майор Леонов»^[529].

Василия Витальевича так и осудили — на 25 лет, что для него являлось фактически пожизненным сроком.

Сидельцы Владимирской особой тюрьмы Министерства госбезопасности, ставшей ему пристанищем, представляли собой Зазеркалье советского мира. Здесь Шульгин познакомился с Павлом Кутеповым, сыном похищенного генерала. Соседями по камере у нашего героя были белогвардейцы, крестьяне, инженеры, уголовники, литераторы, офицеры, а также германские генералы и японцы. Один из немцев, генерал Гельмут фон Панвиц, командир русской казачьей дивизии, вскоре был казнен одновременно с генералами П. Н. Красновым, А. А. Власовым и другими захваченными в плен высшими чинами РОА.

Шульгин смирился со своей печальной судьбой. Миролюбиво настроенный, непритязательный, седобородый старик вызывал симпатию у товарищей по несчастью. Ему рассказывали свои истории, стремились помочь, дежурили вместо него по камере. Немцы же, когда были освобождены, присылали ему из Германии посылки с продуктами и писчей бумагой.

Истории были очень разные, но особенно запомнились связанные с сильной религиозной верой.

Два крестьянина Иван и Михаил, малороссы по происхождению (так они сами себя называли), были твердыми сторонниками Столыпинской аграрной реформы, которая, как они считали, открыла им глаза. Но кроме этого, они следовали всем христианским заповедям, отличались необыкновенной добротой.

Третьим выдающимся сидельцем был человек другого племени. О нем Шульгин вспоминал так: «И был там человек, которого забыть трудно. Он был еврей по фамилии Дубин. Этот еврей, высокий, худой и сохранивший бороду (что тоже бывало нечасто), немедленно после побудки и обязательного посещения уборной становился на молитву. Это был второй Михаил, но только „отец“, который тоже весь день молился. Но Дубин, кроме того, в течение целого дня ничего не ел и не садился, потому что он молился стоя. Он не умел молиться тихо, про себя, а все время что-то бормотал. Иногда это бормотание переходило в плач. Он плакал так, что этому трудно поверить.

На полу от слез образовывались лужицы. Сначала на это трудно было смотреть, но потом я привык. Через некоторое время он сказал мне:

— Вы меня не знаете, но я вас хорошо знаю. Какой еврей не знает Шульгина, члена Государственной Думы? Я тоже был пятнадцать лет членом парламента в Риге. Кроме того, я стоял во главе лесных промыслов, и у меня работало четыре тысячи рабочих.

Я спросил его:

— Отчего вы так горько плачете?

Он покачал головой:

— У нас есть такие молитвы, когда положено плакать. Кроме того, у меня было около ста родственников. Все убиты немцами. Только одну сестру мою я сохранил. Она живет в Москве и помогает мне. Но особенно я плачу вот почему. У меня была мать, старенькая. Я старался каждый день у нее бывать. Но вы сами знаете, как парламент и дела отнимают много времени. Надо заботиться о своих рабочих, так как они были в основном русские, и я не хотел, чтобы они устроили еврейский погром. И поэтому бывали дни, когда я не заезжал к матери. Вот теперь я об этом плачу. Как мог я это делать! Ведь она меня ждала. Теперь ее нет. Слава Богу, она умерла до немцев. Я спасся, потому что вместе с сестрой бежал на восток, в Москву. Но меня все-таки арестовали. Я правоверный еврей.

Позже я узнал, что Дубин не только правоверный иудей, но и весьма уважаем религиозными евреями далеко за пределами Риги...

С первых же дней он предложил мне, что будет покупать для меня в ларьке белый хлеб и сахар. Я отказался. Он спросил меня:

— Почему?

— Мы еще очень мало знакомы. Принимать такую помощь я могу только от друзей.

Он сказал:

— А я вам говорю, что вы возьмете. Слушайте, я вам уже говорил, что немцы вырезали всю мою родню, и не знаю, сколько еще миллионов евреев. Сейчас в этой камере немцев нет. Но где я был раньше, там их было много. Быть может, эти, что были со мною, и не убивали евреев, но все же это немцы. И я долго не мог себя пересилить. Однако в Писании сказано: „Голодного

накорми“. Не сказано в Писании, что немцев не накорми. А они голодали. И я стал их кормить. И вы возьмете мой хлеб. Вы не захотите так меня обидеть.

Я сказал:

— Давайте. Я возьму ваш хлеб.

И так потекли дни. Дубин молился и плакал. Я привык как к тому, так и к другому.

Теперь я не знаю, что с ним. Вряд ли он поехал в Израиль. Он говорил: „Они не евреи. Евреи веруют в Бога, а эти не веруют. И храма Соломонова они не восстанавливают“...

Замечательно еще то, что у него в тюрьме была библиотека из двадцати религиозных книг на еврейском языке. Они хранились в общей библиотеке, а ему выдавали по мере надобности тот или иной том. Этого не мог бы позволить себе никто другой. Если бы у меня конфисковали Евангелие, которого у меня не было, то ни в коем случае не выдали бы по моей просьбе. Я бы не смог их убедить. Но такой Дубин, который целый день молился и плакал, произнося слова, написанные в этой книге, не входил ни в какие рамки. Он импонировал. Он гипнотизировал. И его уважали, несмотря ни на что.

То же самое наблюдение я сделал гораздо раньше, еще в двадцать пятом году. Не уважали обыкновенных христиан, но уважали раскольников, чувствуя силу их веры. И потому недаром говорится, что вера горами движет»^[530].

Однажды Шульгин спас жизнь страшно неприятному соседу. Тот был японцем, знал русский язык, его отец окончил Киевскую духовную академию. Этот сиделец находил удовольствие в том, что постоянно дразнил некоторых заключенных и издевался над ними, за что его стали просто избивать. Однажды на прогулке Шульгин услышал, как японец напевает

какие-то странные слова. Прислушался — это была смесь имперского русского гимна и пошлых частушек. И тут терпение камеры лопнуло, оскорбленные сидельцы решили ночью убить японца. Поняв это, Василий Витальевич стал изо всей силы стучать ногой в дверь и вызывать дежурного охранника. Его отвели к коменданту, он все рассказал. Но согласно тюремному порядку заключенного можно было перевести в другую камеру только утром. А это означало смертный приговор японцу.

Оставалось уповать на свой авторитет, и, вернувшись в камеру, Шульгин громко объявил, что получил гарантию завтрашнего перевода японца. Ночь прошла спокойно.

Утром за японцем пришли, он неожиданно для всех стал просить прощения лично у каждого, и все пожимали его протянутую руку. Лишь один Шульгин не пожал, холодно ответив: «Бог простит».

Почему же спас, а не простил?

Видимо, издевательство над царским гимном задело глубокие воспоминания о том, что тяжело было вспоминать.

Еще одним интересным сокамерником был Михаил Алексеевич Таиров, бывший заместитель председателя Ленинградского облисполкома (вице-губернатор), осужденный по «ленинградскому делу» вместе с многочисленной группой высших партийных и советских чиновников, среди которых были секретарь ЦК КПСС А. А. Кузнецов (еще недавно его Сталин рассматривал как своего возможного преемника в партии), член политбюро ЦК КПСС, председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский (Сталин видел его на посту председателя правительства), председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М. И. Родионов. Существо данного дела в том, что эта группа выражала озабоченность положением русского народа, который в

сравнении с другими нес наибольшие тяготы государственного строительства. У нее было желание (правда, не формализованное, а на уровне конфиденциальных разговоров) создать Российскую коммунистическую партию в рамках КПСС, укрепить значение Российской Федерации, перенести в Ленинград столицу России. Внешне это не противоречило русскоцентристской политике И. В. Сталина, проводимой во время войны, однако сейчас, когда началась холодная война с бывшими западными союзниками за передел послевоенного мира, а в окружении «позднего Сталина» велась подковерная борьба за роль наследника вождя и к тому же в Ленинграде выявили серьезные факты коррупции, выделение русских структур было воспринято как удар по единству государства. И ленинградцы потерпели сокрушительное поражение.

Таиров оказался в группе осужденных, можно сказать, «за компанию». Шульгин не оставил свидетельств, о чем они беседовали с ним. Наверное, особо доверительных разговоров между ними быть не могло, ведь один был неразоружившимся белогвардейцем, а другой — советским начальником.

Среди сокамерников Шульгина были и знаменитости, такие как академик-биолог В. В. Парин и поэт-мистик Д. Л. Андреев. Вместе с ленинградским историком Л. Л. Раковым они сочинили «Новый Плутарх», ироническое жизнеописание вымышленных исторических героев.

Вот несколько примеров фантазии сидельцев:

Эстебан Лигейро, мексиканский биохимик, автор средства для депигментации негров. Менандр Парасангит, врач IV века до нашей эры, автор открытия, что «воздержание и диетическое питание не делают человека ни сытым, ни счастливым». Археолог Леко-де-Лягиш, первооткрыватель античной станковой

живописи: «Переход Ганнибала через Альпы», «Сватовство центуриона», «Нерон, наблюдающий пожар Рима», «Non expectaverunt» («Не ждали») — возвращение Фемистокла из изгнания. («Скромную комнату украшают висящие на стене изображения демократических деятелей — Софокла и Клизфена. Яркие лучи афинского солнца освещают эту сцену из жизни либеральной интеллигентной афинской семьи».) А знаменитый роман голландского писателя Доувеса ван Ноордена (1860–1936) «Так жить нельзя!», как указано авторами, «получил всеобщее признание и вошел в золотой фонд литературы, ставящей своей целью существенно повлиять на моральное переустройство мира. К сожалению, писателю не суждено было стать свидетелем победоносного шествия своего величайшего творения по странам Европы, Азии и Америки. Потрясения, обрушившиеся на его организм, оказались слишком велики».

Впоследствии тюремные знакомства позволили Шульгину завязать тесные отношения со многими писателями.

Шли дни и годы. Однажды до тюрьмы донесся протяжный стон заводских гудков. Что это означало, никто не догадался. А это умер Сталин. Вскоре стало ясно, что героический мобилизационный период российской истории закончился. Показательно, что за 20 дней до смерти Сталин подписал постановление правительства о начале работ над ракетой Р-7, на которой в 1961 году полетел первый в мире космонавт Юрий Гагарин.

Сразу же после кончины Сталина в сентябрьском номере американского журнала «Нэйшнл бизнес» за 1953 год в статье Герберта Гарриса «Русские догоняют нас...» отмечалось, что СССР по темпам роста экономической мощи опережает любую страну и что в

настоящее время темп развития СССР в 2–3 раза выше, чем США.

Кандидат в президенты США Эдлай Стивенсон оценивал положение таким образом, что если темпы производственного роста в сталинской России сохранятся, то к 1970 году объем русского производства в 3–4 раза превысит американский.

Но сталинский период не мог продолжаться без Сталина.

В декабре в характеристике Шульгина, данной начальством тюрьмы, указывалось: «Политических убеждений не изменял, оставаясь ярким ненавистником коммунистов и Советского строя».

Соответственно, Судебная коллегия по уголовным делам Владимирского областного суда отказала Шульгину в досрочном освобождении.

И только в сентябре 1956 года по указу Президиума Верховного Совета СССР Шульгин был досрочно освобожден из заключения. Ему было 78 лет.

Ему вернули его скудное имущество — обручальное золотое кольцо и еще одно тонкое золотое, 350 хорватских кун и один югославский динар, которые можно было положить лишь в нумизматическую коллекцию. Изъятые при аресте рукописи и всё, написанное им в тюрьме, ему не вернули. Он не знал, что их сожгли, и долго добивался возвращения.

Кем же стал Шульгин, выйдя на свободу?

Его социальный статус определился быстро — писатель. За плечами были известные книги, политическое и тюремное прошлое Василия Витальевича вызывало к нему большой интерес интеллигенции. На дворе стояла хрущевская «оттепель», сталинская политическая система была подвергнута остракизму.

Вот письмо известного писателя Корнея Чуковского председателю Президиума Верховного Совета СССР

К. Е. Ворошилову, из которого видно, что верхний слой творческой интеллигенции стал поддерживать нашего героя.

«Дорогой Климент Ефремович!

Прошу вас принять участие в судьбе одного старика, имя которого когда-то звучало враждебно для нас. Речь идет о бывшем правом депутате Государственной Думы. Это Василий Витальевич Шульгин, автор книг „Дни“ и „1920-й год“. В настоящее время ему больше восьмидесяти лет; он давно осознал свою вину перед Советским государством и отбыл назначенное ему наказание (одиннадцать лет тюремного заключения в городе Владимире).

Сын известного русского писателя Леонида Андреева сообщил мне недавно, что В. В. Шульгин в настоящее время со своей больной женой живет в инвалидном доме города Владимира и что он работает над продолжением своего исторического романа „Янош Воронежский“. Люди, знающие этот роман, отзываются о нем как об очень талантливом произведении. Роман повествует о русско-славянских связях в XVI-XVII вв. — тема жгучая и очень актуальная.

Первые части этого романа находятся, очевидно, в архивах КГБ (рукописи были в разное время — с 1945 по 1948 — изъяты у Шульгина и, по-видимому, присоединены к материалам его „Дела“).

Полагая, что талантливый роман на такую важную, патриотическую тему был бы чрезвычайно полезен советским читателям, я обращаюсь к Вам с просьбой — дать указания в соответствующие инстанции, чтоб эти рукописи были разысканы и чтоб престарелому автору была предоставлена возможность дальнейшей работы над ними.

Адрес В. В. Шульгина: г. Владимир (обл.), Дом инвалидов.

„5“ июня 1958 г.

Писатель Корней Чуковский

Москва, К-9, ул. Горького, 6, кв. 89» ^[531].

Особенность ситуации заключалась в том, что во время «оттепели» власти нуждались в поддержке интеллигенции, и обращение писателя означало, кроме прочего, использование этого не афишируемого обстоятельства.

Но, увы, рукописи все-таки горят!

Освободили Шульгина сентябрьским солнечным днем. Он не мог наглядеться на желтые березы, красные осины и темно-зеленые ели, которых не было на Украине. Всю дорогу до Гороховца он наслаждался видом русской природы и про себя декламировал:

Благословляю вас, леса,
Долины, горы, нивы, воды.
Благословляю я свободу
И голубые небеса.

Обитатель дома инвалидов был не простым «дедушкой» (так его звал персонал), а по-прежнему оставался политической фигурой. Поэтому ему позволили то, чего не позволяли другим. Например, разрешили пригласить к себе на постоянное жительство жену Марию Дмитриевну, которая тогда обитала в Венгрии, будучи высланной из Югославии. Для их проживания выделили отдельную (!) комнату в доме инвалидов (в городе Гороховце), чего никогда не бывало; немногие семейные пары жили здесь в разных палатах. Правда, первоначально между областным КГБ, не упускавшим Шульгина из виду, и директором дома возникло недопонимание: Шульгину в первый день по прибытии объявили, что никаких отдельных помещений для него не будет, и тогда он смиренно объявил

голодовку. После легкого волнения директор дома инвалидов всё уладил.

Встреча с Марией Дмитриевной, которую Шульгин не видел 12 лет, случилась в начале декабря. Шел сильный снег. Вдруг объявляют: «Ваша жена приехала!» Шульгин торопливо вышел на улицу — у машины стояла женщина и смотрела в его сторону. Увидев его, она опустилась на колени в снег. Это была она, Марийка, отважная радистка и пулеметчица, которую когда-то он впервые увидел на Тендре загорелой, юной, с блестящими губами.

Им жилось трудно, не было денег; Мария Дмитриевна продавала привезенные с собой вещи. От немцев приходили посылки, которые тоже продавали. Одна посылка с одеждой пришла из Америки, от группы русских писателей.

Шульгины, впрочем, не раскисали. Они подолгу гуляли, уходили по мосту за Клязьму и бродили по лесу.

Потом Шульгиных перевели в дом инвалидов во Владимир, и у писателя появился собственный письменный стол, чего не было с 1945 года.

Начался последний период его долгой жизни. Сколько он мог продлиться? Шульгин был в таком возрасте, когда личное время воспринимается как соседствующее с Вечностью и даже некая часть Вечности. Он не мог не размышлять о своей странной судьбе. Что в ней было главным?

Ему было все внове и интересно, потому что этой страны он не знал. Она победила казавшихся непобедимыми немцев, восстановила разрушенное хозяйство, обладала атомным оружием. Она совсем мало походила на имперскую Россию и на нэповский Советский Союз. Но вместе с тем это была его страна.

Гуляя по старинному городу, глядя на людей, на стрелку Волги и Которосли, на храмы, которые помнили

великокняжеские времена, он мысленно листал страницы своей жизни.

Что же за люди жили в этой неизвестной ему стране?

Когда-то немецкий либеральный писатель Лион Фейхтвангер, посетивший Советский Союз в 1937 году, встречавшийся со Сталиным, в своей книге об этой поездке заметил одну особенность советской жизни, которую, безусловно, увидел и Шульгин. Вот что писал иностранный гость: «Если эти апостолы равенства утверждают, что у более высокооплачиваемых рабочих, крестьян и служащих развивается известное мелкобуржуазное мышление, весьма отличное от того пролетарского героизма, на который претендуют наши моралисты, предпринимая путешествие в Советский Союз, то сказать, что они абсолютно неправы, нельзя» ^[532].

Подобное о перспективе перерождения советской элиты писали Шульгину Маклаков и Бахметев.

Однако образ советских людей складывался не только из черт упомянутой части партийно-государственной верхушки. Наш человек был разным: и бескорыстным, и мелкобуржуазным, и коммунистически, и антикоммунистически настроенным.

Колоритный портрет Шульгина того времени оставил писатель Олег Михайлов: «И вот, переночевав во владимирской гостинице, мы отправились в дом престарелых, где, по сведениям приятеля, находился Шульгин с приехавшей к нему из-за границы женой Марией Дмитриевной.

Попали мы прямо к завтраку: обитатели спешили с алюминиевыми кружечками в столовую под огромной репродукцией: „В. И. Ленин выступает на Третьем съезде ВЛКСМ“. Запомнился худой, в черном

монашеском одеянии и скуфейке старик, который вез на коляске старуху с бревноподобными ногами, крича: „Пади! Пади! Княгиня едет!“

Появился администратор, повертел удостоверение приятеля и рассказал, что Шульгин в самом деле жил здесь, но недавно получил квартиру на улице Кооперативной, дом 1. „Я там только что не дралась“, — скажет нам позднее о покинутой богадельне Мария Дмитриевна. „А Василий Витальевич?“ — „Он вел себя, словно святой...“

Нам отворила дверь маленькая, живая и очень моложавая женщина, и мы оказались в прихожей однокомнатной квартирki. Было слышно, как в комнате что-то быстро возится, и очень скоро появляется старый, но вовсе не дряхлый в свои восемьдесят два года Шульгин — в новом черном суконном костюме и при галстукe. У него сквозящая розовой кожей борода, большой беззубый рот, а глаза, очень близко посаженные, были по-птичьи без ресниц — быстрые и зоркие. А вообще в лице его, в форме головы, — что отмечали и те, кто встречал Шульгина раньше, — проступало нечто лягушачье, от большой лягушки.

Нас провели в комнату, усадили за стол, и право же, этот день был совершенно необыкновенным, так интересен, остроумен и молод памятью оказался знаменитый собеседник» ^[533].

Жизнь в новых условиях подталкивала Шульгина к странным мыслям, которые в итоге стали подводить его к частичной переоценке собственного прошлого.

Он задавался вопросом, понятным в его возрасте: что было главным в его жизни? И отвечал: «Борьба с теми, из среды которых сформировались впоследствии эмигранты».

То есть с кадетами, монархистами, Милюковыми, Гучковыми, Маклаковыми, Врангелями, Деникиными?

Нет, тут что-то не то. Он в целом был неотъемлемой частью русской эмиграции.

И Василий Витальевич продолжал с горечью размышлять: «Но когда пришел последний расчет, кто дал возможность жить? Советы, посадив меня в тюрьму, 12 лет без малого, кормили, поили, одевали, мыли, лечили, обогревали и держали крышу над моей головой. Как я провел бы эти 12 лет на свободе?.. Меня кто-то содержал бы, и кто знает, может быть, чаша моих унижений была бы на свободе хуже, чем в тюрьме. Мое перо, которое не умеет служить, не могло бы меня кормить. В наше время независимые люди не нужны никому. Их место — тюрьма или богадельня. То и другое предоставили мне Советы, т. е. принципиальные враги, политические противники... Помогали враги. Друзья же, соратники, эмигранты не смогли (я не верю, что они не хотели) помочь мне, и, что важнее, они не помогали моей жене, которая осталась между ними осиротелая, одинокая»^[534].

Нет, жизнь не сводилась к такой борьбе. Просто прошло слишком много времени, та история уже окаменела, утратила жизнотворную силу. А Василий Витальевич был еще жив. Ему требовалось объясниться с современным обществом.

Немногим в конце земного пути судьба дарила подобную возможность.

Здесь ему тоже помогли его противники, которым пришло в голову использовать последнего динозавра монархии для создания торжественной оды о победителях.

В 1957 году он узнает, что сын Дмитрий жив и проживает в США. На просьбу разрешить выезд за границу получает отказ, но потом ему предлагают создать вокруг себя «благоприятную атмосферу», то есть написать о позитивных переменах в СССР.

Это были серьезные, хотя и не злые противники. Ими руководил 35-летний полковник, контрразведчик из Москвы, Филипп Денисович Бобков, который в возрасте 17 лет добровольцем пошел воевать, был несколько раз ранен, награжден орденом Славы (советским аналогом Георгиевского креста). Впоследствии он дослужится до звания генерала армии, возглавит политическую контрразведку, станет первым заместителем председателя КГБ СССР. Бобков, безусловно, был героем войны, коммунистом, но при этом относился к Шульгину в высшей степени доброжелательно. И тут трудно было разобрать, что за этим стояло — профессиональный подход или человечность.

В 1961 году Шульгин издал небольшую книгу «Письма русским эмигрантам», написанную после поездок по стране, которые ему организовали чекисты. Можно сказать, произошло повторение «Треста», но уже все участники играли в открытую. Побывал Шульгин и в Киеве, поклонился могилам родителей на Байковом кладбище, хотел найти свой дом — не удалось, на месте старого дома построили многоэтажку. Потом съездил в Курганы, поклонился могиле отчима. Особое место в поездке занимала Винница, где он увидел кладбище психиатрической лечебницы с безымянными могильными холмиками.

Все его близкие родичи давно покинули этот мир. Может быть, Дмитрий уцелел и сестра Павла, но где они и что с ними — бог ведает.

Это путешествие было погружением в прошлое и одновременно узнаванием настоящего. Многие из увиденного показало развивающуюся страну.

Разумеется, Шульгин понимал, что его книга — это плата за разрешение выезда.

В аннотации указывалось: «Автор открытых писем к русским эмигрантам — Василий Витальевич Шульгин в прошлом был видным деятелем Российской империи.

Богатый волынский помещик, он неоднократно избирался в депутаты Государственной думы, где возглавлял крайне правое крыло реакции и считался идеологом монархически настроенного крупного дворянства. Будучи членом временного исполнительного комитета Государственной думы, Шульгин во время Февральской революции предпринял отчаянную попытку спасти монархию: он убеждал Николая II передать престол сыну, а потом (всего лишь на несколько часов) провозгласил императором царского брата Михаила.

После Великой Октябрьской Социалистической революции Шульгин стал одним из организаторов белогвардейской контрреволюции, а когда белые были разгромлены, бежал за границу. Многие годы он вел идейную борьбу против Советской власти, был одним из вожakov белой эмиграции.

Великая Отечественная война на многое раскрыла Шульгину глаза: он увидел, что советский народ самоотверженно обороняет завоевания социалистической революции. В 1944 г. в Югославию, где проживал тогда Шульгин, вошли советские войска. Шульгин был препровожден в СССР и после следствия понес заслуженное наказание за свою многолетнюю антисоветскую деятельность. Досрочно освобожденный в 1956 г. из заключения, он поселился в одном из наших городов.

В декабре 1960 г. Шульгин обратился к русской эмиграции с открытым письмом. О мотивах, побудивших его выступить в печати, он пишет так: „Враждебное отношение некоторой части русской эмиграции к своей Родине является одной из сил, повышающих международную озлобленность. Желанием хоть чем-то смягчить эту опасную психику вызвано настоящее обращение к эмиграции“.

За время, прошедшее после публикации первого письма, Шульгин попытался еще глубже познакомиться с жизнью нашей Родины, посетив ряд районов, в которых прошла его молодость. Увидев собственными глазами советскую действительность, Шульгин нашел в себе мужество признать, что Советская власть действительно отражает мысли и чаяния советского народа. В. Шульгин видит, как Россия, „гибель“ которой он когда-то оплакивал, стала могучей, высокопромышленной державой с растущим уровнем жизни. Он признает, что это достигнуто народами Страны Советов под руководством Коммунистической партии — партии Ленина.

Под впечатлением всего виденного, а также откликов на его первое письмо он снова взялся за перо. В результате появилось второе письмо („Возвращение Одиссея“), которое также публикуется в настоящей брошюре.

В письмах Шульгина имеются некоторые неверные положения и субъективные оценки, требующие к себе критического отношения. Тем не менее эти письма представляют интерес: они являются искренним призывом к разуму и миру. Автор признает выдающийся вклад советского народа и правительства СССР в дело борьбы за мир, горячо призывает всех людей доброй воли обуздать поджигателей новой войны и активно бороться за мир во всем мире» ^[535].

Что ж, разоружение крупного противника было успехом советской пропаганды.

Ф. Д. Бобков в своих воспоминаниях отметил для себя главное: «В 1961 году в книге „Письма русским эмигрантам“ он писал: „Пусть меня спросят в упор: ‘То, что делают коммунисты, полезно для людей?’ Я отвечу без уверток: ‘То, что делают коммунисты в настоящее время, то есть во второй половине XX века, не только

полезно, а совершенно необходимо для 220-миллионного народа, который они за собой ведут. Мало того, оно спасительно для всего человечества, они отстаивают мир во всем мире“» ^[536].

Это и требовалось от «антисоветчика» Шульгина.

Бобков на одной из встреч спросил, как он спустя столько лет оценивает приход большевиков к власти.

«Немного помолчав, а потом медленно, но многозначительно он сказал, что, конечно, не такого пути он желал бы для России, но другого у нее, по-видимому, не было.

— Всяко об этом можно судить, — добавил Шульгин, — но отраднo, что не распалась в то тяжкое время Россия» ^[537].

Но разоружился ли в действительности наш герой?

Не разоружился, но реально смотрел на вещи. Возможную войну Запада с Советским Союзом, как когда-то генерал Деникин в отношении гитлеровской Германии, Василий Витальевич считал неприемлемой и становился защитником СССР.

Конечно, это снова был вариант «третьего пути», однако в «маклаковском» направлении с надеждой на внутреннее перерождение режима.

Василия Алексеевича Маклакова к тому времени уже не было в живых. Он умер от рака в 90-летнем возрасте в Швейцарии в 1957 году, отдав свою душу в распоряжение Господа, которого он почти всю сознательную жизнь, будучи масоном, отвергал. Последней читаемой им книгой было Евангелие.

После «Писем» Шульгина все-таки не выпустили из страны.

Теперь ему предстояло последнее сражение.

Может быть, «сражение» — это преувеличение?

Тогда не сражение, а принципиальное объяснение, что в его положении и летах было равнозначно.

На его счастье, два известных деятеля советского кинематографа, Фридрих Маркович Эрмлер (1898–1967) и Владимир Петрович Владимиров (Вайншток) (1908–1978), по подсказке или по согласованию с Ф. Д. Бобковым решили снимать документальный фильм. Владимиров в 1940-е годы сотрудничал с НКВД, поставил такие популярные фильмы, как «Дети капитана Гранта» (1936), «Остров сокровищ» (1937), «Юность командармов» (1939) о Красной армии, являлся директором киностудии «Мосфильм». По его сценарию был снят знаменитый фильм о советской разведке «Мертвый сезон» (режиссер Савва Кулиш).

Эрмлер во время Гражданской войны служил в ЧК, был режиссером многих известных кинокартин, в их числе: «Встречный» (совместно с Сергеем Юткевичем), «Великий гражданин», «Она защищает Родину», «Великий перелом», «Великая сила», «Неоконченный разговор» (с молодыми Элиной Быстрицкой и Сергеем Бондарчуком в главных ролях), являлся художественным руководителем киностудии «Ленфильм».

Оба были проверенными и заслуженными деятелями культуры, опытными пропагандистами, в сравнении с ними Шульгин казался «рядовым необученным».

По замыслу кинодеятелей и тех, кто за ними стоял, планировалось создать фильм с участием Василия Витальевича, в котором, как писал Эрмлер в художественный совет «Ленфильма»: «...не мы, советские люди, который раз расскажем о первых годах революции, о гражданской войне, о пролитой крови наших людей, а расскажут те, кто повел русского человека на русского человека, кто в сговоре с Антантой сеял смерть и разруху. Будут исповедоваться те, кто мечтал о фашистском образе правления, кто находился на службе у Муссолини, кто в дни войны служил Гитлеру, Власову. И наконец они пришли с

повинной просить прощения у Родины, и Родина их помиловала»^[538].

Шульгина уговаривали несколько месяцев, пока он не согласился участвовать в съемках, сюжетной основой которых должна была стать его книга «Дни». Так началась работа над фильмом «Перед судом истории».

Почему он согласился?

Надеялся донести, проскочив между молотом и наковальней, свою точку зрения на минувшее, понимая, что его противники-партнеры будут стремиться неимоверно расширить признание его поражения, начатого в «Письмах к русским эмигрантам».

Борьба началась с выбора названия. Шульгин предлагал назвать фильм «Эмигранты», показать историческую судьбу Белой России в изгнании.

Не согласились.

2 июля 1963 года. Государственный комитет Совета министров СССР по кинематографии включил фильм «Дни» в план студии «Ленфильм» на 1964 год. Съемки фильма рассчитывали закончить к середине апреля 1964-го. Возможно, имея в виду 70-летний юбилей советского лидера Н. С. Хрущева в апреле того же года?

Однако не все было так просто.

Мария Дмитриевна в письме отговаривала Шульгина от поездки в Ленинград, опасаясь обмана: «Еврейские трюки ты знаешь хорошо».

Он отвечал ей: «Но обстоятельства круто изменились, и дезертировать не могу. Но ты не бойся, дорогая моя Машенька, за мое здоровье. Я выдержу, потому что чувствую: жалок тот, в ком совесть нечиста. Господь Бог поставил и передо мной еще один барьер, и я возьму его с помощью Божией»^[539].

В начале переговоров он сказал Эрмлеру: «Вы учтите, я зубр, со мной будет трудно. Ваше

беспокойство о моем здоровье напрасно. Я выстою. А вот как у вас со здоровьем?»

В конце мая 1963 года на заседании художественного совета Третьего творческого объединения киностудии «Ленфильм» обсуждался литературный сценарий В. Владимирова «Дни». Шульгин как соавтор сценария не был указан. Член совета известный и обласканный властями писатель Даниил Гранин, в частности, говорил, что «...очень важно показать в фильме жалкую, бесправную, политически убогую судьбу эмигрантов... В этом фильме нужно говорить только правдиво, а иначе все будет недостоверным». Ему возразил отличавшийся независимостью взглядов Виктор Конецкий: «Что бы Историк ни говорил, рядом с Шульгиным он будет пустое место, меня все равно интересуют живые люди, а не этот актер»^[540].

Роль «Историка», согласно сценарию, должен был сыграть актер, что, разумеется, могло закончиться двояко, в зависимости от самообладания и убедительности Шульгина.

Он настаивал, чтобы ему показали весь текст сценария, а не только фрагменты с его участием. Его не захотели понять и не дали.

Тогда он отказался получать денежный аванс.

Впрочем, когда переговоры заходили в тупик, он не хлопал дверью, но предлагал сосредоточиться не на разногласиях, а на том, что объединяет.

В конце концов Шульгин вопреки от него ожидаемому написал письмо секретарю ЦК КПСС, председателю Идеологической комиссии ЦК КПСС Л. Ф. Ильичеву, в котором высказал свое видение будущего фильма: «Эта трагедия должна быть поставлена в соответствующие рамки и трактована в таком стиле, который мне приемлем, т. е. хотя я принял

отречение из рук Императора, но сделал это в форме, которую решаюсь назвать джентльменской. Это акт не только величайшего значения, как перемена формы правления, имеющей тысячелетнюю давность, но он является рубежом между двумя эпохами и так и должен быть рассматриваем...

Я — именно то, что называется глубокий старик, мне 85 лет, и я не отличаюсь бодростью Аденауэра. За свою долгую жизнь мне приходилось быть писателем и говорить публично, но я никогда не был актером. Между актером и оратором — большая разница: актер говорит речи, которые ему пишут, а оратор, если он говорит экспромтом, то он произносит речь, которую составил сам. В мои годы не переучиваются.

Поэтому я претендую, что моя роль в фильме „Дни“ будет написана мною самим.

Поэтому предстоит большая работа по согласованию мною для себя написанной роли со сценаристом, в данном случае Владимиром Петровичем Владимировым и Эрмлером, известным режиссером, который будет этот фильм ставить. Я предвижу большие затруднения, поскольку мы исходим из разных взглядов на монархию вообще и на императора Николая II в частности. Но допустим, мне удастся поладить с Владимировым и с Эрмлером. Из этого вовсе не следует, что мой текст будет приемлем для Идеологической комиссии, в частности, для ее председателя. Поэтому я думаю, что договоренность наступит фактически только тогда, когда весь сценарий пройдет все эти испытания. Тогда я смогу сказать утвердительно, что я готов участвовать в съемке...» ^[541]

Обращение к верхам советской системы означало, что «рядовой необученный» Шульгин отверг предписываемый ему вариант соглашательского

поведения. За этим должен был последовать его полный отказ от сотрудничества.

Зная ход бюрократической машины, можно утверждать, что письмо Шульгина обсуждалось на всех уровнях, включая и Бобкова как куратора проекта. Не исключено, что даже Хрущев был поставлен в известность. Поскольку фильм должен был символизировать либерализм хрущевского правления и бесспорные достижения советской власти, было решено пойти навстречу Шульгину. Разумеется, без него никакого фильма не могло бы получиться.

Договор с ним дирекция киностудии смогла заключить только в самом конце октября 1963 года. Василий Витальевич за время съемок получал немыслимо высокую для бедняка оплату — 450 рублей в месяц, кроме того, киностудия брала на себя его транспортные расходы и проживание в гостинице «Европейская». Весь гонорар Василия Витальевича составил 4405 рублей, что по тем временам было очень значительной суммой. Но длительное упорствование в подписании столь выгодного договора показывает, что деньги для него не играли особой роли.

В конце концов, согласованный подход режиссера и Шульгина прочитывается и в воспоминаниях Эрмлера: «Было бы неверным думать, что Василий Витальевич Шульгин перечеркнул все свое прошлое и принял все новое. Нет, конечно. Но ход истории, могучая сила нашей Родины, ее всемирный авторитет заставили Шульгина многое переосмыслить и переоценить»^[542].

Учитывая сопротивление Шульгина, Эрмлер и Владимиров стали идеологически перегружать «ход истории», делая Историка резонером, что при столкновении с подлинной исторической личностью было обречено на поражение.

В другом письме жене Шульгин писал: «Дело по разным причинам зашло так далеко, что отказаться совсем от фильма мне до крайности трудно, просто невозможно. Не только потому, что фильм „заведен“, все люди, с ним связанные, уже получают „зарплату“, словом, государственная машина заработала со всеми последствиями. В случае отказа от фильма мне придется, по-видимому, ехать в Москву, добиться приема „на самом высоком уровне“ и на четыре глаза объяснить, что мне приходится отступить от начатого дела, которому сочувствую, по „семейным обстоятельствам“. Все это адски трудно, как Ты сама понимаешь. Но все же это не главное. Главная причина вот в чем. Я не люблю громких слов. Поэтому я очень редко распространялся о том, что во мне долгие годы глубоко сидело. Судьба захотела, чтобы я как бы приложил руку к крушению Империи, которую я ценил и любил. И на мне остался долг объяснить, как все было. Это я сделал в книге „Дни“, которую Ты писала под мою диктовку. Но книга „Дни“ утонула в событиях и сейчас недоступна для миллионов людей, которые наверно ее проглотили бы. Вместо книги Судьба указывает мне фильм. Но, как Ты знаешь, я мог принять фильм только в том случае, если фильмовые „Дни“ присоединяют к составу книжных „Дней“ надгробное слово об Екатеринбурге. Против всякого ожидания это условие принято. До сего дня оно честно выполняется. Если не будет выполняться в дальнейшем, я отступлюсь от фильма. Никаких признаков этого я пока не вижу, но, если увижу, порву, чего бы мне этого ни стоило...»^[543]

Итак, на промежуточном этапе победил Шульгин. Но что будет в финале этой истории? Неужели либерализм дошел до крайнего предела и будет дозволено высказаться о трагической судьбе императора,

отрекшегося от власти для сохранения мира в стране и безжалостно убитого вместе с женой и детьми?

По убеждению Василия Витальевича, главным в фильме должны были стать отречение и не афишируемое его, Шульгина, покаяние. В частных разговорах он говорил, что многое простил советской власти, но этого убийства простить не может.

Шульгин надеялся на откровенный разговор со зрителями. Не позволили. Нет, он не проиграл, он достиг другого результата — раскрылась его личность, личность русского имперского человека, который сильно отличался от человека советского.

Здесь надо сказать об одном эпизоде, в котором отразилось огромное психологическое напряжение Василия Витальевича. В 1961 году по предложению Бобкова Шульгина пригласили в качестве гостя на XXII съезд партии, который проходил под знаком продолжения хрущевской десталинизации: экономика переживала кризис, требовалось отвлечь внимание населения от критики властей. Именно тогда было принято решение вынести тело Сталина из мавзолея.

Шульгина привезли в Кремль. Однако случилось непредвиденное: услышав, что в зале объявили о его присутствии, он ушел и больше на заседания не приходил. Ф. Д. Бобков в разговоре с автором этой книги объяснил, что Шульгин не захотел играть для развлечения партийной публики роль поверженного героя: «Это был смирившийся с обстоятельствами, но не сломленный и не отказавшийся от своих убеждений человек».

Фильм «Перед судом истории» был выстроен следующим образом.

Шульгин и Историк (актер Сергей Павлович Свистунов) в Ленинграде. Наш герой задумчиво и несколько отрешенно смотрит на бывший Санкт-Петербург, словно видит давно ушедших людей. В

действительности перед ним современные молодые люди, они только что окончили средние школы и празднуют начало новой жизни. Что им этот седобородый старик с глубоким взглядом, в котором застыло что-то непередаваемое?

Вот Шульгин в Таврическом дворце, который помнит исторические заседания Государственной думы, где бывали царь и Столыпин, где Милюков произносил свою сокрушительную лживую речь («Что это, глупость или предательство?»), где участники Прогрессивного блока (и Шульгин!) требовали подконтрольного себе правительства. Это ведь они, и Шульгин вместе с ними, свергали императора, теперь это очевидно... Большевиков тогда в Таврическом дворце и близко не было.

Но авторы фильма молчат об этом. И Шульгин молчит.

Он медленно подходит к своему креслу в зале, садится, начинает вспоминать прошлое. Мы чувствуем его переживание, психологическое напряжение растет.

И вот — кульминация, Шульгин и Историк появляются в вагоне царского поезда, в котором когда-то Российская империя прекратила свое существование.

Шульгин показывает небольшой стол, за которым сидели император, Гучков, сам Василий Витальевич, граф Фредерикс. Он садится в кресло и начинает рассказывать, почти слово в слово повторяя свои «Дни». Казалось бы, какое дело советскому зрителю до давнишней истории? Ведь ему известны законы пропаганды, известно, что царь был «Николаем Кровавым». После великих потрясений, великих жертв и великих достижений послереволюционной эпохи интерес к таким музейным рассказам не должен быть большим.

Но это не так! Шульгин чуть надтреснутым глуховатым голосом и с глазами, полными слез,

неожиданно достает зрителя до печенок. Это уже не музей, не пропаганда. Это трагедия, которая была не с этим старым дедом, а со всеми нами.

«К тексту отречения нечего было прибавить... Во всем этом ужасе на мгновение пробился один светлый луч... Я вдруг почувствовал, что с этой минуты жизнь государя в безопасности... так благородны были эти прощальные слова... И так почувствовалось, что он так же, как и мы, а может быть, гораздо больше, любит Россию...»

В следующем эпизоде Эрмлер должен был что-то противопоставить Шульгину. И Историк говорит о жертвах Гражданской войны, обвиняет белогвардейцев в пролитии моря крови. Что ответить? Он прав.

Шульгин делает вполне естественный жест, прикрывает ладонью глаза, но этот жест означает, что он отвергает обвинения. Он молчит, потом спокойно и с ощущаемой горечью произносит: «Да, вы правы, всех не перечислишь, и потому я не буду перечислять всех „красных“ командиров и не буду измерять количество крови, ими пролитой».

И снова устанавливается некий баланс.

Потом Шульгин признает, что был неправ, когда в своих книгах оскорблял Ленина, и добавляет: «Я всегда отделял Россию, русский народ от коммунистов и Советской власти».

Дальше следует полный идейно-политический крах нашего героя. Да, именно так.

«Почему не удалось дело русской эмиграции? — спрашивает себя Шульгин. — Почему? Первая причина была в том, что нам не удалось поставить общий интерес выше нашей обыденщины. Вторая причина в том, что мы не смогли найти общепризнанного вождя. И третья, самая главная, заключается в том, что у нас не было идеи, не было программы, которая смогла бы стать целью жизни».

Если говорить о закономерностях исторического процесса, все дело именно в этом. Ничего не было — ни идеи, ни программы развития. Ни цели развития.

А что же было?

Шульгин не отвечает.

Антон Иванович Деникин когда-то объяснил, почему победили красные: «Победа довлела духу».

Василий Витальевич читал его «Очерки русской смуты» и должен был помнить эту мысль. Но буквально повторить ее он не смог.

Разумеется, не стоит делать из него всеведущего философа, который постиг все загадки нашей истории. Шульгин оставался в своем времени, нес в душе его трагедии и память о личных утратах.

В письме Владимирову Шульгин отразил это предельно искренно:

«Организованная Корниловым и Деникиным армия, являясь продолжением исторической русской армии, получала материальную помощь в виде предметов воинского снаряжения и оружия от англичан и французов как от своих союзников. В этом смысле англичане и французы помогали, хотя и очень малокровно, военным действиям. Но ни Корнилов, ни Деникин, ни Ваш покорный слуга никогда иностранцам не служили. Они твердо держали слово, данное Россией Англии и Франции, не пошли ни на какие сделки с немцами, чем я, их переживший, горжусь за них, если не за себя. А проклял я не Белую армию, а тех отступников от Белого дела, которые запятнали белые знамена „грабежами и насилиями“... После т. н. февральской революции последовала революция октябрьская, которую принято называть „Великим Октябрем“.

Я же считаю „Великий Октябрь“ — началом русского погрома. Судите сами: уничтожена династия; истребили дворянство; духовенство; купечество; мещанское

сословие; крестьянство, под видом раскулачивания. У остальных крестьян, не кулаков, отняли землю под видом национализации. К этому надо прибавить, что разрушена армия; частично истреблена или изгнана интеллигенция. Если принять в соображение, что в подавляющем большинстве все эти слои и классы были русскими, то приходится признать, что деятельность Советской власти, начавшейся в октябре 1917, нельзя называть иначе как грандиозный русский погром...»^[544]

Итак, с одной стороны — борьба без цели и программы, а с другой — русский погром.

Правда, за три недели до смерти Василий Витальевич Шульгин признался Николаю Николаевичу Лисовому о своем отношении к революции: «Чем больше я о ней думаю, тем меньше понимаю»^[545].

Дальше на экране разворачивается принципиальный спор о сотрудничестве белой эмиграции с гитлеровцами, о ее участии в армии генерала Власова. Зритель видит фрагменты документальной киносъемки — на ней Власов, немецкие генералы, заседание КОНР в Праге.

Это предатели. Что тут можно возразить?

Историк безапелляционно подводит черту: вот где оказались ваши белые!

Знал он или не знал, что эта черта рассекла всё русское зарубежье?

Шульгин долго молчит. Что он вспоминает? Сына Дмитрия? Русский корпус? Галлиполийцев во главе с генералами Скородумовым и Штейфоном, которые рвались воевать с Красной армией в составе вермахта? Или как сам отказался написать прошение немецким властям на переезд в Швейцарию, потому что не мог себя заставить написать в нем всего лишь два слова «Хайль Гитлер»?

Но сколько можно молчать?

Наконец он произносит: «Нет, друг мой, вы не правы. Не вся белая эмиграция пошла служить Гитлеру, а только часть ее, небольшая часть. А сколько эмигрантов боролось с Гитлером и погибло в этой борьбе, борьбе за Россию».

Что может ответить Историк?

Конечно, можно было бы привести подлинные цифры: сколько служило в Русском корпусе, сколько в РОА, сколько заявлений поступило Власову, сколько частей сформировали немцы из состава нерусских народов СССР.

Но тогда получился бы слишком сложный диспут, начинать который можно было бы от «перелетов» русских бояр к Лжедмитрию и полякам во время Смуты.

В рамки фильма такой диспут никак не помещался. Да и фактическая легитимация советской власти в глазах народа произошла только после победы над гитлеровской Германией.

Поэтому Историк оказался менее свободным, чем Шульгин. Очевидно, на месте Историка-актера должен был быть реальный политик с непридуманной судьбой.

Впрочем, Эрмлер был умным и талантливым профессионалом, и попытка представить такого политика была осуществлена — в Кремлевском дворце съездов Шульгин встретился со старым большевиком Ф. Н. Петровым.

Два старика сидят рядом, тучный Петров с выражением превосходства спрашивает: «Вы Шульгин? — Да, я Шульгин. — А вы меня не помните? — Нет, не помню. — А я вас помню. Я приходил с демонстрантами к редакции газеты „Киевлянин“ и там вас видел. А потом я воевал с белыми, и у меня в спине до сих пор сидит пуля. Может быть, это вы в меня стреляли?»

Это явно детский уровень разговора. И Шульгин это чувствует и вдруг смеется: «Да что вы говорите? Очень

может быть! Очень возможно!»

В общем, какой-то спектакль, а не принципиальная встреча политических противников.

Кто мешал Петрову спросить о решении имперской Академии наук создать в 1915 году КЕПС (Комиссию по изучению естественных производственных сил), идеи которой были реализованы только в СССР, о меморандуме генерала А. А. Маниковского, о спекулятивной непатриотической практике российских предпринимателей во время Первой мировой войны, о том, что сам Шульгин был одним из руководителей Прогрессивного блока?

Нет, встреча с Петровым оказалась поражением Эрмлера.

Фильм ждала непростая судьба. Официально работа над ним была закончена в 1965 году, но в действительности потом последовали доделки и переделки, и принят он был только в 1967 году, к 50-летию Октябрьской революции.

К тому времени Н. С. Хрущев уже три года был на пенсии, страной руководил Л. И. Брежнев, которому, кстати, фильм показали и, как рассказывал автору этой книги Ф. Д. Бобков, он не вызвал возражений у генсека. Однако возражал против показа фильма и вообще против заигрывания с «врагом революции» первый секретарь Владимирского обкома партии М. А. Пономарев, который представлял консервативное крыло партийного руководства. Он не соглашался на выделение Шульгину (так и не принявшему гражданство СССР) однокомнатной квартиры и предоставление ему пенсии, но, как ни странно, благодаря Бобкову и то и другое Шульгин получил.

А фильм, промелькнув на экранах кинотеатров, исчез на долгие годы.

Вскоре Василий Витальевич пережил тяжелую потерю — 27 июля 1968 года умерла от рака Мария

Дмитриевна. Ее похоронили на кладбище под Владимиром в деревне Вяткино, и Шульгин 40 дней прожил в той деревне у свежей могилы, оплакивая свою Марийку.

Потом он вернулся домой, где его не оставили в одиночестве, и постепенно возвратился к интеллектуальной деятельности.

В 1997 году, уже после распада СССР, в журнале «Наш современник» была напечатана работа Шульгина «Опыт Ленина». Она словно продолжала фильм: «Я не могу лукавить и утверждать, что я приветствую „Опыт Ленина“. Если бы от меня зависело, я предпочел бы, чтобы этот эксперимент был поставлен, где угодно, но только не на моей родине. Однако если он начат и зашел так далеко, то совершенно необходимо, чтобы этот „Опыт Ленина“ был закончен. А он, возможно, не будет закончен, если мы будем слишком горды... Я присутствовал при самом зарождении „Опыта Ленина“. Я не давал согласия, чтобы моя родина была положена на стол экспериментатора. Я знал, что операция будет мучительна и никакие анестезирующие средства не помогут. Поэтому я боролся всеми силами против операторов... Но моя личная судьба — это ничтожная песчинка в грандиозном „Опыте Ленина“. Я ничем не могу ему помочь. Однако я действительно искренне желаю, чтобы ОН, опыт, был доведен до конца» ^[546].

Глава тридцать восьмая

Паломничество московской интеллигенции:
Солженицын, Ростропович, Глазунов, Жуков,
Лисовой у Шульгина. — Сын Дмитрий
нашелся. — Кончина. — Завещание

Постепенно слух о «владимирском сидельце» распространился среди всей московской интеллигенции. После фильма к Шульгину стали приезжать гости, стремившиеся лично разобраться в текущей истории. Как вспоминал добровольный помощник Василия Витальевича Николай Коншин (из рода известных текстильных промышленников Коншиных).

«...в 1972 году приехал Солженицын и просидел у Шульгина десять часов кряду. Он задавал ему по списку вопросы о Февральской революции, и Василий Витальевич, которому тогда было уже 94 года, подробно на все отвечал. Это было как на допросе. Позже Шульгин продиктовал мне для Солженицына еще 12 тетрадей, которые мы тайно, через знакомых, передали за границу. А потом Александр Исаевич в „Красном колесе“ выставил Шульгина каким-то фанфароном и дешевым литератором. Это было обидно и оскорбительно читать.

Бывали у Шульгина и другие писатели. Например, Лев Никулин тоже долго беседовал — его интересовала история загадочного „Треста“. Затем он написал свою знаменитую „Мертвую зыбь“, по которой сняли фильм „Операция ‘Трест’“. Но когда я Василию Витальевичу прочел книгу, он страшно возмутился и сказал: „Здесь же нет ни слова правды“. Потом он даже написал гневное письмо Никулину.

Писатель Касвинов целое лето жил в гостинице и каждый день приходил к Василию Витальевичу записывать его воспоминания... Популярная некогда „23 ступени вниз“ была написана Касвиновым во многом со слов Шульгина. (В крайне идеологизированной по требованиям времени работе Марка Касвинова Шульгин пренебрежительно назван „волынским помещиком“, а гибель царя и его семьи — закономерной, хотя в жизни Марк Константинович отзывался о Василии Витальевиче с большим уважением как о духовно богатом человеке. — *С. Р.*)

Приезжал к нему и Ростропович, который удивлялся, что Василий Витальевич жив, и, стоя на коленях, целовал его руки, обещал дать концерт в честь 100-летия Шульгина у него дома.

Не раз бывал у него и Илья Сергеевич Глазунов. Однажды он прислал за Шульгиным машину, и Василий Витальевич торжественно отправился в мастерскую художника, где Глазунов начал писать портрет Шульгина, который, к сожалению, остался незаконченным.

Приезжали и менее известные люди. Хотя в те времена это было небезопасно. Знаю, что у некоторых из-за этого были неприятности на работе»^[547].

Назовем некоторых других гостей Василия Витальевича — кинорежиссеров Андрея Смирнова (фильм «Белорусский вокзал») и Сергея Колосова («Операция „Трест“»), писателей Олега Михайлова и Дмитрия Жукова, историков Николая Яковлева и Николая Лисового, публициста В. И. Скурлатова, драматурга Анну Родионову.

Анна Родионова вспоминала: «Было начало 70-х. К Шульгину шли не только любители истории, неофиты-монархисты, но и без пяти минут эмигранты. Все-таки у него за спиной — богатый опыт. „Ну как там? А стоит

ли? А не пожалеем ли?“ Помню, однажды, при обсуждении этого вопроса, на все наши стоны и всхлипы („Как же все бросить, как все оставить, а как же родные, близкие, а книги, квартиры?“) Шульгин воскликнул: „А как же мы уезжали, все бросали — нажитое, любимое, дорогое, родовые имения, могилы близких?!“

Увидев, что мы приуныли, неожиданно взял гитару и запел: „Три красавицы небес шли по улицам Мадрита — донна Кляра, Долорес и красавица Пепита...“

Любимый его романс — причем, именно „Мадрита“ и „донна Кляра“. Он его всегда напевал дамам, приходящим поглазеть на живого монархиста» ^[548].

Вопрос эмиграции для части советской интеллигенции стал злободневным и по идеологической, и по так называемой «еврейской линии», и по социальной. Внутренняя политика советского руководства не учитывала огромных изменений в составе населения страны, рост городов, рост числа граждан с высшим образованием, увеличение благосостояния. Образованное общество, некогда более или менее единое в процессе ускоренной модернизации и обороны страны, стало дробиться на кланы и проникаться буржуазной психологией.

Здесь надо сказать о противоречивых процессах, развивавшихся в стране. Жестокая память о технологической неготовности империи к Первой мировой войне, о порожденных этой неготовностью революции и Гражданской войне, о стоянии на краю пропасти в начале Великой Отечественной — эта горькая память не позволила создать равновесие между потребностями мирной жизни обывателей и нуждами обороны. Успешно решалась поставленная еще в 1915 году академиком Владимиром Ивановичем Вернадским

задача экономической и территориальной связности. Казалось, централизованная советская экономика может всё. Открытые и освоенные западносибирские нефтяные и газовые месторождения влили в нее колоссальные средства, сверхдоходы от продажи углеводородов вызвали настоящую эйфорию. И тут произошло то, что сильно деформировало жизнь общества. Как заметил в интервью автору этой книги Ф. Д. Бобков, «у нас было слишком много младших научных сотрудников». То есть появились невостребованные молодые люди с высшим образованием, произошла реинкарнация «лишних людей», которые некогда составили базу революции и боролись против имперских порядков.

Обилие нефтедолларов затормозило развитие высокотехнологичных производств в СССР, ставка была сделана на закупку соответствующей продукции за границей.

Сильно изменилась структура советского экспорта: в 1970 году доля машин и оборудования составляла в нем 21,5 процента, а к 1987 году она упала до 15,5 процента, зато в импорте — выросла с 35,6 до 41,4 процента. При этом доля углеводородного сырья в экспорте увеличилась с 15,6 до 46,5 процента ^[549].

За каждой долей процента — реальные судьбы. Десятки тысяч молодых людей, ожидавших применения своих дарований в науке и на производстве, оказались без перспектив. Социальные лифты потеряли динамику. Правящая элита замыкалась, утрачивала творческий потенциал, главные усилия направляла на сохранение своего положения, на укрепление политической и социальной стабильности.

Шульгин предчувствовал грядущие перемены, подчеркивая при этом, что никаких революций больше

не желает.

Наконец ему улыбнулось счастье — нашелся его сын Дмитрий. Он жил в провинциальной Америке, в городе Бессемере, штат Алабама, был женат, имел сына, тоже Василия. Переписка с ним была радостью для Василия Витальевича. Дмитрий не принял американского гражданства, говорил: «Кто-то должен оставаться русским».

«Все это время Василий Витальевич писал сыну с уведомлением, то есть ему приходил квиток с росписью Дмитрия в получении письма. Но вскоре наступил момент, когда не только перестали приходить во Владимир письма из Америки, но и те, что были посланы Шульгиным, возвращались со странными закорючками вместо подписи. Мы разглядывали эти росписи и недоумевали: то ли Дмитрий болен, то ли его подпись симитирована рукой все того же КГБ. Незнание — страшнее нет ничего.

В очередной приезд к нам Шульгин пишет письмо Брежневу, мы отнесли его на Старую площадь. И опять — месяцы ожидания...

В конце концов ответ пришел все через ту же милиционершу.

„Нецелесообразно“.

И всё. После этого старика словно сломало. Да и нас надломило. Впереди у всех нас была такая безнадежность, такое отчаяние, что вообще непонятно было, зачем мы рыпаемся, зачем хоть что-то пытаемся сделать. Стена.

Мы сквозь эту стену пробились. Василий Витальевич об нее разбился» ^[550].

Почему его не выпустили, сегодня трудно понять. Даже бывший активист НТС Дмитрий Шульгин уже не представлял никакого интереса для советской

контрразведки, не говоря уже о самом Василии Витальевиче.

Проблема была не в Шульгиных, а в нарастании внутренних противоречий в СССР. Отъезд Шульгина (а он вряд ли бы вернулся) стал бы свидетельством слабости власти, от которой хотят убежать.

Правда, разрушительные процессы шли в интеллигентских слоях общества, как и в империи накануне Первой мировой войны, подавляющее же большинство советского населения никуда бежать не стремилось. Но это другая тема...

К тому времени Шульгин все еще не ощущал, что полностью выполнил свою земную миссию.

Одним из вопросов, сильно занимавшим его, был вопрос о мировой задаче христианства. В чем суть таинства евхаристии? Как повлияло на историю человечества самопожертвование Иисуса Христа? Какая взаимосвязь между Святой Русью и Русской революцией? Осуществлялось ли в Русской революции и создании Советского Союза предназначение Святой Руси? Как следует преобразовать огромные возможности СССР, чтобы не нанести вреда России?

До последних дней Шульгин сохранял ясность и силу ума. Его смерть от сердечного приступа была быстрой. Его похоронили на кладбище в Байгушах, рядом с Марией Дмитриевной, у могучего дуба. Над могилами на постаменте возвышается мраморный черный крест, на нем выбиты имена и даты жизни.

«„Ныне отпускаеши...“ (Памяти В. В. Шульгина)

15 февраля 1976 года в 11-м часу утра во Владимире скоропостижно скончался Василий Витальевич Шульгин. Последний оставшийся в живых член русского Парламента умер на 99-м году жизни неожиданно для всех окружавших его в эти последние годы людей. Все, как ни странно, были уверены, что Шульгину предстоит еще жить и жить, ибо видели, что

столетний старец нисколько не стареет духом, сохраняет прекрасную память, духовную бодрость и веселие. Его более чем скромная комнатка в провинциальном Владимире, которую он делил со своей опекуной, простой русской женщиной, ухаживавшей за ним, была буквально местом паломничества.

Каждый, кто хоть сколько-нибудь сердечно интересовался историей последних лет старой России, побывал здесь. Все слои, все направления искали у Шульгина ответов на мучительные вопросы: что было? как случилось? почему? Гостеприимный старец часами отвечал приезжающим, знаменитым и безвестным, которые часто в увлечении историей не щадили его немощей. А как радовался Василий Витальевич, когда выпадала возможность помузицировать с приезжим другом! Старенькая скрипка служила ему до последних дней: он играл, сидя на кухне, долгие ночные часы...

Весть о смерти Шульгина мгновенно облетела Россию. Чувство утраты причинило боль каждому, кто знал Шульгина лично. Для всех нас Василий Витальевич был живым воспоминанием провала нашей исторической памяти, очевидным свидетельством обаяния старой русской культуры.

Василий Витальевич Шульгин родился еще при Александре Освободителе, в расцвете сил встретил наступление последнего конституционного периода истории Российской империи, был одним из популярнейших членов Государственной Думы и активнейшим участником белого движения. Когда в 1944 г. он был арестован в Югославии, специальным самолетом доставлен в Москву и на первом же допросе услышал стандартное: „Партийность?“ — Шульгин ответил кратко: „Монархист“.

После двух лет Лубянки и 10 лет Владимирской тюрьмы Василий Витальевич был освобожден Хрущевым. И люди, собравшиеся спустя 20 лет у его

гроба, знали этого позднего Шульгина, автора наивных „Писем к русским эмигрантам“, человека, давшего увидеть себя на пропагандистском экране миллионным зрителям. Фильм „Перед судом истории“ демонстрировался, надо сказать, очень короткое время, потому, вероятно, что, вопреки желанию инициаторов киносудилища, 90-летний „рыцарь монархии“ неизменно вызывал симпатии советских зрителей.

Шульгин так и не принял советского гражданства. В его „Виде на жительство“ в графе „Подданство“ до конца дней стояло: „Российское“.

Василий Витальевич говорил близким людям, что в изданиях последнего времени ему не дали сказать того, что он хотел сказать на самом деле. Полное издание книги „Годы“ не состоялось, так как было связано с такими купюрами, на которые Шульгин не мог согласиться. Его многократные призывы издавать его сочинения без купюр, как это было при Ленине, не были услышаны.

„...Мы, дети черных дней России, забыть не в силах ничего...“ Эти Блоковские слова, которыми Василий Витальевич надписал свои „Дни“, можно по праву считать эпиграфом и главной темой лучшей, значительной части его творчества. Память „черных дней России“ Шульгин хранил до конца дней своих и до конца дней передавал ее нашему поколению. А тот, кто судит грешных, пусть вспомнит апокалиптическое пророчество о тех „днях“ и „годах“, когда дано было черным силам вести войну со святыми и победить их.

Загадочным для всех было долголетие нестареющего душой старца, которому довелось испытать так много бурь. Когда-то в Париже, ему, уже изгнаннику, было предсказано. Нам, друзьям его последних лет, глядя на него, казалось, что и действительно Василий Витальевич непременно доживет до эсхатологически важных перемен в России.

В религиозных вопросах Шульгин был вольнодумцем, хотя в Бога и бессмертие души верил несомненно. В последнее время заметно стало, что его бодрый ум, всегда ищущий и требовательный, все более смирялся перед Соборным Разумением Св. Церкви. Искреннее уважение к традиционным формам русского православного благочестия никогда не покидало Василия Витальевича, и умер он под иконами, у которых горела лампадка. Среди нескольких икон Василия Витальевича было две маленьких, особенно им любимых — Св. Дмитрия Солунского — ради сына Димитрия, о котором он давно не получал известий из США и очень беспокоился, и Сретения Господня. Ее и возложили на него, положенного во гробе.

Умер Василий Витальевич точно в день Сретения Господня, в час, когда в наших храмах оканчивается литургия оглашенных и начинается литургия верных. Почему и провожавшие его в последний путь нет-нет, да и возвращались мыслями к Евангельскому Симеону, пережившему века, чтобы воочию убедиться, что „не изнеможет у Бога всяк глагол“. В наш быстротекущий век политический деятель и писатель Шульгин пережил несколько эпох трагической русской истории. Осталось тайной, что предстало в час смерти его духовному зрению. Кто знает, может быть, его духовное око увидело спасение и славу многострадальной России „перед лицом всех людей“? Это вопрос веры, веры в Россию, и упрямо твердит сердце, что эта вера нас не постыдит.

Иеродиакон Варсонофий (Хайбулин).

Москва. Февраль 1976 года».

Письмо Людмилы Егоровны Марининой, опекунши В. В. Шульгина, Р. Г. Красюкову, составителю книги В. В. Шульгина «Тени, которые исчезают»

«5/III-76 г.

Здравствуйте Ростислав Григорьевич и все остальные ваши родные!

Ростислав Григорьевич, отвечаю на ваше письмо, пишу о Василии Витальевиче, он все себя чувствовал хорошо, но в январе месяце переболел гриппом, два дня ничего не кушал, затем поправился, но в ночь на 15 февраля он почувствовал боль в груди и принимал таблетки от грудной жабы, затем утром полчаса восьмого пошел спать, как обычно он ночью сидел, а днем спал, и я пошла в магазин. Ему сказала, что я пошла и скоро вернусь, прихожу, а он лежит уже мертвый, я даже не поверила, думала, он спит, но он мне не отзывался, и я пошла в больницу, пришел врач и сказал, что он скончался, вот так быстро и всё был на своих ногах. Хоронили мы его 17 февраля, возили его в церковь, там был он всю обедню, гроб у него был обитый шелком и с кистями, затем из церкви прямо на кладбище, схоронили рядом с женой. Было много народу из Москвы, в общем, всем очень понравились похороны, и все уехали довольные. Но, конечно, мне досталось всех больше хлопот. Ну вот у меня пока всё. До свидания» [\[551\]](#).

ХРАНИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ, ИЛИ ПОКАЯНИЕ ШУЛЬГИНА

Как подвести итог этой судьбы? Возможно ли это в принципе?

Автор не вполне уверен в этом, потому что XX век в истории России, вместивший четыре революции, восемь объявленных войн и неисчислимые страдания, не поддается простому линейному исчислению.

Конечно, Шульгина можно назвать Хранителем времени. Земной век Василия Витальевича разделен, словно циферблат часов, на 12 времен, когда правили Александр II, Александр III, Николай II, премьеры Временного правительства Львов и Керенский, генералы Деникин и Врангель, советские руководители Ленин, Сталин, Маленков, Хрущев, Брежнев.

Многое ли объединяет эти фигуры?

Можно сказать, ничего.

Но это не так: их объединяет наша История.

Оставим попытку подвести итоги и вспомним только два высказывания нашего героя:

«Я незадачливый политик. Погибло все, за что я боролся, что любил».

«Молиться надо не только за царские „грехи, за темные деянья“, но и за всех погибших в поисках правды для земли Русской. Молиться надо и за нас, сугубо грешных, бессильных, безвольных и безнадежных путаников. Не оправданием, а лишь смягчением нашей вины может быть то обстоятельство, что мы запутались в паутине, сотканной из трагических противоречий нашего века»^[552].

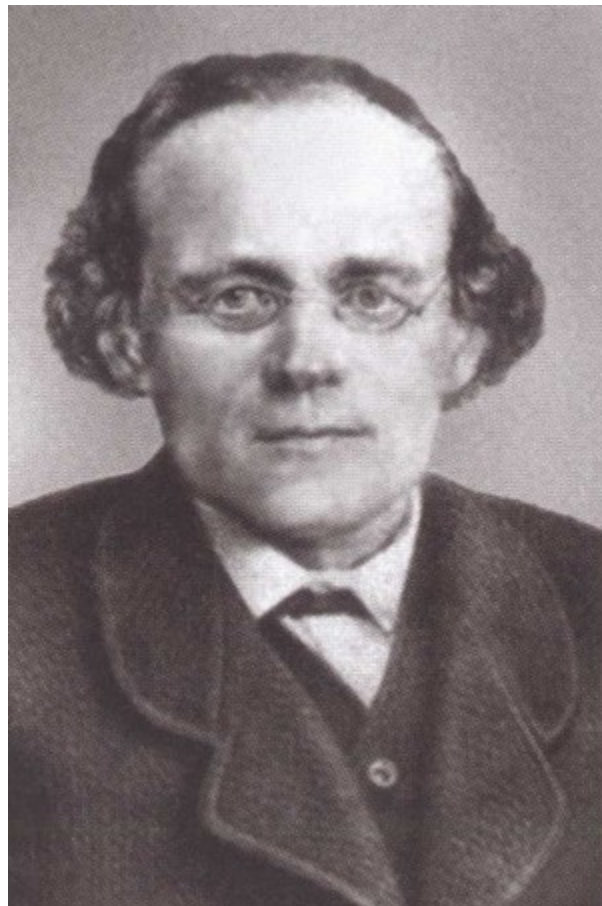
Достаточно ли этого покаяния, чтобы закончить его жизнеописание?

Еще добавим одну милую нашему сердцу мысль Федора Тютчева: «Истинный защитник России — это история. Историей в течение трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу».

Октябрь 2013 года.

*Москва — Галлиполи — София — Прага — Любляна
— Москва*

ИЛЛЮСТРАЦИИ

***Виталий Яковлевич Шульгин — отец Василия
Шульгина***

Дмитрий Иванович Пихно — отчим

Киев. Крещатик в начале XX века

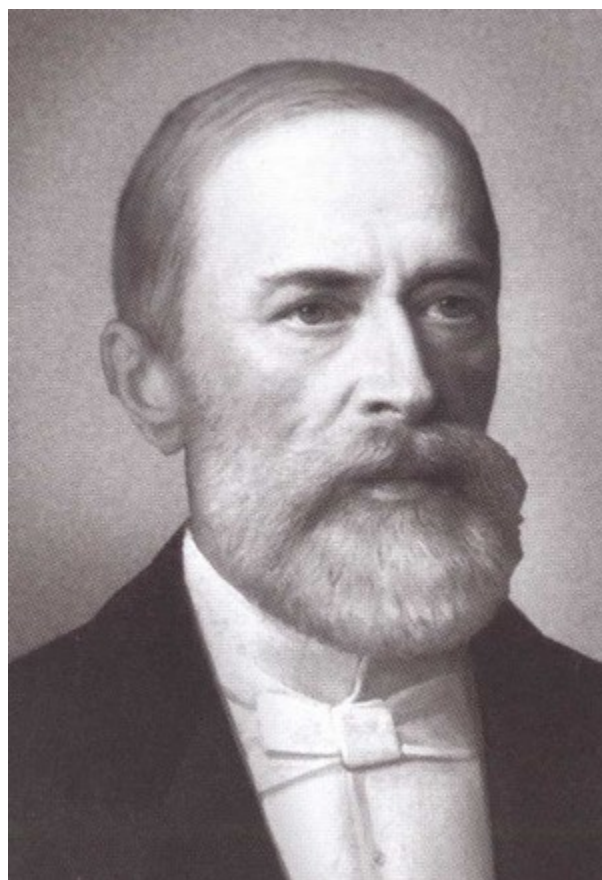
Василий Витальевич Шульгин. 1907 (?) г.

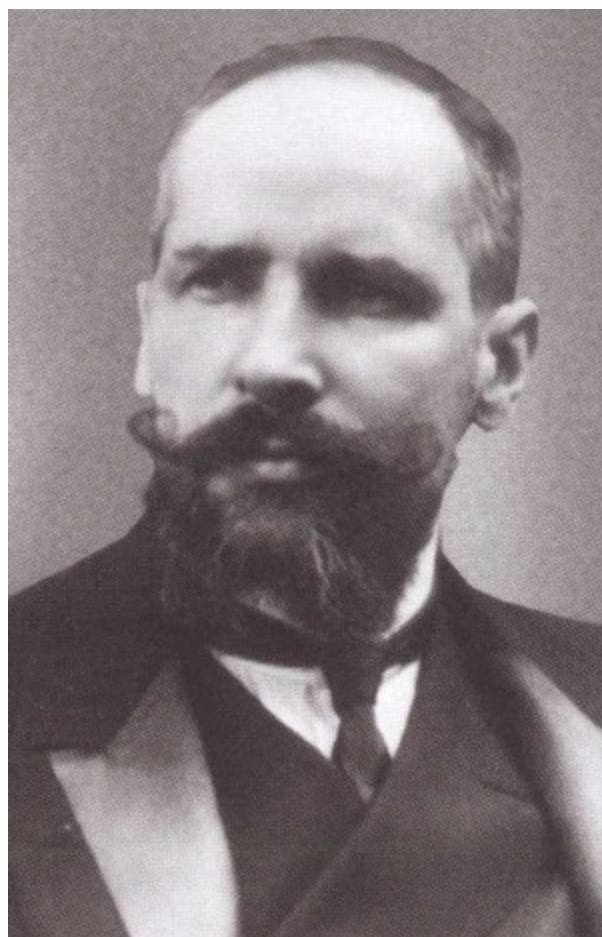
***Екатерина Григорьевна Шульгина, урожденная
Градовская. 1922 г.***

Члены II Государственной думы от Волынской губернии. В. В. Шульгин — в первом ряду крайний справа

***Николай Христианович Бунге — крестный отец
В. В. Шульгина***

Петр Аркадьевич Столыпин

Завтра **ГЕРО и ЛЕАНДРЪ**
Коло-ди-Риенци.
Хорошо-бы — купнуть за чужой счет,

Один из номеров газеты «Киевлянин», основанной отцом В. В. Шульгина

Василий Алексеевич Маклаков

Владимир Митрофанович Пуришкевич

Менахем Мендель Бейлис под стражей

Император Николай II, императрица Александра Федоровна и наследник престола цесаревич Алексей

***Генерал от инфантерии Михаил Васильевич
Алексеев***

***Генерал от кавалерии великий князь Николай
Николаевич-младший***

***Генерал от инфантерии Николай Владимирович
Рузский***

***Генерал от артиллерии Алексей Алексеевич
Маниковский***

Петр Бернгардович Струве

Павел Николаевич Милюков

В. В. Шульгин (второй слева) на Юго-Западном фронте. 1917 г.

Владимир Николаевич Коковцов

Александр Иванович Гучков

***Военная комиссия Временного комитета
Государственной думы. Таврический дворец. 8
марта 1917 г.***

***Феликс Юсупов со своей невестой Ириной
Александровной. 1913 г.***

Великий князь Дмитрий Павлович

Тело убитого Григория Распутина. 1916 г.

Александр Иванович Коновалов

Александр Федорович Керенский

***Члены Временного исполнительного комитета
Государственной думы. В. В. Шульгин — крайний
слева во втором ряду. Февраль 1917 г.***

Михаил Иванович Терещенко

Павел Павлович Рябушинский

Снос памятника П. А. Столыпину в Киеве. Март 1917 г.

Генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов

***Генерал-лейтенант барон Петр Николаевич
Врангель***

**Номер газеты «Киевлянин» с обращением генерала
А. И. Деникина к населению Малороссии. 21
августа 1919 г.**

***Император Германской империи Вильгельм II
(слева) и гетман Скоропадский на встрече в Ставке
Верховного командования в Спа в августе 1918
года***

Делегаты III Украинского военного съезда на митинге по случаю принятия III Универсала Центральной рады. В центре — С. В. Петлюра, В. К. Винниченко и М. С. Грушевский. Киев. 7 ноября 1917 г.

Киевляне записываются в белую Добровольческую армию. Осень 1919 г.

***1-я Украинская дивизия «синежупанников» на
полевых занятиях. 1918 г.***

«У горящего здания». Рисунок из одесского журнала времен Первой мировой войны. Май 1917 г.

Василий Витальевич Шульгин в эмиграции

А. Н. Гришин-Алмазов (в центре) с чинами своего штаба. Ориентировочно лето 1918 г.

***Французский патруль на улице Одессы. Зима
1918/19 г.***

Григорий Иванович Котовский. 1925 г.

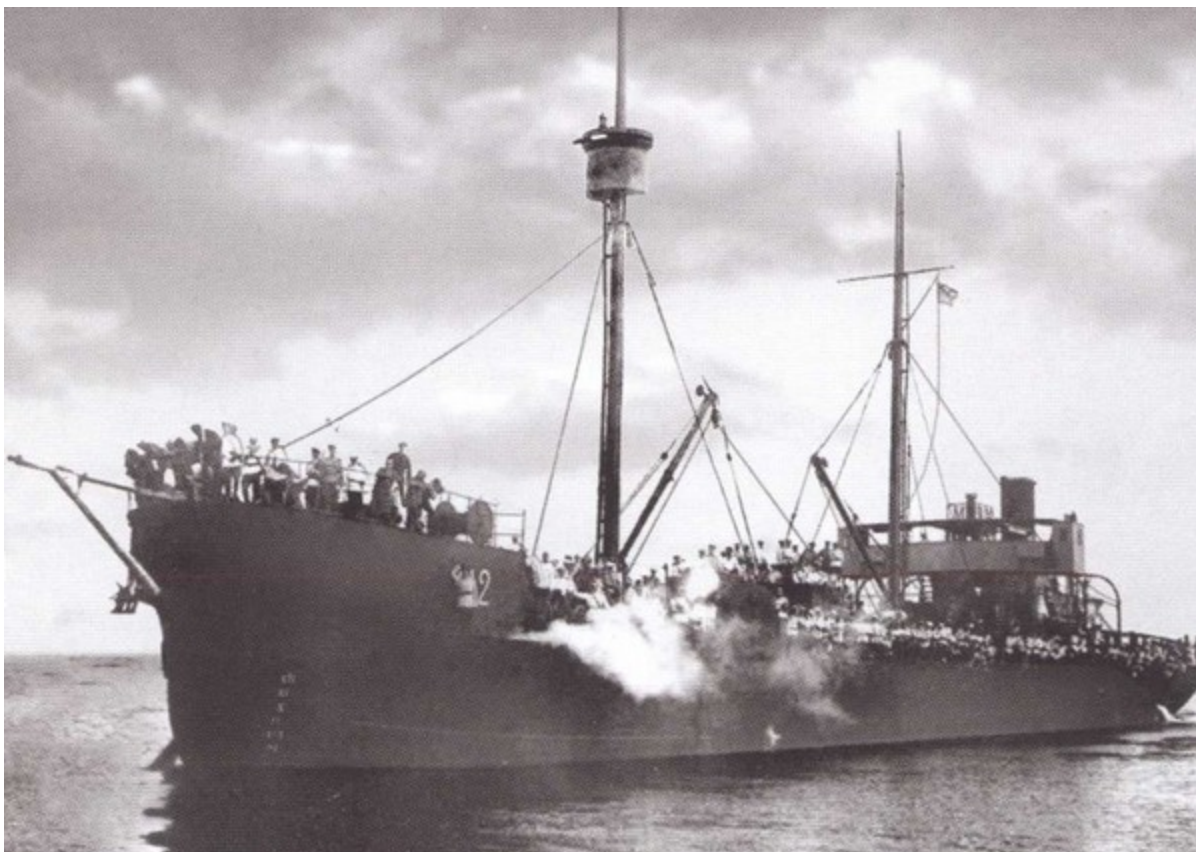
Вера Холодная. 1917 г.

***Вступление кавалерийской бригады Котовского в
Одессу. Февраль 1920 г.***

***Суда на рейде Одессы в дни эвакуации белых.
1919 г.***

Военный транспорт с галлиполийцами

***Генерал от инфантерии Александр Павлович
Кутепов***

***Генерал от кавалерии Абрам Михайлович
Драгомиров***

Штаб 1-го армейского корпуса. Галлиполи

***Теоретики евразийства: П. Н. Савицкий,
Н. С. Трубецкой, П. П. Сувчинский***

Русская колония во главе с Врангелем на вокзале в городе Сремски Карловцы. 3 ноября 1926 г.

***Мария Дмитриевна Шульгина (урожденная
Седельникова). Югославия. Сремски Карловцы.
1930-е гг.***

***Интерьер в доме Шульгиных. Сремски Карловцы.
1930-е гг.***

Генерал-майор Михаил Федорович Скородумов

Генерал-лейтенант Борис Александрович Штейфон

Юнкера 1-й роты 1-го полка Русской охранной группы на привале во время первого боевого похода. Баня-Ковыляча. Ноябрь 1941 г.

***Заседание Комитета освобождения народов
России в Праге (Градчаны). Слева от
выступающего — А. А. Власов. Ноябрь 1944 г.***

***Югославские партизаны вступают в
освобожденный от оккупантов Белград. Октябрь
1944 г.***

***Василий Витальевич Шульгин, заключенный
Владимирской тюрьмы в 1946-1956 годах***

Въездные ворота Владимирской тюрьмы. 1938 г.

Генерал Гельмут фон Паннвиц

Генерал Эрик Хансен

А. А. Власов и бывшие офицеры РОА на суде во время вынесения приговора. 31 июля 1946 г.

Фридрих Маркович Эрмлер

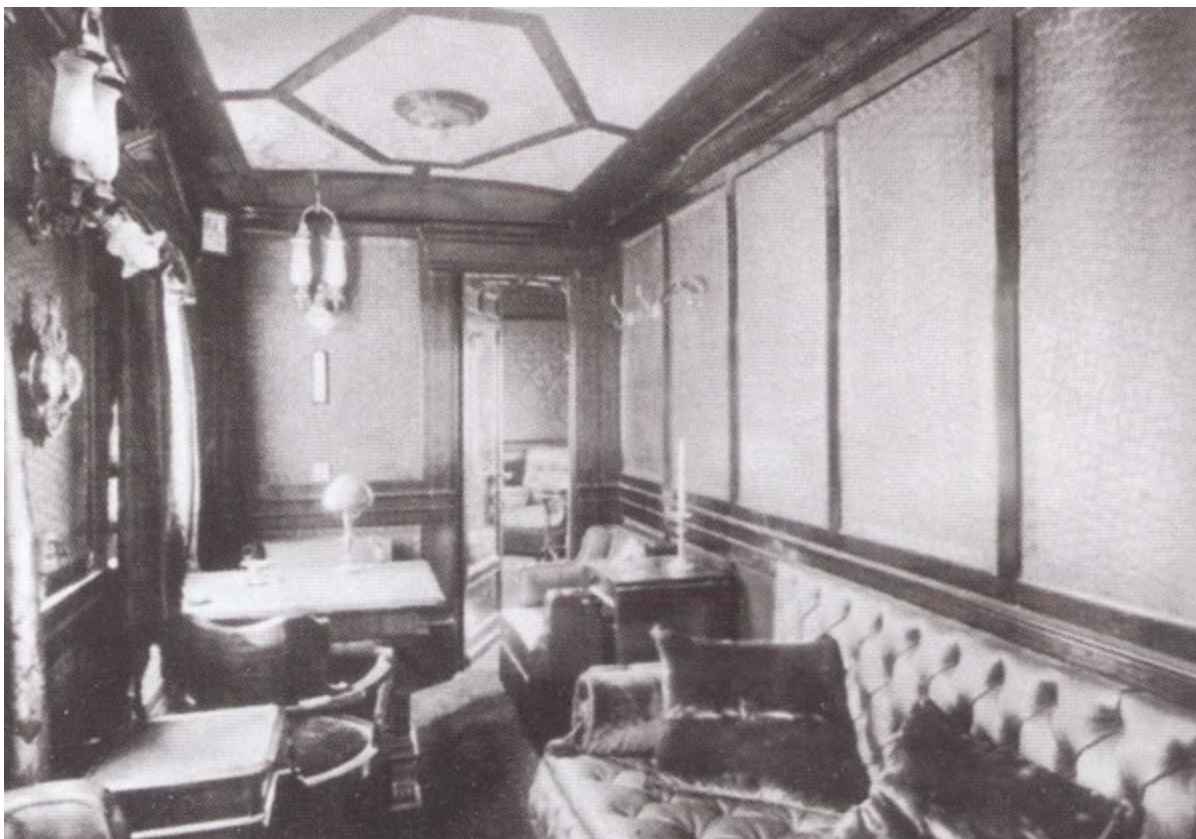
Филипп Денисович Бобков

Обложки книг В. В. Шульгина

Кадр из к/ф «Перед судом истории». В. Шульгин и артист С. Свистунов. 1964 г.

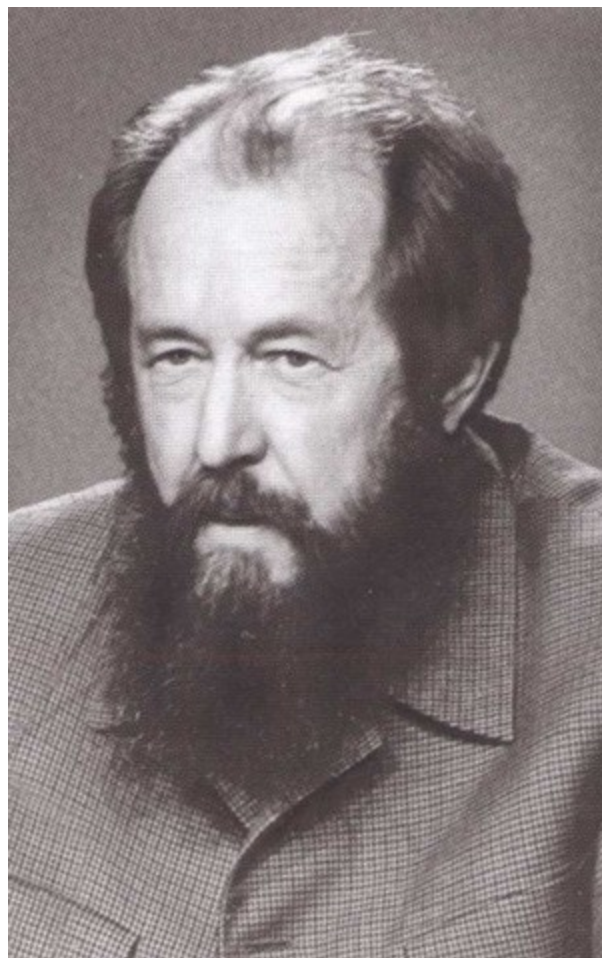
***Царский поезд. Вагон-кабинет императора
Николая II***

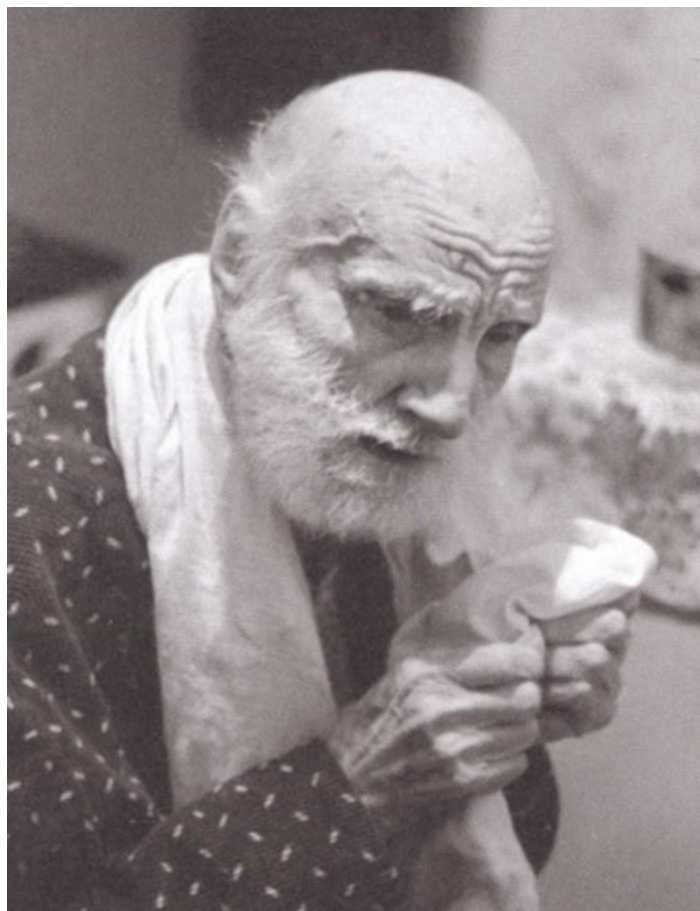
***Мария Дмитриевна Шульгина. Гагра. 14 апреля
1965 г.***

Дмитрий Анатольевич Жуков

Александр Исаевич Солженицын

***В. В. Шульгин в свой последний день рождения.
Фото И. А. Пальмина***

***Похороны В. В. Шульгина на кладбище в
Байгушах. 17 февраля 1976 г.***

Пам'ятник на могиле В. В. Шульгина на кладбище в Байгушах

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. В. ШУЛЬГИНА

1878, 1 (13) января — Василий Витальевич Шульгин родился в Киеве в семье профессора Киевского императорского университета Святого Владимира Виталия Яковлевича Шульгина.

Смерть В. Я. Шульгина.

1880 — мать Василия Шульгина Мария Константиновна выходит замуж за профессора Киевского императорского университета Дмитрия Ивановича Пихно.

1883 — смерть матери Шульгина.

1895 — Вася Шульгин окончил 2-ю киевскую гимназию.

1899 — окончил Киевский императорский университет.

29 января — женитьба на Екатерине Григорьевне Градовской.

20 июня — рождение сына Василида.

1900 — поступил на механическое отделение Киевского политехнического института, спустя год ушел из него.

1901, 31 марта — рождение сына Вениамина.

1902 — служба в армии, получение звания прапорщика запаса инженерных полевых войск.

1903 — переезд в имение Акатовка, затем — в имение Курганы Острожского уезда Волынской губернии. Назначение гласным (депутатом) уездного земства, избрание почетным мировым судьей.

1905 — начало журналистской деятельности, публикация статей в газете «Киевлянин».

10 мая — рождение сына Дмитрия.

Сентябрь — декабрь — призыв на воинскую службу в связи с Русско-японской войной, служба младшим офицером в 14-м саперном батальоне в Киеве.

1907 — избрание В. В. Шульгина депутатом Второй и Третьей Государственной думы. Избрание почетным председателем Острожского уездного отделения Союза русского народа.

1913, *27 сентября* — Шульгин публикует в «Киевлянине» статью с критикой действий правительственных органов в деле Бейлиса.

Смерть Д. И. Пихно.

1914 — Шульгин добровольно поступает на службу в 166-й пехотный Ровненский полк, ранен в атаке под крепостью Перемышль. Заведует фронтовым питательно-перевязочным пунктом в санитарном отряде Юго-Западной земской организации.

1915 — увольнение с воинской службы. Избрание заместителем председателя думской Комиссии по обороне, членом Особого совещания по обороне, заместителем председателя бюро Прогрессивного блока.

1917, *2 марта* — В. В. Шульгин принял отречение императора Николая Александровича Романова от престола (совместно с А. И. Гучковым).

6 (19) июля — отъезд в Киев. Василий Витальевич возглавляет внепартийный русский избирательный блок по выборам в городскую думу. Избран гласным Киевской городской думы.

30 августа (12 сентября) — арестован в Киеве по постановлению Комитета по охране революции в связи с мятежом генерала Корнилова; *2 (15) сентября* освобожден.

8-10 (2-23) августа — участие в совещании общественных деятелей в Москве, избран членом бюро по организации общественных сил.

14 (27) августа — участие в Государственном совещании в Москве. *Ноябрь* — поездка в Новочеркасск, Шульгин записывается в Алексеевскую офицерскую организацию (прообраз Добровольческой армии), получает приказ генерала Алексеева возвращаться в Киев, формировать и направлять на Дон офицерские отряды.

1918, январь — арестован вступившими в Киев красными частями, освобожден при содействии видного коммунистического деятеля Г. Пятакова.

28 февраля (10 марта) — В. В. Шульгин публикует в «Киевлянине» антигерманскую статью и закрывает газету, не желая сотрудничать с немецкой администрацией на Украине. Создает разведывательную организацию «Азбука».

Август — совместно с генералом А. М. Драгомировым разрабатывает положение об Особом совещании (правительстве) при главнокомандующем Добровольческой армией, становится членом Особого совещания. Начинает выпуск газеты «Россия», затем «Великая Россия» (выходила в Екатеринодаре, Ростове, Одессе, Курске, Крыму).

1 (14) декабря — гибель Василида в бою с петлюровцами в Киеве.

1918, декабрь — 1919, апрель — представитель генерала Деникина, политический советник генерала А. Н. Гришина-Алмазова в Одессе. Создает избирательный Христианский блок, побеждающий на выборах в Одесскую городскую думу. Активизирует в Одессе деятельность «Азбуки».

1919, август — декабрь — возвращение Шульгина в Киев с частями Добровольческой армии, выпуск «Киевлянина», активное участие в формировании региональной власти.

8 октября — публикует статью «Пытка страхом», адресованную киевским евреям с предложением покаяться за участие соплеменников в казнях киевской ЧК.

1919, декабрь — 1920, январь — белые оставляют Киев. В. В. Шульгин формирует в Одессе вооруженный отряд. Вместе с женой и двумя сыновьями совершает с боями пеший поход в отряде полковника В. А. Стесселя к румынской границе.

1920, февраль — сентябрь — подпольная деятельность в занятой большевистскими войсками Одессе. Бегство с сыновьями в Крым. Знакомство с Марией Седельниковой. Неудачные попытки освободить арестованного (потом расстрелянного) племянника Филиппа Могилевского.

Ноябрь — декабрь — переезд Шульгина в Константинополь к генералу Врангелю. Поиск пропавшего во время обороны Крыма сына Вениамина. Новая попытка искать сына в занятом красными Крыму.

1921-1922 — член Русского совета (созданное генералом Врангелем правительство в изгнании). Издает в Софии книгу «Дни».

1922-1925 — проживание в Болгарии, Чехии, Германии, Франции. Василий Витальевич сотрудничает с русскими эмигрантскими газетами и журналами. Развод с Екатериной Григорьевной.

1924, 21 сентября — женитьба на Марии Седельниковой.

1925, декабрь — 1926, февраль — путешествие в СССР под эгидой чекистской организации «Трест».

1927 — публикация в Париже и Берлине книги «Три столицы» о путешествии в СССР.

1929 — публикация в Париже книги «Что нам в них не нравится. Об антисемитизме в России».

1930 — Шульгин отходит от политической деятельности, переселяется в Югославию, работает в

строительной фирме в Дубровнике. Избран членом правления Союза русских писателей и журналистов. Читает лекции молодым белоэмигрантам.

1933 — вступает в НТСНП.

1934, 24 апреля — самоубийство Екатерины Григорьевны.

1939 — В. В. Шульгин издает в Белграде книгу «Украинствующие и мы».

1944, декабрь — задержан военной контрразведкой Смерш.

1947, 12 июля — приговорен Особым совещанием при МВД СССР к 25 годам тюремного заключения за антисоветскую деятельность.

1956, 14 сентября — освобожден по амнистии. Проживает совместно с вернувшейся из Венгрии женой Марией Дмитриевной в доме инвалидов в городе Гороховце Владимирской области, потом в доме инвалидов во Владимире. Пишет работу «Опыт Ленина» (издана в 1997 году).

1957, март — просит разрешения на выезд за границу для встречи с сыном.

1960 — получает однокомнатную квартиру во Владимире.

1961 — издает отдельной книгой «Письма к русским эмигрантам» (одновременная публикация в газете «Известия»).

1963-1965 — работа над фильмом «Перед судом истории». Консультирование по историческим вопросам А. И. Солженицына и других деятелей культуры.

1968, 27 июля — скончалась М. Д. Шульгина (Седельникова).

1976, 15 февраля — скончался Василий Витальевич Шульгин. Похоронен на кладбище в Байгушах рядом с женой.

2001, 12 ноября — реабилитирован по заключению Генеральной прокуратуры РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Документы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ): Ф. 5802. Оп. 1. Д. 53. Л. 150.

Ф. 5826. Оп. 1. Д. 195. Л. 182.

Ф. 5912. Оп. 1. Д. 100 (Фонд П. Струве). Л. 1, 2.

Ф. 5928. Оп. 1. Д. 100. Л. 6-7.

Ф. 5928. Оп. 1. Д. 66. Л. 3.

Ф. 5783. Оп. 1. Д. 362. Л. 140.

Ф. 5783. Оп. 1. Д. 485. Л. 12.

Ф. 5826. Оп. 1. Д. 195. Л. 137.

Ф. 5826. Оп. 1. Д. 195. Л. 45.

Ф. 5974. Оп. 1. Д. 311. Л. 1-96 об.

Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. 1939-1941. М., 2011.

Александр Иванович Гучков рассказывает // Вопросы истории. 1991. № 7-9.

Белая гвардия. Альманах. М., 1977. № 1.

Белый Крым /Сост. С. В. Карпенко. М., 2003.

Белая Россия / Сост. В. Ж. Цветков, Б. С. Пушкарев. М., 2003.

Бисмарк О., фон. Мысли и воспоминания. В 3 т. М., 1940.

Битенбиндер А. Г. Красный Рубикон // Новое русское слово. 1964. 22 марта.

Блок А. А. Последние дни императорской власти // *Блок А. А.* Собрание сочинений. В 6 т. Л., 1982.

Бобков Ф. Д. КГБ и власть. М., 1995.

Брюс Локкарт Р. Г. История изнутри. М., 1991.

Булгаков М. А. Собрание сочинений. В 8 т. СПб., 2013.

Бунин И. Окаянные дни. Лондон; Канада, 1974.

Бурова Н. Ф. Река времен. Вашингтон, 1990.

Бьюкенен Д. Мемуары дипломата. М., 2001.

Витковский В. В борьбе за Россию. Франкфурт-на-Майне, 1963.

Витте С. Ю. Мои воспоминания. В 3 т. М., 1960.

Врангель П. Воспоминания барона Врангеля. В 2 т. М., 1992.

Волков-Муромцев Н. Юность. От Вязьмы до Феодосии. Париж, 1983.

ВЧК — ГПУ. Сборник документов / Сост. Ю. Фельштинский. Беенсон; Вермонт, 1989.

Генерал Кутепов. Сборник статей. Париж, 1934.

Гинс Г. К. Сибирь, союзники, Колчак. М., 2008.

Глобачев К. И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009.

Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. М., 1995. Т. IV.

Гражданская война в СССР. В 2 т. М., 1986.

Гучков А. И. А. И. Гучков в III Государственной думе. 1907–1912. Сборник речей. СПб., 1912.

Дело генерала Корнилова: Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем Корнилове и его соучастниках. Август 1917 — июнь 1918 г. В 2 т. М., 2003.

Деникин А., Лампе А. Трагедия белой армии. М., 1991.

Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1990.

Дневник императрицы Марии Федоровны. — <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6203.php>

Дневники и документы личного архива Николая II. М., 2003.

Документы по истории Гражданской войны. М., 1941. Т. 1.

Евразийский временник. Париж, 1927. Кн. 5.

Евразийский временник. Париж, 1928. Вып. 10.

Жадан П. Русская судьба. Нью-Йорк, 1989.

Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 1915–1918. В 3 т. М., 2013.

Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991.

Исход к Востоку. София, 1921.

Казем-Бек А. Путями Каина // Новая заря (Сан-Франциско). 1949. 19 июля.

Калинин И. Русская Вандея. М.; Л., 1926.

Катков Г. Дело Корнилова. Париж, 1987.

Каратеев М. Белогвардейцы на Балканах. Буэнос-Айрес, 1926.

Коншин Н. Тот самый Шульгин // Российская Федерация сегодня. М., 2008. № 3.

Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2.

Краснов П. На внутреннем фронте. Л., 1927.

Зарождение Добровольческой армии / Сост. С. В. Волков. М., 2001.

Керенский А. Россия на историческом повороте. М., 1992.

Коковцов В. Из моего прошлого. В 2 кн. М., 1992.

Кондратьев Н. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.

Куняев С. Ю. Любовь, исполненная зла. М., 2013.

Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1991.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. М., 1965–1975.

Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. М., 2003.

Лубянка. Сталин и ВЧК — ОГПУ — НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936 / Сост. В. Хаустов, В. Наумов,

Н. Плотникова. М., 2003.

Лубянка и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938 / Сост. В. Хаустов, В. Наумов, Н. Плотникова. М., 2004.

Львов Г. Е., кн. Воспоминания /Сост. Н. В. Вырубов. М., 1998.

Маклаков В. А. Власть и общественность на закате Старой России (воспоминания современника). В 3 ч. Париж, 1936. (Приложение к «Иллюстрированной России».)

Махров П. В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994.

Мельгунов С. Красный террор в России. Нью-Йорк, 1989.

Мещерский В. П. Мои воспоминания. СПб., 1912.

Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991.

Милюков П. Н. История второй русской революции / Сост., коммент. А. В. Репникова. М., 2001.

Михайлов О. Н. Один день с Шульгиным // Новый исторический вестник. 2007. № 16 (2).

Мосолов А. А. При дворе последнего императора: Записки начальника канцелярии Министерства двора. М., 1993.

Мультатули Л. Кругом измена, трусость и обман. Подлинная история отречения Николая II. М., 2013.

Окороков А. В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации. 1920–1990. М., 2003.

Окороков А. В. Фашизм и русская эмиграция. М., 2002.

Орлов В. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. —

http://swathe.narod.ru/Lib/Memoirs/Politic/Orlov_Agent.htm

Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906–1908 гг. М., 2011.

Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927.

Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. М., 1996–2004.

Зеньковский В., протопресв. Пять месяцев у власти. —

http://www.krotov.info/history/20/1910/zenkov_3.htm

Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма. М., 2012.

Николай II и великие князья (Родственные письма к последнему царю). Л.; М., 1925.

Ноблемонт М., де. Какая причина толкнула Генерал-Адъютанта Алексеева предать своего Императора? Б. м. Б. г.

Первые бои Добровольческой армии / Сост. С. В. Волков. М., 2001.

Первый Кубанский «Ледяной поход» / Сост. С. В. Волков. М., 2001.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». 1923–1939. М., 2000.

Политическая история русской эмиграции. 1920–1940. Документы и материалы / Под ред. А. Ф. Киселева. М., 1999.

Пушкин А. С. Капитанская дочка // *Пушкин А. С.* Собрание сочинений. В 10 т. М., 1975.

Пятницкий В. Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории. Минск, 2004.

Разумов А. Б. Подпись императора. — <http://www.samodeijavie.ru/book/export/html/452>)

Революция глазами Второго бюро // Свободная мысль. М., 1997. № 9.

Родзянко М. Крушение империи. Нью-Йорк, 1986.

Родионова А. Мой друг Василий Шульгин. — <http://www.ogoniok.com/archive/1998/4574/39-26-30/>

Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник / Ред. — сост. А. М. Анфимов, А. П. Корелин.

СПб., 1995.

Россия. Энциклопедический словарь. СПб., 1991.

Русская армия в изгнании / Сост. С. В. Волков. М., 2003.

Русская армия на чужбине / Сост. С. В. Волков. М., 2003.

Русские в Галлиполи. Берлин, 1920.

Рутченко-Рутыч Н. Н. Среди земных бурь. М., 2012.

Савич Н. В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993.

Скоропадский П. П. Украина будет! Из воспоминаний // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1994. № 17.

«Совершенно лично и доверительно!» Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951 /Общ. ред., вступ. ст., коммент. О. В. Будницкого. В 3 т. М.; Стэнфорд, 2001.

Солженицын А. И. Красное колесо. Узел третий. Март семнадцатого. Вермонт; Париж, 1986.

Соколов К. Н. Правление генерала Деникина (Из воспоминаний). София, 1921.

Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. 1914–1917. Нью-Йорк, 1960.

Спор о России: В. А. Маклаков — В. В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. / Сост. О. В. Будницкий. М., 2012.

Спроге В. Записки инженера. М., 1999.

Струве П. Дневник политика. 1925–1935. Париж; М., 2004.

Струве П. Б. Patriotica. Россия. Родина. Чужбина. СПб., 2000.

СССР в цифрах в 1987 году. М., 1988.

Сталин И. В. Собрание сочинений. В 13 т. М., 1947–1951.

Столыпин П. А. Переписка. М., 2004.

Столыпин П. А. Речи. Нью-Йорк, 1990.

Судоплатов П. Спецоперации: Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 2001.

Суворин А. С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма 1904–1908 гг. М., 2005.

Судьбы российского крестьянства: Сборник. М., 1996.

Таубе М. А. Зарницы. Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России. 1900–1917. М., 2007.

Троцкий Л. К истории русской революции. М., 1990.

Туркул А. В. Дроздовцы в огне // Дикая дивизия. М., 2007.

Тыркова-Вильямс А. В. Воспоминания. М., 1998.

Устрялов Н. Итальянский фашизм. М., 1999.

Устрялов Н. Национал-большевизм. М., 2005.

Фейхтвангер Л. Москва 1937. М., 1937.

Хрестоматия по отечественной истории: 1914–1945. М., 1996.

Цветаева М. Письма к Анне Тесковой. СПб., 1991.

Центральный Пушкинский комитет в Париже. 1935–1937 / Сост. М. Филин. В 2 т. М., 2000.

Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии. — http://www.krotov.info/history/20/1910/shavelsk_00.htm

Шишов А. В. Кутузов. Фельдмаршал Великой империи. М., 2006.

Шкуро А. Г. Записки белого партизана. М., 1991.

Шульгин В. В. Дни. Л., 1926.

Шульгин В. В. Дни. 1920 год. М., 1989.

Шульгин В. В. Опыт Ленина / Публ., вступ. ст. М. А. Айвазяна // Наш современник. 1997. № 11.

Шульгин В. В. Столыпин и евреи. — http://gosudarstvo.voskres.ru/heald/stolypin/stlp_06.htm

Шульгин В. В. Письма к русским эмигрантам. М., 1961.

Шульгин В. В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны / Сост. Н. Н. Лисовой. М., 2002.

Шульгин. В. В. Что нам в них не нравится. Об антисемитизме в России. СПб., 1992.

Шульгин В. В. Тени, которые исчезают / Сост. Р. Г. Красюков. СПб., 2012.

Шульгин В. В. Три столицы. М., 1991.

Шульгин В. В. Украинствующие и мы. Белград, 1939.

Штейфон Б. А. Кризис добровольчества. Белград, 1928.

Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. В 2 т. М., 2009.

Эфрон С. Записки добровольца. М., 1998.

Исследования

Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.

Алексеев Н. Русский народ и государство. М., 1998.

Айрапетов О. Р. Накануне. Генералы, либералы и предприниматели перед Февралем. Ч. 1. — <http://zapadrus.su/rusmir/istf/391-fevral-1917-I.html>

Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А. С. Снесарева. М., 2002.

Арабески истории. Альманах / Сост. А. И. Куркчи. Вып. 4-5. В 2 т. М., 1996.

Ахиезер А. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск, 2002.

Баринова Е. П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М., 2008.

Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997.

Бердяев Н. А. Судьба России: Сочинения. М., 2004.

Блок А. А. Последние дни императорской власти. — http://az.lib.ni/b/blok_a_a/text_0160.shtml

Боханов А. Н. Николай II. М., 1997.

Брачев В. С. Масоны в России: от Петра I до наших дней. —

http://www.gumer.info/bibliotek_buks/history/masonry/index.php

Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005.

Вандам А. Е. Геополитика и геостратегия / Сост. И. Образцов. М., 2002.

Вебер М. О России / Пер. с нем. А. Кустарева. М., 2007.

Вейдле В. Умирание искусства. М., 2001.

Верт Н. История Советского государства. М., 1995.

Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991.

Волкова И. Русская армия в русской истории. М., 2005.

Волков С. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. М., 2003.

Волков С. Трагедия русского офицерства. М., 2002.

Гараевская И. Петр Пальчинский. М., 1996.

Герлиц В. Германский генеральный штаб. М., 2005.

Гимпельсон Е. Нэп. Новая экономическая политика Ленина — Сталина: Проблемы и уроки. 20-е годы XX века. М., 2004.

Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика России. XIX и начало XX в. Очерки истории и типологии русских банков. М., 1997.

Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. М., 1948.

Гладков Т. Артузов. М., 2009.

Глазьев С. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993.

Головин Н. Н. Наука о войне / Сост. И. А. Вершинина. М., 2008.

Гоман-Голутвина О. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 2006.

Гончаренко О. Белоэмиграция между звездой и свастикой. М., 2005.

Готлиб В. В. Тайная дипломатия во время Первой мировой войны. М., 1960.

Грушевский С. Г. Национальный состав населения города Киева // Малая Русь. Киев, 1918. Вып. 3.

Гучков А. Московская сага: летопись четырех поколений знаменитой купеческой семьи Гучковых. 1780–1936. СПб., 2005.

Дживелегов А. К. Торговля на Западе в Средние века // Арабески истории. Альманах. Вып. 4–5. Каспийский транзит / Сост. А. И. Куркчи. В 2 т. М., 1996.

Дойчер И. Троцкий / Пер. с англ. Т. М. Шуликовой. В 3 т. М., 2006.

Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М., 1999.

Зайцов А. А. 1918: очерки истории русской Гражданской войны. М., 2006.

Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1991.

История России: XX век. М., 1999.

Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М., 2005.

Кара-Мурза С. Гражданская война 1918–1921 — урок для XXI века. М., 2003.

Кара-Мурза С. Советская цивилизация от начала до великой Победы. М., 2004.

Карр Э. Русская революция. От Ленина до Сталина. 1917–1929. М., 1990.

Катков Г. Дело Корнилова. Париж, 1987.

Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н. Парламент самодержавной России: Государственная дума и ее депутаты, 1906–1917. —

<http://rudocs.exdat.com/docs/index-170418.html>

Костомаров Н. Исторические монографии и исследования. СПб., 1896. Т. 11.

Кривошеин К. А. А. В. Кривошеин, его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973.

Кронер Э. Белая армия, черный барон: жизнь генерала Петра Врангеля / Пер. с англ. Т. Н. Тетеревлевой. М., 2011.

Китанина Т. М. Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века. Стратегия выживания, модернизационный процесс, правительственная политика. СПб., 2011.

Китанина Т. М. Мировой аграрный кризис и политика Министерства финансов России в 1880-х — начале 1900-х гг. (к вопросу о модернизации государственных закупок) // Экономическая история. Ежегодник. 2005.

Лаверычев В. Я. Военно-государственный монополистический капитализм в России. М., 1988.

Ларьков Н. С. Гришин-Алмазов Алексей Николаевич // История «белой» Сибири в лицах: Биографический справочник. СПб., 1996.

Леонтьев К. Византизм и славянство // Поздняя осень России. М., 2000.

Леонтьева Т. Вера и прогресс: православное сельское духовенство во второй половине XIX — начале XX в. М., 2002.

Лизунов П. В. Российское общество и фондовая биржа во второй половине XIX и начале XX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2005.

Линдер И., Чуркин С. Красная паутина. Тайны разведки Коминтерна. 1919–1943. М., 2005.

Литвин А. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004.

Лосский Н. О. Характер русского народа. М., 1990.

Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. — http://grwar.ru/library/manikovsky/ms_003.html

Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. М., 2003.

Мельтюхов М. Советско-польские войны. М., 2001.

Минаков С. Военная элита 20–30-х годов XX века. М., 2004.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. XVII — начало XX в. В 2 т. СПб., 1999.

На путях. Сборник. Берлин, 1922.

Нация и империя в русской мысли в начале XX века. М., 2004.

Общественная мысль русского зарубежья. Энциклопедия. М., 2009.

Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Вашингтон, 1981.

Ольденбург С. С. Царствование Николая II. М., 1992.

Пайпс Р. П. Струве: левый либерал. В 2 т. М., 2001.

Осипова Т. В. Классовая борьба в деревне в период подготовки Октябрьской революции. М., 1974.

Пеньковский Д. Д. Эмиграция казачества и ее последствия (1920–1945). М., 2006.

Политическая культура в России. М., 1990. Вып. 4.

Петров Ю. А. Московская буржуазия в начале века. М., 2002.

Петрушин А. Сокровища епископа Гермогена // Родина. 2003. № 4.

Покровский М. Н. Империалистическая война. 1915–1930. М., 2009.

Прянишников Б. Новопоколенцы. Мэриленд, 1986.

Пученков А. «Историк» против Василия Шульгина: о фильме «Перед судом истории» Фридриха Эрмлера (1965) // Русский сборник. Исследования по истории России / Ред. — сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. М., 2011. Т. 10.

Размолодин М. Л. О консервативной сущности черной сотни. Ярославль, 2012.

Ридли Дж. Муссолини. М., 1999.

Рыбас С. Ю. Генерал Кутепов. М., 2000.

Рыбас С. Ю. Московские против питерских. Ленинградское дело Сталина. М., 2013.

- Рыбас С. Ю.* Столыпин. М., 2003.
- Рыбас С. Ю., Рыбас Е.* Сталин. Судьба и стратегия. В 2 т. М., 2007.
- Рыбас С. Ю.* Сталин. М., 2009.
- Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование / Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001.
- Росс Н.* Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982.
- Россия: Век девятнадцатый. Документальная публикация / Ред. Е. Л. Рудницкая. М., 1997.
- Русская военная эмиграция 20-40-х годов. Документы и материалы. В 2 т. М., 1998.
- Русский исторический архив. Прага, 1929. Сб. 1.
- Рутыч Н. Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. М., 2002.
- Савицкий П. Н.* Континент Евразия. М., 1997.
- Савченко В.* Симон Петлюра. Харьков, 2004.
- Сазонов Г. П.* Быть или не быть общине. СПб., 1894.
- Санькова С. М.* Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза. 1908-1917. Орел, 2006.
- Сенин А. С.* Александр Иванович Гучков. М., 1996.
- Серков М.* История русского масонства. 1845-1945. СПб., 1997.
- Соболев А.* Аллен Даллес: войны и тайны. М., 2013.
- Соболев В.* Русская этнокультурная система: внутренние войны за политическую власть и духовную культуру. М., 2007.
- Соколова М. В.* Великодержавность против национализма: Временное правительство и украинская Центральная рада. Февраль — октябрь 1917. — <http://www.hist.msu.ru/labs/ukrbel/sokolova.htm>
- Солженицын А. И.* Двести лет вместе. 1795-1995. В 2 ч. М., 2001.

Солженицын А. И. Красное колесо. Узел третий. Март семнадцатого. Вермонт; Париж, 1986.

Степун Ф. А. Сочинения. М., 2000.

Стратегия выживания, модернизационный процесс, правительственная политика. СПб., 2011.

Суханов Н. Н. Записки о революции. СПб., 1919.

Тарле Е. В. Крымская война. В 2 т. М., 1950.

Тери Э. Экономический обзор России в 1914 году. Париж, 1976.

Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991.

Улам А. Большевики: Причины и последствия переворота 1917 года. М., 2004.

Уткин А. Первая мировая война. М., 2001.

Уткин А. Унижение России. Брест, Версаль, Мюнхен. М., 2004.

Уткин А. Русско-японская война. М., 2005.

Хромов П. А. Экономическое развитие России. М., 1967.

Цветков В. Ж. Белые армии юга России. 1917–1920. М., 2000.

Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронологические работы. М., 2007.

Шанин Т. Революция как момент истины: Россия 1905–1907 гг. — <http://old.russ.ru/antolog/inoe/shanin.htm>

Шванебах П. Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901.

Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. М., 1987.

Шишкин О. Убить Распутина. М., 2000.

Шишов А. Неизвестные страницы Русско-японской войны. М., 2004.

Энгельгардт А. Н. Из деревни. М., 1987.

Эндрю К., Гордиевский О. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1990.

Эпштейн Е. М. Российские коммерческие банки (1864–1914). Роль в экономическом развитии России и их национализация / Пер. с фр. А. А. Елистратова. М., 2011.

Слова благодарности

Книга написана при участии Екатерины Рыбас.

Автор приносит сердечную благодарность Валентину Федоровичу Юркину, Виктору Васильевичу Федорову, Филиппу Денисовичу Бобкову, Лео Антоновичу Бокерии, Алексею Леонидовичу Федотову, Андрею Константиновичу Сорокину, Владимиру Георгиевичу Луневу, Геннадию Ивановичу Козовому, Игорю Юрьевичу Юргенсу, Федору Филипповичу Трушину, Владимиру Анатольевичу Вахромееву, Дмитрию Викторовичу Федорову, Ларисе Владимировне Таракановой.

notes

Примечания

Краснов П. Н. На внутреннем фронте. Л., 1927. С. 17, 15.

Сталин И. В. Сочинения. Т. 14–18. М.; Тверь, 1997–2006. Т. 18. С. 263.

Меньшиков М. О. Письма к ближним. СПб., 1913. С. 125.

Россия. Энциклопедический словарь. СПб., 1991. С. 467.

Леонтьева Т. Вера и прогресс: православное сельское духовенство во второй половине XIX — начале XX в. М., 2002. С. 38.

Волкова И. Русская армия в русской истории. М., 2005. С. 61-62.

Костомаров Н. Исторические монографии и исследования. СПб., 1896. Т. 11. С. 331.

Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 147.

Если читатель увидит аналогию с крахом СССР, автор возражать не будет.

Шульгин В. В. Украинствующие и мы. Белград, 1939.

Михайлов О. Н. Один день с Шульгиным // Новый исторический вестник. 2007. № 16 (2).

Шульгин В. В. Что нам в них не нравится. Об антисемитизме в России. СПб., 1992. С. 39–40.

Шульгин В. В. Тени, которые проходят / Сост.
Р. Г. Красюков. СПб., 2012. С. 44.

Китанина Т. М. Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века. Стратегия выживания, модернизационный процесс, правительственная политика. СПб., 2011. С. 45.

Там же. С. 49-50.

Шванебах П. Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901.

Энгельгардт А. Н. Из деревни: 12 писем. 1872–1887.
М., 1987. С. 631–632.

Баринова Е. П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М., 2008. С. 47.

Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 203.

Революционный радикализм в России: Век девятнадцатый / Ред. Е. Л. Рудницкая. М., 1997.

Бисмарк О., фон. Мысли и воспоминания. В 3 т. М., 1940. Т. 1. С. 243.

Там же. Т. 2. С. 239.

Хромов П. А. Экономическое развитие России. М., 1967. С. 306.

Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. М., 2007. С. 13.

Павлович М. Борьба за Малую Азию // Арабески истории. Альманах. Вып. 4–5. Каспийский транзит / Сост. А. И. Куркчи. В 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 453–454.

Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте.
М., 1993. С. 43.

Столыпин П. А. Переписка. М., 2004. С. 586.

Спор о России: В. А. Маклаков — В. В. Шульгин.
Переписка 1919–1939 гг. / Сост. О. В. Будницкий. М.,
2012. С. 232.

Маклаков В. А. Власть и общественность на закате Старой России (воспоминания современника). В 3 ч. Париж, 1936. С. 414. (Приложение к «Иллюстрированной России».)

Макаров В. Г., Репников А. В., Христофоров В. В.
Василий Витальевич Шульгин: штрихи к портрету // Тюремная одиссея Василия Шульгина. Материалы следственного дела и дела заключенного. М., 2010. С. 64.

Маклаков В. А. Указ. соч. С. 409, 411.

Солженицын А. И. Двести лет вместе (1795–1995). В 2 ч. М., 2001. Ч. 1. С. 375–376.

Шульгин В. В. Дни. Л., 1926. С. 11.

Шульгин В. В. Тени... С. 142.

Солженицын А. И. Двести лет вместе... Ч. 1. С. 428–429.

Шульгин В. В. Дни. С. 12.

Маклаков В. А. Указ. соч. С. 403, 404.

Там же. С. 406.

Шульгин В. В. Дни. С. 16-20.

Суворин А. С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма 1904–1908 гг. М., 2005. С. 410, 411.

Хромов П. А. Экономическое развитие России. М., 1967. С. 438.

Новая жизнь. 1905. 25 ноября / 8 декабря (№ 21).

Суворин А. С. Указ. соч. С. 11.

Вандам Е. А. Геополитика и геостратегия. М., 2002.
С. 185.

Цит. по: *Дойчер И.* Троцкий. Вооруженный пророк. 1879–1921 /Пер. с англ. Т. М. Шуликовой. М., 2006. С. 81.

Суворин А. С. Указ. соч. С. 102.

Бердяев Н. А. Судьба России: Сочинения. М., 2004. С. 493–494.

Политическая культура в России. М., 1990. Вып. 4. С. 221.

Размолодин М. Л. О консервативной сущности черной сотни. Ярославль, 2012. С. 25–31.

Степун Ф. А. Сочинения. М., 2000. С. 390.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. М., 1965–1975. Т. 24. С. 18.

Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 153.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. XVII — начало XX в. В 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 31, 33, 37-38, 42, 47.

Санькова С. М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза. 1908–1917. Орел, 2006. С. 56.

Суворин А. С. Указ. соч. С. 487.

Коло (*польск.*) — круг.

Цит. по: *Шульгин В. В. Тени... С. 581.*

Шульгин В. В. Последний очевидец. М., 2002. С. 32–59.

Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 325.

Тыркова-Вильямс А. В. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 473.

Тюремная одиссея Василия Шульгина. С. 151–152.

Ольденбург С. Указ. соч. С. 413.

Кириянов И. К., Лукьянов М. Н. Парламент
самодержавной России: Государственная Дума и ее
депутаты, 1906-1917. —

<http://rudocs.exdat.com/docs/index-170418.html>

Суворин А. С. Указ. соч. С. 643.

Шульгин В. В. Дни. С. 148–152.

Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика России. XIX и начало XX в. Очерки истории и типологии русских банков. М., 1997. С. 225.

Тюремная одиссея Василия Шульгина. С. 154.

Крестьянские наказы и приговоры // Судьбы
российского крестьянства. М, 1996. С. 72.

Сазонов Г. П. Быть или не быть общине? СПб., 1894.
С. 85-86.

Вейдле В. Умирание искусства. М., 2001. С. 141–143, 255.

Вебер М. О России. М., 2007. С. 52-53.

Цит. по: *Пайпс Р.* Струве: правый либерал 1905–1944. М, 2001. С. 17.

Суворин А. С. Указ. соч. С. 691.

Стенографический отчет Государственной Думы. Третий созыв. Сессия 1. Ч. 3. С. 1598–1600. — Цит. по: Николай II и великие князья (Родственные письма к последнему царю). Л.; М., 1925.

Гучков А. И. А. И. Гучков в III Государственной думе. 1907–1912. Сборник речей. СПб., 1912. С. 49–51, 69.

ГА РФ. Ф. 5974. Оп. 1.Д. 311. Л. 1-96 об.

Шанин Г. Революция как момент истины: Россия 1905-1907-1917— 1922 гг. М.,1997.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 17. С. 32.

Шванебах П. Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901. С. 135–146.

Объяснительная записка к отчету Государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1913 г. Пг., 1914. С. 234-247.

Тэри Э. Россия в 1914 году: Экономический обзор.
Париж, 1986. С. 90.

Столыпин П. А. Переписка. М., 2004. С. 425, 426.

Там же. С. 674.

Таубе М. А. Зарницы. Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России. 1900–1917. М., 2007. С. 147.

Лачаева М. Ю., Наумова Г. Р. Бюджет государства // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. В 2 т. М., 2008. Т. I. С. 320.

Александр Иванович Гучков рассказывает // Вопросы истории. 1991. № 7–9.

Было время, когда и англичане пережили что-то похожее на Столыпинскую реформу и даже на советскую коллективизацию. Когда в конце XV века в Европе вырос спрос на шерсть, овцеводство превратилось в сравнении с земледелием в наиболее доходный бизнес. За этим последовал революционный переворот в национальной экономике. Крупные феодалы стали реформировать свои хозяйства на новый лад, превращать пашни в пастбища и разводить овец. Они захватывали общинные земли, сносили крестьянские усадьбы и целые деревни, а захваченные поля огораживали заборами. Эта жестокая экспроприация называется «огораживание», хотя можно бы назвать ее и «реформой». Одновременно у Церкви была частично изъята земельная собственность и продана по низким ценам дворянам, фермерам, купцам. По смелости и решительности действий английскую элиту можно сравнить с русскими большевиками, но переход от традиционного феодального землепользования к капиталистическому ведению аграрного хозяйства продолжался три столетия. Судьба многих крестьян была трагической: они были вынуждены либо становиться наемными рабочими, либо погибать. Правительство регулировало процесс организации рабочей силы законами, получившими название «кровавое законодательство», принуждавшими обезземеленных крестьян наниматься на работу к новым собственникам. На первый раз за нежелание наниматься и бродяжничество они наказывались плетью до крови, в другой раз им отрезали половину уха, в третий раз они могли быть повешены. За нищенство и бродяжничество угрожали

клеймением, тюрьмой и галерами. Только в первой половине XVI века было повешено 72 тысячи нищих и бродяг, бывших крестьян.

Томас Бекет (1118–1170) — английский канцлер и затем архиепископ Кентерберийский в XII веке, известный конфликтом с королем Генрихом II из-за посягательств последнего на права духовенства. После примирения с королем Тома Бекет был в 1170 году убит в соборе в Кентербери.

Милюков П. Н. Воспоминания. С. 229–230.

Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник / Ред-сост. А. М. Анфимов, А. П. Корелин. СПб., 1995.

Куняев С. Ю. Любовь, исполненная зла. М., 2013. С. 68.

Савич Н. В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993.
С. 39-40.

Там же. С. 42.

Сухомлинов В. А. Воспоминания. Минск, 2005.

Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 285.

Лачаева М. Ю., Наумова Г. Р. Указ. соч. Т. 1. С. 320.

Наследие Ариадны Владимировны Тырковой.
Дневники. Письма. М., 2012. С. 279.

Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991.

Лунева Ю. В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны. 1907–1914. М., 2010. С. 38.

Таубе Ж. 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960. С. 739.— Цит. по: *Лунева Ю. В.* Указ. соч. С. 4.

Шульгин В. В. Тени... С. 111.

Спор о России... С. 235.

Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906–1908 гг. 1906 год. М., 2011. С. 354.

Там же. С. 364.

Там же. С. 360.

Там же. С. 365–366.

Солженицын А. И. Двести лет вместе. Ч. 1. С. 425.

Витте С. Ю. Воспоминания. М., 2010. С. 931–932.

Санькова С. М. Русская партия в России... С. 198.

Сартор В. Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. В 2 т. М., 2009. Т. 1. С. 717-719.

Шульгин В. В. Столыпин и евреи // Правда
Столыпина: Сборник. Саратов, 1999.

Солженицын А. И. Двести лет вместе. Ч. 1. С. 440.

Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. М., 1948.
С. 256.

Солженицын А. И. Двести лет вместе. Ч. 1. С. 435–436.

Волков-Муромцев Н. В. Юность. От Вязьмы до Феодосии. Париж, 1983. С. 75.

Шульгин В. В. Тени... С. 505.

Петров Ю. А. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002. С. 198-205.

Уткин А. И. Вызов Запада и ответ России. М., 1996. С. 163.

Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика. С. 255-256.

Эпштейн Е. М. Российские коммерческие банки, 1864–1914 гг. Роль в экономическом развитии России и их национализация / Пер. с фр. А. А. Елистратова. М., 2011. С. 79.

Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика. С. 155.

Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Киев, 1913.
Т. 3. С. 300.

123

Киевлянин. 1913. 27 сентября. № 266.

Солженицын А. И. Указ. соч. Ч. 1. С. 450.

Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг.
М., 1987. С. 17, 18, 20.

Петров Ю. А. Указ. соч. С. 262.

Там же. С. 270.

Там же. С. 269.

Там же. С. 278-279.

Ильин С. В. Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. В 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 1049-1050.

Петров Ю. А. Указ. соч. С. 274.

Шепелев Л. Е. Указ. соч. С. 169.

Там же. С. 50.

Там же. С. 243.

Савицкий П. Н. Борьба за империю // *Нация и империя в русской мысли в начале XX века.* М., 2004. С. 298.

Лунева Ю. В. Указ. соч. С. 5.

Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. В 2 кн. М., 1992. Кн. 2. С. 65.

Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993. С. 13.

Цит. по: *Уткин А. И.* Первая мировая война. М., 2001.
С. 151.

Покровский М. Н. Империалистическая война: 1915–1930. М., 2009. С. 114.

Кюстин А. Россия в 1839 году. М., 2007. С. 122.

Покровский М. И. //
http://dugward.ru/library/pokrovskiy_m_n/pokrovskiy_m_n_rus_ist1.html

Переслегин С. Ресурсы Будущего: «войны не будет, но будет такая борьба за мир...» // <http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ids=162&ida=2173&idv=2185>

144

Там же.

Казем-Бек А. Путиами Каина // Новая заря. Сан-Франциско, 1949. 19 июля.

Шульгин В. В. Дни. С. 159.

Савич Н. В. Указ. соч. С. 124.

Государственная дума. 1906-1917.
Стенографические отчеты. М., 1995. Т. IV. С. 13-14.

Цит. по: *Виноградов К. Б.* Кризисная дипломатия // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 127.

Греков Б. И. Национальный аспект внешней политики Германии в годы Первой мировой войны. Лига нерусских народов России // Первая мировая война. Пролог XX века. С. 426.

Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте.
М., 1993. С. 160.

Милюков П. Н. Воспоминания. С. 411–412.

Тюремная одиссея Василия Шульгина. С. 155.

Залюбовский А. П. Снабжение Русской Армии в Великую войну 1914-1918 годов винтовками, пулеметами, револьверами и патронами к ним. Белград, 1936. — http://www.grwar.ru/library/Zalubovsky/ZS_01.html

Жаворонков П. День согласия // Компания. М.,
2001.12 ноября. № 43.

Барсуков Е. З. Русская артиллерия в мировую войну. — [http://lib.druzya.org/mem-biogr/war-men/rossia/.view-...v_evgeniy_russkaya_artilleriya_y_mirovuyu_voynu_\(tom_I\).txt.full.html](http://lib.druzya.org/mem-biogr/war-men/rossia/.view-...v_evgeniy_russkaya_artilleriya_y_mirovuyu_voynu_(tom_I).txt.full.html)

Лаверычев В. Я. Военно-государственный монополистический капитализм в России. М., 1988. С. 93.

Барсуков Е. З. Русская артиллерия в мировую войну. — [http://lib.druzya.org/mem-biogr/war-men/rossia/.view-...v_evgeniy_russkaya_artilleriya_v_mirovuyu_voynu_\(tom_1\).txt.full.html](http://lib.druzya.org/mem-biogr/war-men/rossia/.view-...v_evgeniy_russkaya_artilleriya_v_mirovuyu_voynu_(tom_1).txt.full.html)

Шульгин В. В. Дни. С. 49.

Там же. С. 51.

Шавельский Г. И. Воспоминания последнего
протопресвитера русской армии. —
http://www.krotov.info/history/20/1910/shavelsk_00.htm

ГА РФ. Ф. 102. 4 д-во. 1916. Д. 61. Ч. 9. Лит. А. Л. 9–27. — Цит. по: *Глобачев К. И.* Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009.
<http://pseudology.org/Sysk/GlobachevMemo/43.htm>

Лаверычев В. Я. Указ. соч. С. 118.

Гучков А. И. Указ. соч. С. 496.

Гараевская И. А. Петр Пальчинский. Биография инженера на фоне войн и революций. М., 1996. С. 58.

Милюков П. Н. Воспоминания.

Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 565.

Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 1915–1918. В 3 т. М., 2013. Т. 2. С. 176.

Из доклада начальника ГАУ А. А. Маниковского
военному министру с программой заводского
строительства. — <http://istmat.info/node/26355>

*Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии
в мировую войну.* —

http://grwar.ru/library/Manikovsky/MS_003.html

Лизунов П. В. Российское общество и фондовая биржа во второй половине XIX и начале XX в. // Экономическая история: Ежегодник. М., 2005. С. 280.

Глобачев К. И. Указ. соч. — <http://www.fedy-diary.ru/html/072009/glo01.html>

Петров Ю. А. Указ. соч. С. 250.

Боханов А. Н. Николай II. М., 1997. С. 310.

Там же. С. 310.

Боханов А. Н. Указ. соч. С. 315.

Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. М., 2003. С. 39.

178

Там же.

Цит. по: Дневники и документы из личного архива
Николая II. М., 2003. С. 340–342.

Шавельский Г. И. Указ. соч.

Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1991.
С. 182.

Революция глазами Второго бюро // Свободная
мысль. М., 1997. № 9. —
http://scepsis.net/library/id_1905.html

Тойнби А. Постигжение истории. М., 1996. С. 90–91.

Леонтьев К. Византизм и славянство // Поздняя осень России. М., 2000. С. 25–26.

Головин Н. Н. Наука о войне / Сост. И. А. Вершинина.
М., 2008. С. 732.

Там же. С. 732–733.

Глобачев К. И. Указ. соч. — <http://www.fedy-diary.ru/html/072009/glo01.html>

Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 178.

Там же. С. 180–181.

Там же. С. 184.

Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю. М.;Л., 1925. С. 101-102.

Там же. С. 145-147.

Там же.

Шульгин В. В. Тени... С. 115.

Доклад императору Николаю II членов Военно-морской комиссии Государственной думы // *Головин Н. Н.* Указ. соч. С. 734.

Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Ред. П. Е. Щеголева. М.; Л., 1924-1927. Т. 61.

Спиридович А. И. Великая Война и Февральская Революция. 1914-1917 гг. Нью-Йорк, 1960. — http://militera.lib.ru/memo/russian/spiridovich_ai/index.html

Брачев В. С. Масоны в России: от Петра I до наших дней. —

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/masonry/index.php

Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 97.

Государственная дума. Стенографические отчеты.
М., 1995. Т. IV. С. 32.

Там же. С. 42.

Там же. С. 47-48.

Спиридович А. И. Указ. соч. —
<http://militera.lib.ru/memo/russian/spiridovichai/index.html>

Шульгин В. В. Дни. С. 58.

Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 445.

Александр Иванович Гучков рассказывает...

Государственная дума. 1906-1917... С. 49-50.

Деникин А. И. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917 г. С. 105–106.

Там же. С. 77.

Там же. С. 140–144.

Савич Н. В. Указ. соч. С. 187–188.

Спиридович А. И. Указ. соч. —
http://militera.lib.ru/memo/russian/spiridovich_ai/index.html

Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 186–187.

Блок А. А. Последние дни императорской власти. —
http://az.lib.ru/b/blok_a_a/text_0160.shtml

Революция глазами Второго бюро... —
http://scepsis.net/library/id_1905.html

Милюков П. Н. Воспоминания. С. 36.

Государственная дума. 1906–1917... Т. IV. С. 191.

Там же. С. 205.

Савич Н. В. Указ. соч. С. 191.

Шульгин В. В. Тени... С. 116.

Спиридович А. И. Указ. соч. —
http://militera.lib.ru/memo/russian/spiridovich_ai/02.html

Родзянко М. В. Крушение империи. Нью-Йорк, 1986.
С. 212.

Революция глазами Второго бюро... —
http://scepsis.net/library/id_1905.html

Савич Н. В. Указ. соч. С. 210.

Брачев В. С. Масоны в России... —
[http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/masonry/index.
php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/masonry/index.php)

Миллюков П. Н. История второй русской революции /
Сост., коммент. А. В. Репникова. М., 2001. С. 45.

Александр Иванович Гучков рассказывает...

Государственная дума. 1906–1917... Т. IV. С. 152.

Там же. С. 193.

Там же. С. 213.

Там же. С. 227.

Там же. С. 259.

Там же. С. 264.

Особые журналы Совета министров Российской империи. 1917 год. С. 266-267.

Государственная дума. 1906–1917... С. 284–285.

Записки Н. М. Романова // Красный архив. М.; Л., 1931. Т. 6 (49). С. 103.

Глобачев К. И. Указ. соч. — <http://www.fedy-diaiy.ru/html/072009/glo01.html>

Бьюкенен Д. Указ. соч. С. 222.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции.
М., 1991. С. 271. (Репринтное издание 1923 года.)

Палеолог М. Указ. соч. С. 292–293.

Политическое положение России накануне Февральской революции // Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 4 (17). С. 11-13; Революционная пропаганда в армии в 1916-1917 гг. // Там же. С. 49-50.

Русская армия накануне революции // Былое. 1918.
№ 1 (29). С. 157.

Катков Г. М. Февральская революция. М., 1997. С. 58.

Революция глазами Второго бюро... —
http://scepsis.net/library/id_1905.html

Давидсон А. Б. Февраль 1917 года. Политическая жизнь Петрограда глазами союзников // Новая и новейшая история. 2007. № 1.

Шульгин В. В. Дни. С. 98.

Александр Иванович Гучков рассказывает...

Шульгин В. В. Тени... С. 64.

Там же. С. 56.

Гучков А. И. Московская сага: летопись четырех поколений знаменитой купеческой семьи Гучковых. 1780–1936. СПб., 2005. С. 494.

Там же. С. 513.

Государственная дума. 1906–1917... С. 305.

Там же. С. 349.

Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С. 152.

255

Там же. С. 74.

Глобачев К. И. Указ. соч. —
<http://pseudology.oig/Sysk/GlobachevMemo/12.htm>

Спиридович А. И. Указ. соч. —
http://militera.lib.ru/memo/russian/spiridovich_ai/02.html

258

ГА РФ. Ф. 102.00. 1917. Д. 20. Ч. 57. Л. 5-10 об.

259

Там же. Л. 17-19 об.

Лизунов П. В. Указ. соч. С. 282.

261

ГА РФ. Ф. 102. 00. 1917. Д. 20. Ч. 57. Л. 23-32 с.

Шульгин В. В. Тени... С. 150.

Революция глазами Второго бюро... —
http://scepsis.net/library/id_1905.html

Тюремная одиссея Василия Шульгина. С. 155.

Сенин А. С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 95.

Брачев В. С. Указ. соч. —
[http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/masonry/index.
php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/masonry/index.php)

Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 106.

Шульгин В. В. Дни. С. 113-114.

Государственная дума. 1906–1917... С. 350.

Пушкин А. С. Капитанская дочка // Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10 т. М., 1975. Т. 5. С. 344.

Революция глазами Второго бюро... —
http://scepsis.net/library/id_1905.html

Шульгин В. В. Дни. С. 131.

Ноблемонт М., де. Какая причина толкнула Генерал-Адъютанта Алексева предать своего Императора? Б. м., б. г.

Мещерский В. П. Мои воспоминания. СПб., 1912. Ч. 3.
С. 239.

Орлов В. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. —

<http://swathe.narod.ru/lib/memoirs/politic/orlov.agent.htm>

Савич В. Н. Указ. соч. С. 215.

Александр Иванович Гучков рассказывает...

Шульгин В. В. Дни. С. 145–146.

Там же. С. 146-147.

Дневник императрицы Марии Федоровны. —
<http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6203.php>

Шульгин В. В. Дни. С. 161.

Блок А. А. Последние дни императорской власти //
Блок А. А. Собрание сочинений. В 6 т. Л., 1982. Т. 5. С.
534-535.

Шульгин В. В. Дни. С. 161-162.

Блок А. А. Последние дни императорской власти... С. 534-535.

Шульгин В. В. Дни. С. 162.

Блок А. А. Последние дни императорской власти... С.
534-535.

Шульгин В. В. Дни. С. 162–163.

Там же. С. 165.

Разумов А. Б. Подпись императора. —
<http://www.samodejavie.ru/book/export/html/452>

На этот счет есть обстоятельное исследование Петра Мультатули «Кругом измена, трусость и обман. Подлинная история отречения Николая II». (М., 2013.)

Шульгин В. В. Дни. С. 166–168.

Упоминание об этом: *Таубе М. А.* Зарницы.
Воспоминания о трагической судьбе
предреволюционной России. 1900–1917. М., 2007. С. 93.

Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927. С. 243-244.

Дубенский Д. Н. Как произошел переворот в России
// Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев,
документы. Л., 1927. С. 78.

Милюков П. Н. История второй русской революции.
С. 51.

Суханов Н. Записки о революции. Пг., 1919. Кн. 1. С. 256.

Шульгин В. В. Дни. С. 140.

Там же. С. 180–181.

Миллюков П. Н. История второй русской революции.
С. 52.

Суханов Н. Указ. соч. С. 259.

Шульгин В. В. Тени... С. 128.

Там же. С. 131.

Напечатано в «Киевлянине» 16 (29) марта 1917 года. — Цит. по: *Шульгин В. В.* Тени... С. 583.

Милюков П. Н. Воспоминания. С. 489.

См., например: Ярославские губернские ведомости.
1917. № 9-10. С. 109-110.

Енисейская церковная нива. 1917. № 3. С. 20-22.

Симбирские епархиальные ведомости. 1917. № 6. С. 75-76.

Костромские епархиальные ведомости. 1917. № 7. С. 119.

Цит. по: *Хашковский А. В.* Петр Бернгардович Струве
// *Струве П. Б. Patriotica: Россия. Родина. Чужбина.* СПб.,
2000. С. 331.

Петров Ю. А. Указ. соч. С. 248.

Вебер М. О России. М., 2002. С. 116, 117.

Осипова Т. В. Классовая борьба в деревне в период подготовки Октябрьской революции. М., 1974. С. 227–243.

Александр Иванович Гучков рассказывает...

Львов Г. Е., кн. Воспоминания / Сост. Н. В. Вырубов.
М., 1998. С. 254.

Шульгин В. В. Тени... С. 136.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 302.

Там же. С. 315.

Пайпс Р. Струве: правый либерал, 1905–1944 / Пер. с англ. А. Захарова. В 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 305.

Революция глазами Второго бюро... —
http://scepsis.net/library/id_1905.html

Деникин А. И. Указ. соч. С. 424.

Наследие Ариадны Владимировны Тырковой... С.
182.

Репников А. А., Христофоров В. С. Шульгин В. В. //
Общественная мысль Русского зарубежья.
Энциклопедия. М., 2009. С. 623.

Соколова М. В. Великодержавность против национализма: Временное правительство и украинская Центральная рада (февраль — октябрь 1917). — <http://www.hist.msu.ru/labs/ukrbel/sokolova.htm>

324

Там

же.

—

<http://www.hist.msu.ru/labs/ukrbel/sokolova.htm>

Председатель Союза писателей Украины Александр Корнейчук во время Великой Отечественной войны был назначен заместителем министра иностранных дел СССР, он курировал «славянское направление» и вел в 1944 году переговоры с президентом Чехословакии Эдуардом Бенешем о заключении межгосударственного договора.

Докладывая Сталину, Корнейчук сообщил, что Бенеш не соглашается на передачу СССР Прикарпатской Руси, входившей тогда в состав Чехословакии. Сталин посоветовал: «Скажите Бенешу, что он может не доехать до Чехословакии».

Это был намек на недавнюю гибель премьер-министра Польши генерала С. Сикорского — его самолет взорвался над Гибралтаром. Считается, что он был устранен английской разведкой, так как мешал Черчиллю договариваться со Сталиным о послевоенных границах в Европе.

Корнейчук передал слова Сталина Бенешу, тот договор подписал. Закарпатская Русь вошла в состав Украины, но Судеты, где доминирующим населением были немцы, вошли в состав Чехословакии, что, по мысли Сталина, навсегда привязывало Чехословакию к гаранту ее целостности — СССР.

(Эту историю рассказал автору кинорежиссер Владимир Бортко, приемный сын Корнейчука.)

Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. 1939–1941. М., 2011. С. 123.

Спор о России. С. 353.

Революция глазами Второго бюро... —
http://scepsis.net/library/id_1905.html

Шульгин В. В. Тени... С. 145.

Русский исторический архив. Прага, 1929. Сб. 1. С. 18, 38.

Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 284.

Шульгин В. В. Тени... С. 160.

Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 280.

Оболенский В. А. Моя жизнь, мои современники.
Париж, 1988. С. 542.

Деникин А. И. Указ. соч. С. 458–460.

Наследие Ариадны Владимировны Тырковой.
Дневники. Письма. М., 2012. С. 203, 205, 206.

Толстой А. Н. Московское совещание // Русское слово. 1917. 20 августа (2 сентября).

Наследие Ариадны Владимировны Тырковой... С.
208-209.

Там же. С. 279.

Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте.
С. 230.

Там же. С. 239, 240.

Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.). М., 1997. С. 155.

Деникин А. И. Указ. соч. С. 464–465.

Краснов П. Н. На внутреннем фронте. Л., 1927. С. 43.

Александр Иванович Гучков рассказывает...

346

Краснов П. Н. Указ. соч. С. 44.

Солженицын А. И. Двести лет вместе. Т. 2. С. 43.

Шульгин В. В. Тени...С. 289.

Там же. С. 290.

Зарождение Добровольческой армии / Сост.
С. В. Волков. М., 2001. С. 316.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 — апрель 1918 г. М., 1991. С. 224.

Зайцов А. А. Очерки истории русской Гражданской войны. М., 2006. С. 97.

Тюремная одиссея Василия Шульгина. С. 260.

Цит. по: *Бабков Д. И.* Государственные и национальные проблемы в мировоззрении В. В. Шульгина в 1917–1939 годах. М., 2012. С. 187.

Шульгин В. В. Тени... С. 190–191.

Тюремная одиссея Василия Шульгина. С. 260–261.

357

Там же. С. 261.

Мосолов А. А. При дворе последнего императора: Записки начальника канцелярии Министерства двора. М., 1993. С. 183.

Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 335.

360

Цит. по: Международная жизнь. 1997. № 10.

Из интервью, данного мне Зденеком Грабицей, автором наиболее полной биографии Л. Свободы «Пять войн Людвига Свободы».

Скоропадский П. П. Украина будет! Из воспоминаний
// Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1994.
№ 17. С. 97-98.

363

Зайцов А. А. Указ. соч. С. 151.

Шульгин В. В. Тени... С. 198.

Цит. по: *Виноградов К. Б.* Кризисная дипломатия // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 127.

Цит. по: *Будницкий О. В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005. С. 197–198.

Деникин А. И. Очерки русской смуты... Май — октябрь 1918. Минск, 2002. С. 149.

Шульгин В. В. Тени... С. 304.

Шишов А. В. Кутузов. Фельдмаршал великой империи. М., 2006. С. 4, 6.

В последние годы в архивах Тюменского областного управления КГБ были найдены материалы о попытке освобождения царя в период его пребывания в Тобольске, когда его охрана, составленная преимущественно из георгиевских кавалеров под командой полковника Е. С. Кобылинского, долго не получала денег из Петрограда и могла за некую сумму организовать побег царственных узников. Необходимые средства были собраны, переданы вновь избранному патриарху Тихону (Белавину), но тот не стал содействовать освобождению, ограничившись благословением и передачей просфоры.

22 апреля 1918 года в Тобольск прибыла большевистская команда, выплатила задолженность охране и увезла императорскую семью в Екатеринбург (*Петрушин А. Сокровища епископа Гермогена // Родина. 2003. № 4*).

Не исключаем, что в сборе средств могла участвовать и наиболее организованная группа монархистов — киевская.

Спор о России. С. 45.

Деникин А. И. Очерки русской смуты... Январь 1919
— март 1920. Минск, 2003. С. 166.

Ларьков Н. С. Гришин-Алмазов Алексей Николаевич
// История «белой» Сибири в лицах: Биографический
справочник. СПб., 1996. С. 15–17.

Шульгин В. В. Тени... С. 218.

Тюремная одиссея Василия Шульгина. С. 405.

Булгаков М. А. Собрание сочинений. В 8 т. СПб., 2013. Т. 2. С. 965.

Глобачев К. И. Указ. соч. —
<http://pseudology.org/sysk/globachevmemo/12.htm>

Шульгин В. В. Тени... С. 224-225.

Там же. С. 232.

Деникин А. И. Очерки русской смуты... Январь 1919
— март 1920. С. 155.

Врангель П. Н. Воспоминания барона П. Н. Врангеля.
М., 1992. С. 226–227.

Савич В. Н. Указ. соч. С. 300.

Соколов К. Н. Правление генерала Деникина (Из воспоминаний). София, 1921. С. 174.

Зеньковский В., протопресв. Пять месяцев у
власти. —

http://www.krotov.info/history/20/1910/zenkov_3.htm

385

Там же.

Грушевский С. Г. Национальный состав населения города Киева // Малая Русь. Киев, 1918. Вып. 3. С. 54, 57.

Шульгин В. В. Украинствующие и мы. Белград, 1932.
С. 26.

388

1919 год. Фильма в пять тысяч метров // ГА РФ. Ф.
5974. Оп. 1. Д. 18. Л. 4-45.

Ленин Н. О еврейском вопросе в России / Введение С. Диманштейна. М., 1924. С. 17-18. — Цит. по: Солженицын А. И. Двести лет вместе. Т. 2. С. 78-79.

Шульгин В. В. Что нам в них не нравится. СПб., 1992.
С. 75.

Лампе А. А., фон. Причины неудачи вооруженного выступления белых// Деникин А. И., Лампе А. А., фон. Трагедия белой армии. М., 1991. С. 28.

Там же. С. 76.

Пасманик Д. С. Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм). Париж, 1923. С. 157. — Цит. по: *Солженицын А. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 101.

Шульгин В. В. Тени... С. 289–380.

Шульгин В. В. Что нам в них не нравится. С. 81–82.

Солженицын А. И. Указ. соч. Т. 2. С. 120.

Деникин А. И. Очерки русской смуты... Январь 1919
— март 1920. С. 121.

Там же. С. 119-120.

Тюремная одиссея Василия Шульгина. С. 167–168.

Штейфон Б. А. Кризис добровольчества. Белград, 1928. — http://www.dkl868.ru/history/krizis_dobr.htm

«Совершенно лично и доверительно!»:
Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951 /
Под ред. О. Будницкого. В 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 119.

Битенбиндер А. Г. Красный Рубикон // Новое русское слово. 1964. 22 марта.

Штейфон *Б.* *А.* *Указ.* *соч.* —
http://www.dkl868.ru/history/krizis_dobr.htm

Врангель П. Н. Записки... Франкфурт-на-Майне,
1969. С. 258-259.

1818 *Глобачев К. И.* Указ. соч. —
<http://pseudology.org/sysk/globachevmemo/12.htm>

Русская военная эмиграция 1920–1940-х годов.
Документы и материалы. В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 154.

Савич В. Н. Указ. соч. С. 86.

Соколов К. Н. Указ. соч. С. 199.

Устрялов Н.В. Patriotika // Политическая история русской эмиграции. 1920–1940. С. 181.

Шульгин В. В. Дни. 1920 год. М., 1989. С. 323.

Глобачев К. И. Указ. соч. —
<http://pseudology.org/sysk/globachevmemo/12.htm>

412

Кадетские корпуса за рубежом, 1920–1945.
Монреаль, б. г.

Шульгин В. В. Дни. 1920 год. С. 372.

Тюремная одиссея Василия Шульгина. С. 266.

Шульгин В. В. Дни. 1920 год. С. 433.

Врангель П. Н. Воспоминания... Т. 2. С. 73–75.

Эфрон С. Записки добровольца. М., 1998. С. 167.

Шульгин В. В. Дни. 1920 год. С. 462–464.

Там же. С. 465–466.

Якушкин Е. Французская интервенция на Юге. М., 1929. С. 77.

Даватц В., Львов Н. Русская армия на чужбине // Русская армия на чужбине /Сост. С. В. Волков. М., 2003. С. 38.

Кривошеин К. А. Александр Васильевич Кривошеин.
Судьба российского реформатора. М., 1993. С. 254.

«Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 239–241.

Савич В. Н. Указ. соч. С. 388.

Желтов В. Пред судом истории — депутат Государственной думы // Сибирские огни. 2008. № 9. — <http://www.sibogni.ru/archive/87/1046>

Тюремная одиссея Василия Шульгина. С. 171.

Бурова Н. Ф. Река времен. Вашингтон, 1990. С. 186–191.

Русская военная эмиграция 1920–1940-х годов. Т. 1.
С. 63.

Шульгин В. В. Три столицы. М., 1991. С. 7.

Шульгин В. В. Дни. 1920 год. С. 527–528.

Жуков Д. А. Ключи к «Трем столицам» // Шульгин В. В. Три столицы. М., 1991. С. 412.

432

Там же. С. 413.

Шульгин В. В. Тени... С. 275.

Там же. С. 272.

Спор о России. С. 51.

436

Там же. С. 55, 57.

Спор о России. С. 64–68.

Тюремная одиссея Василия Шульгина. С. 269.

Соболев А. Аллен Даллес: тайны и войны. М., 2013.
С. 128.

Тюремная одиссея Василия Шульгина. С. 269.

Тюремная одиссея Василия Шульгина. С. 269–271.

Шульгин В. В. Тени... С. 286.

Спор о России. С. 87.

444

ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 100. Фонд П. Струве. Л. 3.

Флоровский Г. В. О патриотизме праведном и греховном // На путях. Берлин, 1922. С. 240–243.

Окороков А. Фашизм и русская эмиграция. М., 2002.
С. 21.

Устрялов Н. Итальянский фашизм. М., 1999. С. 77.

Хананатом Шульгин называл самодержавное устройство Монгольского государства.

Спор о России. С. 261.

Шульгин В. В. Тени... С. 299.

Там же. С. 305.

Шульгин В. В. Тени... С. 307.

453

Там же. С. 308.

Там же. С. 361.

455

ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 362. Л. 140.

456

Там же. Ед. хр. 485. Л. 12.

Шульгин В. В. Тени... С. 349–350.

458

Сообщил А. Б. Арсеньев.

Шульгин В. В. Тени... С. 356.

460

Там же. С. 364–365.

«Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 347.

Цит. по: *Мозохин О.* ВЧК — ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М., 2004. С. 23.

Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 207, 208.

Минаков С. Сталин и его маршал. М., 2004. С. 311.

Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М., 2005. С. 248.

Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 120.

Сталин И. В. Собрание сочинений. В 13 т. М., 1946–1952. Т. 7. С. 273.

468

Там же. Т. 8. С. 121.

Шульгин В. В. Три столицы. С. 45.

470

Там же. С. 338.

471

Там же. С. 315.

472

Там же. С. 61.

Там же. С. 70-72.

Бунин И. Окаянные дни. Лондон; Канада, 1974. С. 30, 31.

Шульгин В. В. Три столицы. С. 293.

476

Там же. С. 145.

477

Там же. С. 298.

Там же. С. 196–197.

Шульгин В. В. Тени... С. 369.

Тюремная одиссея Василия Шульгина. С. 452.

Вейдле В. В. Задача России. Нью-Йорк, 1956. С. 105.
— Цит. по: *Сергеев С. М.* Вейдле Владимир Васильевич //
Общественная мысль Русского зарубежья.
Энциклопедия. М., 2009. С. 236.

«Совершенно лично и доверительно!» Т. 3. С. 297.

Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. М., 1996. Т. 2. С. 127.

«Совершенно лично и доверительно!» Т. 3. С. 342–345.

Поездка Шульгина // Руль. 1927. 13 октября. — Цит.
по: Спор о России. С. 277.

Спор о России. С. 285–286.

Там же. С. 275.

488

Там же. С. 291.

489

Там же. С. 303.

490

Там же.

Там же. С. 303–304.

Там же. С. 305–306.

Шульгин В. В. Что нам в них не нравится. С. 30, 34-36.

Там же. С. 62.

Там же. С. 104–105.

496

Там же.

Шульгин В. В. Что нам в них не нравится. С. 112–116.

498

Там же. С. 84.

499

Там же. 204-207.

500

Там же. С. 269.

501

Там же.

Бикерман И. Россия и русское еврейство // *Шульгин В. В.* Что нам в них не нравится. С. 276–285.

Спор о России. С. 368–374.

Там же. 377-382.

Там же. С. 385, 386.

Там же. С. 289-292.

Деникин А. И. Очерки русской смуты... Январь 1919
— март 1920. С. 307.

Шульгин В. В. Тени... С. 589.

Спор о России. С. 383.

Шульгин В. В. Тени... С. 418–419.

Там же. С. 53-54.

Там же. С. 576-577.

НТС: мысль и дело. М., 2000. С. 16.

Шульгин В. В. Тени... С. 437.

Прянишников Б. Новопоколенцы. Мэриленд, 1986. С. 133.

Тюремная одиссея Василия Шульгина. С. 181–182.

517

Там же. С. 221.

Там же. С. 223.

Волков С. В., Стрелянов (Калабухов) П. Н. Чины Русского корпуса. М., 2009. С. 389.

Прянишников Б. Указ. соч. С. 226.

521

НТС: мысль и дело. С. 22.

Штрик-Штрикфельд В. Против Сталина и Гитлера.
Генерал Власов и Русское освободительное движение.
М., 1993. С. 144.

523

НТС: мысль и дело. С. 28.

Россия в войнах XX века. Потери вооруженных сил.
Статистическое исследование / Под общ. ред.
Г. Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 463.

Рутченко-Рутыч Н. Н. Среди земных бурь. М., 2012. С. 382.

Прянишников Б. Новопоколенцы. С. 276.

527

Тюремная одиссея Василия Шульгина. С. 308.

Шульгин В. В. Тени... С. 451.

Тюремная одиссея Василия Шульгина. С. 294–295.

Шульгин В. В. Тени... С. 482–484.

Тюремная одиссея Василия Шульгина. С. 300.

Фейхтвангер Л. Москва 1937. М., 1937. С. 92.

533

Михаилов О. Н. Указ. соч. —
http://www.nivestnik.ru/2007_2/8.shtml

Галаншина Т. Г., Закурдаев И. В., Логинов С. Н.
Владимирский централ. — Цит. по: *Макаров В. Г.,*
Репников А. В., Христофоров В. В. Василий Витальевич
Шульгин: штрихи к портрету // Тюремная одиссея
Василия Шульгина. С. 81-82.

Шульгин В. В. Письма к русским эмигрантам. М., 1961.

Бобков Ф. Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 264.

Там же. С. 266.

538

Перед судом истории // Советский экран. 1965. № 21.

Жуков Д. А. Ключи к «Трем столицам» //
Шульгин В. В. Три столицы. С. 491.

540

ЦГАЛИ СПб. Ф. 166. Оп. 2. Д. 387. Л. 14-15, 17.
(Письма Шульгина Эрмлеру.)

541

ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 262. Л. 1. (Письмо
Шульгина Л. Ф. Ильичеву.)

Перед судом истории...

543

ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 493. Л. 26-32. (Письмо
В. В. Шульгина М. Д. Шульгиной. Ноябрь 1963 года.)

Там же. Д. 313. Л. 36–37, 43. (Заметки В. В. Шульгина к сценарию фильма «Дни». Август 1963 года.)

Лисовой Н. Н. Предисловие // *Шульгин В. В.*
Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны / Сост.
Н. Н. Лисовой. М., 2002. С. 22.

Шульгин В. В. Опыт Ленина // Наш современник.
1997. № 11.

Коншин Н. Тот самый Шульгин // Российская Федерация сегодня. 2008. № 3.

Родионова А. Мой друг Василий Шульгин. —
<http://www.ogoniok.com/archive/1998/4574/39-26-30>

СССР в цифрах в 1987 году. М., 1988. С. 32–33.

550

Родионова А. Указ. соч.

Шульгин В. В. Тени... С. 568.

Шульгин В. В. Последний очевидец. С. 30, 31.